

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ЮЖНО-РОССИЙСКИЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ**

ISSN 2079-1690

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ
И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ.
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ**

*Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные
результаты диссертаций на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук
по группам научных специальностей:
5.2. Экономика; 5.4. Социология; 5.5. Политология*

№ 2

**Ростов-на-Дону
2024**

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ.
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ**

*Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-71827
от 08 декабря 2017 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)*

*Учредитель – Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»*

Главный редактор	ИГНАТОВА Т. В. , Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор
Зам. главного редактора	ЧЕРКАСОВА Т. П. , доктор экономических наук, профессор

Члены редколлегии:

Alexakis Christos, PhD, Professor, Business School Renne (France); *Eugene Nivorozhkin*, PhD, Associate Professor in Finance, School of Slavonic and East European Studies, University College, London (Great Britain); *Ford Lumban Gaol*, PhD, University Bina Nusantara, Jakarta (Indonesia); *Атанесян А. В.*, докт. полит. наук, проф., Ереванский государственный университет (Армения); *Султонов З. С.*, канд. экон. наук, доц., Таджикский государственный университет коммерции (Таджикистан), *Кадол Н. Ф.*, докт. экон. наук, доц., Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины (Беларусь); *Ушаков Д. С.*, докт. экон. наук, проф., Suan Sunandha Rajabhat University (Bangkok, Thailand);

Арсеньева В. А., докт. экон. наук, доц.; *Дзахова Л. Х.*, докт. полит. наук, проф.; *Дробышевская Л. Н.*, докт. экон. наук, проф.; *Змияк С. С.*, докт. экон. наук, доц.; *Золочевская Е. Ю.*, докт. экон. наук, проф.; *Кислицын С. А.*, докт. ист. наук, проф.; *Козлюк Н. В.*; докт. экон. наук, доц.; *Колядин А. П.*, докт. экон. наук, проф.; *Крюкова Е. М.*, докт. экон. наук, проф.; *Миляева Л. Г.*, докт. экон. наук, проф.; *Овчаренко Р. К.*, докт. социол. наук, доц.; *Понеделков А. В.*, Заслуженный деятель науки РФ, докт. полит. наук, проф.; *Попова Е. А.*, докт. полит. наук, доц.; *Скворцов Н. Г.*, докт. социол. наук, проф.; *Сологуб В. А.*, докт. социол. наук, проф.; *Чернова О. А.*, докт. экон. наук, доц.

Адрес редакции: 344002, г. Ростов н/Д, ул. Пушкинская, 70/54.

Тел. 8-863-279-41-62,

e-mail: pustovalova-nn@ranepa.ru

<http://upravlenie.uriu.ranepa.ru/>

**RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY
AND PUBLIC ADMINISTRATION
SOUTH-RUSSIA INSTITUTE OF MANAGEMENT**

ISSN 2079-1690

**STATE AND MUNICIPAL MANAGEMENT.
SCHOLAR NOTES**

*The journal is included into the list of reviewed scientific publications
where main research results of dissertations for the degree of Candidate
and Doctor of Science in specific scientific fields:
5.2. – economic science; 5.4. – sociology; 5.5. – politology*

№ 2

**Rostov-on-Don
2024**

**STATE AND MUNICIPAL MANAGEMENT.
SCHOLAR NOTES**

*Certificate of registration of the mass media ПИ № ФС 77 – 71827 from 08.12.2017
issued by Federal Service for Supervision of communications, information technologies
and mass media (Roskomnadzor)*

*Founder – Federal state budget educational institution of higher education
«Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration»*

The Editor in Chief **Tatyana V. Ignatova,**
Honored Worker of Higher School of Russian Federation,
Doctor of Economic science, professor

Vice-Editor in Chief **Tatyana P. Cherkasova,**
Doctor of Economic science, professor

Editorial Board:

Alexakis Christos, PhD, Professor, Business School Renne, France; **Eugene Nivorozhkin**, PhD, Associate Professor in Finance, School of Slavonic and East European Studies, University College, London, Great Britain; **Ford Lumban Gaol**, PhD, University Bina Nusantara, Jakarta, Indonesia; **Arthur V. Atanesyan**, Doctor of Political Science, Professor, Head of the Department of Applied Sociology, Faculty of Sociology, Yerevan State University, Armenia; **Natalia F. Kadol**, Doctor of Economics, Docent, Francisk Skarina Gomel State University (Belarus); **Zoirsho S. Sultonov**, Candidate of Economic Sciences, Docent, Tajik State University of Commerce (Tajikistan); **Denis S. Ushakov**, PhD, Professor, Suan Sunandha Rajabhat University (Bangkok, Thailand); **Valeria A. Arsenieva**, Doctor of Economic Science, Docent; **Larisa Kh. Dzakhova**, Doctor of Political Science, Professor; **Larisa N. Drobyshevskaya**, Doctor of Economic Science, Professor; **Sergey S. Zmiyak**, Doctor of Economic Science, Docent; **Elena Yu. Zolochevskaja**, Doctor of Economic Science, Professor; **Sergey A. Kislitsyn**, Doctor of Historic Science, Professor; **Natalya V. Kozlyuk**, Doctor of Economic Science, Docent; **Alexander P. Kolyadin A**, Doctor of Economic Science, Professor; **Elena M. Kryukova**, Doctor of Economic Science, Professor; **Larisa G. Milyaeva**, Doctor of Economic Science, Professor; **Roman K. Ovcharenko**, Doctor of Sociology, Docent; **Alexander V. Ponedelkov**, Honorary Scientist of RF, Doctor of Political Science, Professor; **Ekaterina A. Popova**, Doctor of Political Science, Docent; **Nikolay G. Skvortsov**, Doctor of Sociological Sciences, Professor; **Vladimir A. Sologub**, Doctor of Sociological Sciences, Professor; **Olga A. Chernova**, Doctor of Economic Science, Docent.

Address: 344002, Russia, Rostov-on-Don, st. Pushkinskaya, 70/54.

Tel: 8-863-279-41-62.

E-mail: pustovalova-nn@ranepa.ru

<http://upravlenie.uriu.ranepa.ru/>

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ	9
Ф. И. Белозор. Особенности предоставления государственных и муниципальных услуг: междисциплинарный анализ.....	9
Г. Е. Глебов, Ю. Н. Лапыгин. Инструменты разработки стратегии развития образовательной экосистемы аспирантуры вуза.....	18
И. О. Задоренко, Т. А. Головина. Организационно-управленческие подходы к развитию организационного поведения в системе управления персоналом	25
Е. И. Лазарева, А. В. Лесников. Концептульные основы управления торгово-экспортной организацией в контексте международного бизнеса	34
А. С. Лапин. Развитие туристско-рекреационных кластеров на основе программно-целевых методов управления.....	42
Р. К. Овчаренко, Н. А. Гречушкин. Трансформация системы целей и ценностей местного самоуправления в контексте формирования публичной власти в Российской Федерации	50
ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ	58
Г. А. Абрамян. Конкурентоустойчивость экономики региона как квазикорпорации с позиции системного подхода.....	58
А. Б. Бабанов. Международные тренды цифровизации валютно-финансовых отношений: от глобализации к децентрализации	65
В. В. Земсков. Экономическая безопасность пространственного развития России.....	74
Е. Ю. Золочевская, А. В. Скидан, А. М. Солоцкая. Современные тенденции развития российского предпринимательства: теоретические и практические аспекты	81
М. А. Индустриев. Предпринимательство как фактор стимулирования экономического развития в постиндустриальной экономике	93
А. Е. Квашнева, С. С. Змияк. Обеспечение профессиональными кадрами экономики региона на основе баланса потребностей бизнеса и возможностей системы образования	99
М. Ю. Колинченко, М. Г. Шадиан. Методы управления кредитным риском для минимизации случаев мошенничества.....	108
Н. Ю. Лебедева, А. И. Колосов, Е. С. Лобачева. Современные тенденции цифровизации в банковской сфере.....	114
Лю Лэй, Е. И. Лазарева. Тренды и факторы развития зеленой экономики региона: теоретико-исследовательский аспект	121
Т. В. Мартыненко, А. В. Кислицкая. Актуализация вопросов возврата и совершенствования управления зарубежной государственной собственностью Российской Федерации.....	128
А. П. Орлова, И. А. Лебедев, Н. В. Капустина. Редомициляция российских компаний в призме обеспечения экономической безопасности бизнеса и государства	134
С. В. Петрова, А. О. Балабанова. Цифровые образовательные сервисы как системы управления обучением в сфере профессионального образования.....	140
Т. В. Подольская, Ф. Д. Ульбашева, Е. А. Васюта. Тенденции и перспективы применения технологий GovTech в процессе цифровизации государственного сектора	147
А. А. Сизов. Концепция энергетического перехода: история понятия и эволюция явления.....	159

ПОЛИТОЛОГИЯ И ЭТНОПОЛИТИКА	165
<i>Д. А. Айрапетян.</i> Структурные метаморфозы политических процессов на пороге посткапиталистической эпохи: новые акторы, интеракции и феномены.....	165
<i>О. А. Артюхин, Л. Л. Иванова.</i> Террорологические основы современных исследований терроризма.....	173
<i>Д. К. Григорян, Е. Н. Кондратенко.</i> Характерные особенности современных информационных войн политической направленности.....	178
<i>Г. Д. Пилишвили, М. А. Ситников.</i> Сравнительный анализ федеральной и муниципальной миграционной политики на примере муниципального образования «Город Курск» (2016 – 2022 гг.).....	184
<i>С. С. Рыбакова.</i> Роль законодательного органа власти в разработке и реализации социально-экономической стратегии.....	192
<i>А. А. Крицкая, А. Г. Меликян.</i> Методологические аспекты реализации государственной молодежной политики в России.....	197
<i>С. И. Кузина.</i> Формирование доктрины российского либерализма в конце XIX века.....	203
<i>Л. А. Лобова, Е. Н. Тованчова.</i> Государственное регулирование туризма в Российской Федерации в контексте динамики международных отношений	209
<i>Д. С. Марушан.</i> Государственная поддержка как фактор, предотвращающий распад института семьи.....	215
<i>Г. Д. Ревягин, Н. Г. Ревягина.</i> Трансформация цивилизационных детерминант в эпоху глобальных кризисов и их воздействие на российский элитогенез	220
ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛОГИИ	227
<i>Н. Х. Гафиатулина.</i> Развитие патриотического общества посредством создания позитивного имиджа молодежных общественных организаций	227
<i>П. В. Заяц, Я. Г. Зинченко.</i> Политика памяти как определяющий фактор процессов ремоделирования национальной идентичности в постсоветском пространстве (на примере Азербайджанской Республики)	234
<i>А. О. Подоплёкин.</i> Российская политика нациестроительства и историческая память городской молодёжи Арктической зоны РФ (по данным соцопросов в Поморье).....	240
<i>В. П. Скорородова, Я. А. Асланов.</i> Президентские выборы как показатель внутривнутриполитической стабильности в РФ: федеральные и региональные аспекты.....	247
<i>А. К. Хаустова.</i> Непрерывное экологическое образование как ключевой фактор формирования экологической культуры детей и молодежи: дефициты и решения.....	258
<i>Н. Г. Хорошкевич.</i> Уральский федеральный округ: территории и политическая культура государственных гражданских и муниципальных служащих.....	267
СЛОВО МОЛОДЫМ УЧЕНЫМ	277
<i>В. А. Дорошенко.</i> Формирование контуров феномена политической элиты в контексте методологической триангуляции	277
<i>П. Л. Жирнов.</i> Постиндустриальная парадигма промышленной политики в современной России: перспективы и противоречия реиндустриализации	284
<i>Ю. В. Кудинов.</i> Российские некоммерческие организации как акторы государственной молодежной политики: формы участия и результаты.....	291
<i>Лю Сюаньцзя, Сунь Гуаня.</i> Цифровая гегемония США: особенности, цели и последствия.....	297
<i>А. В. Максимович.</i> Прогнозирование социального поведения в кризисных условиях российского социума: возможности методического конструирования	302
<i>П. П. Мангасаров.</i> Трансформация партийной системы Грузии в начале XXI века	307
<i>Д. А. Фомин.</i> Политическое инвестирование бизнеса как категория политической науки: теоретические версии в современном российском контексте.....	313
ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ.....	319

CONTENTS

PROBLEMS OF MANAGEMENT	9
<i>Fedor I. Belozor.</i> Features of providing public and municipal services: interdisciplinary analysis	9
<i>Gleb E. Glebov, Yurii N. Lapygin.</i> Tools for developing a strategy for the development of the educational ecosystem of a university's graduate school	18
<i>Ilya O. Zadorenko, Tatjana A. Golovina.</i> Organizational and managerial approaches to the development of organizational behavior in the HR management system.....	25
<i>Elena I. Lazareva, Andrei V. Lesnikov.</i> Conceptual foundations of trade-export organization management in the context of international business.....	34
<i>Alexander S. Lapin.</i> Development of tourist and recreational clusters based on program-targeted management methods	42
<i>Roman K. Ovcharenko, Nikita A. Grechushkin.</i> Transformation of the system of local self government's aims and values in the context of the formation of public authority in Russian Federation.....	50
PROBLEMS OF ECONOMICS	58
<i>Gor A. Abramyan.</i> Competitive sustainability of the regional economy as a quasi-corporation from the perspective of a systems approach	58
<i>Andrei B. Babanov.</i> International trends in the digitization of monetary and financial relations: from globalization to decentralization	65
<i>Vladimir V. Zemskov.</i> Economic security of Russia's spatial development.....	74
<i>Elena Yu. Zolochevskaya, Anastasia V. Skidan, Alina M. Solotskaya.</i> Modern trends in the development of Russian entrepreneurship: theoretical and practical aspects	81
<i>Maksim A. Industriev.</i> Entrepreneurship as a stimulation factor of economic development in postindustrial economy.....	93
<i>Alena E., Kvashneva, Sergey S. Zmiyak.</i> Provision of professional personnel of the economy of the region on the basis of a balance of business needs and opportunities of the educational system	100
<i>Mikhail Yu. Kolinichenko, Makar G. Shadiyan.</i> Credit risk management methods to minimize fraud	108
<i>Natalia Yu. Lebedeva, Artem I. Kolosov, Ekaterina S. Lobacheva.</i> Modern trends of digitalization in the banking sector.....	115
<i>Liu Lei, Elena I. Lazareva.</i> Trends and factors of green regional economy development: theoretical-research aspect.....	121
<i>Tatiana V. Martynenko, Amina V. Kislitskaya.</i> Updating the issues of return and improvement of management of foreign state property of the Russian Federation	128
<i>Anastasiya P. Orlova, Igor A. Lebedev, Nadezhda V. Kapustina.</i> The redomiciliation of Russian companies in the context of ensuring the economic security of business and the state.....	134
<i>Svetlana V. Petrova, Anna O. Balabanova.</i> Digital educational services as learning management systems in the field of professional education	140
<i>Tatiana V. Podolskaya, Fatimat D. Ulbasheva, Evgenia A. Vasyuta.</i> Trends and prospects' application of GovTech in the process of public sector digitalization.....	147
<i>Andrei A. Sizov.</i> The concept of energy transition: the history of the concept and the evolution of the phenomenon.....	159
POLITOLOGY AND ETHNOPOLITICS	165
<i>David A. Ayrapetyan.</i> Structural metamorphoses of political processes on the threshold of the post-capitalist era: new actors, interactions and phenomena.....	165
<i>Oleg A. Artyukhin, Lyudmila L. Ivanova.</i> Terrological bases of modern terrorism research.....	173

David K. Grigoryan, Evgenia N. Kondratenko. Characteristic features of modern information wars of a political orientation	178
Georgy Dzh. Pilishvili, Maxim A. Sitnikov. Comparative analysis of federal and municipal migration policy on the example of the municipal entity «Kursk City» (2016 – 2022).....	184
Svetlana S. Rybakova. Role of the legislative body in the development and implementation of socio-economic strategy.....	192
Anna A. Kritskaya, Arnold G. Melikyan. Methodological aspects of the implementation of state youth policy in Russia	197
Svetlana I. Kuzina. Formation of the doctrine of Russian liberalism at the end of the 19th century	203
Larisa A. Lobova, Elena N. Tovanchova. State regulation of tourism in the Russian Federation in the context of the dynamics of international relations.....	209
Denis S. Marushan. State support as a factor preventing the breakdown of the family institution ...	215
Grigory D. Revyagin, Natalia G. Revyagina. The transformation of civilizational determinants in the era of global crises and their impact on Russian elitogenesis	220
SOCIOLOGY PROBLEMS	227
Natalya Kh. Gafiatulina. Development of patriotic society through creation of a positive image of youth non-governmental organizations	227
Pavel V. Zayats, Yaroslava G. Zinchenko. Politics of memory as a determining factor in the processes of remodeling national identity in the post-Soviet space (using the example of the Republic of Azerbaijan).....	234
Andrey O. Podoplekin. Russian nation-building policy and historical memory of urban youth in the Russian Arctic zone (on opinion polls in Pomorie).....	241
Valentina P. Skorokhodova, Yakov A. Aslanov. Presidential elections as an indicator of domestic political stability in Russia: federal and regional aspects.....	248
Anna K. Khaustova. Continuing environmental education as a key factor in the formation of the ecological culture of children and youth: deficits and solutions.....	258
Natalia G. Khoroshkevich. Ural federal district: territories and political culture of state civil and municipal employees	267
YOUNG SCIENTISTS	277
Vladimir A. Doroshenko. The formation of contours of the phenomenon of the political elite in the context of methodological triangulation.....	277
Pavel L. Zhirnov. Post-industrial paradigm of industrial policy in modern Russia: prospects and contradictions of re-industrialization.....	284
Yuriy V. Kudinov. Russian non-profit organizations as actors of state youth policy: forms of participation and results.....	291
Liu Xuanjia, Sun Guangya. The US digital hegemony: characteristics, objectives and implications.....	297
Alexander V. Maksimovich. Forecasting social behavior in the crisis conditions of Russian society: the possibilities of methodological design.....	302
Pavel P. Mangasarov. The transformation of party system of Georgia at the beginning of XXI century	307
Dmitry A. Fomin. Political business investment as a category of political science: theoretical versions in the modern Russian context.....	313
REQUIREMENTS TO REGISTRATION OF ARTICLES	319

Особенности предоставления государственных и муниципальных услуг: междисциплинарный анализ

Федор Иванович Белозор

Брянский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, Брянск, Россия, fbelozor@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0002-1810-3107>

Аннотация. Государственные и муниципальные услуги, являясь функцией публичной власти, интегрированы в интересы и потребности всего населения. Трудно переоценить их социальное значение. В то же время противоречивые подходы к раскрытию социально-экономического содержания этой категории, опасений в связи с появлением в системе государственного управления рыночного термина «услуга» по-прежнему порождают в научном сообществе дискуссии по этой проблеме. Особенно ярко это проявляется в отношении услуг в социальном секторе. В настоящем исследовании представлено многообразие подходов к этой проблеме, выделено содержание и назначение государственных и муниципальных услуг, раскрыты их особенности.

Ключевые слова: государственные и муниципальные услуги, публичная услуга, коммерческая услуга, бюджетная услуга, социальная услуга, предоставление услуг, оказание услуг

Для цитирования: Белозор Ф. И. Особенности предоставления государственных и муниципальных услуг: междисциплинарный анализ // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 2. С. 9–17. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-9-17>. EDN QOZOZE

Problems of Management

Original article

Features of providing public and municipal services: interdisciplinary analysis

Fedor I. Belozor

Bryansk branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Bryansk, Russia, fbelozor@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0002-1810-3107>

Abstract. State and municipal services, as a function of public authority, are integrated into the interests and needs of the entire population. It is difficult to overestimate their social importance in view of their constant use by most citizens of the country. At the same time, contradictory approaches to the disclosure of the socio-economic content of this category, concerns about the appearance of the market term «service» in the public administration system continue to generate discussions in the scientific community on this problem. This is particularly evident in education and health services. The present study reveals a variety of modern approaches to this problem, clarifies their essential content and purpose, identifies features in comparison with other types of services.

Keywords: state and municipal services, public service, commercial service, budgetary service, social service, service provision, service delivery

For citation: *Belozor F. I. Features of providing public and municipal services: interdisciplinary analysis. State and Municipal Management. Scholar Notes. 2024;(2):9-17. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-9-17>. EDN QOZOZE*

Услуги как объект социально-экономического и правового анализа привлекает внимание исследователей на протяжении длительного времени. В научных работах они широко представлены как экономическая категория, как составная часть экономики, как вид экономической деятельности, как маркетинговые услуги, как сфера сервиса, а также услуги в различных отраслях экономики и социальной сферы. Многие социологические исследования раскрывают оценку востребованности, полезности, поведение потребителей на рынке услуг, ценностного наполнения государственных (муниципальных) услуг, обеспечение качества предоставления (оказания) услуг в разных сферах деятельности.

С закреплением в российском праве и практике нового понятия «государственная (муниципальная) услуга» центр научной дискуссии переместился в эту сферу, которая до настоящего времени является объектом повышенного внимания ученых разных отраслей знаний. Причина в том, что в российском обществе сложилось неоднозначное отношение к введению в систему государственного и муниципального управления понятия государственная (муниципальная) услуга. Диспуты отмечаются в отношении образования и поддержания на необходимом уровне физического здоровья населения. Ряд исследователей считают, что включать в эту сферу рыночный термин «услуга» нежелательно.

Такой подход наблюдается в исследованиях В. Е. Лёвкина, А. О. Лёвкиной, Е. Л. Доценко и др. Авторы указывают на существенную разницу в понятиях «образовательные услуги» и «образование», отмечают объективный признак кризиса образования, который выражен в превращении образования в услугу [1, с. 14-42].

И. Н. Степанова, рассматривая два мировых подхода в формировании системы образования, построенных на разных принципах: с одной стороны его социальной ценности, а с другой – товарной ценности, обосновывает выводы в пользу построения системы на универсальной социальной ценности образования [2, с. 32–35].

Т. А. Ожерельева посвятила свое исследование экономическим механизмам предоставления образовательных услуг, не разделяя их на государственные и коммерческие. При этом отмечает, что особенностью современного образования является проникновение рыночных отношений в сферу образования. В понятие услуги она вкладывает ее коммерческую природу [3, с. 139–142].

Е. А. Карловская придерживается нейтральных взглядов на появление понятия «государственная услуга», отмечая при этом, «что провозглашение и введение в практику государственного управления России категории «государственные услуги» является обобщением услуг, имеющих социальную полезность», видит их в контексте экономической социодинамики, акцентирует внимание на роли государства в реализации общественных благ посредством предоставляемых услуг [4, с. 135-144].

Е. В. Рожкова не разделяет в своих исследованиях государственные и коммерческие медицинские услуги. Она сосредоточила внимание на выявлении критериев оценки качества медицинских услуг на основе субъективных и объективных характеристик, обратила на сложности выявления полезности услуги, предложила ряд методов оценки характеристик медицинских услуг [5, с. 1–9].

П. А. Плесовский наряду с другими оценками медицинской услуги отмечает ее высокую социальную направленность, признает ее в качестве социально значимого блага через ее полезность для всего общества. Автор останавливается на необходимости государственного участия в определении затрат на предоставление общественно значимых медицинских услуг, считая, что в хозяйственном механизме здравоохранения важно учитывать экономическую сущность медицинских услуг [6, с. 54–62].

В этой связи введение в социологический оборот категории «государственная (муниципальная) услуга» требует отдельного осмысления и научного обоснования.

Закономерен вопрос: как услугу, исходящую от государства, рассматривать в социологической науке?

Выделяя правовые основы установления государственных услуг следует в первую очередь обратиться к положениям Конституции Российской Федерации. Именно здесь, в основном законе страны, утверждены базовые положения социальных и экономических благ, которые распространяются либо на все население страны, либо на ее определенную часть и подразумевают их реализацию посредством оказания государственных и муниципальных услуг. В конституцию заложены элементы их правового, экономического и социального регулирования, что далее транслируется в законодательные нормы по предоставлению данной категории услуг.

В данном контексте рассматриваются такие государственные услуги, как услуги пенсионного обеспечения; государственные медицинские услуги за счет бюджетных средств, оказываемые государственными и муниципальными учреждениями и предусмотренные в программных документах государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи; общедоступные

образовательные услуги по получению образования на его разных ступенях в указанных выше учреждениях; услуги реализующие право участия в культурной жизни и пользовании учреждениями культуры, услуги по доступу к культурным ценностям. Конституцией предусмотрены и другие важные обязательства государства, которые реализуются посредством государственных и муниципальных услуг.

Источником муниципальных услуг являются: 1) положения Конституции государства, 2) нормы муниципального права, где значительная часть вопросов местного значения реализуется посредством предоставления муниципальных услуг.

Приведенные доводы, как и ряд других конституционных социальных обязательств государства, часто являются основой для полемики о приемлемости или неприемлемости термина «услуга» в системе государственного управления.

Л. Н. Банников отмечает, что понятие услуга в социологии «имеет двойной смысл. С одной стороны, это оценка востребованности, «полезности» действия, функции, с другой – она структурирует взаимоотношения личности и социальной системы. Привычное для экономиста выражение «товары и услуги» некорректно с точки зрения социолога, ибо объединяет процесс профессиональной деятельности и его продукты, вещественные и нематериальные» [7, с. 64–73].

В деятельности экономистов услуга должна быть измеряема и в первую очередь в денежном выражении, материальных и трудовых затратах, через ее экономическую эффективность, рассматривается как единица измерения. В то же время в социологии получение, например, образования оценивается через призму образованности, качество образования, компетентность, просвещенность.

Ряд исследователей устанавливают взаимосвязь государственной услуги с появлением концепции (модели) сервисного государства. Данная теория является спорной и в российском научном сообществе не получила широкого распространения. Достоверность этого факта также не выдерживает критики и в силу того, что государственные услуги не по их современному названию, а фактически появились на много столетий раньше, чем была озвучена эта концепция. При этом, значение государственных (муниципальных) услугкратно повышается в современном социальном, правовом, демократическом государстве.

В качестве обоснования введения в оборот категории «государственная (муниципальная) услуга» не следует придерживаться только крайних взглядов – с одной стороны, что это экономическая категория, с другой – что в социологии ее нельзя оценивать как услугу (товар). Будет уместным рассматривать ее как социально-экономическую категорию при экономических обоснованиях и как социальную – в социологических. По этому пути пошло Правительство России, утвердив, например, правила по работе с информацией, отражающей качество услуг предоставляемых (оказываемых) государственными (муниципальными) организациями социального блока ...¹, включив данные услуги в социальное поле и социальное измерение.

Не требует доказательства и то, что любая из рассматриваемых услуг, имеет стоимостное содержание. В этой связи, М. Б. Россинский соотносит услугу со специфической потребительной стоимостью и специфическими экономическими отношениями, включая наличие производителя и потребителя услуг» [8, с. 8].

Приведем еще одно обоснование в пользу включения понятия услуги в функцию органов публичной власти. Социальная сторона оценки предоставления услуги, как правило, установлена в стандарте услуги, и, например, в федеральных образовательных программах, федеральных государственных образовательных стандартах по различным ступеням образования, в содержании независимой оценки качества предоставления услуг. Этому посвящены многие нормативные правовые акты органов государственной власти. К ним можно отнести, упомянутые правила работы с документами по оценке качества услуг в организациях социальной сферы.

Ее социальная значимость обусловлена и тем, что все права предоставления государственных (муниципальных) услуг принадлежат только органам публичной власти и эти услуги предоставляются на безвозмездной основе. Все это подтверждает незаинтересованность государства в их коммерциализации. В целях регулирования отношений в рассматриваемой сфере нормами права устанавливаются, как экономико-правовые, так и социально-правовые обоснования предоставления услуг.

¹ Постановление Правительства РФ от 31 мая 2018 г. № 638 «Об утверждении Правил сбора и обобщения информации о качестве условий оказания услуг организациями в сфере культуры, охраны здоровья, образования, социального обслуживания и федеральными учреждениями медико-социальной экспертизы» // Консультант-Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_299563/ (дата обращения: 14.12.2023).

Оказываемая (предоставляемая) услуга в своей основе может носить социальный, экономический, материальный, юридический, информационный, административный или иной характер. По этим основаниям во многих нормативных правовых и теоретических источниках раскрыты понятия услуга, государственная услуга, муниципальная услуга, публичная услуга, бюджетная услуга.

Услуга как категория правового регулирования представлена в ч. 1 ст. 8 и ст. 74 Конституции Российской Федерации.

В широкой трактовке понятие «услуга» нашло свое отражение в гражданском законодательстве как определенное действие или осуществление определенной деятельности. Это распространяется на услуги обучения, связи, медицинские, ветеринарные, информационные, туристические услуги и иные их виды¹. Вместе с этим, в других нормах классифицирован ряд услуг по другим признакам.

Необходимо различать действия, которые соотносятся с товаром, работой, услугой: товар продают (поставляют), работу выполняют, а услугу оказывают (предоставляют).

В свою очередь, в ГОСТ 50646-2012 «Услуги населению. Термины и определения» услуга определена как результат непосредственного взаимодействия исполнителя и потребителя, а также собственной деятельности исполнителя услуг по удовлетворению потребности потребителя услуг².

В ГОСТ Р ИСО 9000-2015 «Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь», услуга – это результат, как минимум, одного действия, обязательно произведенного (осуществленного при взаимодействии) между поставщиком и заказчиком (потребителем), как правило, нематериальный. Здесь установлено понятие оказание услуг как действие по предоставлению услуги³.

В налоговом законодательстве услуга для целей налогообложения – это «деятельность, результаты которой не имеют материального выражения или реализуются и потребляются в процессе этой деятельности»⁴. Исходя из этого отметим, что в гражданском, налоговом, коммерческом законодательстве услуги рассматриваются в качестве экономической категории в совокупности с товарами, работами, финансами.

В свою очередь, антимонопольное законодательство не выделяет различия между товарами, работами, услугами. Услуга рассматривается как объект гражданских прав предназначенный для продажи, обмена или иного введения в оборот⁵.

Исчерпывающий ряд услуг выделить сложно, да и практически невозможно, в силу их неограниченности.

Возвратимся к услугам, оказываемыми органами публичной власти. Понятие государственной услуги появилось в процессе проведения административной реформы, берущей свое начало в 2003–2005 годы. В Указе Президента Российской Федерации «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» в отдельную группу были выделены функции по оказанию государственных услуг, под которыми понимается предоставление федеральными органами исполнительной власти непосредственно или через подведомственные им федеральные государственные учреждения либо иные организации безвозмездно или по регулируемым органами государственной власти ценам услуг гражданам и организациям в области образования, здравоохранения, социальной защиты населения и в других областях, установленных федеральными законами⁶.

Объектом внимания концепции административной реформы в Российской Федерации в 2006–2010 годы были вопросы стандартизации и регламентации государственных и муниципальных услуг, меры по возможному их предоставлению в многофункциональных центрах и в электронной форме⁷.

¹ Пп. 1, 2 ст. 779 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ). КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 14.12.2023).

² Приказ Росстандарта от 29.11.2012 № 1612-ст «Об утверждении национального стандарта». КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_267062/ (дата обращения: 14.12.2023)

³ П. 3.7.7 ГОСТ Р ИСО 9000-2015 Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь. КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_195013/.

⁴ П. 5 ст. 38 Налогового кодекса Российской Федерации. КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/ (дата обращения: 28.12.2023).

⁵ П. 1) Статьи 4 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции». КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61763/ (дата обращения: 28.12.2023).

⁶ Указ Президента РФ от 09.03.2004 № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти». КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_46892/ (дата обращения: 28.12.2023).

⁷ Распоряжение Правительства РФ от 25.10.2005 № 1789-р «О Концепции административной реформы в Российской Федерации в 2006-2010 годах». КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_56259/ (дата обращения: 28.12.2023).

Впервые официальное понятие государственных услуг представлено в 2010 году в Федеральном законе «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» (далее по тексту Федеральный закон 210-ФЗ). Согласно документу, государственная услуга – это деятельность федерального органа исполнительной власти, государственного внебюджетного фонда, органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации, которая осуществляется по запросам заявителей в пределах полномочий, установленных нормативными правовыми актами Российской Федерации или ее субъектов.

Во втором пункте второй статьи закона закреплено понятие муниципальной услуги, которая рассматривается как деятельность по реализации функций органа местного самоуправления, которая осуществляется по запросам заявителей в пределах полномочий органа по решению вопросов местного значения. В блок муниципальных компетенций включены и другие виды услуг, оговоренные законодательством.¹

Обратим внимание, что в этом же году, в бюджетном кодексе параллельно введено понятие государственных (муниципальных) услуги (работы), что приведено в следующей редакции: – это государственные (муниципальные) услуги (работы) – услуги (работы), оказываемые (выполняемые) органами государственной власти (органами местного самоуправления), государственными (муниципальными) учреждениями и в случаях, установленных законодательством Российской Федерации, иными юридическими лицами². Для целей налогообложения законодатель не установил различий между товарами, работами, услугами.

Современные положения ч. 3 ст. 132 Конституции Российской Федерации³, первой статьи Федерального закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»⁴ могут быть основанием для выделения государственных и муниципальных услуг в категорию «публичные услуги». Опираясь на указанные нормы, публичность может исходить из принадлежности лица оказывающего услугу – публичной власти. При таком подходе все услуги, исходящие от публичной власти (государственной, муниципальной) условно можно называть публичными.

С другой стороны, не все государственные и муниципальные услуги по принадлежности к получателю услуг можно идентифицировать как публичные. Предпримем попытку разобраться в этой проблеме.

В теоретических и справочных источниках публика (народ) – это значительное число людей, собравшихся для какой-либо цели, либо общество или отдельные лица, объединенные по каким-нибудь общим признакам... Публичный (от лат. Publicus – общественный): совершающийся в присутствии общества, публички, открытый, гласный, общественный, находящийся в распоряжении общества, устроенный для общества, не частный» [9, с. 302].

Отсюда, публичные услуги могут быть государственными и негосударственными. В этой связи, А. Н. Костюкова в своей работе заостряет внимание на том, что к публичным услугам следует относить как государственные услуги, так и другие, оказываемые неограниченному кругу лиц в целях удовлетворения публичного интереса» [10, с. 1–7].

Проведенные исследования позволяют нам сформулировать следующее определение публичных услуг. Это общественно значимые услуги, которые направлены на удовлетворение потребностей населения или отдельных категорий граждан (физических лиц). В число публичных услуг не включаются те услуги, которые оказываются юридическим лицам и которые не преследуют общественно значимых целей. Например, Минпромторг России в качестве государственной услуги осуществляет выдачу документа, подтверждающего длительность производственного цикла товаров (работ, услуг). Или, Минстрой России оказывает услугу по выдаче юридическим лицам разрешений на строительство

¹ Федеральный закон от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». КонсультантПлюс.

URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (дата обращения: 28.12.2023).

² Ст. 6 Бюджетного кодекса Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ. КонсультантПлюс.

URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/ (дата обращения: 28.12.2023).

³ Конституция Российской Федерации. КонсультантПлюс.

URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/.

⁴ Федеральный закон "Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации" от 21.12.2021 № 414-ФЗ. КонсультантПлюс.

URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404070/ (дата обращения: 28.12.2023).

определенной группы объектов капитального строительства. В приведенных услугах не усматривается ее публичный характер.

В научном сообществе есть различные подходы к проблеме публичной услуги. И. А. Пуляевская [11, с. 44], основываясь на исследованиях других авторов, предлагает в Федеральном законе № 210-ФЗ заменить понятие государственная (муниципальная) услуга на понятие публичная услуга.

Учитывая, что в нормах права не закреплено содержание понятия «публичные услуги» предлагается для целей исследования определять их исходя из принадлежности к получателю услуг (общество, сообщество, население, конкретная социальная или профессиональная группа, гражданин). Либо воздержаться от широкого введения в практический оборот данной дефиниции.

Раскроем другое важное понятие – бюджетная услуга. Оно широко используется в современной практике предоставления услуг. Бюджетная услуга рассматривается как деятельность органа исполнительной власти, местной администрации, государственных либо муниципальных учреждений и организаций, осуществляемая в рамках их компетенции, оплачиваемая за счет средств соответствующего бюджета и направленная на удовлетворение общественных потребностей (потребностей граждан их групп, населения в целом). Оказание таких услуг может делегироваться в установленном порядке иным организациям. Отметим, что бюджетная услуга часто соотносится с государственной или муниципальной услугой, которая оплачивается из бюджетных средств.

В этой связи предоставление бюджетной услуги следует рассматривать как действия, направленные на удовлетворение общественных потребностей, которые осуществляются по поручению (заказу) органов публичной власти и оплачиваются за счет средств соответствующего бюджета. Получателями бюджетной услуги являются граждане, которые правомочны получать данную услугу. Государственные либо муниципальные услуги, которые оказываются на возмездной основе не следует относить к бюджетным.

Бюджетные услуги классифицированы и закреплены по разным основаниям в информационной системе «Единый портал бюджетной системы Российской Федерации».

Для полноты раскрытия проблемы необходимо обратиться еще к одному виду услуг. В 2020 г. Федеральным законом «О государственном (муниципальном) социальном заказе на оказание государственных (муниципальных) услуг в социальной сфере» введено понятие государственные (муниципальные) услуги в социальной сфере. По определению, установленному в законе – это «государственные (муниципальные) услуги, оказываемые физическим лицам в целях осуществления предусмотренных законодательством Российской Федерации полномочий органов государственной власти, органов местного самоуправления и включенные в установленные в соответствии с бюджетным законодательством Российской Федерации перечни (классификаторы) государственных и муниципальных услуг в отраслях социальной сферы». Закон направлен на регулирование отношений только одной группы государственных (муниципальных) услуг - государственных (муниципальных) услуг в социальной сфере.

Приведенное выше многообразие определений справедливо и раскрывают либо общие подходы ко всем видам услуг, например, приведенные в Гражданском кодексе, либо затрагивают частные или специализированные услуги, или порядок их применения.

В этой связи нельзя обойти современные подходы к терминологии, используемой в отношении услуг. Определенного внимания требует корректность применения терминов, соотносящихся с деятельностью, действием в процессе предоставления услуг, а также в названии субъектов, которые участвуют в процессе оказания, предоставления, потребления, выделения, получения, поставки услуг.

По этим признакам в научной среде, нормах права, практике сложилось многообразие терминов и их применения к действиям (деятельности) и названиям субъектов отношений.

Гражданский кодекс Российской Федерации закрепляет понятия «оказание услуг», и «оказание услуг по предоставлению...» (имеется ввиду чего-либо), «исполнитель», «заказчик», «здание заказчика».

В ГОСТе 50646-2012 «Услуги населению. Термины и определения» применяются такие понятия как исполнитель, потребитель, удовлетворение потребности потребителя услуг.

В ГОСТе Р ИСО 9000-2015 Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь применены термины: «поставщик», «заказчик (потребитель)», «действие по предоставлению услуги».

В Налогом кодексе – услуги «реализуются» и «потребляются».

В выше перечисленных правовых актах, примененные термины, в большей степени, ориентируются на широкое экономическое толкование услуг и возмездную форму отношений.

В Федеральном законе 210-ФЗ установлено единое понятие – «предоставление услуг органами...» и только в отдельных случаях, применено – «оказание услуг». Здесь, понятие «оказание услуг» приведено применительно к оплате и не за государственные услуги, а, сопутствующие услуги, которые обеспечивают предоставление государственных (муниципальных) услуг. Это случай, когда устанавливается платное оказание услуг. В этом документе использован термин «заявитель» как лицо, обратившееся с запросом о предоставлении государственной и муниципальной услуги.

Федеральный закон «О государственном (муниципальном) социальном заказе на оказание государственных (муниципальных) услуг в социальной сфере»¹ ввел такие понятия, как исполнитель и потребитель государственных (муниципальных) услуг в социальной сфере; оказание государственных (муниципальных) услуг в социальной сфере (физическим лицам), предоставление государственных (муниципальных) услуг потребителям; сертификат на получение государственной (муниципальной) услуги в социальной сфере.

Иной подход определен Федеральным законом «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации». Здесь используются такие понятия, как деятельность по предоставлению социальных услуг гражданам-получателям социальных услуг. К последнему относится гражданин, который признан нуждающимся в социальном обслуживании и которому предоставляются социальная услуга или социальные услуги².

Существенным отличием Федерального закона 210-ФЗ от данного закона, является то, что получателями социальных услуг являются только граждане, нуждающиеся в социальном обслуживании и услуги предоставляются на основе двухстороннего договора.

В научной среде ряд исследователей по аналогии с трудовым, гражданским и налоговым законодательством (работодатели и выгодоприобретатели) предлагают ввести в оборот два единых для всех случаев понятия, соотносящих с поставщиками и получателями услуг – услугодателя и услугополучателя. Предложение интересно и имеет основание на его оценку законодательной властью и научным сообществом, но трудно представить, как произвести реконструкцию всех правовых актов, в которые заложены иные положения и термины.

Подводя итоги, необходимо отметить следующее. В сфере отношений предоставления государственных и муниципальных услуг следует придерживаться положений Федерального закона 210-ФЗ с применением следующих понятий. Лицо, предоставляющее государственную (муниципальную) услугу – это федеральный орган исполнительной власти, орган государственного внебюджетного фонда, исполнительный орган государственной власти субъекта Российской Федерации, орган местного самоуправления.

В законе не введено понятие – получатель услуги, а установлено – заявитель услуги. Относится к лицам, которые претендуют на получение государственной (муниципальной) услуги. Это определяется следующим. Для гражданина (организации) установлено право на получение той или иной государственной (муниципальной) услуги, и он заявляет о своем праве на ее получение. Соответствующий орган рассматривая обращение (заявление) может предоставить услугу или на законных основаниях отказать в ее получении.

Федеральным законом 210-ФЗ установлено единый подход в отношении удовлетворения обращения заявителя как предоставление государственной (муниципальной) услуги. Т.е., государственная (муниципальная) услуга предоставляется в отличие от понятия, применяемого в иных случаях – «оказывается».

Во всех других случаях, не относящихся к предоставлению государственных (муниципальных) услуг, следует придерживаться терминологии, установленной в Гражданском кодексе и другом российском законодательстве, а также можно использовать термины, приведённые в национальных стандартах Российской Федерации и международных договорах, если это признается законодательством Российской Федерации.

¹ Федеральный закон от 13.07.2020 № 189-ФЗ «О государственном (муниципальном) социальном заказе на оказание государственных (муниципальных) услуг в социальной сфере». КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_357066/?ysclid=lrxbi9sfpj145086259 (дата обращения: 25.01.2024).

² Ст. 3 Федерального закона от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации». КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558/ (дата обращения: 25.01.2024).

Рассматривая государственную (муниципальную) услугу, исследователи, как правило, не затрагивают их экономическую сторону. Это исходит из того, что законодатель определил предоставление большинства услуг на безвозмездной (бесплатной) основе с учетом упомянутых положений конституции страны и норм законов, провозглашения отечественной культуры, образования, здравоохранения национальной ценностью. Но каждая государственная (муниципальная) услуга имеет свое стоимостное выражение. Для граждан она бесплатна, а для государства, муниципалитета на ее реализацию необходимо иметь определенные бюджетные средства. По всей вероятности, для финансового изменения затрат на получение образования, лечение, посещение учреждений культуры, выплату пенсий органы публичной власти введено в систему государственного и муниципального управления понятие «государственная (муниципальная) услуга». В то же время, положениями многих законов установлены правила, направленные на уравнивание социального и экономического в сфере услуг, на установление механизмов сохранения национальных ценностей и на то, чтобы граждане не рассматривали общественно значимые услуги только в казенном измерении.

Существенным отличием предоставления общественно значимых государственных и муниципальных услуг от других видов является и то, что государство в этой сфере сформировало своеобразную модель парадигмы предоставления услуг, выстроило многоуровневую систему регулирования и контроля качества предоставления, установило правила, отражающие их высокую социальную значимость.

В то же время практика демонстрирует наличие отклонений в достижении целей, установленных государством. В этой связи перед российским государством и обществом стоит сложная стратегическая задача – не допустить объединения рыночной (коммерческой) природы «услуги» и общественных благ: образования, здравоохранения, культуры (в ее социокультурном измерении), коммерциализации государственных и муниципальных общественно значимых услуг.

Список источников

1. Левкин В. Е., Левкина А. О., Доценко Е. Л., Волосникова Л. М. Смысл образования: развитие или оказание услуг? // Образование и наука. 2020. Т. 22. № 4. С. 9–42.
2. Степанова И. Н. Образование как социальная ценность // Вестник Курганского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 3(34). С. 32–35.
3. Ожерельева Т. А. Экономика и социология образовательных услуг // Перспективы науки и образования. 2014. № 1(7). С. 139–142.
4. Карловская Е. А. Государственные услуги в свете концепции экономической социодинамики // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2009. № 3(14). С. 135–144.
5. Рыжкова Е. В. Качество медицинской услуги и его оценка // Социальные аспекты здоровья населения. 2012. № 1. С. 1–9.
6. Плесовский П. А. Health service as a social and economic good // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2007. № 4. С. 54–62.
7. Банникова Л.Н. Услуга как социальный феномен: социологический анализ // Актуальные проблемы социологии: сборник научных статей. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2013. С. 64–73.
8. Россинский М. Б. Сфера услуг в экономике развитого социализма: Теорет. и методол. вопросы; Под ред. д-ра экон. наук В. Е. Комарова ; Башк. гос. ун-т им. 40-летия Октября. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1976. 151 с.
9. Толковый словарь русского языка: 100000 слов, терминов и выражений: [новое издание] / Сергей Иванович Ожегов; под общ. ред. Л. И. Скворцова. 28-е изд., перераб. М.: Мир и образование, 2015. 1375 с.
10. Костюков А. Н. Проблемы правового регулирования публичных услуг в России // Публичные услуги: правовое регулирование (российский и зарубежный опыт): сб. / А.Н. Костюков, Н.В. Путило, Л.А. Мицкевич, и др.; Под общ. ред. Е.В. Гриценко, Н.А. Шевелевой. М.: Волтерс Клувер, 2007. 245 с.
11. Пуляевская И. А. Административно-правовое регулирование предоставления публичных услуг в Российской Федерации: диссертация ... кандидата юридических наук: 5.1.2. / Пуляевская Инна Александровна. Иркутск, 2023. 229 с.

References

1. Levkin V. E., Levkina A. O., Docenko E. L. Volosnikova L. M. The essence of education: development or providing services? *Education and Science*. 2020;22(4):9-42. (In Russ.)
2. Stepavova I. N. Education as a social value. *Bulletin of Kurgan State University. Series: Humanities*. 2014;(3):32-35. (In Russ.)
3. Ozherel'eva T. A. Economics and sociology of educational services. *Science and education prospects*. 2014;(1):139-142. (In Russ.)
4. Karlovskaya E. A. Public services in the light of the concept of economic sociodynamics. *Bulletin of Pacific State University*. 2009;(3):135-144. (In Russ.)
5. Ry`zhkova E. V. Quality and evaluation of medical services. *Social aspects of public health*. 2012;(1):1-9. (In Russ.)
6. Plesovskij P. A. Health service as a social and economic good. *Corporate Governance and Innovative Development of the Economy of the North: Bulletin of the Research Center of Corporate Law, Management and Venture Investment of Syktyvkar State University*. 2007;(4):54-62. (In Russ.)
7. Bannikova L. N. Service as a social phenomenon: sociological analysis. *Current problems of sociology: collection of scientific articles*. Ekaterinburg: Ural university press; 2013: 64-73. (In Russ.)
8. Rossinskij M. B. *The service sector in the economy of developed socialism: theoretical and methodological issues*. Editorial board: prof. V.E. Komarov [et al.]. Saratov: Saratov university press; 1976. 151 p. (In Russ.)
9. Ozhegov S. I. *Russian Language Dictionary: 100,000 words, terms and expressions*: [new edition: 28th ed., revised]. Editorial board: L.I. Skvorczov [et al.]. Moscow: Mir i obrazovanie; 2015. 1375 p. (In Russ.)
10. Kostyukov A. N. Problems of legal regulation of public services in Russia. In the collection: *Public services: legal regulation (Russian and foreign experience)*. Editorial board: E.V. Gricenko [et al.]. Moscow: Walters Kluver; 2007. 245 p. (In Russ.)
11. Pulyaevskaya I. A. *Administrative and legal regulation of the provision of public services in the Russian Federation*: Dis. ... Candidate of Legal Sciences. Irkutsk; 2023. 229 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Ф. И. Белозор – кандидат социологических наук, доцент, профессор кафедры государственного управления и менеджмента Брянского филиала РАНХиГС.

Information about the author

F. I. Belozor – Cand. Sci. (Sociology), professor, Associate professor of the Department of Public Administration and Management of Bryansk branch of RANEPА.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 08.02.2024; одобрена после рецензирования 25.05.2024; принята к публикации 26.05.2024.

The article was submitted 08.02.2024; approved after reviewing 25.05.2024; accepted for publication 26.05.2024.

Инструменты разработки стратегии развития образовательной экосистемы аспирантуры вуза

Глеб Евгенийевич Глебов¹, Юрий Николаевич Лапыгин²

^{1,2}Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Владимир, Россия

¹glebglebov1999@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-5258-3692>

²lapygin-yn@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0173-0852>

Аннотация. Определение перспектив развития социально-экономических систем связано с процедурами разработки стратегия, как правило, на базе результатов анализа факторов внешней и внутренней среды и последующего определения целей, из которых и формируется ядро стратегии. Однако распределение методов реализации алгоритмов разработки стратегий и их комбинация во многом зависит от объекта развития. Аспирантура вуза специфична и нормативным обеспечением, и структурой самой аспирантуры. Особый интерес представляет аспирантура вуза, структура которой распределена по филиальной сети, что открывает возможность рассмотрения перспектив развития аспирантуры с точки зрения экосистемного подхода. В работе показано, что с помощью известных методов и процедур проведения анализа и синтеза в рамках предложенного алгоритма можно выйти на построение стратегических перспектив развития сети аспирантур филиалов вуза, направленного на повышение результативности защит выпускников аспирантуры, решая при этом задачи развития территорий, власти и бизнеса на базе синергических эффектов, характерных для экосистем.

Ключевые слова: аспирантура, развитие, алгоритм, методы, экосистема, решения, цели

Для цитирования: Глебов Г. Е., Лапыгин Ю. Н. Инструменты разработки стратегии развития образовательной экосистемы аспирантуры вуза // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 2. С. 18–24. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-18-24>. EDN QXTPKN

Problems of Management

Original article

Tools for developing a strategy for the development of the educational ecosystem of a university's graduate school

Gleb E. Glebov¹, Yu. N. Lapygin²

^{1,2}Vladimir branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vladimir, Russia

¹glebglebov1999@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-5258-3692>

²lapygin-yn@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0173-0852>

Abstract. Determining the prospects for the development of socio-economic systems is associated with the procedures for developing a strategy, usually based on the results of an analysis of external and internal environmental factors and the subsequent determination of goals, from which the core of the strategy is formed. However, the distribution of methods for implementing strategy development algorithms and their combination largely depends on the object of development. The university's postgraduate studies are specific both in terms of regulatory support and the structure of the postgraduate course itself. Of particular interest is the university's graduate school, the structure of which is distributed across a branch network, which opens up the possibility of considering the prospects for the development of graduate school from the point of view of the ecosystem approach. The work shows that with the help of well-known methods and procedures for conducting analysis and synthesis within the framework of the proposed algorithm, it is possible to build

strategic prospects for the development of a network of postgraduate schools of university branches, aimed at increasing the effectiveness of the defense of postgraduate graduates, while solving the problems of the development of territories, government and business in based on synergistic effects characteristic of ecosystems.

Keywords: graduate school, development, algorithm, methods, ecosystem, solutions, goals

For citation: Glebov G. E., Lapygin Yu. N. Tools for developing a strategy for the development of the educational ecosystem of a university's graduate school. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(2):18-24. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-18-24>. EDN QXTPKN

Спрос на обучение в аспирантуре российских вузов, как отмечают исследователи, растет как со стороны выпускников магистратуры и специалитета, так и со стороны практикующих работников хозяйствующих субъектов [1]. Однако результативность обучения в аспирантуре не высока, что приводит к снижению численности научных работников в стране [2, с. 109] и активности молодых исследователей [3, с. 125].

Переориентация отечественной системы подготовки научно-педагогических кадров с итоговой аттестации выпускников аспирантуры в части соответствия компетенциям таких категорий, как «Преподаватель» и «Преподаватель-Исследователь» на защиту выпускниками аспирантуры диссертационных работ, соответствующих требованиям, предъявляемым к ним, ставит задачи по изменениям программы подготовки аспирантов.

Полемика в рассматриваемой предметной области исследований выделяет потребность в повышении продуктивности отношений между основными участниками процесса подготовки диссертационных работ (между аспирантами и научными руководителями) [4], которые в значительной степени определяются типами личности указанных участников [5], а также квалификационным потенциалом как аспиранта, так и успешного научного руководителя, к которому «стремятся попасть» аспиранты.

Одним из направлений развития современного образования отечественные специалисты называют процедуры формирования экосистем [6–8], которые представляют собой активное взаимодействие вуза с внешней средой, в которой в качестве участников образовательного процесса рассматривают и потенциальных работодателей от бизнеса, и органы власти, и различных участников инфраструктурного толка. Такая, своего рода, стратегия развития рынка [9] образовательных услуг, дополненная не только зарабатыванием финансовых ресурсов в процессе решения проблем, формулируемых органами власти и бизнеса, но и вовлечением в процесс обучения тех компетенций, которые необходимы студентам. Экосистемные эффекты, связанные с соразвитием участников (коэволюцией), сотрудничеством при сохраняющейся децентрализации и конкуренции, а также реализацией синергии от совместной деятельности, обеспечивают перспективу развития.

В этом плане исследовательский интерес представляют сети аспирантур вузов, имеющих широкую филиальную сеть, на базе которой можно формировать образовательную экосистему на значительной территории страны. Так, например, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), которая позиционирует себя как экосистему, в состав которую входит «лицей, 15 колледжей, 54 структуры высшего образования, 58 научных институтов и центров, а также 47 филиалов в 42 регионах нашей страны»¹. В 12 филиалах РАНХиГС имеются аспирантуры, которые ведут обучение по заданной номенклатуре программ.

В процессе формирования перспектив развития образовательной экосистемы сети аспирантур филиалов РАНХиГС необходимо не только использовать имеющийся потенциал вуза в решении накопившихся проблем, но и реализовать возможности, предоставляемые внешней средой, а также учесть неблагоприятные факторы внешнего окружения.

Наряду с системным и компаративным анализом в сочетании с наблюдением процессов, происходящих в системе подготовки научно-педагогических кадров, в качестве методов исследования факторов внешней и внутренней среды необходимо привлечь методы организационной диагностики: анализ разного рода документов, классификации, группировки и парных сравнений, чтобы затем выйти на совокупность стратегически значимых решений [10].

В том же ключе помогают методы социологических исследований: статистический и контент-анализ, а также методы анкетирования [11]. А при взаимодействии исследователей в группе и в процессе проведения интервью не обойтись без различных способов задавания вопросов [12].

¹ Экосистема академии. – URL: <https://www.ranepa.ru/ob-akademii/ekosistema-akademii/> (дата обращения: 22.11.2023).

Построение ментальных карт и графов проблем, необходимо для представления как основных факторов, которые необходимо учесть в процессе анализа ситуации, а затем выявить наиболее значимые характеристики внешней и внутренней среды, используя также метод экспертных оценок. На базе полученных результатов необходимо формировать креативные решения, что обеспечивает применение методов активизации творческого мышления (методы аналогий, ассоциаций, средства, построения морфологических матриц) [13]. Следует использовать методы агрегирования и графического моделирования для дополнения вербальных моделей графическими [14].

Указанные методы реализуются не одновременно, а в зависимости от этапа и процедур перехода от анализа к разработке и последующей детализации вырабатываемых стратегически значимых решений в рамках определенного алгоритма, разработанного нами ранее [15].

В алгоритме разработки стратегии развития образовательной экосистемы аспирантуры (ОЭА) вуза можно выделить три блока: аналитические процедуры, определение стратегии и процедуры построения дорожной карты.

Просматривается алгоритм, обеспеченный инструментами исследования, отображенный на рис. 1, в котором показан переход от результатов анализа вторичной и первичной информации, завершающийся опросом стейкхолдеров и формулированием наиболее значимых проблем и потенциала обучения в аспирантуре, с последующим выполнением направленного анализа факторов внешней среды.

Рис. 1. Распределение методов анализа и поиска решений
 Fig. 1. Distribution of methods of analysis and search for solutions

Под направленным анализом в данном случае понимается анализ факторов внешней среды, направленный на определение возможностей и угроз, влияющих на предварительно выделенные главные проблемы и главный потенциал в части развития аспирантуры, что в последующем обеспечивает выработку корректных решений.

Отраженные на рисунке методы исследования апробированы в практике управленческого консультирования и позволяют выстроить по результатам анализа решения в виде морфологических матриц. Структурирование полученных результатов обеспечивает не только общее представление

о вариантах решений, которые могут быть в последующем оценены методами экспертных оценок, но и позволяют выделить среди таких решений позиции для формирования образовательной экосистемы аспирантуры.

На рис. 2 отмечены основные инструменты, позволяющие обработать результаты опросов стейкхолдеров (формирование опросных листов, метод парных сравнений и контент-анализа) и выделить наиболее значимые решения (методы экспертных оценок, построения дерева решений и построения графов). Значимые решения определены методом экспертных оценок стейкхолдерами (научными руководителями, аспирантами и работниками аспирантуры) в процессе опроса, подготовленного по результатам обработки заполненных на аналитическом этапе матриц решений.

Рис. 2. Распределение методов перехода от решений к стратегии
 Fig. 2. Distribution of methods for moving from decisions to strategy

Переход от выделенных наиболее значимых решений к целям выполняется путем построения новых морфологических матриц в поиске ответов на вопрос: «какая цель будет достигнута при реализации конкретного решения»? Процедура выполняется с помощью различных способов активизации творческого мышления на базе методов ассоциаций.

Полученные формулировки целей структурируются методом построения иерархии таких целей, а выделение ключевых слов обеспечивает формулировку главной цели начального этапа модернизации аспирантуры, которая эквивалентна формулировке стратегии, как модели достижения цели.

Начальным такой этап следует считать в силу того, что его целевая основа построена на базе результатов анализа текущей ситуации, что же касается последующего этапа, то им может стать ориентация на решения по формированию образовательной экосистемы аспирантуры, поскольку обозначенный процесс протяжен во времени и ориентирован на дальнюю перспективу. Методы перехода от решений к построению дерева целей второго этапа, с одной стороны, требуют построения соответствующих морфологических матриц, а с другой стороны, за таким построением должно последовать построение интегрального дерева целей, где будут согласованы цели первого и второго этапа развития аспирантуры.

Однако для определения последовательности процедур реализации намеченных решений необходимо построить дорожную карту, которую необходимо составить с учетом тех ожидаемых результатов, которые соответствуют целям как начального, так и последующего этапов развития сети аспирантур филиала вуза. Методы построения сценариев и самой дорожной карты отражены на рис. 3.

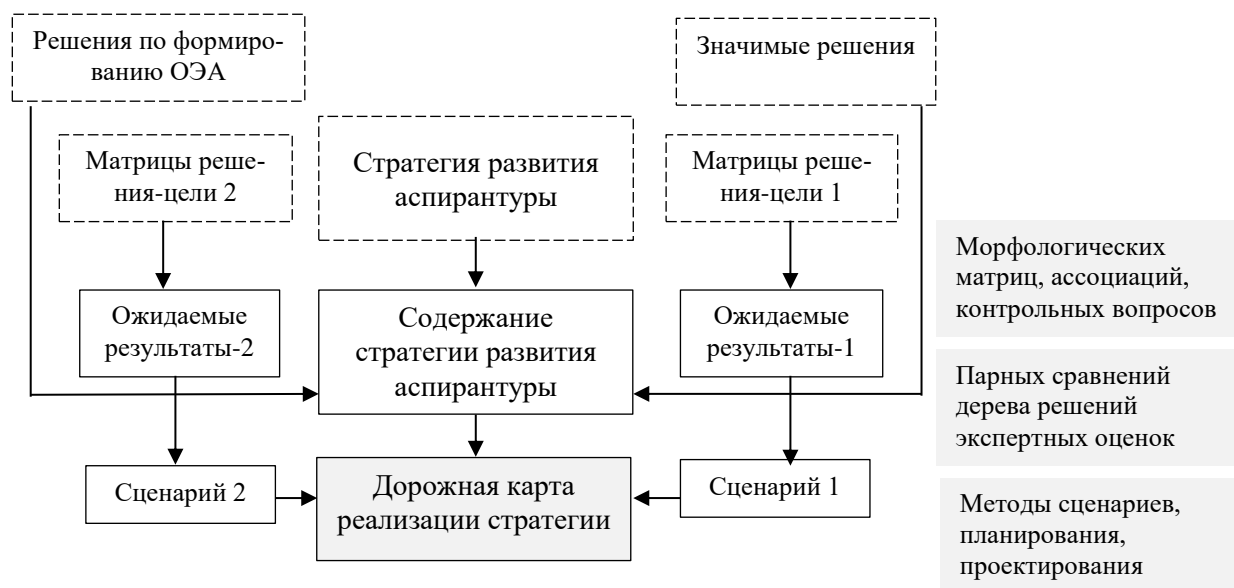

Рис. 3. Распределение методов построения дорожной карты реализации стратегии
 Fig. 3. Distribution of methods for constructing a strategy implementation roadmap

Содержание стратегии развития аспирантуры формируется на основе значимых решений, полученных по результатам экспертных оценок стейкхолдеров в сочетании с решениями, направленными на формирование образовательной экосистемы аспирантуры.

Ожидаемые результаты в развитии аспирантуры могут быть сформулированы также на основе построения морфологических матриц, в которых реализуется попытка ответить на вопрос: «если будет достигнута поставленная цель, то какой можно ожидать результат от достижения такой цели»? Однако для большей точности формулировок ожидаемых результатов построить следует не только матрицу «цели-ожидаемые результаты», но и общую матрицу перехода от решений к целям, от целей – к ожидаемым результатам («решения-цели-ожидаемые результаты»).

Полученные формулировки ожидаемых результатов следует сгруппировать, для чего методом парных сравнений необходимо выделить группы ожидаемых результатов близкие по содержания, на базе которых затем построить сценарий для начального и последующего этапов развития аспирантуры.

Дорожная карта [16], как это принято, будет наполнена целями и задачами развития аспирантуры, мероприятиями (проектами и программами) достижения целей, а также ожидаемыми результатами, сроками получения результатов и указанием на ответственных исполнителей.

Таким образом названные методы по предложенному алгоритму обеспечат выделение наиболее значимых решений по повышению результативности работы аспирантуры, на базе которых может быть составлены отдельные проекты и программы стратегического толка в части активизации работы аспирантов, повышения помощи аспирантам со стороны научных руководителей, а также улучшения работы самой аспирантуры и корректировки программы обучения в аспирантуре.

Апробация представленной методики в рамках реального проекта по выполнению научно-исследовательской работы по заданию одного из филиалов РАНХиГС показала возможность построения дерева целей, адекватного выработанным наиболее значимым решениям, во главе которого находится главная цель развития аспирантуры, формулировка которой звучит следующим образом: «Ориентировать подготовку аспирантов на защиту диссертационных работ, освобождая учебный процесс от второстепенной нагрузки на аспиранта и удовлетворяя его потребности в приобретении недостающих компетенций как в проведении исследований, так и в работе проектных команд, и при этом стимулировать научных руководителей, привлекая их к решению проблем повышения результативности аспирантуры».

Целевая ориентация подобного рода отражает практику подготовки научно-педагогических кадров в зарубежных странах [17; 18; 19] и в отношении отбора мотивированных и подготовленных к обучению аспирантов, и в части сотрудничества аспирантов между собой и научными руководителями в процессе обучения, освобожденного от дисциплин, не относящихся к экзаменам кандидатского минимума.

В итоге, будут созданы основы для построения стратегии развития аспирантуры: определены стратегически значимые цели развития и содержание основных решений по их достижению.

Список источников

1. Дианов С.А., Дианова Ю.В. Ценностно-смысловые основания получения образования в аспирантуре национального исследовательского вуза. *Психолог.* 2023. № 2. С. 14-21. DOI: 10.25136/2409-8701.2023.2.39896. – EDN: CBLVMK.
2. Зайцева Е.В., Запарий В.В., Асрян Г.Г. Результаты реформ в области подготовки кадров высшей квалификации в конце XX- начале XXI века: аспирантура и докторантура. История и современное мировоззрение. 2022. Т. 4. №3. С. 103-110. DOI: 10.33693/2658-4654-2022-4-3-103-110. – EDN: PSUMLD.
3. Дмитриев П.А., Финогенов А.С. Ключевые факторы мотивации к обучению в аспирантуре. *Управленческое консультирование.* 2022. № 11. С. 123-131. – DOI 10.22394/1726-1139-2022-11-123-131. – EDN: HOIGDC.
4. Свиткевич, Ю.В. (2022). Современное научное руководство в университетах: взаимодействие субъектов процесса, детерминанты эффективности результатов. *Северо-Кавказский психологический вестник.* 2021. №19(3). 44-61. – EDN: OJBRBB.
5. Крегер О. Типы людей: 16 типов личности, определяющих как мы живем, работаем и любим / Пер с англ Ю.Ю. Ступак. – М.: АСТ Астрель, 2005. – 348 с.
6. Хангельдиева И.Г. Образовательные экосистемы – тренд развития современного российского образования в ближайшем будущем // *Вестник Московского университета. Серия 20: Педагогическое образование.* 2022. № 1. С. 68-88. – ID: 48631185. – EDN: TZWSGC.
7. Тельнова С.В. Развитие образовательной экосистемы вуза как способ модернизации высшего образования в современных условиях // *Перспективы науки.* 2022. № 6 (153). С. 124-126. – EDN: QXQMOO.
8. Ветчинова М.Н. Образовательная экосистема как новая парадигма образования XXI в. // *Историко-педагогический журнал.* 2022. № 4. С. 89-97. – ID: 50025886. – EDN: WYEMGU.
9. Минцберг Г., Альстрэнд Б., Лэмпел Дж. Школы стратегий / Пер с англ. под ред. Ю.Н. Каптуревского. – СПб: Издательство «Питер», 2000. – 336 с.
10. Пригожин А.И. Цели и ценности. Новые методы работы с будущим. – М.: Дело, 2010. – 432 с.
11. Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. – М.: Омега-Л, 2007. – 567 с.
12. Маркуардт М. Правильные вопросы – эффективный метод управления: как лидеры находят оптимальные решения, задавая вопросы / Майкл Маркуардт. – М.: Омега-Л: Смартбук, 2008. – 240 с.
13. Панфилова А.П. Мозговые штурмы в коллективном принятии решений: учебное пособие. – СПб.: ИВЭСЭП, Знание, 2005. – 317 с.
14. Роэм Д. Визуальное мышление. Решение проблем и продажа идей при помощи картинок на салфетке. – М.: Эксмо, 2009. – 296 с.
15. Глебов Г.Е., Лапыгин Ю.Н. Образовательная экосистема аспирантуры // *Муниципалитет: экономика и управления.* 2023. №4. С. 22-32. DOI 10.22394/2304-3385-2023-4-22-32. – EDN: RLCNYK.
16. Великанова Н.П., Карасев О.И. Метод дорожных карт в стратегическом планировании развития образования. *Университетское управление: практика и анализ.* 2014. № 4- 5(92-93). С. 95-105. EDN TAQQVH.
17. Hutapea, Parulian et al. Innovation Momentum in A Higher Education Ecosystem (A Study at The University of Indonesia). *Proceedings of the Proceedings of The 1st Workshop Multimedia Education, Learning, Assessment and its Implementation in Game and Gamification, Medan Indonesia, 26th January 2019, WOMELA-GG (2019):* n. pag. – DOI: 10.4108/eai.26-1-2019.2282912.
18. Niemi, Hannele: Education reforms for equity and quality: an analysis from an educational ecosystem perspective with reference to Finnish educational transformations – In: *CEPS Journal* 11 (2021) 2, S.27 – DOI: 10.25656/01:22767.
19. Wang, Z. and Zhang, Q. (2019) Higher-Education Ecosystem Construction and Innovative Talents Cultivating. *Open Journal of Social Sciences*, 7, 152. – DOI: 10.4236/jss.2019.73011.

References

1. Dianov S.A., Dianova Yu.V. Value-based and semantic grounds for obtaining postgraduate education at a national research university. *Psychologist.* 2023;(2):14-21. DOI: 10.25136/2409-8701.2023.2.39896. - EDN: CBLVMK. (In Russ.)
2. Zaitseva E.V., Zaparii V.V., Asryan G.G. Results of reforms in the field of training highly qualified personnel at the end of the 20th and beginning of the 21st centuries: postgraduate and doctoral studies. *History and modern worldview.* 2022;4(3):103-110. DOI: 10.33693/2658-4654-2022-4-3-103-110. - EDN: PSUMLD. (In Russ.)

3. Dmitriev P.A., Finogenov A.S. Key factors of motivation for postgraduate study. *Management consulting*. 2022;(11):123–131. - DOI 10.22394/1726-1139-2022-11-123-131. - EDN: HOIGDC. (In Russ.)
4. Svitkevich Yu.V. Modern scientific leadership in universities: interaction of subjects of the process, determinants of the effectiveness of results. *North Caucasian Psychological Bulletin*. 2021;19(3):44-61. - EDN: OJBRBB. (In Russ.)
5. Kreger O. *Types of people: 16 personality types that determine how we live, work and love*. Translated from English by Yu.Yu. Stupak. Moscow: AST Astrel; 2005. 348 p. (In Russ.)
6. Khangeldieva I.G. Educational ecosystems - the development trend of modern Russian education in the near future. *Bulletin of Moscow University. Episode 20: Teacher education*. 2022;(1):68–88. - ID: 48631185. - EDN: TZWSGC. (In Russ.)
7. Telnova S.V. Development of the educational ecosystem of a university as a way to modernize higher education in modern conditions. *Perspectives of science*. 2022;6(153):124–126. - EDN: QXQMOO. (In Russ.)
8. Vetchinova M.N. Educational ecosystem as a new paradigm of education in the 21st century. *Historical and pedagogical journal*. 2022;(4):89–97. - ID: 50025886. - EDN: WYEMGU. (In Russ.)
9. Mintzberg G., Ahlstrand B., Lampel J. *Schools of strategies*. St. Petersburg, 2000. 336 p. (In Russ.)
10. Prigozhin A.I. *Goals and values. New methods of working with the future*. Moscow: Delo; 2010. 432 p. (In Russ.)
11. Yadov, V.A. *Strategy of sociological research. Description, explanation, understanding of social reality*. Moscow: Omega-L; 2007. 567 p. (In Russ.)
12. Marquardt M. *The right questions are an effective management method: how leaders find optimal solutions by asking questions*. Moscow: Omega-L: Smartbook; 2008. 240 p. (In Russ.)
13. Panfilova A.P. *Brainstorming in collective decision making: a tutorial*. St. Petersburg; 2005. 317 p. (In Russ.)
14. Roem D. *Visual thinking. Solving problems and selling ideas using pictures on a napkin*. Moscow: Eksmo; 2009. 296 p. (In Russ.)
15. Glebov G.E., Lapygin Yu.N. Educational ecosystem of graduate school. *Municipality: economics and management*. 2023;(4):22–32. DOI 10.22394/2304-3385-2023-4-22-32. - EDN: RLCNYK. (In Russ.)
16. Velikanova N.P., Karasev O.I. The road map method in strategic planning for educational development. *University management: practice and analysis*. 2014;4-5(92-93):95-105. - EDN TAQQVH. (In Russ.)
17. Hutapea, Parulian et al. Innovation Momentum in A Higher Education Ecosystem (A Study at The University of Indonesia). *Proceedings of the Proceedings of The 1st Workshop Multimedia Education, Learning, Assessment and its Implementation in Game and Gamification*, Medan Indonesia, 26th January 2019, WOMELAGG (2019): n. pag. – DOI: 10.4108/eai.26-1-2019.2282912.
18. Niemi, Hannele: Education reforms for equity and quality: an analysis from an educational ecosystem perspective with reference to Finnish educational transformations - In: *CEPS Journal* 11 (2021) 2, S.27 - DOI: 10.25656/01:22767.
19. Wang, Z. and Zhang, Q. (2019) Higher-Education Ecosystem Construction and Innovative Talents Cultivating. *Open Journal of Social Sciences*, 7, 152. - DOI: 10.4236/jss.2019.73011.

Информация об авторах

Г. Е. Глебов – аспирант кафедры менеджмента Владимирского филиала РАНХиГС.

Ю. Н. Лапыгин – доктор экономических наук, профессор кафедры менеджмента Владимирского филиала РАНХиГС.

Information about the authors

G. E. Glebov – Postgraduate student of the Department of Management, Vladimir branch of RANEPa.

Yu. N. Lapygin – Dr. Sci. (Econ.), Professor of the Department of Management, Vladimir branch of RANEPa.

Вклад авторов: Ю. Н. Лапыгин – 20 %, Г. Е. Глебов – 80 %.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: Yu. N. Lapygin – 20 %, G. E. Glebov – 80%.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 31.03.2024; одобрена после рецензирования 25.05.2024; принята к публикации 27.05.2024.

The article was submitted 31.03.2024; approved after reviewing 25.05.2024; accepted for publication 27.05.2024.

Научная статья

УДК 331.101

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-25-33>

EDN QYPIIG

Организационно-управленческие подходы к развитию организационного поведения в системе управления персоналом

Илья Олегович Задоренко¹, Татьяна Александровна Головина²

¹Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина, Краснодар, Россия, kafedramunh@mail.ru

²Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Орёл, Россия, golovina_t78@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9258-4100>

Аннотация. В статье обоснована актуальность применения современных организационно-управленческих подходов к развитию организационного поведения персонала. Раскрыта роль типов поведения и трудовых ценностей сотрудников организации, результатом которых стала мотивационная модель организационного поведения персонала. С учетом выделенных мотивационных типов персонала предложен комплекс методов развития организационного поведения сотрудников, включающий научно-методический, информационный, андрагогический и социально-коммуникативный подходы. Исследование свидетельствует о том, что организационное поведение является одной из ключевых элементов системы управления персоналом, от эффективности управления которой зависит результат менеджмента и финансовый успех предприятия.

Ключевые слова: управление персоналом, организационное поведение, потребности индивида, мотив, ценности сотрудников, методы управления развитием организационного поведения

Для цитирования: Задоренко И. О., Головина Т. А. Организационно-управленческие подходы к развитию организационного поведения в системе управления персоналом // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 2. С. 25–33. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-25-33>. EDN QYPIIG

Problems of Management

Original article

Organizational and managerial approaches to the development of organizational behavior in the HR management system

Ilya O. Zadorenko¹, Tatjana A. Golovina²

¹Kuban State Agrarian University, Krasnodar, Russia, kafedramunh@mail.ru

²Central Russian Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Orel, Russia, golovina_t78@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9258-4100>

Abstract. The article substantiates the relevance of modern organizational and management approaches to the development of organizational behavior of personnel. The role of behavior types and work values of the organization's employees, which resulted in the motivational model of organizational behavior of the staff, is revealed. Taking into account the identified motivational types of personnel, a set of methods for the development of organizational behavior of employees, including scientific-methodological, informational, andragogical and socio-communicative approaches is proposed. The study shows that organizational behavior is one of the key elements of the personnel management system, the effectiveness of which determines the management result and the financial success of the enterprise.

Keywords: human resource management, organizational behavior, individual needs, motive, employee values, methods of managing organizational behavior development

For citation: Zadorenko I. O., Golovina T. A. Organizational and managerial approaches to the development of organizational behavior in the HR management system. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(2):25-33. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-25-33>. EDN QYPIIG

В современных условиях хозяйствования, характеризующихся высоким риском, неопределенностью, возрастающей конкуренцией и ростом финансовых проблем, организации могут рассчитывать на удержание стабильных позиций в долгосрочной перспективе только при условии принятия эффективных управленческих решений, основанных на учете интересов и ценностей сотрудников, создании благоприятной организационной культуры, проактивного управления конфликтами и стрессами.

Для изучения концепции управления используется мультимодальный подход, который рассматривает менеджмент как процессную модель разработки и реализации управленческих решений; как процессную модель осуществления управленческих функций; как процессную модель, целевого действия с людьми и процессами экономической системы [1].

Организацию целесообразно рассматривать с позиции процессного подхода к формированию необходимой среды для достижения всех поставленных целей. Именно менеджеру в процессе трудовой деятельности следует создавать, корректировать как структуру всей организационной системы, так и трудового коллектива; выбирать и совершенствовать методы управления; определять характеристику и режим работы организации, фиксировать, определять ответственность структурных подразделений, отдельных исполнителей, их полномочий; снабжать организацию ресурсами, необходимыми для ее функционирования и развития; создавать систему норм поведения, убеждений, ценностей; организовывать и производить подбор персонала для решения конкретных задач; формировать систему документационного обеспечения деятельности организации; формировать коммуникационную систему предприятия; создавать условия для организации эффективной командой работы по достижению намеченных результатов.

В позиции различных ученых, функционал организации рассматривается с позиции организаторской и организационной деятельности. Значение данных подходов различно: организаторский подход предполагает характеристику деятельности организатора, в свою очередь – организационный подход связан с подготовкой каких либо процессов в организации или характеристик самой организации как экономической системы [2].

Ключевую роль в организационном подходе играют управленцы различных уровней, которым необходимо вовлекать персонал как в деятельность организации, так и в решение стратегических и оперативных задач.

Ключевым фактором успеха организационной деятельности является знание моделей организационного поведения, возможных сценариев проявления и перспективных направлений его развития.

Именно рациональное организационное поведение позволяет реализовывать предприятиям свой потенциал, строить успешные взаимовыгодные отношения со всеми заинтересованными сторонами.

Организационное поведение является междисциплинарной научной категорией и изучению ее сущности, трансформации в условиях динамично меняющейся внешней среды посвящено большое количество разносторонних исследований.

С позиции разных научных школ менеджмента концепция организационного поведения рассматривается в исследованиях зарубежных ученых Вагнера Дж. А., Гордона Р., Лютенса Ф., Митчелла Т. Р., Ханта Дж. и др., а также в работах отечественных исследователей Красовского Ю.Д., Самраиловой Е. К., Сигова В. И., Спивака В. А., Шапиро С. А. и др. [1]

Вопросы эффективного взаимодействия, участия работников в принятии управленческих решениях, развития лидерства в контексте теории организационного поведения исследуются в научных работах Вебера М., Крамера М., Лорша Дж., МакГрегора Д., Малиновния Б. К., Сталкера Дж. М., Фримана Р. и др. [3]

Отраслевые особенности организационного поведения персонала выявлены в работах таких ученых, как Мурашовой Ю. В., Пановой А. Ю., Хуртиной В. В., Чудновой О. В. и др. [4]

В то же время малоизученными остаются вопросы выбора и применения инструментария развития организационного поведения в системе управления персоналом предприятия.

В данном исследовании организационное поведение рассматривается как важнейшая часть системы управления персоналом и координирующая поведение акторов предприятия с позиции направленных друг на друга действий.

Поведение персонала представляет собой систему осознанных, общественно значимых действий, которые зависят от их позиции в организации и определяет отношение по признанию организационных ценностей и норм.

С позиции данной трактовки поведения работников, целесообразно выделить четыре типа работающих людей (рис. 1).

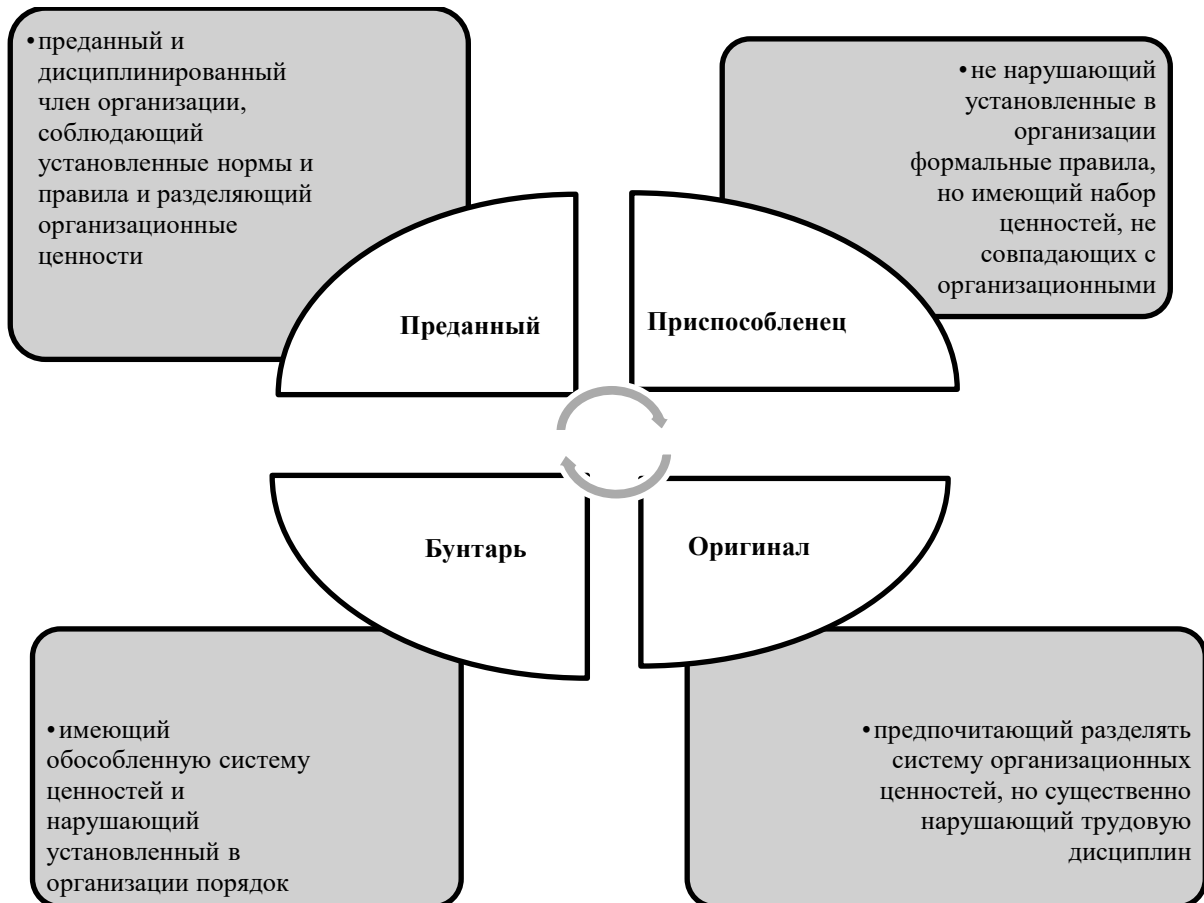

Рис. 1. Типы работающего человека¹

Fig. 1. Types of working person

На поведение работника влияние оказывает поведенческая роль личности.

Отдельная личность обладает набором уникальных ценностей, состав которых обусловлен социокультурными условиями, в которых человек воспитывается и развивается. В тоже время, организация обладает набором интересов и ценностей, являющихся элементом организационной культуры и их следует придерживаться и разделять, чтобы избежать среди персонала конфликтных ситуаций.

Ценности возникают на логическом уровне, позволяют человеку занимать определенную нереплексивную и в то же время рефлексивную позицию по отношению к себе, к собственным предпочтениям, к окружающим людям и общественной системе в целом.

Система ценностей характеризуется многоуровневостью, структура которой во многом зависит от установок, обусловленных смыслом жизни, идеалами человека. В этой связи, ценностные ориентации представляют собой воспроизведение в сознании личности ценностей, отождествляемых с ключевой целью, мотивом, определяющих поведение человека.

¹ Составлено авторами.

Опираясь на утверждение о том, что социальная активность личности определяется его ценностной ориентацией, следует полагать, что индивид выбирает ценность и тем самым определяет свое отношение к ней.

Исследования в области менеджмента показали, что дилеммы относительно осмысленного труда или ценностные конфликты на рабочих местах возникают в ситуациях, когда выполняемые на работе социальные роли идут в разрез с представлениями о справедливости и нравственности в отношении с окружающими [5].

Инструментальные ценности следует рассматривать как установки, позволяющие достигнуть человеку определенных ценностей – целей, то есть как средства достижения ценности. В данной позиции, труд представляет собой средство, позволяющее удовлетворить материальные потребности индивида.

В социально-трудовой сфере ценностям присуща интегративная функция, так как от ценностей индивида зависит выбор модели поведения, поддерживаемый обществом и тем самым создают условия для интеграции человека в социальную структуру. Система ценностей обеспечивает процесс регулирования поведения персонала в организации, в свою очередь индивид воспринимает и транслирует социальный опыт.

Трудовые ценности являются производными от жизненных ценностей человека, которые, в свою очередь, отличаются по своим свойствам от личностных характеристик индивида, его поведенческих установок и общественно-разделяемых норм; и определяются как общественно-разделяемые представления о важном и значимом в жизни человека.

К трудовым ценностям целесообразно отнести установки, которые отражают содержание трудовой деятельности и включают достижения в профессии, интересная работа, возможности приносить пользу внутреннему и внешнему окружению, карьерное развитие, устойчивый и благоприятный климат в рабочем коллективе и др.

К ключевым трудовым ценностям относятся инструментально значимые ценности, представляющие собой мотивационные характеристики труда, обусловленные его результатами: условия трудовой деятельности и заработная плата. К ним следует отнести наличие социальных гарантий в организации, комфортный график работы, стабильность в выплатах заработной платы, дополнительные форматы социальной защиты персонала и др.

В качестве дифференцирующего критерия трудовых ценностей выступает роль денежных средств. Более того, дифференциация трудовых ценностей происходит на микро-, мезо- и макроуровнях. Наряду со стандартными факторами дифференциации (пол, возраст, поколение, материальное положение и культурный капитал), значимую взаимосвязь с трудовыми ценностями имеют структурные факторы (тип проживания, место работы, социально-экономические характеристики региона, где осуществляется трудовая деятельность).

Концепция благополучия и личного времени работника, как ответственно и качественно исполняющего поручения руководителя, ставится в центр политики организации. Здоровье, безопасность, справедливость и равенство сотрудников, поддержка усилий и инициатив работников, создание иощрение поддерживающей атмосферы между сотрудниками, помогающими друг другу в решении трудностей – все это, в теории менеджмента, способно добавлять осмысленности, вовлеченности в рабочие задачи и позитивного восприятия своей работы персоналом.

Поведение работника в рамках своей трудовой деятельности является внешним проявлением своего отношения к труду и характеризуется как трудовое поведение. С данной точки зрения мотивом, который побуждает персонал к трудовым действиям выступают потребности.

Мотивационная модель организационного поведения персонала приведена на рис. 2.

Концепция представленной модели состоит в том, что необходимо создание определенных социально-экономических условий, способных удовлетворить потребности индивида. Соответствие им выступает основой мотивов трудового поведения. Совпадение индивидуальных целей и целей предприятия в равноправных социально-экономических условиях является мотивационным ядром, формирующим организационное поведение персонала.

Руководство организации должно учитывать наличие различных типов мотивационного поведения сотрудников, которые характеризуются специфическими моделями поведения (рис 3.).

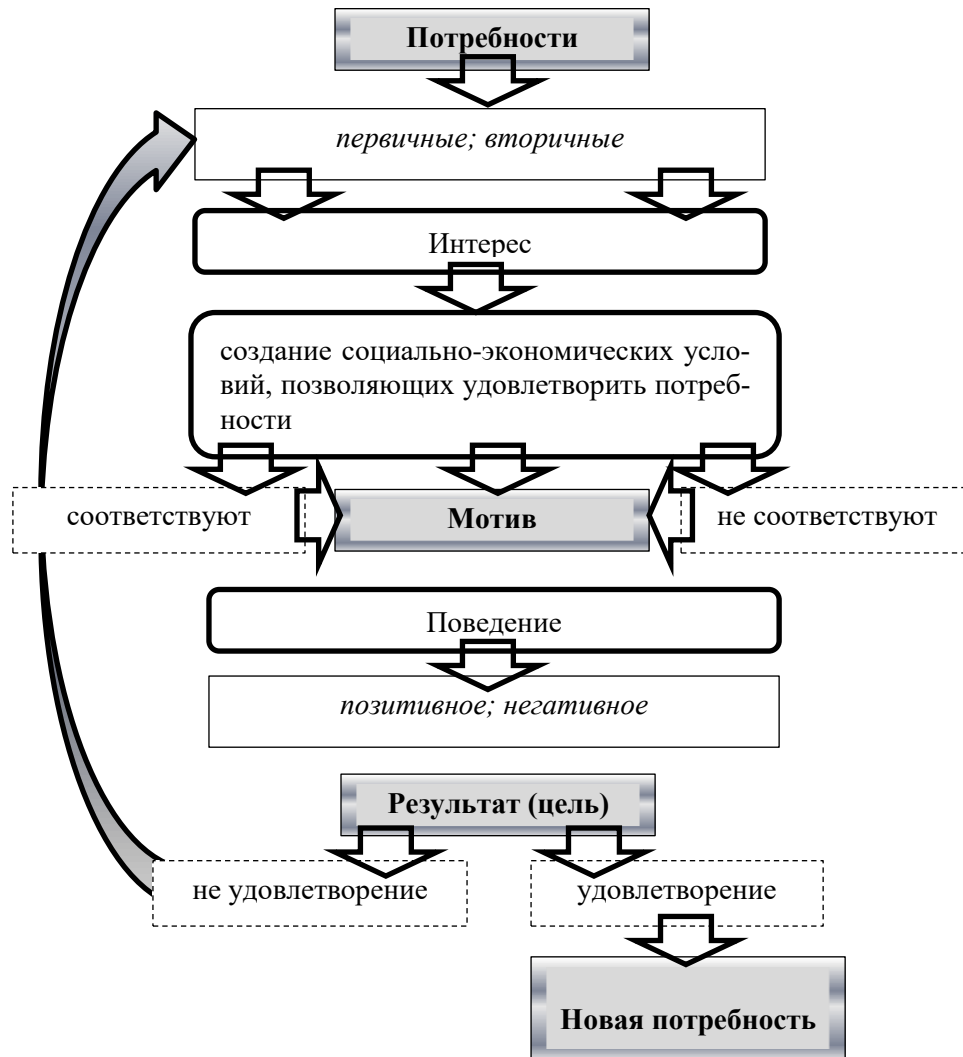

Рис. 2. Мотивационная модель организационного поведения персонала¹

Fig. 2. Motivational model of organizational behavior of personnel

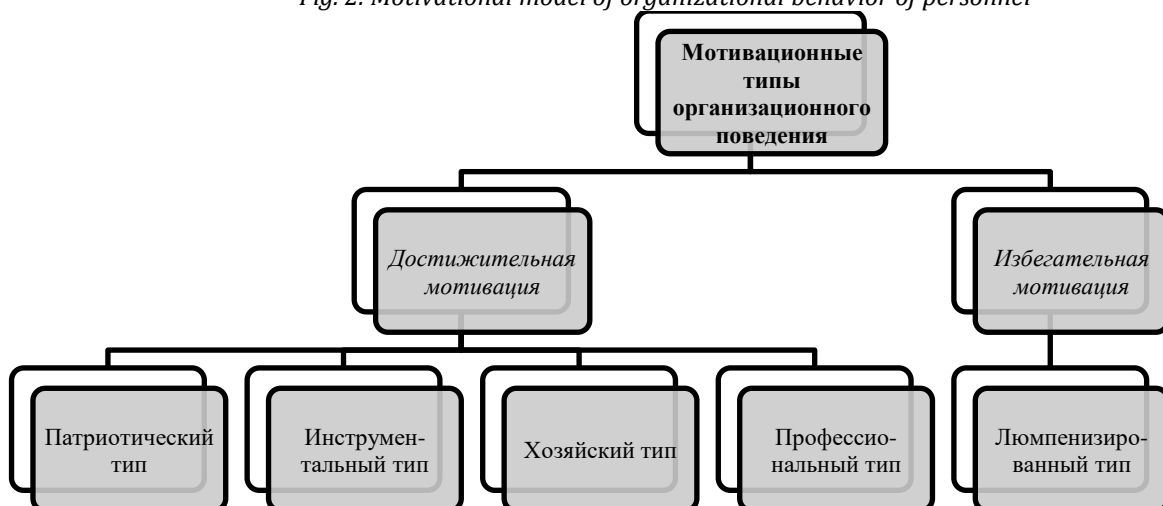

Рис. 3. Мотивационные типы организационного поведения²

Fig. 3. Motivational types of organizational behavior

¹ Составлено авторами.

² Составлено авторами на основе [5, 6].

Характеристиками люмпенизированного типа организационного поведения являются: низкая квалификация и нежелание ее развивать; согласие с низкой оплатой труда и отсутствие предпочтений в выборе работы; стремление переложить ответственность за принятие решений на других; низкая трудовая активность.

Для персонала патристического типа важнейшим вознаграждением является коллективное признание востребованности и необходимости работника в организации.

Основной характеристикой инструментального типа поведения является приверженность работника к стоимости труда, его желание собственноручно обеспечить благосостояние.

Хозяйский тип поведения присущ работникам, которые готовы взять на себя ответственность за принятие управленческих решений; не воспринимают контроля и обладают ярко выраженным стремлением к свободе действий.

Профессиональный тип поведения представлен работниками, которых интересует содержание трудовой деятельности, а только потом размер оплаты труда.

Для повышения эффективности системы управления персоналом в хозяйствующих субъектах целесообразно применять современные подходы к развитию организационного поведения.

Предлагаемая структура развития организационного поведения персонала приведена на рис. 4.

Рис. 4. Предлагаемая структура развития организационного поведения персонала¹

Fig. 4. Proposed framework for the development of staff organizational behavior

Научно-методический подход как компонента развития организационного поведения направлен на организацию и координацию различных мероприятий, событий для обеспечения взаимодействия персонала организации, что позволяет работникам провести самоанализ трудового опыта, карьерного успеха, личностного развития.

Применение данного подхода предполагает учет не только личностных ценностей, но и институциональных установок. Институциональная составляющая направлена на развитие организационного поведения персонала при одновременном научно-методическом сопровождении и оказании поддержки, формировании условий для успешной реализации трудовых функций. Личностный аспект научно-методического подхода включает формирование у сотрудника качеств самоконтроля, самооценки, активизацию участия в принятии совместных управленческих решений.

Информационный подход с позиции авторов данного исследования заключается в организации взаимодействия персонала предприятия в едином цифровом пространстве на принципах целостности и непрерывности.

В свою очередь информационный подход представляет собой деятельность по формированию цифровой среды взаимодействия персонала на принципах информационной открытости и для снижения риска неудач и потерь в профессиональной деятельности и направленная на создание высокоэффективной коммуникативно-развивающей среды организации.

Андрагогический подход к развитию организационного поведения персонала заключается в учете особенностей субъектов организационного поведения, их запросов и потребностей. Применение данного подхода позволяет запустить процессы саморазвития и самосовершенствования сотрудников на основе потенциала личности и индивидуальных ресурсов.

Социально-коммуникативный подход к развитию организационного поведения необходим для создания условий реализации социальной коммуникации персонала с целью поддержки развития

¹ Составлено авторами.

коммуникативных умений сотрудников. Подход направлен на формирование и развитие коммуникативных компетенций организационного поведения персонала за счет увеличения коммуникационного поля, позиционирования личного профессионального опыта трудовой деятельности, карьерного развития.

Применение данного подхода влияет на коммуникативную культуру руководителя, обуславливает необходимость развития как когнитивной, так и деятельности составляющей его компетентностной модели, а также усиление роли аксиологической компоненты организационного поведения.

Наряду с развитием коммуникационного поля, социально-коммуникативный подход направлен на расширение поля социальной коммуникации, что позволяет повысить эффективность взаимодействия персонала, снизить негативное воздействие на отдельного индивида.

Применение на практике выделенных организационно-управленческих подходов к развитию организационного поведения персонала имеет ряд особенностей, которые должны быть учтены в системе управления персоналом предприятия:

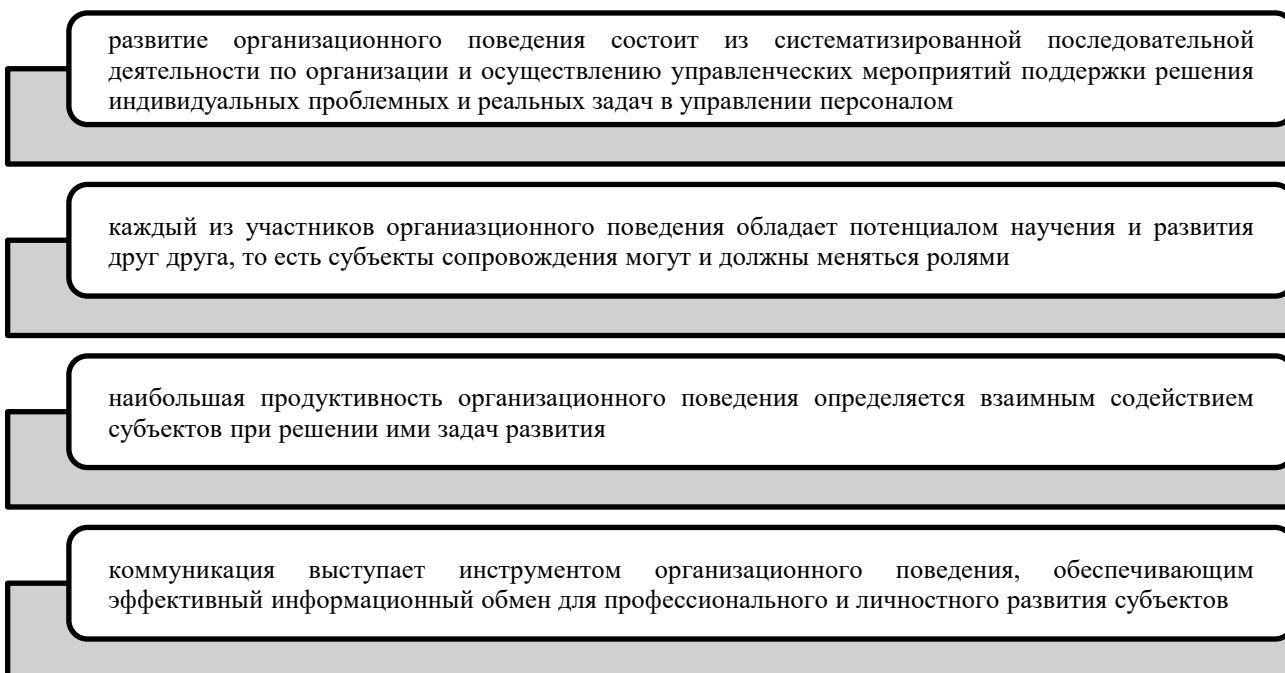

Рис. 5. Выделенные особенности развития организационного поведения персонала в контексте реализации его организационно-управленческого сопровождения¹

Fig. 5. Highlighted features of the development of organizational behavior of personnel in the context of the implementation of its organizational and managerial support

В прикладном плане предлагаемая структура развития организационного поведения персонала позволяет руководителям более осознано подойти к осмыслению управленческой деятельности в организации, воспринимать технологию управления организационным поведением как целостную, многоуровневую, динамичную систему, а также позволяет развивать и совершенствовать коммуникационное взаимодействие между работниками, возникающее в рамках трудовой деятельности.

Принципами, обеспечивающими развитие системы организационного поведения персонала должны стать:

- принцип системности – заключается в обеспечении преемственности целей организационного поведения его содержанию, формам, методам и средствам, а также механизмам оценки результатов его развития;

- принципа непрерывности – направлен на созданием условий преемственности и взаимодополнении технологий развития организационного поведения как динамичной дискретно-последовательной деятельности управления персоналом;

¹ Составлено авторами.

- принцип элективности – обеспечивает возможность работникам проявлять самостоятельность и быть независимыми в выборе целевых установок, техник и методов принятия управленческих решений.

Все принципы взаимосвязаны и реализуются в единстве.

Развитие постиндустриального общества стало толчком к трансформации управленческой деятельности организаций, пересмотру принципов разделения трудовой деятельности и функций менеджмента, пониманию ценности работников [7].

Организационное поведение начинает играть ключевую роль в системе управления персоналом, так как именно человеческий фактор, качество персонала обеспечивает успех управленческих решений и повышает конкурентные преимущества предприятия.

Управление развитием организационного поведения выступает уникальной и сложной задачей для отдельного предприятия. Исследование организационно-управленческих подходов к его развитию позволило сделать выводы о перспективах совершенствования организационного поведения:

- организационное поведение остается междисциплинарным направлением, которое заимствует большое количество идей из других областей знаний. При этом научные обоснованные модели трансформируются их социальных наук, а практика их применения из управленческих. В этой связи, необходима разработка научно обоснованной концепции интеграции механизмов организационного поведения в систему управления персоналом, в которой теория и практика взаимодействия субъектов трудовой деятельности будет строиться на современных теориях менеджмента;

- управление развитием организационного поведения представляет непрерывный процесс трансформации деятельности руководителя и сотрудников организации на основе комплекса научно-методического, информационного, андрагогического и социально-коммуникативного подходов.

Предложенная структура организационно-управленческого подхода носит системный характер и основывается на разделяемой персоналом кадровой политике, являющейся частью стратегии развития предприятия.

Таким образом, применение современных организационно-управленческих подходов к развитию организационного поведения в системе управления персоналом позволяет совершенствовать процессы принятия управленческих решений на основе вовлеченности сотрудников и учета их ценностей и мотивов.

Список источников

1. Ильясова М. К., Мустафаева С. Р. Современные теории управления организационным поведением // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. 2023. № 3 (81). С. 74-78. DOI: 10.34771/UZCEPU.2023.81.3.015.

2. Стожко Д. К., Стожко К. П., Шиловцев А. В., Некрасов С. Н., Синько В. Н. Экономическое поведение и организационное развитие в современных условиях // Образование и право. 2023. № 11. С. 576-583. DOI: 10.24412/2076-1503-2023-11-576-583.

3. Раренко А. А. Корпоративные ценности в системе ценностей персонала российских организаций // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2023. Т. 13. № 1. С. 199-214. DOI: 10.21869/2223-1552-2023-13-1-199-214.

4. Эсаулова И. А. Дифференциация инновационных ценностей компании в контексте личностных механизмов проактивности и видов деятельности работников // Управленец. 2020. Т. 11. №2. С. 41-52. DOI: 10.29141/2218-5003-2020-11-2-4.

5. Суржиков М. А., Абазиева К. Г., Кудрявцев Д. И. Антикризисное управление человеческими ресурсами как механизм повышения мотивации сотрудников и организационной устойчивости // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. №2. С. 79-84. DOI: 10.22394/2079-1690-2023-1-2-79-84.

6. Алехина Л. Л., Шекина А. Н., Шекин А. А. Многогранность трудовой мотивации и совершенствование методов стимулирования труда персонала // Экономическая среда. 2023. № 3(45). С. 42-48. DOI: 10.36683/2306-1758/2023-3-45/42-48.

7. Бажин И. В. Социально-экономическая группа как объект организационного поведения // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2023. Т. 13. № 7-1. С. 520-530. DOI: 10.34670/AR.2023.90.19.061.

References

1. Ilyasova M. K., Mustafaeva S. R. Modern theories of organizational behavior management. *Scientific Notes of the Crimean Engineering and Pedagogical University*. 2023;3(81):74-78. DOI: 10.34771/UZCEPU.2023.81.3.015. (In Russ.)
2. Stozhko D. K., Stozhko K. P., Shilovtsev A. V., Nekrasov S. N., Sinko V. N. Economic behavior and organizational development in modern conditions. *Education and Law*. 2023;(11):576-583. DOI: 10.24412/2076-1503-2023-11-576-583. (In Russ.)
3. Rarenko A. A. Corporate values in the system of values of the personnel of Russian organizations. *Izvestiya South-West State University. Series: Economics. Sociology. Management*. 2023;13(1):199-214. DOI: 10.21869/2223-1552-2023-13-1-199-214. (In Russ.)
4. Esaulova I. A. Differentiation of innovative values of the company in the context of personal mechanisms of proactivity and types of activities of employees. *Upravlenets*. 2020;11(2):41-52. DOI: 10.29141/2218-5003-2020-11-2-4. (In Russ.)
5. Surzhikov M. A., Abazieva K. G., Kudryavtsev D. I. Anti-crisis management of human resources as a mechanism to increase employee motivation and organizational stability. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2023;(2):79-84. DOI: 10.22394/2079-1690-2023-1-2-79-84. (In Russ.)
6. Alekhina L. L., Shchekina A. N., Shchekin A. A. Multifaceted labor motivation and improvement of methods of stimulation of personnel labor. *Economic Environment*. 2023;3(45):42-48. DOI: 10.36683/2306-1758/2023-3-45/42-48. (In Russ.)
7. Bazhin I. V. Socio-economic group as an object of organizational behavior. *Economics: yesterday, today, tomorrow*. 2023;13(7-1):520-530. DOI: 10.34670/AR.2023.90.19.061 (In Russ.)

Информация об авторах

И. О. Задоренко – аспирант кафедры цифровой экономики Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т. Трубилина.

Т. А. Головина – доктор экономических наук, заведующий кафедрой «Менеджмент и управление персоналом» Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС.

Information about the authors

I. O. Zadorenko – Postgraduate at the Department of Digital Economy Kuban State Agrarian University.

T. A. Golovina – Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Department of Management and Personnel Management of Central Russian Institute of Management – branch of RANEPА.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts.

Статья поступила в редакцию 19.02.2024; одобрена после рецензирования 23.05.2024; принята к публикации 24.05.2024.

The article was submitted 19.02.2024; approved after reviewing 23.05.2024; accepted for publication 24.05.2024.

Концептуальные основы управления торгово-экспортной организацией в контексте международного бизнеса

Елена Иосифовна Лазарева¹, Андрей Владимирович Лесников²

^{1, 2}Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

²ООО «МЗК-Экспорт», Ростов-на-Дону, Россия

¹elazareva@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5829-5372>

²lesnikov@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1811-7322>

Аннотация. В статье исследованы концептуальные основы решения значимо-актуальной проблемы – управления торгово-экспортной организацией в контексте развития международного бизнеса в нестабильной экзогенной среде. Цель исследования – детальный анализ ключевых теоретико-концептуальных аспектов управления и обоснование набора стратегических решений, содействующих росту конкурентоспособности российских торгово-экспортных организаций на международном рынке. Методологическую базу исследования составили системно-аналитический и компаративный теоретических методы, а также актуальные работы ученых-экономистов, раскрывающие отдельные проблемные составляющие управления в торгово-экспортных организациях. Продемонстрирован как положительный, так и негативный опыт стратегического планирования в торгово-экспортных организациях в условиях современных вызовов и тенденций в международном бизнесе, предложены и обоснованы этапы стратегического планирования, реализация которых обеспечивает достижение долгосрочных целей организации. Показано, что в условиях возрастающей конкурентности международной среды фокусом концепции приращения потенциала управления торгово-экспортной организацией является холистический подход к стратегическому менеджменту, который предполагает четко сконструированные и функционирующие во взаимодействии системы стратегического планирования, маркетинга, логистики и финансов, способствующие развитию международного бизнеса.

Ключевые слова: управление торгово-экспортной организацией, стратегическое планирование, международный бизнес, конкурентоспособность, холистический подход

Благодарности: исследование выполнено в Южном федеральном университете при поддержке проекта РФФ № 24-28-01624

Для цитирования: Лазарева Е. И., Лесников А. В. Концептуальные основы управления торгово-экспортной организацией в контексте международного бизнеса // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 2. С. 34–41. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-34-41>. EDN RACRVA

Problems of Management

Original article

Conceptual foundations of trade-export organization management in the context of international business

Elena I. Lazareva¹, Andrei V. Lesnikov²

^{1, 2}Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

² MZK-Export LLP, Rostov-on-Don, Russia

¹elazareva@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5829-5372>

²lesnikov@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1811-7322>

Abstract. The article studies the conceptual foundations for solving a significant-actual problem – managing a trade-export organization in the context of international business development in an unstable exogenous environment. The purpose of the study is to provide a detailed analysis of the key theoretical-conceptual

issues of management and to justify a set of strategic decisions that contribute to the growth of Russian trade-export organizations' competitiveness in the international market. The system-analytical and comparative theoretical methods, as well as actual works of scientists-economists, revealing some problematic components of managing in trade-export organizations, formed the methodological basis of the research. Both positive and negative experience of strategic planning in trade-export organizations in the context of modern challenges and trends in international business is demonstrated, the stages of strategic planning, the implementation of which ensures the achievement of long-term goals of the organization, are proposed and substantiated. It is shown that in the conditions of increasing competitiveness of the international environment the focus of the concept of increasing the potential of trade-export organization managing is a holistic approach to strategic management, which implies clearly designed and functioning in interaction systems of strategic planning, marketing, logistics and finance, promoting the development of international business.

Keywords: trade-export organization management, strategic planning, international business, competitiveness, holistic approach

Acknowledgments: The research was carried out at the Southern Federal University with the support of RNF project No. 24-28-01624.

For citation: Lazareva E. I., Lesnikov A. V. Conceptual foundations of trade-export organization management in the context of international business. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(2):34-41. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-34-41>. EDN RACRVA

Стратегическое управление в торгово-экспортной организации

Динамика развития российских торгово-экспортных организаций в контексте международного бизнеса в нестабильной экзогенной среде в значимой степени зависит от качества стратегического управления. Непрерывный процесс трансформации глобального экономического пространства, актуальные тенденции растущей ценности качественных характеристик антропосоциальных и экологических ресурсов все более находят отражение в стратегировании управления международным бизнесом. Доминирующими принципами стратегирования становятся новые приоритеты – холистический подход, ESG – ориентация бизнес-процессов организации, наращивание интеллектуального и технологического (цифрового) капитала, индикация уровня достигнутого благосостояния [1–3].

Потенциал концепции управления торгово-экспортной организацией в контексте международного бизнеса в условиях нестабильности не раскрыт во всех деталях [4]. Данная концепция требует систематизации методологии стратегического планирования, маркетинга, логистики и финансов, способствующих развитию международного бизнеса в неопределенной, конкурентной среде и является одним из насущных предметов научного интереса менеджеров-исследователей [5–7].

Методология стратегического планирования – процесса постановки целей, принятия решений и распределения ресурсов для достижения долгосрочного успеха и конкурентных преимуществ торгово-экспортной организации играет в раскрытии концептуально-управленческого потенциала ключевую роль. Процесс долгосрочного планирования включает в себя анализ текущей ситуации в организации, определение возможностей и проблем, а также разработку стратегий и субстратегий, тактических мероприятий, направленных на достижение целей [8–9].

Стратегическое планирование необходимо торгово-экспортным организациям, чтобы ориентироваться в сложностях глобального рынка, достигать своих целей и сохранять конкурентные преимущества. Анализируя рынок, ставя четкие цели, эффективно распределяя ресурсы, управляя рисками и разрабатывая инновационные стратегии, эти организации могут процветать на международной торговой арене. Анализ актуальных литературных источников показывает, что в основе приращения потенциала управления развитием международного бизнеса лежит риск-ориентированный холистический подход, дефинирующий алгоритм всех бизнес-операций, нацеленный на рост доли международного рынка и прибыли, повышение деловой репутации организации [10–11].

Методология анализа стратегического управления в торгово-экспортной организации в контексте международного бизнеса

Целью анализа служит систематизация теоретико-концептуальных аспектов управления, позволяющая обосновать стратегические решения, содействующие росту международной конкурентоспособности российских торгово-экспортных организаций. Достижение цели происходило на методологической основе инновационно-холистической парадигмы устойчивого управления, интегрирующей концепции устойчивого развития и менеджмента. Данная интегрированная концепция управления ориентирована на повышение уровня экономического благосостояния, стимулирование

соблюдения требований социальной справедливости и экологической стабильности [1; 4]. Значимое место в методологии исследования заняли системно-аналитический и сравнительный методы, позволяющие сконструировать комплексную взаимосвязь параметрических характеристик стратегического планирования, маркетинга, логистики и финансов, способствующих развитию международного бизнеса.

Результаты анализа теоретико-концептуальных аспектов управления в торгово-экспортной организации в контексте международного бизнеса

Анализ теоретико-концептуальных аспектов управления в торгово-экспортной организации в контексте международного бизнеса показал, что стратегическое планирование – инструмент установления четких и измеримых целей организации. Именно этот критерий – измеримость, является критически важным при постановке задачи, ведь в сознании людей, которые будут претворять в жизнь принятые решения, должен быть четкий и ясный образ этих самых целей, формулировка должна быть выверена на уровне юридического документа. Например, если цель формулируется как «увеличить долю рынка», без указания на сколько именно, то такая стратегия заведомо обречена на провал в силу ее чрезмерной абстракции. Наоборот, формулировка «увеличить долю рынка на 17,86 %» или «увеличить прибыль на 12,45 %» немедленно мобилизует сознание на поиск соответствующих решений, даже если поставленная цель не является достижимой в текущий момент. Любая из стратегических целей – увеличение доли рынка либо выход на новый, диверсификация ассортимента продукции, увеличение производительности – непременно должна содержать упомянутый критерий. Здесь самое время поставить под сомнение концепцию интенсивного экономического развития организации. В самом деле, если экстенсивное развитие – это рост за счет увеличения используемых ресурсов (которые, как известно, конечны) без изменения качества производства, а рынок и потребители продукции – это, пожалуй, самые главные ресурсы, которые также ограничены. Тогда получается, что организация развивается экстенсивно, а интенсивное развитие возможно лишь на относительно коротком участке в рамках развития экстенсивного. То есть в глобальном и историческом контексте любая интенсификация все равно переходит в экстенсификацию и ею заканчивается? Данный тезис хоть и носит философский характер, но, тем не менее, является почвой для дальнейших концептуальных дискуссий.

Возвращаясь к реалиям, отметим, что прежде, чем разрабатывать генеральную стратегию (или цель) было бы разумно ответить на пять вопросов «почему / зачем» С. Тойоды, основателя Toyota Motors Corporation:

– Почему (зачем) необходимо увеличить прибыль на 12,45 %? Что бы сократить внешнее финансирование.

– Почему (зачем) необходимо сократить внешнее финансирование? Чтобы не платить грабительский процент и снизить себестоимость на 5,87 %.

– Почему (зачем) необходимо снизить себестоимость? Чтобы занять дополнительные 16 % рынка, вытеснив оттуда конкурентов.

– Почему (зачем) организации нужны дополнительные 16 % рынка? Это должно дать еще 21 % прибыли.

– Почему (зачем) организации 21 % дополнительной прибыли? Чтобы материально стимулировать персонал организации либо вложить дополнительные средства в развитие.

Для обеспечения реализации генеральной стратегии организации необходимо сформировать ряд субстратегий.

Системная аналитика рынка является инструментом выявления рыночных тенденций как актуальных, так и, возможно, ближайшего будущего, потребностей клиентов и конкурентных сил. Эта аналитика позволяет организации определить потенциальные экспортные рынки, оценить спрос и разработать стратегии выхода / расширения присутствия на этих рынках [12]. Приоритетом являются потребности клиентов, именно реальные, а не декларируемые потребности. Четко понимая потребности, можно создать рыночную тенденцию или, даже не тратя времени на оценку конкурентных возможностей организации, уйти в новый продукт, где конкуренции пока еще нет. Т.е. максимальная открытость и взаимное позитивное расположение сторон – залог успеха. Фактически, продавец и покупатель находятся в постоянном конфликте, где разрешением конфликта является сделка. Возникает задача распределения ресурсов, решаемая методами математической теории игр.

Придя к пониманию, чего же все-таки хочет организация и чего хотят ее партнеры (а именно так следует описывать противоположную сторону сделки) необходимо оценить имеющиеся в наличии

ресурсы. И, принимая во внимание их ограниченность, применить основной принцип стратегии – концентрацию, следовательно, эффективно и рационально распределить ресурсы. Это могут быть финансовые, человеческие ресурсы, технологии и инфраструктура, как по отдельности, так и в комплексе. Стратегическое планирование определяет очередность применения того или иного ресурса (либо их совокупности) в порядке приоритетов, их количественную долю, приоритетность инвестирования, а главное, гарантирует, что ресурсопользование будет соответствовать решению задач достижения стратегических целей организации.

Стратегическое планирование играет важную роль в управлении рисками, в их выявлении и разработке мероприятий, направленных на их минимизацию / полное устранение. Это, прежде всего, риски, связанные с колебаниями курсов валют, политической нестабильностью, торговыми барьерами, изменениями в законодательстве и т.д. Прогнозируя и планируя риски, организация может разработать планы действий на случай непредвиденных обстоятельств и сократить потенциальные сбои. Однако, управление рисками это не просто план А, В, С и т.д. на случай наступления каких-либо негативных обстоятельств, это еще выделение определенного ресурсного резерва с целью предотвращения / оперативного устранения последствий данных обстоятельств (например, страховые взносы). К тому же, все, что может произойти в процессе достижения цели, предусмотреть невозможно. Как и невозможно удерживать резерв, позволяющий покрыть все риски. Следовательно, необходимо вычислить наиболее опасные риски, в том числе и с применением математических методов: статистического, логико-вероятностного, аналитического и метода аналогий. Не описывая детально каждый из них, следует упомянуть, что, например, логико-вероятностные методы применяются чаще всего в банковской сфере и с помощью этих методов создаются различные модели кредитных рисков (вероятностные, логические, структурные), а также вычислена цена за риск и ее стоимостной эквивалент [13].

Стратегическое планирование создает способы выделения организации в широком многообразии конкурирующих структур. Определив уникальные торговые предложения, разработав инновационные продукты / услуги и создав сильный бренд, организация может получить конкурентное преимущество на мировом рынке.

Процесс стратегического планирования в торгово-экспортной организации обычно включает в себя следующие этапы:

- Анализ внешней среды – оценка экзогенной ситуации, в том числе рыночных тенденций, предпочтений клиентов, уровня конкурентных факторов. Это служит основой выявления возможностей и проблем организации.

- Внутренний анализ – включает в себя оценку внутренних сильных и слабых сторон, ресурсов и возможностей организации. Он выявляет области, в которых организация имеет конкурентные преимущества, и сферы, которые нуждаются в улучшении.

- Постановка целей – на основе анализа внешней и внутренней среды организация устанавливает четкие и измеримые цели. Эти цели должны быть согласованы с миссией и видением организации.

- Разработка стратегий выхода на рынок, развития продукта, ценообразования, распределения и продвижения компании для достижения целей организации.

- Реализация стратегий – после ответов на все «почему» и «зачем», а также «чем» и «кем», результатом которых является выработка стратегий, организация реализует их, посредством выделения необходимого количества ресурсов, определения круга исполнителей и контроля процесса.

- Оценка и корректировка – бывают случаи, когда термины «стратегия» и «стратегическое планирование» объединяют, фактически ставя между ними знак равенства. Такой подход не совсем корректен, ведь стратегия – это то, что можно «высечь на камне», а стратегическое планирование – это метод решения стратегической задачи. По сути, стратегия – носит не интерактивный характер, в то время как стратегическое планирование – это итеративный процесс, фактически, имея противоположную природу и не являясь одним и тем же, данные категории находят единство в диалектическом понимании. Организация постоянно оценивает эффективность стратегического планирования. Отслеживает изменения внешней среды и корректирует планы соответственно обстановке. Это гарантирует, что организация остается гибкой и чутко реагирует на меняющиеся рыночные условия.

Очередность описанных выше шагов довольно условна. В самом деле, с чего начинать? Традиционно, определяется система координат, место организации в этой системе, какое место она хочет занять, каким образом, а туда ли она движется и что, пока она шла, поменялось и, при необходимости, производится корректировка направления движения. А что делать в случае, если система координат и, следовательно, положение в ней организации меняется чуть-ли не еженедельно? Ранее, подобная

динамика была характерна для IT-индустрии, да и то по направлению вверх и вперед, что несколько облегчало задачу. А теперь, черед социальных, экономических, политических, военных кризисов, возникающих в различных частях планеты и имеющих пресловутый «эффект бабочки», наносит чувствительные удары по торговле. Внешняя среда переворачивается с ног на голову и наоборот. Что в этом случае делать? Переписывать стратегию? Менять цель? А ведь часть ресурсов уже израсходована, решения, принятые ранее, могут противоречить складывающейся ситуации и т.д.

По большому счету, любое движение во времени – это движение наощупь, фактически, без точного знания решения задачи. Как бы организация не планировала, перестраховывалась, всегда есть риск ошибок, самой фатальной из которых, является неверное определение цели. Следовательно, при движении вверх и вперед, все правильные решения и шаги приведут к неверному результату.

Достижение идеального результата продемонстрировал Г. Альштуллер на одной из своих лекций. Он показал слушателям рисунок со множеством карикатурно нарисованных, практически одинаковых девушек и попросил найти Золушку. Предлагались различные варианты, пока не прозвучал ответ: идеальный вариант, это когда никого, кроме Золушки. Это моментально настраивает на поиск решения не «как найти Золушку», а «как убрать всех остальных». Именно, определив идеальный результат и решая задачу от обратного, фигурально выражаясь, подгоняя решение под ответ, мы, если уж не достигнем идеала, то окажемся к нему весьма близко.

Далее рассмотрим тактические инструменты, обеспечивающие генеральную стратегию.

Маркетинговые аспекты играют одну из ключевых ролей в управлении торгово-экспортной организацией. Любопытный факт: в крупных международных компаниях, по крайней мере в сфере сельского хозяйства, имеется группа сотрудников, которые осуществляют непосредственно торговлю. Эта группа считается привилегированной, высоко оплачивается и все подразделения, фактически, подчиняются этой группе. Действительно, именно они обеспечивают генерацию прибыли и от их решений напрямую зависит финансовый результат. Все окружающие называют их просто – «торговцы» или «traders» в английской терминологии. Однако в штатном расписании их должности указаны как «Marketing Manager». Хорошо спланированный и качественно реализованный маркетинговый подход помогает организации привлечь новых клиентов, увеличить объемы продаж и улучшить свою конкурентоспособность на международном рынке. Далее перечислим некоторые «ответвления» общего маркетингового подхода:

Инновационный подход – маркетинговые аспекты, связанные с инновационной деятельностью организации, позволяют ей выделиться на рынке и привлечь внимание клиентов. В качестве простого примера инновации можно привести следующий: торговая компания не просто отгрузила товар вовремя, она еще и убедилась, что товар доставлен в точно определенную дату и в строго определенном объеме [14].

Отношения с клиентами – действительно, в современной, высококонкурентной среде, когда все предлагают одно и то же, предпочтение будет отдано, если товар предлагается приятным человеком. В этом плане показательны азиатские традиции. Если Вас на переговоры приглашают в ресторан, а еще лучше в какое-нибудь увеселительное заведение, минуя офис, значит, можно считать, что вопрос решен положительно. Или, например, в сельскохозяйственном подразделении японской компании Sojitz у каждого сотрудника отдела продаж существует весьма внушительный бюджет на представительские расходы, по которым они отчитываются ежемесячно. И не приведи японские боги, если в конце месяца бюджет не будет израсходован. На голову нерадивого сотрудника посыпятся всевозможные кары – ведь он не ведет работу с клиентами в полном объеме. Вот и приходится несчастным по окончании рабочего дня направляться с очередным клиентом в какое-нибудь караоке до полуночи. Так что, если кто-то думал, что отужинать за счет организации приятная привилегия, тот глубоко ошибается – это тяжелый труд.

Маркетинговые исследования: дают понимание о потребностях целевой аудитории, ее предпочтениях, позволяя, в то же время, определить, корректен ли ее выбор, что, в свою очередь, предоставляет возможность концентрации усилий и ресурсов на перспективном участке. При экспорте товаров и услуг на международные рынки, организация должна учитывать особенности каждого рынка, адаптировать свои маркетинговые стратегии и учитывать культурные различия.

Продвижение продукции – разработка эффективных стратегий продвижения продукции и услуг поможет организации привлечь внимание клиентов и увеличить объемы продаж.

Важно отметить, что эти аспекты маркетинга могут быть дополнены и расширены в зависимости от конкретных целей и отраслевых особенностей торгово-экспортной организации.

Логистика в контексте международного бизнеса, наверное, самая незаметная и, зачастую, по этой причине, самая недооцененная часть процесса. Ведь когда логистика работает хорошо, то ничего не происходит: товар складирован, отгружен, доставлен, потому что так и должно быть. А вот когда логистика работает плохо, случаются скандалы, которые очень хорошо видны. Логистический процесс, отлаженный ненадлежащим образом, способен обнулить весь финансовый результат. Поэтому, логистика должна включать в себя планирование, координацию и контроль всех этапов поставки товаров от производителя до конечного потребителя, а именно:

Транспортировка, т.е. выбор оптимальных маршрутов и видов транспорта для доставки товаров из одной страны в другую. Это может включать морскую, авиационную, железнодорожную или автомобильную транспортировку, в зависимости от отраслевой специфики и специфики конкретной товарной группы.

Таможенные процедуры – соблюдение таможенных правил и процедур при пересечении границы, включая оформление необходимых документов, своевременную уплату таможенных пошлин и сборов.

Хранение и складирование – обеспечение безопасного и эффективного хранения товаров на складах во время их транспортировки и до момента доставки клиенту.

Управление запасами – оптимизация уровня запасов товаров для обеспечения непрерывности поставок и минимизации затрат на хранение.

Управление цепями поставок – тесное взаимодействие со всеми участниками цепи поставок обеспечивает эффективное и надежное исполнение обязательств по срокам доставки.

Информационные системы и информационные технологии эффективны для отслеживания и контроля поставок, управления логистическими процессами, обмена данными [15].

Управление рисками, особенно специфическими, связанными с логистическими операциями (задержки в поставках, потеря или повреждение грузов, изменения валютных курсов, изменения в законодательстве и таможенных правилах).

Заключение

Концептуальные основы управления торгово-экспортной организацией в контексте международного бизнеса являются важным аспектом успешной деятельности на международном рынке и включают в себя такие факторы, как разработка стратегии экспорта, анализ рынка и конкурентов, управление логистикой и цепями поставок, а также управление международными финансами и рисками. Эффективное управление торгово-экспортной организацией требует глубокого понимания международных бизнес-процессов и умения адаптироваться к изменяющимся условиям рынка. Важно также учитывать особенности каждого конкретного рынка и стремиться к построению долгосрочных партнерских отношений с клиентами и поставщиками. Успешное управление торгово-экспортной организацией в международном бизнесе требует комплексного подхода и непрерывного развития навыков и знаний.

Список источников

1. Innovative Trends in International Business and Sustainable Management. Approaches to Global Sustainability, Markets, and Governance / Lazareva E.I., Murzin A.D., Rivza B.A., Ostrovskaya V.N. (Eds). Singapore: Springer Nature, 2023. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=54171747> (дата обращения 20.04.2024)
2. Lasisi T.T. Intellectual Capital and Technology as Factors of Career Success: Role of Income Inequality / Lasisi T.T., Lazareva E.I., Abramyan G.A., Gavrilova J.V., Murzin A.D. *Economies*. 2023; 11 (2): 63. URL: <https://ideas.repec.org/a/gam/jecomi/v11y2023i2p63-d1068348.html> (дата обращения 20.04.2024)
3. Лазарева Е.И. Национальное благосостояние как интегрированный ресурс инновационно-ориентированного развития экономики: теория, методология и инструментарий исследования. 2010; дис. ... докт. экон. наук: 08.00.05.
4. Игуменов И.М. Устойчивое развитие предприятия в условиях нестабильной внешней среды / Игуменов И.М., Гагаринский А.В., Дыкина С.З., Гагаринская Г.П. // Гуманитарный научный журнал. 2022. № 3. С. 15–20.
5. Закирова А.Р. Концептуальные основы корпоративного управления / Закирова А.Р., Клычова Г.С., Мавлиева Л.М., Юсупова А.Р. Профессия бухгалтера – важнейший инструмент эффективного управления сельскохозяйственным производством. Казанский государственный аграрный университет; 2021: 62-69. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=zgnclb> (дата обращения 20.04.2024)

6. Лазарева Е.И., Ноздричев М.К. Управление инновационным развитием международных организаций в цифровой экономике: возможности и ограничения // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 27–33. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-27-33>
7. Ноздричев М.К., Лазарева Е.И. Реализация динамических способностей организации в системе стратегического инновационного менеджмента: теоретико-концептуальный анализ // Вестник Евразийской науки. 2024. Т 16. № 1. URL: <https://esj.today/61ecvn124.html> (дата обращения: 29.04.2024).
8. Antamoshkina O.I. A methodology for assessing the prospects of modifying business strategy of an enterprise in the external environment / Antamoshkina O.I., Zinina O.V. IOP Conference Series Materials Science & Eng. 2019. 537 (4): 042023. URL: <https://research.sfu-kras.ru/publications/publication/41220806> (дата обращения 20.04.2024)
9. Бубнов В.В. Конкуренция в инновационной экономике / В.В. Бубнов, Н.М. Дубина, С.В. Николаев. // Образование. Наука. Научные кадры. 2019. № 2. С. 1-6.
10. Кунин В.А., Михайловский Д.А. Концептуальные основы управления рисками торговых предпринимательских структур в условиях неопределенности и воздействия повышенных внешних рисков // Экономические науки. 2021. № 195. С. 93-100.
11. Аликулов С.А., Ризаев И.И. Основы управления и оценки эффективности предприятия // Фундаментальные и прикладные аспекты глобализации экономики. Тезисы докладов и выступлений II Международной научно-практической конференции молодых ученых. Донецк, 2021: 233-235.
12. Лазарева Е.И. Интегральная оценка инвестиционной привлекательности рынка акций зерно-продуктовых логистических компаний: концепция и инструменты моделирования / Лазарева Е.И., Маслюкова Е.В. // Terra Economicus. 2013. № 11 (4-2). С. 70-76.
13. Алексеенко Е.В. Финансовые стратегии бизнеса в современных условиях / Алексеенко Е.В., Артамонова Л.С., Арутюнова Г.И. М.: Кнорус, 2022.
14. Агабабаев, М.С. Международный маркетинг / М.С. Агабабаев, З.В. Нестерова, Е.А. Жадько; М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Урал. гос. экон. ун-т. Екатеринбург, Урал. гос. экон. ун-т, 2018. URL: <https://urait.ru/book/mezhdunarodnyu-marketing-532412> (дата обращения 20.04.2024)
15. Шелковников С.А. Теоретические основы управления сельскохозяйственным производством на основе цифровых технологий / Шелковников С.А., Петухова М.С., Алексеев А.А. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2020. № 28 (1). С. 137–145.

References

1. *Innovative Trends in International Business and Sustainable Management. Approaches to Global Sustainability, Markets, and Governance* / Lazareva, E.I., Murzin, A.D., Rivza, B.A., Ostrovskaya, V.N. (Eds). Singapore: Springer Nature, 2023. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=54171747> (date of application 20.04.2024)
2. Lasisi T.T. Intellectual Capital and Technology as Factors of Career Success: Role of Income Inequality / Lasisi, T.T., Lazareva, E.I., Abramyan, G.A., Gavrilova, J.V., Murzin, A.D. *Economies*. 2023; 11 (2): 63. URL: <https://ideas.repec.org/a/gam/jecomi/v11y2023i2p63-d1068348.html> (date of application 20.04.2024)
3. Lazareva, E.I. *National welfare as an integrated resource for innovation-oriented economic development: theory, methodology and research tools*. 2010; Diss. ... Doctor of Economic Sciences: 08.00.05. (In Russ.)
4. Igumenov I.M., Gagarinsky, A.V., Dykina, S.Z., Gagarinskaya, G.P. Sustainable development of the enterprise in conditions of unstable external environment. *Humanitarian scientific journal*. 2022;(3):15-20. (In Russ.)
5. Zakirova A.R., Klychova G.S., Mavlieva L.M., Yusupova A.R. Conceptual foundations of corporate governance. *Accounting profession – the most important tool for effective management of agricultural production*. Kazan State Agrarian University; 2021: 62-69. Available from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=zgnclb> [Accessed 20.04.2024]. (In Russ.)
6. Lazareva E. I., Nozdrichev M. K. Innovative development management of international organizations in the digital economy: opportunities and limitations. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2023;(1):27-33. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-27-33>
7. Nozdrichev M.K., Lazareva E.I. Realization of dynamic abilities of the organization in the system of strategic innovation management: theoretical and conceptual analysis. *Bulletin of Eurasian science*. 2024;16(1). Available from: <https://esj.today/61ecvn124.html> [Accessed 29.04.2024]. (In Russ.)
8. Antamoshkina O.I., Zinina O.V. A methodology for assessing the prospects of modifying business strategy of an enterprise in the external environment. *IOP Conference Series Materials Science & Eng*. 2019. 537 (4): 042023. Available from: <https://research.sfu-kras.ru/publications/publication/41220806> [Accessed 20.04.2024]. (In Russ.)

9. Bubnov V.V., Dubina N.M., Nikolaev S.V. Competition in the innovative economy. *Education. The science. Scientific personnel*. 2019;(2):1–6. (In Russ.)
10. Kunin V.A., Mikhailovsky, D.A. Conceptual framework for risk management of trade business structures in conditions of uncertainty and the impact of increased external risks. *Economic Sciences*. 2021;(195): 93–100. (In Russ.)
11. Alikulov S.A., Rizaev I.I. Fundamentals of management and assessment of enterprise efficiency. In: *Fundamental and applied aspects of economic globalization*. Abstracts of reports and speeches of the II International scientific-practical conference of young scientists. Donetsk. 2021: 233-235. (In Russ.)
12. Lazareva E.I., Maslyukova, E.V. Integral assessment of investment attractiveness of the market of shares of grain product logistics companies: concept and modelling tools. *Terra Economicus*. 2013;11 (4-2):70-76. (In Russ.)
13. Alekseenko E.V., Artamonova L.S., Arutyunova G.I. *Financial strategies of business in modern conditions*. Moscow: Knorus; 2022. (In Russ.)
14. Agagabaev M.S., Nesterova Z.V., Zhadko E.A. *International marketing*; Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Ural State University of Economics. Yekaterinburg, Ural State University of Economics, 2018. Available from: <https://urait.ru/book/mezhdunarodnyy-marketing-532412> [Accessed 20.04.2024]. (In Russ.)
15. Shelkovnikov S.A., Petukhova M.S., Alekseev A.A. Theoretical foundations of agricultural production management based on digital technologies. *Bulletin of the Russian Peoples' Friendship University. Series: Economics*. 2020;28(1):137–145. (In Russ.)

Информация об авторах

Е. И. Лазарева – доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой «Инновационный и международный менеджмент» факультета управления ЮФУ.

А. В. Лесников – аспирант кафедры «Инновационный и международный менеджмент» факультета управления ЮФУ; ведущий менеджер коммерческого отдела ООО «МЗК-Экспорт».

Information about the authors

E. I. Lazareva – Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of Department "Innovative and International Management" of the Faculty of Management of Southern Federal University.

A. V. Lesnikov – PhD student, Department "Innovative and International Management" of the Faculty of Management, Southern Federal University; leading manager of the commercial department of MZK-Export LLC.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 05.05.2024; одобрена после рецензирования 27.05.2024; принята к публикации 28.05.2024.

The article was submitted 05.05.2024; approved after reviewing 27.05.2024; accepted for publication 28.05.2024.

Научная статья

УДК 338

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-42-49>

EDN RDXODQ

Развитие туристско-рекреационных кластеров на основе программно-целевых методов управления

Александр Сергеевич Лапин

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, lapinlapinas@yandex.ru

Аннотация. В статье автором рассматриваются те инструменты развития туристических кластеров, которые могут быть использованы органами государственной власти на федеральном и региональном уровне в рамках формирования ими программных документов, направленных на поддержку отрасли и процессов кластерообразования в ней. Автор предлагает к рассмотрению алгоритм использования программно-целевого подхода в ходе формирования и развития туристических кластеров, учитывающего целесообразность приоритизации задач развития туристической отрасли в некоторых регионах РФ. Также автором выявляется проблема в используемой системе оценки реализации поставленных перед отраслевыми ведомствами целей, заключающаяся в том, что наблюдается определенное несоответствие разработанной системы целевых индикаторов тем задачам, которые определены для достижения основной цели развития внутреннего туризма. В то же время корректные оценочные процедуры и грамотно выстроенная система индикативных показателей для оценки уровня реализации кластерных инициатив позволит активизировать инвестиционную деятельность в туристическом кластере с помощью механизмов субсидирования из федерального бюджета, расширения программ льготного кредитования, предоставляемого финансовыми организациями, государственно-частного партнерства, а на этапах развития туристического кластера – обеспечить его самофинансирование.

Ключевые слова: инвестиционная деятельность, индикативные показатели, программно-целевой метод, региональные ресурсы, туристическая отрасль, целевые индикаторы

Для цитирования: Лапин А. С. Развитие туристско-рекреационных кластеров на основе программно-целевых методов управления // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 2. С. 42–49. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-42-49>. EDN RDXODQ

Problems of Management

Original article

Development of tourist and recreational clusters based on program-targeted management methods

Alexander S. Lapin

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, lapinlapinas@yandex.ru

Abstract. In the article, the author examines those tools for the development of tourist clusters that can be used by public authorities at the federal and regional levels as part of their formation of program documents aimed at supporting the industry and the processes of cluster formation in it. The author proposes to consider an algorithm for using a program-oriented approach during the formation and development of tourist clusters, taking into account the expediency of prioritizing the tasks of developing the tourism industry in some regions of the Russian Federation. The author also identifies a problem in the system used to assess the implementation of the goals set for industry departments, which consists in the fact that there is a certain discrepancy between the developed system of target indicators and those tasks that are defined to achieve the main goal of the development of domestic tourism. At the same time, correct assessment procedures and a well-built system of indicative indicators to assess the level of implementation of cluster initiatives will allow to intensify

investment activities in the tourism cluster through subsidizing mechanisms from the federal budget, expanding preferential lending programs provided by financial organizations, public-private partnerships, and at the stages of development of the tourism cluster - to ensure its self-financing.

Keywords: investment activity, indicative indicators, target method, regional resources, tourism industry, target indicators

For citation: Lapin A. S. Development of tourist and recreational clusters based on program-targeted management methods. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(2):42-49. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-42-49>. EDN RDXODQ

Регулирование деятельности кластеров с помощью программно-целевых методов позволяет организовать и упорядочить деятельность участников кластера, подчинить их действия логике кластерного развития и придать всем мероприятиям и методам развития кластера программный характер. Ожидаемое состояние туристического кластера выражается через совокупность взаимосвязанных элементов, которые представляют собой систему целеполагания программно-целевого подхода и включают в себя стратегические и тактические цели и задачи, а также цели и задачи, устанавливаемые на уровне региональных министерств и ведомств, управляющих организаций кластера, отвечающих за его эффективное развитие [1, с. 3118].

В рамках проведения настоящего исследования нами предложена схема, описывающая использование инструментария программно-целевого подхода для развития туристско-рекреационного кластера в российских регионах как метода управления региональной экономикой и повышения ее устойчивости за счет приоритизации развития туристического сектора в тех регионах, для которых данная отрасль может выступить в качестве драйвера экономического роста. На рис. 1 приведены этапы применения программно-целевого подхода к обеспечению отраслевого развития регионального кластера и обозначены основные инструменты его реализации.

В соответствии со спецификой проводимого исследования нам представляется наиболее целесообразным рассмотрение программно-целевого подхода как формы государственного регулирования туристической отрасли и процессов кластерообразования в ней на основе регулирования отдельных социально-экономических процессов региона, создания привлекательного инвестиционного климата и обеспечения благоприятной экологической обстановки на основе отраслевых целевых программ, являющихся инструментом регулирования, мотивации и стимулирования процессов кластеризации в регионе.

Именно благодаря программной разработке в регионе активизируются процессы поиска оптимальных способов сочетания целей развития и имеющихся туристско-рекреационных ресурсов на основе применения механизмов кластеризации экономики. В научной среде на сегодняшний день наблюдается единство мнений относительно того, что программно-целевой метод является наиболее эффективным инструментом реализации региональной социально-экономической политики [2, с. 163].

Классический алгоритм создания и реализации целевой программы подразумевает 5 основных этапов. На первом этапе разработки происходит определение проблем развития региона и ограничений на пути развития или образования кластера, ставятся конкретные задачи и происходит их декомпозиция. После этого необходима разработка обоснования применения программно-целевого метода для решения выявленных проблем, а также подготовка комплекса мероприятий и системы распределения региональных ресурсов. Завершается данный этап согласованием программы со всеми заинтересованными лицами – стейкхолдерами.

На втором этапе происходит оценка потенциала реализации данной программы, в ходе которой осуществляется подготовка критериев сравнительной оценки эффективности различных программ, которые могут применяться на данном этапе для решения выявленных проблем, и выбор той программы, которая способна дать максимальный эффект.

На третьем этапе происходит инициация данной программы, то есть принятие необходимых законодательных и нормативных актов, согласно которым будет потом осуществляться управление кластерным развитием и конкретными его проектами, оптимизации или совершенствование уже имеющихся инструментов регионального управления для решения выявленных проблем. Также в рамках данного этапа происходит создание управляющего органа, отвечающего за успешность реализации программы.

Рис. 1. Программно-целевой подход к процедуре формирования и развития туристического кластера

Fig 1. A program-oriented approach to the procedure for the formation and development of a tourism cluster

Четвертый этап заключается в непосредственной реализации комплекса запланированных мероприятий, в ходе которого производятся регулярная оценка эффективности реализации программы, и в случае выявления каких-либо проблем в ее функционировании и недостаточной эффективности, осуществляется оперативная корректировка отдельных аспектов программы. Завершается процесс создания и реализации целевой программы оценкой результатов, что предполагает анализ эффективности реализованной программы согласно заранее установленной системе критериев оценки и подготовкой отчета по результатам исполнения программы [3].

Как мы видим, предложенный нами программно-целевой подход к процедуре формирования и развития туристического кластера предполагает использование традиционной модели, но в то же время содержит ряд специфических этапов и черт. После этапа определения стратегической цели развития туристического кластера необходимо оценить потенциал его развития и подготовить программу развития регионального кластера с помощью использования соответствующих программных инструментов реализации. Все это осуществляется на основе инструментов стратегического планирования.

На рис. 1 представлены основные программные инструменты реализации программно-целевого подхода к формированию туристического кластера, подразумевающие использование как федеральных законопроектов, так и региональных стратегий и программ развития туристической отрасли и непосредственно самих кластеров. Только после определения и разработки конкретных программных инструментов, например, утверждения региональной программы развития туристического кластера и подготовки конкретных инвестиционных программ и проектов, которые будут реализовываться внутри данного кластера, определяются механизмы и способы его развития, а также происходит разработка индикаторов оценки, с помощью которых определяется эффективность применения каждого программного инструмента.

Обратим внимание, что первые три этапа – разработка стратегической цели, оценка потенциала развития кластера и разработка программы его развития – осуществляются в рамках стратегического планирования, и подразумевают разработку ограниченного набора (до 5) ключевых показателей эффективности, для чего можно использовать методiku KPI, на основе которых можно будет судить о достижении туристическим кластером основной цели его развития, – повышении уровня жизни населения за счет активизации развития туристической отрасли и получении ряда синергетических эффектов, благоприятно сказывающихся на темпах экономического роста региональной экономики.

С учётом того, что развитие подавляющего большинства туристических кластеров на данный момент не обходится без финансирования из регионального или федерального бюджета, обязательным условием применения программно-целевого подхода является разработка системы индикативных показателей, позволяющих определять бюджетную эффективность кластерных инициатив и проектов, инвестиционную привлекательность кластерных проектов для частных инвесторов (срок окупаемости, соотношение риска и доходности, ставки рентабельности и т.д.), а также включающих в себя количественно измеримые результаты положительного воздействия туристического кластера на региональную экономику.

Наибольшей эффективности метода можно достичь в том случае, если программно-целевой метод будет интегрироваться с системно-агломерационным подходом, так как только в этом случае туристический кластер может восприниматься как особая система, включающая различные по природе элементы – население, местные органы власти, региональное бизнес-сообщество, что обуславливает эмерджентность внутрикластерной среды, способствующей эффективному информационному обмену и обмену опытом, оптимизации издержек [4, с. 460–461].

Согласно программно-целевому подходу определение туристического потенциала региона в Российской Федерации подразумевает оценку перспектив развития различных видов туризма и разработку индивидуальных для каждого региона подходов к развитию туристической инфраструктуры, которая учитывает и климатические условия, и особенности географического положения территории, а также разный уровень их финансовой обеспеченности.

В программных документах обычно рассматривается несколько вариантов развития событий – инерционный, оптимальный и амбициозный вариант, что можно применить и для оценки перспектив развития туристических кластеров. Согласно инерционному варианту уровень финансирования туристической отрасли с течением времени не будет повышаться, а средства федерального бюджета будут играть весьма заметную роль в финансировании кластерных инициатив, то есть развитие туристических кластеров будет происходить по менее эффективной дирижистской модели. При этом создание туристических кластеров и поддержка кластерных проектов будет осуществляться без учета приоритетных видов туризма, что может привести к стагнации объемов туристических потоков или даже к их снижению. При таком варианте развития событий, рост вклада туризма в валовый внутренний продукт составит до 4,14 %.

Оптимальный вариант развития событий предполагает, что в структуре источников финансирования доля внебюджетных средств будет постоянно возрастать и к концу 2025 г. будет превышать объемы вложений из федерального бюджета примерно в 5 раз. В рамках реализации данного варианта усилия по созданию кластеров будут сконцентрированы на поддержке тех инвестиционных проектов, в которых сосредоточен наиболее высокий потенциал развития и наблюдается положительная динамика роста туристических потоков.

Амбициозный вариант реализации программно-целевого подхода к развитию туристической кластеров предполагает увеличение объемов финансирования как со стороны федерального и регионального бюджета, так и со стороны частных инвесторов [5, с. 14–17]. Особое внимание будет

уделяться эффективному применению проектного подхода для развития тех направлений туризма, которые являются для региона приоритетными. Однако реализация амбициозного варианта возможна в том случае, если финансово-экономическое состояние Российской Федерации значительно улучшится, в противном случае реализации такого плана приведет к большой нагрузке на федеральный бюджет РФ.

В табл. 1 приведены значения объемов финансирования Федеральной целевой программы по основным вариантам развития событий и функциональным направлениям. С нашей точки зрения, для каждой из задач программы должен быть установлен один-два показателя, которые предполагают возможность оценки эффективности уровня достижения данной задачи, в противном случае оценить результативность федеральной целевой программы будет невозможно, что приведет в этом случае к снижению эффективности использования программно-целевого подхода для решения задач, связанных с оптимизацией развития региональных туристических кластеров.

Таблица 1 – Прогнозные объемы финансирования ФЦП "Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2019 – 2025 годы)", млн руб. и целевые индикаторы эффективности финансирования¹

Table 1 - Projected volumes of financing of the Federal Target Program "Development of domestic and inbound tourism in the Russian Federation (2019 – 2025)", mln rubles. and targets for funding effectiveness

Задачи программы	Объем финансирования, всего	В том числе		
		Федеральный бюджет	Региональный бюджет	Частные инвестиции
Инерционный вариант				
Задача 1 "Комплексное развитие туристской и обеспечивающей инфраструктуры туристских кластеров по приоритетным видам туризма"	87186,62	21521,6	5346,67	60318,36
Целевой индикатор - доля вклада кластеров, созданных в рамках Программы, в валовую добавленную стоимость туристской индустрии – 38,33% к 2025 г. (косвенная оценка)				
Задача 2 "Развитие отраслевой системы подготовки и повышения квалификации специалистов индустрии туризма, формирующих кадровый потенциал для комплексного решения проблем качества туристских услуг"	519,17	416,5	102,67	-
Целевой индикатор - рост индекса качества услуг (больше показателей 2019 г., конкретные значения не установлены) <i>Вспомогательный индикатор</i> – доля специалистов индустрии туризма, прошедших повышение квалификации и переподготовки кадров, от общего количества занятых – 6,7% в 2025 г.				
Задача 3 "Развитие инфраструктуры продвижения туристского продукта Российской Федерации и повышение информированности о нем на мировом и внутреннем туристских рынках"	9744,77	2443	602,24	6699,53
Целевой индикатор - прирост вклада туризма в валовый внутренний продукт Российской Федерации к плановому 2018 году – 18,86% в 2025 г.				
Задача 4 "Стимулирование предпринимательских и общественных инициатив через механизм субсидирования и грантовой поддержки"	439,04	137,2	-	301,84
Целевой индикатор - объем привлеченных средств из внебюджетных источников финансирования на реализацию инвестиционных проектов в сфере туризма – 9,62 млрд. руб к 2025 г.				
Задача 5 "Создание, внедрение и развитие информационно-коммуникационной инфраструктуры управления туристской отрасли"	30	30	-	-

¹ Концепция федеральной целевой программы "Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2019 – 2025 годы)"// СПС Консультант Плюс.

Продолжение табл. 1
Continuation of the table 1

Задачи программы	Объем финансирования, всего	В том числе		
		Федеральный бюджет	Региональный бюджет	Частные инвестиции
Целевой индикатор – количество новых туристских маршрутов с интеграцией объектов туристской инфраструктуры кластеров, созданной в рамках Программы – не менее 15 к 2025 г.				
Оптимальный вариант				
Задача 1 "Комплексное развитие туристской и обеспечивающей инфраструктуры туристских кластеров по приоритетным видам туризма"	174654,39	43785,66	10793,89	120074,84
Целевой индикатор – доля вклада кластеров, созданных в рамках Программы, в валовую добавленную стоимость туристской индустрии – не менее 60% к 2025 г. (косвенная оценка)				
Задача 2 "Развитие отраслевой системы подготовки и повышения квалификации специалистов индустрии туризма, формирующих кадровый потенциал для комплексного решения проблем качества туристских услуг"	1308,84	1050	258,84	-
Целевой индикатор – рост индекса качества услуг (больше показателей 2019 г., конкретные значения не установлены) <i>Вспомогательный индикатор</i> – доля специалистов индустрии туризма, прошедших повышение квалификации и переподготовки кадров, от общего количества занятых – 19,6% в 2025 г.				
Задача 3 "Развитие инфраструктуры продвижения туристского продукта Российской Федерации и повышение информированности о нем на мировом и внутреннем туристских рынках"	6878,19	3031	747,19	3100
Целевой индикатор – прирост вклада туризма в валовый внутренний продукт Российской Федерации к плановому 2018 году – 74,79% в 2025 г.				
Задача 4 "Стимулирование предпринимательских и общественных инициатив через механизм субсидирования и грантовой поддержки"	204086	20690	-	183396
Целевой индикатор – объем привлеченных средств из внебюджетных источников финансирования на реализацию инвестиционных проектов в сфере туризма – 56,3 млрд. руб к 2025 г.				
Задача 5 "Создание, внедрение и развитие информационно-коммуникационной инфраструктуры управления туристской отрасли"	710	710	-	-
Целевой индикатор – количество новых туристских маршрутов с интеграцией объектов туристской инфраструктуры кластеров, созданной в рамках Программы – не менее 15 к 2025 г.				
Амбициозный вариант				
Задача 1 "Комплексное развитие туристской и обеспечивающей инфраструктуры туристских кластеров по приоритетным видам туризма"	232470,45	58280	14367,02	159823,43
Целевой индикатор – доля вклада кластеров, созданных в рамках Программы, в валовую добавленную стоимость туристской индустрии – не менее 80% к 2025 г. (косвенная оценка)				
Задача 2 "Развитие отраслевой системы подготовки и повышения квалификации специалистов индустрии туризма, формирующих кадровый потенциал для комплексного решения проблем качества туристских услуг"	4199,97	2880	709,97	610
Целевой индикатор – рост индекса качества услуг (больше показателей 2019 г., конкретные значения не установлены) <i>Вспомогательный индикатор</i> – доля специалистов индустрии туризма, прошедших повышение квалификации и переподготовки кадров, от общего количества занятых – 49,9% в 2025 г.				

Продолжение табл. 1
Continuation of the table 1

Задача 3 "Развитие инфраструктуры продвижения туристского продукта Российской Федерации и повышение информированности о нем на мировом и внутреннем туристских рынках"	64394,37	49172,51	12121,86	3100
Целевой индикатор – прирост вклада туризма в валовый внутренний продукт Российской Федерации к плановому 2018 г. – 92,27% в 2025 г.				
Задача 4 "Стимулирование предпринимательских и общественных инициатив через механизм субсидирования и грантовой поддержки"	375300	110930	-	264370
Целевой индикатор – объем привлеченных средств из внебюджетных источников финансирования на реализацию инвестиционных проектов в сфере туризма – 64,18 млрд руб. к 2025 г.				
Задача 5 "Создание, внедрение и развитие информационно-коммуникационной инфраструктуры управления туристской отрасли"	580	580	-	-
Целевой индикатор – количество новых туристских маршрутов с интеграцией объектов туристской инфраструктуры кластеров, созданной в рамках Программы – не менее 15 к 2025 г.				

Проведенное нами сопоставление основных задач Федеральной целевой программы с теми базовыми индикаторами и показателями эффективности, которые рассматриваются в рамках каждого из сценариев развития показало, что наблюдается определенное несоответствие разработанной системы целевых индикаторов тем задачам, которые определены для достижения основной цели развития внутреннего туризма. Например, для оценки некоторых задач целевые индикаторы можно использовать лишь косвенно, то есть напрямую они не будут отражать степень реализации конкретной задачи. Так, в качестве одного из целевых индикаторов программы установлен «объем услуг гостиниц и аналогичных средств размещения», причем выражается он в миллионах рублей, – таким образом, обычное повышение стоимости средств размещения будет приводить к росту данного показателя, но при этом это необязательно будет означать, что произошел количественный прирост средств размещения или осуществлен капитальный ремонт или модернизация уже имеющихся.

Если же рассматривать возможности оценки эффективности реализации первой задачи, связанной с комплексным развитием туристской и обеспечивающей инфраструктуры, то можно увидеть, что среди предлагаемых базовых индикаторов нет подходящих инструментов для оценки. То же самое касается и оценки выполнения второй задачи, связанной с развитием отраслевой системы подготовки и повышения квалификации специалистов. Выполнение этой задачи нужно рассматривать с учетом того, что повышение квалификации специалистов индустрии туризма не является самоцелью, а основной целью является повышение качества сервиса предоставляемых туристических услуг и удовлетворенности туристов качеством обслуживания. В то же время целевой показатель, который мог бы быть приемлемым для проведения такой оценки, – «рост индекса качества услуг» не имеет конкретных значений, а в документе лишь указано, что он должен превышать показатели 2019 г.

Такая же проблема оценивания характерна и для пятой задачи, предполагающей создание, внедрение и развитие информационно-коммуникационной инфраструктуры управления туристической отрасли, то есть, скорее всего, здесь имеется ввиду применение передовых технологий, которые обеспечивают более эффективное управление элементами туристической индустрии и упрощают коммуникации между участниками отрасли туристического кластера. В качестве индикаторов оценки здесь могли бы выступить темпы цифровизации отрасли, количество информационных сайтов о туристической отрасли региона и активность их посещения, количество разработанных мобильных приложений, знакомящих туристов с достопримечательностями региона, и количество их скачиваний и т.д. Но в то же время никаких подобных индикаторов программой не предусмотрено, и единственный индикатор, который можно с определенной натяжкой применить в этом случае, – это количество новых туристических маршрутов с интеграцией объектов туристической инфраструктуры кластеров.

В связи с этим представляется необходимой оптимизация инструментария развития региональных туристических кластеров и пересмотр оценки эффективности реализации федеральных и региональных целевых программ с точки зрения приведения в соответствие поставленных задач и критериев оценки уровня их выполнения.

Список источников

1. Бизин С. В. Применение программно-целевого подхода в организации и управлении досуговой деятельности детей и подростков в регионе // Экономика, предпринимательство и право. 2023. Том 13. № 8. С. 3117–3136.
2. Васецкая Н. О. Программно-целевое управление как инструмент финансовой реализации федеральных целевых программ // Экономика науки. 2019. № 5. С. 160–169.
3. Панеш К. М., Хатукай С. А., Бабалян Э. Б. Эффективные инструменты и методы оценки программно-целевого подхода к управлению экономикой региона // Международный научно-исследовательский журнал. 2022. № 8 (122). URL: <https://research-journal.org/archive/8-122-2022-august/10.23670/IRJ.2022.122.36> (дата обращения: 10.04.2024). DOI: 10.23670/IRJ.2022.122.36
4. Кощеев Д. А., Третьякова Е. А. Феномен индустриального кластера: системно-агломерационный подход // Журнал экономической теории. 2020. Т. 17. № 2. С. 451–465.
5. Чараева М. В., Лысоченко А. А. Активизация инвестиционной деятельности региона в парадигме стратегического финансового управления инвестициями // Финансы, деньги, инвестиции. 2021. № 1. С. 14–17. DOI: 10.36992/2222-0917_2021_1_14

References

1. Bizin S. V. Application of a program-oriented approach in the organization and management of leisure activities of children and adolescents in the region. *Economics, entrepreneurship and law*. 2023;13(8):3117–3136. (In Russ.)
2. Vasetskaya N. O. Program and target management as a tool for the financial implementation of federal target programs. *Economics of science*. 2019;(5):160–169. (In Russ.)
3. Panesh K. M., Khatukai S. A., Babalyan E. B. Effective tools and methods for evaluating a program-oriented approach to managing the economy of the region. *International Scientific Research Journal*. 2022;8(122). Available from: <https://research-journal.org/archive/8-122-2022-august/10.23670/IRJ.2022.122.36> [Accessed 10 April 2024]. (In Russ.) – DOI: 10.23670/IRJ.2022.122.36
4. Kosheev D. A., Tretyakova E. A. The phenomenon of an industrial cluster: a system-agglomerational approach. *Journal of Economic Theory*. 2020;17(2):451–465. (In Russ.)
5. Charaeva M. V., Lysochenko A. A. Activation of investment activity in the region in the paradigm of strategic financial investment management. *Finance, money, investments*. 2021;(1):14–17. DOI: 10.36992/2222-0917_2021_1_14

Информация об авторе

А. С. Лалин – ассистент, Институт туризма, сервиса и креативных индустрий ЮФУ.

Information about the author

A. S. Lapin – Assistant at the Institute of Tourism, Service and Creative Industries, Southern Federal University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 14.05.2024; одобрена после рецензирования 01.06.2024; принята к публикации 02.06.2024.

The article was submitted 14.05.2024; approved after reviewing 01.06.2024; accepted for publication 02.06.2024.

Научная статья
УДК 352

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-50-57>

EDN SMOWUG

Трансформация системы целей и ценностей местного самоуправления в контексте формирования публичной власти в Российской Федерации

Роман Константинович Овчаренко¹, Никита Александрович Гречушкин¹

^{1, 2}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Ростов-на-Дону, Россия

¹ovcharenko-rk@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4974-4962>

²grechushkinn@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию вопросов трансформации целей и ценностей органов местного самоуправления в контексте формирования публичной власти в Российской Федерации. В рамках исследования затрагиваются вопросы концептуального противоречия целей деятельности органов местного самоуправления и органов публичной власти. Анализируются перспективы развития целей органов местного самоуправления и зарождения новых ценностей в условиях функционирования системы органов публичной власти. Выносятся предложения по устранению концептуальных противоречий в развитии целей и ценностей органов местного самоуправления и органов публичной власти. Рассматривается вопрос развития ценностей местного самоуправления через институт территориального общественного самоуправления, который выступает условием становления гражданского общества с присущими особенностями.

Ключевые слова: институт территориального общественного самоуправления, органы местного самоуправления, публичная власть, цели, ценности, перспективы развития

Для цитирования: Овчаренко Р. К., Гречушкин Н. А. Трансформация системы целей и ценностей местного самоуправления в контексте формирования публичной власти в Российской Федерации // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 2. С. 50–57. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-50-57>. EDN SMOWUG

Problems of Management

Original article

Transformation of the system of local self government's aims and values in the context of the formation of public authority in Russian Federation

Roman K. Ovcharenko¹, Nikita A. Grechushkin²

^{1, 2}South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

¹ovcharenko-rk@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4974-4962>

²grechushkinn@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the transformation of the goals and values of local governments in the context of the formation of public authority in Russian Federation. Within the framework of the study, the issues of the conceptual contradiction between the goals of the activities of local governments and public authorities are addressed. The prospects for the development of the goals of local governments and the emergence of new values in the context of the functioning of the system of public authorities are analyzed. Proposals are made to eliminate conceptual contradictions in the development of the goals and values of local governments and public authorities. The issue of developing the values of local self-government through the institution of territorial public self-government, which acts as a condition for the formation of a civil society with inherent characteristics, is considered.

Keywords: institute of territorial public self-government, local governments, public authorities, goals, values, development prospects

For citation: Ovcharenko R. K., Grechushkin N. A. Transformation of the system of local self government's aims and values in the context of the formation of public authority in Russian Federation. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(2):50-57. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-50-57>. EDN SMOWUG

Введение

Продолжающаяся реформа местного самоуправления (далее – МСУ), включившая органы местного самоуправления в единую систему публичной власти, не могла не коснуться и системы отправных установок в их деятельности. В результате законодательных изменений в правовом регулировании местного самоуправления возникает ряд концептуальных противоречий. В первую очередь, феномен публичной власти зачастую отождествляется с государственной властью, поскольку подразумевает под собой реализацию отношений власти-подчинения при достижении целей и задач публичных образований с соответствующим аппаратом принуждения. Это, в свою очередь, означает однонаправленный вертикальный процесс при принятии и реализации решений. В этом смысле, природа местного самоуправления отличается, и прежде всего тем, что предполагает в большую самостоятельность при принятии решений, работу в рамках горизонтальных связей, а также инициативу, которая должна идти с низу при принятии решений. Кроме того, важно также обратить внимание и на направленность деятельности органов и должностных лиц местного самоуправления на непосредственное удовлетворение потребностей населения, что соотносится с частным интересом группы людей, проживающих на территории муниципального образования. В этом ключе следует говорить об общественно-государственной природе местного самоуправления, которая проявляется в том, что, как мы уже отметили выше, местное самоуправление выступает инициатором управленческих движений снизу, но в пределах тех границ, которые установлены государством.

Качественное изменение сущностных характеристик местного самоуправления в контексте актуальных трендов формирования публично-властной системы

На данный момент местное самоуправление стало одним из уровней публичной власти, поэтому вполне логично, что ценности, которые имеют отношение к органам публичной власти, применимы и к органам местного самоуправления.

Если мы обратимся к нормам принятого в 2021 Федерального закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» № 414-ФЗ¹, то обнаружим в статье 2 систему принципов, на основе которых должно выстраиваться функционирование органов, входящих в единую систему публичной власти в субъекте Российской Федерации. Своё выражение в тексте указанного нормативно-правового акта получили такие конституционные ценности, как: гарантия прав и свобод гражданина как высшей ценности, законность, как основополагающий функциональный принцип, целостность и суверенитет Российской Федерации, принцип разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную.

Но особый интерес вызывает, закрепленный в пп. 5 п. 1 ст. 2 Федерального закона, принцип единства системы публичной власти. Дело в том, что единство можно понимать в нескольких аспектах. Во-первых, организационное единство, которое предполагает сосредоточение всего объема властных полномочий в руках отдельного органа или должностного лица, обеспечивающего принятие решений. Во-вторых, социальное единство, подразумевающее источник публичной власти, а именно социальный класс или группу, на удовлетворение интересов которой направлена деятельность органов публичной власти. И в-третьих, единство целей и направлений деятельности. Если с первым аспектом указанного единства согласиться невозможно ввиду принципа разделения властей, который проявляется в системе сдержек и противовесов, во втором аспекте единство проявляется исключительно в том, что единственным источником власти в РФ признается ее многонациональный народ, то в третьем аспекте и должно воплощаться указанное единство системы.

¹ Федеральный закон от 21.12.2021 N 414-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // *Собрание законодательства Российской Федерации* от 2021 г., № 52, ст. 8973 (Часть I).

Как отмечает Р.К. Овчаренко: «дальнейшее проникновение «публичности» вполне логично и в сферу государственной и муниципальной службы, что позволит обеспечить еще более тесную «спайку» этих направлений профессиональной деятельности современных российских чиновников» [1]. Для формирования указанной «спайки» авторами предлагается введение нового термина, озаменяющего единство деятельности, а именно «система публичной службы» [2].

В соответствии с положениями, закрепленными в ст. 130 Конституции РФ и ст. 1 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»¹, можно выделить основную цель деятельности органов местного самоуправления, которая заключается в решении вопросов местного значения исходя из интересов местного населения с учетом исторических и иных традиций, сформированных в рамках отдельной территории. Но важно отметить, «что для института местного самоуправления может быть установлена не одна единственная цель, целей может быть несколько» [3]. Как отмечает Р.Н. Галимов: «местное самоуправление – средство улучшения качества жизни населения, а не самоцель» [4]. Отсюда следует вывод, что главной идеей, обеспечивающей функционирование МСУ, является повышение благосостояния населения муниципального образования. При этом, удовлетворенность качеством жизни населения отдельного муниципального образования является показателем эффективности деятельности органов МСУ. Целями деятельности же органов публичной власти является удовлетворение публичных интересов, которые выступают в данном ключе интересами общегосударственными или, точнее, общенациональными. Проблема заключается в том, что при возникновении противоречий между интересами местного населения муниципального образования и публичных интересов, которые могут выражаться в принятии решения, не отвечающего запросам населения, приоритет отдается последним. Данная конфронтация интересов способна привести к потере доверия населения муниципального образования к органам МСУ, что в конечном итоге означает уменьшение роли общественного участия, а также снижение количества консультаций с местными жителями при принятии решений.

Таким образом, декларируемое в ч. 3 ст. 132 Конституции взаимодействие органов местного самоуправления и органов государственной власти означает в большей степени управленческое, властно-волевое воздействие сверху. При этом, законодателем принимаются попытки к разрешению указанных противоречий путем разграничения полномочий между органами, входящими в единую систему публичной власти. При этом, как справедливо отметила Соколова А.И.: «разграничение компетенции между государственными и муниципальными органами не может не учитывать различную природу устойчивых публично-правовых образований на местах» [5].

Система ценностей, присущая местному самоуправлению, трансформируется в процессе формирования новой системы управления. Поскольку теперь органы местного самоуправления приобретают статус публичных органов со всеми присущими особенностями, требующими большей согласованности и необходимости соблюдения единых стандартов в деятельности, возникает резонный вопрос об ответственности органов МСУ при осуществлении своих функций в рамках одной системы взаимодействия.

«Одной из основных задач, возложенных на единую систему органов публичной власти, является ее способность обеспечения продуктивного взаимодействия между муниципалитетами и органами государственной власти» [6]. Разграничение полномочий, последовательно проводимое законодателем, безусловно имеет огромное значение, но при отсутствии системы ответственности и отчетности органов местного самоуправления, отвечающей новым реалиям их жизнедеятельности, построение эффективной системы невозможно. Дело в том, что существующие меры ответственности органов МСУ, декларируемые в главе 10 Федерального закона № 131-ФЗ, формировались в контексте самостоятельности указанных органов. В соответствии со ст. 77 вышеназванного федерального закона надзор за соблюдением органами МСУ законодательства при осуществлении своих полномочий осуществляет прокуратура РФ, а также иные надзорные органы, наделенные полномочиями в сфере контроля за деятельностью органов местного самоуправления. Одной из мер защиты нарушенного права, применяемых в первую очередь, является обращение гражданина в вышестоящие органы, которые наделены полномочиями давать обязательные указания для органов, допустивших

¹ Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 23.03.2024) "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" // Собрание законодательства Российской Федерации от 2003 г., N 40, ст. 3822.

нарушение. В случае органов МСУ, когда формально соблюдены требования законодательных актов, а проблемы местного населения остаются нерешенными, легитимных рычагов давления для принятия решения, отвечающего запросам населения муниципального образования, не остается вовсе. Формирование новой иерархии публичных органов власти, которые имеют не только отношения координации, но и ценность субординации, способно изменить данную ситуацию, для чего необходима детальная проработка новой системы ответственности.

Поскольку органы МСУ остаются наиболее приближенным к населению уровнем публичной власти, то именно здесь происходит наиболее оперативный сбор информации по имеющимся «на земле» проблемам. В рамках тренда на цифровизацию государственного аппарата реализована возможность формирования обращений в органы местного самоуправления посредством информационного сервиса «Госуслуг». Это позволяет отслеживать реальные запросы населения. Но оценка качества принимаемых и реализуемых решений на местном уровне невозможна без обладания информацией о деятельности органов МСУ. В условиях развития технологий и телекоммуникационных каналов связи, особое значение имеет укрепление такой ценности местного самоуправления как информационная открытость, которая достижима посредством формирования не только официальных интернет-сайтов с отчетами о деятельности, но и созданием информационных порталов в социальных медиапространствах.

Одной из главных ценностей местного самоуправления выступает организационная самостоятельность его органов, которая проявляется в непосредственном осуществлении власти народом, а также самостоятельным определением структуры органов местного самоуправления. Однако, на сегодняшний день происходит трансформация указанной ценности, ввиду процесса укрупнения муниципальных образований путем объединения поселений и муниципальных районов в муниципальные округа и отказом от двухуровневой системы организации местной власти. Согласно ч. 1.1 ст. 131 Конституции РФ: «Органы государственной власти могут участвовать в формировании органов местного самоуправления, назначении на должность и освобождении от должности должностных лиц местного самоуправления в порядке и случаях, установленных федеральным законом»¹. Данное положение более подробно детализируется в ст. 36 Федерального закона № 131-ФЗ, в котором закреплена возможность избрания главы муниципального образования путем избрания представительным органом муниципального образования кандидата, представленного конкурсной комиссией, половину членов которой назначает высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации. В результате, происходит отрыв населения от местной власти, что безусловно отражается на непосредственном решении населением вопросов местного значения. Как отмечает А.В. Колесников: «каково бы ни было участие органов государственной власти в организационном процессе формирования органов, их решение не должно быть итоговым» [7].

Одним из аспектов, который невозможно не обозначить, когда речь идет о функционировании любого образования, выступает ограниченность ресурсов при осуществлении деятельности. Кадровый голод, недостаточная материально-техническая база, недостаток финансовых ресурсов при осуществлении своих полномочий выступают современным свойством деятельности органов МСУ, даже после включения последних в систему публично-правовых образований. Тем не менее, указанная проблематика вовсе не означает невозможность эффективной деятельности. В условиях развития капиталистического общества, где поощряется инициативность и самостоятельность, особое внимание следует уделить развитию предпринимательства, поскольку субъекты малого и среднего бизнеса могут стать драйвером развития муниципального образования в целом. Как отмечает Н.Д. Королькова: «зависимость малого бизнеса от местного населения очевидна, что вынуждает его представителей участвовать в решении общих социальных проблем» [8]. Для осуществления указанного направления, одной из целей органов местного самоуправления в условиях формирующейся системы публичной власти должно стать содействие гражданским инициативам в сфере предпринимательства, особенно в проектах, имеющих социальное, культурное или экологическое значение. Для этого необходимо нечинение препятствий к реализации указанных проектов, а также информационное и консультационное сотрудничество. В муниципалитетах должны создаваться благоприятные условия

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) / Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) от 6.10.2022 г., ст. 0001202210060013.

для деятельности субъектов малого предпринимательства (МСП), некоммерческих организаций (НКО), необходимо развивать инициативное бюджетирование.

Встраивание института местного самоуправления в систему публичной власти способно привести к эффективному достижению целей и задач общегосударственного значения, поскольку централизация системы ведет к сокращению маршрута при реализации управленческих решений, но только при условии отсутствия концептуальных противоречий в системе целей и ценностей органов местного самоуправления и органов публичной власти.

Конституционное противопоставление институтов государственной и местной власти в единой системе государственного управления привело к конфронтации систем ценностей данных институтов, словно противоречие диспозитивного и императивного методов правового регулирования. Декларированная широкая самостоятельность органов местного самоуправления в терминологическом понимании данного понятия означает независимость местного самоуправления от какого-либо субъекта, что невозможно представить в рамках достижения единой цели органами публичной власти. Точки соприкосновения указанных институтов в рамках единой системы должны развиваться в условиях «согласованного взаимодействия», которое достижимо при наличии рычагов влияния для реализации принятого решения. В целях исключения вышеуказанного противоречия, некоторые авторы предлагают рассматривать органы местного самоуправления не в контексте их самостоятельности, что, по своей сути, не отвечает объективно сложившимся в нынешней системе отношениям, а в контексте автономности, что справедливо предполагает определенную степень независимости в рамках отдельных полномочий [9]. Только в этом ключе возможно достижение согласованного взаимодействия органов, входящих в единую систему публичной власти. Следует отметить, что одной из причин возникновения концептуальных противоречий является неточность юридических формулировок в конструкции введенного в правовое поле института «публичной» власти, которое дает широкие возможности к его толкованию, что продемонстрировал в своей работе Д.А. Кузин [10]. В этой связи, для установления аутентичного понимания данного института законодателю необходима проработка легального определения указанного понятия, не отсылающего к перечислению органов, входящих в его систему.

При этом, превращение муниципалитетов фактически в нижний уровень власти должен способствовать развитию территориального общественного самоуправления. Причем данный институт и должен сохранить за собой возможности и весь спектр инструментов участия граждан в выдвижении инициатив по реализации МСУ.

Повышение значимости территориального общественного самоуправления для развития муниципалитетов

В соответствии с п. 1 ст. 27 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»¹, территориальное общественное самоуправление – это самоорганизация граждан по месту их жительства на части территории поселения, внутригородской территории города федерального значения, муниципального округа, городского округа, внутригородского района, а также в расположенных на межселенной территории населенных пунктах (либо на части их территории) для самостоятельного и под свою ответственность осуществления собственных инициатив по вопросам местного значения. Отталкиваясь от данного легального определения, возможно определить ряд черт, которые присущи территориальному общественному самоуправлению (далее – ТОС). Во-первых, ТОС реализуется в рамках территории отдельного муниципального образования, которая в частности обозначена в п. 2 вышеуказанной статьи, т.е. деятельность органов ТОС не затрагивает территорию муниципального образования целиком. Во-вторых, особое значение в данном определении уделяется критерию самостоятельности при решении вопросов местного значения.

Данное положение раскрывается уже в процедуре создания ТОС, которая реализуется путем волеизъявления граждан отдельного муниципального образования. Т.е. ТОС и его органы является факультативным образованием и не обязательно существуют в каждом муниципалитете. Однако следует сделать ремарку, что одной инициативы граждан для создания ТОС недостаточно, необходимо

¹ Федеральный закон от 06.10.2003 N 131-ФЗ (ред. от 23.03.2024) "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" // Собрание законодательства Российской Федерации от 2003 г., N 40, ст. 3822.

решение представительного органа местного самоуправления. Тем не менее, инициативность является главным аспектом, или даже условием эффективной деятельности ТОС.

Инициативность в деятельности ТОС проявляется не только в процедуре создания ТОС, но и в форме участия в деятельности. ТОС осуществляется путем проведения собраний и конференций граждан определенной территории, причем указанные мероприятия будут считаться правомочными, если в них участвуют не менее одной трети жителей соответствующей территории, достигших шестнадцатилетнего возраста. Помимо определения основных направлений деятельности, благоустройства территории, которое может осуществляться силами членов ТОС, особое внимание следует уделить полномочиям по выдвигению инициативных проектов, в том числе проектов муниципальных правовых актов, которые обязательно должны быть рассмотрены органами и должностными лицами местного самоуправления. Поскольку оперативность информации является основным драйвером эффективной деятельности любого образования, ТОС, будучи «первичной ячейкой» способен гибко реагировать на возникающие потребности и запросы жителей отдельной территории муниципального образования. При этом, органы ТОС могут выступать в данном аспекте не просто транслирующим звеном между жителями и органами МСУ, но и ячейкой непосредственного решения проблем.

Входя в систему местного самоуправления, ТОС является особым элементом, поскольку лежит вне рамок публично-властного воздействия. Данный тезис проявляется в отсутствии у ТОС властных полномочий, органы ТОС и его члены осуществляют свою деятельность в рамках кооперации с органами МСУ, а решения органов ТОС не являются обязательными для исполнения всеми субъектами, функционирующими на территории отдельного муниципального образования. Общественная природа данного образования, в свою очередь, подтверждается отсутствием прямого давления со стороны органов МСУ. Большая часть вопросов функционирования ТОС, в том числе и ответственность его органов, разрешается путем закрепления отдельных положений в уставах муниципальных образований. Это, в свою очередь, означает высокий уровень специализации конкретных условий деятельности ТОС в зависимости от местных традиций и особенностей, проявляющихся на определенной территории.

Обобщая вышеизложенное, ТОС, не являясь публично-правовым образованием, имеет свою особую общественную природу и в этом качестве входит в систему МСУ. ТОС способно стать драйвером на пути развития гражданского общества, поскольку основными ценностями в данном аспекте выступает самостоятельность, активность и инициативность граждан в целях повышения уровня благосостояния отдельной территории муниципалитета.

Заключение

Таким образом, система ценностей и целей института местного самоуправления трансформируется для реализации управленческих решений не столько в контексте вопросов местного значения, сколько для реализации общегосударственной политики, направленной на повышение благосостояния населения всего государства. Эффективность же государственного управления можно выявить уровнем соответствия принимаемых решений общественным ожиданиям и запросам. Исходя из этого, особое значение приобретает поиск равновесия при взаимодействии публично-правовых образований и местного населения. В конечном итоге, сохранение баланса между публичными интересами и местными потребностями способствует формированию заинтересованности и инициативности населения при реализации той или иной политики.

Список источников

1. Овчаренко, Р. К. О формировании системы публичной службы // Власть и элита в эпоху цифровой трансформации: Новые вызовы и угрозы, траектории социально-политического развития современного общества: материалы Четвертого Всероссийского элитологического конгресса с международным участием, Ростов-на-Дону, 25 марта 2022 года. Ростов-на-Дону: ЮРИУФ РАНХиГС, 2022. С. 135-136.
2. Овчаренко Р. К., Лунева И. А. Реформа государственной и муниципальной службы: ресурсы исчерпаны или "затишье перед бурей"? // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 1. С. 240-245. DOI 10.22394/2079-1690-2022-1-1-240-245.

3. Соловьев С. Г. Система целей российского местного самоуправления и правовой механизм перераспределения муниципальных полномочий // *Право и государство: теория и практика*. 2016. №4 (136). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-tseley-rossiyskogo-mestnogo-samoupravleniya-i-pravovoy-mehanizm-pereraspredeleniya-munitsipalnyh-polnomochiy> (дата обращения: 10.04.2024).

4. Галимов Р. Н. Местное самоуправление в Российской Федерации как институт публичной власти и гражданского общества // *Скиф*. 2019. №11 (39). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mestnoe-samoupravlenie-v-rossiyskoy-federatsii-kak-institut-publichnoy-vlasti-i-grazhdanskogo-obschestva> (дата обращения: 10.04.2024).

5. Соколова А. И. Об отдельных вопросах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти // *Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии*. 2023. № 1(55). С. 50–53.

6. Кузнецов И. И., Жаров А. С. Местное самоуправление в единой системе органов публичной власти: предпосылки и перспективы // *Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Социология. Политология*. 2023. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mestnoe-samoupravlenie-v-edinoy-sisteme-organov-publichnoy-vlasti-predposylki-i-perspektivy> (дата обращения: 10.04.2024).

7. Колесников А. В. Местное самоуправление как элемент единой системы публичной власти // *Образование и право*. 2020. № 7. С. 44-49.

8. Королькова Н. Д. Местное самоуправление как ресурс развития публичной политики в современной России // *Власть*. 2009. №9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mestnoe-samoupravlenie-kak-resurs-razvitiya-publichnoy-politiki-v-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 10.04.2024).

9. Соловьев С. Г. Спорные вопросы системы идеалов современного местного самоуправления // *Юридическая наука*. 2015. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spornye-voprosy-sistemy-idealov-sovremennoy-mestnogo-samoupravleniya> (дата обращения: 10.04.2024).

10. Кузин Д. А. Публичная власть в Российской Федерации: понятие, принципы // *Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки*. 2014. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/publichnaya-vlast-v-rossiyskoy-federatsii-ponyatie-printsipy> (дата обращения: 19.04.2024).

References

1. Ovcharenko R. K. On the formation of the public service system. In: *Power and elite in the era of digital transformation: New challenges and threats, trajectories of socio-political development of modern society: materials of the Fourth All-Russian Elitist Congress with international participation*, Rostov-on-Don, March 25, 2022. – Rostov-on-Don: South Russian Institute of Management - branch of RANEPА ; 2022:135–136. (In Russ.)

2. Ovcharenko R. K., Luneva I. A. Public and municipal service reform: are resources exhausted or «the calm before the storm»? *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2022;(1):240–245. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-240-245>.

3. Solovyov S. G. The system of goals of Russian local self-government and the legal mechanism of redistribution of municipal powers. *Law and the state: theory and practice*. 2016;4(136). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-tseley-rossiyskogo-mestnogo-samoupravleniya-i-pravovoy-mehanizm-pereraspredeleniya-munitsipalnyh-polnomochiy> [Accessed 10 April 2024]. (In Russ.)

4. Galimov R.N. Local self-government in the Russian Federation as an institution of public authority and civil society. *Skif*. 2019;11(39). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/mestnoe-samoupravlenie-v-rossiyskoy-federatsii-kak-institut-publichnoy-vlasti-i-grazhdanskogo-obschestva> [Accessed 10 April 2024]. (In Russ.)

5. Sokolova A. I. On certain issues of the organization of local self-government in the unified system of public authority. *Proceedings of the Orenburg Institute (branch) of Moscow State Law Academy*. 2023;1(55):50–53. (In Russ.)

6. Kuznetsov I. I., Zharov A. S. Local self-government in the unified system of public authorities: prerequisites and prospects. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*. 2023;(1). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/mestnoe-samoupravlenie-v-edinoy-sisteme-organov-publichnoy-vlasti-predposylki-i-perspektivy> [Accessed 10 April 2024]. (In Russ.)

7. Kolesnikov A. V. Local self-government as an element of a unified system of public authority. *Education and law*. 2020;(7):44–49. (In Russ.)
8. Korolkova N. D. Local self-government as a resource for the development of public policy in modern Russia. *Vlast'*. 2009;(9). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/mestnoe-samoupravlenie-kak-resurs-razvitiya-publichnoy-politiki-v-sovremennoy-rossii> [Accessed 10 April 2024]. (In Russ.)
9. Solovyov S. G. Controversial issues of the system of ideals of modern local self-government. *Legal science*. 2015;(2). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/spornye-voprosy-sistemy-idealov-sovremennogo-mestnogo-samoupravleniya> [Accessed 10 April 2024]. (In Russ.)
10. Kuzin D. A. Public power in the Russian Federation: concept, principles. *Scientific notes of OSU. Series: Humanities and Social Sciences*. 2014;(1). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/publichnaya-vlast-v-rossiyskoy-federatsii-ponyatie-printsipy> [Accessed 19 April 2024]. (In Russ.)

Информация об авторах

Р. К. Овчаренко – доктор социологических наук, доцент, профессор, заведующий кафедрой социологии ЮРИУ РАНХиГС.

Н. А. Гречушкин – аспирант кафедры социологии ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the authors

R. K. Ovcharenko – Dr. Sci. (Sociology), Professor, Head of the Department of Sociology, South Russian Institute of Management – branch of RANEPA.

N. A. Grechushkin – Postgraduate Student of the Department of Sociology, South Russian Institute of Management – branch of RANEPA.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.05.2024; одобрена после рецензирования 02.06.2024; принята к публикации 03.06.2024.

The article was submitted 14.05.2024; approved after reviewing 02.06.2024; accepted for publication 03.06.2024.

Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 2. С. 58–64
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2024;(2):58–64

Проблемы экономики

Научная статья

УДК 332.146.2

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-58-64>

EDN SNCVON

Конкурентоустойчивость экономики региона как квазикорпорации с позиции системного подхода

Гор Ашотович Абрамян

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, gorabramyan@sfedu.ru

Аннотация. Представленная статья описывает сущность и экономическое содержание квазикорпоративного подхода к управлению современными регионами, являющимися самостоятельными субъектами экономических отношений с ключевыми стейкхолдерами своего развития. В рамках проведенного исследования представлен авторский подход к формированию конкурентоустойчивости экономики региона на основе системного управления конкурентоспособностью и инвестиционной привлекательностью территориального продукта. Результатом исследования является стратегическая матрица мер достижения конкурентоустойчивости региона, которые могут быть имплементированы в дорожные карты органов исполнительной власти для уточнения планов по долгосрочному социально-экономическому развитию в субъектах Российской Федерации, а также разработана концептуальная модель управления конкурентоустойчивостью региона с позиции системного подхода, что дополняет актуальные экономические исследования в этой области.

Ключевые слова: конкурентоустойчивость, экономика региона, квазикорпорация, органы исполнительной власти, системный подход, социально-экономическое развитие

Для цитирования: Абрамян Г. А. Конкурентоустойчивость экономики региона как квазикорпорации с позиции системного подхода // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 2. С. 58–64. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-58-64>. EDN SNCVON

Problems of Economics

Original article

Competitive sustainability of the regional economy as a quasi-corporation from the perspective of a systems approach

Gor A. Abramyan

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, gorabramyan@sfedu.ru

Abstract. The presented article describes the essence and economic content of a quasi-corporate approach to the management of modern regions, which are independent subjects of economic relations with key stakeholders of their development. As part of the study, the author's approach to the formation of competitive sustainability of the regional economy is presented based on systemic management of the competitiveness and investment attractiveness of the territorial product. The result of the study was a strategic matrix of measures to achieve the competitive sustainability of the region, which can be implemented in the road maps of executive authorities to clarify plans for long-term socio-economic development in the constituent entities of the Russian Federation, and also a conceptual model for managing the competitive sustainability of the region has been developed from the perspective of a systems approach, which complements current economic research in this field.

© Абрамян Г. А., 2024

Keywords: competitiveness, regional economy, quasi-corporation, executive authorities, systemic approach, socio-economic development

For citation: Abramyan G. A. Competitive sustainability of the regional economy as a quasi-corporation from the perspective of a systems approach. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2024;(2):58–64. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-58-64>. EDN SNCVON

Современные регионы являются полноценными самостоятельными участниками экономических отношений на мезоуровне, формируя собственный территориальный продукт, за счёт которого регионы стремятся в максимально полном объёме удовлетворить потребности ключевых стейкхолдеров регионального развития [1]. К ключевым внутренним и внешним стейкхолдерам региона как квазикорпорации можно отнести: органы государственной власти регионального, федерального и международного уровня; местное население (человеческий капитал региона); инвесторы и прочие представители бизнеса; средства массовой информации; организации научно-образовательной сферы; институты развития регионального, федерального уровня и международного уровня; территории-партнёры и территории-конкуренты и др. (рис. 1).

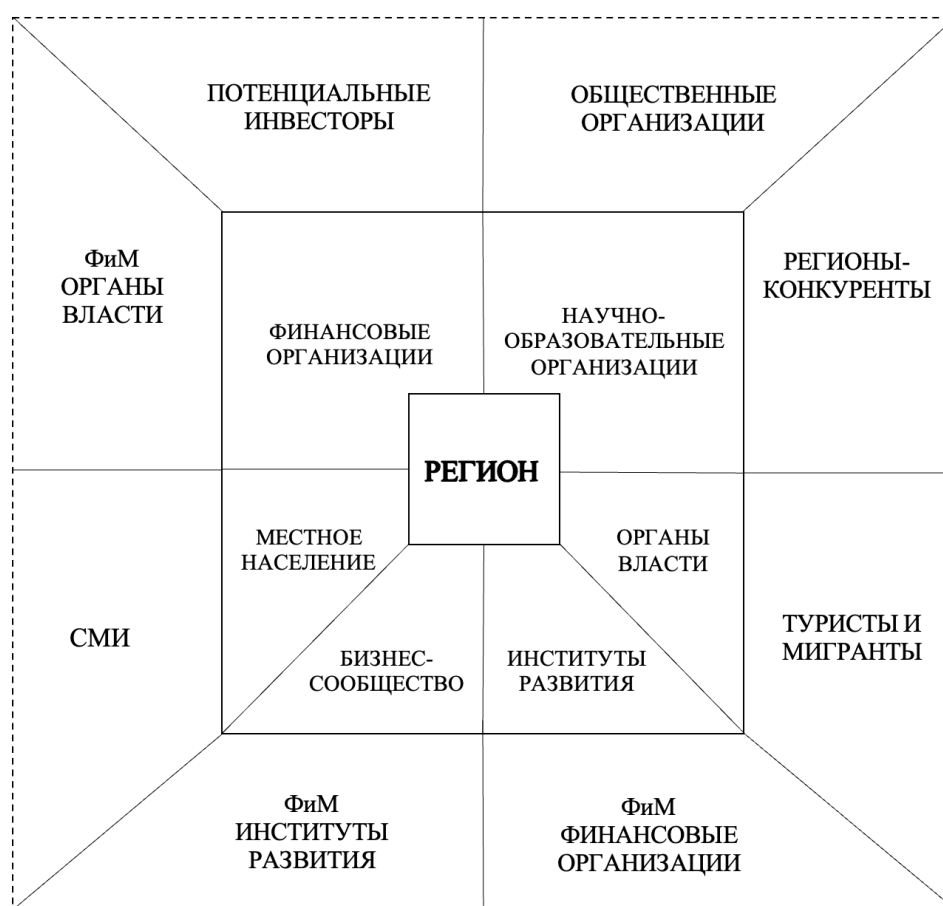

Рис. 1. Внутренние и внешние стейкхолдеры региона

Fig. 1. Internal and external stakeholders of the region

Теоретико-методологические основы исследования региона как квазикорпорации лежат в основе концепции, предложенной Гранбергом А. Г. [2]. Квазикорпоративный подход к развитию экономики региона позволяет акцентировать внимание на системе управления активами региона, обуславливающими его конкурентоспособность и инвестиционную привлекательность, что в конечном счёте формирует контуры конкурентоустойчивости экономики региона [1]. Сущность и экономическое содержание квазикорпоративного подхода к исследованию региональной экономики концентрируется вокруг понятия территориального продукта региона. Территориальный продукт как совокупность материальных, нематериальных и финансовых активов региона является центральным

звеном системы управления конкурентоустойчивостью экономики региона и должен быть ключевым предметом исследования при стратегическом планировании устойчиво-сбалансированного экономического развития в органах исполнительной власти субъектов Российской Федерации [3].

Тесные устойчивые связи между элементами региональной социо-эколого-экономической системы, с одной стороны, зависящие от системы в целом, а с другой стороны, формирующие её конкурентные преимущества, образуют предпосылки для рассмотрения современного региона как комплексной интегральной системы, что подразумевает её декомпозицию на группы активов, являющихся системообразующими элементами его территориального продукта [4]. Материальные активы региона отражают его ресурсную и инфраструктурную обеспеченность для реализации инвестиционных проектов и устойчивого социально-экономического развития. Нематериальные активы региона характеризуются качеством информационно-коммуникативного сопровождения территориального продукта, его позиционирование среди прочих территорий-конкурентов, имидж и репутацию. Финансовые активы региона, в свою очередь, являются источником для финансирования устойчивого развития экономики региона и обусловлены притоком федеральных и частных инвестиций, а также доходами консолидированного регионального бюджета.

Интерес инвесторов к территориальному продукту региона, представляющему потенциальным инвесторам совокупность возможностей для размещения производительных сил и вливания капитальных вложений, должен быть устойчивым за счёт комплекса мер по повышению инвестиционной привлекательности территории и, как следствия, повышения её конкурентоустойчивости. Регион как квазикорпорация посредством повышения эффективности регионального менеджмента на мезоуровне должен сам создавать новые предпосылки для притока новых инвестиций в свою экономику на основе системного подхода к управлению конкурентоустойчивостью.

Интерпретируя в логике квазикорпоративного подхода признаки региона как системы, сформулированные Шеховцевой Л. С., можно утверждать, что регион как квазикорпорации обладает ключевыми признаками системы, а именно:

- является подсистемой как часть системы более высокого уровня (территориальный продукт региона – фактор конкурентоустойчивости национальной системы);
- представляет собой целостность, состоящую из различных взаимосвязанных элементов (структура региональной конкурентоустойчивости представлена материальными, нематериальными и финансовыми активами региона);
- все подсистемы региона взаимозависимы и взаимодополняемы, взаимодействуют с внешней средой и образуют целостность (регион как квазикорпорация выступает самостоятельным субъектом во взаимоотношениях со своими стейкхолдерами) [5].

Клейнер Г. Б. в рамках предложенного им системно-экономического подхода к управлению регионом фиксирует стратегический характер системного развития региона, которое направлено на решение значимых (как текущих, так и будущих) задач, предотвращение или смягчение угроз и вызовов внешней и внутренней среды, оно нацелено на обеспечение устойчивости и стабильности сложных социально-экономических систем в условиях их развития [6].

Соответственно, для обеспечения устойчивого развития экономики региона необходимо формирование на мезоуровне полноценной системы управления конкурентоустойчивостью, которая бы позволила минимизировать негативные последствия факторов внешней среды (геополитическая напряжённость, макроэкономическая турбулентность и т. д.) и максимизировать конкурентные преимущества территориального продукта в борьбе за ограниченные инвестиционные ресурсы.

Прежде чем перейти к представлению концептуальной модели системы управления конкурентоустойчивостью регионального развития, необходимо раскрыть теоретико-методологическое содержание конкурентоустойчивости региона.

В научно-академической сфере широко представлена интерпретация устойчивости в конкурентной среде на микроуровне в контексте отдельных предприятий, при этом региональный аспект практически не исследован, а категория «конкурентоустойчивости» и вовсе не представлена. Гринчель Б. М. и Назарова Е. А. в своих исследованиях отмечают, что учёт устойчивости развития является новым и также весьма актуальным требованием к управлению экономикой региона в связи с усилением волатильности политико-экономических условий в мире в последние годы, при этом авторская трактовка устойчивости на мезоуровне в анализируемых публикациях отсутствует [7–8].

Влияние регионального менеджмента на траекторию развития региона проявляется в повышении наращивания конкурентоустойчивости социального, экономического и территориально-хозяйственного комплексов. Конкурентоустойчивость социального комплекса возможна за счёт увеличения инвестиций в человеческий капитал и объекты для его притяжения и сохранения на территории региона. Конкурентоустойчивость экономического комплекса обеспечивается посредством повышения конкурентоспособности отраслей специализации и системообразующих предприятий региона. Конкурентоустойчивость территориально-хозяйственного комплекса формируется на основе инфраструктурной базы региональной конкурентоспособности, используемой при реализации инвестиционных проектов.

Рассматривая регион с позиции квазикорпоративного подхода, целесообразно отметить, что устойчивость региональной социо-эколого-экономической системы заключается в её способности противостоять внешним шокам самого различного характера и сохранять необходимый уровень обеспеченности активами для возможности развития при формировании благоприятной конъюнктуры [9]. Эта способность зависит от эффективности регионального менеджмента, что проявляется в качестве прогнозирования тенденций развития, скорости реагирования на факторы турбулентности, минимизации последствий от наступивших внешних ограничений [10].

Очевидно, что функционирующая в регионе система управления инвестиционной привлекательностью определяет траекторию повышения конкурентоспособности территориального продукта посредством устойчивого наращивания и модернизации активов региона и максимального сокращения «пути инвестора» (рис. 2).

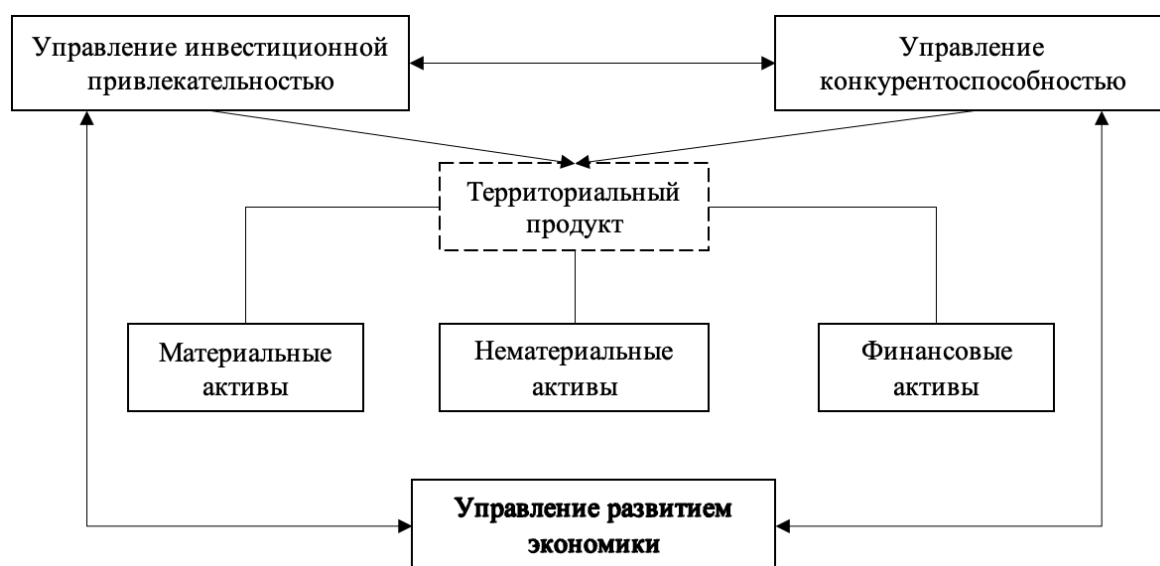

Рис. 2. Взаимосвязь между конкурентоспособностью, инвестиционной привлекательностью и устойчивым развитием экономики региона

Fig. 2. The relationship between competitiveness, investment attractiveness and regional economic development

Таким образом, конкурентоустойчивость экономики региона как квазикорпорации представляет собой такое состояние экономики региона, при котором возможно сохранение и наращивание темпов экономического роста и формирование устойчивого притока инвестиций в экономику посредством эффективного и сбалансированного управления инвестиционной привлекательностью и конкурентоспособностью территориального продукта региона как подсистемами комплексной системы управления конкурентоустойчивостью региона.

Основываясь на вышеуказанном определении, целесообразно представить основные направления стратегического характера, которые необходимо предпринять профильным органам исполнительной власти в субъектах Российской Федерации с целью обеспечения формирования и последующего наращивания конкурентоустойчивости экономики региона. Далее представлена стратегическая матрица мер повышения конкурентоустойчивости экономики региона, которая может служить

методологическим каркасом для дорожной карты по стратегическому планированию долгосрочного социально-экономического развития в субъектах Российской Федерации (рис. 3).

Базисом данной стратегической матрицы выступают факторы конкурентоустойчивости, т. е. группы активов региона как квазикорпорации, а надстройкой – его уникальное инвестиционное предложение (УИП), также являющееся фактором конкурентоустойчивости и формирующееся в результате внедрения системы инвестиционного рекрутинга как неотъемлемого элемента обеспечения конкурентоспособности и инвестиционной привлекательности региона.

УИП должен быть целеориентирован на формирование уникального инвестиционного бренда, который позволит представить конкурентные преимущества региона в качестве ключевого фактора для решения о реализации инвестиционных проектов со стороны инвесторов на территории того или иного региона. Первым этапом внедрения УИП станет эффект от коммуникационного развития экономики региона, что улучшит имидж и репутацию региона в бизнес-сообществе. Это, в свою очередь, станет драйвером для повышения инвестиционной привлекательности и, как следствие, привлечения инвестиций в экономику региона. А продолжением инвестиционного развития станет увеличение налогооблагаемой базы, создание новых рабочих мест, достижение экономического роста в различных отраслях – это будет являться признаком устойчивого социально-экономического развития в целом. Именно эти этапы можно назвать стадиями формирования конкурентоустойчивости экономики региона.

НАДСТРОЙКА	Движущий процесс	Инвестиционное позиционирование и продвижение	
	Фактор		
	Уникальное инвестиционное предложение (УИП)	➤ Совершенствование системы инвестиционного рекрутинга	
БАЗИС	Движущий процесс	Модернизация и накопление активов	
	Фактор		
	Материальные активы региона		<ul style="list-style-type: none"> ➤ Сохранение и наращивание природно-географического капитала ➤ Сохранение и наращивание пространственно-инфраструктурного капитала ➤ Сохранение и наращивание производственного капитала
	Нематериальные активы региона		<ul style="list-style-type: none"> ➤ Сохранение и наращивание человеческого капитала ➤ Сохранение и наращивание маркетингового капитала ➤ Сохранение и наращивание административного капитала
	Финансовые активы региона	➤ Сохранение и наращивание финансово-инвестиционного капитала	

Рис. 3. Стратегическая матрица мер повышения конкурентоустойчивости экономики региона
 Fig. 3. Strategic matrix of measures to increase the competitive stability of the regional economy

Концептуальная модель системы управления конкурентоустойчивостью экономики региона как квазикорпорации основывается двух отдельных подсистемах – управлении конкурентоспособностью и инвестиционной привлекательностью посредством накопления и модернизации активов (рис. 4).

Рис. 4. Концептуальная модель системы управления конкурентоустойчивостью экономики региона как квазикорпорации
 Fig. 4. Conceptual model of a system for managing the competitive sustainability of the regional economy as a quasi-corporation

Таким образом, можно выделить следующие основные принципы управления конкурентоустойчивостью экономики региона как квазикорпорации с позиции системного подхода:

- конкурентоспособность и инвестиционная привлекательность экономики региона являются системообразующими факторами его конкурентоустойчивости;
- территориальный продукт является ключевым объектом управления в представленной системе управления конкурентоустойчивостью;
- накопление и модернизация материальных, нематериальных и финансовых активов региона возможно вследствие повышения инвестиционной привлекательности региона на основе имплементации УИП;
- УИП представляет собой комплекс мер, направленных на повышение качества территориального продукта и снижение стоимости доступа к нему для инвесторов;
- управление инвестиционной привлекательностью возможно посредством обеспечения устойчиво-сбалансированного развития региона на каждом из этапов повышения конкурентоспособности инвестиционной сферы – коммуникативном, инвестиционном и социально-экономическом этапах;
- главными потребителями территориального продукта региона являются его внутренние и внешние стейкхолдеры, при этом особенное внимание в контексте экономики региона необходимо уделять инвесторам.

Список источников

1. Абрамян Г. А. Регион как квазикорпорация: факторы инвестиционной привлекательности / В сборнике: Государственное управление и развитие России: проектирование будущего. Материалы международной конференц-сессии. М., 2022. С. 351-358.
2. Гранберг А. Г. Актуальные проблемы регионального развития и региональной политики // Социально-экономические реформы: региональный аспект. 2002. № 4. С. 19-23.
3. Абрамян Г. А. Приоритеты инвестиционного развития регионов в контексте структурной трансформации российской экономики / В сб.: Российская экономика: на пути структурной трансформации: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Красноярск, 2023.

4. Сенько А. Н. Конкурентные преимущества региона в стратегии обеспечения устойчивости его развития / В сб.: Современные тренды российской экономики: вызовы времени. Материалы международной научно-практической конференции. Тюмень, 2017. С. 234-236.
5. Шеховцева Л. С. Эволюция комплексных подходов: становление парадигмы системного развития региона // Вопросы инновационной экономики. 2020. Том 10. № 2. С. 805-818.
6. Клейнер Г. Б. Системная парадигма как теоретическая основа стратегического управления экономикой в современных условиях // Управленческие науки. 2023. № 13(1). С. 6-19.
7. Гринчель Б. М., Назарова Е. А. Конкурентная привлекательность и устойчивость качества жизни регионов в территориальном пространстве России // Экономика и управление. 2021. Т. 27. № 6(188). С. 410-425.
8. Гринчель Б. М., Назарова Е. А. Методический подход и алгоритм анализа пространственного развития в контексте конкурентной привлекательности и устойчивости регионов // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2020. № 2-3(61-62). С. 103-114.
9. Абрамян Г. А. Оценка устойчивости инвестиционного развития Южно-российского приграничья в условиях социально-политической нестабильности // Modern Economy Success. 2023. № 1. С. 89-95.
10. Криулина Е. Н., Горбатко И. А. Территориальный подход к оценке устойчивости и конкурентных позиций региона // Новости науки в АПК. 2018. № 1(10). С. 59-64.

References

1. Abramyan G. A. Region as a quasi-corporation: factors of investment attractiveness. In: *Public administration and development of Russia: designing the future. Materials of the international conference session*. Moscow, 2022:351-358. (in Russ.)
2. Granberg A. G. Current problems of regional development and regional policy. *Socio-economic reforms: regional aspect*. 2002;(4):19-23. (in Russ.)
3. Abramyan G. A. Priorities of investment development of regions in the context of the structural transformation of the Russian economy. In: *Russian economy: on the path of structural transformation: Materials of the All-Russian scientific and practical conference*. Krasnoyarsk, 2023. (in Russ.)
4. Senko A. N. Competitive advantages of the region in the strategy for ensuring the sustainability of its development. In: *Modern trends of the Russian economy: challenges of the time. Materials of the international scientific and practical conference*. Tyumen, 2017:234-236. (in Russ.)
5. Shekhovtseva L. S. Evolution of integrated approaches: the formation of a paradigm for systemic development of the region. *Issues of innovative economics*. 2020;2(10):805-818. (in Russ.)
6. Kleiner G. B. System paradigm as a theoretical basis for strategic economic management in modern conditions. *Management Sciences*. 2023;13(1):6-19. (in Russ.)
7. Grinchel B. M., Nazarova E. A. Competitive attractiveness and sustainability of the quality of life of regions in the territorial space of Russia. *Economics and management*. 2021;27(6):410-425. (in Russ.)
8. Grinchel B. M., Nazarova E. A. Methodological approach and algorithm for analyzing spatial development in the context of competitive attractiveness and sustainability of regions. *Economy of the North-West: problems and development prospects*. 2020;2-3(61-62):103-114. (in Russ.)
9. Abramyan G. A. Assessing the sustainability of investment development of the South Russian border region in conditions of socio-political instability. *Modern Economy Success*. 2023;(1):89-95. (in Russ.)
10. Kriulina E. N., Gorbatko I. A. Territorial approach to assessing the sustainability and competitive position of the region. *News of science in the agro-industrial complex*. 2018;1(10):59-64. (in Russ.)

Информация об авторе

Г. А. Абрамян – преподаватель кафедры инновационного и международного менеджмента ЮФУ.

Information about authors

G. A. Abramyan – Lecturer, Department of Innovation and International Management, Southern Federal University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 18.03.2024; одобрена после рецензирования 06.05.2024; принята к публикации 07.05.2024.

The article was submitted 18.03.2024; approved after reviewing 06.05.2024; accepted for publication 07.05.2024.

Научная статья

УДК 336

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-65-73>

EDN ULBWRA

Международные тренды цифровизации валютно-финансовых отношений: от глобализации к децентрализации

Андрей Борисович Бабанов

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, babanov-ab@ranepa.ru

Аннотация. Рассмотрена необходимость использования новых, цифровых форм организации валютно-финансовых расчетов с зарубежными партнерами, а также формирование национальной системы безопасных платежей. В статье приведен результат анализа мотиваций внедрения цифровых валют центральных банков (положительные и отрицательные моменты рассматриваемого процесса). Дан обзор существующих международных платежных систем, в том числе и российской, обозначены преимущества и недостатки. Рассмотрены основные тенденции криптовалютного рынка как возможного механизма формирования децентрализованных финансов.

Ключевые слова: криптовалюта, биткойн, СПФС, СВИФТ, механизмы передачи финансовых сообщений, внешнеэкономическая деятельность

Для цитирования: Бабанов А. Б. Международные тренды цифровизации валютно-финансовых отношений: от глобализации к децентрализации // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 2. С. 65–73. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-65-73>. EDN ULBWRA

Problems of Economics

Original article

International trends in the digitization of monetary and financial relations: from globalization to decentralization

Andrei B. Babanov

South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, babanov-ab@ranepa.ru

Abstract. The need for the use of new, digital forms of organization of monetary and financial settlements with foreign partners, as well as the formation of a national system of secure payments. The article presents the result of analysis of motivations of introduction of digital currencies of central banks (positive and negative moments of the considered process). The article gives an overview of existing international payment systems, including the Russian one, and identifies advantages and disadvantages. The main tendencies of the cryptocurrency market as a possible mechanism of formation of decentralized finance are considered.

Keywords: cryptocurrency, bitcoin, SPFS, SWIFT, financial messaging mechanisms, foreign economic activity

For citation: Babanov A. B. International trends in the digitization of monetary and financial relations: from globalization to decentralization. *State and Municipal Management. Scholar Notes. 2024;(2):65–73. (In Russ.)*. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-65-73>. EDN ULBWRA

При рассмотрении современных тенденций цифровизации валютно-финансовых отношений отметим, что международные транзакции посредством криптовалют отслеживаются глобальными финансовыми институтами и биржами и при необходимости могут передаваться в органы контроля.

Европейский Союз в рамках законодательской деятельности принял в первом чтении обновленной редакции Регламент о переводе средств и криптоактивах (MiCA). Планируется, что документ вступит в силу в январе 2025 г.

С другой стороны, объем рынка криптовалют остается мало ликвидным, по сравнению с классическими инструментами и составляет на сегодняшний день чуть больше 1 трлн долл., где наибольшая рыночная капитализация приходится на Bitcoin (BTC) и составляет 524,4 млрд долл. В то же время ключевые акторы¹ отмечают, что в 2023 г. отрасль переживала значительный подъем, несмотря на усиление контроля со стороны регулирующих органов и общей макроэкономической неопределенностью, т.к. рост в первом квартале составил 47 %.

Рис. 1. График общей рыночной капитализации криптовалют²

Fig. 1. Figure of total market capitalization of cryptocurrencies

На графике отражена глобальная рыночная капитализация и объем криптовалют как результат отслеживания 10 429 криптовалют на 895 биржах. Рынок криптовалют можно признать олигопольным, где наибольший объем приходится на 2-3 монеты. Приведем сравнение рыночных долей ведущих криптовалют, представленных на портале трейдингвью.

¹ Binance Research: основные выводы полугодичного отчета (первое полугодие 2023 года) //

<https://www.binance.com/ru/blog/ecosystem/binance-research-%D0%BE%D1%81%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D1%8B%D0%B5-%D0%B2%D1%8B%D0%B2%D0%BE%D0%B4%D1%8B-%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D1%83%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B3%D0%BE-%D0%BE%D1%82%D1%87%D0%B5%D1%82%D0%B0-%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B2%D0%BE%D0%B5-%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D1%83%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%B8%D0%B5-2023-%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%B0-8155260287042551298>

² <https://www.coingecko.com/ru/global-charts#:~:text=%D0%9C%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%8F%20%D1%80%D1%8B%D0%BD%D0%BE%D1%87%D0%BD%D0%B0%D1%8F%20%D0%BA%D0%B0%D0%BF%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%B%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F%20%D0%BA%D1%80%D0%B8%D0%BF%D1%82%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BB%D1%8E%D1%82%20%D0%BD%D0%B0,%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%B4%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%B2%D0%BB%D1%8F%D1%8E%D1%89%D0%B0%D1%8F%20%D0%B4%D0%BE%D0%BC%D0%B8%D0%BD%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20%D0%B4%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D0%B9%20%D0%BA%D1%80%D0%B8%D0%BF%D1%82%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BB%D1%8E%D1%82%D1%8B%2048.11%25.>

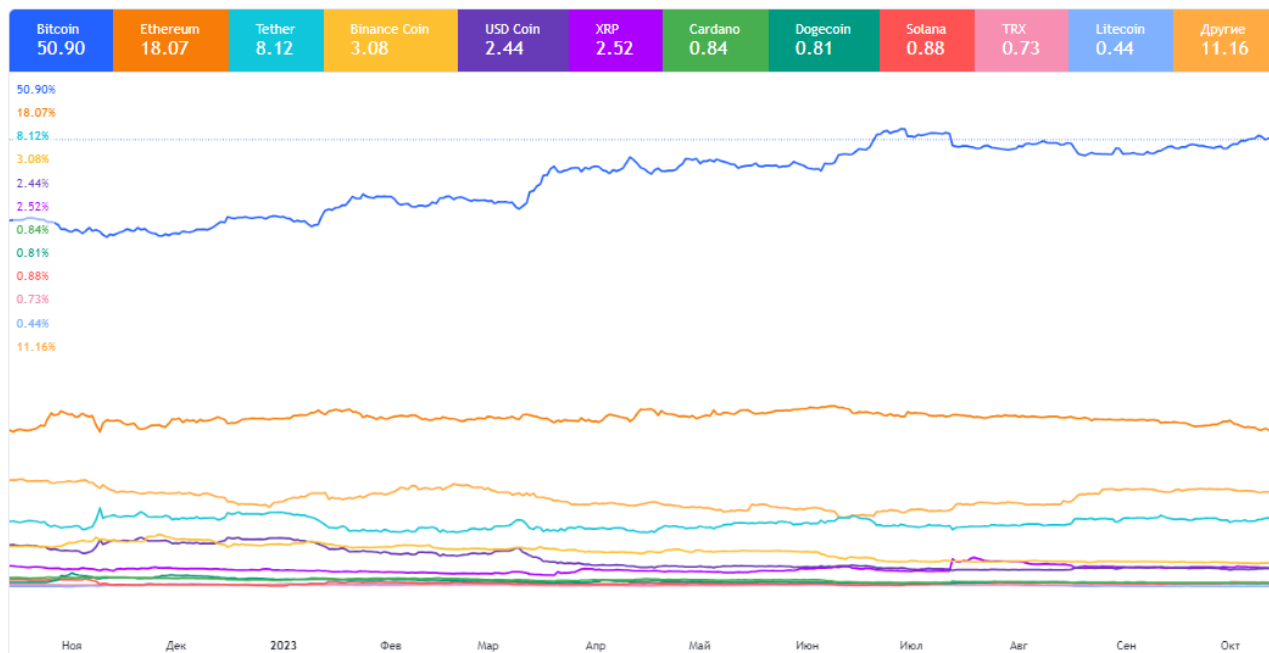

Рис. 2. Сравнение общей рыночной капитализации криптовалют (в %)¹

Fig. 2. Comparison of total market capitalization of cryptocurrencies (in %)

Современное состояние криптовалютного рынка вызывает большое сомнение в использовании его как механизма обхода санкций со стороны недружественных государств. В первую очередь этому способствует недостаточная ликвидность (1 трлн долл.) для организации проведения платежей в рамках внешнеэкономической деятельности. Во вторых, невозможность проведения скрытых операций с криптоактивами, особенно в рамках ужесточения требований финансовых организаций по раскрытию информации о транзакциях. В третьих, отсутствие в криптоинструментах отработанных технологий по масштабу и скорости передачи финансовых сообщений. Так, например, SWIFT ежедневно обрабатывает в среднем 40 миллиона финансовых сообщений, среднее время доставки в любую точку мира – 15 минут для обычного и 2 минуты для срочного сообщения. За каждую транзакцию SWIFT берет порядка 1-2 % комиссии. Осознавая рост конкуренции с криптоактивами и цифровыми валютами, SWIFT изучает возможности использования цифровых валют центральных банков (CBDC) к платформе банковских сообщений. К проекту подключился Федеральный резервный банк Нью-Йорка с использованием сети регулируемой ответственности.

Считается, что цифровые валюты центральных банков (далее – ЦВЦБ) существуют уже более 30 лет и на настоящий момент имеют различную мотивацию при внедрении, которая тщательным образом изучается².

В 2021 г. SWIFT опубликовала доклад, посвященный исследованию цифровых валют центральных банков и их применению в международных расчетах. В докладе отражены результаты экспериментов, полученные в рамках пилотного проекта по достижению совместимости между сетью ЦВЦБ и платежной сетью, отличной от ЦВЦБ. В этих экспериментах использовали существующую инфраструктуру для обмена сообщениями, чтобы обеспечить бесперебойный поток транзакций на основе масштабируемой модели без необходимости ручной обработки промежуточных сообщений. Это решение дает возможность центральным банкам интегрировать свои ЦВЦБ в трансграничные расчеты в форме ЦВЦБ за счет внедрения соединительного шлюза с использованием стандарта ISO 20022³.

¹ <https://ru.tradingview.com/markets/cryptocurrencies/global-charts/>

² Э. Стенли. Восхождение ЦВЦБ. <https://www.imf.org/ru/Publications/fandd/issues/2022/09/Picture-this-The-ascent-of-CBDCs>

³ Новые международные проекты по использованию цифровых валют центральных банков в трансформации трансграничных расчетов // <https://asros.ru/news/opinions/novye-mezhdunarodnye-proekty-po-ispolzovaniyu-tsifrovyykh-valyut-tsentralnykh-bankov-v-transformatsii/>

Таким образом, анализируя подобные расчетные эксперименты с цифровыми валютами, можно сделать вывод о желании SWIFT отстоять за собой первенство глобальной инфраструктуры.

Анализ мотиваций внедрения ЦВЦБ показывает идентичность как положительных, так и негативных моментов, а именно:

Положительные	Отрицательные
Повышение устойчивости национальных платежных и финансовых систем	Управление инфраструктурными рисками безопасности, в том числе киберрисками
Повышение конкуренции национальной экономики	Управление конфиденциальностью всех участников системы
Снижение транзакционных издержек	Повышение финансовых расходов на администрирование 3 формы платежа
Повышение прозрачности всего спектра операций (отсутствие необходимости подтверждения контрагентов, клиринга и т.д.)	Снижение количества банковских учреждений и повышение конкуренции со стороны нефинансовых организаций
Снижение издержек ЦБ и скорости проведения операций	

Проекты БИС (BIS, 2023), поддерживаемые Банком международных расчетов, являются примерами потенциала развития межгосударственного центра (участвовали центральные банки трех стран – Израиля, Норвегии и Швеции) с использованием ЦВЦБ.

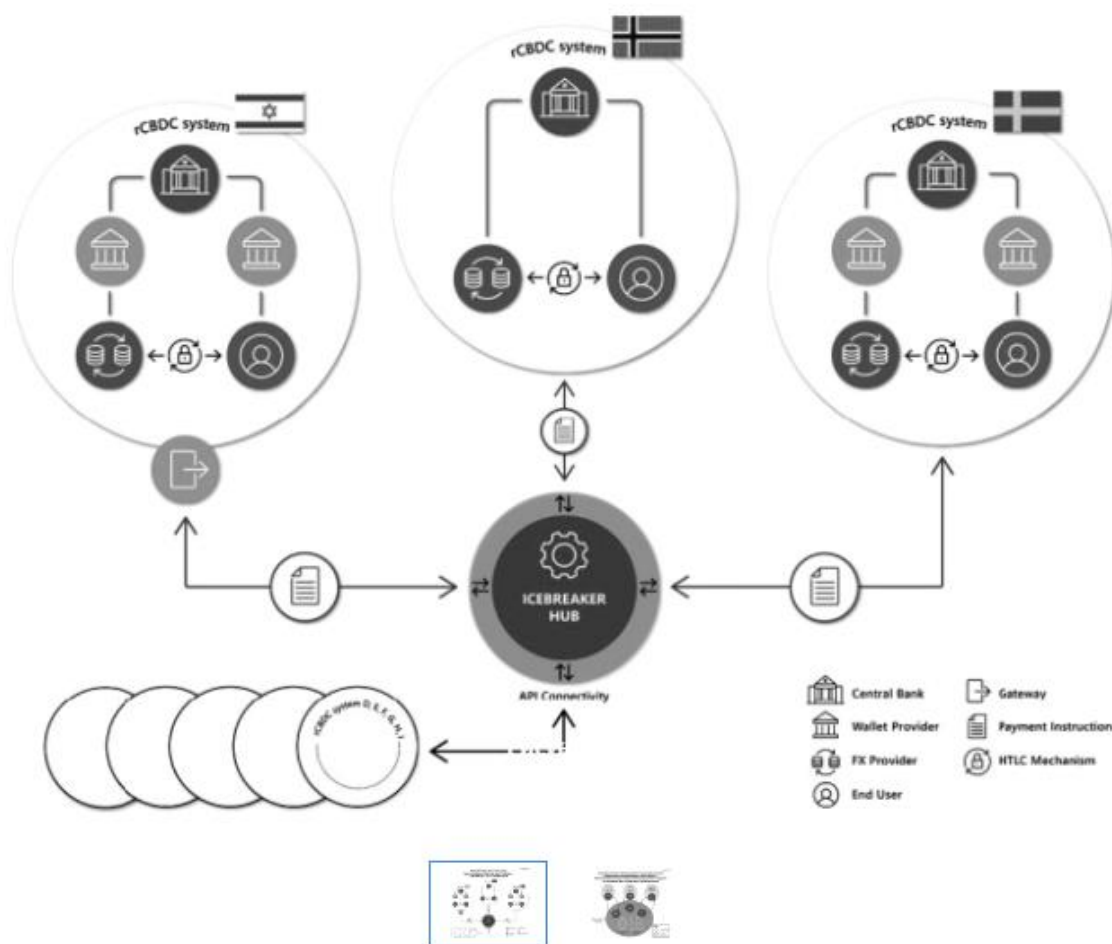

Рис. 3. Взаимодействие центральных банков Израиля, Норвегии и Швеции в проекте Icebreaker
 Fig. 3. Interaction of the central banks of Israel, Norway and Sweden in the project Icebreaker

В январе 2024 года Инновационный Центр БИС объявил о продолжении работы над проектом Augum¹ по изучению конфиденциальности транзакций в ЦВЦБ.

Стоит отметить и китайский проект – трансграничной межбанковской платежной системы CIPS², где соответственно большинство платежей осуществляется в юанях. По состоянию на сентябрь 2023 года в CIPS насчитывалось 1478 участников, из которых 101 является прямым участником и 1377 – косвенным участником. Среди косвенных участников – 1018 участников из Азии (в том числе 564 из материкового Китая), 240 из Европы, 50 из Африки, 30 из Северной Америки, 22 из Океании и 17 из Южной Америки, расположенных в 111 странах и регионах по всему миру. Фактический бизнес охватывает более 4300 банковских учреждений в 182 странах и регионах мира.

Все большее количество центральных банков³ реализуют эксперименты по построению новой финансовой инфраструктуры с использованием цифровых валют, в том числе и в розничном сегменте. Не планирует проигрывать конкуренцию и Министерство финансов США, которое официально одобрило создание ЦВЦБ США для достижения ключевых целей, а именно: финансовое, технологическое лидерство при осуществлении финансовых транзакций, кибербезопасность, взаимодействовали с существующей финансовой инфраструктурой, что означает попытку сохранения монопольного контроля над международными операциями и ключевой роли ФРС.

В связи с уходом большинства зарубежных банков из России возможность SWIFT-переводов ограничена – так, минимальная сумма перевода – 20 000 долларов или эквивалент в евро, 2% за переводы через RBS (Raiffeisen Business System), 3% за переводы, осуществляемые в офисах банка. При этом банк может взимать дополнительные комиссии за переводы или долларах. Российские участники ВЭД продолжают испытывать серьезные проблемы с оплатой товаров из недружественных стран. Недавно Raiffeisenbank International (RBI) закрыл корреспондентские счета всем российским банкам, за исключением Raiffeisenbank Russia⁴.

Созданная Банком России система передачи финансовых сообщений (далее – СПФС, российский аналог SWIFT) помогла преодолеть санкции и не привела к коллапсу национальной банковской системы. К СПФС подключились и работают 514 банков и компаний, 159 нерезидентов более из 20 стран. Количество операций в СПФС выросло в 4,6 раза, что за 5 месяцев 2023 года составило 82 млн штук. Банк России не раскрывает название компаний и стран из-за опасений введения против них санкций. Вторичные санкции могут быть введены со стороны США против физических и юридических лиц, работающих за пределами страны, как ответ на взаимодействие с подсанкционными российскими компаниями или имеющими к ним отношения лицами.

Таблица 1 – Сравнительные характеристики СПФС и SWIFT

Table 1 – Comparative characteristics of financial messaging system and SWIFT

Сравнение СПФС и SWIFT	СПФС	SWIFT
Участники	около 500 участников — банки и юридические лица в 14 странах мира	около 10 000 банков и юридических лиц по миру
Стоимость подключения	бесплатно	до \$200 000 для каждого нового клиента
Стоимость обслуживания	бесплатно	10 000 евро
Тариф за передачу одного сообщения	0,80–1 Р	2,20–3,70 Р
Объём передаваемых сообщений	не более 5 Мб — не подойдёт для передачи объёмных реестров данных	не более 10 Мб
Срок хранения информации	в оперативном архиве электронные сообщения хранятся 3 дня, в долгосрочном архиве – 5 лет	124 дня

¹ Проект Augum — это полнофункциональная система CBDC, включающая оптовую межбанковскую систему и розничную систему электронных кошельков // <https://www.theblock.co/post/274009/bis-confirms-tokenization-project-as-part-of-six-projects-for-2024>.

² <https://www.cips.com.cn/en/index/index.html>.

³ Банк КНР, Гонконга, Колумбии осуществляют эксперименты по внедрению ЦВЦБ.

⁴ Платежи не срastaются // <https://expert.ru/expert/2023/21/platezhi-ne-srastayutsya/>

Российская платежная инфраструктура доказала свою устойчивость, что сыграло ключевую роль в стабилизации ситуации на финансовом рынке после введения санкций.

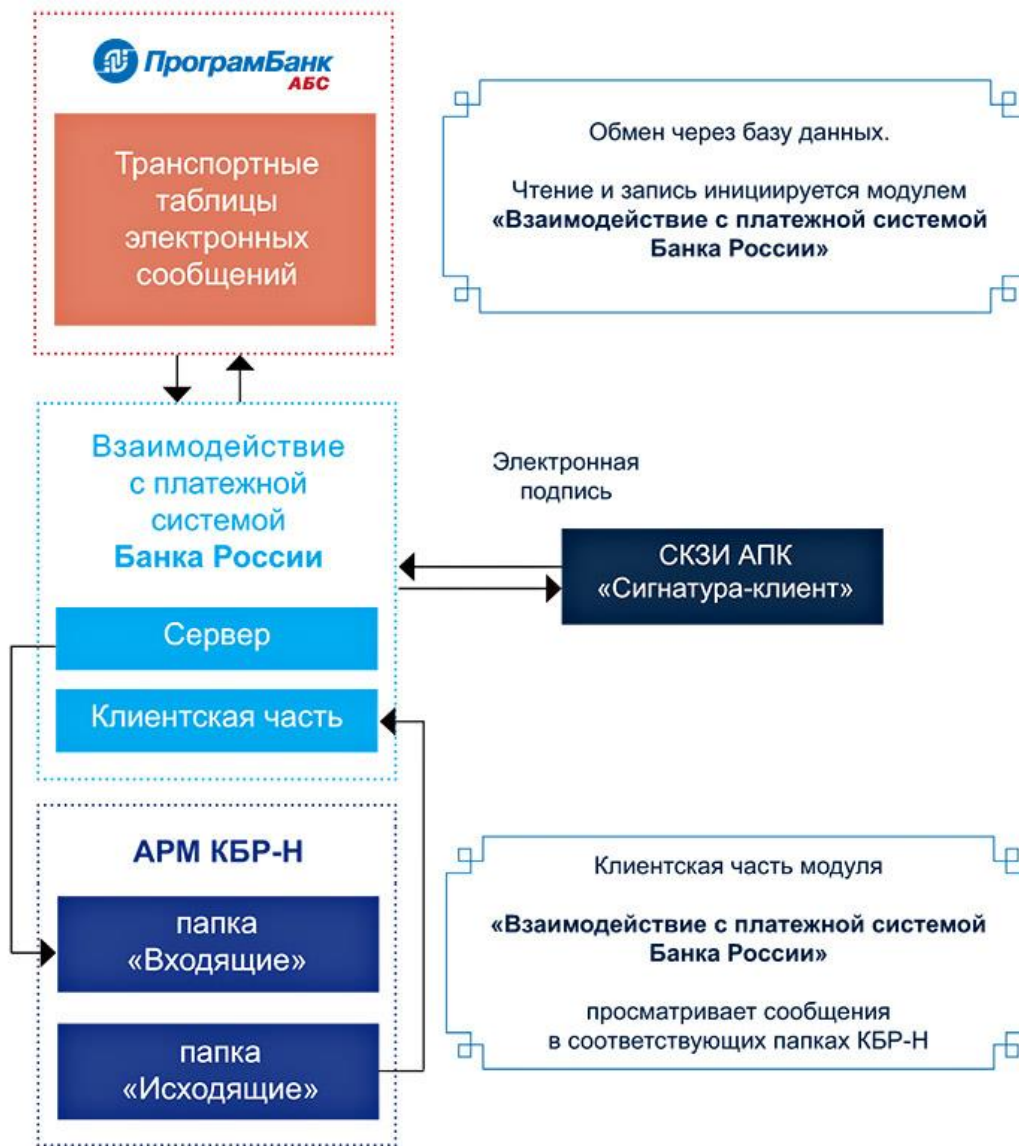

Рис. 4. Взаимодействие с платежной системой Банка России¹
 Fig. 4. Interaction with the payment system of the Bank of Russia

Решение международных платежных систем уйти из России не повлияло на работу их карт внутри страны – еще в 2014 году обработка всех внутрироссийских операций по картам российских банков была переведена в Национальную систему платежных карт.

¹ Модуль «Взаимодействие с платежной системой Банка России» // https://www.programbank.ru/site/integrations_cbr-ru

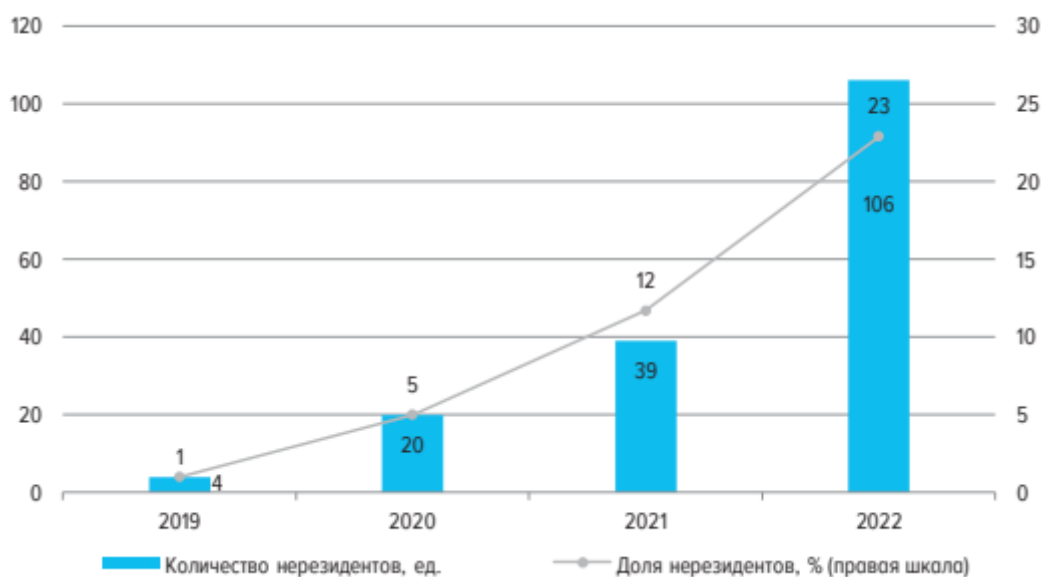

Рис. 5. Распределение участников СПФС¹
 Fig. 5. Distribution of financial messaging system participants

Из рис. 5 мы видим, что каждый четвертый участник СПФС – нерезидент (иностраный банк или компания).

По факту продолжением деструктивных межгосударственных отношений стало решение Совета директоров Банка России об установлении запрета использования SWIFT при передаче в электронном виде информации по любому переводу денежных средств, осуществляемому на территории Российской Федерации².

Активно обсуждается кольцевание банковских систем и проведение финансовых транзакций стран ШОС и БРИКС. Ряд акторов предлагают использовать криптовалюту в рамках внешнеэкономической деятельности в так называемой «регулятивной песочнице» в качестве эксперимента. Ключевые негосударственные организации (ТПП, РСПП) активно поддерживают инициативу использования криптовалюты при расчетах за внешнеторговые операции и предлагают свои платформенные цифровые решения.

Ряд российских банков и компаний активно разрабатывают системы проведения международных финансовых транзакций с использованием цифровых валют и крипто активами. Среди передовых решений можно привести блокчейн-компанию Web3 Tech³, которая представила платформу международных переводов, включенную в реестр российского программного обеспечения, в традиционных валютах, криптовалютах и ЦФА в обход SWIFT. Над подобной технологией работает также Росбанк, который предоставил клиентам возможность проводить трансграничные платежи в криптовалюте посредством финтехсервиса В-супер. Росбанк предоставил технологическую, юридическую и операционную инфраструктуру для участников внешнеэкономической деятельности, используя технологию распределенного реестра.

Решение компании Web3 Tech построено на блокчейне, что значительно сокращает как сроки, так и стоимость подобных операций. Это возможно благодаря тому, что узлы блокчейн-сети производят автоматическую репликацию данных каждого участника системы и криптографическими методами

¹ Итоги работы банка России за 2022 год: коротко о главном // https://www.cbr.ru/StaticHtml/File/145751/kg0_2022.pdf С. 45

² Решение Совета директоров Банка России об установлении порядка взаимодействия между кредитными организациями при осуществлении перевода денежных средств // https://cbr.ru/about_br/dir/rsd_2023-03-17_45_02/

³ <https://web3tech.ru/>

защищают их от искажения. Время проведения платежа при этом сокращается до времени распространения транзакции между нодами участников. Поскольку банки-участники системы взаимодействуют как одноранговая сеть, у них нет необходимости выстраивать цепочки корреспондентских счетов, а значит, сокращается количество посредников, и, следовательно, стоимость перевода.

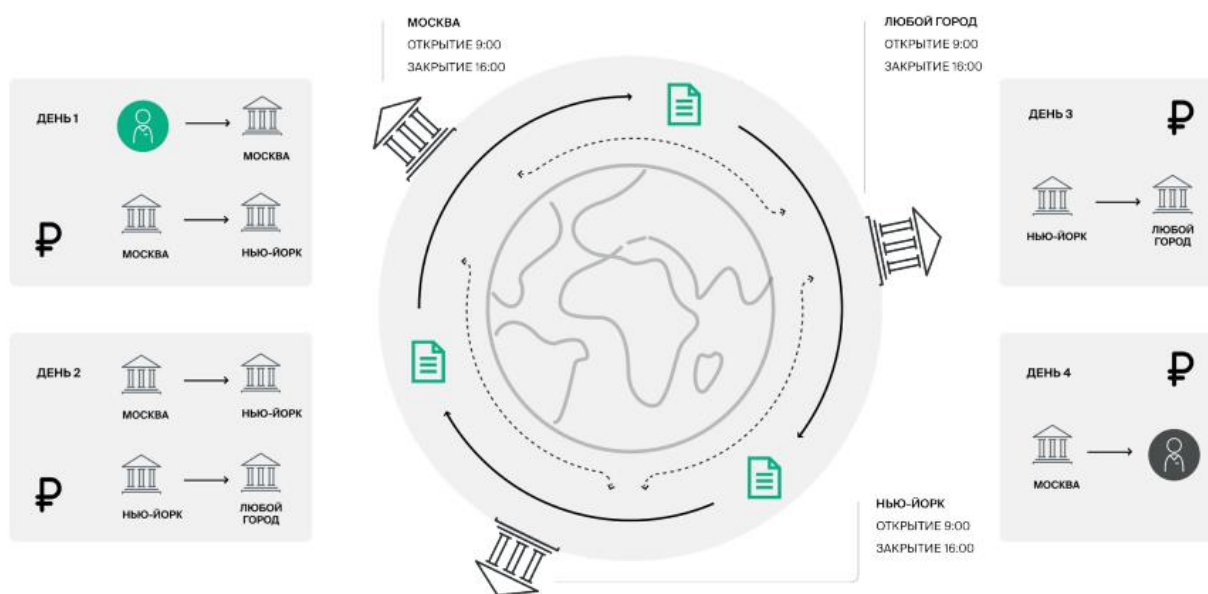

Рис. 6. Механизм проведения международных переводов

Fig. 6. International translation mechanism

Аргументы противников применения криптовалют при международных расчетах основываются на том, что большинство данных транзакций опосредуется централизованными криптобиржами, что исключает анонимность и может привести к блокировке счетов в рамках вторичных санкций.

Кроме этого, синхронизация транзакций занимает значительное время, и международные переводы в системе проводятся в течение одного-двух рабочих дней. Если банков-посредников в процессе перевода несколько, и они находятся в разных часовых зонах, этот срок увеличивается до недели. Кроме того, каждый посредник добавляет свою комиссию к стоимости операции. Большинство вопросов для пользователей крипто платежей вызывают вопросы соблюдения валютного и налогового законодательства, т. к. ФНС придерживается позиции, что крипто инструменты являются имуществом и следовательно должны облагаться налогами. При упрощенной системе налогообложения бизнес уплачивает налог в зависимости от объекта налогообложения – доходы или расходы, уменьшенные на расходы – применяются ставки по налогу соответственно 6% или 15%, но чаще всего аккаунты юридических лиц оформляются на физическое лицо, в том числе для ухода от налогов, т. к. автоматического обмена данными между ФНС России и крипто биржами не существует. С другой стороны, ФНС может оперативно проверить любого гражданина Российской Федерации, направив запрос в банк о проведении операций по обмену фиатной валюты с криптобиржами, крипто обменными площадками, P2P операциях.

Т.к. в законодательстве Российской Федерации отсутствует понятие криптовалют,¹ что не исключает ее из числа объектов гражданских прав и не препятствует ее оборотоспособности, а ответственность определяется по общим основаниям Налогового кодекса, а именно:

По ст. 126 НК за непредставление налоговому органу документов, необходимых для налогового контроля – штраф до 200 руб. за каждую бумагу.

¹В Федеральном законе от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» с.17 – цифровая валюта признается имуществом, но не является платежным средством.

По ст. 119 НК за непредставление налоговой декларации – штраф 5% от суммы неуплаченного налога, но не более 30%.

По ст. 122 НК за неуплату налога вследствие занижения налоговой базы – штраф до 20% при отсутствии умысла либо 40% за умышленное нарушение.

Данный механизм определен письмом ФНС от 4 июня 2018 г. № бс-4-11/10685@ «О порядке налогообложения доходов физических лиц при совершении физическими лицами операций по покупке и продаже криптовалюты»¹.

Стоит упомянуть и о ФЗ РФ о «О противодействии легализации (отмыванию) доходов», ставящим под сомнение добропорядочность криптовалютных операций. У ФНС есть рабочий механизм получения информации о сомнительных транзакциях по цепочке Банк (платежная система) → ЦБ → Росфинмониторинг → ФНС. Согласно межведомственного соглашения, такая информация определяется по мере выявления автоматом.

Подводя итог, на наш взгляд, можно выделить следующие направления развития цифровизации валютно-финансовых отношений с зарубежными государствами.

Центральные банки, в том числе и Банк России продолжат развивать проект цифровых валют центральных банков и создание мостов для проведения платежей. Высока вероятность создания цифровых валют интеграционных объединений – БРИКС, ШОС, ЕС. Использование криптовалютного рынка как механизма обслуживания межгосударственных валютно-финансовых, кредитных, торговых механизмов пока представляется маловероятным, в связи с низким объемом и институциональной неопределенностью. С другой стороны, крупнейшая в мире инвестиционная компания BlackRock, подала заявку на создание биржевого фонда биткоина (ETF), что может привести к значительному росту данного актива и активному привлечению широкого круга инвесторов.

Информация об авторе

А. Б. Бабанов – кандидат экономических наук, доцент кафедры международных экономических отношений ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the author

A. B. Babanov – Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor of Department of International Economic Relations, South-Russia Institute of Management –branch of RANEPА.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 23.03.2024; одобрена после рецензирования 13.04.2024; принята к публикации 14.04.2024.

The article was submitted 23.03.2024; approved after reviewing 13.04.2024; accepted for publication 14.04.2024.

¹ https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_299587/

Научная статья

УДК 338

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-74-80>

EDN URDIEV

Экономическая безопасность пространственного развития России

Владимир Васильевич Земсков

Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия, vvzemskov@fa.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-7402-5524>

Аннотация. Одной из острых проблем современного развития России является неравномерность развития территориальных образований. В предлагаемом исследовании рассматриваются существующие проблемы в пространственном развитии, которые не отвечают национальным интересам страны. Целью исследования является акцентирование внимания органов государственной власти на федеральном, региональном и местном уровнях на наличие диспропорций в экономическом, социальном, культурном развитии территорий и регионов, которые не обеспечивают защиту национальных и экономических интересов России. Отмечено, что существующая стратегия пространственного развития не обеспечивает устойчивое развитие регионов и выявлена прямая связь между пространством и экономической безопасностью. Предложены новые подходы в пространственном развитии страны с целью обеспечения экономической безопасности. Результаты исследования могут быть использованы органами государственной власти в стратегическом планировании.

Ключевые слова: многообразие свойств термина «пространства», неравномерность развития, новые подходы в пространственном развитии, стратегическое планирование, экономическая безопасность

Для цитирования: Земсков В. В. Экономическая безопасность пространственного развития России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 2. С. 74–80. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-74-80>. EDN URDIEV

Problems of Economics

Original article

Economic security of Russia's spatial development

Vladimir V. Zemskov

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia,
vvzemskov@fa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7402-5524>

Abstract. One of the acute problems of the modern development of Russia is the uneven development of territorial entities. The proposed study examines the existing problems in spatial development that do not meet the national interests of the country. The purpose of the study is to focus the attention of public authorities at the federal, regional and local levels on the existence of imbalances in the economic, social, and cultural development of territories and regions that do not protect the national and economic interests of Russia. It is noted that the existing spatial development strategy does not ensure the sustainable development of regions and a direct link between space and economic security has been identified. New approaches are proposed in the spatial development of the country in order to ensure economic security. The results of the study can be used by public authorities in strategic planning.

Keywords: the variety of properties of the term "space", uneven development, new approaches in spatial development, strategic planning, economic security

For citation: Zemskov V. V. Economic security of Russia's spatial development. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2024;(2):74–80. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-74-80>. EDN URDIEV

Введение

Вопросы неравномерного развития территорий всегда будоражили лучшие умы человечества. Особенно данная проблема актуальна для России, как владелицы обширных территорий, начиная от запада и заканчивая востоком, где сосредоточены значительные природные ресурсы, производительные силы территориальных образований, различающихся по ландшафту, качеству образования, уровня жизни, а также необходимой инфраструктурой для ведения экономической деятельности хозяйствующими субъектами.

Прежде чем рассматривать сущность современного термина «пространство», необходимо исследовать эволюцию развития данного термина. Так, древнегреческий мыслитель Демокрит, под пространством понимал пустоту [1], Аристотель – пространство возникает в местах, занимаемых телами [2]. И. Ньютон в своей работе «Математических началах натуральной философии» у пространства выделял такие свойства: непрерывность; однородность; изотропность; трехмерность.

Современное понимание термина «пространство» носит множественный характер, результаты которых представлены в табл. 1.

Таблица 1 – Современное понимание термина «пространство»

Table 1 – Modern Understanding of the Term «Space»

Авторы	Сущность пространства
Большая российская энциклопедия ¹	1) форма созерцания вещей, одно из условий чувственного опыта, позволяющее воспринимать объекты внешнего мира как находящиеся а том или ином месте и занимающие определенное положение относительно друг друга; 2)местилище, задающее сущность и способ существования находящихся в нем вещей; 3) однородное неограниченное n-мерное протяжение, в котором находятся различные предметы, происходят движения и события.
Чекмарев В.В. [3]	Пространство, образованное: а) физическими и юридическими лицами (субъектами), которые для реализации своих экономических потребностей и экономических интересов вступают в экономические отношения; б) физическими и нефизическими объектами, являющимися источниками экономических интересов и экономических отношений.
Иванов С.А., Ложко В.В. [4]	Это отношения, совокупность действий, процессов, обладающих свойствами непрерывности, взаимообусловленности, субординированности. При этом можно пространство, характеризующееся протяженностью и объемом, рассматривать в последовательной смене состояний, в его развитии, т. е. анализировать процессы любого пространства как совокупность последовательных действий и (или) изменений, направленных на достижение результата.

Источник: составлено автором

Как видно из табл. 1, пространство рассматривается с разных точек зрения, и соответственно может выступать в разных формах: экономическое, физическое, философское, социально-культурное и т.д.

Опираясь на вышеизложенную логику, можно сформулировать прямую связь между пространством и экономической безопасностью через призму экономического состояния, представленная на рис. 1:

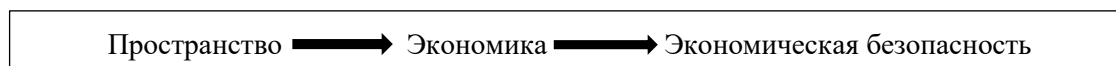

Рис. 1. Взаимосвязь между пространством и экономической безопасностью
Fig. 1. The relationship between space and economic security

Из этого вытекает основной методологический вывод: чтобы успешно развивалось пространство, необходимо обеспечивать экономическую безопасность всех его составляющих (процессы: производство, потребление, обмен, государство, отрасль, хозяйствующие субъекты, домашние хозяйства). Как известно, экономическая безопасность пространственного развития должна быть направлена на митигацию воздействия угроз рисков, способных повлиять на экономическое развитие региона.

¹ Большая российская энциклопедия 2004-2017. Пространство [Электронный ресурс]. URL: <https://old.bigenc.ru/philosophy/text/3168767> (дата обращения 12.05.2024).

Методы

Основными методами, которыми пользовался автор при исследовании данной проблемы, являются общенаучные методы, сравнительный анализ, статистический анализ и контент-анализ при выявлении проблем существующей стратегии пространственного развития.

Для достижения данной цели в работе были поставлены следующие задачи:

развитие отечественными учеными теоретических основ пространственного развития в целях обеспечения национальной безопасности;

изучить современное состояние пространственной структуры регионального продукта и среднегодовой численности занятых в экономике по федеральным округам;

предложить новые подходы в пространственном развитии страны с целью обеспечения экономической безопасности.

Изучением проблем территориального развития занимались многие отечественные исследователи. Так, вопросам изучения свойств экономического пространства занимался Бияков О.А. [5], вопросам расширения теории регионального развития Суворова А.В. [6]. Большой вклад в развитие пространственного развития внес коллектив Института экономики и организации промышленного производства [7]. Но в тоже время требуют рассмотрения проблемы, негативно влияющих на процессы пространственного развития страны с учетом пересмотра существующей стратегии.

Результаты

Как показывает практика, пространственное развитие всегда зависит от стратегических и тактических целей государственной политики в области обеспечения национальной безопасности, решениями хозяйствующих субъектов о ведении хозяйственной деятельности на определенной территории, наличия инфраструктуры, соответствующей потребностям бизнеса, а также соответствующего человеческого потенциала, способного решать поставленные задачи развития. При этом не надо забывать про влияния внутренних, внешних угроз и рисков на пространственное развитие территорий, регионов [8]. Последние научные исследования в области пространственного развития условно выделяют три типа территорий и регионов:

успешно развивающиеся, которые аккумулируют имеющиеся ресурсы с других регионов (человеческие ресурсы, интеллектуальные ресурсы, финансовые ресурсы);

отсталые;

депрессивные – снижение уровня и качества жизни, низкий уровень заработной платы, отсутствие возможности самореализации работников [5].

В контексте данного исследования рассмотрим основные индикаторы, характеризующие пространственное развитие федеральных округов, представленные в табл. 2.

Таблица 2 – Пространственная структура регионального валового продукта, %

Table 2 – Spatial structure of regional gross product, %

Федеральный округ	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Центральный федеральный округ	Отсутствуют данные	Отсутствуют данные	34,5	34,9	36,2	34,2
Северо-Западный федеральный округ			11,0	11,0	11,2	13,7
Южный федеральный округ			6,9	6,8	7,1	6,5
Северо-Кавказский федеральный округ			2,4	2,5	2,6	2,3
Приволжский федеральный округ			14,9	15,0	14,5	14,0
Уральский федеральный округ			14,4	13,9	12,4	13,8
Сибирский федеральный округ			9,6	9,7	9,6	9,4
Дальневосточный федеральный округ			6,3	6,2	6,4	6,1

Источник: «Национальные счета России» за 2015–2022 гг. Росстат. М., 2023

Source: «National accounts of Russia» for 2015-2022. Rosstat. M., 2023

Как видно из табл. 2, наибольший суммарный объем регионального валового продукта приходится на Центральный федеральный округ (около 35%), наименьший – Северо-Кавказский (всего 2,5%), т.е. отличается в 7,14 раза. Это говорит о неравномерном территориальном развитии регионов страны с имеющимися нерешенными проблемами: от отсутствия современной инфраструктуры для организации высокотехнологического производства и заканчивая низким уровнем жизни населения.

На рис. 2 представлена динамика среднегодовой численности занятых в отраслях экономики по федеральным округам.

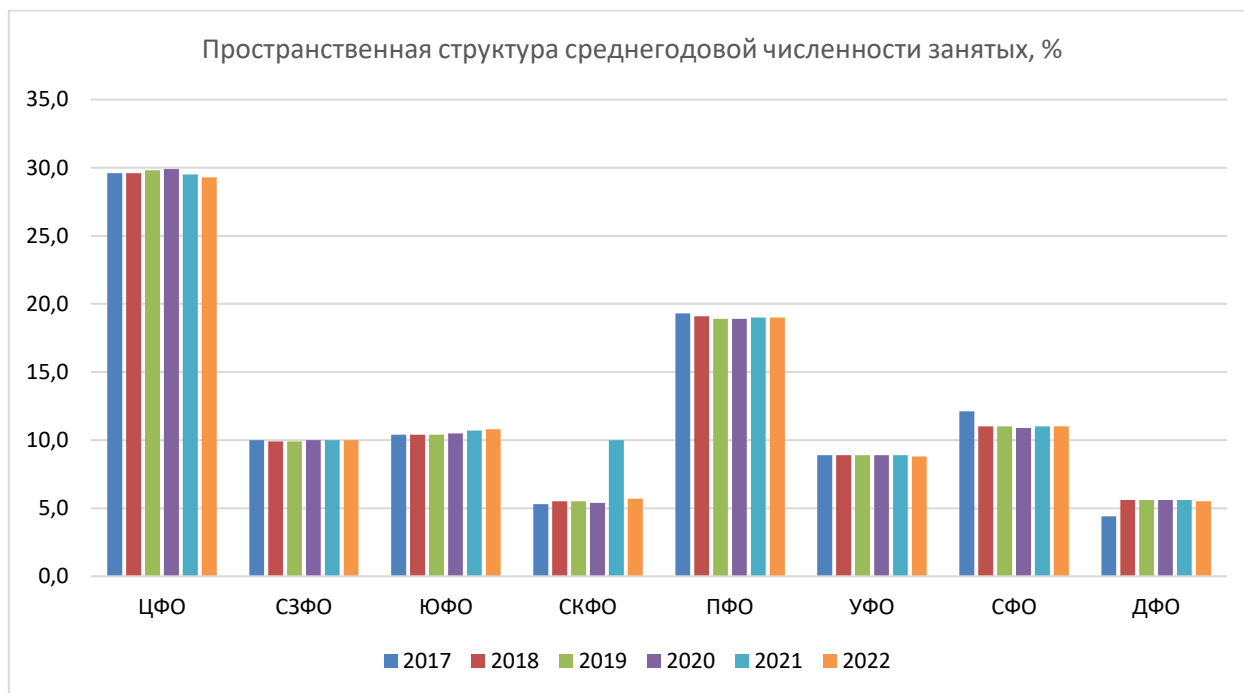

Рис. 2. Динамика среднегодовой численности занятых в отраслях экономики по федеральным округам
Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. Росстат. – М., 2023 и предыдущие издания

Fig. 2. Dynamics of average annual number of employees in branches of economy by federal districts.
Source: Regions of Russia. Socio-economic indicators. Rosstat. Moscow, 2023 and previous editions

Как видно из рис. 2, наибольшая величина среднегодовой численности занятых приходится на Центральный федеральный округ (около 29,8 %), наименьший – Северо-Кавказский (всего 5,5 %).

Таким образом, наблюдается прямая корреляция между величинами регионального валового продукта и среднегодовой численности занятых в экономике федеральных округов.

По мнению автора, эти негативные последствия возникли в результате реализации государственной политики пространственного развития, которая не соответствует современным требованиям равномерного развития территорий и регионов. Если проанализируем нормативно-правовые акты, то обнаружим, что федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» принят в 2014 г., а нормативный документ исполнительного органа государственной власти в части реализации закона – в 2019 г. (Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г.), т.е. прошло более 5 лет. Давайте посмотрим, основные тренды концептуальных идей, заложенных в документе:

- сосредоточение экономической жизни в ограниченном количестве городов через механизм формирования агломераций;

- размещение производственных объектов в средней полосе России;

- снижение численности населения в малых городах и сельских поселениях и т.п. Кроме того, здесь же дается расшифровка понятия «пространственное развитие – совершенствование системы расселения и территориальной организации экономики, в том числе за счет проведения эффективной государственной политики регионального развития».

Из данного определения видно, что в данной терминологии отсутствует действенный механизм обеспечения устойчивого развития регионов и он вытекает из противоречивости самого понятия «пространственное развитие» [6].

С другой стороны, в целях конкретизации пространственного развития страны, должна быть разработана дорожная карта, однако ее до сих пор нет. Имеются лишь факты проведения научных дискуссий с участием Аналитического центра при Президенте РФ, Агентства стратегических инициатив, опирающиеся на Послание Президента РФ Федеральному Собранию: «Предлагаю развернуть масштабную программу пространственного развития России, включая развитие городов и других населённых пунктов, и как минимум удвоить расходы на эти цели в предстоящие шесть лет¹».

И так, по смыслу стратегии, пространственное развитие предполагает расселение населения в соответствии с потребностями реального сектора экономики.

А что происходит в реальности? Бездумное строительство с ведома местных властей жилых домов-муравейников вокруг выездных автомагистралей (например, Москва), что создает дополнительные неудобства жителям близлежащих районов (отсутствие социально-бытовых объектов, транспортной доступности, превращение в гетто новостроек). При этом дома заселяются людьми, переезжающими из других регионов России, а также мигрантами, получившими гражданство РФ (а может быть и незаконно), что является фактором неравномерного пространственного развития, и как следствие, является угрозой национальной безопасности страны.

Несомненно, существующая концептуальная идея пространственного развития страны не отвечает требованиям стратегического развития, поэтому требуется разработать новый проект нормативно-правового документа, отвечающего подлинным национальным интересам России.

По мнению автора, в новый проект нормативно-правового документа пространственного развития, учитывающего прообраз будущего до 2035 года, необходимо закрепить следующие основополагающие тезисы:

ввести новое зонирование государственного управления, опираясь на технологии «умного государства»: цифровые системы мониторинга принятия государственных решений, в частности, цифровые платформы водоотведения и водопотребления, транспорт, электроэнергетика, ЖКХ и др. отрасли [7];

пространственное развитие должно осуществляться в интересах защиты населения, проживающего на данной территории. Методологической основой этого тезиса является Базовая модель определения критериев и категорий риска (утверждена протоколом заседания проектного комитета от 31.03.2017 № 19 (3)), где было введено понятие «охраняемые законом ценности». При строительстве производственных и социальных объектов обязательно учитывать климатические и ESG-риски;

реформировать систему налогообложения под пространственное развитие, что имеется в виду: изменить направления движения налоговых потоков с федерального бюджета на региональные и местные бюджеты для того, чтобы они на региональном уровне имели возможность эффективно содействовать пространственному развитию. В настоящее время в сущности формировалось бюджетное правило «межбюджетное выравнивание» за счет бюджетного перераспределения средств (субвенции, субсидии, ассигнования). В настоящее время субъекты пространственного развития, особенно на муниципальном уровне, не имеют достаточных финансовых ресурсов для формирования благоприятной инфраструктуры для повышения качества и уровня жизни населения [8];

предусмотреть налоговые льготы для хозяйствующих субъектов, осуществляющих строительство жилых домов для своих работников в отдаленных от центра регионах;

предусмотреть таможенные льготы для хозяйствующих субъектов, внедряющих высокотехнологичные производства, на территориях пространственного развития. А также шире использовать существующие меры налогового стимулирования [9]:

- взаимозачет бюджетно-налоговых долгов;
- вексельное обращение под гарантию бюджета;
- пониженные налоговые ставки;
- налоговые каникулы;
- механизм ускоренной амортизации основных средств;
- перечень доходов, исключаемых из величины налогообложения;
- инвестиционные налоговые кредиты и др.

¹ ФОРСАЙТ-СЕССИЯ «Россия-2035: дорожная карта пространственного развития» от 19-20 мая 2018 года. https://neoeconomica.ru/userfiles/files/2019/Russia_2035_roadmap.pdf.

Предлагается отменить действие под. 2 п. 1 ст. 146 НК РФ для хозяйствующих субъектов, осуществляющих деятельность по региональным программам инвестиционного развития, территорий опережающего развития и т.д. Как известно, в процессе выполнения этих программ возникает необходимость передачи приобретенного оборудования для замены изношенного в целях своевременного их выполнения. И в этом случае возникает объект обложения НДС как передача товаров для собственных нужд. Исключение этой операции из-под налогообложения НДС, положительно повлияло бы на пространственное развитие.

Следующим аспектом пространственного развития должно стать изменение нормативных документов, регулирующих эти отношения, в частности, назрела необходимость изменения отдельных положений Градостроительного комплекса, например, о статусе стратегических агентств территориального развития, федерального закона, регулирующего электроснабжения реального сектора и населения с учетом перехода на децентрализованную систему Интернет энергии на основе взаимодействия между пользователями (разработка формы договорных, финансовых отношений, физических (электрических) отношений, а также пользователями централизованной системы электроснабжения).

Выводы

В результате исследования установлена современная особенность пространственного развития, которая должна учитывать структурные особенности экономики субъектов территорий, процессы производства, потребления и обмена, и как следствие, пространственное развитие всегда ассоциируется с экономическим пространством [10].

Отмечается, что существующая стратегия пространственного развития, разработанная во исполнение федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации» № 172-ФЗ, не отвечает национальным интересам России. Любая стратегия пространственного развития должна быть направлена, прежде всего, на:

повышение качества и уровня жизни населения с учетом экономических, социальных, технологических, информационных ресурсов, а также региональных процессов производства, потребления и обмена, т.е. использование системного подхода: человек, экономика, природа, субъекты государственного управления;

в концепцию пространственного развития должна интегрироваться модель обеспечения экономической безопасности на основе пороговых значений, состоящих из отдельных подсистем (человек, экономика, природа, субъекты государственного управления). В качестве пороговых значений принимаются среднероссийские индикаторы, сгруппированные по соответствующим кластерам однородности.

Список источников

1. Виц Б.Б. Демокрит. – М.: Мысль, 1979. – 212 с. (Мыслители прошлого).
2. Аристотель / Лебедев А.В. // Анкилоз – Банка. М.: Большая российская энциклопедия, 2005. – С. 216-219. – (Большая российская энциклопедия: [в 35 т.] / гл. ред. Ю.С. Осипов; 2004-2017, т. 2.
3. Чекмарев В.В. К теории экономического пространства // Изв. С.-Петерб. ун-та экон. и финансов. 2001. № 3. С. 16–18.
4. Иванов С.А., Ложко В.В. О пространственном подходе в теории региональной экономики // Bulletin of the South Ural State University. Ser. Economics and Management. 2015, vol. 9, no. 1, pp. 18-25.
5. Бияков О.А. Экономическое пространство: сущность, функции, свойства // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2004. № 2. С. 101–108.
6. Суворова А.В. Пространственное развитие: содержание и особенности // Journal of New Economy. 2019. Т. 20. № 3. С. 51–64.
7. Мухаметов Д.Р., Симонов К.В. «Умное государство»: перспективы внедрения цифровых технологий государственного управления в России // Мир новой экономики. Т. 15. № 3. 2021. С. 17–27.
8. Пространственное развитие современной России: тенденции, факторы, механизмы, институты / под ред. Е.А. Коломак. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН. 2020. 502 с.
9. Земсков В.В. Риски и угрозы пространственного развития страны // Экономическая безопасность. 2020. Том 3. № 3. doi: 10.18334/ecsec.3.3.110793.
10. Глинский В.В., Серга Л.В., Кисельников А.А., Храмцова Т.Г. О направлениях воздействия территориальной дифференциации на экономический рост // Вестник НГУЭУ. 2018. № 4. С. 64–71.

References

1. Vitz B.B. *Democritus*. Moscow: Mysl; 1979. 212 p. (Thinkers of the past). (In Russ.)
2. Lebedev A.V. Aristotle. In: *The Great Russian Encyclopedia*. Moscow. 2005:216-219. – (The Great Russian Encyclopedia: [in 35 volumes]. Yu.S. Osipov (ed.); 2004-2017, vol. 2. (In Russ.)
3. Chekmarev V. V. On the theory of economic space. *Izvestia of S.-Petersburg University of Economics and Finance*. 2001;(3):16–18. (In Russ.)
4. Ivanov S. A., Lozhko V. V. On the spatial approach in the theory of regional economics. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Economics and Management*. 2015;9(1):18–25. (In Russ.)
5. Biyakov O.A. Economic space: essence, functions, properties. *Bulletin of the Kuzbass State Technical University*. 2004;(2):101–108. (In Russ.)
6. Suvorova A. V. Spatial development: content and features. *Journal of New Economy*. 2019;20(3):51–64. (In Russ.)
7. Mukhametov D. R., Simonov K. V. "Smart state": prospects for the introduction of digital technologies of public administration in Russia. *The World of the New Economy*. 2021;15(3):17–27. (In Russ.)
8. *Spatial development of modern Russia: trends, factors, mechanisms, institutions*. E.A. Kolomak (ed.). Novosibirsk; 2020. 502 p. (In Russ.)
9. Zemskov V. V. Risks and threats of spatial development of the country. *Economic security*. 2020;3(3). – doi: 10.18334/ecsec.3.3.110793. (In Russ.)
10. Glinsky V. V., Serga L. V., Kiselnikov A. A., Khramtsova T. G. On the directions of the impact of territorial differentiation on economic growth. *Vestnik NSUEM*. 2018;(4):64–71. (In Russ.)

Информация об авторе

В. В. Земсков – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономической безопасности и управления рисками, Финансовый университет при Правительстве РФ.

Information about the author

V. V. Zemskov – Dr. Sci. (Econ.), Professor of the Department of Economic Security and Risk Management, Financial University under the Government of the Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 16.04.2024; одобрена после рецензирования 13.05.2024; принята к публикации 14.05.2024.

The article was submitted 16.04.2024; approved after reviewing 13.05.2024; accepted for publication 14.05.2024.

Научная статья

УДК 353.9

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-81-92>

EDN USNPNI

Современные тенденции развития российского предпринимательства: теоретические и практические аспекты

Елена Юрьевна Золочевская¹, Анастасия Васильевна Скидан²,
Алина Михайловна Солоцкая³

^{1, 2, 3}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

¹zolochevskaya-ey@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1388-2367>

²tark-anastasiya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3905-0166>

³solotskaya.alina@yandex.ru

Аннотация. Предпринимательство является приоритетным направлением развития экономики России. Благодаря функционированию и развитию малого и среднего бизнеса происходит создание новых рабочих мест, развитие технологий, сфер и отраслей, улучшение качества товаров и услуг, модернизация. В статье рассматриваются различные подходы к определению предпринимательства как особого вида хозяйствующих субъектов и принципы развития российского предпринимательства, приводятся статистические данные. Авторы делают вывод, что создание благоприятных условий для функционирования и развития бизнеса, финансовая, налоговая и другие виды государственной поддержки являются значительными мерами, направленными на развитие предпринимательского сектора и содействуют устойчивому росту экономики страны.

Ключевые слова: предпринимательство, малый и средний бизнес, поддержка предпринимательства, инновации, риски, налоги, льготы

Для цитирования: Золочевская Е. Ю., Скидан А. В., Солоцкая А. М. Современные тенденции развития российского предпринимательства: теоретические и практические аспекты // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 2. С. 81–92. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-81-92>. EDN USNPNI

Problems of Economics

Original article

Modern trends in the development of Russian entrepreneurship: theoretical and practical aspects

Elena Yu. Zolochevskaya¹, Anastasia V. Skidan², Alina M. Solotskaya³

^{1, 2, 3}South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

¹zolochevskaya-ey@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1388-2367>

²tark-anastasiya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3905-0166>

³solotskaya.alina@yandex.ru

Abstract. Entrepreneurship is a priority area for the development of the Russian economy. Thanks to the functioning and development of small and medium-sized businesses, new jobs are being created, technologies, spheres and industries are developing, the quality of goods and services is improving, and modernization is taking place. The article discusses various approaches to the definition of entrepreneurship as a special type

of economic entities and the peculiarities of the development of Russian entrepreneurship, provides statistical data. The authors conclude that creating favorable conditions for the functioning and development of business, financial, tax and other types of state support are significant measures, The Government is committed to the development of the enterprise sector and contributes to the sustainable growth of the country's economy.

Keywords: entrepreneurship, small and medium-sized businesses, entrepreneurship support, innovations, risks, taxes, benefits

For citation: Zolochevskaya E. Yu., Skidan A. V., Solotskaya A. M. Modern trends in the development of Russian entrepreneurship: theoretical and practical aspects. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2024;(2):81-92. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-81-92>. EDN USNPNI

В настоящее время в теоретических исследованиях и на практике уделяется значительное внимание сфере предпринимательства. Предпринимательство является особым элементом развития экономики и относится к числу важнейших сфер государства, так как оно способствует созданию новых рабочих мест, помогая решить проблему безработицы, повышению производительности, стимулированию инноваций, освоению новых перспективных производств и вымыванию устаревших.

Предпринимательство рассматривается как особый вид деятельности многими авторами. В соответствии с этим в экономической науке существует многообразие подходов и теорий к его определению. Научные теории, несмотря на свое различие, описывают различные стороны предпринимательства (например, цели, направления, желаемые результаты, сфера), чем способствуют формированию полноценного понимания сущности этого понятия. На рис. 1 представлены примеры теорий предпринимательства в научной литературе.

Рис. 1. Научные теории предпринимательства¹

Fig. 1. Scientific theories of entrepreneurship

¹ Составлено авторами.

Благодаря научным исследованиям, проводимым на протяжении многих лет, сформировалось общее понимание экономической сущности данного вида деятельности. В рамках представленных выше научных теорий было сформулировано большое количество вариантов толкования самого понятия «предпринимательство», которые приведены в табл. 1.

Таблица 1 – Подходы к определению понятия «предпринимательство»¹

Table 1 – Approaches to the definition of the concept of «entrepreneurship»

<i>Автор определения</i>	<i>Содержание определения</i>
Жан Батист Сэй	Предпринимательство – это рациональная комбинация факторов производства в данной точке рыночного пространства
Макс Вебер	Предпринимательская деятельность – это воплощение рациональности, включающей функциональную эффективность, получение максимальной выгоды от использования вложенных средств и приложенных усилий)
Йозеф Шумпетер	Предпринимательство как инновационная деятельность
Израэль Кирцнер	Предпринимательство – это деятельность, ведущая не от равновесия, а к равновесию
Фрэнк Найт	Предпринимательство – это деятельность, направленная на принятие решений в условиях неопределенности.
И. Тюнен	Предпринимательство как один из источников дохода и результат от использования инноваций в производстве
Роберт Хизрич	Предпринимательство – процесс создания чего-то нового, что обладает стоимостью.

Предпринимательство играет важную роль в экономике страны и реализует следующие функции:

- производство общественно необходимых товаров, выполнение работ и оказание услуг;
- комбинирование экономических ресурсов и факторов производства, эффективное использование ресурсов;
- удовлетворение личных и общественных потребностей;
- реализация творческих и инновационных способностей, использование новых факторов, идей и средств для достижения целей;
- принятие самостоятельных решений для получения прибыли.

В соответствии с п. 1. ст. 2 Гражданского Кодекса РФ от 30.11.1994 № 51-ФЗ² предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законе порядке.

На рис. 2 изображена структура видов предпринимательской деятельности, связанных с различной степенью экономического риска и направленных на получение прибыли.

Коммерческое предпринимательство является наиболее распространенным видом, чаще всего реализующимся в виде частного предпринимательства и малого бизнеса в сфере удовлетворения конкретных потребностей населения в виде купли-продажи товаров и услуг [1]. Особенностью финансового предпринимательства является действия на финансовом рынке с валютой, ценными бумагами и деньгами. Производственное предпринимательство отличается от других видов наличием операций производства продукции, создания определенных интеллектуальных ценностей.

¹ Составлено авторами.

² Гражданский Кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 21.05.2023), П. 1 ст. 2 гл. 1 ч.1 // Собрание законодательства РФ от 1994, № 32, ст. 3301

Рис. 2. Виды предпринимательской деятельности¹
 Fig. 2. Types of entrepreneurial activity

Предпринимательство как особый вид экономической активности является категорией бизнеса. Отнесение хозяйствующих субъектов к субъектам малого и среднего предпринимательства осуществляется в соответствии с критериями, установленными согласно ст. 4 ФЗ от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации»², и представлено в табл. 2.

Таблица 2 – Критерии для субъектов малого и среднего предпринимательства³

Table 2 – Criteria for small and medium-sized businesses

Субъект МСП	Количество сотрудников	Выручка за предыдущий год (млн руб.)	Минимальный объем уплаченных налогов субъектом МСП, за исключением страховых взносов во внебюджетные фонды, тыс. руб.
Микропредприятие	До 15	От 0,5 до 120	От 30
Малое предприятие	До 100	От 120,1 до 800	От 7206
Среднее предприятие	От 101 до 250	От 800,1 до 2000	От 48006

Малый и средний бизнес может функционировать в различных организационно-правовых формах. Определить организационно-правовую форму ведения малого или среднего бизнеса можно, исходя из ответов на два вопроса:

1) будет ли перед нами юридическое лицо или бизнес предпочтительно осуществлять без его образования;

2) будет ли бизнес функционировать с целью получения прибыли, или получение прибыли является второстепенной целью [2].

¹ Составлено авторами.

² Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ (ред. от 28.06.2022) «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации», Ст. 4 // Собрание законодательства РФ, 24.07.2007, № 31, ст. 4006.

³ Составлено авторами.

Если бизнес будет существовать посредством образования деятельности юридического лица, то это характеризует корпоративную организацию, основанную на членстве.

При ответе на второй вопрос, можно резюмировать, относится ли организация к коммерческой, а ее деятельность направлена на получение экономической выгоды в виде прибыли, или получение прибыли не является целью существования организации, а ее форма будет именоваться как некоммерческая.

Коммерческие организации могут быть созданы в различных организационно-правовых формах:

- как хозяйственное общество (общество с ограниченной ответственностью и акционерное общество);
- как хозяйственное товарищество (полные товарищества и товарищества на вере);
- как хозяйственное партнерство;
- как производственный кооператив [3].

Некоммерческие организации в качестве субъектов МСП функционируют только как потребительские кооперативы. Крестьянские фермерские хозяйства могут функционировать без образования юридического лица (как индивидуальный предприниматель) или с его образованием. В случае, если МСП функционирует без образования юридического лица, то юридически форма определяется как:

1. Индивидуальный предприниматель – физическое лицо, которое на свой страх и риск принимает решения и берет за них ответственность в рамках осуществления деятельности, направленной на получение прибыли, и зарегистрированное в Едином реестре индивидуальных предпринимателей, отвечающее по обязательствам своим имуществом;

2. Самозанятый – физическое лицо, применяющий специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход» [4].

Если субъект МСП осуществляет социальное предпринимательство, то он считается социальным предприятием, деятельность которого способствует или будет способствовать соответствующему решению общественно-полезных и значимых задач и проблем общества [5].

Предпринимательская активность является важной составляющей экономического развития страны, вследствие чего государством проводится целый комплекс мер и программ для обеспечения поддержки и стимулирования развития предпринимательства. В соответствии с этим Правительством Российской Федерации было подписано распоряжение об утверждении Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года с целью развития малого и среднего предпринимательства посредством создания гибкой, адаптивной и конкурентоспособной экономики, способной обеспечить высокую скорость технологического обновления и стабильную занятость¹.

Нельзя недооценивать роль государства в регулировании предпринимательства. Выполняя роль регулятора предпринимательских правоотношений государство, тем самым, еще и выполняет ряд задач. Прежде всего это задачи, которые направлены на развитие бизнеса, на защиту интересов самого бизнеса, защиту публичных интересов, интересов каждого отдельно гражданина от недобросовестных предпринимателей. При этом государство должно закреплять на законодательном уровне правовые механизмы для субъектов предпринимательской деятельности от нарушения принадлежащих им законных прав не только со стороны физических и юридических лиц, но и со стороны государства, например, в лице государственных органов и должностных лиц. Кроме того, задачей государства является создание и обеспечение свободы предпринимательской деятельности, а также обеспечение ее развития и поддержка различных ее форм. На рис. 3 представлены формы осуществления государственной поддержки субъектов МСП.

Согласно ст. 18 Закона о развитии малого и среднего предпринимательства² оказание имущественной поддержки субъектам МСП является одной из мер поддержки государства. Поддержка связана с предоставлением имущества в аренду на льготных условиях. В рамках такой поддержки могут заключаться договоры в отношении государственного и муниципального имущества.

¹ Об утверждении Стратегии развития малого и среднего предпринимательства до 2030 года // Правительство России – Режим доступа: <http://government.ru/docs/23354>.

² Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ (ред. от 28.06.2022) «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации», Ст. 4 // Собрание законодательства РФ, 24.07.2007, № 31, ст. 4006.

Рис. 3. Система государственной поддержки субъектов МСП¹

Fig. 3. The system of state support for SMEs

Некоторые налоговые режимы доступны только для определенных субъектов МСП, например, ИП, который может перейти на уплату налога на профессиональный доход. А плательщикам, применяющим специальный налоговый режим, могут быть представлены дополнительные послабления, например, по УСН пониженные ставки, предусмотренные субъектами РФ. Помимо льгот по налогам предусмотрены также пониженные тарифы по страховым взносам. Например, на обязательное медицинское и пенсионное страхование или на взносы по временной нетрудоспособности и материнству и так далее.

В соответствии с положениями Закона от 05.04.2013 г. № 44-ФЗ² преимущества предоставляются при осуществлении закупок предприятиям, относящимся к уголовно-исполнительной системе, организации инвалидов, субъектом малого предпринимательства и социально ориентированным некоммерческим организациям. Кроме того, с учетом нормативных новаций к субъектам МСП для целей закупок по Закону от 18.07.2011 г. № 223-ФЗ³ отнесены граждане, получившие статус самозанятых.

Меры санкционного давления на Российскую Федерацию повлияли на процесс ведения предпринимательства, что потребовало нового подхода к государственному регулированию указанной сферы:

1. Запрет на зачисление резидентами иностранной валюты, полученной в виде дивидендов по акциям российских акционерных обществ.
2. Отмена антикризисных ограничений эквайринговых комиссий и вознаграждений;
3. В правилах обработки персональных данных исключили большинство случаев, когда предпринимателям не нужно уведомлять Роскомнадзор о начале и осуществлении обработки персональных данных.
4. Предприниматели получили право не приостанавливать операции по счетам в течение двух недель с момента направления в банк поручения ФНС на списание и перечисление в бюджет налоговой задолженности, уменьшили число контролируемых сделок, ввели нулевую ставку.

¹ Составлено авторами.

² Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»: // Pravo.gov.ru. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201304080023>

³ Федеральный закон от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» // КонсультантПлюс: [сайт]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_116964/

5. Смягчение ответственности (нельзя наказывать организацию, если за такое же нарушение было привлечено к административной ответственности ее должностное лицо, работник или управляющая компания).

6. Появилась новая гарантия защиты прав при возбуждении дела, проявляющаяся в том, что в ряде случаев наказание должно быть минимальным, например, штраф, а для крупного бизнеса начали действовать новые правила на замену штрафа предупреждением.

Правительством РФ совместно с Банком России были разработаны и введены меры финансовой поддержки. Меры, направленные на поддержку субъектов МСА предусматривают кредитные каникулы, субсидии, кредитование субъектов МСП на льготной основе, снижение административного воздействия в рамках осуществления государственного (муниципального) контроля (надзора).

Минэкономразвития России и VK запустили программу поддержки предпринимателей. Реализация программы планируется в 84 регионах. В центрах «Мой бизнес» предприниматели могут удвоить рекламный бюджет на продвижение в социальной сети «ВКонтакте».

Правительство РФ установило особенности разрешительного режима для таких сфер, как строительство, туризм, торговля, транспорт. Например, установлена возможность продления на срок до 7 лет без проведения торгов, если сроки действия договоров на размещение перечисленных объектов, истекают со дня вступления в силу Постановления Правительства от 12 марта 2022 г. № 353 «Об особенностях разрешительной деятельности в Российской Федерации в 2022 году»¹.

В качестве особой сферы поддержки выделяется инжиниринг и инновация, которым предоставляются денежные средства в виде субсидий из федерального бюджета. Целью, которую преследует Правительство РФ, является создание инструментов доработки продукции технологических компаний под требования крупного бизнеса в рамках федерального проекта «Взлет – от стартапа до IPO» в рамках госпрограммы «Экономическое развитие и инновационная экономика»².

С начала 2023 года создаются благоприятные условия для развития IT-сферы как приоритетного направления современной государственной политики, в рамках которой субъектам, занятым в сфере информационных технологий, предоставляются специальные налоговые льготы, в том числе путем установления повышающего коэффициента 1,5 к расходам на приобретение современного отечественного оборудования и программ для ЭВМ [6, с. 93].

В современных условиях санкционного режима становится важным производство отечественной продукции и услуг, а также импортозамещения для удовлетворения общественных потребностей населения, для устойчивого развития экономики страны и содействия развитию и выравниванию экономической стабильности и самостоятельности регионов России.

Для реализации национальных целей государство стимулирует предпринимателей к осуществлению производственной и инвестиционной деятельности с помощью различных мер поддержки в особых экономических зонах (например, налоговые льготы и преференции). Например, государственная и региональная поддержка в Ростовской области осуществляется в рамках деятельности особой экономической зоны в г. Новочеркасск и 3 территорий опережающего развития. С целью активизации инновационного процесса и экономического стимулирования субъектов Российской Федерации государством проводится политика по созданию таких территорий. Для субъектов малого и среднего предпринимательства, ставших резидентами, там действуют налоговые льготы. На этих территориях предприниматель освобождается от части налогов и получает преференции в виде дополнительных мер стимулирования деятельности. Так, для резидентов предлагаются сниженные ставки налога на прибыль (15,5%), на имущество (0% на первые 10 лет) и на земельный налог (0% на первые 5 лет) и другие (рис. 4).

¹ Об особенностях разрешительной деятельности в Российской Федерации в 2022 и 2023 годах: Постановление Правительства РФ от 12.03.2022 № 353 (ред. от 23.12.2023) // КонсультантПлюс: [сайт]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_411447.

² Об утверждении Правил предоставления субсидии из федерального бюджета автономной некоммерческой организации «Центр поддержки инжиниринга и инноваций» в целях создания инструментов доработки продукции технологических компаний под требования крупных корпораций: Постановление Правительства РФ от 17.03.2022 № 392 // Pravo.gov.ru:– Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202203180004>.

Налог на прибыль	• Для резидентов - 15,5% в течение 10 лет с момента получения статуса резидента
Налог на имущество	• Для резидентов - 0% в течение 10 лет с момента постановки имущества на учет
Транспортный налог	• Для резидентов - 0% в течение 5 лет с момента получения статуса резидента
Аренда земли	• Для резидентов - 0,02% от кадастровой стоимости на срок от 3 до 15 лет, по истечении срока - 2%

Рис. 4. Льготы и преференции для резидентов¹

Fig.4. Benefits and preferences for residents

В рамках работы Министерства экономического развития РФ была подготовлена программа, важной целью которой является обеспечение качественного малого и среднего предпринимательства. Основной акцент делается на ускорении развития уже функционирующих предприятий, а также на создании условий, способствующих «безболезненному» переходу компаний из одной категории в другую (от микро- к малому, затем к среднему бизнесу, и к уровню национальных компаний)².

В современных условиях экономического развития выделяются новые приоритетные направления МСП, к ним относятся:

1. Поддержка начинающих предпринимателей в первые два года существования бизнеса.
2. Поддержка растущего МСП, которому препятствует переход микро- в малые предприятия с упрощенной системы налогообложения на обычную (по статистике лишь 3% осуществляют этот переход).
3. Поддержка растущих субъектов МСП из приоритетных отраслей (например, IT-сфера, туризм) в рамках льготного кредитования.
4. Поддержка юридических лиц, деятельность которых уже выходит за рамки сектора МСП, и, соответственно, введение понятия МСП.
5. Интеграция новых субъектов Российской Федерации в систему поддержки МСП.
6. Включение цифровизации, преференций, коопераций с крупными региональными компаниями, поддержку экспортного потенциала МСП в систему развития МСП на региональном уровне.

Анализируя статистические данные о количестве субъектов МСП, можно определить возрастающий тренд, означающий успешность государственной политики в области поддержки МСП. Например, количество субъектов МСП выросло на 258 тысяч по сравнению с июлем 2022 г., и с учетом новых российских регионов составило свыше 5,9 млн, что является рекордным показателем. При этом количество индивидуальных предпринимателей увеличилось примерно на 7,6%, юридических лиц сократилось на 0,3%. Прирост также показали микро-, малые и средние предприятия на 4,7%, 1,1%, 4,6% соответственно. Проблемой остается высокая доля микропредприятий, занятых торговлей и услугами (96% от всех компаний), из которых в малый бизнес переходит лишь 3%.

¹ Составлено авторами.

² Приоритеты развития сектора МСП до 2030 года // Министерство экономического развития Российской Федерации – Режим доступа: <https://www.economy.gov.ru/material/news/>

Согласно статистическим данным Единого реестра субъектов МСП по состоянию на 10.03.2024 г. сравнение с 10.03.2023 отражено на рис. 5. При этом по всей стране можно отследить положительную тенденцию развития и увеличения субъектов МСП. В табл. 3 приведена статистика по количеству субъектов МСП в разрезе федеральных округов по состоянию на 10.07.2023.

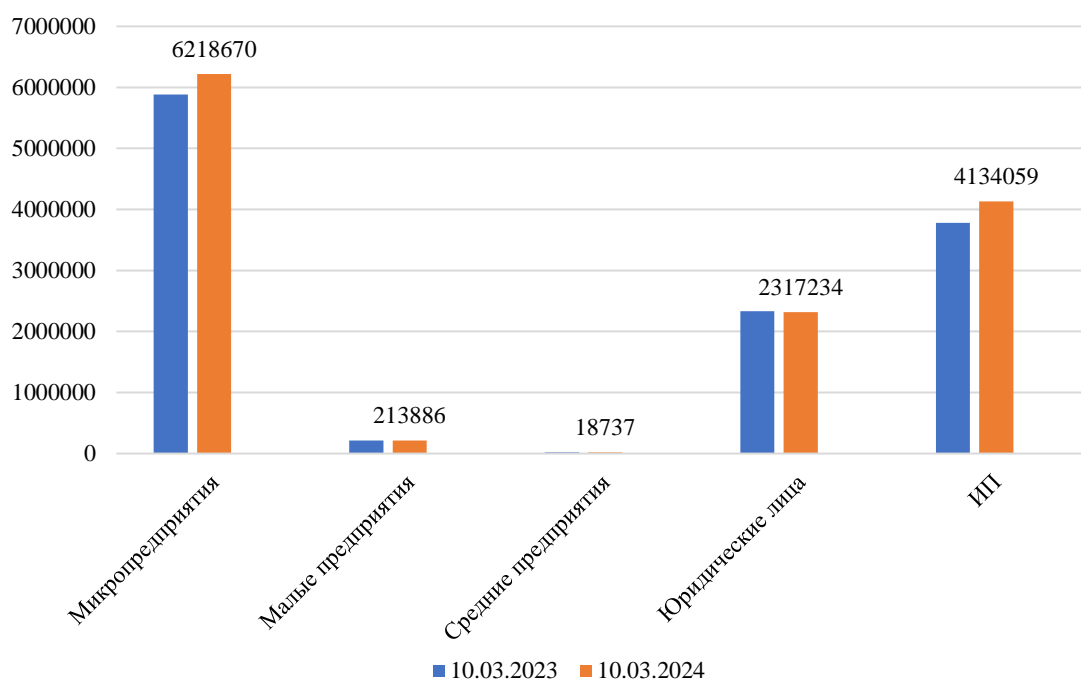

Рис. 5. Статистика развития МСП в России за 1 год с 10.03.2023 по 10.03.2024¹
Fig. 5. Statistics of SME development in Russia for 1 year from 03/10/2023 to 03/10/2024

Таблица 3 – Количество субъектов МСП в разрезе федеральных округов по состоянию на 10.03.2024²

Table 3 – The number of SMEs by federal districts as of 03/10/2024

Федеральный округ	Количество субъектов МСП	Количество работников	Количество продукции
Центральный	2 066 502	4 989 712	3 447
Приволжский	1 104 521	2 877 387	2 193
Южный	730 649	1 431 840	968
Северо-Западный	713 916	1 831 898	1 555
Сибирский	642 536	1 572 205	843
Уральский	530 895	1 274 806	683
Дальневосточный	321 712	711 688	402
Северо-Кавказский	237 527	369 126	208

Согласно данным табл. 3, на 10.03.2024 г. предприниматели в Центральном федеральном округе являются самыми активными в своей деятельности, на втором и третьем местах по количеству субъектов МСП находятся Приволжский и Южный федеральные округа соответственно. При этом наименьшую активность в сфере развития МСП проявляют Уральский, Дальневосточный и Северо-Кавказский федеральные округа.

¹ Составлено авторами по состоянию на 10.03.2024 по материалам Единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rmsp.nalog.ru/>

² Составлено авторами по состоянию на 10.03.2024 по материалам Единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rmsp.nalog.ru/>

Государственная поддержка субъектов МСП в России осуществляется не только на федеральном уровне. Так, на уровне регионов применяется целый комплекс мер поддержки, позволяющий таким субъектам эффективно функционировать, развиваться и способствовать социально-экономическому развитию непосредственно региона и страны [7].

Согласно статистическим данным в Ростовской области наиболее популярными сферами деятельности субъектов МСП является деятельность автомобильного грузового транспорта, торговля розничная по информационно-коммуникационной сети, торговля пищевыми продуктами и строительство зданий. Так, на официальном сайте Единого реестра субъектов МСП приводится статистика десяти самых «популярных» ОКВЭД в Ростовской области, отраженная на рис. 6.

Рис. 6. 10 самых «популярных» ОКВЭД в Ростовской области по состоянию на 10.03.2024¹

Fig. 6. The 10 most «popular» OKVED in the Rostov region as of 03/10/2024

Сформированная и проводимая экономическая политика на региональном уровне играет существенную роль в стимулировании субъектов МСП. Так, в Ростовской области юридические лица и ИП могут получить льготы по налогам на прибыль (13,5%) и на имущество (1,1%) на срок окупаемости инвестиционного проекта, но не более чем на пять лет. Кроме того, заемщики, реализующие инвестиционные проекты в сфере промышленности могут получить субсидии на возмещение части затрат на уплату процентов по кредитам, юридические лица и ИП могут получить субсидии на возмещение части затрат по созданию объектов капитального строительства инженерной инфраструктуры с размером субсидии от 50% до 95% от всего объема затрат. Субсидии на трудоустройство граждан до 30 лет (из категорий выпускников колледжей и вузов, инвалидов, детей-сирот) могут получить субъекты МСП [8].

Также распространенными направлениями региональной поддержки субъектов МСП являются:

- лизинг для субъектов МСП, зарегистрированные в Ростовской области;
- поручительство для зарегистрированных на территории региона субъектов МСП, осуществляющую свою деятельность в его границах;
- финансовая, имущественная, консультационная, образовательная поддержка состоявшимся субъектам МСП, самозанятым, а также тем гражданам, которые зарегистрированы на территории региона и планируют на ней свою будущую предпринимательскую деятельность;

¹ Составлено авторами по материалам статистики субъектов МСП по Ростовской области // Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства – Режим доступа: <https://rmsp.nalog.ru/> (дата обращения: 21.03.2024).

- грантовая поддержка социальных предпринимателей;
- грантовая поддержка для молодых предпринимателей (до 25 лет).

Для поддержки субъектов МСП в г. Ростов-на-Дону предлагаются муниципальные меры поддержки, такие как льготные займы по сниженной процентной ставке, инновационный бизнес-акселератор, субсидии на развитие бизнеса, в том числе на основании социального контракта, а также различные направления поддержки в зависимости от запросов предпринимателей: информационные, образовательные, имущественные, финансовые, консультационные, консалтинговые, образовательные услуги и так далее.

В связи с условиями санкционного режима и последствиями коронавирусной инфекции были разработаны меры региональной поддержки субъектов МСП. Министерство экономического развития Ростовской области публикует актуальные сведения о таких мерах поддержки. Так, для субъектов МСП, пострадавших от эпидемии, предусматривается реструктуризация кредитов, отсрочка по налогам, страховым взносам, арендным платежам и их снижение в отношении государственной, муниципальной и коммерческой недвижимости, кредитные каникулы, мораторий на проверки, взыскания и санкции со стороны ФНС, перенос сроков сдачи отчетности, льготные кредиты, поддержка донских производителей и многие другие.

Таким образом, развитие предпринимательства в Российской Федерации является одним из приоритетных направлений развития экономики, благодаря которому происходит создание новых рабочих мест, развитие технологий, сфер и отраслей, улучшение качества товаров и услуг, модернизация. Создание благоприятных условий для функционирования и развития бизнеса, финансовая, налоговая и другие виды государственной поддержки являются значительными мерами, направленными на развитие предпринимательского сектора и содействуют устойчивому росту экономики страны.

Новая Стратегия развития малого и среднего предпринимательства Российской Федерации на период до 2030 года показывает нацеленность на рост и поддержку субъектов МСП, обеспечивает создание благоприятного бизнес-климата, что приведет к увеличению предпринимательской активности, и направлена на создание условий для развития инноваций, что обеспечит разработку новых и инновационных товаров и услуг, совершенствование производственных и управленческих процессов, внедрение и развитие технологий и многое другое. Государство в рамках стратегии формирует комплекс инструментов в виде льготных кредитов, грантов, субсидий, налоговых льгот, программ обучения для успешного функционирования и процветания бизнеса в виде не только уже функционирующих, но субъектов МСП, только планирующих осуществление предпринимательской деятельности. Поддержка субъектов малого и среднего предпринимательства осуществляется не только на федеральном уровне, но и на уровне регионов. Во многих регионах осуществляются имущественная, налоговая, финансовая и консультационная виды поддержки. Некоторые из них предоставляются на бесплатной основе, например, в рамках обучающих курсов, однако основная часть финансирования предоставляется на возвратной основе, например, в форме кредитов. Ключевым является создание в регионах благоприятных условий для развития и поддержки деятельности субъектов МСП.

Список источников

1. Предпринимательство и виды организационно-правовых форм / Л. М. Стахеева, Е. М. Кот, Г. А. Иовлев [и др.] // *Право и управление*. 2024. № 2. С. 277-283.
2. Зотиков Н. З. Малое предпринимательство: проблемы развития // *Вестник Самарского государственного экономического университета*. 2023. № 3(221). С. 9-20.
3. Адаменко А. А., Петров Д. В., Маркелов В. В. Особенности развития коммерческой организации на примере субъекта малого предпринимательства // *Вестник Академии знаний*. 2020. № 37(2). С. 36-41.
4. Волошина О. В., Скидан А. В. Налоговая политика как инструмент стимулирования малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации // *Экономика и предпринимательство*. 2016. № 12-2.
5. Тархова А. В., Волошина О. В. Конгруэнтность эффективной системы налогообложения корпоративного сектора и устойчивого роста экономики государства // *Горизонты экономики*. 2013. № 6-2 (12). С. 57-60.

6. Васильева А. А., Поломошнова Е. А. Некоторые аспекты правового регулирования налогообложения в it-сфере // Актуальные научные исследования в современном мире. 2021. № 10-11(78). С. 91–94.

7. Горшенина Е. В. Практика предпринимательства. Правовые основы предпринимательства в России // Экономические исследования. 2021. № 1.

8. Симонян А. О. Малое и среднее предпринимательство, как фактор экономической и социальной стабильности // Студенческий. 2022. № 1-6(171). С. 47–49.

References

1. Staheeva L. M., Kot E. M., Iovlev G. A. [et al.]. Entrepreneurship and types of organizational and legal forms. *Law and management*. 2024;(2):277–283. (In Russ.)

2. Zotikov N. Z. Small entrepreneurship: development problems. *Bulletin of Samara State Economic University*. 2023;3(221):9–20. (In Russ.)

3. Adamenko A. A., Petrov D. V., Markelov V. V. Peculiarities of development of commercial organization on the example of the subject of small entrepreneurship. *Bulletin of the Academy of Knowledge*. 2020;37(2):36–41. (In Russ.)

4. Voloshina O. V., Skidan A. V. Tax policy as a tool to stimulate small and medium-sized entrepreneurship in the Russian Federation. *Economy and entrepreneurship*. 2016;12-2. (In Russ.)

5. Tarkhova A. V., Voloshina O. V. Congruence of an effective system of taxation of the corporate sector and sustainable growth of the state economy. *Economic horizons*. 2013;6-2 (12):57–60. (In Russ.)

6. Vasilyeva A. A., Polomoshnova E. A. Some aspects of legal regulation of taxation in the IT-sphere. *Current scientific research in the modern world*. 2021;10-11 (78):91–94. (In Russ.)

7. Gorshenina E. V. Business Practice. Legal Fundamentals of Entrepreneurship in Russia. *Economic Research*. 2021;(1). (In Russ.)

8. Simonyan A. O. Small and medium-sized entrepreneurship, as a factor of economic and social stability. *Student*. 2022;1-6(171):47–49. (In Russ.)

Информация об авторах

Е. Ю. Золочевская – доктор экономических наук, профессор, зам. директора ЮРИУ РАНХиГС.

А. В. Скидан – кандидат экономических наук, доцент, директор центра научно-образовательной политики ЮРИУ РАНХиГС.

А. М. Солоцкая – магистрант ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the authors

E. Yu. Zolochevskaya – Dr. Sci. (Econ.), Professor, Deputy Director of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPА.

A. V. Skidan – Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Director of the Center for Scientific and Educational Policy of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPА.

A. M. Solotskaya – Master's student of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPА.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

⁶
Статья поступила в редакцию 06.05.2024; одобрена после рецензирования 26.05.2024; принята к публикации 27.05.2024.

The article was submitted 06.05.2024; approved after reviewing 26.05.2024; accepted for publication 27.05.2024.

Предпринимательство как фактор стимулирования экономического развития в постиндустриальной экономике

Максим Алексеевич Индустриев

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия,
industriev@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3816-9085>

Аннотация. В статье рассмотрены специфические характеристики постиндустриальной экономики, включая увеличение доли услуг в структуре ВВП и занятости, повышение роли информации и технологий в деятельности организаций. Представленные особенности постиндустриальной экономики ведут к качественным изменениям факторов экономического развития, в том числе и предпринимательства. В связи с этим проведен анализ роли предпринимательства как одного из фактора стимулирования экономического развития в современной постиндустриальной экономике.

В ходе исследования проведен анализ статистических данных по развитию сферы услуг и сервисного предпринимательства в России и зарубежных странах. В ходе историко-экономического анализа сопоставлены отличительные характеристики предпринимателей индустриального и постиндустриального периода экономического развития. Получены выводы о роли предпринимательства как фактора стимулирования экономического развития в современных условиях.

Ключевые слова: предпринимательство, экономическое развитие, факторы экономического развития, экономический рост, экономическое стимулирование, постиндустриальная экономика, современная экономика

Для цитирования: Индустриев М. А. Предпринимательство как фактор стимулирования экономического развития в постиндустриальной экономике. 2024. № 2. С. 93–98. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-93-98>. EDN UYZFTX

Problems of Economics

Original article

Entrepreneurship as a stimulation factor of economic development in postindustrial economy

Maksim A. Industriev

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia,
industriev@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3816-9085>

Abstract. The article examines the specific characteristics of post-industrial economy, including the increase in the share of services in the structure of GDP and employment, the increasing role of information and technology in the activities of organizations. The presented features of post-industrial economy lead to qualitative changes in the factors of economic development, including entrepreneurship. In this regard, it is necessary to analyze the role of entrepreneurship as a factor of stimulating economic development in the modern post-industrial economy. The research analyzes statistical data on the development of the service sector and service entrepreneurship in Russia and foreign countries. In the process of historical and economic analysis the distinctive characteristics of entrepreneurs of industrial and post-industrial period of economic development are compared. The conclusions about the role of entrepreneurship as a factor of stimulating economic development in modern conditions are obtained.

Keywords: entrepreneurship, economic development, factors of economic development, economic growth, economic stimulation, postindustrial economy, modern economy

For citation: Industriev M. A. Entrepreneurship as a stimulation factor of economic development in postindustrial economy. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(2):93–98. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-93-98>. EDN UYZFTX

Концепция, описывающая переход от индустриального общества к постиндустриальному, начала распространяться благодаря исследованиям американского социолога Д. Белла. Основная идея его концепции заключалась в том, что в постиндустриальном обществе происходят изменения как в социальной жизни, так и в структуре экономики. Качественные изменения в структуре экономики включают в себя увеличение удельного веса сектора услуг в общем объеме производства и занятости, повышение роли информационных технологий, «доминирование профессионального и технического класса в структуре занятости, усиление роли знаний во внедрении инноваций и принятии решений» [1, с. 18].

Описанные в трудах Д. Белла характеристики находят подтверждение и в современных теоретических и практических исследованиях. Так, в работе Ю.В. Латова и Н.Е. Тихоновой подтверждается, что «в современном мире материальное производство как таковое (и аграрное, и промышленное) постепенно отходит на задний план, более важным становится производство наукоемких услуг и обучение специалистов, способных генерировать и использовать знания» [2, с. 9].

Реализация концепции постиндустриального общества на практике привела к появлению узкоспециализированных понятий, описывающих экономическую систему, которая развивается в рамках современного общества. В число таких понятий входят «инновационная экономика», «информационная экономика», «сервисная экономика» и «экономика знаний». В свою очередь, в работе Заходякина И.В. отмечается, что представленные выше понятия являются сущностными характеристиками постиндустриальной экономики, определяемой им как «экономические отношения, которые возникают в постиндустриальном обществе» [3, с. 97]. Аналогичные выводы представлены и в работе М.А. Сухаревой, отметившей, что «концепция постиндустриальной экономики послужила отправной точкой для разработки теорий сервисной экономики, информационной экономики и экономики знаний» [4, с. 459–460].

Так, в исследовании особенностей функционирования постиндустриальной экономики, Ларин С.Н. и Соколов Н.А. обращают внимание на то, что в такой экономике наблюдается увеличение доли сектора услуг в ВВП и структуре занятости, а также расширение информатизации бизнес-процессов [5]. На практике данные изменения ведут к росту инвестиционных затрат на информационно-коммуникационные технологии [6, 7], а также повышению спроса на высококвалифицированных специалистов в данной и смежных сферах [8].

Представленные тенденции выступают источником качественных изменений характеристик факторов, влияющих на развитие постиндустриальной экономики. Базисные и производные факторы производства индустриальной экономики претерпевают изменения при переходе на постиндустриальную ступень. При этом происходит также «качественная трансформация и изменение взаимосвязей и взаимоотношений» [6, с. 128].

Ключевым изменением выступает повышение роли технологий и информации. Информатизация и цифровизация общественных отношений, интенсификация научно-технического прогресса ведут к изменениям условий, методов и форм функционирования организаций, особенностей их конкурентного взаимодействия между собой. Скорость, качество и эффективность интернет-коммуникаций становится одним из ключевых факторов успеха коммерческой деятельности. Бенефициарами таких изменений становятся компании, специализирующиеся на разработке и поддержке программ, приложений и онлайн-сервисов [6, с. 128].

Повышение роли технологий и информации ведет к качественным изменениям содержания и трудовой деятельности, акцент в которой смещается с производства на создание нематериальных ценностей и благ посредством творчества и разработки нестандартных, креативных продуктов. Соответственно, возрастает роль не физических качеств и навыков сотрудников, а их «умственных, интеллектуальных и эмоциональных компетенций» [6, с. 129]. Так, по данным исследования Беловой Л.Г. на отечественном рынке труда наблюдается дефицит «специалистов, занимающихся анализом и обработкой большого объема данных, искусственным интеллектом» [9, с. 66].

Внедрение информационных технологий, аппаратного и программного обеспечения для автоматизации бизнес-процессов требует высоких капиталовложений. Данная потребность наиболее актуальна для высокотехнологичных отраслей экономики, в которых за последние десятилетия многократно возросли привлечения венчурных инвестиций [10].

Поэтому, мы полагаем, что важнейшую роль в адаптации к происходящим изменениям играет современное предпринимательство.

Одним из первых ученых, выделивших предпринимательство в качестве важного фактора экономического развития, стал Йозеф Шумпетер. Он определял экономическое развитие как «спонтанное и прерывистое изменение в каналах потока, нарушение равновесия, которое навсегда изменяет и вытесняет ранее существовавшее состояние равновесия» [11, р. 64]. Эффективно способствуют таким изменениям предприниматели, внедряющие «новые комбинации» в производственную и сбытовую деятельность.

Они могут разрабатывать новые продукты, услуги или бизнес-модели, для удовлетворения меняющихся потребностей рынка.

Одной из характерных тенденций постиндустриальной экономики, адаптацией к которой служит развитие предпринимательства, выступает увеличение доли сферы услуг. Так, согласно собранным Всемирным банком статистическим данным, в 2022 году ее доля в мировом ВВП составила 53,8%, в причём в ряде развитых странах она достигает 75% и более. Достаточной высокий удельный вес сферы услуг занимает и в российском ВВП – 67,8%¹.

В современных условиях доля сферы услуг продолжает возрастать, о чем свидетельствует и динамика индекса деловой активности (PMI – Purchasing Managers Index), ежемесячно рассчитываемого аналитическим агентством Standard Poor's (S&P). Значение индекса рассчитывается на основе опроса менеджеров по закупкам о новых заказах от потребителей, объемах выпуска готовой продукции, трудоустройстве новых сотрудников, скорости доставки заказов поставщиками и уровне запасов. На основе полученных сведений производится расчет индексов деловой активности в сфере производства и в сфере услуг, а также рассчитываемый на их основе общий индекс деловой активности. Значения общего индекса на уровне 50 пунктов и выше указывают на рост экономики, меньшие – о снижении².

На протяжении последних десятилетий в крупнейших экономиках мира наблюдается умеренное превышение уровня индекса сферы услуг над индексом в сфере производства. Так, среднее значение PMI в секторе услуг еврозоны в 2014–2023 годах составило 52,2 пункта против 52 пунктов в сфере производства. Более существенной является разница между данными индексами в Китае – 52 пункта в сфере услуг и 50,3 пунктов в сфере промышленности³. Аналогичная ситуация характерна и для России: среднее значение индекса деловой активности за 2014–2023 годы в непромышленных отраслях составило 51,4 пункта против 50,1 пунктов в сфере производства⁴. Динамика индексов в России представлена на рис. 1.

Итак, как видно из графика, в России индекс деловой активности в сфере услуг продолжает находиться на более высоких значениях относительно данного индекса в сфере производства. При этом в сфере услуг наблюдается более широкий диапазон колебаний значений индекса, что связано с наличием возможностей быстрее адаптироваться к изменениям в экономической ситуации, конъюнктуре рынка и потребительских предпочтениях. В результате, изменения в деловой активности и настроениях менеджеров по закупкам в сфере услуг могут происходить быстрее, чем в производственной сфере. Так, например, во время кризиса 2020 года PMI в сфере услуг снижался до 12,2 пункта против 31,3 пунктов в промышленности. Однако по мере восстановления экономической активности, индекс деловой активности в сфере услуг вернулся к опережающим темпам роста.

¹ World Development Indicators // Worldbank. URL: <https://databank.worldbank.org/> (дата обращения: 18.04.2024).

² Индекс PMI: за что экономисты любят снабженцев // РБК Инвестиции. URL: <https://quote.rbc.ru/news/training/5b155fc59a79473b856de349> (дата обращения: 20.04.2024)

³ Economic Calendar – Investing.com. URL: <https://www.investing.com/economic-calendar/> (дата обращения: 25.04.2024)

⁴ PMI by S&P Global. URL: <https://www.pmi.spglobal.com/Public/Release/PressReleases> (дата обращения 20.04.2024)

Рис. 1. Динамика индексов PMI в сфере производства и в сфере услуг России (в пунктах)

Fig. 1. Dynamics of the PMI indexes in manufacturing and services sectors in Russia (in points)

Увеличение доли сферы услуг в экономике во многом обусловлены активным участием предпринимателей в ее развитии. Наличие множества существующих и потенциально возможных видов услуг социального, экономического, технического, информационного, юридического и иного характера привлекает предпринимателей к открытию бизнеса и предоставлению уникальных предложений для конкретной целевой аудитории [12]. Следует также отметить, что при вложении капитала в сферу услуг, он возвращается более быстрыми темпами, чем в производственной сфере, за счет меньшей длительности производственного цикла и высоких темпов расширения спроса на услуги. Соответственно, в сфере услуг у предпринимателей имеется возможность более гибко реагировать на изменения рыночной конъюнктуры и экономической ситуации.

Таким образом, предпринимательство в сфере услуг, называемое также сервисным предпринимательством, выступает привлекательным направлением для инвестиций, которые, в свою очередь, являются ключевым фактором стимулирования экономического развития страны.

В развитии сервисного предпринимательства в России важную роль играет малый бизнес. По данным Росстата, в 2021 году 77,7% малых предприятий и 79,6% индивидуальных предпринимателей осуществляли виды экономической деятельности, относящиеся к сфере услуг. Субъекты малого бизнеса сгенерировали более четверти совокупного оборота сферы услуг¹.

Тем не менее, вклад малого бизнеса в ВВП России на протяжении составляет около 21%, что значительно ниже, чем в большинстве стран Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), где данный показатель превышает 50%. Так, например, в 2021 году в Японии на МСП приходилось 99,7% всех предприятий, в которых было занято 33 млн чел., что составляет около 69,7% рабочей силы частного сектора².

¹ Федеральная служба государственной статистики России. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 18.04.2024).

² Key facts on SME financing in Japan // OECD iLibrary. URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/sites/3f57da80-en/index.html?itemId=/content/component/3f57da80-en> (дата обращения: 21.04.2024).

Таким образом, предприниматели создают новые рабочие места, что является одним из ключевых стимулов экономического развития. Это особенно актуально в условиях, когда традиционные отрасли сталкиваются с сокращением рабочих мест из-за автоматизации или других факторов. Также предприниматели напрямую участвуют в создании добавленной стоимости, что в итоге отражается в экономическом росте и развитии. Важнейшей особенностью предпринимательства в постиндустриальной экономике выступает его направленность на формирование ценности не только посредством производства, а в немалой степени за счет создания нематериальных благ и сервисов.

Так, в то время как первые долларовые миллиардеры мира (Д. Рокфеллер, Г. Форд) были связаны с производственной и финансовой деятельностью, то в постиндустриальной экономике миллиардные доходы генерируются посредством технологий.

Ряд технологических стартапов, начавших свою деятельность как небольшие компании, смогли со временем значительно увеличить свою капитализацию. Например, компании Apple, Alphabet и Microsoft начинали деятельность как субъекты малого бизнеса, но за счет внедрения инновационных и высокотехнологичных решений, предоставления широкого спектра услуг в сфере информационных технологий, им удалось войти в число крупнейших корпораций в мире.

В современной экономике предприниматели продолжают способствовать распространению инноваций. Так, внедрение 3-D принтеров, приложений дополненной реальности, популяризация генеративного искусственного интеллекта и другие современные технологии оказывают столь же большое влияние на экономическую деятельность, как появление электричества и транспортной инфраструктуры сто лет назад. Они прокладывают путь для таких инновационных услуг, как электронное здравоохранение, «умные» города и производства [13].

Таким образом, современное предпринимательство выступает ключевым фактором стимулирования экономического развития в постиндустриальной экономике. Особую роль в данном направлении играет малое и среднее предпринимательство, способное наиболее гибко реагировать на изменения рыночной конъюнктуры и внедрять новые товары и услуги. Создание благоприятных условий для развития малого и среднего предпринимательства позволит ускорить привлечение инвестиций и внедрение инновационных решений, повысить уровень занятости и как результат – увеличить темпы роста национальной экономики.

Список источников

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Перевод с английского. Изд. 2-ое, испр. и доп, 2004. М.: Academia, CLXX, 788 с.
2. Латов Ю.В., Тихонова Н.Е. Новое общество – новый ресурс – новый класс? (К 60-летию теории человеческого капитала) // Terra Economicus. 2021. Т. 19, №2. С. 6–27.
3. Заходякин И.В. Постиндустриальный постскрипtum: постиндустриальная экономика – что значит это понятие в современном мире? // Креативная экономика. 2008. №1. С. 97–100.
4. Сухарева М.А. От концепции постиндустриального общества к концепции экономики знаний и цифровой экономики: критический анализ терминологического поля // Государственное управление. Электронный вестник, 2018. № 68. С. 445-464.
5. Ларин С.Н., Соколов Н.А. Постиндустриальная экономика: концептуальные особенности развития и стратегии экономического роста стран-лидеров // Бюллетень науки и практики. 2018. № 4. С. 305–321.
6. Индустриев М.А. Теория экономического развития: эволюция подходов и современная парадигма // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право, 2023. Т. 23, № 2. С. 126–133.
7. Abeliansky A., Hilbert M. Digital technology and international trade: Is it the quantity of subscriptions or the quality of data speed that matters? // Telecommunication policy, 2017. No. 41(1). Pp. 35-48.
8. Jobs of Tomorrow: Mapping Opportunity in the New Economy. World Economic Forum, Switzerland, 2020. 28 p.
9. Белова Л. Г. Глобальный рынок высококвалифицированных специалистов в условиях пандемии // ДЕМИС. Демографические исследования, 2021. Т. 1. № 2. С. 65–76.
10. Mathau L. Growth of Venture Capital in International Markets // Open Journal of Business and Management, 2023. Vol. 11, no. 6. Pp. 3237-3254.
11. Schumpeter J. The Theory of Economic Development: An Inquiry into Profits, Capital, Credit, Interest, and the Business Cycle (1934) / Translated by Redvers Opie. Transaction Publishers, 1983. 255 p.

12. Садыки М.Р. Особенности предпринимательской деятельности в сфере услуг // Региональные проблемы преобразования экономики, 2013, №4. С. 315-317.

13. Кешелава А.В. Инфраструктура цифровой экономики // Экономические стратегии. 2017. Т. 19. № 8. С. 120-131.

References

1. Bell D. *The coming of post-industrial society: A venture of social forecasting*. Translate from English. 2nd edition, revised and supplemented, 2004. Moscow: Academia, CLXX, 788 с. (In Russ).

2. Latov Y.V., Tikhonova N.E. (2021). A new society - a new resource - a new class? (To the 60th anniversary of the theory of human capital). *Terra Economicus*. 2021;19(2):6-27. (In Russ).

3. Zakhodakin, I.V. Postindustrial postscript: postindustrial economy - what does this concept mean in the modern world? *Creative economy*. 2008;(1):97-100. (In Russ).

4. Sukhareva M.A. From the concept of post-industrial society to the concept of knowledge economy and digital economy: a critical analysis of the terminological field. *Public Administration. Electronic Bulletin*, 2018;(68):445-464. (In Russ).

5. Larin S.N., Sokolov N.A. Post-industrial economy: conceptual features of development and economic growth strategies of leading countries. *Bulletin of Science and Practice*, 2018;(4):305-321. (In Russ).

6. Industriev M.A. The theory of economic development: Evolution of approaches and modern paradigm. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2023;2(23):126-133. (In Russ).

7. Abeliansky A., Hilbert M. Digital technology and international trade: Is it the quantity of subscriptions or the quality of data speed that matters? *Telecommunication policy*. 2017;41(1):35-48.

8. Jobs of Tomorrow: Mapping Opportunity in the New Economy. *World Economic Forum, Switzerland*, 2020. 28 p.

9. Belova L.G. The global market for highly skilled professionals in a pandemic environment. *DEMIS. Demographic research*. 2021;1(2):65-76. (In Russ).

10. Mathau L. Growth of Venture Capital in International Markets. *Open Journal of Business and Management*. 2023;11(6):3237-3254.

11. Schumpeter J. *The Theory of Economic Development: An Inquiry into profits, Capital, Credit, Interest, and the Business Cycle* (1934). Translated by Redvers Opie. Transaction Publishers, 1983. 255 p.

12. Sadyki M.R. Peculiarities of entrepreneurial activity in the sphere of services. *Regional problems of economic transformation*. 2013;(40):315-317. (In Russ).

13. Keshelava A.V. Infrastructure of the Digital Economy. *Ekonomicheskie strategii*, 2017;19(8):120-131. (In Russ).

Информация об авторе

М. А. Индустриев – преподаватель кафедры политической экономии и экономической политики ЮФУ.

Information about the author

M. A. Industriev – Lecturer at the Department of Political Economy and Economic Policy, Southern Federal University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 29.04.2024; одобрена после рецензирования 16.05.2024; принята к публикации 17.05.2024.

The article was submitted 29.04.2024; approved after reviewing 16.05.2024; accepted for publication 17.05.2024.

Обеспечение профессиональными кадрами экономики региона на основе баланса потребностей бизнеса и возможностей системы образования

Алена Егоровна Квашнева¹, Сергей Сергеевич Змияк²

¹Коми республиканская академия государственной службы и управления, Сыктывкар, Россия, kvashnevae@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-1337-2861>

²Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ростов-на-Дону, Россия, sergey-zm@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3212-3649>

Аннотация

Введение. Актуальность исследования вызвано вызовами, стоящими перед системой профессионального образования, региональным рынком труда, системой предпринимательства в целом.

Цель исследования. Целью исследования является раскрытие состояния системы среднего профессионального образования Северо-Западного федерального округа, оценка структуры подготовки кадров в системе профессионального образования.

Методы. Методология исследования опирается на непрерывность процессов диалектики развития системы среднего профессионального образования и спроса рынка труда, среднего и малого предпринимательства в сложившихся экономических условиях. Базируясь на методы структурно-функционального анализа и синтеза стало возможно выявить основные направления подготовки профессиональных кадров.

Объектом исследования является система среднего профессионального образования Северо-Западного федерального округа.

Результаты. Результатами исследования является комплексный анализ основных характеристик системы среднего профессионального образования Северо-Западного федерального округа: количества обучающихся, в т.ч. по очной форме обучения, по укрупненным группам специальностей подготовки, анализ качества приема на профессиональные образовательные программы в разрезе групп профессионального обучения регионов Северо-Западного федерального округа, анализ состояния материально-технической базы системы профессионального обучения.

Выводы. Результаты обобщения направлений дальнейших исследований системы среднего профессионального образования позволили выявить ведущие направления научного дискурса состояния профессионального обучения, выявить ведущие структурные характеристики совпадения государственного заказа и потребностей бизнеса, организации менеджмента в системе повышения качества реализации образовательных программ реализуемых учреждениями системы среднего профессионального образования.

Ключевые слова: среднее профессиональное образование, рынок труда, управление программой, структура экономики, образовательные программы, экономические условия

Для цитирования: Квашнева А. Е., Змияк С. С. Обеспечение профессиональными кадрами экономики региона на основе баланса потребностей бизнеса и возможностей системы образования // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 2. С. 99–107. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-99-107>. EDN VZKDDN

Provision of professional personnel of the economy of the region on the basis of a balance of business needs and opportunities of the educational system

Alena E. Kvashneva¹, Sergey S. Zmiyak²

¹The Komi Republican Academy of State Service and Administration, Syktyvkar, Russia, kvashnevae@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-1337-2861>

²South Russian Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, sergey-zm@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3212-3649>

Abstract

Introduction. The relevance of the study is caused by the challenges facing the vocational education system, the regional labor market, and the entrepreneurship system as a whole.

Purpose of the study. The purpose of the study is to reveal the state of the secondary vocational education system in the Northwestern Federal District, to assess the structure of personnel training in the vocational education system.

Methods. The research methodology is based on the continuity of the processes of dialectic development of the secondary vocational education system and the demand of the labor market, medium and small businesses in the current economic conditions. Based on the methods of structural-functional analysis and synthesis, it became possible to identify the main directions of training professional personnel.

The object of the study is the system of secondary vocational education in the Northwestern Federal District.

Results. The results of the study are a comprehensive analysis of the main characteristics of the secondary vocational education system in the Northwestern Federal District: the number of students, incl. for full-time education, for enlarged groups of training specialties, analysis of the quality of admission to professional educational programs in the context of vocational training groups in the regions of the North-Western Federal District, analysis of the state of the material and technical base of the vocational training system.

Conclusions. The results of summarizing the directions of further research of the system of secondary vocational education made it possible to identify the leading directions of scientific discourse on the state of vocational training, to identify the leading structural characteristics of the coincidence of the state order and business needs, the organization of management in the system for improving the quality of implementation of educational programs implemented by institutions of the secondary vocational education system.

Keywords: secondary vocational education, labor market, program management, economic structure, educational programs, economic conditions

For citation: Kvashneva A. E., Zmiyak S. S. Provision of professional personnel of the economy of the region on the basis of a balance of business needs and opportunities of the educational system. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2024;(2):99–107. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-99-107>. EDN VZKDDN

Актуальность исследования вызовов рынка труда и потребности бизнеса подчеркиваются коренными преобразованиями, происходящими не только на рынке труда, но и в сфере профессионального образования [1]. Система среднего профессионального образования является одной из основных сфер воспроизводства кадров для регионального рынка труда и бизнеса в регионе [2]. Реализация программ средняя профессионального образования и освоение современных актуальных направлений профессиональной подготовки высоко оценивается на рынке труда. Как отмечают исследования, на региональном рынке труда особенно остро ощущается дефицит профессиональных рабочих кадров. В целях ликвидации профессионального и компетентностного разрыва подготовки специалистов среднего звена необходимо совершенствовать систему подготовки кадров в интересах структуры региональной экономики и потребностей бизнеса [3].

Одним из драйверов обновления системы профессиональной подготовки является федеральный проект «Профессионалитет», который соответствует поставленным задачам национальных проектов «Образование» и «Производительность труда» [4].

Современная система профессионального образования и активная структурная перестройка экономики сталкиваются с рядом кадровых вызовов и проблем [5]. Одними из основных проблем являются дефицит профессиональных высококвалифицированных кадров, характерный для многих отраслей страны, и несоответствие структуры подготовки кадров требованиям предприятий, организаций малого и среднего бизнеса.

При этом нельзя не отметить, что в регионах активно меняется рынок труда изменяется, трансформируется спрос на ряд специальностей и профессиональных направлений подготовки. Санкционная политика и необходимость структурной перестройки отраслей в рамках поставленных государством задач по импортозамещению актуализирует задачу синхронизации усилий профессиональной подготовки кадров средних профессиональных организациях колледжах и техникумах и работодателей бизнеса региона [6].

В настоящее время во всех регионах Северо-Западного федерального округа, как показывает приведённый авторами анализ, формируется качественный новый подход в подготовке рабочих кадров, который базируется на гибких принципах заказа, целевого обучения, управления структурой профессиональной образовательной программы и привлечения представителей бизнеса к подготовке кадров рабочих профессий.

Анализ системы среднего профессионального образования Российской Федерации позволяет констатировать то, что она обладает рядом преимуществ. Общие статистические показатели раскрывают сущность и стабильность потенциала системы профессионального образования. К 2023 году в системе СПО России обучается 3 551 189 студентов, из них 65% обучается за счёт бюджетных средств. В России реализация программ СПО осуществляется в 4571 организациях СПО, из них 356 образовательных организаций высшего образования реализуют программы среднего профессионального образования [7].

Приведённые факты показывают, что структура системы среднего профессионального образования позволяет сохранить свою широкую представленность не только в административных центрах субъектов Российской Федерации, но и в городских и сельских поселениях, малых поселениях. Так, в малых городах и сельских поселениях сосредоточено 48 % от общего количества колледжей и техникумов Российской Федерации (см. рис. 1).

Рис. 1. Структура системы СПО в РФ, составлено авторами по данным системы федерального мониторинга СПО <https://monitoring.miccedu.ru/2023>

Fig. 1. The structure of the system of secondary vocational education in the Russian Federation, compiled by the authors according to the data of the system of federal monitoring. <https://monitoring.miccedu.ru/2023>

На рис. 2 представлены данные о количестве обучающихся студентов среднего профессионального образования в колледжах и техникумах регионов Северо-Западного федерального округа. Анализ позволяет отметить, что в основном реализация данных образовательных программ финансируется государством, либо источниками реализации образовательной программы являются домохозяйства, количество целевых договоров и заключённых соглашений с учреждениями и организациями в сфере бизнеса недостаточно [1].

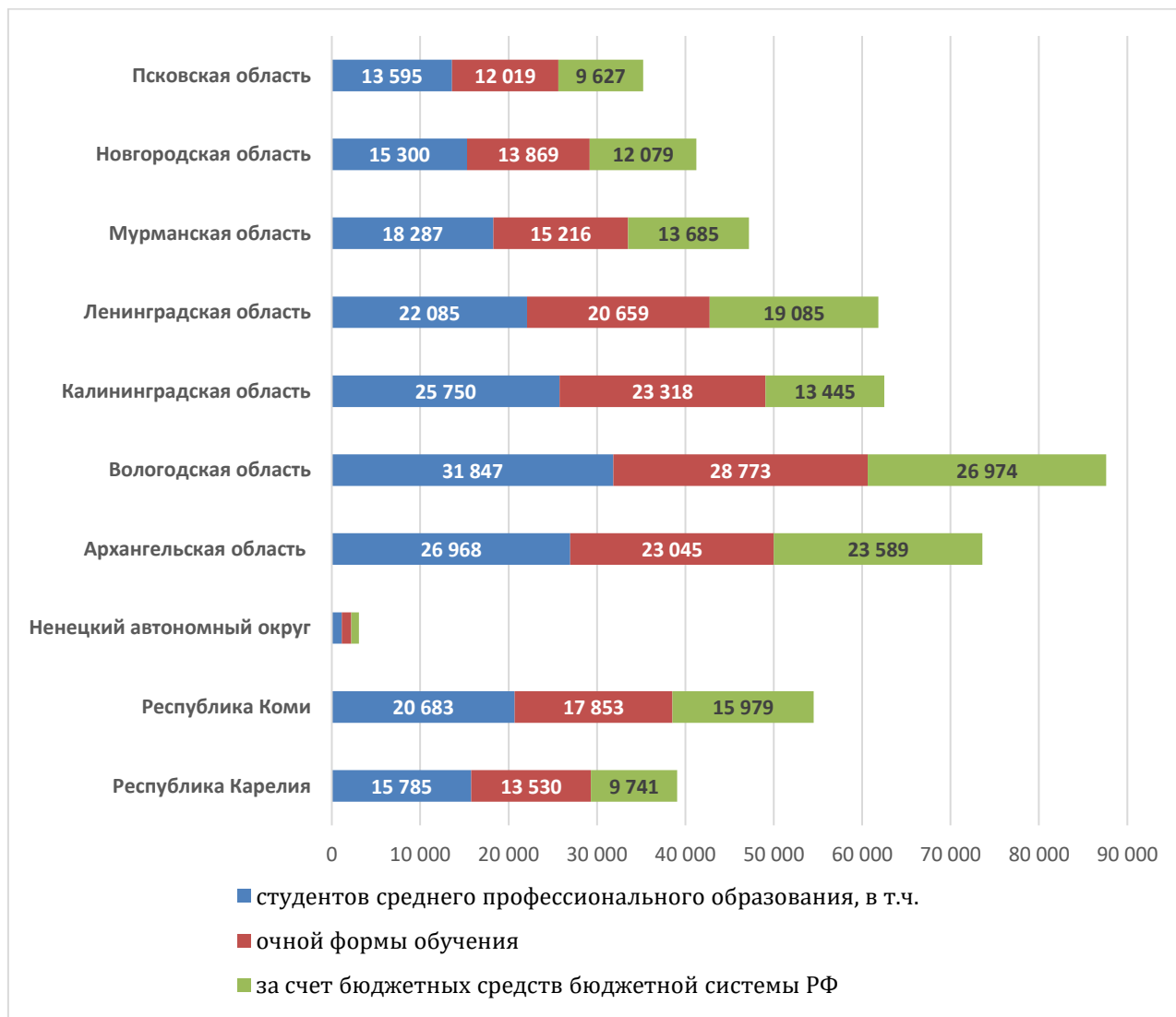

Рис. 2. Структура контингента обучающихся по программам СПО в регионах СЗФО, составлено авторами по данным системы федерального мониторинга СПО. <https://monitoring.miccedu.ru/2023>

Fig. 2. The structure of the enrollment in secondary vocational education programs in the regions of the North-Western Federal District, compiled by the authors of the system of federal monitoring. <https://monitoring.miccedu.ru/2023>

Несмотря на схожие во всех регионах социальные вызовы и демографические проблемы структурно количество обучающихся, и в том числе на очной форме обучения, выглядит примерно одинаково. Распределённость количества организаций СПО в регионах и наличие крупных федеральных университетских центров во многих субъектах Северо-Запада выявляет повышенный интерес к реализуемым программам среднего профессионального образования.

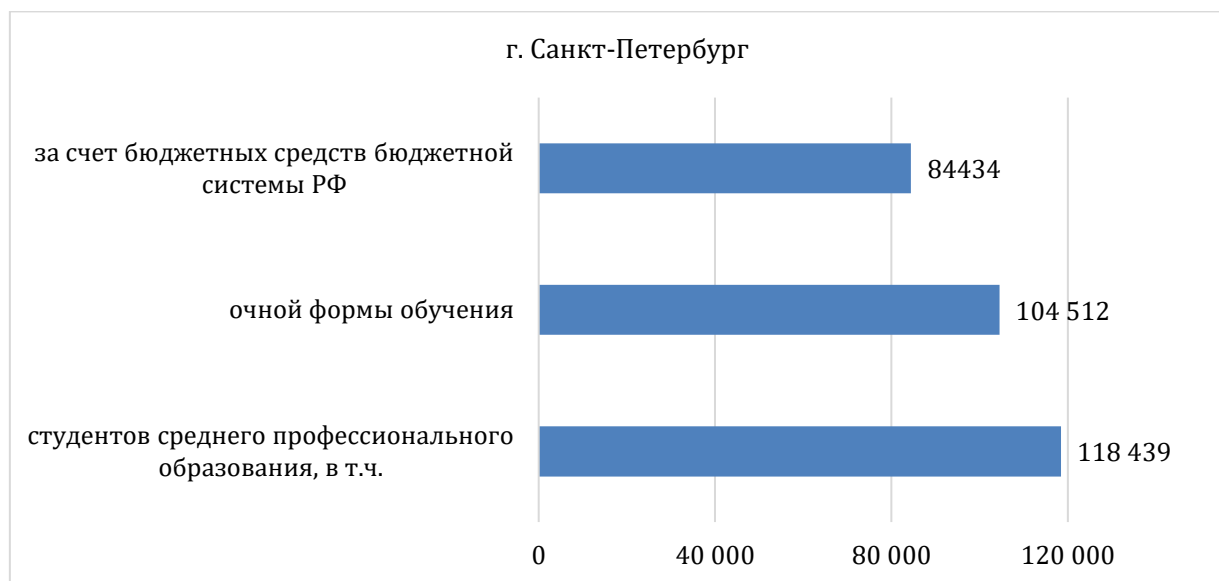

Рис. 3. Структура контингента обучающихся по программам СПО в Санкт-Петербурге, составлено авторами по данным системы федерального мониторинга СПО. <https://monitoring.miccedu.ru/2023>

Fig. 3. The structure of the enrollment of students in the programs of secondary vocational education in St. Petersburg, compiled by the authors according to the data of the system of federal monitoring. <https://monitoring.miccedu.ru/2023>

На рис. 4. представлена структура реализации образовательных программ в колледжах и техникумах Северо-Западного федерального округа. В целом анализ позволяет отметить, что среди предлагаемых образовательных программ лидируют программы в сфере «инженерного дела, технологий и технических наук», большинство колледжей реализует программы в сфере: технологий, наземного транспорта, техник и технологий строительства, информатики и вычислительной техники, машиностроения, электроники радиотехники и систем связи, в том числе реализуются программы в сфере прикладной геологии, горного дела, нефтегазового дела и геодезии, технологии материалов [8].

Данные программы занимают ведущее в структуре реализуемых образовательных программ от 44%, как Новгородской области или Санкт-Петербурге, до 53% в Ленинградской области. Средняя доля в объёме 10% в структуре образовательных программ представлена направлением «здравоохранение и медицинские науки», что позволяет говорить о необходимости усиления воспроизводства кадров среднего медицинского звена, это необходимого для стабильной работы системы здравоохранения, в Ленинградской и Мурманской областях и в Санкт-Петербурге данные образовательные программы занимают долю в 11%, наименьшее значение данного показателя наблюдается в Вологодской и Калининградской областях со значением в 5%.

Также необходимо выделить такую важную укрупнённую группу, как «науки об обществе», которые реализуются по таким направлениям, как: социальная работа, юриспруденция, экономика и управление, сервис и туризм.

Наибольшее значение в структуре данных образовательных программ наблюдается в таких субъектах Федерации, как Республика Карелия – 23%, и Ненецкий автономный округ – 26%, Калининградская область – 28%, и Мурманская область – 25%. Реализации программ «наук об обществе» в колледжах и техникумах занимает ведущее место в таких регионах СЗФО, как Архангельская область – 19%, и Ленинградская область – 15%.

Для многих регионов важным направлением в сфере профессиональной подготовки является реализация программ в области «сельского хозяйства и сельскохозяйственных наук», наибольшее значение данного показателя подготовки профессиональных кадров отмечается в Ленинградской области и Мурманской областях – по 11% соответственно.

На наш взгляд, важным показателем эффективной и успешной реализации образовательной программы является не просто компетентностный подход в профессиональной подготовке, но и оценка знаний обучающегося при поступлении на образовательную программу.

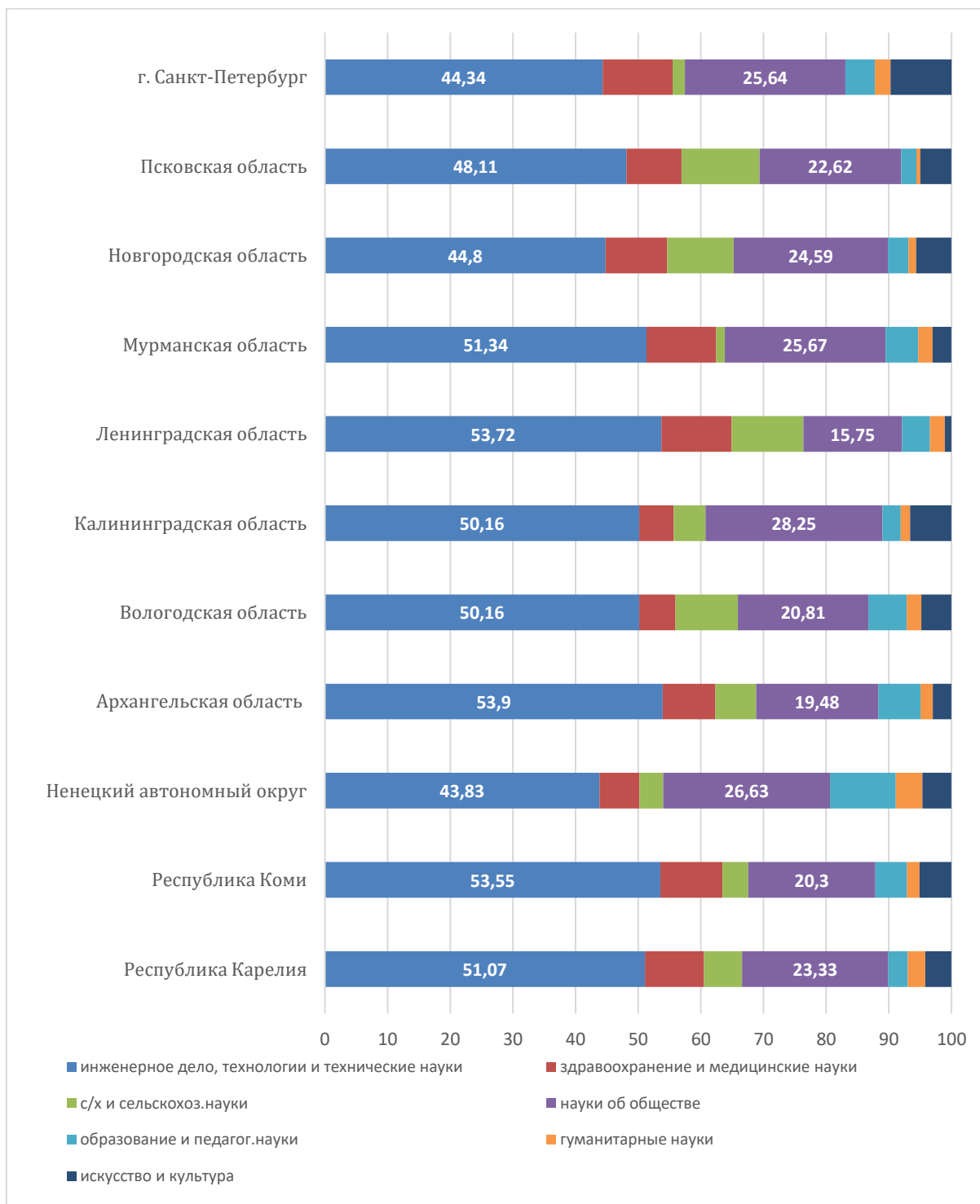

Рис. 4. Структура обучающихся по программам СПО в регионах СЗФО, составлено авторами по данным системы федерального мониторинга СПО. <https://monitoring.miccedu.ru/2023>

Rice. 4. The structure of students on secondary vocational education programs in the regions of the North-Western Federal District, compiled by the authors of the system of federal monitoring. <https://monitoring.miccedu.ru/2023>

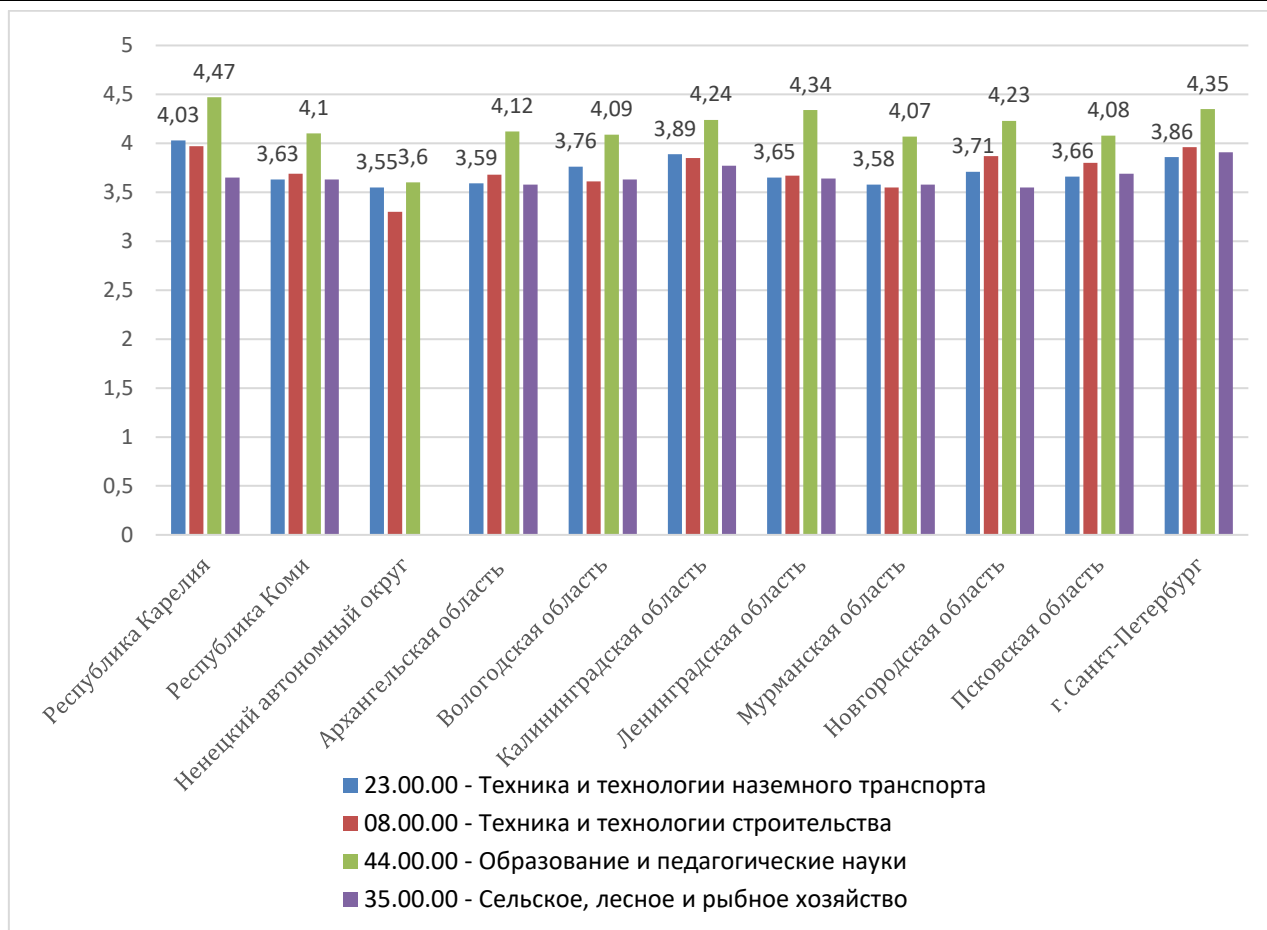

Рис. 5. Средний балл аттестата студентов, принятых в образовательные организации на обучение по очной форме обучения, выборочно, составлено авторами по данным системы федерального мониторинга СПО. <https://monitoring.miccedu.ru/2023>

Rice. 5. The average score of the certificate of students accepted into educational organizations for full-time study, selectively, compiled by the authors according to the data of the system of federal monitoring of secondary vocational education. <https://monitoring.miccedu.ru/2023>

На рис. 5 представлены выборочные данные по некоторым из наиболее востребованных образовательных направлений, реализуемых в колледжах и техникумах Северо-Западного федерального округа, так средний балл при поступлении на направление «техника и технологии наземного транспорта» в Республике Карелии составил более 4 баллов, при поступлении на очную форму обучения и это самый высокий показатель по данной группе характерной для Северо-Запада, а минимальный порог при поступлении на данное направление 3,55 представлен в Ненецком автономном округе и Мурманской области.

Анализ данных при поступлении на направление «техника и технологии строительства» позволяет отметить, что ни в одном из регионов при поступлении на очную форму обучения средний балл не выше 4. Аналогично низкие показатели среднего балла отмечаются при поступлении на направление «образование и педагогические науки», где средний балл колеблется от 3,3 в Ненецком автономном округе, до 3,97 в Республике Карелия.

Анализ ресурсного обеспечения реализации образовательных программ позволяет отметить, что налицо тенденция обновления материально-технической базы, машин и оборудования в образовательных организациях. По данным мониторинга за 2022 год, 26 % машин и оборудования в колледжах Архангельской области не старше 5 лет, данный показатель состояния машин и оборудования не старше 5 лет в Вологодской области составляет 49%, что говорит о высоком темпе обновления материально-технической базы. В Ленинградской области данный показатель составляет 44,8% обновление материально-технической базы, машин и оборудования не старше 5 лет.

На наш взгляд, важным показателем востребованности образовательных программ являются миграционные показатели приёма на программы среднего профессионального образования, прием на программы СПО из других регионов, данные показатели по Северо-Западу и федерального округа в целом вариативны, так в Архангельской области из других субъектов в 2022 году поступило 3% обучающихся на очную форму обучения, в Вологодской области показатель составил 10%, в Республике Карелия данный показатель также составил 10,5%, что говорит о востребованности структуры образовательных программ предлагаемых региональными СПО. В Ленинградской области за счёт агломерационного эффекта с Санкт-Петербургом показатель миграции приёма на очную форму обучения выше, прием обучающихся из других регионов составляет в среднем 14%.

По итогам приёма 2022 года следует отметить, что по некоторым регионам наблюдается отрицательное сальдо приёма на программы, представляемые региональной системой СПО. Так, в колледжах Псковской области из других субъектов Российской Федерации поступило 302 человека, а выбыло на поступления в другие регионы из Псковской области 383 человека, аналогично наблюдается отрицательная миграционное сальдо обучающихся по программам среднего профессионального образования в Новгородской области, в колледжи региона поступило из других регионов 335 человек, а убыло на поступление на программы СПО в другие регионы 701 обучающийся (-366 чел.). Аналогичные тенденции, по итогам приёма 2022 года, наблюдались в системе среднего профессионального образования Республики Коми: из других регионов на программы СПО принято 143 человека, а выбыло в другие регионы на поступление на программы СПО 912 человека (-769 чел.).

Выводы. Результаты исследования показывают, что обновление материально-технической базы, укрепление кадрового обеспечения программ среднего профессионального образования, привлечение преподавателей мастеров производственного обучения происходит достаточно динамично [9]. Это демонстрирует и показатель обновления материально-технической базы колледжей и техникумов, привлечение работодателей, представителей бизнеса для сопровождения образовательных программ [10].

Интеграция в образовательный процесс бизнеса позволяет не просто сопровождать реализацию образовательной программы, но и повышать качество образовательной программы, принимать участие в управлении образовательными учреждениями и готовить востребованные для бизнеса кадры. Повышение отдачи в среде профессионального образования для современной экономики рынка труда объективно способствует улучшению ситуации в сфере трудоустройства выпускников колледжей и техникумов. Активная реализация модели дуальной подготовки и практико-ориентированного подхода при реализации программ среднего профессионального образования позволяет существенно повысить качество образовательных программ и способствует развитию всей системы СПО.

Список источников

1. Галиева Д. Потенциал роста // ИД «Коммерсантъ». 26.01.2024 www.kommersant.ru/doc/6467640 [дата посещения 12.03.2024]
2. Афанасьев К. С., Попов В. П., Самотуга В. Н. Мобильность и гибкость на региональном рынке труда: между государственным регулированием занятости и ценностными ориентациями работников // Экономика и управление. 2021. Т. 27. № 2(184). С. 84–92.
3. Ильина Л. И., Ружанская Н. В. Формирование универсальной компетенции в области финансовой грамотности в вузах Республики Коми с учётом региональной и вузовской специфики // Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления. Теория и практика управления. 2023. № 2(40). С. 47–53.
4. Горохов С. А., Савенкова Е. В. Основные проблемы и перспективы кадровой обеспеченности системы образования региона (на примере Северо-Западного федерального округа) // Преподаватель XXI век. 2021. № 4-1. С. 25–36.
5. Шерайзина Р. М., Монахова Л. Ю., Минина В. В. Концептуальное обоснование проектирования сквозного ядра программ среднего профессионального образования вне зависимости от направления подготовки // Современные проблемы науки и образования. 2022. № 3.
6. Воробьева Е. Производства наращивают результативность // ИД «Коммерсантъ». 23.10.2023г. www.kommersant.ru/doc/6281367 [дата посещения 12.03.2024]
7. Листвин А. А., Гарт М. А. Среднее профессиональное образование: время структурных изменений // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2022. № 3(47). С. 5–16.

8. Кузнецова Е. В каких отраслях и регионах работает малый бизнес. Итоги переписи // РБК. 24.01.2022. www.rbc.ru/economics/24/01/2022/61e690379a79478b014c4b22 [дата посещения 12.03.2024]

9. Ялов С. В. Факторы и формы интеграции бизнеса в систему среднего профессионального образования // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2023. № 2(9). С. 22-27.

10. Зеер Э. Ф. Проблемы модернизации профессионального и профессионально-педагогического образования: панорамный подход // Профессиональное образование и рынок труда. 2022. № 2(49). С. 13–21.

References

1. Galieva D. Growth Potential. ID «Kommersant». 26.01.2024. Available from: www.kommersant.ru/doc/6467640 [Accessed 12 March 2024] (In Russ.)

2. Afanasiev K. S., Popov V. P., Self Tuga V. N. Mobility and flexibility in the regional labour market: between government regulation of employment and the value orientation of workers. *Economy and management*. 2021;27(2(184)):84–92. (In Russ.)

3. Ilyina L. I., Ruzhanskaya N. V. Formation of universal competence in the field of financial literacy in universities of the Republic of Komi with consideration of regional and university specificity. *Bulletin of the Komi of the Republican Academy of Civil Service and Management. Management theory and practice*. 2023;2(40):47–53. (In Russ.)

4. Gorokhov S. A., Savenkova E. V. Main problems and prospects of staffing of the education system of the region (on the example of the North-Western Federal District). *Teacher-tel XXI century*. 2021;(4-1):25–36.

5. Sheraizina R. M., Monakhova L. Y., Minina V. V. Conceptual substantiation of design through core of secondary vocational education programs regardless of the direction of training. *Modern problems of science and education*. 2022;(3). (In Russ.)

6. Vorobyeva E. Productions increase the efficiency. ID «Kommersant». 23.10.2023. Available from: www.kommersant.ru/doc/6281367 [date of visit 12.03.2024] (In Russ.)

7. Listvin A. A., Garth M. A. Secondary vocational education: time of structural adjustment. *Vocational education in Russia and abroad*. 2022;3(47):5–16. (In Russ.)

8. Kuznetsova E. In which industries and regions small business operates. Census results. *RBC*. 24.01.2022. Available from: [ww.rbc.ru/economics/24/01/2022/61e690379a798b014c4b22](http://www.rbc.ru/economics/24/01/2022/61e690379a798b014c4b22) [Accessed 12 March 2024] (In Russ.)

9. Yalov S. V. Factors and forms of business integration into the system of average professional education. *All-Russian scientific-practical journal of social and humanitarian research*. 2023;2(9):22–27. (In Russ.)

10. Seer E. F. Problems of modernization of vocational and vocational education: panoramic approach. *Vocational education and labour market*. 2022;2(49):13–21. (In Russ.)

Информация об авторах

А. Е. Квашнева – советник при ректорате, Коми республиканская академии государственной службы и управления.

С. С. Змияк – доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории и предпринимательства, ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the authors

A. E. Kvashneva – Advisor to the Rector, The Komi Republican Academy of State Service and Administration.

S. S. Zmiyak – Dr. Sci. (Econ.), Professor of the Department of Economic Theory and Entrepreneurship, South-Russia Institute of Management – branch of RANEPА.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.05.2024; одобрена после рецензирования 02.06.2024; принята к публикации 03.06.2024.

The article was submitted 14.05.2024; approved after reviewing 02.06.2024; accepted for publication 03.06.2024.

Научная статья

УДК 336

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-108-113>

EDN WPBQBH

Методы управления кредитным риском для минимизации случаев мошенничества

Михаил Юрьевич Колинченко¹, Макар Гарибович Шадиан²

^{1,2}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

¹kmihail2001@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0003-3367-1353>

²shadiyan@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-0945-7971>

Аннотация. Современные экономические реалии, жесткая монетарная политика, высокий уровень конкуренции среди субъектов малого и среднего бизнеса, ущерб банков от мошеннических схем актуализируют вопросы методов управления кредитным риском и разработки инструментов минимизации потерь от мошенничества. В мировой практике используется около двух сотен методик оценки кредитоспособности заемщика, однако вопрос о том, как управлять кредитными рисками с целью минимизации степени мошеннических действий со стороны юридических лиц остается актуальным. Актуальность усиливается в т.ч. стремлением кредитных учреждений повысить уровень экономической безопасности и качество кредитного портфеля и появлением новых схем мошенничества со стороны недобросовестных заемщиков.

Ключевые слова: банк, кредит, заемщик, кредитоспособность, кредитный риск, мошенничество, кредитный портфель

Для цитирования: Колинченко М. Ю., Шадиан М. Г. Методы управления кредитным риском для минимизации случаев мошенничества // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 1. С. 108–113. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-108-113>. EDN WPBQBH

Problems of Economics

Original article

Credit risk management methods to minimize fraud

Mikhail Yu. Kolinichenko¹, Makar G. Shadiyan²

^{1,2}South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

¹kmihail2001@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0003-3367-1353>

²shadiyan@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-0945-7971>

Abstract. Modern economic realities, strict monetary policy, high level of competition among small and medium-sized businesses, damage to banks from fraudulent schemes actualize the issues of credit risk management methods and the development of tools to minimize losses from fraud. In world practice, about two hundred methods of assessing the creditworthiness of a borrower are used, but the question of how to manage credit risks in order to minimize the degree of fraudulent actions on the part of legal entities remains relevant. The relevance is increasing, including the desire of credit institutions to increase the level of economic security and the quality of the loan portfolio and the emergence of new fraud schemes on the part of unscrupulous borrowers.

Keywords: bank, loan, borrower, creditworthiness, credit risk, fraud, loan portfolio

For citation: Kolinichenko M. Yu., Shadiyan M. G. Credit risk management methods to minimize fraud. *State and Municipal Management. Scholar Notes. 2024;(2):108–113.* (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-108-113>. EDN WPBQBH

Размеры прямых и косвенных убытков банков от мошеннических действий заемщиков исчисляются миллиардами рублей. Банк России активно противодействует мошенническим схемам в кредитовании и уделяет этому большое внимание, если не ключевое. На прошедшем в феврале т.г. в Екатеринбурге Уральском форуме «Кибербезопасность в финансах» Председатель Банка России Эльвира Набиуллина несколько раз обращалась к теме кредитного мошенничества как в отношении физлиц, так и юрлиц – «Хотела бы ещё раз вернуться к теме именно кредитного мошенничества потому, что мошенничество с выдачей займов – это важный элемент. Нам нужно решить проблему с кредитным мошенничеством»¹.

Банки реагируют на новые вызовы повышением требований к потенциальным заемщикам-юридическим лицам: более строгие требования к залоговой базе, высокие процентные ставки по кредитам и обязательное страхование займа – это лишь часть барьеров, с которыми сталкиваются юридические лица при оформлении кредита в коммерческом банке. Кредитование приносит банкам основную долю доходов, однако параллельно генерирует повышенные риски, связанные в том числе с мошенническими действиями со стороны заемщиков-юридических лиц [1, с. 75–79].

В процессе своей деятельности коммерческий банк сталкивается с целым рядом рисков: кредитный, рыночный, фондовый, процентный риск, а также риск ликвидности и риск потери деловой репутации [2]. В практике банковской деятельности существует ряд разнообразных методик управления рисками. В данной статье мы рассматриваем риск неисполнения контрагентом условий договора, т.е. институциональный характер кредитного риска. Нами будет рассмотрен кредитный риск как вероятность убытков из-за неспособности должника произвести платежи по любому типу долга своевременно и в полном объеме. Степень рисков кредитных организаций, связанных с мошенничеством, не снижается, что обуславливает значимость и важность управления данными рисками.

Обычно кредитный риск проявляется в виде просрочки по очередной выплате или полного отказа от погашения задолженности. Кредитному риску могут подвергаться все юридические лица, имеющие кредиты.

Существует две формы кредитного риска: риск злоупотребления и риск неплатежей [3, с. 532]. Также риск может быть общий, в динамике всей деятельности коммерческого банка, и индивидуальный, относительно конкретного кредита.

Управление кредитными рисками – это практика уменьшения потерь за счет понимания достаточности собственного капитала и резервов на покрытие убытков по ссудам в любой момент времени.

Большинство методик базируются на основных принципах кредитных взаимоотношений банков с малым и средним бизнесом для минимизации кредитных рисков:

- не предоставлять кредит, если предприятие находится в критической ситуации или средства необходимы для погашения другого кредита;
- определять кредитоспособность заемщика только на основе анализа его реального финансового положения;
- учитывать конкурентоспособность заемщика, репутацию, деловые и профессиональные качества руководства предприятия;
- учитывать трудности предоставления малым предприятиям первоклассных поручителей, используя комбинированный залог;
- оперативно решать вопрос о предоставлении кредита и при положительном решении постоянно следить за состоянием бизнеса клиента и сроками погашения кредита [4, с. 125–127].

Рассмотрим существующие методы управления кредитными рисками, которые используют коммерческие банки при выдаче заемных денежных средств юридическим лицам для минимизации случаев мошеннических действий для получения большей суммы кредитных средств от банка.

В первую очередь рассмотрим **финансовый** метод, который подразумевает проведение объективного анализа всей бухгалтерской и налоговой отчетности потенциального заемщика. В данном методе, сотрудником кредитного отдела должен быть произведен расчет всех базовых финансовых показателей потенциального заемщика на предмет их динамики за установленный период времени (как правило, устанавливается период 3 года). К основным финансовым показателям относят: платежеспособность, ликвидность и показатели финансовой устойчивости предприятия.

¹ Официальный сайт. Уральский форум «Кибербезопасность в финансах». Электронный ресурс. Режим доступа: <https://uralcyberfin.ru/ru>

Следствием первого метода является **сравнительный** метод. Он шире, чем описанный ранее, так как предполагает не только расчет и анализ финансовых показателей устойчивости юридического лица, но и сравнение их между собой. Данный способ является не часто используемым, что влечет ряд угроз, связанных с подлогом отчетных документов и, как следствие, развивает мошеннические схемы получения юридическими лицами кредитов от коммерческих банков. Сравнительный метод подразумевает сравнение большинства показателей рассчитанных в финансовом методе с нормативными показателями аналогичных компаний в аналогичных условиях

Организационный метод управления кредитным риском предполагает работу со структурными данными и предполагает, что для минимизации мошеннических действий, связанных с выдачей кредитов, банк проверяет положение клиента в группе связанных заемщиков, а также его роль в группе, в случае вхождения в группу-учредителей компаний, которые ранее получали кредит или отказ по кредиту в конкретном коммерческом банке. Данный метод также предполагает работу с кредитной историей, анализ судебной практики и просмотр судебных разбирательств с участием учредителей или руководителей юридического лица-заемщика [5, с. 95–99].

Особо отметим, что для комплексной оценки трудоспособности заемщика и снижение частоты мошеннических действий в вопросе получения кредита, особое место занимает **прогнозный** способ. Прогнозный способ управления кредитными рисками и оценки кредитоспособности юридического лица подразумевает построение прогнозной модели будущей кредитоспособности с помощью оценки, основанной на анализе делового риска, который позволяет прогнозировать достаточность источников погашения кредита.

В современных технологических реалиях, особое внимание уделим **нейронному** методу управления и минимизации кредитных рисков. Данный метод подразумевает создание и обучение искусственной нейронной сети на специальной выборке данных. В настоящий момент этот метод сравнительно новый, особенно в отечественной практике, а также применяется не во всех банках и в основном используется для оценки кредитоспособности физических лиц в силу большего числа данных для обучения и меньшего числа показателей для оценки. Нейронный метод особенно эффективен в долгосрочной перспективе на фоне стремительного развития нейронных сетей, машинного обучения и больших данных. Данный метод впоследствии может применяться независимо от других методов либо работать на основе результатов, полученных в результате применения других методов, и давать определенную оценку и заключение о кредитоспособности юридического лица и целесообразности выдачи кредита.

Преимущество данного метода также заключается в возможности интегрировать данные социальных сетей, данных из информационного пространства, которое содержит разностороннюю и многогранную информацию об уровне устойчивости и финансовой объективности того или иного юридического лица. Одна из главных проблем и причина непопулярности нейронного метода заключается в недостатке необходимых данных для обучения.

Каждый коммерческий банк использует тщательно проработанные схемы сокращения и минимизации кредитных рисков, что позволяет оптимально сочетать интересы кредитора и заемщика. Банки разрабатывают собственные методики, используя информацию о сильных и слабых сторонах различных методов оценки кредитоспособности заемщиков, учитывая, безусловно, тенденции возрастающей доли мошеннических действий в данной сфере оказания финансовых услуг.

Одной из причин неустойчивости кредитных портфелей банков является недостаточное развитие инструментов противодействия мошенничеству юридическими лицами при их кредитовании [6, с. 126–128].

Для того чтобы обеспечить стабильность кредитного портфеля, в том числе и от мошеннических действий, банки резервируют капитал под риск, страхуют активы, стабилизируют систему внутреннего контроля и бизнес-процессов.

В сфере мошенничества при кредитовании юридических лиц в основе вопроса лежит причина неправомерных действий со стороны заемщиков. По целям мошенничества выделяют такие виды противоправных действий со стороны заемщиков-юридических лиц, как:

1. хищение средств у банка;
2. получение кредита при убыточном балансе предприятия;
3. организация финансовых пирамид и обслуживание у банка их деятельности;
4. организация юридического лица с имитацией его финансово-хозяйственной деятельности;

5. предоставление поддельных документов об эффективной финансовой деятельности юридического лица;

6. организация фиктивного банкротства - данной схемой пользуется каждый второй мошенник [7, с. 62–72].

Также выделяют группы мошенников, которые могут быть представлены как внешние мошенники, то есть повторные клиенты банка или представители криминальных структур, а также внутренние мошенники, которые являются сотрудниками коммерческого банка. В 2022 году по оценке Банка России около 9 тысяч подобных случаев было пресечено и возбуждено более 100 уголовных дел¹. Отметим, что Банк России активно развивает взаимодействие с Генеральной прокуратурой Российской Федерации по вопросам выявления и пресечения мошеннических действий в сфере не только кредитования, но и функционирования всей финансовой системы РФ.

И, безусловно, кредитное мошенничество может быть классифицировано по размерам убытков как средние, высокие и очень высокие убытки.

Отметим, что статья 159.1 Уголовного кодекса РФ предусматривает специальную норму о мошенничестве, в которой устанавливается уголовная ответственность за мошенничество в сфере кредитования, то есть хищение денежных средств заемщиком путем представления банку или иному кредитору заведомо ложных и (или) недостоверных сведений. В юридической практике до сих пор существует значительное количество квалификационных проблем, связанных в целом с мошенничеством. А состав преступления, предусмотренный ст. 159.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, увеличивает уровень сложности квалификации преступлений в данной области.

Если обвиняемый в совершении преступления представил и заведомо подложный официальный документ, освобождающий его от необходимости представлять другие доказательства его платежеспособности, то может быть дополнительно применена и норма с. 327 УК РФ.

Кредитное мошенничество является следствием наличия реальных проблем, которые возникают в процессе получения кредита юридическими лицами. По оценке Банка России, более 40% юридических лиц не могут получить кредит из-за отсутствия залоговой базы, а более трети заемщиков недовольны уровнем процентной ставки по кредиту. Каждый четвертый заемщик сталкивается с процедурой длительного оформления документов, а 5% юридических потеряли доверие банка и при оценке кредитного риска сразу получают отказ от выдачи заемных денежных средств (рис. 1)².

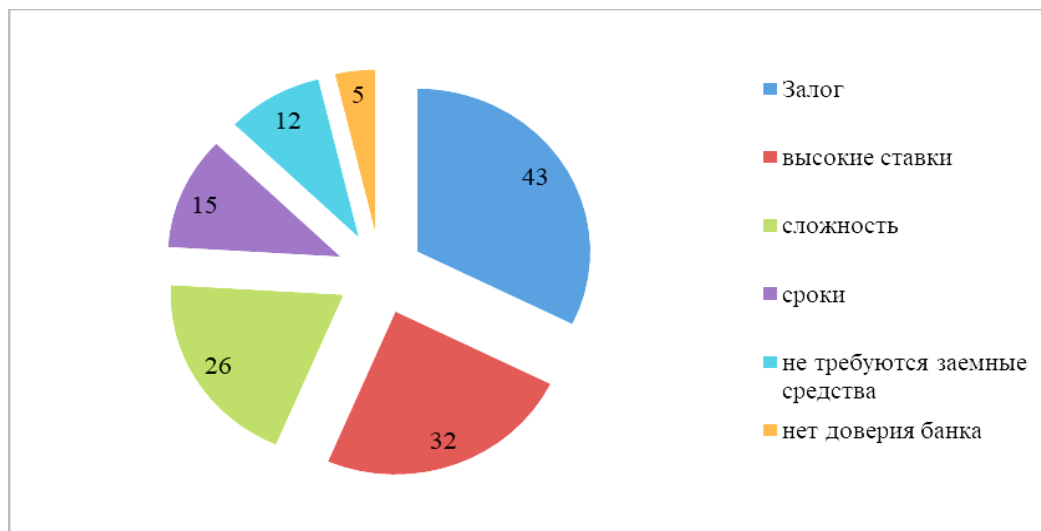

Рис. 1. Причины, препятствующие получению кредита юридическими лицами

Fig. 1. Obstacles to obtaining credit from legal entities

Мошеннические действия при получении кредита юридическими лицами в общем виде делятся на два типа: подлог отчетных документов и обращение в помощи «черных» брокеров, которые помогают получить нужную денежную сумму в займы от банка.

¹ Обзор операций, совершенных без согласия клиентов финансовых организаций. Электронный ресурс. Режим доступа: https://cbr.ru/analytics/ib/operations_survey_2022/

² Официальный сайт ЦБ РФ. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://cbr.ru/eng/press/pr/?id=39509>

По оценке Банка России, в 2022 году в финансовой системе было выявлено и пресечено почти 5 тысяч финансовых пирамид и нелегальных участников рынка (компаний, проектов, индивидуальных предпринимателей, черных брокеров). Данный показатель подтверждает гипотезу о том, что мошенничество в финансовом секторе ежегодно становится все более технически-оснащенным, ведь данные Банка России за 2022 год на 85% превышают аналогичный показатель за 2021 год¹.

Располагая оригиналами документов, мошенник могут с легкостью подделать печать, причем в любой мастерской и подготовят доверенность на подставного человека. После чего подставной человек, имея на руках документы и поддельную доверенность, быстро оформит кредит или другой финансовый продукт, например факторинг или лизинг. К счастью, банки очень не любят оформлять и выдавать кредиты по доверенности и, как правило, всегда требуют личное поручительство генерального директора и учредителей по получаемому займу. А так как требуется личное поручительство, то и сам человек или группа лиц должны присутствовать в банке. В подобных схемах зачастую принимает участие сотрудник банка.

Существуют схемы, в которых учредители назначают нового генерального директора, который «проходит» по налоговой и имеет все соответствующие права. Теоретически директор может оформить кредит на компанию, и никто об этом не узнает. Если банки не потребуют поручительства учредителей, то шансы получить кредит очень высоки, особенно если директор сотрудничает с сотрудниками банка. В таком случае доказать непричастность учредителей будет очень проблематично.

Схема с участием «черного» брокера выглядит следующим образом: юридическому лицу-заемщику гарантируют 100% получение кредита, и за гарантию брокер просит денежные средства, мотивировать это могут разными способами, например тем, что схема опасная, они несут большую ответственность и должны быть в вас уверены. Легальные посредники, как правило, берут не более 5% от суммы кредита. Если же брокер требует 10 и более процентов, то это повод задуматься о добросовестности компании, которая планирует «помочь» получить кредит. Такие компании зарабатывают на авансах: получают деньги от доверчивого клиента и желают ему удачи.

По итогам проведенного анализа, считаем целесообразным сформировать рекомендации по усовершенствованию оценки кредитоспособности заемщика, которые будут способствовать повышению управляемости кредитными рисками и, как следствие, минимизируют частоту мошеннических действий потенциальных заемщиков.

1. Необходимо повышать качество финансовой информации для кредитного анализа заемщика. В данной мере подразумевается выявление аффилированных лиц, а также выработка механизма определения взаимосвязи основных финансовых отчетов потенциального заемщика. Метод по технологии Data Mining в данной рекомендации выступает опорным. В основе данного метода лежит поиск закономерностей между различными факторами в данных с большими объемами. Задача метода заключается в построении модели, которая с помощью независимых показателей позволяет получить оценку значений переменной.

2. Необходимо оценивать достоверность предоставленных данных. Здесь рекомендуем брать за основу «правило трех отчетов», а именно проводить анализ финансового баланса, отчета о прибылях и убытках, и отчета о движении денежных средств. Более того, сравнивать три баланса необходимо минимум за два отчетных периода.

3. Рекомендуем осуществить разработки, связанных с внедрением искусственного интеллекта в работу кредитных организаций. В режиме реального времени алгоритмы искусственного интеллекта способны маркировать события как подозрительные и блокировать нехарактерные для клиента транзакции².

4. Совершенствовать мониторинги и внутренние процедуры с целью минимизации вовлечения сотрудников в мошеннические схемы.

5. Рекомендуем ввести в премиальный коэффициент кредитных сотрудников показатель «денежное вознаграждение за выявление потенциально-мошеннических действий заемщика». В рамках данной меры необходимо определить принципы и цели денежного стимулирования сотрудников, которые осуществили действия против одобрения и выдачи кредитных средств неплатежеспособному заемщику на основании сомнительных финансовых документов.

¹ Обзор операций, совершенных без согласия клиентов финансовых организаций. Электронный ресурс. Режим доступа: https://cbr.ru/analytics/ib/operations_survey_2022/

² Применение искусственного интеллекта на финансовом рынке. Доклад Банка России. Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.cbr.ru/content/document/file/156061/consultation_paper_03112023.pdf

6. Разработать механизм взаимодействия между банками и правоохранительными органами с целью оперативного обмена информацией о противоправных и мошеннических действиях клиентов и брокеров/посредников.

Таким образом, применение указанных мер позволяет повысить достоверность данных для коммерческого банка и соответственно минимизировать кредитное мошенничество со стороны юридических лиц. Сокращение количества случаев кредитного мошенничества благоприятно отразится не только на финансовых показателях и устойчивости кредитного портфеля коммерческого банка, но и на его репутации среди финансовых институтов российской финансовой системы.

Список источников

1. Любивый Н.Ю. Мошеннические сделки при кредитовании юридических лиц // Банковское дело. 2012. №7 (223). С. 75–79.
2. Титова А.А., Нардина С.А. Оценка кредитоспособности юридических лиц коммерческими банками: практические аспекты // Актуальные вопросы современной экономики. 2022. № 11. С. 1017–1027.
3. Кондратьев С.Ю., Баранова В.В. Риски кредитования юридических лиц // Мировая наука. 2020. № 6 (39). С. 520–532.
4. Жуков Е.Ф. Общая теория денег и кредита: учебник для вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. С. 125–127.
5. Курбанов Х.З. Кредитоспособность коммерческой организации и кредитный риск в рискменеджменте банка // Проблемы развития предприятия: теория и практика. 2019. № 1-3. С. 95–99.
6. Евсеева А.В., Рябуха Т.С., Шигаева Е.В. Кредитное мошенничество юридических лиц // Экономика и управление: анализ тенденций и перспектив развития. 2020. № 1. С. 126–128.
7. Репецкая А.Л., Петрякова Л.А. Криминологический анализ современного состояния мошенничеств в банковской сфере России // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2022. Т. 19. № 1. С. 62–72.

References

1. Lyubivyi N.Y. Fraudulent transactions when lending legal entities. *Banking*. 2012;7(223):75–79. (In Russ.)
2. Titova A.A., Nardina S.A. Assessment of creditworthiness of legal entities by commercial banks: practical aspects. *Topical issues of modern economy*. 2022;(11):1017–1027. (In Russ.)
3. Kondratiev S.Y., Baranova V.V. Risks of crediting legal entities. *World Science*. 2020;6(39):520–532. (In Russ.)
4. Zhukov E.F. *General theory of money and credit: textbook for universities*. Moscow: UNITI-DANA; 2002: 125–127. (In Russ.)
5. Kurbanov H.Z. Creditworthiness of a commercial organization and credit risk in the bank's risk-investment. *Problems of enterprise development: theory and practice*. 2019;(1-3):95–99. (In Russ.)
6. Evseeva A.V., Ryaukha T.S., Shigaeva E.V. Credit fraud of legal entities. *Economics and management: analysis of trends and prospects of development*. 2020;(1):126–128. (In Russ.)
7. Repetskaya A.L., Petryakova L.A. Criminological analysis of the current state of fraudsters in the banking sector of Russia. *Herald of Omsk university. Series «LAW»*. 2022;19(1):62–72. (In Russ.)

Информация об авторах

М. Ю. Колиниченко – студент ЮРИУ РАНХиГС.

М. Г. Шадиан – кандидат экономических наук, доцент кафедры налогообложения и бухгалтерского учета ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the authors

M. Yu. Kolinichenko – student, South-Russia Institute of Management – branch of RANEPА.

M.G. Shadiyan – Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor of the Department of Taxation and Accounting, South-Russia Institute of Management – branch of RANEPА.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 05.04.2024; одобрена после рецензирования 15.05.2024; принята к публикации 16.05.2024.

The article was submitted 05.04.2024; approved after reviewing 15.05.2024; accepted for publication 16.05.2024.

Научная статья

УДК 336.74

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-114-120>

EDN XBIJDG

Современные тенденции цифровизации в банковской сфере

Наталья Юрьевна Лебедева¹,

Артем Иванович Колосов²,

Екатерина Сергеевна Лобачева³

^{1, 2, 3}Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹nlebedeva@sfedu.ru

³esvidchenko@sfedu.ru

Аннотация. Статья рассматривает современные тенденции цифровизации банковского сектора, анализируя влияние новых технологий на банковские услуги и операции, что является неотъемлемой частью современного мира и активно развивается в России. Статья направлена на исследование цифровой зрелости банковских организаций и их готовности к глобальным переменам в рамках цифровой трансформации. Автор обращает внимание на несколько ключевых аспектов, таких как системы быстрых платежей (СБП), платежные стикеры, Buy Now Pay Later (BNPL) и введение Цифрового рубля.

Актуальность проведенного исследования состоит в выявлении значимости цифровых технологий для улучшения эффективности и удобства финансовых операций, а также рассматривает их потенциал и возможные риски. Методологическая база исследования опирается на анализ данных информационно-аналитических обзоров агентства цифрового аудита SDI360 совместно с экспертами из партнерских компаний. В целом, статья представляет собой обзор современных тенденций цифровизации в банковской сфере и подчеркивает их важность для развития отрасли.

Практическая значимость данной статьи заключается в том, что она поможет банковским специалистам и руководителям лучше понять современные тенденции цифровизации и их влияние на банковскую сферу. Это позволит им принимать более обоснованные решения при разработке и внедрении цифровых стратегий, а также улучшить качество предоставляемых услуг и операций.

Научная значимость статьи заключается в том, что она предоставляет анализ современных тенденций цифровизации в банковской сфере на основе актуальных данных и исследований. Это может быть полезно для ученых, студентов и всех, кто интересуется развитием банковской отрасли в контексте цифровой экономики. Также статья может послужить основой для дальнейших исследований в этой области.

Таким образом, статья о современных тенденциях цифровизации в банковской сфере имеет как практическую, так и теоретическую значимость, способствуя развитию банковской отрасли и научному пониманию цифровой трансформации в этой сфере.

Ключевые слова: цифровизация, банковская сфера, цифровой рубль, цифровая зрелость банков, тренды цифровизации

Для цитирования: Лебедева Н. Ю., Колосов А. И., Лобачева Е. С. Современные тенденции цифровизации в банковской сфере // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 2. С. 114–120. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-114-120>. EDN XBIJDG

Modern trends of digitalization in the banking sector

Natalia Yu. Lebedeva¹, Artem I. Kolosov², Ekaterina S. Lobacheva³

^{1,2,3}Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

¹nlebedeva@sfedu.ru

³esvidchenko@sfedu.ru

Abstract. The article examines the current trends in the digitalization of the banking sector, analyzing the impact of new technologies on banking services and operations, which is an integral part of the modern world and is actively developing in Russia. The article is aimed at researching the digital maturity of banking organizations and their readiness for global changes within the framework of digital transformation. The author draws attention to several key aspects, such as fast payment systems (SBPs), payment stickers, Buy Now Pay Later (BNPL) and the introduction of the Digital Ruble.

The relevance of the study is to identify the importance of digital technologies to improve the efficiency and convenience of financial transactions, and considers their potential and possible risks. The methodological base of the study is based on the analysis of data from information and analytical reviews of the SDI360 digital audit agency together with experts from partner companies. In general, the article provides an overview of current trends in digitalization in the banking sector and emphasizes their importance for the development of the industry.

The practical significance of this article lies in the fact that it will help banking professionals and managers to better understand current trends in digitalization and their impact on the banking sector. This will allow them to make more informed decisions when developing and implementing digital strategies, as well as improve the quality of services and operations provided.

The scientific significance of the article lies in the fact that it provides an analysis of current trends in digitalization in the banking sector based on current data and research. This can be useful for scientists, students and anyone interested in the development of the banking industry in the context of the digital economy. The article can also serve as a basis for further research in this area.

Thus, the article on current trends in digitalization in the banking sector has both practical and theoretical significance, contributing to the development of the banking industry and scientific understanding of digital transformation in this area.

Keywords: digitalization, banking sector, digital ruble, digital maturity of banks, digitalization trends

For citation: Lebedeva N. Yu., Kolosov A. I., Lobacheva E. S. Modern trends of digitalization in the banking sector. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(2):114–120. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-114-120>. EDN XBIJGD

Цифровизация является одним из ключевых трендов в современном мире, затрагивающим практически все отрасли экономики. Банковская сфера не стала исключением, и сегодня многие финансовые учреждения активно внедряют цифровые технологии для улучшения качества обслуживания клиентов, оптимизации бизнес-процессов и повышения эффективности работы [1, с. 112].

Информационная база: для проведения исследования о современных тенденциях цифровизации в банковской сфере использованы данные из следующих источников официальной статистики банковской отрасли, предоставляемой регуляторами и государственными учреждениями, а также открытые данные о развитии цифровых технологий, платежных систем, мобильных приложений и других аспектах цифровизации банковской сферы [2, с. 96].

Объектом исследования послужили современные тенденции цифровизации в банковской сфере.

Для анализа современных тенденций цифровизации в банковской сфере использован метод анализа статистических данных о цифровизации банковской сферы, таких как объем цифровых транзакций, рост использования мобильных приложений и онлайн-банкинга, динамика развития цифровых платежных систем и т.д., а также исследование отчета агентства цифрового аудита SDI360 [3, с. 122].

Прошел уже год с момента ухода зарубежных вендеров с отечественного рынка, за этот временной промежуток банковской сфере пришлось преодолеть экстренный переход к новым отечественным

технологическим решениям [4]. Одной из особо трудных задач для исследуемой отрасли являлось замещение SSL-сертификатов, обеспечивающих безопасность сайтов и персональных данных, но данный этап был успешно преодолен. С осени 2022 года ведется переход на сертификаты Национального удостоверяющего центра под управлением Минцифры, так, к февралю 2023 года было выдано более 7000 доменных имен, данная мера была необходима, так как без данного сертификата оплата через онлайн-сервисы была бы затруднена, небезопасна или вовсе недоступна. Помимо того требовалось также перейти от иностранных систем баз данных, в основном это была Oracle, к отечественным, однако было найдено решение и этой проблемы – Система управления базами данных на PostgreSQL (открытый, общедоступный код), так, что к концу весны 2022 года во многих отечественных банках уже применялась данная система.

В целом, к марту 2023 года стало понятно, что участники финансового сектора, в частности банки, в общем были готовы к нештатным ситуациям в силу того опыта, что был накоплен за годы работы по поддержке и обслуживанию всех продуктов [5, с. 137] Таким образом, критической ситуации в данной отрасли не наблюдалось, хотя по мере перехода на новое ПО и его обновлений ещё возникают провалы в степени защиты.

Ввиду неблагоприятной экономико-политической обстановки в стране, мегарегулятором были приняты меры по оздоровлению банковского сектора, следствием которых стал уход с рынка многих кредитных организаций. Так, по данным Банка России, на начало октября 2023 года в стране действовало 360 кредитных организаций (324 банка и 36 небанковских КО), что на 95 меньше показателей октября 2019 года.

Санация рынка банковских услуг привела к концентрации данного сектора на крупных банках, имеющих свои экосистемы и мощную технологическую базу, за счет чего в первом полугодии 2023 года были достигнуты рекордные объемы прибыли в 1,7 трлн руб.¹, однако на фоне положительного исхода, главным недостатком в данной сфере является перераспределение ресурсов в пользу крупных игроков, что в свою очередь может повлечь риск монополизации банковского сектора, а соответственно перед регулятором возникает новая задача, которая заключается в поиске новых рычагов по стимулированию конкуренции [6–7]. Многие эксперты утверждают, что в погоне за лидерами рынка остальным банкам необходимы серьезные инвестиции, а главным движущим механизмом для достижения данной цели является именно цифровизация финансовых услуг для населения [4; 8].

Агентством цифрового аудита SDI360 совместно с экспертами из партнерских компаний была проведена оценка цифровой зрелости розничных банков за последние 2 года. В выборку в целях исследования включили крупнейшие по объему активов банки, а анализ вели по шести популярным банковским продуктам: кредитные и дебетовые карты, кредиты населению (потребительский, автокредит и ипотека), а также вклады (депозиты). Специфика данных продуктов выявлялась посредством анализа онлайн-анкет, продуктовых страниц, маркетплейсов и качества SEO-продвижения.

В общем рейтинге по анализу цифровой зрелости представлено 60 банков, рассмотрим топ-10 банков по уровню цифровизации, данный рейтинг отражен в табл. 1.

Исходя из исследования первое место занял Тинькофф Банк, а в пятерку лидеров вошли ВТБ, Промсвязьбанк (ПСБ), Открытие и Альфа-Банк. Исходя из данных исследования можно заключить:

- большинство сайтов банков адаптированы под разрешения экранов смартфона, планшета и ноутбука;

- после ухода многих социальных сетей, лидером среди платформ, которые используются банками стал ВКонтакте (VK), данной платформой активно пользуются большинство исследуемых банков, также некоторые организации используют «Одноклассники» и «Телеграм»;

- почти 94% банков, в заботе о клиентах, стремятся представлять свои мобильные приложения хотя бы в одном магазине приложений, а также собственный сайт;

- примерно 33% банков интегрировали чат-бот для работы с клиентами на одной из платформ, при этом большинство из них внедрили чат-боты на двух платформах: сайт и Телеграм;

- половина из рассматриваемых банков для удаленной идентификации клиентов применяют единую биометрическую систему (Госуслуги).

¹ Мишин М. Что будет с банковской системой России.[Электронный ресурс]. URL: <https://rbc.ru/turbo-pages.org/rbc.ru/s/industries/news/6528f7399a7947cf81a99b38> (дата обращения 18.10.2023 года).

Таблица 1 – Цифровая зрелость розничных банков в 2023 году¹

Table 1 – Digital maturity of retail banks in 2023

Результаты рейтинга		Компания	Место по размеру активов на 1 апреля 2021	Представленность в интернете		Продвижение и коммуникации		Онлайн продажи	
Место в общем рейтинге	Количество баллов			Место в категории	Количество баллов	Место в категории	Количество баллов	Место в категории	Количество баллов
1	310	Тинькофф Банк	14	1	115	1	90	3	105
2	300	ВТБ	2	2	115	2	90	7	95
3	285	Промсвязь-банк	4	4	105	4	85	8	95
4	285	Открытие	9	6	100	8	75	1	110
5	280	Альфа-Банк	5	5	105	11	65	2	110
6	280	Совкомбанк	10	7	100	5	85	9	95
7	275	Сбербанк	1	3	110	3	90	23	75
8	270	Уральский Банк Реконструкции и Развития	32	8	100	9	70	5	100
9	250	Газпром-банк	3	9	100	12	65	16	85
10	240	РНКБ	29	10	100	19	55	17	85

После того, как у пользователей финансовых услуг возникла проблема с оплатой «телефоном», банки в экстренном порядке начали разрабатывать пути разрешения данной ситуации, в результате чего у клиентов взамен Google Pay и Apple Pay появилась возможность испробовать новый продукт – платежный стикер [9]. Платежный стикер фактически является дебетовой картой клиента с NFC меткой, но новизна заключается в том, что данный стикер крепится на заднюю часть смартфона, что позволяет оплачивать товары и услуги намного быстрее и комфортнее. Приобрести такой стикер можно на сайтах почти всех банков, входящих в топ по финансовой зрелости, представленный выше, финансовые условия обслуживания данных платежных инструментов различны, поэтому перед заказом стоит ознакомиться с ними на официальных сайтах интересующих банков.

В силу того, что онлайн переводы и платежи постепенно набирают популярность в последнее время популярным инструментом для совершения данных операций стала система быстрых платежей (СБП) – это сервис от Банка России и Национальной платежной системы, который позволяет мгновенно и без комиссии в рамках лимита совершить перевод по номеру телефона себе в другой банк или себе из другого банка через любой сервис дистанционного обслуживания банка: мобильное приложение или личный кабинет (интернет-банк), а также произвести оплату с помощью QR-кода. По требованию Банка России сервис СБП должны внедрить все банки с универсальной лицензией, которые являются участниками платежной системы «Мир», причем с 1 апреля 2024 года вводится обязанность для кредитных организаций обеспечить такие переводы между юридическими лицами.

¹ Составлено автором на основании данных. URL: https://sdi360.ru/banks_23 (дата обращения 18.10.2023 года).

Ещё одним достаточно новым инструментом является BNPL- сервис или покупка в беспроцентную рассрочку, если дословно «buy now, pay later» – «покупай сейчас, плати потом»¹. Данный сервис позволяет разделить оплату покупки на несколько равных частей в краткие сроки, его главное отличие от классической рассрочки в канале оплаты – обычно BNPL оформляют в онлайн-магазинах или через мобильное приложение, без заключения кредитного договора, при этом кредитный рейтинг клиента не важен. В России впервые данный сервис внедрили в 2021 году в проектах: «Долями» от «Тинькофф» и «Сплит» от Яндекса, на август 2023 года помимо данных проектов функционируют: «Подели» от «Альфа-банка», «Плати частями» от Сбербанка и «Халва частями» от «Совкомбанка». При этом, в случае необходимости возврата товара, приобретенного за средства BNPL процесс такой же, как и при обычной покупке: необходимо обратиться в магазин, оформить возврат, после чего деньги вернутся на карту. Более подробно BNPL-сервис описан на рис. 1.

Рис. 1. Структура BNPL-сервиса²
 Fig. 1. Structure of BNPL-service

С 1 августа 2023 года в России вступил в силу закон о цифровом рубле. Цифровой рубль представляет собой дополнительную форму национальной валюты, которая также, как и традиционные наличные деньги эмитируется Банком России в цифровом виде [6]. Цифровая валюта совмещает свойства наличных и безналичных рублей при этом может менять свою форму, то есть из можно перевести в различную форму даже при отсутствии доступа в Интернет. В условиях современности безналичные платежи становятся все более популярны, а соответственно цифровой рубль сможет обеспечить более безопасные и доступные в отдалении от финансовых организаций платежи и переводы.

Согласно стратегии Банка России по цифровой трансформации финансового рынка была определена пилотная группа банков для тестирования цифрового рубля. Изначально Банком России была определена пилотная группа, состоящая из 15 банков, в неё были включены Тинькофф и СберБанк, однако позже их количество сократилось до 13. В пилотную группу вошли: Альфа-банк, банк «ДОМ.РФ»,

¹ Buy now pay later users to reach over 900 million globally by 2027, driven by low cost of credit by JUNIPER RESEARCH [Электронный ресурс] URL: <https://www.juniperresearch.com/press/bnpl-users-reach-over-900-million-by-2027> (дата обращения 19.10.2023 года)и

² Составлено авторами по данным URL: <https://journal.tinkoff.ru/bnpl/> и <https://frankmedia.ru/119616> (дата обращения 18.10.2023 года)и

«Ингосстрах банк», ВТБ, ГПБ, «Киви банк», банк «Ак барс», МТС-банк, Промсвязьбанк, «Синара», Росбанк и ТКБ банк¹.

Первый этап тестирования операций с цифровым рублем стартовал 15 августа 2023 года, на данном этапе тестируются активные операции по открытию кошельков в цифровой валюте, а также переводы в цифровых рублях между клиентами: физическими и юридическими лицами, как известно в тестировании приняли участие около 600 физических и 30 юридических лиц в 11 городах России. Главными целями пилотирования является проверка функционала платформы цифровой валюты, а также анализ заинтересованности и готовности привлеченных к тестированию клиентов пользоваться новой формой валюты.

Несколько участников пилотной группы уже дали комментарии по ходу тестирования новой формы национальной валюты, на данный момент проводится проверка платформы цифрового рубля её удобство и доступность для потенциальных клиентов, что поможет выделить возможные недочеты и скорректировать их. Так, с начала теста специалистами ПСБ было открыто более 40 цифровых кошельков и совершено множество переводов и оплат через QR-код с использованием цифровой платформы. Штатное тестирование проводится и в «Ингосстрах банке» на данный момент операции с цифровым рублем доступны в 12 офисах банка в 11 городах. Как отмечают сотрудники банков сервис является достаточно быстрым, удобным и интуитивно понятным, не смотря на возникшие в процессе внедрения технические сложности, которые удавалось оперативно устранить².

Поэтапное внедрение цифровой валюты будет происходить и на протяжении 2024 года, а массовое внедрение планируется в 2025 году, так, что большой спрос на операции с цифровым рублем ожидается в 2025–2027 годах.

В заключение стоит отметить, что современные тенденции цифровизации в банковской сфере играют ключевую роль в развитии и улучшении финансовых операций. Внедрение дистанционных сервисов ведения финансовых операций значительно повышает эффективность и удобство банковских услуг для клиентов [10]. Однако, необходимо учитывать потенциальные риски, связанные с использованием новых технологий, такие как безопасность данных и возможные финансовые мошенничества. В целом, цифровизация банковской сферы является неотъемлемой частью ее развития и позволяет создать инновационную и удобную среду для клиентов.

Список источников

1. Евлахова Ю. С., Алифанова Е. Н. Связи российских системно значимых банков по структуре ответственности как фактор системного риска // Естественно-гуманитарные исследования. 2020. № 31 (5). С. 110–117.
2. Золотова Л. В., Павлова М. М., Портнова Л. В. Современное состояние, тенденции и перспективы развития банковского сектора и рынка банковских услуг. – Волгоград: Изд-во «Сфера», 2022. – 96 с.
3. Лебедева Н. Ю. Устойчивый банкинг в модели устойчивого развития экономики // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. 2018. № 1. С. 121–124.
4. Петрова Л. А., Кузнецова Т. Е. Цифровизация банковской системы: цифровая трансформация среды и бизнес-процессов // Финансовый журнал. 2020. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-bankovskoy-sistemy-tsifrovaya-transformatsiya-sredy-i-biznes-protsessov> (дата обращения: 23.10.2023)
5. Назаренко Г. В., Лебедева Н. Ю. Риски экосистемной модели развития банковского сектора экономики России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 3. С. 135–140.
6. Каритич Н. И. Риски концентрации российской банковской системы // Финансовые рынки и банки. 2022. № 9. С. 45–48.
7. Кравец Л. Г., Потапова С. В. Системная значимость субъектов финансового рынка и критерии ее признания // Известия УрГЭУ. 2016. №5 (67). С. 124–127.

¹ Цифровой рубль. Сайт Банка России [Электронный ресурс] URL: https://cbr.ru/fintech/dr/#a_123392 (дата обращения: 19.10.2023 года).

² Кузьмичева А. «Продукт с большим потенциалом». Как начался новый пилот цифрового рубля [Электронный ресурс] URL: <https://rbc-ru.turbopages.org/rbc.ru/s/crypto/news/6504642d9a794714ecd232b9> (дата обращения: 19.10.2023 года).

8. Решетов К. Ю., Лосев М. В. Цифровизация в банковской сфере // Вестник НИБ. 2021. № 43. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-v-bankovskoy-sfere> (дата обращения: 23.10.2023)
9. Zhou C. Are Banks Too Big to Fail? Measuring Systemic Importance of Financial Institutions // *International Journal of Central Banking*. 2010.
10. Подколзина И. М., Жерелина О. Н. Цифровая трансформация экономики России // Проблемы экономики и юридической практики. 2019. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-transformatsiya-ekonomiki-rossii> (дата обращения: 23.10.2023).

References

1. Yevlakhova Y. S., Alifanova Y. N. Connections of Russian systemically significant banks by ownership structure as a factor of systemic risk. *Natural-humanitarian research*. 2020;31(5):110–117. (In Russ.)
2. Zolotova L. V., Pavlova M. M., Portnova L. V. *Modern state, trends and prospects-you development of the banking sector and the banking services market*. Volgograd; 2022. 96 p. (In Russ.)
3. Lebedeva N. Yu. Sustainable Banking in the Model of Sustainable Development of Economy. *Bulletin of North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov*. 2018;(1):121–124. (In Russ.)
4. Petrova L. A., Kuznetsova T. E. Digitalization of the banking system: digital transformation of the environment and business processes. *Financial journal*. 2020;(3). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-bankovskoy-sistemy-tsifrovaya-transformatsiya-sredy--biznes-protsessov> [Accessed 23 October 2023]. (In Russ.)
5. Nazarenko G. V., Lebedeva N. Y. Risks of ecosystem model of development of banking sector of economy of Russia. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2021;(3):135–140. (In Russ.)
6. Karitich N. I. Risks of concentration of the Russian banking system. *Financial markets and banks*. 2022;(9):45–48. (In Russ.)
7. Kravets L. G., Potapova S. V. System significance of financial market subjects and criteria for its recognition. *Izvestia UrSU*. 2016;5(67):124–127. (In Russ.)
8. Reshetov K. Y., Losev M. V. Digitalization in the banking sector. *Bulletin of the NIB*. 2021;(43). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-v-bankovskoy-sfere> [Accessed 23 October 2023]. (In Russ.)
9. Zhou C. Are Banks Too Big to Fail? Measuring Systemic Importance of Financial Institutions. *International Journal of Central Banking*. 2010.
10. Pospelova I. M., Gerelina O. N. Digital transformation of the Russian economy. *Problems of economy and legal practice*. 2019;(2). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-transformatsiya-ekonomiki-rossii> [Accessed 23 October 2023].

Информация об авторах

Н. Ю. Лебедева – кандидат экономических наук, доцент кафедры бухгалтерского учета и аудита ЮФУ.
А. И. Колосов – магистрант 1 курса направления подготовки 38.04.01 Экономика, ЮФУ.
Е. С. Лобачева – студент 4 курса направления подготовки 38.03.01 Экономика, ЮФУ.

Information about the authors

N. Yu. Lebedeva – Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor of Department of Accounting and Audit, Southern Federal University.
A. I. Kolosov – Master Student of 1 Course of Training «Economics», Southern Federal University.
E. S. Lobacheva – Student of the 4th Course of Training «Economics», Southern Federal University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.05.2024; одобрена после рецензирования 01.06.2024; принята к публикации 02.06.2024.

The article was submitted 11.05.2024; approved after reviewing 01.06.2024; accepted for publication 02.06.2024.

Original article

Trends and factors of green regional economy development: theoretical-research aspect

Liu Lei¹, Elena I. Lazareva²

^{1,2}Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

¹Xinyang Agriculture and Forestry University, Xinyang, China

¹leiliu@sfedu.ru, <https://orcid.org/0009-0007-2352-3161>

²elazareva@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5829-5372>

Abstract. With the deepening of industrialization, modernization and urbanization, global environmental and resource problems are becoming more and more serious, and the development of a green economy is becoming an important global trend that is also reflected at the regional level. The *goal* of the study is to analyze the key factors determining green economic trends and to attempt to determine the future directions of these trends themselves. The *methodological* basis of the study was formed by analytical and comparative methods, as well as relevant works of scientists devoted to the study of trends and factors of green economy development, primarily in the regional context. The *results* of the analysis show that, firstly, the connotation of the essence of the green economy is constantly evolving and becoming broader. The Sustainable Development Goals perspective emphasizes that a green economy is a low-carbon, environmentally friendly and sustainable model of the dynamic trajectory. Secondly, the system of relevant tools for assessing and indicating the trends of the green economy is becoming increasingly multidimensional in terms of reflecting the parametric characteristics of environmentally oriented development of the regional economy. Thirdly, there is a gradual transformation in the methods of researching the factors of impact on the green economy development, expressed in the transition from unilinear causal analysis to multidimensional non-linear network one, covering not only explicit but also implicit factors. It is shown that future research in this area will be increasingly interdisciplinary, practically orientated towards the development of regional green policies.

Keywords: green regional economy, factors, development trends, theoretical-research aspect

Acknowledgments: The research was carried out at the Southern Federal University with the support of the Russian Science Foundation (project No. 24-28-01624) and of the Young Teachers' Research Fund of Xinyang Agricultural and Forestry University China (Grant No. QN2021043).

For citation: Liu Lei, Lazareva E. I. Trends and factors of green regional economy development: theoretical-research aspect. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2024;(2):121–127. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-121-127>. EDN XNXXUK

Проблемы экономики

Научная статья

УДК 338.23

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-121-127>

EDN XNXXUK

Тренды и факторы развития зеленой экономики региона: теоретико-исследовательский аспект

Лю Лэй¹, Елена Иосифовна Лазарева²

^{1,2}Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹Синьянский университет сельского и лесного хозяйства, Синьян, Китай

¹leiliu@sfedu.ru, <https://orcid.org/0009-0007-2352-3161>

²elazareva@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5829-5372>

Аннотация. С углублением индустриализации, модернизации и урбанизации глобальные экологические и ресурсные проблемы становятся все более серьезными, и развитие зеленой экономики становится значимой мировой тенденцией, находящей отражение и на региональном уровне.

Цель исследования – анализ ключевых факторов, детерминирующих «зеленые» экономические тренды, а также попытка определить будущие направления самих этих трендов. *Методологическую* основу исследования составили аналитический и компаративный методы, а также актуальные труды ученых, посвященные изучению трендов и факторов развития зеленой экономики, прежде всего, в региональном разрезе. *Результаты* анализа показывают, что, во-первых, коннотация сущности «зеленой» экономики постоянно эволюционирует и становится все более широкой. В ракурсе достижения целей устойчивого развития подчеркивается, что «зеленая» экономика – это низкоуглеродная, экологически чистая и устойчивая модель динамической траектории. Во-вторых, система актуальных инструментов оценки и индикации трендов зеленой экономики становится все более многоаспектной в ракурсе отражения параметрических характеристик экологически ориентированного развития региональной экономики. В-третьих, наблюдается постепенная трансформация методов исследования факторов воздействия на развитие зеленой экономики, выражающаяся в переходе от однолинейного причинно-следственного анализа к многомерному нелинейному сетевому анализу, охватывающему не только явные, но и неявные факторы. Показано, что будущие исследования данной сферы будут все более междисциплинарными, практически-ориентированными на выработку региональной «зеленой» политики.

Ключевые слова: зеленая экономика региона, факторы развития, тренды развития, теоретико-исследовательский аспект

Благодарности: исследование выполнено в Южном федеральном университете при поддержке Российского научного фонда (проект № 24-28-01624) и Фонда исследований молодых преподавателей Синьяннского сельскохозяйственного и лесотехнического университета Китая (грант № QN2021043)

Для цитирования: Лю Лэй, Лазарева Е. И. Тренды и факторы развития зеленой экономики региона: теоретико-исследовательский аспект // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 2. С. 120–126. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-120-126>. EDN XNXXUK

The connotation and extension of green economy

Since the beginning of the 21st century, the world has witnessed various crises brought about by the development of the «black» economy. Against the backdrop of increasingly depleted resources and weakened environmental carrying capacity, the world, especially developing countries, is forced to re-examine the relationship between economic growth and resource environment. In the context of global high emphasis on sustainable development, advocating the concept of low energy consumption and high efficiency green economy has become a research hotspot in the current economic field. The understanding of its essence and connotation is gradually deepening and presenting knowledge innovation.

As a cutting-edge economic concept widely involved in society, green economy has multiple understandings at various levels, regions, and times, partly due to its theoretical ambiguity. Therefore, tracking the research trajectory of green economy and summarizing relevant research progress have important academic value and practical significance for us to clarify the connotation of green economy, establish a scientific theory and methodology system of green economy, formulate green economy strategies and policies, and achieve the transformation and application research of green economy.

This article aims to analyze the connotation of green economy and related hot topic research, providing more possibilities for in-depth exploration of green economy research.

As early as the 1970s and 1980s, international organizations proposed sustainable development strategies. To promote the implementation of sustainable economic development on a global scale, a series of sustainable development paradigms have been proposed in both theoretical and practical fields. Among them, green economy advocates achieving coordinated development of economy, society, and environment, which is a key way for developing countries to move towards prosperity and prosperity [1–3]. The concept of green economy was first proposed by British environmental economist Pearce in his work "Green Economy Blueprint" in 1989 [4]. The core idea is that economic development should be within the range of natural environment and human affordability, and build a sustainable economy. "Green" does not only refer to the color in people's traditional cognition, but more symbolizes vitality and vigor.

The green economy is proposed relative to the "black" economy that traditional industry damages the ecological environment. The term "early green economy" was often used by environmental economists, highlighting the ecological attributes of the development goals of green economy. In 2007, the United Nations Environment Programme (UNEP) defined the green economy as an economic form that emphasizes harmonious coexistence between humans and nature, and can create decent and high paying employment.[5] The proposal of this concept marks the transformation of the development goal of green economy from a single ecological benefit to an ecological economic benefit, which has led to a series of emerging concepts such as green new policies, green investment, and green growth. During this period, research on green economy gradually expanded to the practical field of national economic system transformation. The United States, Europe, Japan, and others have also successively introduced green policies, providing rich practical materials for the evolution of the connotation of green economy.

In a report released by the UNEP in 2011, the definition of a green economy was further revised to «an economic development model that greatly reduces environmental damage and ecological scarcity while improving human well-being and social equity» [6].

Compared to the previous period, the significant change in this concept lies in its emphasis on the social dimension of green economy, which includes social progress such as improving social welfare, improving social quality, and promoting social development [7]. Afterwards, relevant research no longer only focused on ecological governance and economic benefits, but also incorporated the three dimensions of ecology, economy, and society into a unified framework to jointly explore future economic development goals [8]. The International Green Economy Association defines green economy as an economic development model aimed at achieving economic development, social progress, and environmental protection, based on low-carbon, green, and circular development of industrial economy, and expressed in the form of sustainable development proportional to resource conservation, environmental friendliness, and economic growth. The goal is to improve human welfare and guide the transformation of human society from "industrial civilization" to "ecological civilization". This concept highlights the comprehensiveness and complexity of the green economy system.

To this day, the connotation and related theories of green economy are still under continuous exploration and improvement. With the passage of time and the logical development of human understanding of the relationship between environment and economy, the understanding of the development goals of green economy around the world has gradually shifted from a single development perspective to a comprehensive development perspective, and the scope of defining green economy has also continued to expand [9].

Methodology for analyzing trends and factors of green regional economy development

The aim of the analysis is to systematize methodological approaches to the factors and trends in the development of green economy of regional systems studying. The achievement of this goal was carried out on the methodological basis of the innovative cyclic paradigm of environmentally sustainable development, focused on improving the quality of the environment and effective-fair achievement of strategic (long-term) economic goals [10]. In addition, an important place in the methodology was taken by analytical and comparative methods, which allow us to form a complex interrelation of parameters characterizing the factors of green economy development in the region.

Results of analyzes of trends and factors of green regional economy development

The evaluation of green economic development is a quantitative expression of the connotation of green economy and an important means of measuring the level of green economic development. The development path of evaluation research is closely related to the enrichment of the connotation of green economy. At present, research on the evaluation of green economy development can be mainly divided into two research paradigms: single indicator evaluation and comprehensive system evaluation. Single indicator evaluation mainly focuses on a specific aspect of green economic development, such as energy consumption, environmental pollution, economic benefits, etc. Common single indicators include energy intensity, environmental pollution index, green GDP, carbon productivity, etc. These indicators can to some extent reflect the development level of green economy, but they are difficult to fully reflect the connotation of green economy. For example, a low energy intensity can indicate the development of a green economy, but focusing solely on energy consumption cannot comprehensively evaluate the development of a green economy. Therefore, the single indicator evaluation method has limitations in practical application.

The comprehensive system evaluation uses multiple indicators to comprehensively evaluate the development of green economy. This type of method comprehensively considers multiple dimensions of green economy, including ecology, economy, and society, and has a high degree of comprehensiveness in evaluation [11]. Common comprehensive evaluation systems include the United Nations Human Development Index (HDI), the United Nations Environment Programme's Green Economy Progress Index, the Global Green Growth Association's Global Green Growth Index, and China's Green Development Index. The Human Development Index takes into account factors such as lifespan, education, and living standards; The United Nations Environment Programme has established a green economy measurement framework from three dimensions: environmental issues, policy interventions, economic and social benefits, and human well-being; The Global Green Growth Index includes four aspects: green investment, green trade, green employment, and green innovation; The Green Development Index focuses on multiple aspects such as resource utilization, environmental pollution, and ecological damage. These comprehensive evaluation systems can better reflect the comprehensive development level of the green economy.

A large amount of research has been conducted internationally on the evaluation of green economy. Due to differences in research objectives, perspectives, and methods, different institutions and scholars have different choices of indicators for evaluating the development of green economy. However, the core concept and goals of green economy are still clear. Future evaluation research on green economy development will continue to focus on various aspects of environment, economy, and society, making more contributions to governments and enterprises in various countries to better promote green economy development and achieve sustainable development goals.

The study of the influencing factors of green economy is the exploration of various constraints and factors that promote the development of green economy, which can be analyzed from both macro and micro levels. At the macro level, it mainly includes the international political and economic situation, national policies, regional development patterns, etc. [12]. At the micro level, it includes corporate environmental awareness, technological innovation, market mechanisms, and so on. In addition, the development of green economy is also influenced by various factors such as social culture, ecological environment, and population structure.

There are currently two main research paradigms for empirical research on the factors influencing the development of green economy. One is to construct an econometric regression model to analyze the influencing factors of green economy. The second is to construct a mathematical model that incorporates the influencing factors of green economic growth into the economic growth framework. M. Noura et al.'s research explored the bidirectional causal relationship between green economy, finance, and clean technology variables [13]. The research results show that the realization of global low-carbon economic transformation needs to be coordinated with the application of clean technologies in the production process and the continuous digitization of the financial sector. The government's promotion of clean technology production and the growing interest of investors in fintech will all contribute to the growth of green economy.

R.U. Danish focused on the impact of environmental technology on green economy in BRICS economies, and found that environmentally related technologies have a positive contribution to green growth [14]. L. Jialin explored the influencing factors of China's green economy development by constructing a dynamic panel data model, and found that energy structure, industrial structure, technological innovation, and policy support have a significant promoting effect on the development of green economy [15]. L. Lijuan, C. Wei and X. Lingge analyzed the influencing factors of green economic development from the perspective of regional differences, and believed that the level of regional green economic development is constrained by various factors such as geographical environment, economic development level, industrial structure, and technological level [16].

The study of factors influencing the development of green economy is a systematic and comprehensive task, and its research methods have gradually shifted from single linear causal analysis to multivariate nonlinear network analysis, focusing not only on explicit factors but also on implicit factors. However, existing research has focused more on its direct impact, while the exploration of its impact mechanism is relatively insufficient. At the same time, in terms of heterogeneity testing, the research perspective is also relatively single, usually limited to conventional regional heterogeneity analysis. In order to comprehensively explore these influencing factors, future research needs to delve deeper into the correlation mechanisms between them. In addition, we can also conduct heterogeneity tests from different aspects such as differences in energy consumption intensity and levels of green economy, and discover the differentiated challenges faced by different regions in promoting green development, providing targeted recommendations for policy makers.

Discussion

Green economy is an economic model that focuses on sustainable development, emphasizes environmental protection, resource conservation, and ecological balance. This model not only focuses on economic benefits, but also emphasizes social and environmental benefits, committed to achieving harmonious coexistence between humans and nature. Through a research review of the connotation, evaluation methods, and influencing factors of green economy, this article aims to provide theoretical support and practical reference for research on the development of green economy.

The current green economy covers multiple fields such as green industry, green technology, and green consumption, comprehensively penetrating all aspects of economic activities such as production, distribution, exchange, and consumption. This also provides a large number of hot topics for the research of green economy, which not only involve theoretical innovation, but also need to solve practical problems. For example, the green economic growth model requires us to transform traditional development concepts and explore growth methods that meet the requirements of sustainable development. Green industry policies need to formulate policy measures that are conducive to environmental protection and resource conservation, and promote industrial transformation and upgrading; Green technology innovation means developing technologies with energy-saving and emission reduction effects to reduce environmental pollution in the production process. Green consumption encourages people to purchase environmentally friendly and low-carbon products to improve their quality of life. The green economy evaluation system requires the establishment of an indicator system that can comprehensively reflect the level of green economy development, in order to better monitor and evaluate the status of green economy development.

Conclusion

The global development trend of green economy indicates that governments and enterprises around the world are increasingly valuing the transformation of green economy, actively formulating relevant strategies and policies, and promoting the development of green economy. In this process, theoretical research and practical exploration promote each other, constantly enriching and developing green economy theory. Interdisciplinary research methods also provide new perspectives and ideas for green economy research, such as ecological economics, environmental economics, energy economics, etc. These interdisciplinary studies provide rich theoretical resources and methodological support for green economy research [17].

In short, green economy, as an emerging economic concept, is gradually gaining widespread attention and application worldwide. Faced with the challenges brought about by resource depletion and environmental degradation, we must deeply study the connotation and laws of green economy, actively explore the development mode of green economy, and promote the transformation of green economy. Through theoretical innovation and practical exploration, we are expected to achieve harmonious development between economic growth and resource environment, creating a green, harmonious, and sustainable future for humanity.

In future research, we should focus on the following aspects: firstly, continue to deepen the theoretical research of green economy, clarify the connotation and laws of green economy development. Secondly, pay attention to the process of formulating and implementing green economy policies, study policy effects and optimization plans. Thirdly, strengthen the research on the evaluation system of green economy and provide scientific basis for policy formulation. The fourth is to conduct interdisciplinary research, draw on research results from other fields, and provide new theoretical resources and methodological support for the green economy. The fifth is to strengthen international cooperation, jointly address global environmental issues, and promote the development of global green economy. Through these efforts, we believe that the concept of green economy will better serve the sustainable development of human society and contribute wisdom and strength to building a better home.

References

1. Kozlov S. N. "Green" economy as a factor of sustainable development of the region. *Bulletin NGIE*. 2020; 4(107):55–65. (In Russ.)
2. Lazareva E. I. Ecological parameterisation of trajectories of integration-cluster regional policy of innovative growth. *Economics of Nature using*. 2008;(3):69–77. (In Russ.)
3. Lazareva E. I. *National welfare as an integrated resource for innovation-oriented economic development: theory, methodology and research tools*. Rostov-on-Don. 2010; Diss. ... Doctor of Economic Sciences: 08.00.05 (In Russ.)

4. Pearce, D., Markandya, A., & Barbieri, B. *Blueprint for a green economy*. London, UK: Earthscan Publications Ltd. 1989.
5. *Green Jobs: Towards Decent Work in a Sustainable, Low-Carbon World*. UNEP. 2008. Retrieved from https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/126GER_synthesis_en.pdf [Accessed 10 December 2023]
6. *Towards a green economy: Pathways to sustainable development and poverty eradication – A synthesis for policy makers*. UNEP. 2011. Retrieved from https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/126GER_synthesis_en.pdf (Accessed 10 December 2023)
7. D'Amato, D., et al. Green, circular, bio economy: A comparative analysis of sustainability avenues. *Cleaner Production*. 2017; 168: 716-734. DOI: 10.1016/j.jclepro.2017.09.053
8. Tang X. Review of the Latest Development of Green Economy Theory. *Foreign Theoretical Trends*. 2014; 1: 125-132.
9. Zheng, D., Zang, Z., Sun, C. The Research Summary of Green Economy, Green Development and Green Transformation. *Ecological Economy*. 2015; 31(2): 64-68.
10. Lazareva E.I., Rivza B.A., Gavrilova J.V. The Sustainability Formula: A Human-Centered Strategy for Managing Economic Trends in the Context of ESG-Transformation. *Innovative Trends in International Business and Sustainable Management. Approaches to Global Sustainability, Markets, and Governance*. 2023; 1: 3-12. DOI: https://doi.org/10.1007/978-981-19-4005-7_1
11. Sarkodie S.A. et al. Green growth assessment across 203 economies: Trends and insights. *Sustainable Horizons*. 2024; 10: 100083. DOI: 10.1016/j.horiz.2023.100083
12. Scholastica A. Drivers of green economy in an emerging market: Generic and sector-specific insights. *Cleaner Production*. 2023; 425: 138857. DOI: 10.1016/j.jclepro.2023.138857
13. Noura M. et al. Analyzing the nexus of green economy, clean and financial technology. *Economic Analysis and Policy*. 2022; 76: 385-396. DOI: 10.1016/j.eap.2022.08.023
14. Danish R.U. How do environmental technologies affect green growth? Evidence from BRICS economies. *Science of The Total Environment*. 2020; 712: 136504. DOI: 10.1016/j.scitotenv.2020.136504
15. Jialin L. Study on Differences of Green Economic Growth Cross Provinces in China of Environmental Constraints – Based on Provincial Dynamic Panel Data Analysis. *Journal of Xiangtan University (Philosophy and Social Sciences)*. 2013; 37(02): 69-73. DOI: 10.13715/j.cnki.jxupss.2013.02.002
16. Lijuan L., Wei C., Lingge X. Research on Efficiency Measurement and Influencing Factors of Green Economy. *Journal of Regional Financial Research*. 2023; 11: 69-75.
17. Nourhane H. et al. Assessing the role of green economy on sustainable development in developing countries. *Heliyon*. 2023; 9: e17306. DOI: 10.1016/j.heliyon.2023.e17306

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Козлов С. Н. «Зеленая» экономика, как фактор устойчивого развития региона // Вестник НГИЭИ. 2020. № 4 (107). С. 55–65.
2. Лазарева Е. И. Экологическая параметризация траекторий интеграционно-кластерной региональной политики инновационного роста // Экономика природопользования. 2008. № 3. С. 69–77.
3. Лазарева Е. И. Национальное благосостояние как интегрированный ресурс инновационно-ориентированного развития экономики: теория, методология и инструментарий исследования. Ростов-на-Дону, 2010; дис. ... докт. экон. наук: 08.00.05.
4. Pearce, D., Markandya, A., & Barbieri, B. *Blueprint for a green economy*. London, UK: Earthscan Publications Ltd. 1989.
5. *Green Jobs: Towards Decent Work in a Sustainable, Low-Carbon World*. UNEP. 2008. Retrieved from https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/126GER_synthesis_en.pdf (Accessed 10 December 2023)
6. *Towards a green economy: Pathways to sustainable development and poverty eradication – A synthesis for policy makers*. UNEP. 2011. Retrieved from https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/126GER_synthesis_en.pdf (Accessed 10 December 2023)
7. D'Amato, D., et al. Green, circular, bio economy: A comparative analysis of sustainability avenues. *Cleaner Production*. 2017; 168: 716-734. DOI: 10.1016/j.jclepro.2017.09.053
8. Tang, X. Review of the Latest Development of Green Economy Theory. *Foreign Theoretical Trends*. 2014; 1: 125-132.
9. Zheng, D., Zang, Z., Sun, C. The Research Summary of Green Economy, Green Development and Green Transformation. *Ecological Economy*. 2015; 31(2): 64-68.

10. Lazareva, E.I., Rivza, B.A., Gavrilova, J.V. The Sustainability Formula: A Human-Centered Strategy for Managing Economic Trends in the Context of ESG-Transformation. *Innovative Trends in International Business and Sustainable Management. Approaches to Global Sustainability, Markets, and Governance*. 2023; 1: 3-12. DOI: https://doi.org/10.1007/978-981-19-4005-7_1
11. Sarkodie, S.A. et al. Green growth assessment across 203 economies: Trends and insights. *Sustainable Horizons*. 2024; 10: 100083. DOI: 10.1016/j.horiz.2023.100083
12. Scholastica, A. Drivers of green economy in an emerging market: Generic and sector-specific insights. *Cleaner Production*. 2023; 425: 138857. DOI: 10.1016/j.jclepro.2023.138857
13. Noura, M. et al. Analyzing the nexus of green economy, clean and financial technology. *Economic Analysis and Policy*. 2022; 76: 385-396. DOI: 10.1016/j.eap.2022.08.023
14. Danish, R.U. How do environmental technologies affect green growth? Evidence from BRICS economies. *Science of The Total Environment*. 2020; 712: 136504. DOI: 10.1016/j.scitotenv.2020.136504
15. Jialin, L. Study on Differences of Green Economic Growth Cross Provinces in China of Environmental Constraints – Based on Provincial Dynamic Panel Data Analysis. *Journal of Xiangtan University (Philosophy and Social Sciences)*. 2013; 37(02): 69-73. DOI: 10.13715/j.cnki.jxupss.2013.02.002
16. Lijuan, L., Wei, C., Lingge, X. Research on Efficiency Measurement and Influencing Factors of Green Economy. *Journal of Regional Financial Research*. 2023; 11: 69-75.
17. Nourhane, H. et al. Assessing the role of green economy on sustainable development in developing countries. *Heliyon*. 2023; 9: e17306. DOI: 10.1016/j.heliyon.2023.e17306

Информация об авторах

Лю Лэй – аспирант кафедры «Инновационный и международный менеджмент» факультета управления ЮФУ; преподаватель, Синьянский университет сельского и лесного хозяйства.

Е. И. Лазарева – доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой «Инновационный и международный менеджмент» факультета управления ЮФУ.

Information about the authors

Liu Lei – PhD student, Department "Innovative and International Management" of the Faculty of Management, Southern Federal University; Lecturer, Xinyang Agriculture and Forestry University.

E. I. Lazareva – Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of Department "Innovative and International Management" of the Faculty of Management of Southern Federal University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.03.2024; одобрена после рецензирования 21.05.2024; принята к публикации 22.05.2024.

The article was submitted 24.03.2024; approved after reviewing 21.05.2024; accepted for publication 22.05.2024.

Научная статья

УДК 351.711(470) (043)

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-128-133>

EDN XQAPPR

Актуализация вопросов возврата и совершенствования управления зарубежной государственной собственностью Российской Федерации

Татьяна Васильевна Мартыненко¹, Амина Вячеславовна Кислицкая²

^{1, 2}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

Автор, ответственный за переписку: Татьяна Васильевна Мартыненко, tatianamart@list.ru

Аннотация. В последнее время особую актуальность приобрели вопросы совершенствования управления российской государственной собственностью, расположенной за границей. Об этом свидетельствуют последние решения Президента РФ, дискуссии в экспертном сообществе и в научной литературе. Остро стоят проблемы защиты и предотвращения потери российских активов за границей, связанные с введенными зарубежными странами санкциями. Нуждается в улучшении нормативно-правовая база, регламентирующая управление такой собственностью. Требуется нестандартный подход к поиску и учету зарубежного имущества. Нужны новые инструменты, способствующие совершенствованию управления зарубежными российскими активами.

Ключевые слова: государственная зарубежная собственность, управление государственным имуществом за рубежом, федеральная собственность, учет, объекты, зарубежные государства, внешнее управление

Для цитирования: Мартыненко Т. В., Кислицкая А. В. Актуализация вопросов возврата и совершенствования управления зарубежной государственной собственностью Российской Федерации // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 2. С. 128–133. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-128-133>. EDN XQAPPR

Problems of Economics

Original article

Updating the issues of return and improvement of management of foreign state property of the Russian Federation

Tatiana V. Martynenko¹, Amina V. Kislitskaya²

^{1, 2}South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

Corresponding author: Tatiana V. Martynenko, tatianamart@list.ru

Abstract. Recently, the issues of improving the management of Russian state property located abroad have become particularly relevant. This is evidenced by the recent decisions of the President of the Russian Federation, discussions in the expert community and in the scientific literature. The problems of protecting and preventing the loss of foreign Russian assets related to the sanctions imposed by foreign countries are acute. The regulatory framework governing the management of such property needs to be improved. A non-standard approach to the search and accounting of foreign property is required. New tools are needed to improve the management of foreign Russian assets.

Keywords: state foreign property, management of state property abroad, federal property, accounting, facilities, foreign states, external management

For citation: Martynenko T. V., Kislitskaya A. V. Updating the issues of return and improvement of management of foreign state property of the Russian Federation. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2024;(2):128–133. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-128-133>. EDN XQAPPR

Введение

На протяжении всего существования вначале Российской империи, затем СССР и современной Российской Федерации в зарубежных странах присутствовали различные объекты собственности, которые принадлежали российскому государству. Эти объекты использовались для разных целей: здания под дипломатические миссии, культурные центры, культовые и культурные сооружения, военные базы и др. В разные периоды истории их количество существенно различалось.

В дореволюционный период Россия владела за рубежом большим количеством земельных участков. Только на нынешней территории Израиля было около 70 различных объектов недвижимости, включая церкви, монастыри, подворья, больницы, а на побережье современной Ниццы располагался православный храм, лесные угодья¹. Имела Россия за границей также производственные объекты и финансовые ресурсы: судовой верфи, заводы, банковские счета, золото и облигации.

Большая часть дореволюционного имущества была безвозвратно потеряна, так как большевики отказались быть правопреемниками дореволюционной России, но некоторые объекты удалось вернуть уже в современный период: Свято-Николаевский собор во Франции, Сергиевское Подворье в Иерусалиме, подворье, принадлежащее русской православной церкви в городе Бари в Италии и еще около четырех тысяч различных объектов².

Актуальность исследования вопросов управления зарубежной государственной собственностью РФ связана с новым распоряжением³ российского президента, позволяющим выделять субсидии унитарному предприятию «Госзагрансобственность», с целью активизации «поиска государственной собственности РФ, а также бывших СССР и Российской Империи за рубежом»⁴.

По мнению различного рода экспертов этот шаг является ответом России на многочисленные санкции и попытки украсть российскую собственность за рубежом, зачастую под совершенно выдуманными предлогами. Это решение является достаточно радикальным, так как Россия объявила о намерении вернуть все, что было украдено за последние пятьсот лет.

Результаты и обсуждения

Теория и методология нашего исследования опирается на духовный подход к общественному развитию, в соответствии с которым современная Россия является продолжательницей и хранительницей традиций всей российской цивилизации, начиная с древнейших времен; необходимость учитывать социальные, культурные, ментальные и экономические особенности России; духовно-нравственное осмысление всей управленческой и хозяйственной практики [1–2].

Последние решения Президента РФ соответствуют представлениям духовного подхода о преемственности всех социально-экономических систем, существовавших на территории России за последние пятьсот лет, следовательно и о правомерности поиска и возврата всей собственности, принадлежащей в зарубежных странах российскому государству.

Научных работ, посвященных зарубежной государственной собственности России, совсем мало. В основном это статьи, монографии и диссертации юристов, но есть и работы экономистов [3–7]. В них рассматриваются чаще всего вопросы правовой защиты зарубежной собственности российского государства, ее оформления и эффективного управления.

Следует отметить, что управление государственным имуществом в зарубежных государствах существенно отличается от управления аналогичным имуществом на территории РФ, так как внутри нашей страны имущество регулируется на основе нашего национального права, а зарубежное имущество российского государства и частных лиц регулируется на основе национального права той страны, в которой оно находится.

¹Россия вернёт земли Ниццы и Иерусалима: Путин поручил разобраться с украденной недвижимостью // URL: Царьград. <https://dzen.ru/a/Za6fArG-NBstn7aP> (дата обращения: 20.01.2024).

²Какая собственность России находится за рубежом // URL: <https://russian7.ru/post/kakaya-sobstvennost-rossii-nakhodits/> (дата обращения: 24.01.2024).

³Распоряжение Президента Российской Федерации от 18.01.2024 № 21-рп (Об определении ФГУП "Предприятие по управлению собственностью за рубежом" Управления делами Президента Российской Федерации получателем субсидии на финансовое обеспечение затрат) // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202401180021> (дата обращения: 24.01.2024).

⁴Зачем Путин поручил найти российскую государственную зарубежную собственность // URL: <https://sensaciy.net/zachem-putin-poruchil-nayti-rossiyskuyu-gosudarstvennuyu-zarubezhnuyu-sobstvennost/> (дата обращения: 22.01.2024).

Зарубежная государственная собственность РФ управляется на основе ряда подзаконных актов: указа Президента РФ¹, Постановления Правительства РФ². Федеральный закон разрабатывался, но президент его отклонил.

Управляют зарубежным имуществом **главное управление международного сотрудничества при** Управлении делами Президента Российской Федерации и Министерство иностранных дел Российской Федерации. На рис. 1 дается структура органа управления зарубежной собственностью в рамках президентской администрации. Рис. 1 показывает, что непосредственное отношение к управлению имеют два отдела: отдел зарубежной собственности и международного сотрудничества и отдел поиска и юридической защиты государственной собственности за рубежом, а остальные отделы отвечают только за отдельные вопросы.

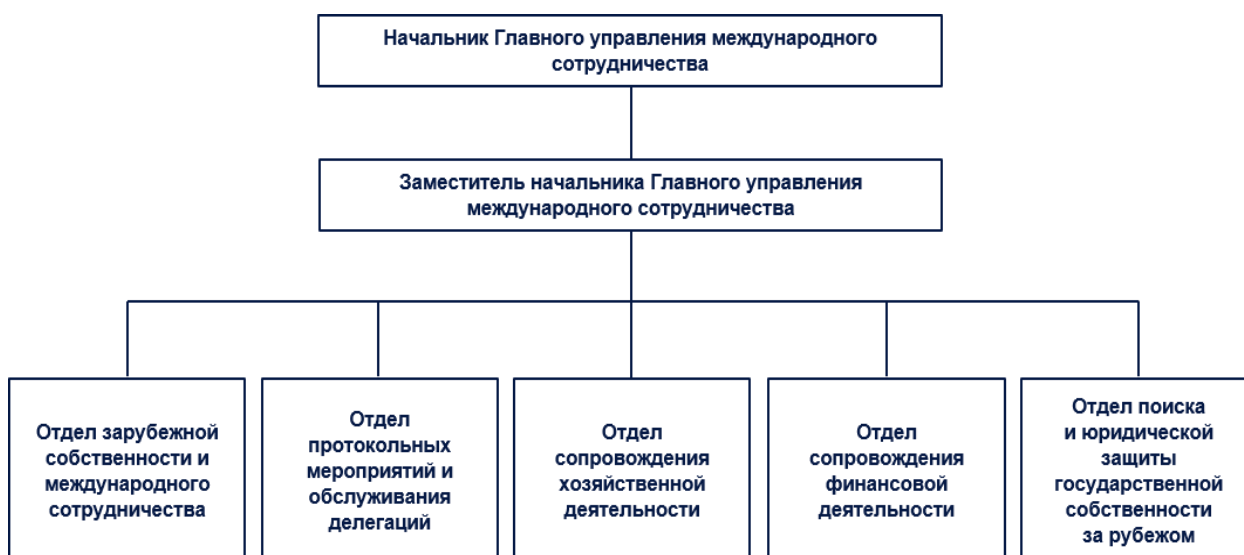

Рис. 1. Структура главного управления международного сотрудничества³.

Fig. 1. Structure of the Directorate-General for International Cooperation

Есть еще главное управление федерального имущества, которое управляет и координирует деятельность других организаций, управляющих всей федеральной собственностью РФ. Его структура изображена на рис. 2.

К сожалению, последняя отчетность по показателям эффективности управления всей федеральной собственностью в открытом доступе есть только за 2019 год, а по зарубежной собственности отсутствует совсем.

Оперативное управление осуществляет федеральное государственное унитарное предприятие «Предприятие по управлению собственностью за рубежом».

При министерстве иностранных дел РФ управлением зарубежной собственностью занимается департамент капитального строительства и собственности за рубежом. Официальной информации о деятельности данного департамента не удалось найти.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 23.10.2000 № 1771 «О мерах по улучшению использования расположенного за пределами Российской Федерации федерального недвижимого имущества, закрепленного за федеральными органами исполнительной власти и их представительствами, другими государственными органами Российской Федерации и государственными организациями» // <https://base.garant.ru/182632/> (Дата обращения: 18.12.2023).

² Постановление Правительства РФ от 25 августа 2015 г. N 884 "Об управлении федеральным имуществом, находящимся за пределами Российской Федерации" (с изменениями и дополнениями) // Правовая система «Гарант». [Электронный ресурс] URL: <https://base.garant.ru/71172058/#friends> (Дата обращения: 18.12.2023).

³ Структура управления делами. Сайт Управления делами Президента Российской Федерации // [Электронный ресурс] URL: <https://udprf.ru/obshchie-svedeniya/structure> (Дата обращения: 18.12.2023).

Рис. 2. Главное управление федерального имущества¹

Fig. 2. General Directorate of Federal Property

Таким образом, управляют зарубежной государственной собственностью РФ сразу несколько органов, которые должны координировать свою деятельность, что безусловно усложняет процесс управления. Следует также признать, что до сих пор в Российской Федерации не создана целостная система управления зарубежной собственностью РФ, не проведена комплексная оценка всего зарубежного имущества.

Активизация обсуждения и принятия мер по повышению эффективности российской зарубежной собственностью связана с тем, что только за прошедшие два года у Российской Федерации отобрали множество зарубежных активов, созданных еще в СССР и современным российским государством и бизнесом. В частности, филиалы крупнейших российских государственных энергетических компаний, таких как «Газпром» и «Роснефть» в ФРГ. «Новатэк» и «Газпром» в Польше были взяты под внешнее управление, а более 300 миллиардов долларов российских финансовых активов заморожены в банках США и ЕС².

Впоследствии Gazprom Germania, которая управляла около 30% газохранилищ Германии и вовсе была национализирована. С 20 июня 2022 года GG называется SEFE Securing Energy for Europe. По некоторым оценкам стоимость активов GG в 2020 составляла 8,398 млрд евро.

Польские власти также забрали здания, принадлежащие российской дипломатической миссии, базу отдыха «Скубянка»³.

Попирая все нормы международного права, США закрыли банковские счета двух генеральных консульств Российской Федерации, тем самым фактически заблокировав их работу⁴.

¹ Главное управление федерального имущества. Сайт Управления делами Президента Российской Федерации // [Электронный ресурс] URL: <https://udprf.ru/obshchie-svedeniya/structure> (Дата обращения: 18.12.2023).

² Городилов Михаил «Польша и Германия забрали активы «Газпрома»». 2022. [Электронный ресурс] URL: <https://journal.tinkoff.ru/news/takeover-of-gazprom/> (Дата обращения: 17.12.2023).

³ «Польские власти передали военным изъятую у посольства России базу отдыха». 2023. [Электронный ресурс] URL: <https://www.rbc.ru/politics/09/10/2023/6523eb7c9a7947b8f250b1b3> (Дата обращения: 18.12.2023).

⁴ Батыров Тимур ««Посольство в блокаде»: Bank of America закрыл счета российских генконсульств в США». 2022. [Электронный ресурс] URL: <https://www.forbes.ru/society/463715-posol-stvo-v-blokade-bank-of-america-zakryl-sceta-rossijskih-genkonsul-stv-v-ssa> (Дата обращения: 18.12.2023).

Приведённые выдержки из разных СМИ и государственных документов отражают лишь часть замороженной или конфискованной собственности России, ещё больше пострадали физические и юридические лица с российским гражданством, на них и их дочерние организации иностранные правительства «охотятся» с наибольшим удовольствием, ведь такие активы легче отнять.

В 2022 году Канада обновила свой Закон о специальных экономических мерах¹, новая редакция даёт полномочия исполнительной власти издавать приказы об изъятии собственности, находящейся в Канаде и принадлежащей иностранному государству, физическому или юридическому лицу из нашей страны, а также гражданину, не проживающему в Канаде.

Все эти недружественные шаги зарубежных государств требуют более взвешенного и тщательного анализа системы управления зарубежной государственной собственностью с целью ее сохранения, возвращения и защиты.

Попытаемся разобраться, какие проблемы являются первоочередными в настоящее время.

1. Вопросы правового регулирования. По мнению А.А. Кузнецова и Чертоляса В.Ю. нерешенными остаются проблемы защиты и учета российских активов, так как нет законов, отвечающих реалиям сегодняшнего дня, относящихся «к вопросу об иммунитете собственности РФ; об иммунитете собственности иностранных государств на территории РФ; о реестре всей собственности в РФ; об управлении зарубежной собственностью РФ»². На наш взгляд, в настоящее время назрел вопрос подготовки и принятия такого нормативно-правового акта по управлению федеральной собственностью, расположенной за рубежом, который бы учитывал все сложности в международных отношениях: санкции, возможность национализации и др.

2. Изучение полномочий различных органов управления зарубежной собственностью Российской Федерации показывает, что отсутствует полноценная система координации между различными органами управления, преобладает ведомственный подход, что приводит к расхождению данных о количестве объектов зарубежной государственной собственности РФ, ее стоимости, превалированию ведомственных интересов над государственными.

3. Нет отработанного механизма учета доходов от зарубежной государственной собственности и расходов на содержание, ремонт, модернизацию и строительство новых объектов.

Таким образом, мы видим, что Правительству РФ нужно как-то реагировать на экспроприацию российской государственной и частной собственности, усовершенствовать учет всей своей собственности, принадлежащей нашему государству за рубежом, привести в соответствие современным реалиям всю систему управления ею.

Список источников

1. Мартыненко Т.В. Контуры концепции управления государственной собственностью в соответствии с духовным подходом // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС: политика, управление, экономика. 2010. № 2. С. 81–90.

2. Мартыненко Т.В. Управление государственной собственностью в РФ: взаимосвязь нравственных и правовых проблем // Вестник Башкирского института социальных технологий. 2011. № 3. С. 29–39.

3. Гайдаржи С.И. Современные проблемы управления зарубежной собственностью Российской Федерации. // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2009. Вып. 1. С. 204–215.

4. Гайдаржи С.И. Управление государственной собственностью Российской Федерации за рубежом: монография. – Тула: Издательство ТулГУ, 2008. 93 с.

5. Шебанова Н. А. Собственность Российской Федерации за рубежом: правовое регулирование и защита. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. Санкт-Петербург, 2011, 54 с.

6. Шебанова Н. А. Собственность Российской Федерации за рубежом: правовое регулирование и защита. М.: Юрлитинформ, 2013. 356 с.

¹ «Special Economic Measures Act S.C. 1992, c. 17». 2023. [Электронный ресурс] URL: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/S-14.5/page-1.html> (Дата обращения: 18.12.2023)

² Кузнецов Александр Александрович, Чертоляс Владислав Юрьевич. Особенности правового режима объектов собственности Российской Федерации за рубежом // [Электронный ресурс] URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_50770801_13277718.pdf (дата обращения; 30.01.2024).

7. Ларкина Е. А. Государственная собственность России за рубежом : (международно-правовые вопросы) : монография / Е. А. Ларкина ; М-во образования и науки Российской Федерации, Федеральное агентство по образованию, Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования Российский гос. торгово-экономический ун-т (РГТЭУ). М.: Изд-во РГТЭУ, 2008. 62 с.

References

1. Martynenko T. V. Contours of the concept of state property management in accordance with a spiritual approach. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2010;(2):81–90. (In Russ.)
2. Martynenko T.V. Management of state property in the Russian Federation: interrelation of moral and legal problems. *Bulletin of the Bashkir Institute of Social Technologies*. 2011;(3):29–39.
3. Gaidarzhi S. I. Modern problems of management of foreign property of the Russian Federation. *News of TlSU. Economic and legal sciences*. 2009;(1):204–215. (In Russ.)
4. Gaidarzhi S. I. *Management of state property of the Russian Federation abroad*: monograph. Tula: TlSU Publishing House, 2008. 93 p. (In Russ.)
5. Shebanova N. A. *Property of the Russian Federation abroad: legal regulation and protection. Abstract of the dissertation for the degree of Doctor of Law*. St. Petersburg, 2011. 54 p. (In Russ.)
6. Shebanova N. A. *Property of the Russian Federation abroad: legal regulation and protection*. Moscow: Yurlitinform; 2013. 356 p. (In Russ.)
7. Larkina E. A. *State property of Russia abroad : (international legal issues) : monograph* ; Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Federal Agency for Education, State Educational Institution of Higher Education. Prof. education of the Russian State University of Trade and Economics (RGTEU). Moscow : Publishing house of RGTEU; 2008. 62 p. (In Russ.)

Информация об авторах

Т. В. Мартыненко – доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории и предпринимательства ЮРИУ РАНХиГС.
А. В. Кислицкая – магистрант факультета управления ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the authors

T. V. Martynenko – Dr. Sci. (Econ.), Professor of the Department of Economic Theory and Entrepreneurship of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPА.
A. V. Kislitskaya – Master Student of the Faculty of Management of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPА.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.03.2024; одобрена после рецензирования 14.05.2024; принята к публикации 15.05.2024.

The article was submitted 22.03.2024; approved after reviewing 14.05.2024; accepted for publication 15.05.2024.

Редомициляция российских компаний в призме обеспечения экономической безопасности бизнеса и государства

Анастасия Павловна Орлова¹, Игорь Александрович Лебедев²,
Надежда Валерьевна Капустина³

^{1, 2, 3}Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

¹orlovastesi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1751-7175>

²Ilebedev@fa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4859-099X>

³nvkapustina@fa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5991-5200>

Аннотация. Сохранение и поддержание экономической безопасности является важнейшей задачей любого государства. Особенно это актуально для современной российской экономики, которая в настоящее время претерпевает значительную трансформацию. Российская Федерация концентрирует силы на укреплении своего экономического суверенитета и увеличении привлекательности страны для иностранного бизнеса. Ввиду этого большое внимание было уделено развитию специальных административных районов, чтобы вернуть в российскую юрисдикцию капитал, утекающий в иностранные офшоры, а также создать благоприятную среду возвращения и перерегистрации квазироссийских компаний. В статье проведен анализ результатов реализации тренда на редомициляцию российских компаний, а также дана оценка эффективности проведенной перерегистрации на примере хозяйствующего субъекта.

Ключевые слова: редомициляция, квазироссийские компании, финансовый анализ, экономическая безопасность, инвестиции, конкурентоспособность

Для цитирования: Орлова А. П., Лебедев И. А., Капустина Н. В. Редомициляция российских компаний в призме обеспечения экономической безопасности бизнеса и государства // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 2. С. 134-139. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-134-139>. EDN XWSSSH

The redomiciliation of Russian companies in the context of ensuring the economic security of business and the state

Anastasiya P. Orlova¹, Igor A. Lebedev², Nadezhda V. Kapustina³

^{1, 2, 3}Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

¹orlovastesi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1751-7175>

²Ilebedev@fa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4859-099X>

³nvkapustina@fa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5991-5200>

Abstract. Preserving and maintaining economic security is the most important task of any state. This is especially true for the modern Russian economy, which is currently undergoing significant transformation. The Russian Federation is concentrating its efforts on strengthening its economic sovereignty and increasing

the country's attractiveness for foreign business. In view of this, much attention was paid to the development of special administrative regions in order to return capital flowing to foreign offshore companies to Russian jurisdiction, as well as to create a favorable environment for the return and re-registration of quasi-Russian companies. The article analyzes the results of the implementation of the trend towards redomiciliation of Russian companies, and also provides an assessment of the effectiveness of the re-registration carried out using the example of a business entity.

Keywords: redomiciliation, quasi-Russian companies, financial analysis, economic security, investments, competitiveness

For citation: Orlova A. P., Lebedev I. A., Kapustina N. V. The redomiciliation of Russian companies in the context of ensuring the economic security of business and the state. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(2):134–139. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-134-139>. EDN XWSSSH

В современном мире, где глобализация экономики играет ключевую роль, компании стремятся к максимальной защите своих интересов и минимизации рисков. В связи с этим приобрёл известность термин «редомициляция», обозначающий процесс переноса юридического адреса из одной юрисдикции в другую, ярким примером которого является переезд многих крупных российских компаний. Не менее часто встречающимся термином в этой проблематике является понятие «квазироссийских» компаний, который обозначает организации, осуществляющие свою основную экономическую деятельность на территории России, но юридически зарегистрированные в других странах. В ответ на введение санкций против России такие компании решили изменить свою юридическую регистрацию, перейдя из зарубежных юрисдикций в российские специальные административные районы (САР), которые представляют собой территорию, где компаниям, прошедшим процесс редомициляции, предоставляется особый налоговый режим, как в офшорных зонах, при этом не являясь ею. В настоящее время в России режим САР введен на двух островах – Русский (Приморский край) и Октябрьский (Калининградская область) [1].

В условиях усиления санкций со стороны западных стран и либерализации законодательства, российская юрисдикция становится все более привлекательной для редомициляции компаний. Тренд на перевод квазироссийского бизнеса в САР России и возврат российским гражданам контроля над компаниями, становится все более заметным из-за нескольких ключевых факторов. Во-первых, ужесточение санкций со стороны западных закрыли квазироссийским компаниям доступ к иностранным инвестициям и вынудили их искать новые способы обхода ограничений и сохранения своей деятельности [2].

Во-вторых, либерализация законодательства в России создает более благоприятные условия для бизнеса и инвестиций. Так как государство заинтересовано в перерегистрации компаний, то в 2022-2023 гг. активно работало над упрощением процесса локализации российского бизнеса. Критерии для предоставления возможности редомициляции в РФ иностранным юридическим лицам были расширены, сроки регистрации уменьшены, а госпошлина сокращена. Также снизилось количество документов, необходимых для рассматриваемого процесса, и увеличены переходные сроки, в течение которых к компаниям могут применяться положения иностранного права. Кроме того, были уточнены условия и расширен перечень налоговых льгот для компаний, переезжающих в Россию [3]. Сейчас иностранным юридическим лицам разрешено быть учредителями международных компаний на территории САР, если они переведут туда активы на сумму не менее 800 миллионов рублей (пп. 6, п. 3, ст. 2 ФЗ №290)¹. Это позволяет избежать сложной и длительной процедуры редомициляции, что стимулирует предпринимательскую активность и делает российскую юрисдикцию более привлекательной [4].

За 2022–2023 года количество примеров, иллюстрирующих редомициляцию квазироссийских компаний, сильно возросло, о чем свидетельствует положительная динамика количества компаний, зарегистрированных в САР на острове Октябрьский в Калининградской области (рис. 1).

¹ Федеральный закон от 03.08.2018 № 290-ФЗ (ред. от 25.12.2023) "О международных компаниях и международных фондах".

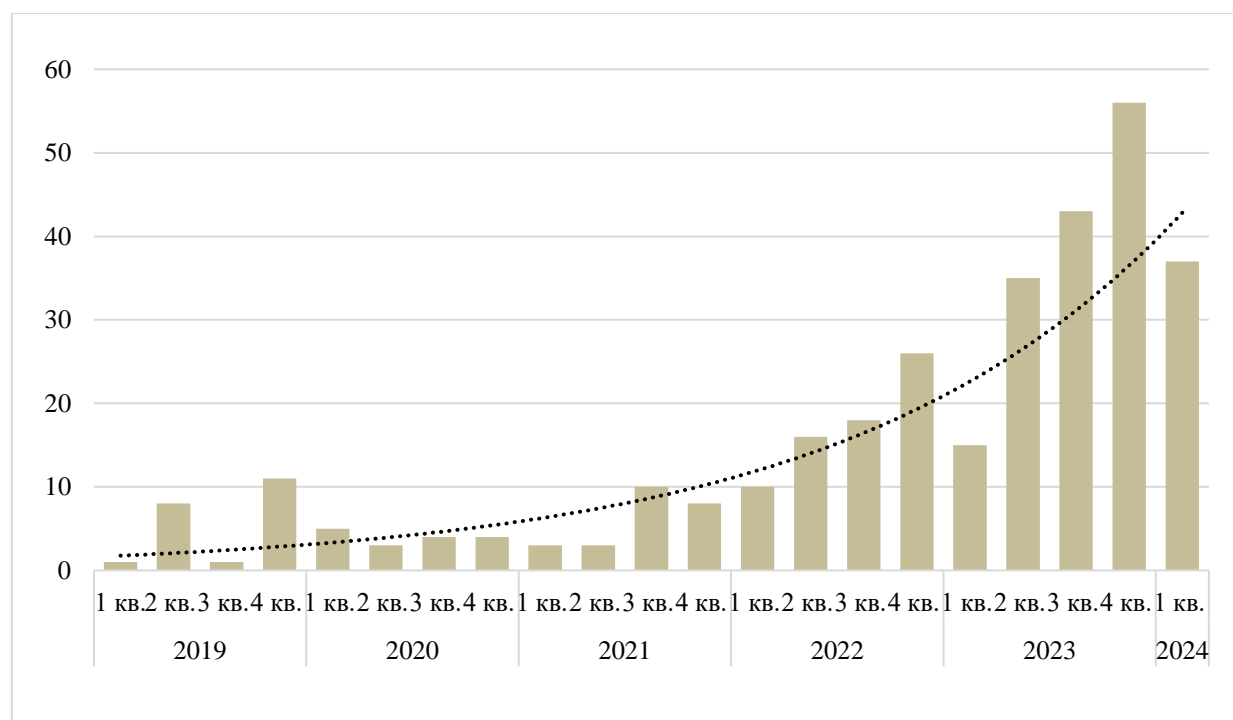

Рис. 1. Динамика количества участников, включающихся в реестр специального административного района на территории о. Октябрьский по кварталам
Fig. 1. Dynamics of the number of participants included in the register of the special administrative region in the territory of the island of Oktyabrsky by quarters

Источник: составлено авторами на основе электронного ресурса¹

Однако ввиду того, что реестр участников, зарегистрированных в специальном административном районе на территории о. Русский в Приморском крае не находится в открытом доступе авторы не могут продемонстрировать аналогичную статистику по количеству участников данного САР. Тем не менее по данным СМИ и Корпорации развития Дальнего Востока и Арктики, которая является управляющей компанией САР на территории о. Русский, количество компаний, зарегистрированных в данной юрисдикции, составило 67 членов и интерес к редомициляции на о. Русский продолжает расти².

Увеличение числа компаний, которые регистрируются в САР, может быть рассмотрено как показатель того, что редомициляция является привлекательной и выгодной для многих компаний. Это стратегическое решение, направленное на улучшение конкурентоспособности компаний, диверсификацию бизнеса и обеспечение экономической безопасности. Таким образом, рост числа компаний, перерегистрировавшихся в САР, может быть рассмотрен как показатель успешности и привлекательности данного механизма для предпринимателей и инвесторов [5].

На сегодняшний день, крупнейшими резидентами САР являются в основном дочерние или холдинговые структуры международных корпораций. В табл. 1 приведены примеры квазироссийских компаний, которые успешно завершили процесс редомициляции. Среди них как крупные компании, которые ранее вели свою деятельность в российском и международном пространстве, но имели российских конечных бенефициаров, так и дочерние организации крупнейших российских организаций, являющихся экономически значимыми для нашей страны.

¹ Официальный сайт Специального административного района «Остров Октябрьский» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.russiasar.com/krko> (дата обращения: 25.03.2024).

² Участниками САР на острове Русский в Приморье стали 67 компаний // Информационное агентство ТАСС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/19808817> (дата обращения: 25.03.2024).

Таблица 1 – Примеры квазироссийских компаний, которые завершили редомоциляцию

Table 1 – Examples of quasi-Russian companies that have completed the reduction

Юр. лицо	Название после редомоциляции	Преыдущая юрисдикция	Юрисдикция редомоциляции	Год
VK Company Limited	МКПАО «ВК»	Британские Виргинские острова	о. Октябрьский (Калининградская область)	2023
United Medical Group	МКПАО ЮМГ	Кипр	о. Октябрьский (Калининградская область)	2024
Finvision Holdings Limited	МКООО «Финвижн холдингс»	Кипр	о. Русский (Приморский край)	2018
Rosingaz Limited	МКООО «Росингаз»	Кипр	о. Октябрьский (Калининградская область)	2022
Дочерняя компания ПАО «Газпром»				
Colmati Trading Limited	МКООО «Колмати»	Кипр	о. Русский (Приморский край)	2021
Дочерняя компания ПАО «НК «Роснефть»				

Источник: составлено авторами

Во многих случаях редомоциляцию осуществляет не сама компания, осуществляющая свою деятельность в Российской Федерации, а организация, владеющая её акциями и долями в капитале. Это позволяет им оптимизировать свою структуру и произвести выплату дивидендов, операции по которым были не доступны ввиду западных санкций. Табл. 2 представляет собой обзор некоторых примеров редомоциляции организаций, владеющих долями в капитале российских компаний.

Таблица 2 – Примеры редомоциляции организаций, которые владеют акциями российских компаний

Table 2 – Examples of redirection of organizations that own shares of Russian companies

Юридическое лицо	Владелец акций	Преыдущая юрисдикция	Юрисдикция редомоциляции	Год
ПАО «Фосагро»	МКООО «Адорабелла» МКООО «Хлодвиг Энтерпрайзес»	Швейцария	о. Октябрьский (Калининградская область)	2022
АО «Тинькофф Банк» АО «Тинькофф Страхование»	МКПАО «ТКС Холдинг»	Кипр	о. Русский (Приморский край)	2024
ПАО «ГМК "Норильский никель"»	МКООО «Интеррос Капитал»	Кипр	о. Русский (Приморский край)	2021
ООО «Хэдхантер»	МКАО «Хэдхантер»	Сейшельские острова	о. Октябрьский (Калининградская область)	2023

Источник: составлено авторами

Проведем краткую оценку данного процесса на примере одной из квазироссийских компаний, которые совершили ранее перерегистрацию. В качестве примера была взята МКПАО «ВК» (ранее ВК Компани Лимитед), которая в 2023 году редомоцилировалась с Британских Виргинских островов в САР на о. Октябрьский (Калининградская область). Были рассчитаны ключевые финансовые показатели компании, отражающие основные аспекты её деятельности (табл. 3).

В соответствии с рассчитанными значениями мы видим, что налоговая нагрузка по налогу на прибыль компании снизилась после процесса редомоциляции, что означает уменьшение степени отвлечения средств на уплату налоговых платежей. У компании была низкая налоговая нагрузка, но она ещё больше уменьшилась благодаря процессу редомоциляции, что позволили сохранить большую часть дохода и инвестировать его в развитие бизнеса или личные цели бизнеса. Это повышает финансовую эффективность компании и конкурентоспособность на рынке.

**Таблица 3 – Значения финансовых показателей МКПАО «ВК»
(ранее ВК Компани Лимитед)**

Table 3 – Values of financial indicators of ICAO «VK» (formerly VC Company Limited)

Показатель	2022	2023	Темп прироста
Выручка (млн руб.)	97 770	132 770	35,80%
Расходы по налогу на прибыль (млн руб.)	3 149	83	-97,36%
Налоговая нагрузка по налогу на прибыль	3,22	0,06	-98,06%
Коэффициент автономии	0,47	0,34	-26,32%
Коэффициент финансовой зависимости	0,14	0,35	152,44%
Коэффициент текущей ликвидности	0,86	1,03	19,47%
Коэффициент быстрой ликвидности	0,49	0,95	94,98%
Коэффициент абсолютной ликвидности	0,34	0,42	23,09%

Источник: составлено авторами на основе электронных ресурсов¹

Анализ показателей финансовой устойчивости продемонстрировал что в целом, рассчитанные значения, не демонстрируют кокой-либо опасности для МКПАО «ВК», благодаря чему можно сделать вывод об её финансовой устойчивости. Значение всех коэффициентов ликвидности (текущей, быстрой и абсолютной) выросло после редомициляции, что отражает улучшение способности организации погасить свои текущие обязательства за счет доступных у них ликвидных активов [6].

Помимо сравнительного анализа ключевых показателей компании, существуют и другие факторы, отражающие эффективность данного процесса. В 2023 году любые новости о редомициляции российских компаний становились мощным среднесрочным драйвером для роста их котировок и способствовали позитивной переоценке акций, что обуславливалось будущей возможностью компании возобновить выплату дивидендов российским акционерам. Также, на долгосрочном горизонте редомициляция позитивна для рыночной оценки акций, ввиду снижения санкционных рисков.

Таким образом, рассмотренные примеры, иллюстрирующие переезд зарубежных компаний в Россию, являются важным показателем привлекательности страны для инвесторов и бизнесменов, особенно в призмe общего тренда контрсанкционного законодательства на «локализацию» российского бизнеса и стимулированием к управлению российскими активами из России. Редомициляция квазироссийских компаний стала важным феноменом в нашей экономике, и ее примеры отражают сложные экономические, налоговые и стратегические соображения, которые компании учитывают при принятии решений о своей корпоративной структуре и управлении.

Список источников

1. Кондукторов А. С. Редомициляция иностранных организаций в Российскую Федерацию: оценка совокупного финансового результата *Lex russica*. 2021;74(3):71-81. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2021.172.3.071-081>
2. Самойлова В. В. Правовой статус специальных административных районов по российскому законодательству. *Вестник РГГУ. Серия Экономика. Управление. Право*. 2023;(1):144-153. <https://doi.org/10.28995/2073-6304-2023-1-144-153>
3. Батяева А. Р., Адиширинов М. Редомициляция иностранных компаний в Российскую Федерацию // *Образование и право*. 2023. № 4. С. 201–204. <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2023-4-201-204>
4. Гончаренко Л. И. Оценка применения и возможности повышения результативности антисанкционных налоговых решений в поддержку бизнеса. *Экономика. Налоги. Право*. 2023;16(3):24-34. <https://doi.org/10.26794/1999-849x-2023-16-3-24-34>

¹ Консолидированная финансовая отчетность ВК Компани Лимитед за 2022 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://corp.vkcdn.ru/media/files/vkifrsfy2022ru.pdf> (дата обращения: 03.04.2024); Консолидированная финансовая отчетность МКПАО «ВК» за 2023 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://corp.vkcdn.ru/media/files/VK_FS_4q2023_rus.pdf (дата обращения: 03.04.2024).

5. Кондукторов А. С. Редомоциляция иностранных организаций в Российскую Федерацию (финансово-теоретический анализ). Часть вторая: финансово-правовое воздействие как вид постнеклассического финансового управления // Вестник СГЮА. 2023. №3 (152). С. 245–256. <https://doi.org/10.24412/2227-7315-2023-3-245-256>

6. Корпоративные финансы : учебник / Е. И. Шохин, Г. И. Хотинская, Т. В. Тазихина [и др.] ; под ред. М. А. Эскиндарова, М. А. Федотовой. М.: КноРус, 2022. 480 с.

References

1. Konduktorov A. S. Redomiciliation of Foreign Companies in the Russian Federation: Assessment of the Aggregate Financial Result. *Lex Russica*. 2021;74(3):71-81. (In Russ.) <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2021.172.3.071-081>

2. Samoilova V. V. Legal status of special administrative regions under Russian law. *RSUH/RGGU BULLETIN. Series Economics. Management. Law*. 2023;(1):144-153. (In Russ.). <https://doi.org/10.28995/2073-6304-2023-1-144-153>

3. Batyaeva A. R., Adishirinov M. Redomiciliation of foreign companies to the Russian Federation. *Education and Law*. 2023;(4):201–204. <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2023-4-201-204>

4. Goncharenko I. I. Assessment of the application and the possibility of improving the effectiveness of anti-sanctions tax solutions in support of business. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2023;16(3):24-34. (In Russ.). <https://doi.org/10.26794/1999-849x-2023-16-3-24-34>

5. Konduktorov A. S. Redomiciliation of foreign organizations in the Russian Federation (financial-theoretical analysis). Part two: Financial and legal impact as a type of post-nonclassical financial management. *Bulletin of Saratov state law academy*. 2023;3(152):245–256. (In Russ.)

6. *Corporate finance: textbook*. E. I. Shokhin, G. I. Khotinskaya, T. V. Tazikhina [etc.]; edited by M. A. Eskin্দarova, M. A. Fedotova. Moscow: KnoRus; 2022. 480 p. (In Russ.)

Информация об авторах

А. П. Орлова – студент кафедры экономической безопасности и управления рисками, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации.

И. А. Лебедев – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономической безопасности и управления рисками, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации.

Н. В. Капустина – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономической безопасности и управления рисками, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации.

Information about the authors

A. P. Orlova – Student of the Department of Economic Security and Risk Management, Financial University under the Government of the Russian Federation.

I.A. Lebedev – Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor of the Department of Economic Security and Risk Management, Financial University under the Government of the Russian Federation.

N. V. Kapustina – Dr. Sci. (Econ.), Professor of the Department of Economic Security and Risk Management, Financial University under the Government of the Russian Federation.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.04.2024; одобрена после рецензирования 14.05.2024; принята к публикации 15.05.2024.

The article was submitted 22.04.2024; approved after reviewing 14.05.2024; accepted for publication 15.05.2024.

Научная статья

УДК 338+378

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-140-146>

EDN XZRWUG

Цифровые образовательные сервисы как системы управления обучением в сфере профессионального образования

Светлана Владиславовна Петрова¹, Анна Олеговна Балабанова²

^{1,2}Сочинский государственный университет, Сочи, Россия

¹solus46@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4626-3116>

²annabalabanovasochi@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6710-6617>

Аннотация. В статье проводится анализ образовательных сервисов, выделены современные тенденции в образовательных услугах и основные направления цифровых систем в сфере образования. Рассмотрены виды систем управления образовательным процессом. В статье проведен анализ предложения образовательных систем на российском рынке, а также программы, входящие в Единый реестр российского программного обеспечения, исследована структура предложения образовательных систем по двум направлениям: системы для организации онлайн курсов и системы для корпоративного обучения, как часть кадровой системы. На основе анализа данных продуктов выделены основные предлагаемые инструменты цифровых образовательных сервисов в сфере профессионального образования предлагаемые на российском рынке.

Ключевые слова: цифровые образовательные сервисы, система управления обучением, цифровые образовательные инструменты, профессиональное образование, дистанционное образование

Для цитирования: Петрова С. В., Балабанова А. О. Цифровые образовательные сервисы как системы управления обучением в сфере профессионального образования // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 2. С. 140-146. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-140-146>. EDN XZRWUG

Problems of Economics

Original article

Digital educational services as learning management systems in the field of professional education

Svetlana V. Petrova¹, Anna O. Balabanova²

^{1,2}Sochi State University, Sochi, Russia

¹solus46@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4626-3116>

²annabalabanovasochi@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6710-6617>

Abstract. The article analyzes educational services, highlights current trends in educational services and the main directions of digital systems in the field of education. The types of educational process management systems are considered. The article analyzes the supply of educational systems on the Russian market, as well as programs included in the Unified Register of Russian Software, and examines the structure of educational systems in two areas: systems for organizing online courses and systems for corporate training, as part of the personnel system. Based on the analysis of these products, the main proposed tools of digital educational services in the field of professional education offered on the Russian market are identified.

Keywords: digital educational services, learning management system, digital educational tools, professional education, distance education

For citation: Petrova S. V., Balabanova A. O. Digital educational services as learning management systems in the field of professional education. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2024;(2):140–146. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-140-146>. EDN XZRWUG

Для развития любой организации, рынка, территории, государства необходимы профессиональные кадры. Квалифицированные кадры готовит сфера профессионального образования. Государственное управление развитием сферы деятельности общества может осуществляться не только через систему прямых мер, а эффективнее всего через комплексное создание условий развития.

Развитие любой отрасли зависит от объема инвестиций и рынка. Общее образование является обязательным, и стабильным рынком для развития технологии и инвестиций в нем. Но профессиональное образование более сложный и более разнообразный рынок.

Высокие темпы развития технологий, изменения товаров, способов производства ускоряет изменения запросов на профессии и компетенции [1, с. 51–60]. С каждым годом скорость профессиональных изменений на рынке труда возрастает, что повышает востребованность профессионального образования на протяжении всей жизни¹.

В условиях роста экономических санкций, международной конкуренции и роста технологических производств внутри страны возрастает необходимость в качественном профессиональном образовании, которое успевало бы адаптироваться и соответствовать образу жизни современного человека, на которое также стали влиять технологии.

Количество доступных благ, услуг, развлечений и платежеспособность современного человека увеличивается с каждым годом, увеличивается количество доступного и дешевого развлекательного контента. Но не увеличивается количество свободного времени современного человека. В результате растет сфера маркетинга, которая позволяет компаниям и рынкам конкурировать за внимание и ценное ограниченное время потребителя. Современной сфере образования также необходимо конкурировать за привлечение внимания учащегося и адаптироваться к его новым привычкам и сформированным стандартам образа жизни [2, с. 62–66; 3, с. 19–24].

Такие конкурентные условия предъявляют все больше требований к профессиональному образованию, выделим наиболее актуальные требования для конкурентоспособности услуг профессионального образования: мобильность; дистанционность; качественный мультимедийный контент; геймификация; формат социальных сетей; автоматизация и скорость; системы привлечения внимания и вовлечения; маркетинговые технологии.

Одним из самых эффективных решений, которые позволяют совместить в себе все требования, и постоянно их улучшать стали цифровые инструменты помогающие в процессе обучения обучаемому, педагогу и помогающие организовать саму систему обучения [4, с. 89–94]. Востребованность таких решений сформировала целый рынок цифровых образовательных сервисов [5, с. 46–51].

Благодаря реализации государственных целевых программ в сфере образования активными темпами стали появляться сервисы, порталы и другие инструменты:

- появились целые цифровые образовательные платформы с контентом для школьников, к примеру «Мобильное электронное образование», «Школьная цифровая платформа», «Фоксфорд» и другие;

- созданы платформы предлагающие услуги онлайн тренажеров: «ЯКласс», «Яндекс.Учебник», «Учи.ру» и др.

- появились проекты полного цикла обучения – дистанционные школы и экстернаты, позволяющие получить аттестат об образовании;

- отдельным направлением стали сервисы и инструменты, помогающие учителям взаимодействовать с учениками в цифровой среде и на расстоянии;

- сервисы и инструменты, специализирующиеся на конкретных предметах: «Plario», Desmos, GeoGebra, 1С: Математический конструктор, «Кумир», «Пиктомир» и другие;

- комплексные системы управления образовательными электронными курсами.

Рынок профессионального образования сложен за счет своего более разнообразного предметного содержания, но задачи обучения для взрослого человека схожи: необходима мобильность, гибкость, интересность и разнообразие контента, инструменты закрепления знаний, навыков, и инструменты вовлечения человека в процесс образования [6, с. 211–213; 7, с. 112–115]. Представленные сервисы и инструменты в профессиональном образовании можно разделить на рынок B2C, рынок B2B и C2G.

¹ В России заметно выросло число желающих сменить профессию / Ведомости. 29 августа 2022// <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2022/08/29/937987-viroslo-chislo-zhelayuschih-smenit-professiyu>

Наиболее развитый рынок – это предложение разработки сервисов и инструментов для организаций, занимающихся обучением, и менее развиты предложения для самих пользователей. По данным агентства Smart Ranking выручка сегмента дополнительного профессионального образования (ДПО) в первом полугодии увеличилась на 28,3%, до 18 млрд руб., детского образования – на 32%, до 16,4 млрд руб., бизнес-образования – на 30%, до 5,4 млрд руб. Рынок образовательных сервисов по итогам первого полугодия увеличился почти на 35% год к году, выручка топ-100 сервисов превысила 50 млрд руб.¹

Цифровые технологии в образовании как помощники развиваются вместе с возможностями рынка и количество разнообразных инструментов создаются под различные задачи. Но в последнее время, как и в других сферах рынка, набирают обороты платформы, предлагающие комплекс программных услуг и инструментов. По данным исследования компании Nexign и агентства MegaResearch объем рынка образовательных достиг 4,49 млрд руб., который вырос относительно 2022 года на 15%, также прогнозируется и дальнейший рост². Так и образовании появились комплексные платформы и последний формат их развития фокусируется на создание и управление образовательного контента. Рассмотрим цифровые образовательные сервисы предлагающие, системы управления образовательными курсами, так как они чаще всего объединяют в себе основные виды сервисов:

- Content Management System (CMS) – система управления контентом;
- Learning Management System (LMS) – система управления обучением;
- Learning Content Management System (LCMS) – система управления учебным контентом;
- Learning Experience Platform (LXP) – платформы образовательных проектов;
- Massive Open Online Course (MOOC) – платформы массовых открытых онлайн-курсов.

На основе анализа данных сайта «Госзакупки» основным покупателем данных систем являются крупные компании и образовательные организации. Масштабность процессов подталкивает крупные организации к автоматизации функции обучения, некоторые компании разрабатывают свои системы LMS.

Если рассматривать рынок коммерческих систем, то на данный момент их более 40. Пандемия ускорила развитие дистанционных технологий, а фактор свободного времени также повлиял на популярность дистанционных образовательных курсов, что создало благоприятные условия для развития цифровых образовательных систем. В табл. 1 представлены организации, предлагающие на российском рынке системы LMS в основном для дистанционных курсов:

Таблица 1 – Организации, предлагающие системы LMS для дистанционных курсов

Table 1 – Organizations offering training management systems for distance courses

№	Название	Ссылка	Организация	Реестр рос. ПО
1	Stepik	teach.stepik.org/ru	ООО «Цифровые образовательные решения»	нет
2	Getcourse	getcourse.ru	ООО «Система Геткурс»	да
3	Эдуардо	eduardo.studio	ООО «Лекториум»	нет
4	Антитренинги	antitreningi.ru	ООО «Интернет университет»	да
5	Ё-Стади	your-study.ru	ООО «Седьмое небо»	нет
6	CoreApp	coreapp.ai	ООО «Цифровая жажда»	да
7	Nethouse.Академия	academy.nethouse.ru	ООО «События»	нет
8	Zenclass	zenclass.ru	ООО «Дзенкласс»	нет
9	Skillspace	skillspace.ru	ООО «Скиллспейс»	да
10	LXP IThub	ithub.bulgakov.app	ООО «ИТ ХАБ»	да

Но кроме онлайн-курсов также стал развиваться сегмент систем LMS, ориентирующиеся на корпоративное обучение, которые стараются встраиваться в корпоративные системы управления кадрами – системы управления корпоративным обучением (CLMS – Corporate Learning Management

¹ «Коммерсант». «Сервисы повышают образование» // <https://www.kommersant.ru/doc/6160647>

² АО «СК ПРЕСС». «К 2027 году российский рынок LMS-систем вырастет более чем в полтора раз» // <https://www.itrn.ru/itmarket/detail.php?id=198300>

System). Это стало дополнительным толчком для развития корпоративного обучения, так как многие процессы автоматизируются, снижается нагрузка и затратность обучения сотрудников, но при этом обучающий материал максимально адаптирован под организацию. Основные представители данных систем представлены в табл. 2:

Таблица 2 – Организации, предлагающие системы LMS для корпоративного обучения сотрудников и управления кадрами (CLMS)

Table 2 – Organizations offering learning management systems for corporate learning and personnel management

№	Название	Ссылка	Организация	Реестр российского ПО
1	Эквио	e-queo.com	ООО «Эквио»	нет
2	iSpring	www.ispring.ru	ООО «Ричмедиа»	да
3	Unicraft	www.unicraft.org	ООО «Юникraft»	да
4	Mirapolis HCM	www.mirapolis.ru/	ООО «Мираполис» (группа компаний 1С)	да
5	Teachbase	teachbase.ru	ООО «Интернет Школа»	да
6	WebSoft	websoft.ru	ООО «Вебсофт девелопмент»	да
7	Knomary	knomary.ru	ООО «Номари сийэс»	да
8	Поток	potok.io	ООО «Поток»	да
9	Openskills	openskills.team	ООО «ОПЕН-ГРУП»	нет
10	1С:Бизнес-обучение	consulting.1c.ru/biznes-obucheniye	ООО «1С-Софт»	да

Многие из перечисленных компаний предлагают решения для обоих рынков, но не все компании имеют решения по интеграции в корпоративные цифровые системы.

Представленные организации на данном рынке все зарегистрированы на территории Российской Федерации в связи с требованием законодательства, многие из организаций созданы зарубежными компаниями, но за последние несколько лет доля российских организаций значительно увеличилась. Также большая часть организаций, особенно те, которые ориентированы на рынок корпоративного обучения, зарегистрировали свои образовательные системы в Реестре российского программного обеспечения¹. Рассмотрим какие функции предлагают современные LMS на российском рынке.

Выделим предлагаемые решения для образовательного процесса:

- Конструктор курса. Позволяет выстроить последовательность обучения, разделять на блоки, формировать индивидуальные траектории обучения, загружать контент разного формата.
- Вебинары. Инструменты для проведения вебинаров с обратной связью и чатами.
- Скринкасты. В некоторых системах предлагаются конструкторы создания видеопотока с записью происходящего на компьютере.

- Перевод текста в речь. Позволяет озвучивать текстовые файлы, лекции и т.п.

- Конструкторы заданий: тесты, сопоставление вариантов из двух списков, открытые ответы, заполнение пропусков в предложении, выбор карточек, задания с графиками и интерактивными схемами, викторины, квесты, челленджи, марафоны, интерактивные доски, кейсы. Но чаще всего интерактивные задания добавляются через интеграцию сторонних сервисов.

- Тренажеры: диалоговые тренажеры, виртуальная и дополненная реальность, виртуальные лаборатории – отдельное программное обеспечение с возможностью моделирования процессов взаимодействия с оборудованием и др.

- Геймификация. В направлении геймификации используются разные приемы: ученики выбирают себе рисованных персонажей, которые меняются в зависимости от прогресса; используется игровая валюта и возможность обмена ее на призы; используется социальный рейтинг, возможность соревнования с другими учащимися; доски почета; бейджи со статусом или достижением; промокоды и бонусные системы; чек-листы; VR-квесты; выдача дипломов и сертификатов.

¹ Реестр российского программного обеспечения. Официальный сайт Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации // <https://reestr.digital.gov.ru/>

- Настройка доступа и времени: время прохождения заданий, сроки доступа к материалам, календарь мероприятий.
- База знаний. Как отдельный образовательный элемент, где структурирована вся полезная информация по принципу интернет-энциклопедии. Очень часто используется компаниями для информационной поддержки и обучения сотрудников. Один из видов баз знаний это медиатека, состоящая из медиаматериалов.
- Аналитические модули. Позволяют собирать статистику, оформлять ее в виде графических досок, вести журнал посещения, успеваемости для учеников, также вести журнал работы педагогов и другие виды данных, сбор данных трат времени на задания.
- Чаты. Часто предлагаются индивидуальные, групповые чаты, в некоторых системах есть общие открытые форумы. Позволяют вести коллективные диалоги внутри системы.
- Автоматические инструменты проверки домашних заданий. Такие инструменты возможны для ограниченных форм заданий.
- Оценка вовлеченности. Некоторые системы стали предлагать решения на основе искусственного интеллекта для определения уровня вовлеченности обучающихся в образовательный процесс. Выделим предлагаемые решения для организации процесса:
 - Сбор и импорт данных. Удобные системы регистрации как индивидуальные, так и коллективные за счет импорта данных. Также импорт данных возможен для переноса в другие системы, к примеру кадровые (HR) или системы планирования ресурсов предприятия (ERP).
 - Бесшовная интеграция в корпоративные системы – когда обмен данных происходит постоянно и автоматически.
 - Интеграция сторонних сервисов для заданий. Это позволяет, не выходя из системы получить дополнительный функционал из других цифровых образовательных сервисов.
 - Отчеты и аналитика. Получать данные можно по каждому студенту, педагогу. Собирается статистика действий, выполнения заданий, проводится аналитика динамики, успеваемости, популярности курсов, уроков, отдельных материалов и т.д.
 - Хранение данных. Данные системы предоставляют собственные хранилища с возможностями защиты данных. Иногда предлагается отдельное выделенное облачное хранилище для контента.
 - Защита контента. Используются такие способы защиты: защита от скачивания и копирования, вход в кабинет по смс-коду, отслеживание подозрительного поведения учетных записей, использование водяных знаков, защиты от записи экраны.
- «Коробочные» системы. Есть возможно приобрести систему с локальной установкой, такой формат потребует оборудование, систему безопасности и обслуживание системы, но позволяет обеспечить конфиденциальность и безопасность. Также компания снижает зависимость от производителя системы.
- «Облачные» системы. Облачное решение не требует создания дополнительной инфраструктуры и позволяет максимально быстро запустить процесс, но все процессы будут завязаны на организацию, владеющую системой, также такой формат работает в формате подписки – регулярных платежей за доступ к системе.
- Открытое API. Некоторые системы имеют открытый код, который позволяет настроить систему под себя.
- Панель управления платформой для администратора, которая включает в себя несколько администраторов, техническую поддержку администраторов и пользователей.
- Технологии систем работы с клиентами: ведение базы данных по клиентам, конструкторы автоворонки, конструкторы лендингов и др.
- Адаптивный дизайн и приложение. Данное решение позволит получить доступ к системе в удобном формате для использования в телефонах, планшетах и др.
- Уведомления и анонсы. Данная функция позволяет привлечь внимание пользователя и более эффективно вовлекать в процесс обучения. Есть функции отправления массовых push-рассылок.
- Брендинг интерфейса. Данные решения предлагают персонализировать систему в разных инструментах: мобильных приложениях iOS/Android, web-версиях, создание отдельного сайта с отдельным входом в систему и т.д.
- Оплата на сервисе. Платформы предлагают услуги приема онлайн платежей, рассрочки, оплаты частями, рекуррентные платежи.

– Языки интерфейса. Некоторые платформы предлагают до 15 языков интерфейса системы и возможностями приема оплаты зарубежными картами. Некоторые системы предлагают автоматический перевод всего контента курса и даже видео формата.

Выводы. Таким образом, анализ публикаций, исследований и рынка показывает активную тенденцию развития цифровых образовательных сервисов в сфере профессионального образования, также эксперты прогнозируют дальнейший рост. Основные тенденции в данной сфере – это развитие разнообразия форматов и качества контента, развитие инструментов для заданий и тренажеров, более активное использование возможностей геймификации и форматов социальных сетей.

Также происходит развитие самих систем в сторону автоматизации процессов, мобильности и адаптивности интерфейсов. Отдельное внимание нужно уделить развитию систем в сторону интеграции и разной направленности решаемых задач. Системы предлагают решения интеграции с другими системами управления предприятиями (к примеру CRM, ERP), системами интерактивных заданий и инструментов для обучения, но также многие платформы расширяют свой собственный функционал предлагая встроенные в систему функции управления клиентским сервисом, маркетингом, кадрами и т.д. То есть образовательные сервисы расширяя свои возможности растут в сторону комплексных многофункциональных программных систем. Также увеличивается предложение дополнительных услуг: перенос курсов, разработка курсов, образовательный аудит, консультации, сопровождение и т.д.

Изменение российского законодательство заставило многие иностранные компании зарегистрировать юридические лица и хранить данные пользователей на территории РФ. Многие из данных компаний, особенно те, которые ориентируют свой продукт на корпоративное обучение, зарегистрировали свое программное обеспечение в Едином реестре российского программного обеспечения.

Основная часть образовательных сервисов предлагают следующие решения для образовательного процесса: конструкторы курсов, проведение вебинаров, создание скринкастов и баз знаний, озвучивание текстов, конструкторы заданий и тренажеров (очень немногие предлагают интерактивные задания в системе), настройку доступа и времени, аналитические модули и мониторинг вовлеченности, ведение чатов и диалоги, различные формы геймификации.

Игры – это отдельно хорошо развивающийся рынок, а использование геймификации в процессе обучения, позволяет повысить привлекательность образовательного процесса, создавая для него дополнительную ценность.

Также развиваются инструменты и решения для организации образовательного процесса: расширяются возможности сбора, импорта и мониторинга данных в системах, формы и возможности отчетов и аналитики, системы хранения и защиты данных, больше систем с открытым API, расширяются функции для самостоятельного администрирования внутри систем. Можно выделить тенденцию развития решений, повышающих эффективность взаимодействия с учениками: адаптивный дизайн и приложение, уведомления и анонсы, брендирование интерфейса, разные формы оплаты, языки интерфейса и перевод материалов курса.

Отдельно стоит отметить, что уже несколько сервисов стало использовать возможности искусственного интеллекта в своих системах. С учетом уровня конкуренции и наличие российских проектов по развитию AI можно предположить, что количество таких проектов будет только увеличиваться.

Ускорение внедрения инноваций увеличивают востребованность постоянного обучения кадров, что создает востребованность в развитии корпоративного и профессионального обучения, которое также все активнее использует новые технологии.

Список источников

1. Шимохин А. В. Трансформация профессий и изменения занятости населения Российской Федерации в условиях четвертой промышленной революции // Теоретическая экономика. 2020. № 7 (67). С. 51–60. EDN LUKYVR

2. Кравцова О. А., Соколов С. В. Пути развития профессионального образования в России // Информационно-коммуникационные технологии в педагогическом образовании. 2024. № 1 (88). С. 62–66.

3. Багдасарян С. Д., Петрова С. В. Индивидуализация обучения: новые тенденции в развитии образования как фактор реализации академических прав / В сборнике: Нормативно-правовое регулирование академических прав обучающихся. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 2018. С. 19–24.

4. Кещян Н. А., Балабанова А. О. Роль современных информационных технологий в деятельности муниципальных учреждений среднего образования // Сочинский журнал экономики. 2016. № 2 (40). С. 89–94.

5. Шайдуллина В. К. Цифровые сервисы в деятельности предприятия: новые возможности // Экономика: теория и практика. 2019. № 1 (53). С. 46–51.

6. Уразова Ю. Е. Роль цифровых ресурсов и сервисов в профессиональной подготовке педагогов дополнительного образования. // Вестник Набережночелнинского государственного педагогического университета. 2023. № 1 (44). С. 211–213.

7. Рура Е. Г., Стуканова О. Б. Смешанное обучение в вузе: перспектива внедрения. Проблемы. Цифровые инструменты и технологии. // Заметки ученого. 2023. № 2. С. 112–115.

References

1. Shimokhin A. V. Transformation of professions and changes in employment of the population of the Russian Federation in the conditions of the fourth industrial revolution. *Theoretical Economics*. 2020;7(67):51–60. (In Russ.)

2. Kravtsova O. A., Sokolov S. V. Ways of development of professional education in Russia. *Information and communication technologies in pedagogical education*. 2024;1(88):62–66. (In Russ.)

3. Bagdasaryan S. D., Petrova S. V. Individualization of learning: new trends in the development of education as a factor in the realization of academic rights. In: *Legal regulation of students' academic rights. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference*. 2018:19–24. (In Russ.)

4. Keschyanyan N. A., Balabanova A. O. The role of modern information technologies in the activities of municipal institutions of secondary education. *Sochi Journal of Economy*. 2016;2(40):89–94. (In Russ.)

5. Shaydullina V. K. Digital services in enterprise activities: new opportunities. *Economics: theory and practice*. 2019;1(53):46–51. (In Russ.)

6. Urazova Yu. E. The role of digital resources and services in the professional training of additional education teachers. *Bulletin of Naberezhnye Chelny State Pedagogical University*. 2023;1(44):211–213. (In Russ.)

7. Rura E. G., Stukanova O. B. Blended learning at university: development prospects. *Problems. Digital tools and technologies. Notes of a scientist*. 2023;(2):112–115. (In Russ.)

Информация об авторах

С. В. Петрова – декан факультета экономики и права, доктор политических наук, профессор кафедры теории права и государства, истории и философии, Сочинский государственный университет.

А. О. Балабанова – старший преподаватель кафедры инновационных технологий в экономике и управлении, Сочинский государственный университет.

Information about the authors

S. V. Petrova – Dean of the Faculty of Economics and Law, Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Theory of Law and State, History and Philosophy, Sochi State University.

A. O. Balabanova – Senior Lecturer at the Department of Innovative Technologies in Economics and Management, Sochi State University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 29.04.2024; одобрена после рецензирования 20.05.2024; принята к публикации 21.05.2024.

The article was submitted 29.04.2024; approved after reviewing 20.05.2024; accepted for publication 21.05.2024.

Научная статья

УДК 339.9

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-147-158>

EDN YAGTCK

Тенденции и перспективы применения технологий GovTech в процессе цифровизации государственного сектора

Татьяна Валентиновна Подольская¹, Фатимат Далхатовна Ульбашева²,
Евгения Александровна Васюта³

^{1,3}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

²Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия

¹podolskaya-tv@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0337-051X>

²ulbasheva-fd@ranepa.ru

³vasyuta-ea@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2095-447X>

Аннотация. В настоящее время государства активно наращивают внедрение новых технологий GovTech в целях повышения эффективности работы государственных органов. Цифровое государство, как ключевая концепция цифровизации госсектора, представляет собой следующий этап эволюции государственного управления, призванный ускорить процесс принятия решений на государственном и муниципальном уровнях, более эффективно взаимодействовать с гражданами и общественными организациями, а также повысить уровень доверия к власти. В статье представлен анализ технологий GovTech и принципы их внедрения, проанализированы этапы цифровой зрелости государственного сектора. Было определено, что драйвером цифровизации государства стала пандемия COVID-19, но в долгосрочной перспективе от реакционной политики государства должны перейти к полной реорганизации систем управления при внедрении новых технологий и обеспечении кибербезопасности. В работе были оценены основные вызовы, препятствующие этому, а также ключевые тренды GovTech. Отдельно был проанализирован европейский и российский опыт цифровизации системы государственного управления. Анализ концепции ГосТех, проведенный авторами, позволил определить условия роста отечественного рынка GovTech, его перспективные направления и сделать вывод о значительном потенциале России к успешному достижению этапа цифрового государства.

Ключевые слова: ГосТех, новые технологии, государственный сектор, цифровое государство, государственные услуги, цифровизация, кибербезопасность

Для цитирования: Подольская Т. В., Ульбашева Ф. Д., Васюта Е. А. Тенденции и перспективы применения технологий GovTech в процессе цифровизации государственного сектора // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 2. С. 147–158. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-147-158>. EDN YAGTCK

Problems of Economics

Original article

Trends and prospects' application of GovTech in the process of public sector digitalization

Tatiana V. Podolskaya¹, Fatimat D. Ulbasheva², Evgenia A. Vasyuta³

^{1,3}South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

²Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

¹podolskaya-tv@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0337-051X>

²ulbasheva-fd@ranepa.ru

³vasyuta-ea@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2095-447X>

Abstract. These days, governments are actively increasing the introduction of new GovTech solutions in order to improve the efficiency of public authorities work. The digital government, as a key concept of the public sector digitalization, is the next stage in the evolution of public administration, which is aimed at accelerating the decision-making process at the state and municipal levels, improving the interaction with citizens and public organizations, as well as increasing the level of trust in the authorities. The article analyses GovTech technologies and the principles of their introduction, the stages of public sector digital maturity. The COVID-19 pandemic was identified as the driver of the government digitization, but in the long run, the reactive policy should move to a complete reorganization of public administration systems in terms of the introduction of new technologies and ensuring cybersecurity. The article assesses the main challenges of GovTech introduction, as well as the key GovTech trends. Additionally, the authors analyzed the European and Russian practices of public administration digitalization. An analysis of GovTech concept, conducted by the authors, allowed to determine the conditions of growth of the Russian GovTech market and its prospects and to draw conclusions about the significant potential of Russia to successfully achieve the stage of the digital government.

Keywords: GovTech, GovTech national platform, public sector, new technologies, digital government, public services, digitalization, cyber security

For citation: Podolskaya T. V., Ulbasheva F. D., Vasyuta E. A. Trends and prospects' application of GovTech in the process of public sector digitalization. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2024;(2):147–158. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-147-158>. EDN YAGTCK

В условиях цифровизации всё больше стран прибегают к GovTech в поисках наиболее эффективной модели управления государством. Значительным образом внедрению новых технологий в государственный сектор поспособствовала пандемия COVID-19, заставившая правительства задуматься о необходимости обеспечения непрерывности предоставления государственных услуг даже в условиях локдауна для повышения стабильности общества.

Государство играет значительную роль в развитии человеческого капитала, определяет законодательную базу цифровых преобразований и осуществляет поддержку инновационных сетей организаций. По некоторым данным, к 2030 г. в связи с цифровизацией сменить профессию может потребоваться до 375 млн чел. в мире¹. В связи с этим, государствам уже сейчас необходимо принимать меры для того, чтобы стартапы и уже находящиеся на рынке компании могли модернизировать свои бизнес-модели и переводить операции в цифровую форму, а также осуществлять деятельность по повышению цифровой грамотности населения. Так что в виду того, что в большинстве стран расходы государственного сектора составляют от 35 до 60% ВВП, цифровую трансформацию государства можно по праву считать крупнейшей трансформацией².

Сам по себе термин GovTech пока что отличается слабой проработанностью в научном поле и в самом общем смысле может подразумевать применение комплекса цифровых технологий для модернизации государственного сектора. Всемирный банк³, подчёркивая общегосударственный подход этой модернизации, отмечает также следующие её ключевые аспекты: ориентированность на граждан и общедоступность государственных услуг. В основе обеспечения бесперебойности функционирования цифрового государства лежит несколько ключевых технологий, представленных на рис. 1.

Стоит отметить, что некоторые исследователи исходят из того, что «GovTech» и «ГосТех» – это одно и то же понятие, выраженное на английском и русском языках соответственно. Однако в рамках данной статьи термин «ГосТех» будет применяться только в отношении единой цифровой платформы Российской Федерации, которая основное внимание уделяет унификации и масштабированию информационных сервисов. А термин «GovTech» в данном исследовании используется в более широком смысле, включая в себя содержание категории «ГосТех».

Назаренко Т.С. и Новикова И.С. [1] выделяют формулу стратегической перспективности реализации государственной политики в цифровом виде: «Проактивность + персонализированные решения + комплексный подход + информирование = суперсервисы и ГИСы» (где ГИС – государственная информационная система). Стратегической задачей в это же время становится поиск экономически выгодного оптимума затрат и результатов.

¹ Government 4.0 – the public sector in the digital age | McKinsey. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mckinsey.de/publikationen/leading-in-a-disruptive-world/government-40-the-public-sector-in-the-digital-age#/> (дата обращения: 05.02.2024).

² Там же.

³ GovTech: Putting people first. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.worldbank.org/en/programs/govtech> (дата обращения: 19.01.2024).

Рис. 1. Технологии и выгоды в основе GovTech (составлено авторами)

Fig. 1. Basic technologies and benefits of GovTech (made by the authors)

Поспевать за постоянными изменениями в обществе – непростая задача, которую невозможно решить без платформы, обладающей гибкостью. При этом, даже гибкая платформа должна иметь в основе фундамент в виде общих принципов функционирования и чёткого видения итогового результата (удовлетворённость государства и населения). Методология ОЭСР предусматривает три ключевых компонента и девять принципов предоставления государственных услуг (рис. 2). Они носят рекомендательный характер и предназначены для расширения прав и возможностей гражданских служащих через установление границ для принятия решений в интересах пользователей (т.е. устранение необходимости каждый раз запрашивать согласие руководства).

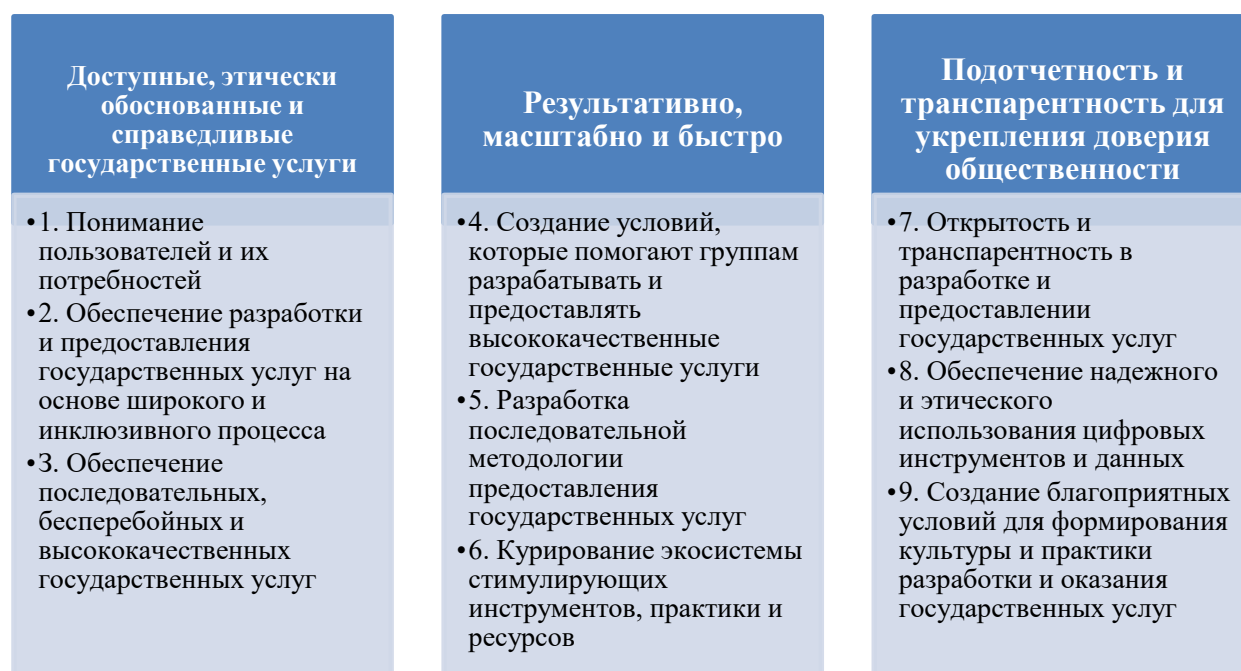

Рис. 2. Принципы разработки и предоставления государственных услуг в цифровую эпоху¹

Fig. 2. Principles for public service design and delivery in the digital age

¹ OECD Good Practice Principles for Public Service Design and Delivery in the Digital Age. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oecd.org/publications/oecd-good-practice-principles-for-public-service-design-and-delivery-in-the-digital-age-2ade500b-en.htm> (дата обращения: 24.01.2024).

Очень тесно понятие «GovTech» связано с другими технологичными рынками: Smart City (эффективное управление городским хозяйством, B2G), UrbanTech (повышение качества жизни жителей, B2C), CivicTech (упрощение коммуникации между жителями и правительством и вовлечение населения в решение социально значимых вопросов, B2G2C). В то же время, некоторые исследователи¹ могут включать умный город в GovTech в качестве одного из направлений деятельности наравне с электронным правительством, CrimeTech (безопасность) и государственным управлением. Агентство инноваций города Москвы² «электронное правительство» выделяет в качестве одной из стадий цифровой трансформации государственного сектора, на которой на август 2021 г. находилось большинство стран и городов (рис. 3). В рамках этой методологии финальной стадией цифровизации государства должно стать повсеместное внедрение искусственного интеллекта и предоставление «бесшовных» государственных услуг.

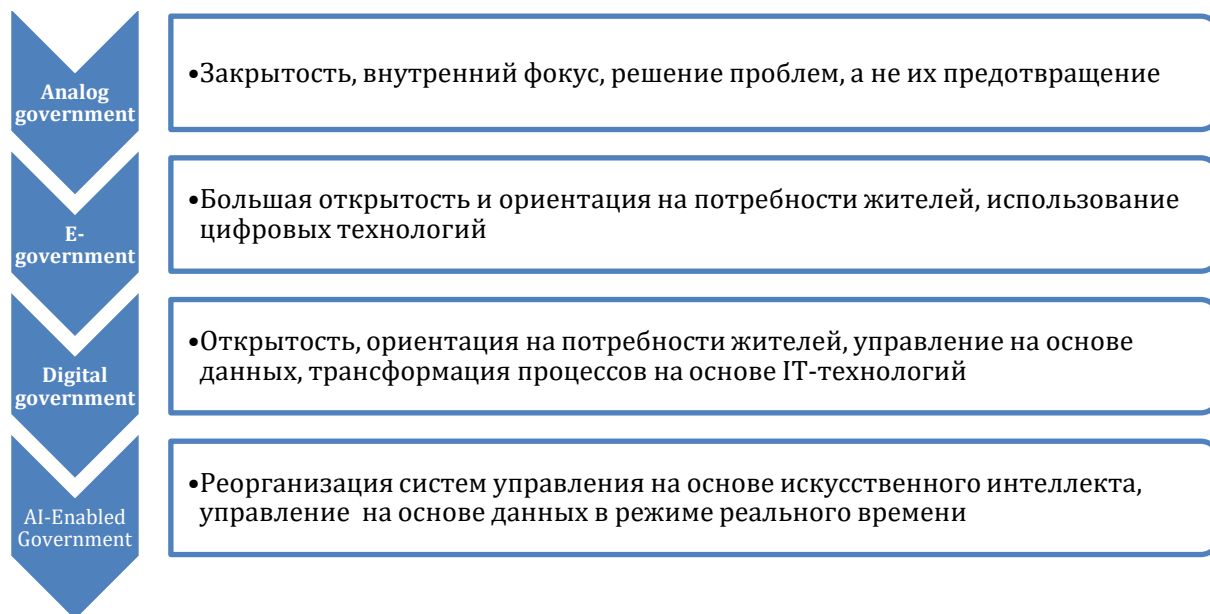

Рис. 3. Этапы цифровой зрелости систем госуправления³

Fig. 3. Stages for Digital Government development

Существует множество инструментов, в том числе краудсорсинговых (хакатоны и др.), которые позволяют привлекать инвестиции в новые технологии. Но до сих пор при всей распространённости ИИ, блокчейна, Интернета вещей, мобильных приложений, их внедрение в государственный сектор оставалось на общем фоне незначительным. Как правило, это объяснялось ограниченностью потенциала и ресурсов правительства. Но особое значение для внедрения цифровых технологий в государственный сектор имела пандемия COVID-19. Именно в этот период разрабатывалось большинство стратегий цифрового перехода в виду того, что людям стало опасно становиться в живые очереди. От реакционной политики времён пандемии COVID-19 государства должны перейти к полной реорганизации систем управления, вкладываться в развитие новых технологий и обеспечение кибербезопасности.

¹ Яковлев В. Government Technologies: новая цифровая реальность для государства. [Электронный ресурс]. URL: <https://vc.ru/future/145740-government-technologies-novaya-cifrovaya-realnost-dlya-gosudarstva> (дата обращения: 19.01.2024).

² Технологии в государственном управлении (GovTech). ГБУ «Агентство инноваций города Москвы». [Электронный ресурс]. URL: <https://innoagency.ru/files/govtech8.pdf> (дата обращения: 27.01.2024).

³ Там же.

Таблица 1 – Политика цифровизации государства как ответ на пандемию COVID-19¹

Table 1 – Government digitalization policy as a response to COVID-19 pandemic

Временной горизонт	Особенности политики	Действия в рамках цифрового государства
Краткосрочный	Реакция	1. Использование цифровых платформ для точного и своевременного обмена информацией. 2. Налаживание двусторонней связи с населением и содействие электронному участию. 3. Защита частной жизни населения и конфиденциальных данных с учетом непреднамеренных последствий технологий.
Среднесрочный	Решение	1. Формирование эффективных многосторонних партнерств (например, с участием частного сектора, международных организаций, научных кругов) на региональном, национальном и местном уровнях. 2. Использование уроков, извлеченных из нынешнего кризиса.
Долгосрочный	Реорганизация	1. Инвестиции в инновационные технологии (ИИ, blockchain, роботов и дронов), чтобы повысить устойчивость систем здравоохранения и национальной экономики и улучшить предоставление общественных услуг. 2. Пересмотр концепции защиты данных и законодательства о конфиденциальности наряду с извлеченными уроками.

Разумеется, применение технологий не является панацеей, особенно в случае низкой квалификации менеджмента, ответственного за проведение цифровой модернизации госсектора. В этом случае классические риски вроде кибератак и нарушений конфиденциальности данных усугубляются угрозой коррупции и мошенничества.

Многие проблемы в области GovTech исходят из специфики коммуникативного процесса электронного участия: участие и вовлечение граждан базируется на самостоятельном принятии данными субъектами решений об использовании цифровых административных процедур. Именно аспект добровольности электронного участия определяет значимость доверия к правительству для цифровизации государственного сектора. И чтобы обеспечить эффективность данного процесса, необходимо достичь лучшего понимания потребностей и стимулов всех заинтересованных сторон [2].

Цифровизация в современных условиях – уже не модный тренд, а главный инструмент работы государственных учреждений. Поэтому крайне важно уделять большое внимание способам информирования населения о возможностях GovTech и чаще анализировать уровень взаимодействия граждан с областями государственного сектора, где активнее всего применяются цифровые технологии [3]. Итогом внедрения технологий GovTech должно стать создание разветвлённых сетей обратной связи, коммуникации и взаимного контроля. И в этом контексте представляется уместным определять GovTech через его тесную взаимосвязь с инфраструктурной властью государства (т.е. способностью государства проводить свою политику и обеспечивать выполнение принятых решений на всей территории) [4].

В настоящее время ключевыми вызовами для внедрения GovTech представляются следующие:

– неравномерный доступ к широкополосному доступу в Интернет. Недостаток необходимой инфраструктуры тесно связан со следующим вызовом;

– недостаток финансирования. Цифровизация государственного сектора должна проходить этапы самодиагностики и модернизации под запросы времени в виду постоянных изменений в геополитической, экономической, технологической сферах;

– угрозы безопасности данных госсектора. Внедрение технологий GovTech требует от правительств обеспечения высокого уровня кибербезопасности для защиты данных населения и ведомств;

– недостаточный уровень развития экосистемы стартапов. Интенсивность этого вызова напрямую зависит от уровня финансирования и инвестиций в GovTech;

¹ Tyler Lasicki, UN DESA по материалам: GovTech / E-governance Global Industry Landscape in the Post-Pandemic World 2021/Q2. [Электронный ресурс]. URL: <https://analytics.dkv.global/GovTech-Q2-2021/Report.pdf> (дата обращения: 01.02.2024).

– недостаток цифровой грамотности населения. Это особенно касается пожилых людей, для которых использование цифровых решений для получения государственных услуг является стрессовым фактором. Разная степень владения навыками использования ИКТ создаёт цифровой разрыв между гражданами. Поэтому необходимым представляется не только упростить пользовательский интерфейс цифровых государственных сервисов, но и проводить работу по просвещению населения (например, через TV, которым пользуется большинство пожилых людей);

– низкая цифровая грамотность государственных служащих, что приводит к тому, что новые технологии могут использоваться неэффективно или игнорироваться. Необходимо проводить тренинги и обеспечивать непрерывное обучение работников для повышения качества предоставления услуг;

– сложности взаимодействия между различными органами государственного управления. Принципиально разные цели и задачи органов и сложности координации между элементами государственного аппарата могут затруднять обмен информацией и увеличивать время на внедрение новых технологий. В этой связи можно обратить внимание на тренд совместного пользования услугами 2.0.¹ в целях разработки удобных инструментов для коллабораций между ведомствами и даже государствами.

В качестве важного инструмента для развития открытых инноваций на рынке GovTech применяются акселераторы. Стартап-деятельность в России активно развивается в таких городах, как Москва, Санкт-Петербург, Казань и Новосибирск. Помимо экспертной поддержки и очевидных выгод от расширения сети контактов с инвесторами и другими участниками рынка, данный инструмент предполагает финансовую поддержку для масштабирования продукта, даёт возможность адаптировать продукт к требованиям рынка и повышает видимость стартапа [5]. Стоит отметить, что для достижения последней цели стартапу в GovTech, как и в любой другой сфере, важно использовать несколько разных каналов связи: публикации в СМИ, социальные сети, мессенджеры, мобильные приложения, даже видеоигры (например, в целях геймификации процесса обучения использованию цифровых госуслуг).

В долгосрочной перспективе государственный сектор с большой вероятностью будет развиваться в рамках следующих трендов GovTech^{2, 3}:

– новая некоммерческая модель. Ожидается, что появится множество некоммерческих организаций (НКО), которые дополняют традиционные городские службы. Преимуществом таких НКО станут гибкость и высокая адаптируемость;

– приоритет конфиденциальности. Пандемия COVID-19 поспособствовала значительному увеличению объёмов собираемой информации, и потому государства с большой вероятностью продолжат наращивать усилия в сфере обеспечения конфиденциальности данных, в том числе по направлению защиты от инсайдерских угроз;

– блокчейн-голосование. Преимущество такого подхода заключается не только в возможности голосовать удалённо, но в снижении уровня мошенничества;

– индивидуальный цифровой идентификатор. Эта технология позволит персонализировать государственные услуги и повысить их качество, а также обеспечить беспрепятственный доступ к услугам в области здравоохранения, образования и др. Кроме того, если речь идёт о технологии распознавания лиц в регионах, в перспективе возможно значительное снижение уровня преступности;

– эффективная обратная связь. Виртуальная история взаимодействий граждан с государством, единый реестр, включающий индивидуальный рейтинг государственных служащих (как и работников сферы образования, здравоохранения), позволят персонализировать услуги и повысить их прозрачность и качество. Также система отзывов позволяет определить слабые места в функционировании цифрового государства для дальнейшей активизации работы по этим направлениям;

– вовлечение регионов. Речь в том числе идёт о преодолении проблемы нехватки ресурсов через создание совместных проектов территориально близких городов и регионов.

¹ Лапук М. Цифровизация госуправления: как стартапу зайти на гостех-рынок. [Электронный ресурс]. URL: <https://rb.ru/opinion/govtech/> (дата обращения: 23.02.2024).

² Here's What Government Will Look Like in 2030. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.govtech.com/magazines/gt-special-issue-nov-2020-heres-what-government-will-look-like-in-2030.html> (дата обращения: 01.02.2024).

³ GovTech / E-governance Global Industry Landscape in the Post-Pandemic World 2021/Q2. [Электронный ресурс]. URL: <https://analytics.dkv.global/GovTech-Q2-2021/Report.pdf> (дата обращения: 01.02.2024).

В основе экосистемы цифрового государства находится законодательная база, которая регулирует цифровое преобразование и правовые механизмы, обеспечивающие доступ к публичной информации и соблюдение протоколов конфиденциальности в режиме онлайн. Согласно данным ООН за 2022 год, в 132 странах (68% опрошенных) действует законодательство, гарантирующее свободу информации и доступ к информации, а 127 стран (66%) имеют на своих государственных порталах положения о конфиденциальности. Большинство стран (рис. 4) имеют национальную стратегию развития цифрового государства (155), законодательство в сфере обеспечения кибербезопасности (153). Законы, касающиеся электронного участия, имеются в 91 стране, или почти в половине опрошенных ООН стран.

Рис. 4. Законотворчество в области развития электронного государства, 2022 год, количество стран¹

Fig. 4. Legislative framework for e-government development, 2022, number of countries

Отдельного рассмотрения заслуживает европейский опыт цифровизации государственного сектора. Ещё в 2020 году государства-члены ЕС согласовали «Министерскую декларацию о цифровом обществе и цифровом управлении, основанном на ценностях» по инициативе Германии. Прогресс стран-членов ЕС в области цифровых технологий Европейская комиссия (далее – ЕК) отслеживает с помощью Индекса цифровой экономики и общества (DESI), результаты которого публикуются ежегодно.

В целях цифровой декады (на период до 2030) ЕК в области развития цифрового государства выделяет 100%-й доступ граждан ЕС к цифровым госуслугам, электронным удостоверениям личности (eID) и электронным медицинским записям. Пока что лучше всего развито именно направление цифровых услуг для бизнеса (рис. 5). В то же время, в 2023 г. только 68% европейцев в возрасте от 16 до 74 лет обладают цифровыми навыками для использования инструментов цифрового государства при цели в не менее 80% к 2030 году, а потому представляется важным увеличить темпы роста этого показателя².

Государства-члены ЕС в совокупности тратят более 48 млрд. евро, инвестируя в Фонд восстановления и жизнестойкости и Инструмент технической поддержки. И хотя процесс внедрения цифровых государственных услуг неуклонно развивается, инвестиции, связанные с внедрением качественно новых инструментов (например, на основе ИИ или больших данных), по мнению ЕК, не являются достаточными и необходимо значительное увеличение с 118 млрд евро до 295 млрд евро. Также ЕК отмечает недостаток финансирования таких областей государственного сектора, как транспорт, безопасность, образование, культура, строительство и др.

¹ UN E-Government Survey 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://desapublications.un.org/publications/un-e-government-survey-2022> (дата обращения: 05.02.2024).

² Here's What Government Will Look Like in 2030. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.govtech.com/magazines/gt-special-issue-nov-2020-heres-what-government-will-look-like-in-2030.html> (дата обращения: 01.02.2024)

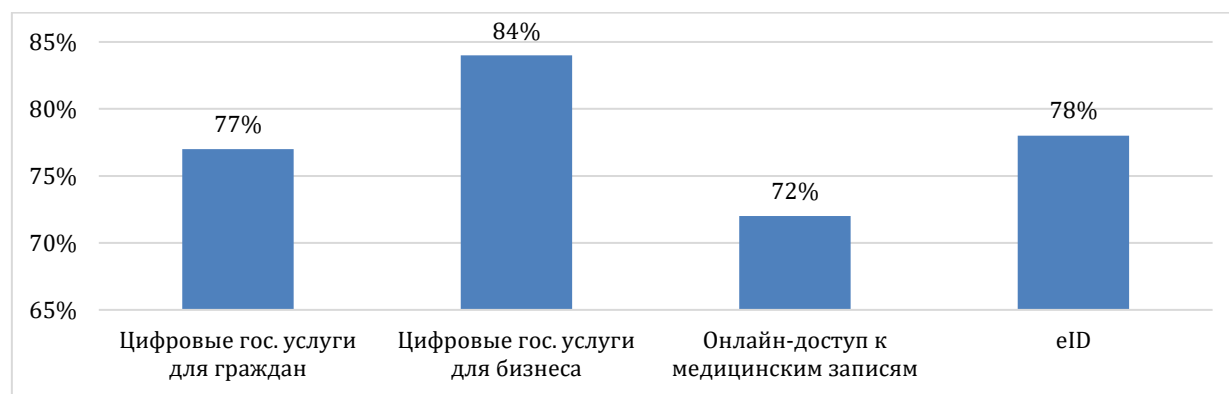

Рис. 5. Предоставление цифровых государственных услуг в ЕС в 2023 году¹

Fig. 5. Digital Public Services in EU in 2023

Что касается Российской Федерации, цифровизация уже проникла во многие сферы жизни страны: от образования до ЖКХ. В 2022 году Россия расположилась на 42-й строчке рейтинга развития электронного правительства ООН (EGDI) против 36-й в 2020 году².

Общий результат EGDI оценивается на основе трёх субиндексов: онлайн-услуги (Online Services Index, OSI), состояние ИКТ-инфраструктуры (Telecommunication Infrastructure Index, TII), индекс человеческого капитала (Human Capital Index, HCI). Следует отметить, что на фоне снижения значения показателя OSI, Россия в 2022 году улучшила показатели по телекоммуникационной инфраструктуре – до значения 0,8053 (на 3,6%) и по индексу человеческого капитала – до 0,9065 (на 2,6%). И несмотря на общее незначительное снижение (с 0,8244 в 2020 году до 0,8162 в 2022 году, изменение меньше 1%), результат России всё ещё заметно выше среднемирового уровня в 0,61, и Россия была отнесена к числу стран с очень высоким уровнем индекса EDGI. Более того, в связи с тем, что лидеры рейтинга регулярно меняются, можно сделать вывод о том, что достижения в отдельный промежуток времени не гарантируют сохранения лидерства на длительный период³.

В это же время, по результатам исследования Всемирного банка GovTech Maturity Index 2022 (GTMI), Россия вошла в топ-10 по индексу зрелости цифрового правительства с наивысшим рейтингом А (в 2020 получила рейтинг В). Индекс зрелости России составил 0,897 балла, по сравнению с общемировым значением в 0,552 балла. GTMI рассчитывается на основе 4 субиндексов по приоритетным направлениям: «Основные государственные системы» (17 показателей; Россия получила 0,881 балл), «Предоставление государственных услуг» (9 показателей; 0,960 баллов), «Вовлеченность населения» (6 показателей; 0,828 баллов) и «Институциональное обеспечение» (16 показателей; 0,919 баллов). Лидерами GTMI стали Южная Корея (0,991 балл), Бразилия (0,975 баллов), Саудовская Аравия (0,971 балл)⁴.

Флагманским продуктом GovTech в России является Единый портал государственных и муниципальных услуг (Госуслуги). С 2019 года число пользователей портала «Госуслуги» выросло в два раза, достигнув на конец 2023 года более 109 млн человек. Прирост за 2023 год составил 10,2 млн человек. Затраты на IT превысили 540 млрд руб. в сравнении с 280 млрд руб. в 2019 году.

Только за 2023 год пользователями было подано 468,3 млн заявлений, на 383,2 млн вопросов ответил чат-бот Макс и на 1,7 млн звонков ответили в кол-центре. В 2023 году россияне получили

¹ 2023 Report on the state of the Digital Decade. [Электронный ресурс]. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/2023-report-state-digital-decade> (дата обращения: 03.02.2024).

² UN E-Government Survey 2022. Department of Economic and Social Affairs. [Электронный ресурс]. <https://desapublications.un.org/publications/un-e-government-survey-2022> (дата обращения: 19.01.2024).

³ Экономист о позициях России в рейтинге развития электронных правительств от ООН. [Электронный ресурс]. URL: <https://news.rambler.ru/sociology/49508462/> (дата обращения: 20.01.2024).

⁴ GovTech Maturity Index (GTMI) Data Dashboard. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.worldbank.org/en/data/interactive/2022/10/21/govtech-maturity-index-gtmi-data-dashboard> (дата обращения: 21.01.2024).

возможность отправлять официальные обращения в органы власти через портал «Госуслуги». До 2025 года к этой площадке подключатся абсолютно все ведомства¹.

Официальный сайт Мэра Москвы является городским аналогом Госуслуг, активно поддерживает местный бизнес и предлагает услуги для горожан по широкому кругу вопросов от электронного школьного дневника до записи на военную службу по контракту. Для предпринимателей со всей страны действует разработанный Минцифры РФ и Минэкономразвития РФ Реестр обязательных требований к бизнесу, предлагающий доступ к базе нормативных правовых актов для всех видов бизнеса.

Особенность развития GovTech в России заключается в сильном геополитическом давлении со стороны недружественных стран. В текущих условиях использование иностранного ПО в государственном секторе создаёт значительную угрозу национальной безопасности, поэтому ещё 30 марта 2022 г. Президент России Владимир Путин подписал указ № 166 «О мерах по обеспечению технологической независимости и безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации». Этот документ предусматривает обязательный переход органов государственной власти и заказчиков на российские ИТ-сервисы к 1 января 2025 года. В числе государственных компаний, уже переходящих на отечественное ПО, можно упомянуть «Росатом» (планирует перейти на отечественный ОС Astra Linux и выделяет под закупку 820 млн руб.), Пенсионный фонд России (модуль, связанный с электронными подписями и шифрованием было решено адаптировать под работу с ОС Astra Linux)².

Распоряжением Правительства Российской Федерации от 21 октября 2022 г. № 3102-р была утверждена концепция создания и функционирования единой цифровой платформы Российской Федерации «ГосТех», а Постановлением Правительства Российской Федерации от 16.12.2022 № 2338 было утверждено Положение о единой цифровой платформе Российской Федерации «ГосТех». ГосТех выступает в качестве цифровой экосистемы создания, развития и эксплуатации государственных информационных систем³.

Ключевые элементы мультитенантной платформы ГосТех представлены на рисунке 6. В качестве единой цифровой платформы ГосТех способствует бесшовной интеграции бизнеса с государством, улучшению клиентского опыта для граждан и позволит государству повысить эффективность управления [6].

ГосТех активно развивается, и уже в январе 2024 г. для платформы был утверждён регламент управления данными ГИС, предусматривающий создание соответствующих моделей как на национальном уровне, так и на уровнях организации и «домена». Ранее совместно с экспертным сообществом была создана политика по управлению данными на платформе ГосТех, которая описывает общие правила взаимодействия, цели, принципы и задачи управления данными. Оба документа содержат универсальные рекомендации по созданию модели управления данными и могут быть адаптированы под потребности других организаций⁴.

В основе платформы заложены идеи «переиспользования» и «архитектура». Первое заключается в уменьшении затрат на разработку приложений за счёт использования компонентов, которые уже есть в системе и которые прошли проверку по безопасности. Этот подход реализуем потому, что большая часть задач, решаемых в рамках работы ГИС, являются типовыми. Что касается архитектуры, ГосТех имеет структуру, разбитую на понятные слои и задачи, и заранее предусматривает правила по созданию новых сервисов и их взаимодействие. Подобная архитектура позволяет значительно снизить затраты на масштабирование. Стоит также отметить, что при разработке ГИС в рамках ГосТех применяется клиентоцентричный подход и даже предусмотрено рассмотрение вопросов архитектурным советом из экспертов крупнейших ИТ-компаний и представителей государственных органов [7].

¹ Единый портал государственных услуг - www.gosuslugi.ru (ЕПГУ). [Электронный ресурс]. URL: [https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Единый_портал_государственных_услуг_-_www.gosuslugi.ru_\(ЕПГУ\)_\(дата_обращения:_04.02.2024\)](https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Единый_портал_государственных_услуг_-_www.gosuslugi.ru_(ЕПГУ)_(дата_обращения:_04.02.2024)).

² Что такое ГосТех и как он развивается в России | РБК Тренды. [Электронный ресурс]. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/innovation/60fea8779a79473d941ccb51> (дата обращения: 05.02.2024).

³ Концепция создания и функционирования единой цифровой платформы Российской Федерации "ГосТех". [Электронный ресурс]. <http://static.government.ru/media/files/oqOLBuZAAAFuqahxNhCJRk5EFB6TjBzY.pdf> (дата обращения: 04.02.2024).

⁴ Президиум Правительственной комиссии по цифровому развитию утвердил регламент управления данными ГИС на платформе ГосТех. [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/gosteh/751> (дата обращения: 04.02.2024).

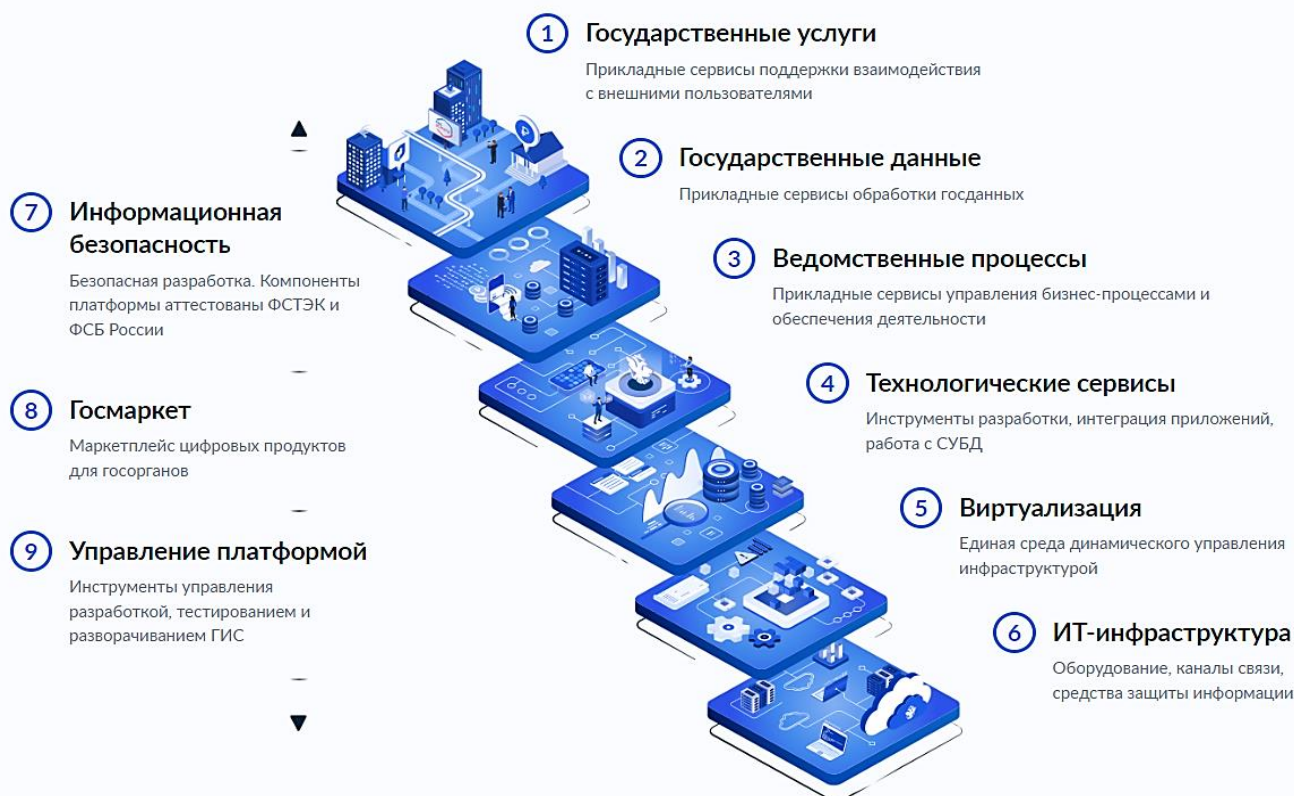

Рис. 6. Мультиотенантная платформа «ГосТех»¹

Fig. 6. Multi-tenant GovTech platform

Клиентоцентричность, платформенность и оптимизация, лежащие в основе развития цифровых процессов, выступают для платформы ГосТех не просто векторами развития, а основой реализации. Поэтому чрезвычайно важно осознавать видение государством принципов цифровой трансформации и отслеживать изменения этого видения, закрепляемые в правовом поле [8].

Можно выделить следующие условия роста рынка GovTech в России:

– инвестиции в развитие экосистемы стартапов. Приоритетными направлениями для разработки стартапов должны стать вопросы идентификации пользователей, конфиденциальности, синхронизации информационных систем, хранение и резервное копирование данных².

Также в этом направлении представляется возможным создание единых городских GovTech-центров для интеграции органов власти и коммерческих партнёров по направлению цифровизации госуслуг. Для эффективного внедрения инноваций в государственный сектор важен системный подход к работе с новыми проектами, а также совершенствование процедур государственных закупок (через создание специализированного маркетплейса и аккредитацию поставщиков, продвижение стартапов в области малого и среднего бизнеса). Более успешному функционированию отечественной экосистемы стартапов послужит и запуск программ для развития цифровых навыков у государственных служащих, а также продолжение работы по направлению совершенствования уже существующих цифровых площадок [9].

– покупка крупными компаниями технологических стартапов. Через работу с вендорами в лице, например, «Сбер» или Mail.ru, технологические стартапы нарабатывают опыт взаимодействия с бизнесом, понимание его потребностей и получают возможность выйти на государственных заказчиков, чтобы предложить действительно полезные решения для цифровизации государственных услуг³.

¹ Единая цифровая платформа «ГосТех». [Электронный ресурс]. URL: <https://platform.gov.ru/> (дата обращения: 04.02.2024).

² Соловьев А. Что такое ГосТех и как он развивается в России | РБК Тренды. [Электронный ресурс] URL: <https://trends.rbc.ru/trends/innovation/60fea8779a79473d941ccb51> (дата обращения: 25.01.2024).

³ Там же.

В роли инновационного брокера может выступить не только компания, но и площадка (например, для размещения гос. заказов).

Одним из наиболее перспективных направлений развития отечественного рынка GovTech является развитие систем обработки больших данных. Облачные технологии могут успешно применяться для изучения цифрового поведения пользователей государственных услуг и подходят для ресурсосберегающей обработки данных в масштабируемых и отказоустойчивых системах. Так, в Великобритании облачные технологии применялись в период пандемии COVID-19 для сбора свидетельских показаний, что сокращало затраты на хранение и транспортировку доказательств, записанных на физических носителях¹.

Кроме того, российский GovTech нуждается в развитии аналитики больших данных, предиктивной и прескриптивной аналитики. Искусственный интеллект на базе машинного обучения обладает потенциалом для повышения точности прогнозов будущих трендов и, соответственно, нужд граждан. Ещё в 2022 г. в России приступили к реализации проекта Минцифры РФ Госдата.хаб, который призван объединить обезличенные данные органов власти всех уровней, что показывает заинтересованность государства в этом векторе развития².

Подводя итог всему вышесказанному, можно сделать вывод, что растущий тренд GovTech отражает потребность общества в трансформации государственного управления в текущих условиях цифровизации всех сфер жизни общества. Государственный сектор России обладает значительным потенциалом к успешному осуществлению цифровой трансформации и дальнейшему развитию рынка GovTech.

Список источников

1. Назаренко Т. С., Новикова И. С. Цифровая трансформация государственного управления как стратегическое общественное благо // Стратегирование: теория и практика. 2023. Т. 3. № 2. С. 140–157. <https://doi.org/10.21603/2782-2435-2023-3-2-140-157>
2. Соколинская Т. В., Долганов Д. И. Цифровая трансформация сферы государственного управления // Новости науки и технологий. 2023. № 4(67). С. 24–35.
3. Ковешникова Д. В., Соловьев Я. М., Сурков В. В., Бойков А. А. Влияние цифровых технологий на государственные структуры // Fundamental science and technology : Сборник научных статей по материалам XII Международной научно-практической конференции, Уфа, 14 апреля 2023 года. Том 2. – Уфа: ООО "Научно-издательский центр "Вестник науки", 2023. С. 36–44.
4. Мухаметов Д. Р., Симонов К. В. «Умное государство»: перспективы внедрения цифровых технологий государственного управления в России // Мир новой экономики. 2021. Т. 15. № 3. С. 17–27. – DOI 10.26794/2220-6469-2021-15-3-17-27.
5. Мухаметов Д.Р. Инструменты стимулирования открытых инноваций для городских странств // Вопросы инновационной экономики. 2023. Том 13. № 3. С. 1327–1338. – doi: 10.18334/vines.13.3.119236.
6. Свекровин Е. Н. Единые цифровые платформы как способ повышения эффективности государственного управления // Актуальные вопросы устойчивого развития современного общества и экономики : Сборник научных статей 2-й Всероссийской научно-практической конференции. В 3-х т., Курск, 27–28 апреля 2023 года. Том 2. – Курск: Закрытое акционерное общество "Университетская книга", 2023. С. 332–335. – DOI 10.47581/2023/FA-23/Svekrovin.01.
7. Лига Д. К., Ватолина О. В. Роль цифровых платформ в трансформации государственного управления // Наука и бизнес: пути развития. 2023. № 5(143). С. 105–08.
8. Мирошниченко М. А., Городничая Д. И., Сивинцева К. К. Ключевые тренды цифровых проектов в государственном управлении // Естественно-гуманитарные исследования. 2023. № 2(46). С. 399–405.
9. Васюта Е. А., Подольская Т. В. Опыт внедрения технологии GovTech в государственном управлении: глобальные тренды и обзор лучших мировых практик // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 3. С. 17–24. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-17-24>

¹ Главные перспективы развития в России GovTech — Гостех. [Электронный ресурс]. URL: <https://platform.gov.ru/news/glavnye-perspektivy-razvitiya-v-rossii-gostekh/> (дата обращения: 05.02.2024).

² GovTech – как бизнесу заработать на растущем тренде. [Электронный ресурс]. URL: <https://embedika.ru/blog/govtech-trends> (дата обращения: 05.02.2024).

References

1. Nazarenko T. S, Novikova I. V. Digital Transformation of Public Administration as a Strategic Public Value. *Strategizing: Theory and Practice*. 2023;3(2);140-157. (In Russ.). <https://doi.org/10.21603/2782-2435-2023-3-2-140-157>
2. Sokolinskaya T. V., Dolganov D. I. Digital transformation of public administration sphere. *News of science and technology*. 2023;4(67);24-35. (In Russ.).
3. Koveschnikova D. V., Solovyov Ya. M., Surkov V. V., Boykov A. A. Impact of digital technologies on government structures. *Fundamental science and technology: Collection of scientific articles on the materials of the XII International Scientific and Practical Conference, Ufa, April 14, 2023. Volume 2. Ufa: Limited Liability Company "Scientific and Publishing Center "The Bulletin of Science", 2023;36-44. (In Russ.).*
4. Mukhametov D. R., Simonov K. V. "Smart Government": prospects for introduction of digital technologies in public administration in Russia. *The World of New Economy*. 2021;15(3):17-27. (In Russ.). DOI: 10.26794/2220-6469-2021-15-3-17-27
5. Muhametov D. R. Tools to stimulate open innovation for urban spaces. *Russian Journal of Innovation Economics*. 2023;13(3);1327-1338. (In Russ.). doi: 10.18334/vinec.13.3.119236.
6. Svekrovin E. N. Unified digital platforms as a way to improve the efficiency of public administration. *Topical Issues of Sustainable Development of Modern Society and Economy: Collection of Scientific Articles of the 2nd All-Russian Scientific and Practical Conference. In 3 volumes, Kursk, 27-28 April 2023. Volume 2. Kursk: Closed Joint Stock Company "University Book". 2023;332-335. (In Russ.). DOI 10.47581/2023/FA-23/Svekrovin.01.*
7. Ligai D. K., Vatolina O. V. The role of digital platforms in transformation of public administration. *Science and business: ways of development*. 2023;5(143);105-108. (In Russ.).
8. Miroshnichenko M. A., Gorodnichaya D. I., Sivintseva K. K. Key trends in digital projects in public administration. *Natural and Humanitarian Research*. 2023;2(46);399-405. (In Russ.).
9. Vasyuta E. A., Podolskaya T. V. Experience of implementing GovTech technology in public administration: global trends and world's best practices overview. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2022;(3):17-24. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-17-24>

Информация об авторах

Т. В. Подольская – кандидат экономических наук, доцент, зав. кафедрой международных экономических отношений ЮРИУ РАНХиГС.

Ф. Д. Ульбашева – кандидат экономических наук, доцент кафедры международного менеджмента факультета публичной политики и управления РАНХиГС.

Е. А. Васюта – старший преподаватель кафедры международных экономических отношений ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the authors

T. V. Podolskaya – Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Head of Department of International Economic Relations, South-Russia Institute of Management –branch of RANEPА.

F. D. Ulbasheva – Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Department of International Management, Faculty of Public Policy and Management, RANEPА.

E. A. Vasyuta – Senior Lecturer of Department of International Economic Relations, South-Russia Institute of Management –branch of RANEPА.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.04.2024; одобрена после рецензирования 26.05.2024; принята к публикации 27.05.2024.

The article was submitted 01.04.2024; approved after reviewing 26.05.2024; accepted for publication 27.05.2024.

Научная статья

УДК 338.246

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-159-164>

EDN YATMFS

Концепция энергетического перехода: история понятия и эволюция явления

Андрей Андреевич Сизов

Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия,
a.sizov011@yandex.ru

Аннотация. Четыре ключевых индикатора изменения климата – концентрация парниковых газов, повышение уровня моря, жара и закисление океана – каждый год устанавливают новые рекорды. Одним из инструментов ограничения глобального потепления на планете является энергетический переход, то есть переход от структуры энергетики, основанной на ископаемом топливе, к структуре, производящей очень ограниченные, если не нулевые выбросы углерода.

Цель статьи – рассмотреть концепцию энергетического перехода через призму исторической эволюции. **Методы:** системный анализ, сравнение, обобщение, систематизация. **Результаты:** рассмотрены причины и сущность явления энергетического перехода. Особое внимание уделено причинам и тенденциям четвертого энергоперехода. Затрагивается проблема рисков энергоперехода в современной геополитической и социально-экономической обстановке. **Выводы:** с исторической точки зрения, энергетические переходы не являются чем-то новым. Однако сегодня развитие стран по эффективным сценариям борьбы с изменением климата требует усилий и в области международного сотрудничества, и в области достижения внутривластного консенсуса, т.е. формирования политического, общественного и экспертного мнения, разделяющего принципы энергетического перехода.

Ключевые слова: энергетический переход, геополитика, дипломатия, климат, энергообеспеченность, энергетический суверенитет

Для цитирования: Сизов А. А. Концепция энергетического перехода: история понятия и эволюция явления // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 2. С. 159–164. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-159-164>. EDN YATMFS

Problems of Economics

Original article

The concept of energy transition: the history of the concept and the evolution of the phenomenon

Andrei A. Sizov

Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia, a.sizov011@yandex.ru

Abstract. Four key indicators of climate change – greenhouse gas concentrations, sea level rise, heat and ocean acidification – are setting new records every year. One of the tools for limiting global warming on the planet is the energy transition, that is, the transition from a fossil fuel-based energy structure to one that produces very limited, if not zero carbon emissions. The aim of the article is to examine the concept of energy transition through the prism of historical evolution. Methods: system analysis, comparison, generalization, systematization. Results: the causes and essence of the energy transition phenomenon are considered. Special attention is paid to the causes and trends of the fourth energy transition. The problem of energy transition risks in the modern geopolitical and socio-economic environment is touched upon. Conclusions: from the historical point

of view, energy transitions are not something new. However, today the development of countries on effective scenarios to combat climate change requires efforts both in the field of international cooperation and in the field of achieving domestic political consensus, i.e. the formation of political, public and expert opinion that shares the principles of energy transition.

Keywords: energy transition, geopolitics, diplomacy, climate, energy security, energy sovereignty

For citation: Sizov A. A. The concept of energy transition: the history of the concept and the evolution of the phenomenon. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(2):159–164. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-159-164>. EDN YATMFS

Введение. Рубеж 2010-х – 2020-х гг. вызвал поистине тектонические подвижки во многих сферах мироустройства. С каждым годом все явственнее проступают следствия глобальной трансформации современной мировой системы в области политики и геополитики, экономики, мировой торговли, образования, культуры, технологического уклада и т. д.

Одним из частных, но многое определяющих трансформационных процессов являются изменения в сфере генерации и потребления электроэнергии. Такие глобальные перестройки структуры энергетического баланса получили в истории наименование энергетических переходов. Истории возникновения данного понятия, его развития и причинах эволюции посвящена данная статья.

Во все времена и на любых стадиях развития человеческого общества энергетическое хозяйство являло собой базу для экономической деятельности человека. Способы получения энергии, интенсивность потребления, технические решения в области преобразования энергии определяют возможности развития техники, экономики, социума и государства. Ещё в 1975 году П.Л. Капица писал, что основным фактором, определяющим материальную культуру общества, является создание и использование источников энергии. Здесь он выделял два аспекта. Первый – бытовое применение. Это освещение, питание электроприборов повседневного пользования. Второй аспект – энергия промышленная. Её количество и стоимость во многом определяют уровень и темпы роста ВВП страны [1]. Неравномерная обеспеченность энергетическими ресурсами во многом есть залог глобального социально-политического неравенства, а попытки искусственно влиять на этот процесс приводят к энергетическим кризисам. Идея глобального энергетического кризиса возникла и стала явственной в начале 1970-х годов, в связи с возникшем на мировом рынке дефиците нефти.

Цель статьи – рассмотреть концепцию энергетического перехода через призму исторической эволюции.

Задачи: 1) рассмотреть причины и тенденции четвертого энергоперехода; 2) провести анализ возможных сценариев реализации четвертого энергоперехода по версии Международного Энергетического Агентства; 3) изучить проблему рисков энергоперехода в современной геополитической и социально-экономической обстановке.

Методы: системный анализ, сравнение, обобщение, систематизация.

Результаты. Неизбежность энергетического кризиса по мнению ученых основывается на законе сохранения энергии. Статистика указывает на то, что накопленная за миллионы лет в ископаемых углеводородах (газе, угле, нефти), энергия расходуется в последние 150 лет человечеством быстро, а значит ископаемое топливо конечно.

Глобальные качественные изменения, происходящие в сферах производства энергии и энергопотребления получили название *энергетического перехода* (Energy Transition). Термин появился сравнительно недавно, только в середине XX века. И на сегодняшний день в научной среде отсутствует однозначное определение понятия «энергетический переход». Осмыслить это явление в начале XXI века пытался чешско-канадский исследователь Вацлав Смил. Энергопереход он описал как изменение структуры первичного энергопотребления и постепенного перехода от существующей схемы энергообеспечения к новому состоянию энергетической системы [2]. Такие переходы также меняют и технологические уклады экономики, заменяя прежние двигатели новыми, внедряя более совершенные и более эффективные способы конечного использования энергии [3; 4]. Таким образом, энергетический переход может быть определён как значимые изменения в способах получения энергии при условии, что определенный источник или группа источников энергии доминирует на рынке в течение определенного периода времени, и в конечном счете заменяется другим ведущим источником или источниками энергии [5].

В истории развития энергетики принято выделять четыре энергетических перехода.

1. Первым считается переход от древесины (биомассы) к углю. Он начал происходить во второй половине XIX века и завершился к 1900 году. За это время доля угля в мировом энергобалансе выросла с 5% до 50%.

2. Второй энергопереход возник за счёт увеличения доли нефти в получении первичной энергии. Если в 1915 году на нефть приходилось 3% приходной части мирового топливного баланса, то к 1975 г. ее доля выросла до 45 %.

3. Третий энергопереход произошёл благодаря расширению использования газа (1930 год – 3 %, 2017 год – 23 %) в промышленности и энергетике. Особенностью этого этапа стало отсутствие доминирующего ресурса в структуре потребления.

4. С начала 2000-х происходит четвёртый энергопереход. Он связан с внедрением возобновляемых источников энергии (ВИЭ) и постепенным вытеснением углеводородов. По планам Международного энергетического агентства, этот этап должен завершиться к 2150 году.

Отчетливо видно, что до последнего времени каждый энергопереход подразумевал применение более энергоёмкого сырья и характеризовался существенным скачком объёмов потребляемой энергии. Действительно дрова (биомасса), уголь, нефть, газ, ядерное топливо сменяли друг друга на протяжении последних 250-300 лет. Однако, четвёртый энергопереход, флагманом которого по логике должна была стать энергия атома так и не состоялся. Будучи дискредитированным катастрофическими авариями 1986 (Чернобыль) и 2011(Фукусима) годов, он был оттеснен на задний план так называемой «зеленой повесткой».

Последний четвёртый энергопереход принципиально отличается от предшествующих не увеличением энергоёмкости, а декларированием руководящей роли экологического фактора. Ранее экологические проблемы отходили на второстепенные позиции. Прежде всего важно было покрыть возросшие потребности общества новым источником энергии и решить проблему энергодефицита.

Предысторией стал нефтяной кризис 1973 года, когда ОПЕК отказалась продавать сырьё странам (Великобритания, Канада, Нидерланды, США, Япония), поддерживающим Израиль в войне против арабских стран. Те события считаются первым и крупнейшим энергетическим кризисом в истории. Картель имел целью оказать политическое давление на мировое сообщество для отказа от поддержки политики Израиля. Эмбарго привело к сокращению производства нефти и её удорожанию. Американский экономист Дэниел Ергин описывает эти события как появление «нефтяного оружия», которое ОПЕК во главе с Саудовской Аравией грозили использовать, если США не прислушаются к арабской точке зрения и не откажутся от всесторонней поддержки Израиля [6].

Последующие годы страны-импортёры нефти, стали задумываться о снижении зависимости от поставщиков энергоресурсов. Нефтяной шок привёл к тому, что вопросы энергоснабжения из сугубо экономических превратились в политические. Это стало предметом обсуждения национальной безопасности. В 1977 году мировую политику термин «энергопереход» ввёл президент США Джимми Картер. В обращении к нации он заявил, что для понимания пути выхода из кризиса важно обратить внимание на историю энергопотребления. «Дважды за последние несколько сотен лет происходила смена способа использования энергии. Первый раз это произошло около 200 лет назад: от дерева, которое давало около 90 % всего топлива, перешли к углю, который был более эффективным. Второе изменение произошло в этом столетии, с ростом использования нефти и природного газа. Они были удобнее и дешевле угля, а их запасы казались практически безграничными. Благодаря им наступила эра автомобилей и самолётов», – отмечал Картер. Он отмечал, что нужно разработать всеобъемлющий энергетический план для повышения национальной безопасности. «Мы находимся в переходном периоде, когда должны работать над тем, чтобы избежать, свести к минимуму краткосрочный дефицит поставок, в то время как мы действуем в направлении расширения и развития наших внутренних поставок для удовлетворения долгосрочных энергетических потребностей», – сказал Картер¹.

Основной альтернативой зарубежному ископаемому топливу он видел атомную энергию. В программу на десятилетия вперёд закладывалась также разработка сланцевых месторождений нефти и газа, развитие геотермальной энергетики. В 2019 году, по данным Energy Information Administration продажи сырой нефти составляли на 89 000 баррелей в сутки больше, чем закупки. «Возвращение США к статусу нетто-экспортера напоминает о том, как нефтяная промышленность

¹ Special Message to the Congress on Energy Policy. - [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/special-message-the-congress-energy-policy> (дата обращения 23.03.2024)

может преподнести сюрпризы — в данном случае речь о революции сланцевой нефти, которая переворачивает с ног на голову цены на нефть, производство и торговые потоки», – Боб Макнелли, экс-советник по энергетике президента Джорджа Буша-младшего и руководитель Rapidan Energy¹.

Нефтяной кризис стал таким драйвером к внедрению новых технологических решений и имел долгосрочные как экономические, так и политические последствия. В то время как зависящие от поставок сырья государства, были озабочены усилением энергобезопасности и снижением этой зависимости, страны ОПЕК смогли отвоевать себе позиции на рынке, вытеснив Международный нефтяной картель («Семь сестёр» по определению бизнесмена Энрико Маттеи, 1950 г.) – семь компаний из США, Великобритании и Нидерландов, которые контролировали 80% производства нефти, и определяли ценовую политику с 1930-х по 1970-е гг.²

То, что сейчас принято называть ВИЭ и считать основой четвертого энергоперехода, получило своё определение в конце 1970-х гг. Но тогда речь еще не шла о замене углеводородов, стратегия заключалась в расширении предложения на энергетическом рынке. В 1978 г. в соответствии с резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 33/148 было введено понятие «новые и возобновляемые источники энергии» (НВИЭ), в которое включили солнечную, геотермальную, ветровую энергию, энергию приливов. Именно доля НВИЭ в энергетическом балансе определяет глубину процессов четвертого энергетического перехода, хотя НВИЭ не являются единственным низкоуглеродным источником энергии.

Помимо все более масштабного использования НВИЭ, основная особенность этапов энергетического перехода второй половины XX и начала XXI вв. заключается в стремлении к экономии энергии и повышению энергоэффективности. Повышение эффективности использования энергии превратилось в одну из основных целей политики государств по всему миру. Это позволило сократить выбросы парниковых газов в атмосферу и добиться увеличения размера ВВП без прироста генерирующих мощностей, то есть «отделить экономический рост от потребления энергии»³.

Активное использование термина «энергетический переход» в международных документах породило ещё больше дискуссий о том, что именно считать самим переходом – полную смену одного источника на другой, или же добавление новых источников и расширение «энергетической корзины».

В 1972 г. вышел знаменитый доклад Римского клуба «Пределы роста», где анализировалась связь увеличения человеческой популяции и исчерпания природных ресурсов. В документе содержалось 12 сценариев развития жизни на Земле до 2100 г. По логике исследователей, человечество должно прилагать существенные усилия для ограничения рождаемости и потребления, чтобы сохранить энергобаланс [7]. Таким образом, вопросы энергообеспеченности человечества превратились в политическую дискуссию, где затруднительно различать факты от тенденций, заложенных в расчёт. Точку зрения изложенную в докладе Римского клуба опровергал Герхард Хейлиг, глава отдела демографических оценок и прогнозов ООН. Он считал, что сама постановка вопроса о пределе населения лишена смысла, если её рассматривать в отрыве от эволюции социальных и экономических условий, развития науки и техники. На основе этих примеров С.П. Капица настаивает, что вопросы будущего энергетики, питания, снабжения человечества не стоит сопровождать простыми доводами о конечности ресурсов и необходимости снижать потребление и ухудшать качество жизни [8].

Важно понимать, что энергопереход не стоит рассматривать исключительно как глобальный процесс, происходящий во всём мире одновременно. Каждая страна, сообразно своим финансовым, политическим, технологическим возможностям, производит изменения в энергетическом секторе и либо становится драйвером энергоперехода, либо его участником.

Перед Россией в контексте четвертого энергетического перехода встает целый ряд вызовов экономического, технологического и геополитического характера. То, как страна будет отвечать на эти вызовы зависят ее энергобезопасность, место в мировой энергетике, технологический суверенитет и экономическое будущее. Прочные позиции России на мировых сырьевых рынках сейчас

¹ Oil Posts Worst Decline in 2 1/2 Months on Bearish OPEC Signals. - [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-11-28/oil-set-for-fourth-weekly-gain-as-thanksgiving-mutes-trade> (дата обращения 23.03.2024).

² The new Seven Sisters: oil and gas giants dwarf western rivals. - [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.ft.com/content/471ae1b8-d001-11db-94cb-000b5df10621> (дата обращения 23.03.2024)

³ Renewables 2021. - [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.iea.org/reports/renewables-2021> (дата обращения 23.03.2024).

оказались предметом геополитической напряженности, которая сопровождает четвертый энергопереход, политические разногласия между РФ с одной стороны и ЕС и США с другой, – ситуацию усугубили.

В 2022 году в докладе World Energy Outlook Международное энергетическое агентство (МЭА) разработало 3 базовых сценария реализации четвертого энергетического перехода.

Первый из них – «Чистый ноль выбросов к 2050 году» (NZE), считающийся оптимальным в МЭА. Сценарий предполагает изменения в глобальном энергетическом секторе с целью достижения углеродной нейтральности к 2050 году, причем страны с развитой экономикой должны достигнуть этого раньше развивающихся стран. Этот сценарий отвечает ключевым целям устойчивого развития ООН, связанным с энергетикой, в частности, достижение всеобщего доступа к энергии к 2030 году и значительное улучшение качества воздуха. Сценарий содержит показатель по ограничению повышения глобальной температуры не более чем на 1,5 °C.

Второй – сценарий объявленных обязательств (APS), призванный показать, в какой степени объявленные амбиции и цели государств обеспечивают уровень сокращения выбросов, необходимый для достижения углеродной нейтральности к 2050 году. Сценарий предполагает претворение в жизнь масштабных национальных заявлений о целевых показателях на 2030 г. и более долгосрочные обязательства, независимо от того, были ли они закреплены в законодательстве. Согласно этому сценарию, страны полностью реализуют свои национальные цели до 2030 и 2050 гг.

Третий – сценарий утвержденной политики (STEPS). Он представляет собой более консервативный ориентир на будущее, поскольку не считает само собой разумеющимся, что правительства достигнут всех объявленных целей. Вместо этого в нем более детально, по секторам, рассматривается то, что уже сделано для достижения имеющихся целей, связанных с энергетикой, с учетом не только существующих политик и мер, но и тех, которые находятся в стадии разработки. Этот сценарий описывает развитие энергетической системы без серьезного дополнительного руководства со стороны политиков¹.

Выводы. Подводя итоги анализа сценариев развития процессов энергетического перехода, стоит заметить, что общие тренды происходящего энергоперехода таковы:

- сокращение энергопотребления в развитых странах и увеличение энергопотребления в развивающихся;
- увеличение энергопотребления за счет ВИЭ, гидроэнергии, биомассы и газа. При этом основное сокращение будет происходить за счёт угля;
- снижение объемов выбросов углекислого газа в зависимости от степени выполнения странами взятых на себя обязательств.

Однако, текущее геополитическое напряжение и энергетические кризисы не позволяют рассчитывать на реализацию наиболее оптимистичных сценариев. Это объясняется тем, что развитие стран по эффективным сценариям требует усилий и в области международного сотрудничества, и в области достижения внутривластного консенсуса, т.е. формирования политического, общественного и экспертного мнения, разделяющего принципы энергетического перехода. При этом, уже заданный путь развития энергетического перехода будет продолжаться². Особенно этот процесс будет актуален в Европейском союзе, рассматривающем ВИЭ как гарант своей энергетической безопасности. Но и другие регионы мира будут стремиться к завоеванию лидерства в этой перспективной сфере, что будет способствовать дальнейшей эволюции процесса энергетического перехода.

Список источников

1. Доклад на научной сессии, посвященной 250-летию Академии наук СССР, Москва, 8 октября 1975 г. // Вестник АН СССР. 1976. № 1. С. 34-43.
2. Smil V. Energy Myths and Realities: Bringing Science to the Energy Policy Debate. AEI Press Publ., 2010. 232 pp.

¹ World Energy Outlook 2022. - [Электронный ресурс]. Режим доступа:

https://iea.blob.core.windows.net/assets/a05fca09-9785-41d6-8b03-94953f68c61b/WEO2022_ES_Russian.pdf (дата обращения 23.03.2024).

² Прогноз развития энергетики мира и России 2019. энергопереход: риски и возможности. - [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.imemo.ru/files/File/ru/seminars/2019/nftegaz/Mitrova_prezent.pdf (дата обращения 23.03.2024).

3. Smil V. Energy Transitions – [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://vaclavsmil.com/wp-content/uploads/WEF_EN_IndustryVision-12.pdf (дата обращения 28.02.2024)
4. Smil V. Energy Innovation as a Process: Lessons from LNG - [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vaclavsmil.com/wp-content/uploads/docs/smil-article-2010-energy-innovation-process.pdf> (дата обращения 28.02.2024)
5. Melosi, M. V. Humans, Cities, and Nature: How Do Cities Fit in the Material World? *Journal of Urban History*, 2010. № 36(1). P. 3-21. <https://doi.org/10.1177/0096144209349876>
6. Дэниел Ергин. Добыча: Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть. М.: «Альпина Паблишер», 2011. 944 с.
7. Медоуз Д. и др. Пределы роста Архивная копия от 2 февраля 2017 на Wayback Machine / Пер. с англ.; Предисл. Г. А. Ягодина. М.: Изд-во МГУ, 1991. 208 с.
8. Капица С.П. Энергетика и экономика человечества // Альтернативная энергетика и экология. 2009. № 9. С. 10–12.

References

1. Report at the scientific session devoted to the 250th anniversary of the Academy of Sciences of the USSR, Moscow, October 8, 1975. *Bulletin of the Academy of Sciences of the USSR*. 1976; (1): 34-43. (In Russ.)
2. Smil V. *Energy Myths and Realities: Bringing Science to the Energy Policy Debate*. AEI Press Publ., 2010.
3. Smil V. *Energy Transitions*. Available form: https://vaclavsmil.com/wp-content/uploads/WEF_EN_IndustryVision-12.pdf [Accessed 28 February 2024].
4. Smil V. *Energy Innovation as a Process: Lessons from LNG*. Available form: <https://vaclavsmil.com/wp-content/uploads/docs/smil-article-2010-energy-innovation-process.pdf> [Accessed 28 February 2024].
5. Melosi M. V. Humans, Cities, and Nature: How Do Cities Fit in the Material World? *Journal of Urban History*. 2010; (36): 3-21. <https://doi.org/10.1177/0096144209349876>
6. Daniel Yergin. *The Prize: The Epic Quest for Oil, Money, and Power*. Moscow: "Alpina Publisher". 2011. (In Russ.)
7. Meadows D. et al. *Limits of Growth Archived copy from February 2, 2017 at the Wayback Machine*. Moscow; 1991. (In Russ.)
8. Kapitsa S. P. Energetika i ekonomika mankinda. *Alternative energy and ecology*. 2009;(9):10–12. (In Russ.)

Информация об авторе

А. А. Сизов – кандидат технических наук, докторант МГИМО.

Information about the author

A. A. Sizov – Cand. Sci. (Technic.), Doctoral Candidate, MGIMO.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 06.04.2024; одобрена после рецензирования 07.05.2024; принята к публикации 08.05.2024.

The article was submitted 06.04.2024; approved after reviewing 07.05.2024; accepted for publication 08.05.2024.

Структурные метаморфозы политических процессов на пороге посткапиталистической эпохи: новые акторы, интеракции и феномены

Давид Армикович Айрапетян

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия,
ayrapetyan-da@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5192-7904>

Аннотация. Автор исследования обращается к особенностям структурных изменений в политических процессах в условиях межформационного перехода, обусловленного кризисом объективных капиталистических производственных отношений. На основе анализа динамической модели политического процесса Г. Алмонда и Дж. Пауэлла автор приходит к выводу, что современные политико-экономические преобразования уже не позволяют эффективно описывать структуру политического процесса с точки зрения устоявшихся теоретических моделей, построенных в эпоху стабильного экономического роста. Изменения в акторно-ресурсной основе политических процессов, генерирующие новых акторов и модернизирующие ресурсную базу политических интеракций, объясняются переходом к сетевым и горизонтальным форматам управления, рушащим капиталистические вертикали и иерархии. Автор выделяет новые виды политических акторов и ресурсов, а также предпринимает попытку описать тенденции их взаимодействия через призму экономико-технологических преобразований. Помимо этого, выдвигается предположение, что исследовать структуру политического процесса в современных условиях более логично с точки зрения акторно-сетевой теории, ориентированной на дескрипцию «сборок», учитывающих многофакторную и хаотичную природу политики.

Ключевые слова: структура политического процесса, политические акторы, интеракции, новые ресурсы политики, сетевизация, платформы, кризис капитализма, посткапитализм

Для цитирования: Айрапетян Д. А. Структурные метаморфозы политических процессов на пороге посткапиталистической эпохи: новые акторы, интеракции и феномены // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 2. С. 165–172. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-165-172>. EDN ALUJWJ

Politology and Ethnopolitics

Original article

Structural metamorphoses of political processes on the threshold of the post-capitalist era: new actors, interactions and phenomena

David A. Ayrapetyan

South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia,
ayrapetyan-da@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5192-7904>

Abstract. The author of the study addresses the peculiarities of structural changes in political processes in the context of an interformational transition caused by the crisis of objective capitalist production relations. Based on the analysis of the dynamic model of the political process by G. Almond and J. The author concludes that modern political and economic transformations no longer allow us to effectively describe the structure

of the political process from the point of view of established theoretical models built in the era of stable economic growth. Changes in the actor-resource base of political processes, generating new actors and modernizing the resource base of political interactions, are explained by the transition to network and horizontal management formats that destroy capitalist verticals and hierarchies. The author identifies new types of political actors and resources, and also attempts to describe the trends of their interaction through the prism of economic and technological transformations. In addition, it is suggested that it is more logical to study the structure of the political process in modern conditions from the point of view of actor-network theory, focused on the description of "assemblies" that take into account the multifactorial and chaotic nature of politics.

Keywords: the structure of the political process, political actors, interactions, new political resources, networking, platforms, the crisis of capitalism and post-capitalism

For citation: Ayrapetyan D. A. Structural metamorphoses of political processes on the threshold of the post-capitalist era: new actors, interactions and phenomena. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(2):165–172. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-165-172>. EDN ALUJWJ

Капиталистическая система, как исторически обусловленный экономический конструкт и особый политический порядок современности, претерпевает серьезное кризисное разложение и демонстрирует неуклонную тенденцию к глобальной трансформации и перерождению в нечто иное, что не похоже на привычный нам капитализм. Нарастающие противоречия в соотношении эволюционирующих производительных сил и стагнирующих неолиберальных производственных отношений воздействуют на гомеостаз экономического конструкта, чей кризисный каркас влияет на политическую подсистему общества и процессы, протекающие в ней. Перспектива формирования новой общественно-экономической формации, возникающая сегодня, по мнению А. В. Бузгалина и А. И. Колганова [1], в сфере прогресса производительных сил и в пространстве противоречий капиталистических производственных отношений, обозначена философом Ю. В. Лоскутовым в качестве сложной теоретико-практической проблемы, так как при всей фиксации деструктивности капитализма, существующие ему альтернативы имеют далеко не очевидный характер [2]. Однако отрицать его терминальную стадию становится все сложнее и с точки зрения политической теории, так как зажатый между леволево-биральной повесткой гипертolerантности, инклюзии и социального авангардизма и ностальгией по национализму и консервативным ценностям капитализм не справляется с политическими программами национальных правительств и требует серьезную смену образа. Поэтому говорить о посткапитализме – уже «не зазорно», а актуально и нужно [3].

Постепенное исчерпание капитализмом своих внутренних ресурсов ведет к порождению внутри экономики того, что в потенциале может изменить саму базовую основу общественного устройства. Ведь неспроста, как считает политолог Д. А. Давыдов, переход к новым общественно-экономическим формациям происходил через внутренние процессы-мутации (особенно через политические процессы), протекающие внутри еще прежних систем, но уже с намечающимися очертаниями будущего мира [4]. Сегодня мы отчетливо наблюдаем, как масштабные преобразования в социально-экономической и технологической сферах происходят параллельно структурной трансформации политических процессов повсеместно: от развитых постиндустриальных держав глобального Севера до вступающих в активную фазу индустриализации стран глобального Юга. Эти изменения, связанные с появлением новых акторов и ресурсов политики, не существующих ранее (или, в отдельных случаях, давно забытых) наборов интеракций, противоречивых структурно-функциональных феноменов заслуживают детального изучения и анализа, поскольку они могут существенно повлиять на дальнейшие траектории развития общества.

Отметим, что опора на посткапиталистические теории в качестве междисциплинарной методологии для проведения исследования обусловлена рядом соображений как теоретического, так и практического порядка. В плане теории – это рост количества научных публикаций, посвященных исследованию социально-политических и технико-экономических особенностей современной фазы капитализма и его недалекого будущего. В плане практики – это тяготение к тотальной автоматизации, росту сектора нематериального производства в мировой экономике, свободе от рутинного труда; это множась число социальных конфликтов, затрагивающих не только проблемы неравенства, но и экзистенциальные угрозы транс- и постгуманистической природы. Генерация новой системы, в которой власть материального капитала уменьшается относительно темпов и масштабов развития инфраструктуры для капитала нематериального, по мнению Дж. Хаскела и С. Уэйстлейка, требует решения сложных вопросов адаптации государственной политики [4], что, логично, вызывает изменение в структурных и институциональных метаморфозах политических процессов.

В данной статье мы остановимся на изучении структурных преобразований процессуальных аспектов современной политики, рассматривая их через набирающий популярность посткапиталистический фрейм. Не претендуя на всеобъемлющий характер исследования, мы постараемся предложить лишь некоторые из возможных изменений.

В самом общем плане классически устоявшаяся в политологии структура политического процесса может быть дескриптивно представлена через анализ акций (действий) и интеракций (взаимодействий) различных акторов политики, а также через выявление поэтапной (фазовой) динамики запущенных политических актов. Институционалисты, сторонники системного и структурно-функционального подхода, бихевиористы, рационалисты по-разному выделяют виды акторов и формы их взаимодействия, однако, в общем, все методологические оптики изучения политического процесса сводят его к дифференцирующимся на фазы интеракциям между акторами (будь в роли акторов политические системы, институты, группы давления, элиты, корпорации, социально-экономические классы, террористические сети, индивиды). Особенность процессу придает уже масштаб (макро- или микропроцесс) и влияние интросоциетальных (внутренних) и экстрасоциетальных (внешних) сред (если брать в качестве методологической основы универсальный системный подход Д. Истона [6]). В условиях второй половины XX и начала XXI столетий, когда политическая наука активно осваивала предметно-объектное поле политических изменений, теория политического процесса во многом опиралась на динамические модели, например, на модель Г. Алмонда и Дж. Пауэлла [7], выделивших этапы артикуляции и агрегирования интересов, разработки политического курса, реализации политических решений и контроля за их исполнением. Причем подобные динамические модели являются универсальными для истолкования структур любых политических процессов: от элитогенеза и электорального цикла до революций и геополитических конфликтов.

В целом, используемое сегодня понимание структуры политического процесса подчеркивает не только последовательность его фаз, но и взаимосвязь между различными этапами. Каждый из этих этапов связан с определенными функциями власти и реализацией политической воли граждан, что является краеугольным камнем демократии. Эта вертикальность, алгоритмичная иерархичность и корреспонденция с демократическими принципами становятся очевидными, когда, например, происходит законотворческий процесс или проводят выборы главы государства.

Но условия глобальных и перманентных экономических преобразований приводят к тому, что подобная структура претерпевает метаморфозу в силу изменения собственного форм-фактора. Классическая структура рассчитана на иерархическую конъюнктуру капиталистического общества с постоянным экономическим ростом, обеспечивающим доходы населения и увеличение среднего класса, от чего напрямую зависит демократизация, что ранее уже было обосновано политологом С. Липсетом [8]. Однако современные реалии отличаются от эпохи «золотого капитализма», когда создавались дескриптивные модели политических процессов. Во-первых, сама структура социума, ввиду бурного развития информационных технологий и цифровой инфраструктуры, все больше приобретает сетевой, ризоморфный форм-фактор, сетевизируя при этом и политику, внедряя, по мнению М. Кастельса [9], «проявленные» и «скрытые» сети межакторной интеракции, которые начинают противостоят привычным для капитализма иерархиям. При этом другой теоретик сетевого общества, Н. Фергюсон [10] сомневается, что «сетевые атаки» на устоявшиеся внутривнутриполитические иерархии, например, стран Ближнего Востока, Восточной Европы, Великобритании или США, несут исключительное благо. Сеть не всегда минимизирует политический контроль, она способна стать детерминантой его расширения. Но, так или иначе, изменение структурных иерархий на сетевые постепенно становится тенденцией, которую обеспечивает переход к новому способу производства – цифровому.

Во-вторых, по прогнозам ООН темпы глобального экономического роста в ближайшей перспективе стремительно замедлятся. Прогнозируется, что такие факторы, как высокие процентные ставки финансовых капиталистов, сокращение потребительских расходов в связи с неолиберальными режимами жесткой экономии, ухудшение ситуаций на локальных рынках труда, затруднения в открытии новых рынков приведут к тому, что, в среднем, в 2024 г. мировой экономический рост составит не более 2,4%, а в 2025 г., при благоприятных условиях, он будет равняться 2,7 %. При этом средний экономический рост развивающихся стран в 2024 и 2025 гг. составит 4% и 4,2% соответственно, в развитых – 1,3% и 1,6 %¹.

¹ «Темпы роста мировой экономики замедлятся до 2,4 процента – Новости ООН». [Электронный ресурс]. URL: <https://news.un.org/ru/story/2024/01/1448302> (дата обращения 25.03.2024).

В-третьих, в ускоренном движении к увеличению нематериального производства, особенно в развитых странах, базовые материальные потребности большей части населения уже удовлетворены. Это приводит к смещению акцентов с материального благосостояния на поиск смысла, самореализацию и устойчивое развитие, что меняет критерии демократического участия и оценку политической стабильности.

В-четвертых, современный кризис капитализма ассоциируется с увеличением экономического неравенства внутри стран, даже при общем росте их благосостояния. Например, как отмечает экономист и специалист по глобализации Б. Миланович [11], это может наблюдаться в значительном расхождении размера доли доходов от капитала и доходов от заработной платы. Такое неравенство может подрывать доверие к демократическим институтам и системам представительства, если большая часть населения ощущает, что их интересы не учитываются и ущемляются в пользу более богатых.

В-пятых, развитие технологий и переход к информационному обществу способствуют как демократизации (путем упрощения доступа к информации и облегчения участия в политических процессах через сети публичной политики и цифровые платформы), так и возможности подрывать ее основы через развитие механизмов массовой дезинформации, цифрового контроля, алиенации, алгоритмокрации, нарративов био- и нейроуправления (например, через нейрوليберальные установки [12]) или надзорной «инструментальной власти» в коннотации философа Ш. Зубофф [13].

Наконец, в-шестых, стоит понимать, что посткапиталистические экономики характеризуются переходом к производству знаний, автоматизации и цифровизации. Эти технологические преобразования могут вести к усилению социальной изоляции, изменению характера трудовых отношений и снижению влияния традиционных трудовых коллективов, появлению новых социально-экономических классов (прекариат/когнитариат/салиариат/персоналиат/имперсоналиат и т.д.) что, в свою очередь, влияет на политические процессы и участие в них.

Постепенное движение к новой глобальной системе приводит к значительным изменениям в акторно-ресурсной основе политического процесса, что затрагивает как действующих участников политической сферы, так и их ресурсные возможности. В условиях цифровизации мы замечаем, как усиливают свои позиции не только традиционные акторы, но и всевозможные гражданские объединения, строящие деятельность на краудфандинге; локальные группы и неформальные сообщества социальных меньшинств, формирующие политические повестки, радикализующие вопросы идентичности, дискриминации и т.д. Сетевизация способствует тому, что постепенно морфология сетей ведет к переориентации на горизонтальные формы управления, способные объективизировать свои аксиологические матрицы в новых акторах (экологических движениях; технологических коллективах; децентрализованных автономных структурах (ДАС), ведущих свою деятельность на основе блокчейна и использования криптовалют; некоммунальных движениях; движениях за права ИИ и неперсональных акторов и т.д.). Не стоит также забывать и про медийных личностей и блогеров, чье влияние сегодня значительно растет в плане их возможностей крайне быстро набирать политический капитал и через это влиять на общественные процессы. Также возможна активизация интернет-движений, формирующих политическую повестку борьбы за свободу информации, свободное распространение ПО, отмену патентного права, интеллектуальной собственности, за цифровое невмешательство в частную жизнь, эффективный акселерационизм (Е/асс) и т.д. [14] Каждый из новых акторов будет способен на расширение политического спектра, идеологическую базу для которого не так сложно найти в мире, где доходы разных социальных групп все сильнее поляризуются, где появляются новые формы угнетения и дискриминации, а экономический рост снижается, практически, до нулевых пределов.

Ресурсная база политических акторов также постепенно меняется. Финансовые ресурсы рискуют в скором времени стать менее доминирующим фактором по сравнению с доступом к информационным технологиям, образовательным и культурным капиталам. Вероятно, возрастет значение дискурсивной власти – способности влиять на общественное мнение, формировать политические повестки и создавать инновации и новые идеологические ориентиры. При этом очевидные успехи в развитии научно-технического прогресса рисуют перспективы «технокорных» (technocore, от англ. «techno» – техно и «core» – ядро) ресурсов. Акторы, владеющие передовыми технологиями, будут иметь преимущество в формировании политического ландшафта, что может привести к появлению новых форм управления и взаимодействия с гражданами, например, через цифровую публичную политику и платформенные решения. В «технокорном посткапитализме» властью станут обладать субъекты, способные найти рациональную середину между утопическим техноориентированием и политическим реализмом пострыночной эпохи. Фундамент для этого общества закладывается

уже сегодня, когда технологии встраиваются в связи социальных сетей, становятся их актантами и сами определяют социальные действия без каких-либо идеалистических стимулов, желаний, потребностей, присущих только людям, при этом изменяя структуру и механизмы политики.

Помимо этого, энвайронменталистские инновации, а также способности создавать социально ориентированные технологии станут очень важны в политическом процессе, а ориентация на трансформацию политической тактики через интенсивное инвестирование в платформы и экономику знаний и совместного пользования, скорее всего, приведет к новым моделям социально ориентированного сервисного государства. Это подмечает политолог Н. Срничек. В «Капитализме платформ» [15] Срничек, скептически рассуждая об итальянском автономизме и современных леворадикально-либертарных движениях, исследует идею создания стоимости через коллективное сотрудничество, так называемые «affinity groups» и знания. Несмотря на противоречивость подобных пострыночных проектов, политолог все же видит их перспективными для политической борьбы с капиталом и преодоления капитализма.

Однако существуют угрозы того, что технологические корпорации, в погоне за экономическими привилегиями, будут вынуждены заключать взаимовыгодные союзы с государственными институтами, либо же конкурировать с ними за возможность определять облик новой цифровой эпохи, что спровоцирует политизацию надзорного инструментария над обществом, приведет к формированию «государства больших данных», постоянно обрабатывающего информацию о каждом своем пользователе-гражданине. Это, к слову, уже наблюдается в попытках оцифровки всех баз данных и подключения граждан к единым информационным порталам. Поэтому Н. Срничек позиционирует «данные» как один из основополагающих ресурсов ближайшего «платформенного» будущего, обеспечивающего не только высокотехнологичные корпорации, но и государство массивами информации, становящимися уже сегодня чрезвычайно ценным и доступным ресурсом в политическом маркетинге и надзоре (необходимо лишь уметь использовать прикладное программирование для их извлечения) [15].

Само государство как центральный политический институт, предположительно, уже оказывается в некотором дихотомическом положении в контексте своего статуса в политических процессах. С одной стороны, технологии сетей и «цифра» способствуют децентрализации власти: трансформация информационных потоков и возможность отслеживать «цифровые следы» обеспечивают другим акторам открытый и равноправный доступ к информации, что играет весомую роль в мобилизации общественных движений, преодолении цензуры, формировании общественного мнения, публичной политике. Тут политическая сетевизация должна выступать как элемент «встраивания» в основания современного производственного порядка. Но, с другой стороны, исчерпание возможностей рынка обеспечивать более или менее справедливое распределение благ подразумевает пересмотр отношений собственности, способов производства, распределения ресурсов и применения политических мер регулирования экономики. Это потребует от политической системы адаптацию к новым экономическим моделям, возможно, с большим акцентом на справедливость, устойчивость, коллективное благо, а также к новым формам имплицитной борьбы за ресурсы, что, скорее, связано с формированием постдемократических систем с политическим перераспределением, где либеральные политические права граждан несколько будут урезаны, а сетевые структуры станут «латентными» к политическим иерархиям нового вида¹.

Вероятно, усиление роли государства в будущих политических процессах, вопреки неолиберальным представлениям, выглядит более очевидным сценарием, но не гарантирует социализм по тем причинам, что неолиберализм уничтожил многие социальные основания политики и коммерциализировал их. Реальное сетевое государство, поощряющее коммунизм знаний и общественное пользование возможно лишь в условиях трека сервисного госстроительства. Попытка же перейти к неким подобиям социализма через упрощение политического процесса станет похожа на практики раздачи социально-политических рент и генерацию неопатримониальных политических структур, контролирующих население через цифровые платформы, что больше походит на неофеодализм, все чаще упоминаемый в новых политических теориях.

Подводя промежуточный итог, отметим, что обозначенные нами структурные изменения в политических процессах, отнюдь, не приобретают характер революционных. Массовые политические

¹ «Трансформация политических отношений в процессе взаимодействия сетевых феноменов и иерархических структур», 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-politicheskikh-otnosheniy-v-protssesse-vzaimodeystviya-setevykh-fenomenov-i-ierarhicheskikh-struktur> (дата обращения 26.03.2024).

события, ассоциирующиеся, прежде всего, с марксизмом и дискурсом преодоления капитализма, скорее всего, уже не свершатся (хотя сама марксистская методология исследований переживает ренессанс). Энергия развития современной общественно-экономической формации вряд ли приведет политический процесс к тому, что его основным актором станет прекариат, а следствием – уничтожение системы господства капитала через прекарную революцию. Однако это не значит, что посткапитализм наступит исключительно эволюционно и гладко. П. Турчин уверен, что властные тенденции капитализма довели современный мир до грани политического распада, а его шаткая стабильность находится в руках элит и групп интересов, как старых, так и только формирующихся [16].

Последнее, что следует рассмотреть в рамках данного исследования – это саму природу современного политического процесса, понимание которой несколько меняется. В работе «Читать Маркса» С. Жижека, Ф. Руды и А. Хамзы [17] поднимается вопрос о том, как изменяется структура и мотивация политических действий в условиях капиталистического кризиса. Авторы предлагают анализировать процессы и их структуры через категорию «сборки». «Сборка» отражает сложность, гетерогенность и динамичность политики. Эта метафора помогает понять, как различные элементы посткапиталистической реконфигурации политической системы взаимодействуют между собой, формируя уникальные комбинации, которые изменяются в зависимости от обстоятельств, контекста и участников. На примере восхождения Д. Трампа к президентской власти, авторы показывают, что электоральный процесс 2016 г. не был поэтапной программой, как в модели Г. Алмонда и Дж. Пауэлла. Наоборот, это была неустойчивая сборка гетерогенных элементов: популистского протеста против истеблишмента, протекции богатых путем снижения налогов, использования христианского фундаментализма и морализма. Иными словами, современные марксисты пытаются показать, что политический процесс структурно разлагается, как на взаимообусловленные, так и на спонтанные, бессвязные акты и феномены. Множественность участников, адаптивность и динамичность, постоянные пересечения и взаимосвязи, влияние технологий и интерпретация технологий как актора политики, воздействие глобального и локального – все является структурным элементом политического действия. Политико-управленческая «сборка» предполагает поиск новых форматов взаимодействия, инструментов управления и инновационных способов решения общественных проблем.

Таким образом, восприятие современного политического процесса как «сборки» подчеркивает его сложность, многоуровневость и изменчивость, требуя от всех участников гибкости, открытости к новым идеям и способности к сотрудничеству на различных уровнях. Исследовать же политические процессы становится более удобно через оптику акторно-сетевой теории (АСТ).

Прорезюмируем основные выводы. В силу преобразований в экономико-технологических основах современного общества, наблюдается поворот в сторону сетевизации политического пространства, демонтирующий прежние иерархические структуры и формы взаимодействий и порождающий новых политических акторов, источником организационно-политической объективации которых являются сети и цифровые технологии.

Классические акторы политики также претерпевают метаморфозы в плане ролевого и функционального предназначения. Государство, с одной стороны, терпит девальвацию политической монополии и соглашается на децентрализацию власти, но, с другой, условия капиталистического кризиса и социальные конфликты неравенства генерируют новые возможности для усиления роли политических элит и правительства в экономике и в частной жизни через перетекание дистрибутивной функции в руки политических акторов. С большой долей вероятности, неолиберальные противоречия приведут к возврату модели сильного государства и сворачиванию некоторых гражданских политических прав в обмен на политическое перераспределение ресурсов.

В политическом процессе появляются новые важные ресурсы, такие, как эксклюзивные доступы к информационным технологиям, образовательные и культурные капиталы, возможности дискурсивного политического управления и технокорные ресурсы (владение передовыми технологическими инновациями). Помимо этого, возникают и новые организационные ресурсы – проекты совместного пользования и легкого доступа к коллективным знаниям, которые важны в построении гражданского общества и борьбе с властью капитала. Также цифровая эпоха создала виртуальный эквивалент нефтегазовых богатств – данные, обладание которыми гарантирует, практически, безграничные возможности для акторов политического процесса.

Наконец, структурная природа политического процесса уже не может быть эффективно описана с точки зрения общепринятых в политологии динамических моделей. Мир гораздо усложнился, в первую очередь, с технологической точки зрения. Современные процессы – это «сборки» из акторов,

обстоятельств, феноменов, условий, контекстов, где любые, даже далекие от мира политики факторы могут повлиять на исход политического акта; где стимулы к действию не всегда являются социальными и осознанными; где большую роль играют факторы хаотичности и многоуровневости.

Таким образом, переход к посткапитализму происходит не только в области производительных сил, но и в глубинных преобразованиях социально-политических процессов.

Список источников

1. Бузгалин А. В., Колганов А. И. Капитализм, посткапитализм и креативная революция (критические размышления о статье Д. А. Давыдова) // Социологические исследования. 2022. № 9. С. 100–109.
2. Лоскутов Ю. В. Посткапиталистические проекты: онтология против идеологии // ДИСКУРС. 2023. Т. 9. № 1. С. 18–28.
3. Давыдов Д. А. «Другой» посткапитализм. Революция личности и новая антагонистическая общественная формация // Вестник Пермского университета. ПОЛИТОЛОГИЯ. 2021. Т. 15. № 2. С. 27–36.
4. Давыдов Д. А. Неоконченная дискуссия: к вопросу о принципах выделения общественных формаций // Антиномии. 2020. Т. 20. № 1. С. 75–103.
5. Хаскел Дж., Уэйстлейк С. Капитализм без капитала: Подъем нематериальной экономики, 2024. М.: Издательство Высшей школы экономики, 2024. 408 с.
6. Истон Д. Категории системного анализа политики // Антология мировой мысли. М., 1997. С. 32–36.
7. Алмонд Г. Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор. М.: Аспект Пресс, 2002. 537 с.
8. Lipset S. Some Social Requisites of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy // The American Political Science Review, 1959. Vol. 53, No. 1. pp. 69–105
9. Кастельс М. Власть коммуникации. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2016. 564 с.
10. Фергюсон Н. Площадь и башня. Сети и власть от масонов до Facebook. М.: Издательство АСТ: Corpus, 2020. 736 с.
11. Миланович Б. Капитализм и ничего больше: будущее системы, которая правит миром. М.: Издательство Института Гайдара, 2022. 400 с.
12. Соловьев А. Когнитивный капитализм и производство гиперневротичной личности // Inso-larance, 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://insolarance.com/cognitive-capitalism/> (дата обращения 26.03.2024).
13. Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. М.: Издательство Института Гайдара. 2022. 784 с.
14. Мельников В. О. Интернет-сообщества как общественно-политическое движение: на пути к преодолению человека? // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. 2022. № 1 (6). С. 14–22.
15. Срничек Н. Капитализм платформ. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2021. 128 с.
16. Турчин П. В. Конец времен. Элиты, контрэлиты и путь политического распада. М.: АСТ (Мировой порядок), 2024. 432 с.
17. Жижек С., Руда Ф., Хамза А. Читать Маркса. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2020. 176 с.

References

1. Buzgalin A. V., Kolganov A. I. Capitalism, post-capitalism and the creative revolution (critical reflections on the article by D.A. Davydov). *Sociological research*. 2022;(9):100–109. (In Russ.)
2. Loskutov Yu. V. Post-capitalist projects: ontology against ideology. *DISCOURSE*. 2023;9(1):18–28. (In Russ.)
3. Davydov D. A. "Other" post-capitalism. The revolution of personality and a new antagonistic social formation. *Bulletin of the Perm University. POLITICAL SCIENCE*. 2021;15(2):27–36. (In Russ.)
4. Davydov D. A. Unfinished discussion: on the question of the principles of the allocation of social formations. *Antinomy*. 2020;20(1):75–103. (In Russ.)
5. Haskel J., Waystlake S. *Capitalism without capital: The rise of the intangible economy*, 2024. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics; 2024. 408 p. (In Russ.)
6. Easton D. Categories of systemic policy analysis. In: *Anthology of World Thought*. Moscow. 1997: 32–36. (In Russ.)

7. Almond G. *Comparative political science today: World review*. Moscow: Aspect Press; 2002. 537 p. (In Russ.)
8. Lipset S. Some Social Requisites of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy. *The American Political Science Review*. 1959;53(1):69–105.
9. Castels M. *The power of communication*. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics; 2016. 564 p. (In Russ.)
10. Ferguson N. *Square and Tower. Networks and power from Freemasons to Facebook*. Moscow: AST Publishing House: Corpus; 2020. 736 p. (In Russ.)
11. Milanovich B. *Capitalism and nothing else: the future of the system that rules the world*. Moscow: Publishing House of the Gaidar Institute; 2022. 400 p. (In Russ.)
12. Soloviev A. Cognitive capitalism and the production of a hyperneurotic personality. *Insolarance*, 2021. Available from: <https://insolarance.com/cognitive-capitalism/> [Accessed 26 March 2024]. (In Russ.)
13. Zuboff Sh. *The Era of supervisory capitalism*. Moscow: Publishing House of the Gaidar Institute; 2022. 784 p. (In Russ.)
14. Melnikov V. O. Internet communities as a socio-political movement: on the way to overcoming a person? *Social and Humanitarian sciences: theory and practice*. 2022;1(6):14–22. (In Russ.)
15. Srnichek N. *Capitalism platform*. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics; 2021. 128 p. (In Russ.)
16. Turchin P. V. *The end of time. Elites, counter-elites and the path of political disintegration*. Moscow: AST (World Order); 2024. 432 p. (In Russ.)
17. Zizek S., Ruda F., Hamza A. *Read Marx*. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics; 2020. 176 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Д. А. Айрапетян – преподаватель кафедры политологии и этнополитики ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the author

D. A. Ayrapetyan – Lecturer at the Department of Political Science and Ethnopolitics, South Russian Institute of Management – branch of RANEPA.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 19.04.2024; одобрена после рецензирования 18.05.2024; принята к публикации 20.05.2024.

The article was submitted 19.04.2024; approved after reviewing 18.05.2024; accepted for publication 20.05.2024.

Научная статья
УДК 32

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-173-177>

EDN BKFMWI

Террологические основы современных исследований терроризма

Олег Александрович Артюхин¹, Людмила Леонидовна Иванова²

^{1,2}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

¹Донской государственной технической университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹oart1969@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4101-122X>

²ivanova-ll@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1006-3227>

Аннотация. В статье рассматриваются различные современные научные подходы к исследованию террористических угроз и разработке антитеррористического инструментария. В ходе исследования выявлено, что все они по разному расставляют исследовательские акценты и отсутствует комплексный подход к анализу данного социально опасного политического явления. Одним из новых междисциплинарных научных направлений может выступать террология, которая комплексно и всесторонне изучает и выявляет террористические угрозы. Авторы приходят к выводу, что разработке программ по борьбе с терроризмом должен предшествовать комплексный анализ проблемы с использованием научного инструментария нового научного направления – террология.

Ключевые слова: терроризм, экстремизм, идеология терроризма, террология, междисциплинарные исследования

Для цитирования: Артюхин О. А., Иванова Л. Л. Террологические основы современных исследований терроризма // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 2. С. 173–177. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-173-177>. EDN BKFMWI

Politology and Ethnopolitics

Original article

Terrological bases of modern terrorism research

Oleg A. Artyukhin¹, Lyudmila L. Ivanova²

^{1,2}South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

¹Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

¹oart1969@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4101-122X>

²ivanova-ll@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1006-3227>

Abstract. The article discusses various modern scientific approaches to the study of terrorist threats and the development of anti-terrorist tools. The study revealed that they all place research accents in different ways and there is no comprehensive approach to the analysis of this socially dangerous political phenomenon. One of the new interdisciplinary research areas may be terrorism, which comprehensively and comprehensively studies and identifies terrorist threats. The authors conclude that the development of programs to combat terrorism should be preceded by a comprehensive analysis of the problem using the scientific tools of a new scientific field – terrorism.

Keywords: terrorism, extremism, ideology of terrorism, terrorology, interdisciplinary research

For citation: Artyukhin O. A., Ivanova L. L. Terrorological bases of modern terrorism research. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(2):173–177. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-173-177>. EDN BKFMWI

Среди современных угроз безопасности особое место занимает терроризм, и несмотря на то, что это общественно опасное политическое явление имеет давние исторические корни, до сегодняшнего дня идет поиск эффективных инструментов его элиминации. Истоки исследуемого явления обнаруживаются в истории Великой Французской революции и связаны с именем Робеспьера, как идеолога «революционной законности», по сути являющейся проявлением террора. В XIX веке появилась теория защиты «высших интересов человечества» Карла Гейнцгена, так называемая «философия бомбы», оправдывающая любые жертвы. Теоретическая доктрина «пропаганда делом», сформулированная французским марксистом Полем Брусе, изначально взятая на вооружение народниками и анархистами во второй половине XIX столетия для создания нового общества, привлекла внимание нескольких поколений террористов, в том числе и современных. Все это детерминирует интерес научного сообщества к осмыслению террористических угроз и разработке механизмов их предотвращения.

Терроризм является объектом изучения для философов, политологов, юристов, социологов, психологов. Однако возникает затруднение в уточнении значения термина «терроризм» из-за его нечеткой смысловой нагрузки в силу того, что современное общество сталкивается с различными видами и формами террористической деятельности. Это подчеркивает в своем исследовании Т. Гуматов «несмотря на большой общественный интерес, все еще отсутствует согласие в понимании того, что представляет собой терроризм... Никто из ученых до сих пор не преуспел в создании общей теории терроризма» [1, с. 12]. Объяснение такому положению вещей с одной стороны, находится в проблемном поле различных наук, с другой в многогранности терроризма. Стоит обратить внимание и на то, что в русском языке используется и понятие «террор», определяемое как устрашение политического противника с использованием физического насилия, либо уничтожения [2]. Терроризм же рассматривается как политика и практика террора. Как совершенно справедливо отмечает Г. П. Кулешова, «четкость и однозначность (терминологии) имеют существенное значение для выработки стратегии борьбы с терроризмом и его многочисленными проявлениями» [3].

В современной России Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» на законодательном уровне закрепляет терминологическое значение исследуемого явления, суть которого, исходя из анализа п.1 ст. 3 указанного закона, представляет собой определенную идеологию и практику воздействия на принятие решений органами власти и управления. Однако это определение терроризма на наш взгляд весьма узкое. Кроме того, проведя анализ п. 1 ст. 1 Федерального закона № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» от 25.07.2002 года, в котором приводится определение понятия «экстремизм», можно сделать вывод о том, что террористическая деятельность рассматривается в качестве одного из видов экстремистской деятельности. Именно поэтому в научных исследованиях два этих понятия используются вместе.

Среди исследовательских направлений, объектом которых стал терроризм, в отдельное направление выделилась террология, большой вклад в развитие которой, внесли российские исследователи В.П. Емельянов, В.В. Лунев, В.В. Устинов, исследующие терроризм в контексте криминологического анализа. Существует множество работ, исследующие социологическую сущность исламского экстремизма и терроризма [4].

Однако, становление данного научного направления подвергается справедливой критике, поскольку дискурс исследователей смещен к «частностям, не отражающим качественную суть террористической борьбы» [5]. Научное исследование террора и терроризма пока остаётся на этапе узкоспециализированных подходов.

Наибольшее количество исследований направлено на выявление исламского фактора в современном терроризме, так как «Исламский экстремизм» [6, с. 13–16] является ультра-радикальным течением, которое, в отличие от радикализма, является негативным и использует методы ведения борьбы, выходящие за рамки закона. В большинстве работ подчеркивается, что «Исламский терроризм» выступает крайним проявлением экстремизма. Но как утверждают специалисты исследовательского центра Контртеррористического управления ООН, то, что исламисты совершают больше террористических актов, чем другие радикалы, является стереотипом большинства исследователей,

поскольку как показывают статистические данные, причастность исламистов к совершению террористических актов в общей массе составляет не более 7%¹.

Большое значение в исследовании терроризма и экстремизма внесла Ростовская элитологическая школа под руководством Заслуженного деятеля науки РФ, доктора политических наук, профессора А.В. Понеделкова. На элитологических конгрессах, проходивших на площадке Южно-Российского института управления РАНХиГС неоднократно подчеркивалось, что фактором, снижающим эффективность борьбы с терроризмом, является наклеивание ярлыков правящими элитами, вместо выявления истинно экстремистских политических процессов, таким образом, повышая конфликтность данного социального явления.

Что касается правового противодействия экстремизму и терроризму, Понеделков А.В. и С.А. Воронцов отмечают, что в современном российском законодательстве под экстремизмом подразумеваются не только призывы к насильственному изменению конституционного строя, развязыванию войны, национальной и расовой неприязни, но и огульные обвинения чиновников в коррупции, до судебного решения [7].

С точки зрения политической науки сущность террористической деятельности напрямую связана с целями политических «игроков», использующих террористические организации для сокрытия собственных истинных намерений по установлению контроля в разных уголках политической карты мира.

Психологи и криминалисты, являясь сторонниками биологического подхода настаивают, что террористическое начало лежит в человеческой природе, подтверждая это закономерностями в личностных особенностях преступников, их мотивации к проявлению агрессии [8–9]. Однако, сложно не согласиться с Ениколоповым С.А., который обращает внимание исследователей на недопустимость одномерного рассмотрения исследуемого явления. «Было бы упрощением и просто ошибкой объяснять акт терроризма единственной причиной, типа психологической потребности террориста в совершении акт насилия...» [10].

Сторонники социального подхода (философы, социологи) к причинам, побуждающим к осуществлению террористической деятельности, относят в первую очередь проблемы социального неравенства, а также ценностный характер взаимодействия в социуме. Кроме того, исследователи утверждают, что избыток информационных ресурсов детерминирует эффект «погони за сенсациями», в числе которых и террористические действия.

Теоретическое осмысление и дальнейшая разработка эффективного антитеррористического инструментария в рамках террологического направления исследований требует произвести классификацию данного опасного социального явления. В научном сообществе до сегодняшнего дня нет единой классификации, что связано с уже упомянутой нами проблемой терминологического единства в трактовке понятия «терроризм». Ряд исследователей выделяют различные уровни современного терроризма: национальный, региональный и глобальный. Другие делят терроризм на внешний и внутренний; выборочный или селективный (направленный против конкретного лица/группы лиц) и слепой (направленный против случайных объектов). Выделяют так же религиозный, политический, национальный, биологический, химический, кибертерроризм, ядерный, воздушный, высокотехнологичный, электромагнитный и другие виды терроризма [11]. Но все исследователи отмечают неоднозначность феномена терроризма, связанного с политической направленностью правящего режима, что детерминирует проведение дальнейших научных исследований для формирования теоретико-методологической базы противодействия терроризму.

Обращаясь к генезису исследуемой проблемы, стоит отметить, что расцвет террористической деятельности приходится на 60-е годы XX века, когда целые регионы мира были покрыты районами и очагами активности самых разных по специфике своей деятельности террористических группировок и организаций. Уже в 80 – 90-е годы XX столетия он превратился в явление глобального масштаба. По состоянию на 1 марта 2024 года в единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими официально внесены 50 организаций террористической и экстремистской направленности. В современном же мире по оценкам экспертов числится примерно 500 незаконных террористических образований, большинство из которых носят международный статус.

¹ Кто, как и почему становится террористом? [Электронный ресурс – Новости ООН]. Режим доступа: <https://news.un.org/ru/interview/2023/03/1438947>

Это свидетельствует о том, что современный терроризм приобрел надгосударственный, всеобъемлющий характер, используемый в качестве универсального деструктивного инструмента «для расчищения пути глобализации» [5] и устройства нового мирового ландшафта. Беспокойство международной общественности вызвано повышением террористической инициативности, высоким количеством жертв террористов и высоким материальным убытком, причиняемым террором.

Особый импульс терроризму придали геополитические трансформации конца XX – начала XXI века. С новой мощью теракты вспыхнули со второй половины 1990-х гг. Снижение значимости государственных институтов, финансовый упадок, активное развитие черного рынка сбыта оружия и различных взрывчатых элементов, увеличение преступного насилия, неуправляемая миграция и прочие условия сформировали предпосылки для зарождения терроризма.

Для современной России обострение террористических угроз было связано с контртеррористическими операциями в Чеченской Республике. Как раз террористические угрозы в основном и детерминировали КТО в Чечне. Это – взрывы домов, взрывы на улицах, рынках, оккупация публичных построек и захват заложников. Чеченский терроризм характеризовался большой степенью организованности, щедрым финансированием и организационно-техническим снабжением.

Обществоведы, социологи и политологи должны более глубоко исследовать террористические организации. Подразделениями террористической организации, посредством которых она добивается поставленных целей и задач, выступают террористические группы. В мире были и будут недовольные функционирующей властью, порядком, общественным неравноправием. Нередко, подобные недовольные существующим положением дел формируют группировки, которые становятся террористическими группировками. Большинство из них уже стали известным брендом, некоторые же известны лишь в своих странах. У всех на слуху ИГИЛ (запрещенная в РФ организация), Аль-Каида (запрещенная в РФ организация), Талибан (запрещенная в РФ организация), Боко Харам (запрещенная в РФ организация), Джабхат ан-Нусра (запрещенная в РФ организация), «Хезболла» (запрещенная в РФ организация), Харакат аш-Шабаб (запрещенная в РФ организация), Лашкаре-Тайба (запрещенная в РФ организация), Техрик-е «Талибан» (запрещенная в РФ организация) и другие экстремистские организации террористической направленности.

Как известно, террористические организации всегда совершенствуются, пребывают в непрерывном движении и не обладают постоянным местонахождением. Представленный выше перечень – это десяток наиболее опасных террористических организаций мира в настоящее время, их основные цели и задачи, то, благодаря чему они стали известны. В современных условиях к террористическим государственным организациям можно смело отнести и Главное управление разведки ВСУ (ГУР ВСУ), которая применяет террористические методы введения войны. С уверенностью можно констатировать, что современный терроризм трансформируется в политический инструмент.

Таким образом, мы можем наблюдать, что с целью формирования эффективной системы противодействия международной преступности, а в частности терроризма, необходима глубокая научно-методологическая проработка проблемы терроризма, выявления как существенных характеристик, так и условий возникновения террористических организаций. В современном мире, перспективы развития которого находятся в зависимости от цивилизованного взаимодействия и регулирования общественно-политических, экономических, этнических и религиозных конфликтов, актуальным становится выделение среди научных направлений террологии, в рамках которой комплексно и междисциплинарно возможно исследовать современный терроризм, выявляя специфику и многогранность данной проблемы для поиска эффективных инструментов по борьбе с терроризмом как социально-политическим явлением.

На основании научных разработок государственные институты разрабатывают разнообразные формы и способы борьбы с терроризмом, организуют международное сотрудничество и совершенствуют правовую антитеррористическую базу. Всемирное сообщество должно проводить интенсивную и эффективную борьбу с международной преступностью, регулярно корректируя тактику и стратегию данной борьбы.

Список источников

1. Гумбатов Т. Процесс нейтрализации международного терроризма в условиях глобализации. Монография. Баку, 2014. 281 с.
2. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М.: АСТ, 2023. 736 с.
3. Кулешова Г. П. Терроризм и экстремизм: соотношение понятий // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. Право. 2017. № 3 (43). С. 17–24.

4. Гурба В. Н. Терроризм в контексте социальных процессов современности / Дис. ... канд. социол. наук. Новочеркасск, 2002.
5. Коноводченко С. А., Тимофеев А. И., Ковалев С. В. Террор и терроризм в современном мире // Вестник военного образования. 2022. № 3 (36). С. 34–48.
6. Добаев И. П. Исламский радикализм в международной политике: (На примере регионов Ближнего, Среднего Востока и Северного Кавказа). Ростов н/Д: Ростиздат, 2000. 200 с.
7. Понеделков А. В., Воронцов С. А. О возможных направлениях повышения эффективности противодействия идеологии терроризма // Власть. 2020. Т. 28. № 2. С. 183–189.
8. Ломброзо Ч. Преступный человек. СПб.: Мидгард, 2005. 878 с.
9. Познышев С. В. Криминальная психология. Преступные типы. О психологическом исследовании личности как субъекта поведения вообще и об изучении личности преступника, в частности. М.: Инфра-М, 2023. 301 с.
10. Ениколопов С. Н. Терроризм и агрессивное поведение // Национальный психологический журнал. 2006. Ноябрь. С. 28–32.
11. Селезнев И. А. К вопросу о видах современного терроризма // Российская Федерация в международных отношениях: Сб. науч. статей / Под общ. ред. В.А. Михайлова, Л.О. Терновой. М., 2008.

References

1. Gumbatov T. *Process of neutralization of international terrorism in the context of globalization*. Monograph. Baku; 2014. 281 p. (In Russ.)
2. Ozhegov S. I. *Explanatory dictionary of the Russian language*. Moscow: ACT; 2023. 736 p. (In Russ.)
3. Kuleshova G. P. *Terrorism and extremism: the relationship*. University proceedings Volga region. Social sciences. Law. 2017;3(43):17–24. (In Russ.)
4. Gurba V. N. *Terrorism in the context of the social processes of modernity*. Dis. ... Cand. Sci. (Sociology). Novocherkassk; 2002. (In Russ.)
5. Konovodchenko S. A., Timofeev A. I., Kovalev S. V. Terror and terrorism in the modern world. *Bulletin of Military Education*. 2022;3(36):34–48. (In Russ.)
6. Dobaev I. P. *Islamic radicalism in international politics: (On the example of the regions of the Near, Middle East and North Caucasus)*. Rostov-on-Don: Rostizdat; 2000. 200 p. (In Russ.)
7. Ponedelkov A. V., Vorontsov S. A. On possible ways to increase the effectiveness of the fight against terrorism. *Vlast'*. 2020;28(2):183–189. (In Russ.)
8. Lombroso C. *Criminal man*. Saint Petersburg: Midgard; 2005. 878 p. (In Russ.)
9. Posnyshev S. V. *Criminal psychology. Criminal types. On the psychological research of the personality as a subject of behavior in general and on the study of the personality of the criminal, in particular*. Moscow: Infra-M; 2023. 301 p. (In Russ.)
10. Yenikopov S. N. Terrorism and aggressive behavior. *National Psychological Journal*. 2006. November:28–32. (In Russ.)
11. Seleznev I. A. On the question of the types of modern terrorism. In: *Russian Federation in international relations: Collection of scientific articles*. Under general ed. V.A. Mikhailova, L.O. Ternovoy. Moscow; 2008. (In Russ.)

Информация об авторах

О. А. Артюхин – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и этнополитики ЮРИУ РАНХиГС; доцент кафедры «Теория и история государства и права» ДГТУ.

Л. Л. Иванова – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и этнополитики ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the authors

O. A. Artyukhin – Cand. Sci. (Polit.), Associate Professor of the Department of Political Science and Ethnopolitics, South-Russia Institute of Management – branch of RANEPА; Associate Professor of the Department «Theory and History of State and Law», Don State Technical University.

L. L. Ivanova – Cand. Sci. (Polit.), Associate Professor of the Department of Political Science and Ethnopolitics, South-Russia Institute of Management – branch of RANEPА.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts.

Статья поступила в редакцию 08.05.2024; одобрена после рецензирования 26.05.2023; принята к публикации 27.05.2024.

The article was submitted 08.05.2024; approved after reviewing 26.05.2024; accepted for publication 27.05.2024.

Научная статья

УДК 32

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-178-183>

EDN CIRDUE

Характерные особенности современных информационных войн политической направленности

Давид Кромвелович Григорян¹,
Евгения Николаевна Кондратенко²

^{1,2}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ростов-на-Дону, Россия

¹Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Россия

¹davo-davo23@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9411-8418>

²zen2710@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0286-5131>

Аннотация. В статье проводится анализ характерных особенностей информационных войн политической направленности. Сегодня информационные войны являются неотъемлемым элементом политической системы, выступая в качестве инструмента политического управления. Специфика информационной войны заключается прежде всего в том, что боевые действия происходят в плоскости виртуального пространства. Было выявлено, что всемирная информационная компьютерная сеть вывела информационные войны на новый уровень, став мощным инструментом для реализации информационных атак. Данная тенденция нашла свое отражение в политических конфликтах, которые происходят в границах информационного поля.

Ключевые слова: информация, коммуникация, информационная война, киберпространство, массовое сознание, манипуляция, политические технологии

Для цитирования: Григорян Д. К., Кондратенко Е. Н. Характерные особенности современных информационных войн политической направленности // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 2. С. 178–183. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-178-183>. EDN CIRDUE

Politology and Ethnopolitics

Original article

Characteristic features of modern information wars of a political orientation

David K. Grigoryan¹,
Evgenia N. Kondratenko²

^{1,2}South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

¹Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russia

¹davo-davo23@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9411-8418>

²zen2710@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0286-5131>

Abstract. The article analyzes the characteristic features of information wars of a political orientation. Today, information wars are an integral element of the political system, acting as an instrument of political governance. The specificity of information warfare lies primarily in the fact that the fighting takes place in the plane of virtual space. It was revealed that the worldwide information computer network has brought information warfare to a new level, becoming a powerful tool for implementing information attacks. This trend is reflected in the political conflicts that occur within the boundaries of the information field.

Keywords: information, communication, information warfare, cyberspace, mass consciousness, manipulation, political technologies

For citation: Grigoryan D. K., Kondratenko E. N. Characteristic features of modern information wars of a political orientation. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(2):178–183. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-178-183>. EDN CIRDUЕ

Информационная война существенно отличается от реальных военных кампаний. Специфика информационной войны заключается прежде всего в том, что боевые действия происходят в плоскости виртуального пространства. Следовательно, ощутить происходящие в информационном поле процессы не представляется возможным. В большей степени информационные кампании направлены на психику человека. Манипулятивные технологии, применяемые в ходе информационных кампаний, лишают человека возможности сознательно и рационально воспринимать информацию. Как правило, моральный и этический аспекты, в ходе реализации информационной кампании, не учитываются.

В информационной войне особое внимание уделяется технологиям ведения борьбы [1, с. 111]. Первые приемы воздействия на массовое сознание были известны уже в античные времена. Развитие источников информации и средств коммуникации способствовало появлению более изощренных методов влияния. Данная тенденция сформировала новый пласт, пригодный для изучения специалистами в области психологии, менеджмента и общественных наук. Например, в конце 1930-х гг. в США Институт анализа пропаганды представил семь классических приемов ведения информационной войны [2, с. 89]:

1. «Приклеивание или навешивание ярлыков» (name calling). Ярлык представляет собой оскорбительное выражение, порочащее противника. Прием направлен на формирование негативного отношения общественности к какому-либо объекту с помощью ярлыка.

2. «Сияющие обобщения» или «блистательная неопределенность» (glittering generality). Идеи, выгодные для конкретного субъекта, лоббируются за счет слов, несущих положительную эмоциональную составляющую: «свобода», «мир», «победа» и т.д.

3. «Перенос» или «трансфер» (transfer). То, что не представляет истинной ценности навязывается обществу доступными ассоциативными связями. Используя данный метод в обратную сторону, достигается цель дискредитации.

4. «Ссылка на авторитеты», «свидетельства» или «свидетельствование» (testimonial). Манипулятивное воздействие основывается на оценочных высказываниях личностей, которые имеют в глазах общественности высокий уровень доверия и уважения.

5. «Свои ребята» или «игра в простонародность» (plain folks). Общественное доверие достигается посредством коммуникатора, состоящего в образе человека, прошедшего те же испытания, что и рядовой член общества.

6. «Перетасовка» или «подтасовка карт» (card stacking). Подача информации происходит исключительно с точки зрения, выгодной субъекту.

7. «Общий вагон», «общая платформа» или «фургон с оркестром» (band wagon). Апелляция информацией с отсылкой на большинство. Например, фраза оратора может начинаться со слов: «Каждый сознательный гражданин...».

Очевидно, что развитие информационно-коммуникационных технологий способствовало трансформации информационного пространства. Изменения претерпели все элементы информационной системы. В большей степени влияние на информационно-коммуникативные процессы оказало появление Интернета. Как следствие, всемирная информационная компьютерная сеть вывела информационные войны на новый уровень, став мощным инструментом для реализации информационных атак. Данная тенденция нашла свое отражение в политических конфликтах, которые происходят в границах информационного поля [3, с. 89].

Провокации или искусственное побуждение к ответной реакции удачно подходит для ведения информационной войны. Задача состоит в выводе противника из уравновешенного положения. Необходимо довести его до такого состояния, когда принятие им решений будет происходить бессознательно и нерационально. В политике такой эффект достигается за счет бесосновательных скандалов,

обвинений, сфальсифицированных убийств и т.п. Подстрекательство может исходить как извне, так изнутри системы¹.

Современные информационные войны в контексте политики обладают рядом отличительных характеристик.

Во-первых, сегодня объектом целенаправленного информационного воздействия является молодежь [4, с. 483]. Информационные атаки относительно молодой аудитории происходят часто и намеренно. Политические акторы стремятся воспитать молодой электорат нежели изменить идейные установки представителей старшего поколения. Основным инструментом для манипуляции сознанием молодого поколения, как уже было отмечено ранее, является Интернет. В отношении молодежи эффективно работает передача информации посредством социальных сетей, видеохостинговых сайтов, мессенджеров и т.п. Однако стоит отметить, что к лоббированию политических идей посредством интернет-площадок, актуальных для молодежи, в большей степени сегодня прибегают представители оппозиции. Действующая власть в глобальной сети отдает предпочтение официальным сайтам, которые представляют меньший интерес для нового поколения.

Во-вторых, виртуальное противоборство переходит в киберпространство [5, с. 112]. В настоящее время атакам подвергается не только человек, но и устройства коммуникации. В большой политике персональные и конфиденциальные данные сегодня представляют значительную ценность. Хакеры и пранкеры, работающие на успех определенного политического актора могут покушаться на системы связи, энергетические станции, облачные хранилища, банковские информационные системы, предприятия телекоммуникационной, аэрокосмической, энергетической, ядерной, нефтегазовой и транспортной отраслей, компании, занимающиеся разработкой криптографических и нанотехнологий, а также СМИ противника.

В рамках киберпространства применяются технологии, основанные на компьютерных вирусах, кибератаках, шпионаже, трояках [6, с. 34].

Кибератаки бывают следующих видов [7, с. 6]:

a) Distributed Denial of Service (DDoS) атаки подразумевают доведение системы до абсолютного отказа в работе посредством множества запросов. В качестве примера можно привести технологию Smurfing.

b) Remote to Local Attack (R2L) атака подразумевает получение удаленного доступа к компьютеру неавторизованного пользователя. Например, на экране имитируется окно ввода пароля посредством троянского коня.

c) User to Root Attack (U2R) атака подразумевает получение прав администратора, используя уязвимость системы при наличии учетной записи у злоумышленника. В таком случае буфер может быть переполнен, и программа уже не справляется с проверкой данных на соответствие.

d) Probe атака происходит зондированием и подразумевает сканирование сети. Происходит выявление открытых портов и получение доступа к конфиденциальной информации.

Интернет-преступники сегодня становятся полноправными участниками политических процессов. Наиболее известными хакерскими группировками являются Equation Group, Stuxnet, Flame, Carbanak и Lurk. Участники Lurk регулярно совершали кражу крупных сумм со счетов коммерческих организаций, используя для атак вредоносное программное обеспечение².

На сайте Лаборатории Касперского представлено описание способов управления политическим процессом в интернет-пространстве. Например, контроль предвыборной кампании может осуществляться посредством следующих технологий³:

- политический спам;
- фальшивые опросы общественного мнения;
- тревожные сигналы.

¹ Баранов Н. В. Классические технологии информационно-психологической войны. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://nicbar.ru/politology/study/> (Дата обращения: 10.05.2024).

² В Екатеринбурге прошло первое заседание по делу группы хакеров Lurk. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ekb.rbc.ru/ekb/freenews/5c470f329a7947132f34df4b> (Дата обращения: 17.05.2024).

³ Технологии предвыборного обмана в киберпространстве. [Электронный ресурс: официальный сайт международной компании «Лаборатория Касперского»]. Режим доступа: <https://www.kaspersky.ru/blog/russian-election-scam-2018/19895/> (Дата обращения: 17.05.2024).

В-третьих, современные информационные кампании отличаются абсолютным пренебрежением моральными и этическими нормами. Цинизм становится ориентиром при подаче информационного материала. Стремление закрепить политическое лидерство стирает все границы дозволенного. Например, конфронтация европейских стран с Россией осуществляется посредством радикальных информационных поводов. Так в Польше борьба с советским прошлым и лояльным отношением к России ведется посредством уничтожения и осквернения памятников героям Великой Отечественной войны. Политика декоммунизации предполагает снос объектов культурного наследия, содержащих в себе отсылку к советскому прошлому. Посол Российской Федерации в Республике Польша Андреев С.В. отмечал: «Если называть вещи своими именами, то против России идет идеологическая и информационная война. И важнейшая составляющая этой информационной войны – война с нашей исторической памятью, война с российской историей»¹.

Еще более ужасающим примером является деятельность террористических организаций в рамках информационного пространства. Радикалы доносят свои политические идеи и религиозные убеждения до всего мирового сообщества посредством распространения видеороликов, содержащих сцены насилия. Данная информационная атака включает в себе мощное психологическое воздействие. Так экстремисты из группировки «Исламское государство» распространили видеоматериалы, содержащие процесс совершения массовой казни сирийских военнослужащих². Благодаря слаженной работе специальных ведомств, подобный контент изымается из общего доступа.

В-четвертых, современные информационные войны характеризуются многогранностью манипулятивных технологий. Сегодня информация подается таким образом, что не удается окончательно понять ее суть и истинное предназначение. Политические деятели в процессе информационного противоборства часто прибегают к помощи PR-специалистов и политических консультантов. Эксперты в области политической рекламы, имиджмейкинга, спичрайтинга разрабатывают новые способы и приемы для эффективного информационного воздействия [8, с. 59].

Спрос на услуги политического менеджмента способствовал развитию частных коммерческих объединений по данному направлению. Например, в США набирают популярность так называемые «мозговые центры». Сотрудники исследовательских институтов и радиовещательных компаний таких как: RAND Corporation, Centr for Strategie and International Studies, the New York Times, NBC занимаются генерацией идей для результативного принятия решений [9, с. 59]. Как можно заметить, современный американский подход к манипулированию делает ставку на медийную сферу. Политические технологи в значительной степени используют речевые стратегии и языковое манипулирование. Если же говорить о конкретном способе управления сознанием, то американские технологи активно применяют прием внушения страха перед террором, который позволяет создать привлекательный образ спецслужб, расширить их сферу деятельности и повысить уровень их финансирования [10, с. 109].

В-пятых, современные информационные войны обладают диктаторскими чертами. Государства стараются максимально подчинить своему влиянию значительное количество субъектов политики посредством агрессивной информационной политики. подача политической информации в газетах осуществляется с помощью кричащих заголовков.

В-шестых, сегодня информационные атаки носят систематический и бесперебойный характер. Реакция политических акторов на действия друг друга молниеносная.

В-седьмых, сегодня нет четкого понимания того каким образом фильтровать информационный контент. Сущность и наличие информационных конфликтов бывают скрытыми для простого обывателя. Благодаря умелой подаче политической информации СМИ, человек может неосознанно быть полноценным участником конфликта и до конца не понимать сути происходящего.

На основании вышеперечисленного следует заключить, что на сегодняшний день динамика информационного противоборства определяется развитием информационно-коммуникационных технологий. Временной промежуток между информационными атаками сократился, что привело к увеличению информационных нападений. В настоящее время Интернет является основной площадкой

¹ Польша не жалеет сил в войне с советским прошлым. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=2738887> (Дата обращения: 18.05.2024).

² Боевики ИГ опубликовали видео жестокой расправы над сирийскими военными. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.ntv.ru/novosti/1263738/> (Дата обращения: 18.05.2024).

и инструментом для манипулирования, информационное противоборство переходит в киберпространство. Изменение сознания посредством информационных сообщений достигается без учета этических и моральных норм.

Единого и системного подхода по снижению влияния информационных войн на данный момент не существует. Политические информационные атаки достаточно агрессивны и распространяют свое влияние на все сферы общественной жизни. Таким образом, от расстановки сил в информационном пространстве зависит исход политической деятельности. Необходимо основательно изучать особенности информационных войн как явление и разработать системный подход по минимизации влияния деструктивных процессов на все сферы жизни.

Список источников

1. Малик Е. Н., Шедий М. В. Информационная война против России как геополитическая деструкция государственности и политической системы / Современные тенденции развития научного сообщества в эпоху глобальных перемен. Кадырова Б.К., Ахматова А.Т., Шаршеева Б.К., Джантаева Г.А., Воронков А.Н., Елфимов О.М., Кукина Е.А., Набокова М.Б., Гнездилова Л.А., Немцева Н.В., Жемерикина Ю.И., Малик Е.Н., Шедий М.В. Уфа: ООО "Аэтерна", 2023. С. 111-127.
2. Макаров В. Е. Политические и социальные аспекты информационной безопасности: Монография Москва; Таганрог: С. А. Ступин, 2015. 352 с.
3. Кондратенко Е. Н., Григорян Д. К., Погорелов М. А. Анализ информационной конфронтации между российскими и зарубежными СМИ и роль лидерско-элитного фактора в данном процессе // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2020. № 1. С. 188–192.
4. Аюрова А. М. Клиповое мышление и информационная война: грани соприкосновения // Вестник современных исследований. 2018. № 7.1 (22). С. 483–489.
5. Информационное право: учебник для вузов / Н.Н. Ковалева [и др.]; под редакцией Н.Н. Ковалевой. М.: Издательство Юрайт, 2024. 353 с.
6. Дунин В. С., Блинникова Л. В. Аналитический обзор кибернетических угроз инфокоммуникационным системам // Охрана, безопасность, связь. Том 2. № 3 (3). 2018. С. 34–39.
7. Емельянова Ю. Г., Талалаев А. А., Тищенко И. П., Фраленко В. П. Нейросетевая технология обнаружения сетевых атак на информационные ресурсы // Программные системы: теория и приложения. 2011. № 3(7). С. 6–10.
8. Маматказин Н. И., Ахмедов Б. Т. Информационная война как фактор реализации геополитических целей / Научный вектор. Сборник научных трудов. Под научной редакцией Е.Н. Макаренко. Ростов-на-Дону, 2022. С. 334-337.
9. Фролова О.А. Внутренняя структура американской политической элиты как субъекта мировой политики в начале XXI века // Современные исследования социальных. 2012. № 10. С. 59–65.
10. Макарова Т. Б. Политическое манипулирование как инструмент укрепления государственной власти в США // Вестник Забайкальского государственного университета. 2015. № 3 (118). С. 107–113.

References

1. Malik E. N., Shady M. V. Information war against Russia as geopolitical de-structuring of statehood and political system. In: *Modern tendencies of development of scientific community in an era of global changes*. Kadyrova B.K., Akhmatova A.T., Sharsheeva B.K., Dzhantaeva G.A., Voronkov A.N., Elfimov O.M., Kukina E.A., Nabokova M.B., Gnezdilova L.A., Nemtseva N.V., Zhemerikina Yu.I., Malik E.N., Shediy M.V. Ufa: "Aeterna"; 2023: 111–127. (In Russ.)
2. Makarov V. E. *Political and social aspects of information security*: Monograph. Moscow; Taganrog: S. A. Stupin; 2015. 352 p. (In Russ.)
3. Kondratenko E. N., Grigoryan D. K., Pogorelov M. A. Analysis of information confrontation between Russian and foreign media and the role of the leadership-elite factor in this process. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2020;(1):188–192. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-188-192>.
4. Ayurova A. M. Clip thinking and information warfare: the edges of contact. *Bulletin of Modern Research*. 2018;7.1(22):483–489. (In Russ.)

5. *Information law: textbook for universities*. N.N. Kovaleva (et al.); edited by N.N. Kovaleva. Moscow: Yurait Publishing House; 2024. 353 p. (In Russ.)
6. Dunin V. S., Blinnikova L. V. Analytical review of cybernetic threats to infocommunication systems. *Protection, security, communications*. 2018;2(3(3)):34–39. (In Russ.)
7. Yemelyanova Yu. G., Talalaev A. A., Tishchenko I. P., Fralenko V. P. Neural network technology for detecting network attacks on information resources. *Software systems: theory and applications*. 2011;3(7):6–10. (In Russ.)
8. Mamatkazin N. I., Akhmedov B. T. *And the information war as a factor in the realization of geopolitical goals*. In: *Scientific vector. Collection of scientific works*. Under the scientific editorship of E.N. Makarenko. Rostov-on-Don; 2022: 334–337. (In Russ.)
9. Frolova O. A. The internal structure of the American political elite as a subject of world politics at the beginning of the XXI century. *Modern social research*. 2012;(10):59–65. (In Russ.)
10. Makarova T. B. Political manipulation as a tool for strengthening state power in the USA. *Bulletin of the Trans-Baikal State University*. 2015;3(118):107–113.

Информация об авторах

Д. К. Григорян – кандидат политических наук, профессор кафедры политологии и этнополитики ЮРИУ РАНХиГС; начальник кафедры информационного обеспечения органов внутренних дел Ростовского юридического института МВД России.

Е. Н. Кондратенко – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и этнополитики ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the authors

D. K. Grigoryan – Cand. Sci. (Polit.), Professor of the Department of Political Science and Ethnopolitics, South-Russia Institute of Management – branch of RANEPА; Head of the Department of Information Support of the Department of Internal Affairs, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

E. N. Kondratenko – Cand. Sci. (Polit.), Associate Professor of the Department of Political Science and Ethnopolitics, South-Russia Institute of Management – branch of RANEPА.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts.

Статья поступила в редакцию 13.05.2024; одобрена после рецензирования 30.05.2023; принята к публикации 31.05.2024.

The article was submitted 13.05.2024; approved after reviewing 30.05.2024; accepted for publication 31.05.2024.

Научная статья
УДК 314.7+32
<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-184-191>

EDN СКСТОQ

Сравнительный анализ федеральной и муниципальной миграционной политики на примере муниципального образования «Город Курск» (2016 – 2022 гг.)

**Георгий Джунглович Пилишвили¹,
Максим Александрович Ситников²**

^{1,2}Курский государственный университет, Курск, Россия

¹<https://orcid.org/0009-0001-8238-345X>

²<https://orcid.org/0009-0002-2581-7749>

Аннотация. Научная работа основана на корреляции миграционных процессов с состоянием рынка труда и рассматривает влияние на сбалансированность спроса и предложения. В статье проанализирована и графически представлена динамика миграций и эмиграций в РФ и городе Курске. Особое внимание было уделено миграционным потокам высококвалифицированных специалистов (в рамках программы переселения бывших сограждан). Рассмотрена нормативно-правовая база для регулирования миграций в пределах полномочий федеральных органов власти и органов власти субъектов. Изучены особенности построения миграционной политики в современной России. Сопоставлены и сравнительно проанализированы научные работы различных авторов по тематике миграций в рамках ретроспективы.

Ключевые слова: демографические факторы, миграционная политика, миграционные процессы, численность населения, нормативно-правовое обеспечение, муниципальное образование «Город Курск»

Для цитирования: Пилишвили Г. Д., Ситников М. А. Сравнительный анализ федеральной и муниципальной миграционной политики на примере муниципального образования «Город Курск» (2016 – 2022 гг.) // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 2. С. 184–191. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-184-191>. EDN СКСТОQ

Politology and Ethnopolitics

Original article

Comparative analysis of federal and municipal migration policy on the example of the municipal entity «Kursk City» (2016 – 2022)

**Georgy Dzh. Pilishvili¹,
Maxim A. Sitnikov²**

^{1,2}Kursk State University, Kursk, Russia

¹<https://orcid.org/0009-0001-8238-345X>

²<https://orcid.org/0009-0002-2581-7749>

Abstract. The scientific work is based on the correlation of migration processes with the state of the labor market and examines the impact on the balance of supply and demand. The article analyzes the dynamics of migration and emigration in the Russian Federation and the city of Kursk. Special attention was paid to the migration flows of highly qualified specialists (within the framework of the resettlement program for former fellow citizens). The regulatory framework for regulating migration within the powers of federal

authorities and authorities of the subjects is considered. The features of the migration policy in modern Russia are studied. The scientific works of various authors on the topic of migration are compared and comparatively analyzed within the framework of a retrospective.

Keywords: demographic factors, migration policy, migration processes, population, regulatory support, the municipal formation “The City of Kursk”

For citation: Pilishvili G. Dzh., Sitnikov M. A. Comparative analysis of federal and municipal migration policy on the example of the municipal entity «Kursk City» (2016 – 2022). *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(2):184–191. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-184-191>. EDN CKCTOQ

Актуальность темы исследования научной статьи обусловлена значимостью миграционной политики как для социально-экономического развития государства, так и для обеспечения национальной безопасности в рамках стратегического управления. В фокусе социально-экономического развития важность миграционной политики прослеживается в широком спектре направлений.

Цель научной статьи заключается в исследовании текущего состояния и разработки направлений совершенствования миграционных проектов в г. Курске в контексте повышения эффективности государственной миграционной политики.

Задачи исследования: изложить нормативно-правовые аспекты реализации государственной миграционной политики; рассмотреть особенности современной миграционной политики в РФ; дать характеристику миграционной ситуации муниципального образования «Город Курск»; охарактеризовать лучшие практики реализации миграционных проектов в городах РФ; обосновать направления совершенствования миграционной политики в Российской Федерации в рамках городского управления.

Постановка проблемы. В современных условиях развития российского общества имеется необходимость в уточнении не только теоретических основ реализации миграционной политики с учетом актуальной нормативно-правовой составляющей, но также территориальной специфики и закономерностей ее социально-экономической конъюнктуры. Особую роль демографическая ситуация оказывает, в частности на рынок труда (экономическая сфера), процессы в котором необходимо коррелировать.

Важным направлением миграционной политики является контроль миграционных потоков и оценка степени их интенсивности. Правовой основой указанного направления миграционной политики является Федеральный закон «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» от 18.07.2006 №109-ФЗ. К числу основных предметов правового регулирования со стороны данного закона необходимо отнести: общие вопросы организации учета периода пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства на территории РФ; перечень императивных сведений, которые фиксируются в рамках миграционного учета; порядок, основания, места и сроки регистрации мигрантов, а также условия снятия с регистрации.

Построение современной миграционной политики в России имеет свои особенности, которые обусловлены влиянием широкого перечня факторов. Как отмечает С. В. Рязанцев, важное влияние «на миграционную политику в России оказывают в первую очередь геополитические факторы, которые в текущей конъюнктуре формируют пояс напряженности вокруг нашей страны» [1, с. 17]. При существовании подобного рода конъюнктурных особенностей миграционная политика должна быть в первую очередь сфокусирована на минимизации рисков в отношении национальной безопасности, так как прибывающие в страну мигранты могут стать инструментом в руках недружественных страны для деформации законного политического уклада. В этой связи должны быть максимально усилены мероприятия в фокусе миграционного контроля и учета, обеспечивающие практически полное отсутствие незаконной миграции и несоблюдение требований действующего законодательства со стороны мигрантов [2, с. 142].

Вторая группа факторов, оказывающих влияния на миграционную политику связана с особенностями функционирования социально-экономической системы в России. Данная группа факторов, по мнению О.А. Сазоновой, носит «максимально емкий характер и включает в себя как сугубо экономические факторы, так и факторы косвенного воздействия» [3, с. 17]. В частности, на миграционную политику оказывает влияние состояние рынка труда в связи с поиском баланса спроса и предложения за счет привлечения относительно дешевого труда мигрантов. Кроме того, особый интерес представляется создание максимально благоприятных условий для привлечения высококвалифицированных

иностранных специалистов, способных решать текущие актуальные проблемы построения трека устойчивого технологического развития.

Третья группа факторов тесно коррелируется с социальной ситуацией как в целом в стране, так и в отдельных ее регионах. Неконтролируемый приток мигрантов создает предпосылки для формирования не только социальных, но и межкультурных конфликтов, которые требуют внесения изменений в миграционную политику [4, с. 188].

На современном этапе реализация миграционной политики в России происходит в условиях ярко выраженной геополитической турбулентности, которая предъясняется расширенный перечень требований к эффективности используемого инструментария и императивности применяемых методов. В отношении нашей страны общая геополитическая среда носит враждебный характер, который генерирует дополнительные вызовы для национальных политических элит. Интенсивность движения мигрантов воздействует на общий уровень безработицы, а также приводит к структурным изменениям на региональном рынке труда [5, с. 76]. Активное использование мигрантов для решения проблем рынка труда региона помимо ряда положительных сторон сопряжено с существенными социально-экономическими рисками. Изменение степени востребованности трудового потенциала мигрантов может привести к росту безработицы в их среде, а далее неконтролируемый уровень безработицы среди мигрантов может выступить триггером для роста социальной напряженности на фоне криминализации общественных отношений. Совокупность выявленных обстоятельств существенно повышает значимость государственной политики по регулированию миграционной динамики. Анализ объемного научно-исследовательского материала по данному вопросу позволил сделать однозначный вывод о том, что основной вектор практического механизма стимулирования трудовой и социальной активности иностранных высококвалифицированных специалистов направлен в основном на создание благоприятных условий для социально-экономической интеграции исследуемой категории мигрантов.

В работе представим основные результаты реализации миграционной политики России в краткосрочной ретроспективе. На рис. 1 отразим динамику прибывшего населения на территорию РФ из других стран¹.

Рис. 1. Динамика прибывшего населения на территорию РФ из других стран

Fig. 1. Dynamics of the population arriving in the territory of the Russian Federation from other countries

¹ Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения 27.01.2024)

Анализ представленной информационной базы позволяет сделать вывод о том, что динамика внешнего входящего миграционного потока в РФ на протяжении рассмотренного периода в целом носит растущий характер, который сопровождается достаточно емкими вариациями, обусловленными макроэкономическими и геополитическими факторами.

Наиболее значительный прирост входящей миграции зафиксирован в 2019 году, величина которого относительно 2018 года выросла на 23,96%. Основой данного роста можно считать макроэкономический фактор, связанный с восстановлением мировой экономики после кризисных тенденций 2018 года и ростом спроса на трудовую активность на производстве и в строительном секторе. Резкое падение входящего миграционного потока в 2020 году на 15,27% относительно предыдущего периода обусловлено негативным влиянием пандемии, которое носило двойственный характер. В первую очередь введенные санитарно-эпидемиологические ограничения лимитировали въезд иностранных граждан на территорию России, но с другой стороны резкое сокращение деловой активности в национальной экономике уменьшило спрос на трудовые ресурсы. 2021 и 2022 годы характеризуются восстановлением и наращиванием входящего миграционного потока, что обусловлено снятием санитарно-эпидемиологических ограничений на перемещения лиц через границу, а также расширением воспроизводственного потенциала национальной экономики. В результате в 2021 году по сравнению с 2020 годом объем входящего внешнего миграционного потока вырос на 12,42%, а в 2022 году по сравнению с 2021 годом увеличение данного показателя составило 9,35%. В абсолютной оценке объем входящей миграции в социально-экономическую систему России является достаточно высоким. По итогам 2022 года численность официально зарегистрированных мигрантов, прибывших на территорию РФ, составила более 730 тысяч человек.

После рассмотрения входящего внешнего миграционного потока необходимо дать оценку исходящей миграции в России, которая отражает численность населения, выехавшего из страны на территорию других государств. На рис. 2 представим динамику выбывшего населения из России в другие страны¹.

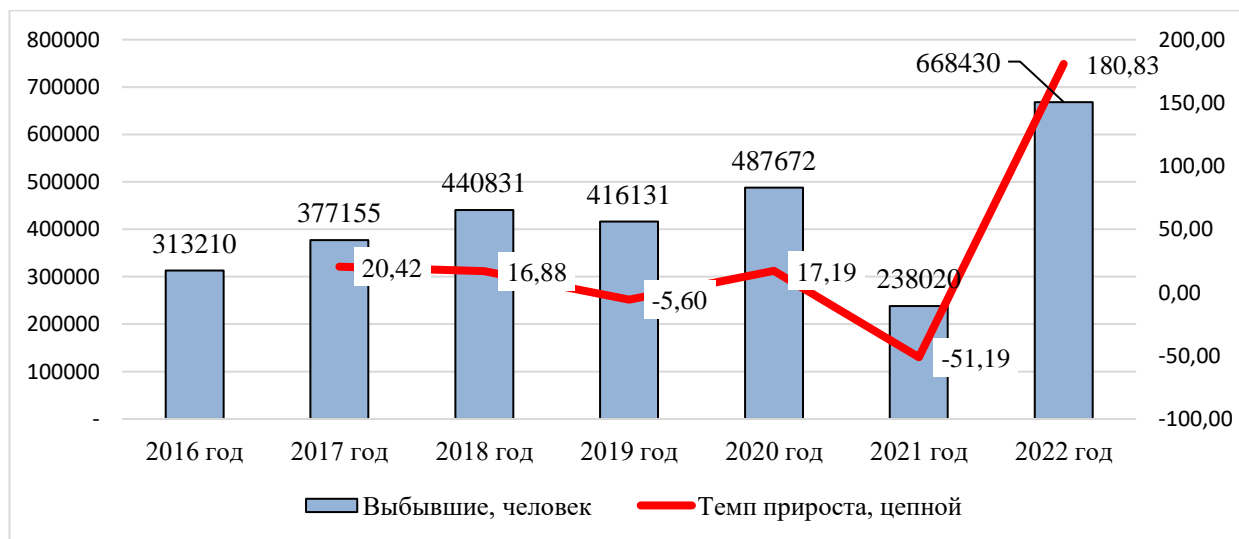

Рис. 2. Динамика выбывшего населения из России в другие страны
 Fig. 2. Dynamics of the retired population from Russia to other countries

На основе материалов рисунка можно сделать вывод о том, что динамика внешнего миграционного оттока на протяжении рассмотренного периода активно стала колебаться в 2021-2022 годах под давлением геополитических факторов. В период 2016-2020 годов численность выбывшего населения была в целом на стабильном уровне. Активное увеличение данного показателя отмечалось в 2020 году по сравнению с 2021 годом на 17,19% за счет влияния пандемии.

¹ Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения 27.01.2024)

В 2021 году, напротив, стабилизация экономической ситуации способствовала снижению выездной активности населения и интенсивность внешнего миграционного оттока в стране сократилась на 51,19%. Радикальное повышение геополитических рисков в 2022 году привело к повышенной миграционной активности, которая вылилась в первую очередь в отток населения. Первая волна миграционного оттока была связана с началом проведения СВО, а вторая волна обусловлена введением мобилизации. В 2022 году численность населения, выехавшего из России в другие страны, выросла относительно 2021 года в 2,8 раза, что является достаточно большим показателем.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что реализация миграционной политики в России должна носить уникальный характер, который связан со спецификой существующих закономерностей социально-экономического развития и историческими межгосударственными коммуникациями.

В данном случае миграционная политика выступает в качестве системы общепринятых концептуальных норм и узаконенных инструментов, с помощью которых государство осуществляет регулирование миграционных процессов.

Далее рассмотрим миграционную ситуацию на территории муниципального образования «Город Курск», которая имеет определенные закономерности развития, связанные с территориальным положением города и его социально-экономическими связями. С позиции геополитического положения на миграционную ситуацию на территории муниципального образования «Город Курск» оказывают влияние следующие факторы: относительная близость к столице, которая выступает положительным фактором притока трудовых мигрантов; достаточно благоприятные природно-климатические условия, которые располагают к росту деловой активности; присутствие городских предприятий, которые по объективным причинам заинтересованы в привлечении трудового потенциала мигрантов [6, с. 245].

На региональном уровне вопросам регулирования миграционной политики уделяется существенное внимание. Так, в Курской области достаточно давно реализуется собственная Концепция миграционной политики на основе Постановления Администрации Курской области 908-па, в которой обозначены три основных цели управления миграционной ситуацией: создание условий максимальной комфортности и защищенности проживания жителей региона; стабилизация численности населения Курской области, в том числе за счет стимулирования добровольного переселения бывших сограждан; содействие привлечению рабочей силы в экономику региона для достижения сбалансированности рынка труда [7, с. 190].

Для оценки интенсивности миграционного потока необходимо провести диагностику ряда статистических показателей. На рис. 3 представлены показатели интенсивности миграционного потока муниципального образования «Город Курск»¹.

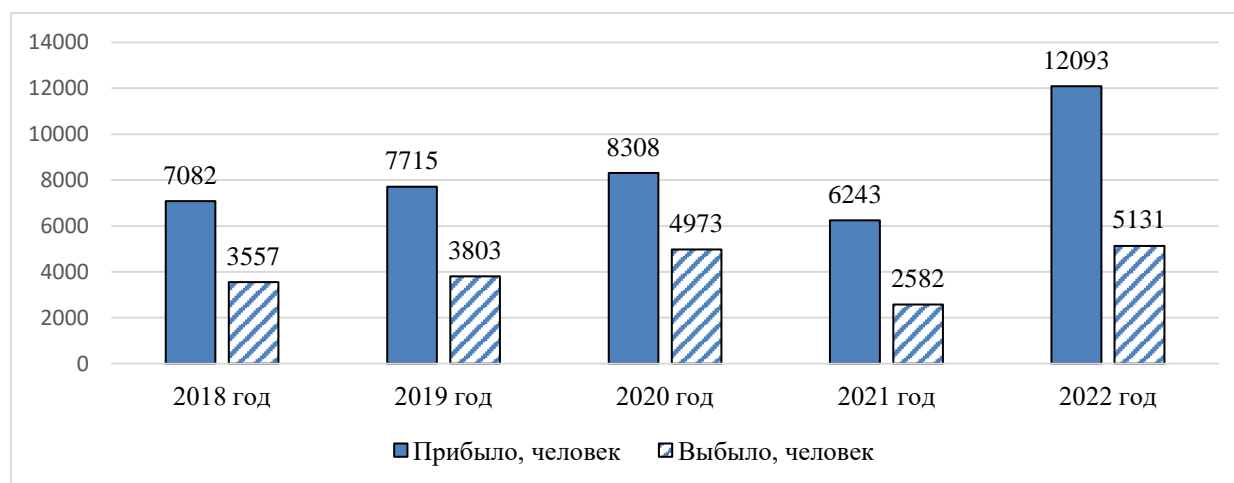

Рис. 3. Показатели интенсивности миграционного потока муниципального образования «Город Курск»

Fig. 3. Indicators of the intensity of the migration flow of the Kursk City municipality

¹ Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Курской области. – [Электронный ресурс]. URL: <http://kurskstat.gks.ru> (Дата обращения 27.01.2024)

На основе данных рисунка можно сделать вывод о том, что геополитический фактор оказал влияние на интенсивность миграционного потока в социально-экономической системе муниципального образования «Город Курск».

Максимальная численность прибывших лиц в рамках международной миграции отмечена в 2022 году, что обусловлено приграничным статусом региона. В 2022 году по сравнению с 2021 годом численность прибывших международных мигрантов увеличилась на 93,71%, а количество выбывших лиц выросло на 87,72%. В дальнейшем можно предположить, что интенсивность миграционного потока будет только увеличиваться при сохранении негативного влияния экономических и геополитических факторов. В краткосрочной перспективе можно говорить о сохранении интенсивности миграционного потока под влиянием негативной геополитической ситуации [8, с. 55].

Для оценки влияния интенсивности миграционных процессов на социально-экономическое пространство муниципального образования «Город Курск» на рис. 4 отразим динамику миграционного прироста¹.

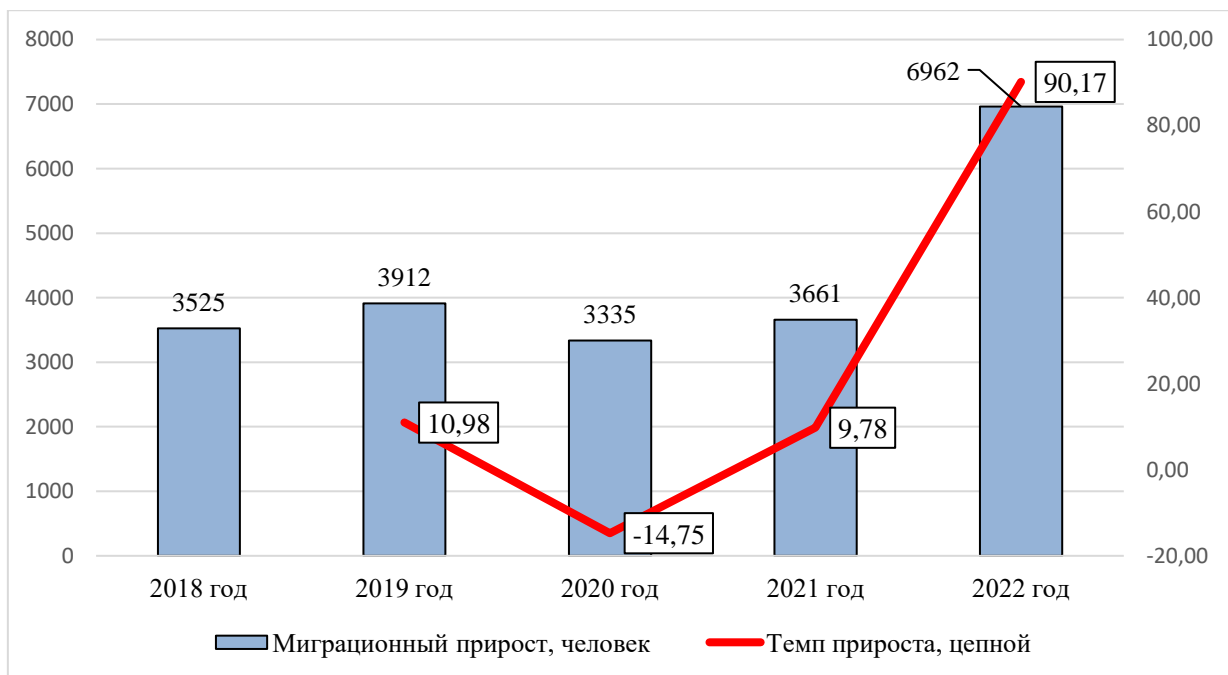

Рис.4. Динамика миграционного прироста муниципального образования «Город Курск»

Fig.4. Dynamics of migration growth of the Kursk City municipality

На основе представленной информационной базы необходимо отметить, что миграционный прирост муниципального образования «Город Курск» на протяжении рассмотренных пяти лет всегда имел положительное значение, то есть оказывал благоприятное воздействие на демографические показатели города.

В 2022 г. величина демографического прироста радикально выросла за счет притока беженцев с территории Украины: исследуемый показатель увеличился по сравнению с 2021 г. на 90,17%. В рамках периода 2018–2021 гг. величина миграционного прироста в целом носила стабильный характер.

В целом можно сделать вывод о том, что миграционный фактор не оказывал существенного влияния на социально-экономическое развитие муниципального образования «Город Курск».

¹ Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Курской области. – [Электронный ресурс]. URL: <http://kurskstat.gks.ru> (Дата обращения 27.01.2024)

Заключение. Миграционная политика является важнейшим инструментом регулирования социально-экономического пространства страны со стороны государственных органов, который позволяет решать не только экономические и демографические задачи, но и также обеспечивает защиту национальной безопасности. В общем виде миграционная политика представляет собой комплексный набор нормативно-правовых актов и административных инструментов, регулирующих движение входящих и исходящих миграционных потоков, а также формирующих основы правового статуса и правила поведения мигрантов в социально-экономическом пространстве государства. В работе выделены основные характерные черты миграционной политики, раскрывающие ее сущность и конкретизирующие управленческую индивидуальность, к числу которых в первую очередь необходимо отнести: использование общепринятых концептуальных принципов общественного устройства и нормы действующего законодательства в качестве фундамента; под объектом воздействия подразумеваются миграционные потоки и миграционные отношения; реализуется органами государственной власти, политическими силами и общественными объединениями; носит непрерывный, преемственный и длящийся по времени характер.

Список источников

1. Рязанцев С. В., Касымов О. К. Трансформация миграционной политики России: тренды, приоритеты, место стран Центральной Азии // Миграционное право. 2021. № 2. С. 16–20.
2. Поздеев Е. В. Совершенствование реализации государственной политики социально-демографического развития муниципального образования // В сборнике: Трансформация системы публичной власти в Российской Федерации: опыт, проблемы, тенденции. Материалы национальной научно-практической конференции. Орел, 2022. С. 139–144.
3. Сазонова О. А. Миграционная политика и миграционно-правовая политика: сравнительный анализ и проблемы дефиниции // Миграционное право. 2021. № 1. С. 15–18.
4. Попова С. М., Храмова М. Н., Чжан Ч. Адаптивная миграционная политика в условиях цифровой экономики (по материалам российско-китайского круглого стола) // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3. № 2. С. 182–190.
5. Самойлов В. Д., Нурадинов Ш. М., Селезнева К. В. Государственная миграционная политика России в контексте квантификации былого, настоящего и будущего // Образование. Наука. Научные кадры. 2021. № 1. С. 75–79.
6. Регент Т. М., Мосейкин Ю. Н., Клунко Н. С. Оценка эффективности использования бюджетных ассигнований на обеспечение региональной миграционной политики // Аудиторские ведомости. 2023. № 4. С. 240–248.
7. Кузьмина В. М., Пархомчук М. А., Агибалова Л. С. Практика реализации миграционной политики РФ и стран СНГ в приграничных регионах // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2020. Т. 10. № 1. С. 186–198.
8. Гатин А. Д. Демографическая политика как инструмент накопления трудового потенциала региона // Экономика и бизнес: теория и практика. 2019. № 1. С. 54–57.

References

1. Ryazantsev S. V., Kasymov O. K. Transformation of migration policy in Russia: trends, priorities, place of Central Asian countries. *Migration law*. 2021;(2):16–20. (In Russ.)
2. Pozdeyev E. V. Improving the implementation of the state policy of socio-demographic development of a municipal formation. In: *Transformation of the system of public power in the Russian Federation: experience, problems, trends. Materials of the national scientific and practical conference*. Orel, 2022:139–144. (In Russ.)
3. Sazonova O. A. Migration policy and migration and legal policy: comparative analysis and problems of definition. *Migration law*. 2021;(1):15–18. (In Russ.)
4. Popova S. M., Khramova M.N., Ch. Zhang. Adaptive migration policy in the digital economy (based on the materials of the Russian-Chinese round table). *DEMIS. Demographic research*. 2023;3(2):182–190. (In Russ.)

5. Samoilov V. D., Nuradinov Sh. M., Selezneva K. V. State migration policy of Russia in the context of quantification of the past, present and future. *Education. Science. Scientific staff*. 2021;(1):75–79. (In Russ.)
6. Regent T. M., Moseikin Y. N., Klunko N. S. Evaluation of the effectiveness of using budget allocations to ensure regional migration policy. *Audit statements*. 2023;(4):240–248. (In Russ.)
7. Kuzmina V. M., Parkhomchuk M. A., Agibalova L. S. The practice of implementing the migration policy of the Russian Federation and CIS countries in border regions. Proceedings of the Southwestern State University. Series: Economics. Sociology. Management. 2020;10(1):186–198. (In Russ.)
8. Gatin A. D. Demographic policy as a tool for accumulating the labor potential of the region. *Economics and Business: theory and practice*. 2019;(1):54–57. (In Russ.)

Информация об авторах

Г. Дж. Пилишвили – кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Курский государственный университет.

М. А. Ситников – студент 4 курса, Институт экономики и управления, направление подготовки: 38.03.04. Государственное и муниципальное управление, Курский государственный университет.

Information about the authors

G. Dzh. Pilishvili – Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of State and Municipal Management, Kursk State University.

M. A. Sitnikov – 4th year Student, Field of study: State and Municipal Management, Kursk State University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts.

Статья поступила в редакцию 08.04.2024; одобрена после рецензирования 06.05.2024; принята к публикации 07.05.2024.

The article was submitted 08.04.2024; approved after reviewing 06.05.2024; accepted for publication 07.05.2024.

Роль законодательного органа власти в разработке и реализации социально-экономической стратегии

Светлана Сергеевна Рыбакова

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королёва, Самара, Россия, ribakova.ss@ssau.ru, <https://orcid.org/0009-0001-3897-2142>

Аннотация. Законодательный орган власти играет ключевую роль в разработке и осуществлении социально-экономической стратегии государства. Статья исследует важность законодательного органа в формировании и осуществлении социально-экономической стратегии. Она анализирует роль парламента в разработке законов и политик, которые влияют на социальное и экономическое развитие общества. Представляя обзор соответствующей литературы и результатов исследований, статья рассматривает, как законодательные органы участвуют в процессе принятия решений и формулировании законов, направленных на поддержку экономического роста, социальной справедливости и устойчивого развития. Рассматриваются механизмы контроля и обратной связи, которые позволяют парламенту оценивать эффективность реализации социально-экономической стратегии. В статье анализируются примеры успешных практик, как законодательные органы власти участвуют в разработке и обсуждается значение активного участия законодательного органа в обеспечении успешной реализации стратегических целей и задач, способствуя устойчивому и равномерному развитию общества.

Ключевые слова: законодательный орган, власть, социально-экономическая стратегия, разработка стратегии, реализация стратегии, законодательная база, бюджетный контроль, законопроекты, социальные потребности, экономические потребности, общество

Для цитирования: Рыбакова С. С. Роль законодательного органа власти в разработке и реализации социально-экономической стратегии // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 2. С. 192–196. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-192-196>. EDN CLSBVL

Politology and Ethnopolitics

Original article

Role of the legislative body in the development and implementation of socio-economic strategy

Svetlana S. Rybakova

Samara National Research University named after academician S. P. Korolev, Samara, Russia, ribakova.ss@ssau.ru, <https://orcid.org/0009-0001-3897-2142>

Abstract. The legislative body plays a key role in the development and implementation of the state's socio-economic strategy. The article explores the importance of the legislature in the formation and implementation of socio-economic strategy. She analyzes the role of parliament in developing laws and policies that affect the social and economic development of society. By presenting a review of relevant literature and research findings, the article examines how legislatures engage in decision-making and the formulation of laws aimed at supporting economic growth, social justice and sustainable development. Control and feedback mechanisms that allow parliament to assess the effectiveness of the implementation of the socio-economic strategy are also considered. The article analyzes examples of successful practices, how legislative authorities participate in the development and discusses the importance of the active participation of the legislative body in ensuring the successful implementation of strategic goals and objectives, contributing to the sustainable and equal development of society.

Keywords: legislative body, government, socio-economic strategy, strategy development, strategy implementation, legislative framework, budget control, draft laws, social needs, economic needs, society

For citation: Rybakova S. S. Role of the legislative body in the development and implementation of socio-economic strategy. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(2):192–196. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-192-196>. EDN CLSBVL

Социально-экономическое развитие общества зачастую принадлежит государству. Государство осуществляет эту роль через разработку и реализацию экономических политик, обеспечение правовой и институциональной инфраструктуры, финансировании социальных программ, поддержку инноваций и предпринимательства, а также развития образования и здравоохранения. Ключевую роль в стимулировании и координации социально-экономического развития общества играют органы власти. В данной статье сделаем акцент на законодательном органе власти и изучим его значимость и деятельность в данном процессе подробнее.

Законодательный орган власти в разработке и реализации социально-экономической стратегии является ключевым аспектом в формировании и достижении национальных целей развития, достижение которых обеспечивается с помощью формулирования ясных стратегических планов и целей, которые отражают интересы общества и развития, а также реализации соответствующих экономических, социальных и образовательных политик. Основываясь на демократических принципах и властных полномочиях, законодательный орган играет решающую роль в установлении стратегических направлений развития и обеспечении их эффективной реализации.

Цель данной научной статьи заключается в анализе и выявлении влияния законодательного органа на процесс разработки и претворения в жизнь социально-экономической стратегии, изучения влияния политических факторов на процесс разработки и реализации социально-экономической стратегии законодательным органом власти, а также исследовании примеров лучших практик участия законодательного органа власти в разработке и реализации социально-экономической стратегии в различных странах.

Актуальность данной статьи обусловлена стремительными изменениями в мировой политике, экономике и социуме, требующими эффективных инструментов управления для достижения устойчивого и сбалансированного развития общества.

Исследование роли законодательного органа власти в формировании стратегических целей, определении приоритетов развития и разработке механизмов их достижения позволит выявить ключевые аспекты влияния законодательной власти на социально-экономическое развитие, а также предложить рекомендации по оптимизации данного процесса с учетом современных вызовов и требований времени.

Законодательный орган власти имеет решающее значение в разработке социально-экономической стратегии, представляя интересы общества и определяя ключевые направления развития. К его функциям относится, принятие законов и нормативных актов, политические реформы и бюджетные решения, определяющие экономическую политику, инвестиционные возможности, налоговую систему и социальные программы необходимые для реализации стратегии, а также контроль за их исполнением и адаптацией к изменяющимся обстоятельствам. Принимаемые законы и процессы регулирования могут стимулировать или же затруднять развитие отдельных секторов экономики, влиять на инвестиционный климат, а также формировать социальные условия для населения.

Влияние законодательного органа власти на социально-экономическое развитие выражается посредством создания правовой базы, способствующей росту экономики, социальной стабильности и обеспечению равных возможностей для всех членов общества. Разработка и принятие стратегии под руководством законодательного органа становятся основой для создания инструментов, стимулирующих инвестиции, развитие инфраструктуры, поддержку социальных программ и обеспечение прав и свобод граждан [1–2].

Механизмы реализации стратегии основаны на законодательном обеспечении, создании финансовых механизмов и механизмов контроля за выполнением принятых нормативов. Необходимо также обеспечить участие общественности и экспертов в процессе разработки и реализации стратегии через общественные обсуждения и внесение предложений [3].

Рассмотрим более подробно механизм реализации социально-экономической стратегии с участием законодательного органа власти. Этот процесс включает в себя несколько ключевых аспектов:

№	Аспект	Механизм реализации
1.	законодательная база	выражается в создании или изменении законов и нормативных актов для поддержки стратегии, что в свою очередь может включать налоговые льготы, финансовую поддержку, регулирование отраслей экономики и социальные программы;
2.	бюджетное обеспечение	осуществляется с помощью выделения финансирования для реализации стратегии через принятие бюджета и выделение средств на ключевые проекты и программы;
3.	мониторинг и контроль	реализуется с помощью создания механизмов для контроля и оценки эффективности реализации стратегии. Включает в себя создание отчетов, показателей для измерения прогресса и механизмов ответственности за невыполнение поставленных целей;
4.	стимулирование инвестиций и развития	осуществляется через разработки инструментов и программ, стимулирующих развитие отраслей экономики, привлечение инвестиций и инновационных решений;
5.	общественное участие, общественные консультации	привлечение экспертов и заинтересованных сторон для обсуждения и улучшения стратегии;
6.	адаптация и изменения	гибкость для адаптации стратегии в соответствии с изменяющейся обстановкой и появлением новых вызовов или возможностей [4].

Данные механизмы сотрудничества законодательной власти, исполнительной власти и общественности помогают в успешной реализации социально-экономической стратегии, обеспечивая эффективное использование ресурсов и достижение поставленных целей развития.

Для более детального анализа, рассмотрим несколько примеров участия законодательных органов власти в разработке и реализации социально-экономической стратегии.

Одним из ярких примеров влияния законодательного органа власти на разработку и реализацию социально-экономической стратегии является Российская Федерация. Федеральное Собрание (Совет Федерации и Государственная Дума) активно участвует в принятии законов и разработке программ, направленных на развитие различных секторов экономики и социальной сферы. Стратегия социально-экономического развития России до 2024 года, утвержденная Правительством РФ, предусматривает ряд мероприятий по развитию инфраструктуры, поддержке инноваций, развитию образования и здравоохранения. Законодательный орган участвует в процессе обсуждения и принятия законов, направленных на обеспечение финансирования этих программ, создание налоговых стимулов для развития отраслей экономики, а также контроль за исполнением принятых мер [5–6].

Такие усилия законодательного органа власти способствуют стимулированию экономического роста, созданию благоприятной инвестиционной среды и улучшению качества жизни граждан. Это подчеркивает важность участия законодательной власти в процессе разработки и реализации стратегий для достижения социально-экономических целей России [7].

Еще один пример успешной реализации социально-экономической стратегии с участием законодательного органа – это опыт страны Сингапур. Законодательное собрание Сингапура, обладая широкими полномочиями, активно участвовало в создании и реализации стратегии экономического развития, которая привела страну к впечатляющему экономическому процветанию за короткий период. Законодательный орган предоставил поддержку и принял ряд законодательных инициатив, направленных на стимулирование инвестиций, развитие образования, инноваций и предпринимательства. Принятие законов о налогах инфраструктурных проектах и регулировании рынка труда способствовало привлечению иностранных инвестиций, укреплению бизнес-среды и созданию благоприятного климата для экономического роста. Кроме того, законодательный орган Сингапура активно поддерживал социальные программы, направленные на поддержку малоимущих слоев населения, обеспечение

доступа к образованию и здравоохранению, что способствовало социальной стабильности и росту качества жизни [8].

Этот пример показывает, что участие законодательного органа власти в разработке и реализации социально-экономической стратегии с пониманием текущих вызовов и потребностей общества является ключевым фактором развития страны.

Еще один из знаменитых примеров успешной реализации социально-экономической стратегии с участием законодательного органа власти можно найти в Германии. Законодательный орган Бундестаг и Бундесрат Германии активно сотрудничал с правительством в разработке и реализации стратегии «Германия 2020». Эта стратегия включила широкий спектр мероприятий, направленных на стимулирование инноваций, развитие экологически чистых разработок, поддержку образования и науки, а также укрепление социальной защиты граждан. Законодательный орган принимал решения по внесению изменений в законодательство, стимулировал инвестиции в ключевые отрасли экономики и обеспечивал финансирование социальных программ. Результаты данной стратегии включали в себя устойчивый рост экономики, развитие новых технологических отраслей, снижение уровня безработицы и укрепления позиций Германии, как одного из лидеров в экономической и научной сферах в мировом масштабе [9].

Этот пример показывает, как активное участие законодательного органа власти в разработке и реализации стратегии способствует достижению конкретных целей развития страны и улучшению жизни ее граждан.

Таким образом, можно констатировать, что законодательный орган власти, будучи представителем воли народа, является ключевым элементом в создании основы для устойчивого и равномерного развития общества через разработку и реализации социально-экономического развития.

Список источников

1. Арсланов Ш. Д. Социально-экономическое развитие региона: инвестиционный фактор // Региональные проблемы преобразования экономики. 2020. № 7 (117). С. 66–72.
2. Борлакова А. Х. Функции законодательного органа власти // Вестник экспертного совета. 2022. № 2 (29). С. 69–73.
3. Попова Е.В. Предложения по созданию эффективного механизма реализации долгосрочной социально-экономической стратегии России // Экономические стратегии. 2021. Т. 23. № 3 (177). С. 50–57.
4. Клубенко В. С. Функции государства и реализация основных функций законодательного органа власти на примере субъектов Российской Федерации // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2023. Т. 9. № 2. С. 39–55.
5. Медведев Д. А. Россия-2024: Стратегия социально-экономического развития // Вопросы экономики. 2018. № 10. С. 5–28.
6. Финогенова А. С. Российский парламент: инклюзивные и экстрактивные черты на примере нижней палаты // Вестник Белого генерала. 2021. № 6. С. 67–76
7. Серегина В. А. Государственное вмешательство в экономику как фактор экономической и социальной стабильности // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2023. № 4. С. 370–372.
8. Осипова М. Г. Сингапур: экономическая история / Отв. ред. Д.В. Мосяков. М.: ИВ РАН, 2019. 176 с.
9. Современная Германия. Экономика и политика. Монография. Под общ. ред Белова В. Б. М.: Изд-во "Весь мир", 2015. 720 с.

References

1. Arslanov Sh. D. Socio-economic development of the region: investment factor. *Regional problems of economic transformation*. 2020;7(117):66–72. (In Russ.)
2. Borlakova A. H. Functions of the Legislative Authority. *Bulletin of the Expert Council*. 2022;2 (29): 69–73. (In Russ.)
3. Popova E.V. Proposals for the creation of an effective mechanism for the implementation of the long-term socio-economic strategy of Russia. *Economic strategy*. 2021;23(3(177)):50–57. (In Russ.)

4. Klubenko V. S. Functions of the State and the implementation of the main functions of the legislature on the example of the subjects of the Russian Federation. *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science*. 2023;9(2):39–55. (In Russ.)

5. Medvedev D. A. Russia-2024: Strategy of socio-economic development. *Economic issues*. 2018;(10):5–28. (In Russ.)

6. Finogenova A. S. Russian Parliament: inclusive and extractive features on the example of the lower house. *Bulletin of the White General*. 2021;(6):67–76. (In Russ.)

7. Seregina V. A. State intervention in the economy as a factor of economic and social stability. *Competitiveness in the global world: economy, science, technology*. 2023;(4):370–372. (In Russ.)

8. Osipova M. G. Singapore: economic history. D.V. Mosyakov (ed.). Moscow; 2019. 176 p. (In Russ.)

9. *Modern Germany. Economy and Politics*. Monograph. Belov V. B. (ed.). Moscow; 2015. 720 p. (In Russ.)

Информация об авторе

С. С. Рыбакова – кандидат политических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева».

Information about the author

S. S. Rybakova – Cand. Sci. (Polit.), Associate Professor of the Department of State and Municipal Management, Samara National Research University named after academician S. P. Korolev.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 03.04.2024; одобрена после рецензирования 27.05.2024; принята к публикации 28.05.2024.

The article was submitted 03.04.2024; approved after reviewing 27.05.2024; accepted for publication 28.05.2024.

Научная статья

УДК 32+352

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-197-202>

EDN CNNSMF

Методологические аспекты реализации государственной молодежной политики в России

Анна Александровна Крицкая¹, Арнольд Гаррикович Меликян²

^{1,2}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ростов-на-Дону, Россия

¹Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹enigmaann@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5890-0528>

²melikyan.arnold@mail.ru

Аннотация: В настоящей статье рассмотрены вопросы необходимости пересмотра методологии реализации государственной молодежной политики в связи с изменениями политического курса страны и возникавшими угрозами национальной безопасности. Представлены проблемы радикализации молодежи через социальные сети, социальная и гражданская активность современной молодежи в России, а также изучена методология генезиса молодежных организаций. Авторами предложены собственные шаги по нивелированию возникших угроз и пересмотру нормативной базы.

Ключевые слова: молодежная политика, методология, национальная безопасность, молодежные общественные организации, социальные сети, радикализм, экстремизм, добровольчество, кадровый потенциал и ресурсы

Для цитирования: Крицкая А. А., Меликян А. Г. Методологические аспекты реализации государственной молодежной политики в России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 2. С. 197–202. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-197-202>. EDN CNNSMF

Politology and Ethnopolitics

Original article

Methodological aspects of the implementation of state youth policy in Russia

Anna A. Kritskaya¹, Arnold G. Melikyan²

^{1,2}South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

¹Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

¹enigmaann@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5890-0528>

²melikyan.arnold@mail.ru

Abstract. This article examines the need to revise the methodology for implementing state youth policy in connection with changes in the country's political course and emerging threats to national security. The problems of youth radicalization through social networks, social and civic activity of modern youth in Russia are presented, and the methodology of the genesis of youth organizations is studied. In conclusion, the authors proposed their own steps to mitigate the emerging threats and revise the regulatory framework.

Keywords: youth policy, methodology, national security, youth public organizations, social networks, radicalism, extremism, volunteerism, human resources

For citation: Kritskaya A. A., Melikyan A. G. Methodological aspects of the implementation of state youth policy in Russia. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2024;(2):197–202. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-197-202>. EDN CNNSMF

С 2020 года в Российской Федерации изменилась политико-правовая стратегия реализуемая государством в сфере управления молодежной политикой [1, с. 86]. Подобные тенденции связаны в первую очередь с тем, что в участились попытки иностранных государств оказать влияние на сознание молодых граждан, а террористические акты, совершенные в стране, все больше приобретают образ политических событий, направленных на устрашение населения¹. На фоне данных событий государство уделяет особое внимание вопросам развития молодежной политики, молодежных организаций и безопасности в информационном поле.

Молодежь вовлекается в политическое пространство не только с помощью социальных сетей, но и посредством участия в неформальных организациях и объединениях, именно по этой причине исследование стратегий и механизмов реализации молодежной политики, которые приводят к развитию молодежных общественных организаций, поможет определить индикаторы эффективности влияния на принятие политических решений [2, с. 29]. Примером положительного применения подобного утверждения является Всероссийский конкурс «Лидеры России», который включает в себя применение успешного опыта межпоколенческого взаимодействия, выявления и развития лидерских качеств, как показателя эффективной руководящей деятельности [3, с. 21]. Однако, реализация государственной молодежной политики в данном контексте представляет более широкий массив деятельности.

Реализация молодежной политики в России – многогранный процесс, требующий четкого методологического подхода. Важность принятия решений на основе фактических данных, взаимодействия с заинтересованными сторонами, а также механизмы мониторинга и оценки для обеспечения успешной реализации молодежной политики это ключ к успешной работе с молодежью.

На практике реализация молодежной политики осуществляется широким набором подходов и методов. Напрямую это связано с тем, что государство считает проблемами молодежи и насколько осуществляет патронаж и регулирование социальных процессов, возникающих в молодежной среде. Ключевыми факторами являются особенности этнического и конфессионального характера, культурных традиций и дифференциации населения по половому и возрастному признаку [4, с. 280].

Термин «государственная молодежная политика» определяется в соответствии с распоряжением Правительства Российской Федерации от 29.11.2014 № 2403-р «Об утверждении основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года»². В данном документе дается следующее определение. «Государственная молодежная политика» – это направление деятельности Российской Федерации, представляющее собой систему мер нормативно-правового, финансово-экономического, организационно-управленческого, информационно-аналитического, кадрового и научного характера, реализуемых на основе взаимодействия с институтами гражданского общества и гражданами, активного расширения возможностей для эффективной самореализации молодежи и повышения уровня её потенциала в целях достижения устойчивого социально-экономического развития, глобальной конкурентоспособности, национальной безопасности страны, а также упрочнения её лидерских позиций на мировой арене.

Стоит отметить, что в научном сообществе отсутствует константа в вопросах генезиса молодежных организаций, что в свою очередь, по мнению авторов, является благоприятным фактором для самой молодежи, так как оставляет возможность в плюрализме. Молодежь не ограничена в формах организации своих объединений и никаким образом, факт отсутствия юридического закрепления не мешает молодым людям объединяться. В свою очередь, отсутствие государственного контроля в данном вопросе может привести к формированию негативных молодежных структур и последующему политическому влиянию на них.

В современном российском обществе возникает тенденция к созданию электронных сообществ молодых людей. Иными словами молодежь может объединяться в группы в социальных сетях и выполнять те же функции, что и юридически закрепленные молодежные организации, данный вопрос в методологии науки не описан и это направление является новым.

¹ Прогнозируемые вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации и направления их нейтрализации 2022. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

https://vagsh.mil.ru/upload/site17/document_file/Noyla2YLpO.pdf (Дата обращения – 15.02.2024)

² Распоряжение Правительства РФ от 29.11.2014 № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171835/ (Дата обращения – 15.02.2024)

С 2020 года по сегодняшний день участились случаи информационного терроризма, молодежь пытаются вовлечь в неформальные организации и объединения, которые заманивают, используя юмористический, саркастический и сатирический контент. Зачастую негативная информация подается в игровой форме (процессы геймификации) и размывает понятия реальности [5, с. 199]. Примерами подобных сообществ являются ранее известные социальные группы «Синий кит» [6, с. 665] и террористическая вербовка молодежи через социальные сети [7, с. 292].

В целях предотвращения подобной тенденции научное сообщество нуждается в изучении данного феномена современной молодежной политики, а государство, в пересмотре своей стратегии по воздействию на молодежь. Что касается сферы государственной молодежной политики, то здесь стоит изучить механизмы, которые использует государство на сегодняшний день.

Сфера государственного молодежной политики в России включает в себя ряд управленческих мер, направленных на ее реализацию. В частности, это [8, с. 273]:

- формирование, разработка и воплощение в жизнь системы мер по совершенствованию нормативных правовых актов, направленных на поддержку молодого поколения, защиту ее прав и законных интересов;
- непрерывный, качественно организованный мониторинг и организация социологических исследований о состоянии государственной молодежной политики и состояния молодежи Российской Федерации. Системная организация научных и учебно-методических мероприятий по проблемам молодежи и реализации государственной молодежной политики;
- создание особой федеральной системы информационных ресурсов для обеспечения деятельности аналитических, информационных и учебных центров по вопросам молодежной политики;
- создание условий и реализация мер по подготовке профессиональных кадров по направлениям и технологиям реализации государственной молодежной политики;
- создание условий для формирования эффективного механизма «социального лифта» для молодых граждан.

Из представленных выше пунктов можно увидеть, что одним из направлений является формирование нормативной правовой базы. Стоит отметить, что нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации имеют собственную специфику и понятийный аппарат, что не позволяет сформировать государству единый подход к правоприменимости и оперативно реагировать на стихийные изменения в процессах молодежной политики.

К примеру, в Конституции Российской Федерации наличие прав и выделение молодежи в отдельную социальную группу может быть индикатором для объективации ступеней становления и развития молодежных организаций на конкретном историческом промежутке времени. Из этого следует, что координацию процессов молодежной политики необходимо начинать с центральных властей и формировать нормативный правовой стержень для регионов. В противном случае, несистемная работа приведет к разрушению стержня управления молодежными организациями, что в свою очередь может сформировать молодежный радикализм.

Социальные сети выходят на первый план в вопросах борьбы за молодежные умы и угрозу распространения радикализма и экстремизма, именно по этой причине наличие в нормативных правовых актах ограничительных мер по данному вопросу вполне оправдано.

Негативное воздействие в социальных сетях конкретных сообществ может выступать в качестве «инструмента» влияния на молодежные организации и подмену понятий для молодежи. Проблемы национальной безопасности связаны с тем, как молодежные лидеры направляют молодых людей к радикализации через информационные каналы, что оправдывает информационные ограничения со стороны государства. Позитивное привлечение молодежи к информации и создание возможностей для ее участия в продуктивной деятельности помогают противостоять этим рискам и угрозам [9, с. 269].

В методологию генезиса молодежных организаций необходимо включить такой термин, как «деструктивное неформальное молодежное сообщество». К таким сообществам могут относиться стихийно возникающие молодежные объединения (группы и каналы) в социальных сетях, не имеющие юридического закрепления, но воздействующие на население путем размещения соответствующего контента и угрожающие вопросам национальной безопасности.

Можно сделать вывод, что реализация государственной молодежной политики, это одно из стратегически важных направлений государственной политики. Сегодня, большинство политических сил, партий и «сторонних элементов» ведет ожесточенную конкурентную борьбу за возможность

влиять на молодежь и молодежную политику. Не зря молодежь является объектом государственно-национальных интересов.

Развитие системы молодежных кадровых ресурсов также необходимо внести в методологию. За последние годы возникло множество новых проектов, программ и организаций, инициированных государством с целью повышения конкурентоспособности молодых людей и их вовлечения в процессы политической жизни страны. К таким площадкам относятся «Сириус», конкурс «Лидеры России», проект «Навигаторы детства», «Российское движение детей и молодежи» и многие другие [10, с. 84].

Молодежные организации могут прогрессировать с помощью современных систем помощи и поддержки от государства. Централизованное воздействие на молодежь через «Российское движение детей и юношества» целесообразно, если оно позволяет избежать формализации взаимодействия с детьми и родителями.

Что касается участия молодежи в подобных социально-значимых мероприятиях, конкурсах и организациях и необходимости модернизации методологии в сфере государственной молодежной политики, то доказательствами являются результаты социологического исследования, проведенного в России в 2019 году Федеральным информационным центром молодежных социальных программ. В исследовании приняло участие более 500 студентов высших учебных заведений, в анкете предлагалось выбрать один или несколько вариантов ответов. Результаты исследования представлены на рис. 1 [11, с. 166].

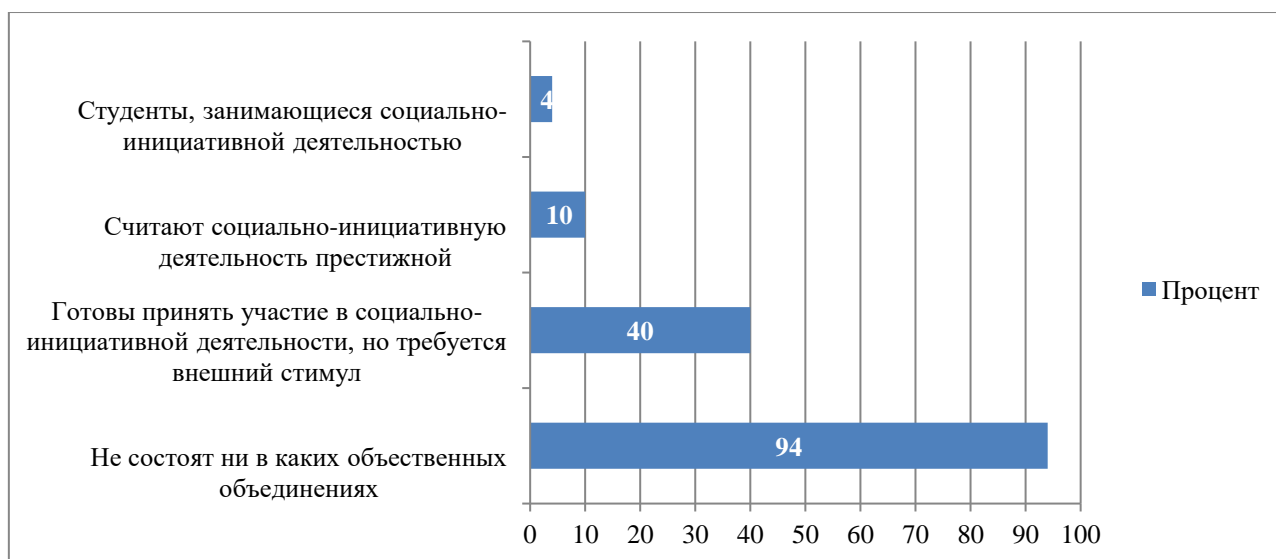

Рис. 1. Потенциал социально-активной молодежи

Fig. 1. Potential of socially active youth

Из исследования видно, что 94% опрошенных респондентов не участвуют в молодежных организациях, 40% готовы принимать участие в проектах, однако для этого им требуется внешний стимул. Лишь 10% опрошенных считает социально-инновационную деятельность престижной, и только 4% активно ей занимаются. В ходе представленного социологического исследования информационным центром сформированы основные проблемы, препятствующие молодежи к участию в социально-активной деятельности. Результаты представлены на рис. 2.

Из данного исследования видно, что 80% респондентов не знают с чего начать подобную деятельность, а 75% нужен внешний стимул. 25% ожидают поддержки со стороны своих друзей.

Исходя из вышепредставленных исследований, авторы делают вывод о том, что достаточное количество молодых людей готовы принимать участие в социально-инициативной деятельности, однако не все молодые люди понимают как начать подобного рода деятельность. Модернизация системы наставничества в данном направлении могла являться стимулом для молодых людей, а привлеченные эксперты послужили примером для инициаторов проектов.

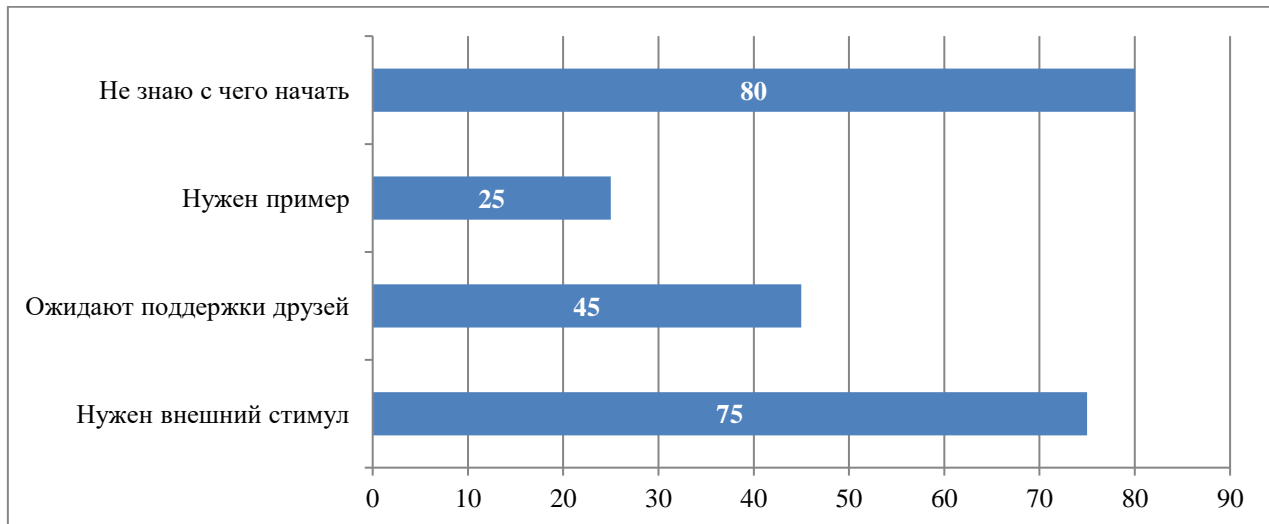

Рис. 2. Основные проблемы реализации социально-активной деятельности
 Fig. 2. Main problems of realization of socially active activity

Успешными примерами реализации подобных проектов для молодежи, в данном направлении, являются региональные и федеральные проекты: Уроки мужества, Форум «Молодая волна», форум «Ростов», «Твой Ход», «Добро не уходит на каникулы», «Орлята России», «Евразия Глобал», «Всемирный фестиваль молодежи и студентов», «Территория смыслов» и многие другие.

Подводя итоги настоящей статьи, мы можем сделать вывод о том, что методология молодежной политики не является константой. В молодежном сообществе возник запрос на государственное участие в вопросах организации деятельности молодежных объединений. Необходимо расширить методологию, исходя из представленного исследования, и расширить понятийный аппарат вопросов национальной безопасности в корреляции с молодежной политикой. Успешный опыт реализации таких проектов как «Лидеры России» и федеральной территории «Сириус» может служить основой для трансформационных процессов.

Список источников

1. Бирюков С. В., Сазонов И. С. Молодежная политика: современное понимание и подходы к исследованию // Развитие территорий. 2021. № 4 (26). С. 85-90.
2. Задонская И. А. Роль молодежной политики в формировании ценностных ориентаций современной молодежи // Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки. 2016. № 2 (6). С. 28-33.
3. Опарина Н. Н., Панова Е. А. "Лидеры России" как инструмент рекрутирования государственных менеджеров нового поколения" // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. 2019. № 1. С. 19-24.
4. Крикунова В.А. Молодежная политика в современной России: понятие, субъекты, факторы формирования // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 101. С. 277-283.
5. Алоева А.А., Алоев И.А., Жуков, А.З. Информационный терроризм - угроза национальной безопасности в условиях цифровизации // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2020. № 6. С. 197-201.
6. Алгави Л. О., Кадырова Ш. Н., Расторгуева Н. Е. "«Синий кит»: пять аспектов новостного нарратива" // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. 2017. № 4. С. 660-668.
7. Ананьин О. Ю., Базулина А. А., Жуланов А. В. Вербовка молодежи в террористические организации посредством социальных сетей: проблемы профилактики // Вестник экономической безопасности. 2022. № 5. С. 290-295.
8. Андрюшина Е. В. Государственная молодежная политика в российском обществе: этапы, основные направления, показатели результативности // Государственное управление. Электронный вестник. 2018. № 67. С. 269-281.

9. Рахлина Л. В. Молодежь России и ее влияние на национальную безопасность // Научный портал МВД России. 2016. № 2 (34) С. 115–120.

10. Комиссаров А. Г. "Кадровые конкурсы в России: повышение эффективности отбора руководителей для гос-службы» на примере конкурса «Лидеры России». Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. 2023. № 2. С. 80–95.

11. Пирогов, С.В. Социальное прогнозирование и проектирование: учеб. пособие. М.: Проспект, 2016. 166 с.

References

1. Biryukov S. V., Sazonov I. S. Youth policy: modern understanding and approaches to research. *Development of territories*. 2021;4(26):85–90. (In Russ.)

2. Zadonskaya I. A. The role of youth policy in the formation of value orientations of modern youth. *Bulletin of Tambov University. Series: Social Sciences*. 2016;2(6):28–33. (In Russ.)

3. Oparina N. N., Panova E. A. "Leaders of Russia" as a tool for recruiting government managers of the new generation". *Personnel and Intellectual Resources Management in Russia*. 2019;(1):19–24. (In Russ.)

4. Krikunova V. A. Youth policy in modern Russia: concept, subjects, formation factors. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 2009;(101):277–283. (In Russ.)

5. Aloeveva A. A., Aloevev I. A., Zhukov A. Z. Information terrorism – a threat to national security in the context of digitalization. *Gaps in Russian legislation. Legal journal*. 2020;(6):197–201. (In Russ.)

6. Algavi L. O., Kadyrova Sh. N., Rastorgueva N. E. "Blue Whale": five aspects of the news narrative". *Bulletin of the Russian Peoples' Friendship University. Series: Literary criticism, journalism*. 2017;(4):660–668. (In Russ.)

7. Ananyin O. Yu., Bazulina A. A., Zhulanov A. V. "Recruitment of youth into terrorist organizations through social networks: problems of prevention". *Bulletin of Economic Security*. 2022;(5):290–295. (In Russ.)

8. Andryushina E. V. State youth policy in Russian society: stages, main directions, performance indicators. *Public Administration. Electronic newsletter*. 2018;(67):269–281. (In Russ.)

9. Rakhlina L. V. Youth of Russia and its influence on national security. *Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2016;2(34):115–120. (In Russ.)

10. Komissarov A. G. "Personnel competitions in Russia: increasing the efficiency of selecting managers for the civil service" using the example of the "Leaders of Russia" competition". *Scientific research of the Faculty of Economics. Electronic journal*. 2023;(2):80–95. (In Russ.)

11. Pirogov S. V. *Social forecasting and design*. Moscow: Prospekt; 2016. 166 p. (In Russ.)

Информация об авторах

А. А. Крицкая – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и этнополитики ЮРИУ РАНХиГС; доцент кафедры «Уголовное право и публично-правовые дисциплины» ДГТУ.

А. Г. Меликян – преподаватель кафедры политологии и этнополитики, аспирантка кафедры политологии и этнополитики ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the authors

A. A. Kritskaya – Cand. Sci. (Polit.), Associate Professor of the Department of Political Science and Ethnopolitics of South Russian Institute of Management – branch of RANEPa; Associate Professor of the Department of Criminal Law and Public Law Disciplines, Don State Technical University.

A.G. Melikyan – Lecturer at the Department of Political Science and Ethnopolitics, Postgraduate Student at the Department of Political Science and Ethnopolitics, South Russian Institute of Management – branch of RANEPa.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts.

Статья поступила в редакцию 08.05.2024; одобрена после рецензирования 26.05.2024; принята к публикации 27.05.2024.

The article was submitted 08.05.2024; approved after reviewing 26.05.2024; accepted for publication 27.05.2024.

Научная статья
УДК 32+330.82
<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-203-208>

EDN DFIABP

Формирование доктрины российского либерализма в конце XIX века

Светлана Ивановна Кузина^{1, 2}

¹Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, svivk@yandex.ru

²Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. Формирование российского либерализма в XIX веке доктринально проходило по пути исторически обусловленного развития в контексте западнцентристской парадигмы. Однако политические события в России конца XIX – начала XX веков внесли существенные коррективы в дальнейшее развитие либеральной идеологии. С опорой на институциональный и историко-компаративистский подходы, проведено исследование теоретического наследия российского либерализма, отмечены его особенности, доказано, что вклад российских ученых конца XIX века может стать основой для разработки стратегии дальнейшего развития российской государственности в современной геополитической ситуации.

Ключевые слова: либерализм, либеральный консерватизм, политико-правовая доктрина, демократические ценности

Для цитирования: Кузина С. И. Формирование доктрины российского либерализма в конце XIX века // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 2. С. 203–208. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-203-208>. EDN DFIABP

Politology and Ethnopolitics

Original article

Formation of the doctrine of Russian liberalism at the end of the 19th century

Svetlana I. Kuzina^{1, 2}

¹South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, svivk@yandex.ru

²Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

Abstract. The formation of Russian liberalism in the 19th century doctrinally followed the path of historically determined development in the context of the Western-centric paradigm. However, political events in Russia at the end of the 19th and beginning of the 20th centuries made significant adjustments to the further development of liberal ideology. Based on institutional and historical-comparative approaches, a study was conducted of the theoretical heritage of Russian liberalism, its features were noted, and it was proven that the contribution of Russian scientists of the late 19th century can become the basis for developing a strategy for the further development of Russian statehood in the modern geopolitical situation.

Keywords: liberalism, liberal conservatism, political and legal doctrine, democratic values

For citation: Kuzina S. I. Formation of the doctrine of Russian liberalism at the end of the 19th century. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2024;(2):203-208. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-203-208>. EDN DFIABP

Изучение и осмысление политико-правовой доктрины российского либерализма стало актуальной темой в настоящее время по причине обострившегося геополитического противостояния, создавшего не только риски нарушения глобальной безопасности, но и идеологического обеспечения мировой конкуренции держав. Пересмотру и коррозии подверглись демократические ценности – неотъемлемость прав личности на свободу во всех сферах жизни, механизмы обеспечения правового и социального ограничения государственной власти, верховенство права, взаимная ответственность гражданина и государства и другие принципы, основанные на концепции либерализма.

Чтобы правильно осмысливать и анализировать политико-правовые процессы в современной России, необходимо исследовать и понять историческое развитие русского либерализма, его истоки и достижения к началу XX века, до той грани, через которую перешагнула страна в октябре 1917 года, потому, что одной из причин свершившейся революции были проблемы развития либерального движения в стране.

Либерализм как политико-правовая доктрина современности в основе своей опирается на необходимость обеспечения минимальных прав личности, таких, как справедливое судебное разбирательство, право на свободу, жизнь, частную собственность. Как идеология либерализм сыграл решающую роль в развитии современного мира. Именно либерализм создал западное общество в том виде, который мы можем видеть в настоящее время. Либерализм стал наиболее влиятельной формой общественного сознания в области властеотношений, его доктрина содержит большой потенциал политико-правового развития. Идеология либерализма стала темой, по которой спорили российские ученые-правоведы, общественные и государственные деятели, политики прошлых веков; тема продолжает оставаться актуальной и для современной России.

Идеологической, политической и правовой базой становления либерализма является рационализм, основанный на признании прав человеческой личности, гарантиях равенства всех граждан, защиты права собственности. Право на достойное существование закреплено в концепции социального и правового государства, получившей распространение в странах западнцентристской культуры во второй половине XIX века. На идеях классиков либерализма (Д. Локк, Т. Гоббс и др.) основана идея либерализма о договорной природе государства: государство лишь менеджер, с которым общество заключило договор о найме. Позднее появился принцип равенства всех социальных групп: религиозных, экономических, профессиональных, политических, – ни одна из них не имеет права на превосходство ни в моральной, ни в практической области.

Либерализм формировался на критике государства, отстаивании необходимости гражданской ответственности членов общества, религиозной веротерпимости, конституционализма. Все принципы либерализма представляют собой систему ценностей или его идеологию, политико-правовую доктрину.

В отечественной истории отношение к либерализму всегда разделяло общество на либералов и консерваторов, но проявлялась эта дискуссия в основном в трудах российских ученых-теоретиков, поддерживаемых интеллигентными слоями. А вот поддержка либеральных идей в широком российском обществе, народными массами составляла достаточно сложную проблему. Либеральные идеи разделяли многие представители правящей российской элиты, что выражалось в проводившихся периодически реформах государственной системы, изменении внутренней политики с целью придать стране импульс движения в сторону либеральной цивилизации.

Генез российского либерализма можно рассматривать, начиная с XVI-го века. Уже в то время появлялись некоторые либеральные идеи, направленные на ограничение абсолютизма высшей власти, жестко ею подавлявшиеся. Но по мере модернизации страны в общественное сознание все больше проникали либеральные идеи. Наиболее заметным этот процесс стал в конце XVIII-го – начале XIX вв., когда высшие аристократические слои уже получали европейское образование, приобщались к общеевропейской культуре, содержащей идеи общественного договора, идеалы эпохи Просвещения и пр. [1].

В дореволюционной России в официальной идеологии преобладала другая политико-правовая доктрина – консерватизм. На протяжении XIX в. и начала XX в. между консерватизмом и либерализмом происходило противоборство в вопросах пути дальнейшего развития российского государства. Одновременно среди представителей этих двух течений были и те, кто придерживался умеренных взглядов, пытавшихся соединить оба направления; они считали себя сторонниками «либерального консерватизма».

Становление либерализма в России всегда проходило в духе интеграции с западной культурой, но сложности этого процесса были обусловлены особенностями истории страны. По объективным причинам исторического развития ведущую роль в общественных отношениях играло государство, верховная власть, форма самодержавия практически не предусматривала общественного представительства в вопросах управления страной. Даже дворянство не было защищено от конфискации своей собственности, не имело права ее защиты, как и других сословных прав. Крепостничество было мощной преградой на пути становления естественных принципов гражданского равноправия.

Но даже в таких условиях либеральная мысль проявлялась и эволюционировала в деятельности просвещенных государственных чиновников, трудах публицистов и ученых. Однако российские реалии накладывали свой отпечаток на развитие либеральной мысли в обществе, что отражалось в ее определенной противоречивости и двойственности, в неполном преодолении традиционности, в недостаточном вхождении в либеральную цивилизацию.

Еще одной особенностью становления политико-правовой доктрины в России становится спектр ее личностных проявлений. Яркими представителями и основателями либеральной мысли в России стали философ П. Я. Чаадаев, государственный деятель, реформатор и законодатель М. М. Сперанский (под его руководством в 1833 г. был составлен «Свод законов Российской империи», в 1834 г. по его инициативе была основана Высшая школа правоведения), декабрист М. С. Лунин и дипломат, князь И. С. Гагарин, настаивавшие на свободе совести, праве на выбор вероисповедания и др.

Об особенностях развития России П. Я. Чаадаев писал: «...мы никогда не шли вместе с другими народами, мы не принадлежим ни к одному из известных семейств человеческого рода, ни к Западу, ни к Востоку, и не имеем традиций ни того, ни другого. Мы стоим как бы вне времени, всемирное воспитание человеческого рода на нас не распространилось» [2].

Развитие либерального направления в России продолжалось вплоть до революционных событий начала XX в., отразившись, к примеру, в спорах между западниками и славянофилами (почвенниками).

Практическому внедрению либеральных идей в российском политико-правовом пространстве способствовала эпоха реформ императора Александра II в 60-70-е годы XIX века. Было отменено крепостное право (1861 г.), проведены финансовая, земская, судебная, военная реформы, реформированы сферы образования и местного самоуправления.

Была освобождена от жесткой цензуры печать, стали относительно свободными и самостоятельными в своей образовательной деятельности университеты. Особое место в развитии русского либерализма заняло земское самоуправление, которое стало средой практического воплощения либеральных принципов: именно там сформировались известные либеральные публицисты и представители либерально ориентированной университетской науки. Именно из земских слоев вышли будущие лидеры либеральных политических партий.

Впервые в эту эпоху внимание общественности было привлечено к таким основами либерализма, как субъективное право на частную собственность, участие граждан в управлении государством, законотворчестве. Земства стали той основой, которая консолидировала сторонников развития российского государства по западноевропейскому либеральному проекту. Одним из лидеров сторонников либерального мировоззрения в конце XIX века стал Б. Н. Чичерин, чьи взгляды сформировались под влиянием профессоров-западников Московского университета, в котором он учился, – Т. Н. Грановского, К. Д. Кавелина и других.

Т. Н. Грановский считал, что историческое развитие любой общности обусловлено борьбой разнородных сил, сопровождающейся войнами и революциями. Такое развитие бесконечно по причине появления все новых и новых противоположностей в такой борьбе, итогом борьбы являются новые результаты, что и есть само по себе развитие общности. Полемизируя с оппонентами, Грановский говорил студентам: «И вам, и мне предстоит благородное и, надеюсь, долгое служение России – России, идущей вперед и с равным презрением внимающей клеветам иноземцев, которые видят в нас только легкомысленных подражателей западным формам, без всякого собственного содержания, и старческим жалобам людей, без всякого собственного содержания, которые любят не живую Русь, а ветхий призрак» [Цит. по: 3].

К. Д. Кавелин был представителем государственнической школы в науке управления. Он считал, что борьба личности за свою свободу постепенно приводит к высшей форме организации сообщества – государству. Но Россия несколько отстала от Запада, поэтому должна перенять опыт общественного

строительства у западных стран, но не подгоняя нашу культуру под чужую форму. Начиная с реформ Петра I, подвинувшего Русь по западному пути развития, Россия движется в том же направлении, управлять же государством необходимо с помощью современных законов и методов. Он считал, что индивидуализм присущ россиянам в той же мере, что и общинность, что и привело к появлению, пусть в неразвитой форме, гражданской ответственности и юридической гражданственности [4].

Б. Н. Чичерину принадлежат труды «Курс государственной науки» и «История политических учений» [5–6], в которых он изложил теоретические основы российского либерального классицизма. Вслед за своими университетскими учителями он считал свободу личности необходимым условием цивилизационного развития России. Но свободы не как вседозволенности, а свободы, ограниченной законом, в сторону ее освобождения от рабского состояния, права на свободу слова, учета общественного мнения, открытости и публичности государственной власти, судов и т.д. Чичерин еще в 50-е годы XIX в. говорил о необходимости отмены крепостного права, свободе предпринимательства, защите частной собственности. Но так же, как и К. Д. Кавелин, он считал, что движение России по либеральному пути может обеспечить только государство, верховная власть, правительство. Очевидно, что государственно-либеральные взгляды ученого являлись отражением российской действительности, что подтверждается историей России до настоящих дней как закономерность. Особенность российского исторического развития, отмеченная особо важной ролью государства в его движении вперед, обусловлена огромной территориальной протяженностью, неоднородной плотностью населения, суровыми условиями быта и климата и др. Правление в России, считал Чичерин, должно самореформироваться в конституционную монархию, но не путем поспешных, радикальных сломов общественной системы, и не с помощью консервации старых форм, а через постепенные, эволюционные преобразования. Программа Б. Н. Чичерина получила характеристику «охранительного», «консервативного» либерализма. Но Б. Н. Чичерин выделял два типа консерватизма – рутинного типа и либеральный консерватизм. Консерваторы-рутинисты слепо привязаны к старине, к существующему порядку, пытаются остановить естественное развитие общества [7, с. 121]. Либеральные же консерваторы стоят только против бесполезной и вредной ломки, за отмену только того, что потеряло жизненную силу, за динамизм и стабильное развитие общества с сохранением его культуры [8, с. 31].

Современники оценивают программу Б. Н. Чичерина как действенный для той эпохи вариант развития правового государства в России, максимально учитывающий и особенности политического строя, и исторические традиции страны XIX века. При этом основные цели реформ Александра II во многом совпадали с идеями Чичерина. Но со смертью императора идеи умеренного, центристского пути преобразования России были отвергнуты, и с 80-х годов XIX столетия началась другая, революционная эпоха.

Б. Н. Чичерин был представителем академического либерализма, во многом основанного на идеалах европейского либерального направления. Параллельно с его идеями в России получил распространение такой вид либерализма, как земский. Носителями его принципов стали представители русской интеллигенции, которые сформировались в среде земского самоуправления, участвуя в такой деятельности земств, как народное просвещение, развитие здравоохранения и др. К ним относились земские врачи, учителя, работники земской статистики, агрономы. Их наибольшая политическая активность пришлась на 70-80-е годы XIX века, во время контрреформ Александра III, направленных на существенное ограничение прав земств. Некоторые земства вступили в открытую конфронтацию с верховной властью, потребовав созыва Земского собора, за что последовали определенные репрессии против лидеров движения. Но в 80-е годы политическая программа земского движения была сформирована, в которую вошли требования расширения таких свобод, как свобода слова, печати, гарантии неприкосновенности личности и др., и, главное требование – созыв Учредительного собрания, т.е. представительного органа власти. В 1880 г. был создан Земский союз, который считается первой либеральной организацией в России. Стал издаваться официальный печатный орган Земского союза – журнал «Вольное слово». Но, так как и журнал, и Земский союз были созданы нелегально, без официальной регистрации, их существование продлилось недолго.

Следующим этапом становления либерализма в России на почве земского движения, олицетворявшего развитие местного самоуправления и участие общества в управлении делами государства, стало создание Союза земцев-конституционалистов. На съезде Союза в 1904 году были выдвинуты такие требования расширения политических свобод, как дальнейшее расширение полномочий органов местного самоуправления, уничтожение сословных и религиозных барьеров, контроль над законностью действий административно-территориальных органов власти, осуществление выборов

народных представителей в органы законодательной власти и др. Возглавляли движение земцев А. Гучков, Н. Стахович и другие.

Необходимо отметить, что земское движение стало практическим воплощением теорий либерализма академического характера, разрабатывавшихся в начале XIX века Б. Чичериным, К.Д. Кавелиным и другими российскими учеными. Осуществление либеральных идей оказалось скорректировано практическими реалиями российской действительности, более приземленным, чем это виделось ученым-теоретикам. Представители земского либерализма считали идеи мыслителей и пути их воплощения недостаточно радикальными.

Сторонники западного пути развития либерализма в России считали, что страна, хоть и с задержкой, но должна идти и идет по тому же историческому пути, что и западные страны. Если славянофилы поддерживали самодержавный монархический строй, то западники считали более прогрессивной форму конституционной (т.е. ограниченной) монархии, с правами слова, печати, гласности судопроизводства и пр. Идеалом такого государства они считали английский и французский парламентаризм.

Либералы XIX века, к какому бы направлению они себя ни относили, – западники или славянофилы, – однозначно выступали за отмену крепостного права, сдерживающего развитие российского государства на уровне рабовладельческих отношений. Но далее их представления расходились. Западники ратовали за свободу и индивидуализм личности, славянофилы упирали на присущую русской нации соборность и корпоративный менталитет.

Таким образом, представители западнического направления (К. Д. Кавелин, С. М. Соловьев, Б. Н. Чичерин и др.) предлагали эволюционный путь реформирования социально-политического и правового поля России, отрицая революционные потрясения. Большую роль в проведении либеральных реформ они отдавали государству, стали основоположниками «государственной школы» в русской научной мысли развития идеологии либерализма. Реализация либеральных идей с помощью земского движения несколько не совпала с теоретическими построениями русских западнически настроенных либералов. История внесла свои коррективы в сторону радикализации либерального движения, что вылилось в дальнейшие революционные события.

В конце XIX века – начале XX-го Россия находилась перед выбором пути своего дальнейшего развития: или идти реформаторским путем, или революционным. Это был период сотрясения социально-правовых и политических основ государства, складывавшихся веками. Стремительные изменения происходили во всех сферах общественной жизни, но стратегии, цели, пути движения были неопределенны, в стране наступал хаос. В конце XIX века проступили отчетливые признаки того, что в России назрел кризис власти. Но что нужно было сделать для большой страны, чтобы успокоить волнения среди буквально всех слоев населения? Предложить такую программу не смогли ни либералы, ни консерваторы.

Список источников

1. Медушевская Н. Ф. Идеи либерализма на русской почве: история и современность // История государства и права. 2007. № 9. С. 9–12.
2. Чаадаев П. Я. Философические письма. URL: http://az.lib.ru/c/chaadaew_p_j/text_0010.shtml (дата обращения 19.01.2024)
3. Анфилов В. А. К вопросу о национальной идее // Независимая газета. 14.04.2001. URL: https://www.ng.ru/polemics/2001-04-14/8_idea.html (дата обращения 06.02.2024)
4. Кавелин К.Д. Русский национальный интерес. М.: ЗАО «Издательский дом "Экономическая газета"», 2010. 648 с.
5. Чичерин Б. Н. Курс государственной науки. Т. I-III. Москва, типография товарищества И. Н. Кушнерев и Ко, 1894 г. URL: <http://constitution.garant.ru/science-work/pre-revolutionar/3948892/> (дата обращения 06.02.2024)
6. Чичерин Б. Н. История политических учений. URL: http://dugward.ru/library/gosipravo/chicherin_ist_pr1.html (дата обращения 06.02.2024)
7. Чичерин Б. Н. Что такое охранительные начала // Чичерин Б.Н. Несколько современных вопросов. М.: ГПИБ, 2002. С. 116–145.
8. Чичерин Б. Н. Различные виды либерализма // Несколько современных вопросов. М.: ГПИБ, 2002. С. 146–159.

References

1. Medushevskaya N. F. Ideas of liberalism on Russian soil: history and modernity. *History of state and law*. 2007;(9):9-12. (In Russ.)
2. Chaadaev P. Ya. *Philosophical letters*. Available from: http://az.lib.ru/c/chaadaev_p_j/text_0010.shtml [Accessed 19 January 2024]. (In Russ.)
3. Anfilov V. A. On the issue of the national idea. *Nezavisimaya Gazeta*. 04.14.2001. Available from: https://www.ng.ru/polemics/2001-04-14/8_idea.html [Accessed 6 February 2024]. (In Russ.)
4. Kavelin K. D. *Russian national interest*. Moscow; 2010. 648 p. (In Russ.)
5. Chicherin B. N. *Government science course*. Volumes I-III. Moscow, printing house of the partnership I. N. Kushnerev and Co., 1894. Available from: <http://constitution.garant.ru/science-work/pre-revolutionar/3948892/> [Accessed 6 February 2024]. (In Russ.)
6. Chicherin B. N. *History of political doctrines*. Available from: URL: http://dugward.ru/library/gosipravo/chicherin_ist_pr1.html [Accessed 6 February 2024]. (In Russ.)
7. Chicherin B. N. What are protective principles. *Chicherin B.N. A few contemporary issues*. Moscow; 2002:116–145. (In Russ.)
8. Chicherin B. N. Different types of liberalism. *Several modern issues*. Moscow; 2002:146–159. (In Russ.)

Информация об авторе

С. И. Кузина – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политологии и этнополитики ЮРИУ РАНХиГС; профессор кафедры «Уголовное право и публично-правовые дисциплины» ДГТУ.

Information about the author

S. I. Kuzina – Dr. Sci. (Polit.), Professor of the Department of Political Science and Ethnopolitics, South Russian Institute of Management – branch of RANEPA; Professor of the Department of Criminal Law and Public Law Disciplines, Don State Technical University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 05.04.2024; одобрена после рецензирования 24.05.2024; принята к публикации 27.05.2024.

The article was submitted 05.04.2024; approved after reviewing 24.05.2024; accepted for publication 27.05.2024.

Научная статья
УДК 32+331.2+796.062
<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-209-214>

EDN DSGJUP

Государственное регулирование туризма в Российской Федерации в контексте динамики международных отношений

Лариса Александровна Лобова¹,
Елена Николаевна Тованчова²

¹Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, lora.lobova2009@yandex.ru

²Ростовский государственный университет путей сообщения, Ростов-на-Дону, Россия, Just_ien@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7123-8305>

Аннотация. В статье проведен анализ внутренних и внешних факторов, оказывающие влияние на развитие туризма, включая государственную политику, экономические тенденции, инфраструктурные возможности и международное сотрудничество. Особое внимание уделяется концептуальным критериям, определяющим туризм как смену местоположения, временное пребывание и некоммерческие цели поездок. Авторы статьи рассматривают текущие тенденции и риски, связанные с туризмом в России, а также рассматривают стратегии и меры, которые могут способствовать устойчивому развитию туристической индустрии в стране. Статья предлагает комплексный подход к оценке туристического потенциала регионов России, подчеркивая важность разделения аттрактивности и качества обслуживания для оптимизации туристских потоков и повышения привлекательности российского туризма как для внутренних, так и для иностранных посетителей.

Ключевые слова: туризм, государственная политика, государственное регулирование, глобализация, международные отношения

Для цитирования: Лобова Л. А., Тованчова Е. Н. Государственное регулирование туризма в Российской Федерации в контексте динамики международных отношений // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 2. С. 209–214. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-209-214>. EDN DSGJUP

Politology and Ethnopolitics

Original article

State regulation of tourism in the Russian Federation in the context of the dynamics of international relations

Larisa A. Lobova¹,
Elena N. Tovanchova²

¹South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, lora.lobova2009@yandex.ru

²Rostov State University of Railway Engineering, Rostov-on-Don, Russia, Just_ien@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7123-8305>

Abstract. The article analyzes the internal and external factors influencing the development of tourism, including government policy, economic trends, infrastructural opportunities and international cooperation. Special attention is paid to the conceptual criteria defining tourism as a change of location, temporary stay

and non-commercial travel purposes. The authors of the article consider the current trends and risks associated with tourism in Russia, as well as consider strategies and measures that can contribute to the sustainable development of the tourism industry in the country. The article offers a comprehensive approach to assessing the tourism potential of Russian regions, emphasizing the importance of separating attractiveness and quality of service in order to optimize tourist flows and increase the attractiveness of Russian tourism for both domestic and foreign visitors.

Keywords: tourism, public policy, government regulation, globalization, international relations

For citation: Lobova L. A., Tovanchova E. N. State regulation of tourism in the Russian Federation in the context of dynamics of international relations. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2024;(2):209-214. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-209-214>. EDN DSGJUP

В последние десятилетия туризм как социально-экономическое явление занял важное место в жизни общества, оказывая значительное влияние на экономическое развитие, культурное обогащение и межличностные взаимодействия на международном уровне. В Российской Федерации, как и во многих других странах, туризм выступает не только как драйвер экономического роста, но и как средство улучшения качества жизни населения и укрепления международных связей.

Особое внимание в этом контексте заслуживает анализ различных концептуальных подходов к туризму, который позволяет выделить ключевые критерии и параметры, характеризующие это явление. Так, смена местоположения, временное пребывание вне постоянного места жительства и некоммерческая цель визита являются основными характеристиками, разграничивающими туризм от других видов перемещений.

Для глубокого понимания текущего состояния и перспектив развития туристической индустрии России, важно рассмотреть как внутренние, так и внешние факторы, влияющие на эту сферу. Внутренние факторы включают в себя наличие и состояние инфраструктуры, качество услуг, а также политику государственной поддержки и регулирования. Внешние факторы охватывают международное сотрудничество, глобальные экономические тенденции и изменения в потребительских предпочтениях и поведении туристов.

Развитие туризма связано с различными обстоятельствами, рассмотрим особо важные критерии [1–2]:

1. Смена местонахождения. Путешествие происходит вне привычной для человека среды. Человек, который ежедневно ездит на работу между своим домом и местом работы или учебы, не считается путешественником, поскольку он не покидает своей привычной среды нахождения.

2. Нахождение в другом месте. основополагающий фактор в данном случае – пребывание не является постоянным или долгосрочным. Кроме того, цель нахождения в выбранном месте не должна быть связана с работой (и как следствие, оплатой труда). Это необходимо учитывать, так как поведение работающих людей отличается от поведения туристов и поэтому не может быть классифицировано как туристическая деятельность.

3. Получение заработной платы за выполненную работу в месте пребывания. основополагающий принцип – убедиться, что главной целью поездки не является деятельность, финансируемая за счет ресурсов посещаемой страны. Человек, который посещает определенное место за пределами своей обыденной среды для выполнения оплачиваемой работы за счет местных ресурсов, считается мигрантом в эту страну, а не туристом. Это относится как к внутренним, так и к международным поездкам.

Туризм в настоящее время – это, в первую очередь, часть сферы обслуживания. В связи с чем необходимо разграничивать природную, культурную, историческую привлекательность территории с ее возможностью принимать и обслуживать туристские потоки. Две эти группы сферы туризма (аттрактивность и качество обслуживания), не могут функционировать друг без друга, но, для наиболее точной оценки туристского потенциала территории было бы рациональнее рассматривать их раздельно [3–4].

На рис. 1 показана обобщенная схема составляющих сферы туризма.

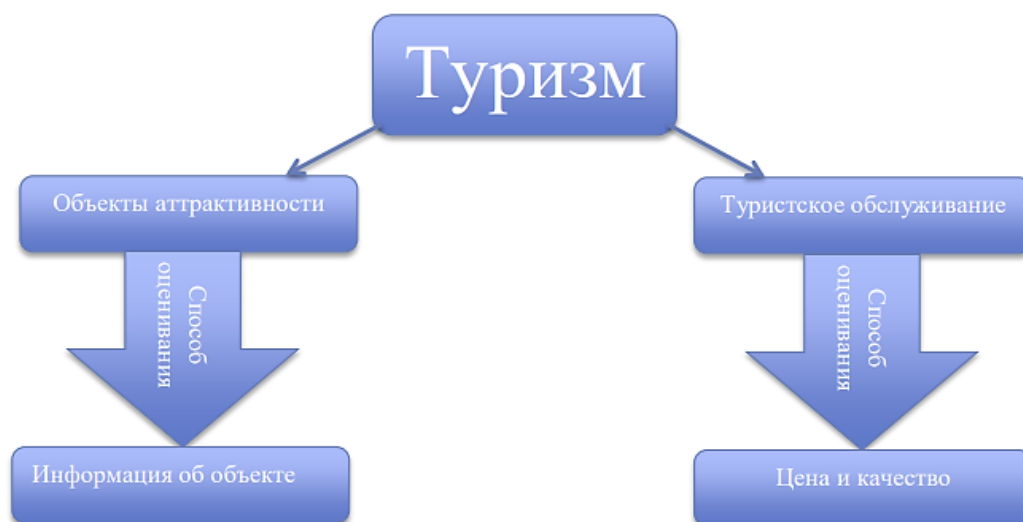

Рис. 1. Схема сферы туризма

Fig. 1. Tourism scheme

По предложенной схеме объекты аттрактивности относятся к первой группе сферы туризма. Дать оценку потенциала этой группы можно давно известными методами. Для этого потребуются посчитать количество природных, историко-культурных, архитектурных памятников и т.д., имеющих международное, федеральное, региональное значение. Дать оценку пляжного, горного и других видов туризма, где одним из важнейших факторов повышения аттрактивности объектов является информация. Важную роль здесь играют использование информационных технологий с целью популяризации объекта.

Вторую группу представляет непосредственно сервис во всем его многообразии (гостиницы, предприятия общественного питания, транспорт и др.). Здесь можно подсчитать количество персонала, его профессиональную подготовку; количество предприятий туристского комплекса и т.д.

По данной схеме объекты аттрактивности представляют собой месторождение потенциального интереса туристов, которые сами по себе не могут продвигаться и продаваться, и здесь необходимую поддержку оказывает вторая группа сферы туризма – сервис, составляющая его инфраструктура. То есть, роль ресурса здесь представляет обслуживание, нацеленное на продажу аттрактивности объектов.

Современный туризм имеет достаточно подробную классификацию видов. Одним из основных критериев в классификации является потребность, с которой путешествуют туристы. Различают: лечебный, рекреационный, познавательный, спортивный туризм и другие. А также сопутствующие признаки, такие как: национальная принадлежность, состав группы, средство передвижения, продолжительность путешествия и т.д.

Важной социальной функцией туризма является развитие личности, творческого потенциала, расширение кругозора, получение знаний об истории, культуре и традициях страны. Посещение России позволяет иностранным гражданам знакомиться с историей, культурой и традициями многонационального народа нашей страны, благодаря чему у них формируется ее объективное восприятие.

В Российской Федерации для развития туризма применяется целый ряд поддерживающих мер и с каждым годом это приобретает большую актуальность [5–6].

Правительство ввело ряд государственных мер по поддержке туризма, в том числе:

- компенсация расходов на воздушный транспорт для туристических агентств,
- субсидии для малых и средних предприятий и общественных организаций для борьбы с угрозой новой пандемии,
- беспроцентные кредиты для корпораций и частных предпринимателей для выплаты заработной платы и возобновления бизнеса, а также мораторий на налоговые меры.

Для стимулирования внутреннего туризма была внедрена схема частичного возмещения («туристический кешбэк») для компенсации части стоимости оплаченных туристических услуг. На реализацию этой программы Федеральная служба по туризму получила грант в размере 15 млрд руб.

Меры, принятые Российской Федерацией по государственной поддержке ключевой отрасли туризма, способствовали развитию внутреннего туризма и сделали его более привлекательным для граждан, путешествующих внутри страны.

В России начинает действовать государственная программа «Развитие туризма»¹ до 2035 года, одобренная Председателем Правительства Михаилом Мишустиним. Государственная программа состоит из трех ключевых направлений.

Таким образом, государственная программа должна достичь следующих целей:

- будет создана современная инфраструктура туризма для граждан страны;
- будет создана и внедрена система поддержки государственных и частных инициатив по развитию внутреннего туризма;
- граждане будут иметь комфортные и безопасные условия для путешествий;
- будут созданы и внедрены цифровые решения, чтобы граждане могли получить доступ к информации об отдыхе в стране и цифровым услугам, связанным с туризмом;
- программа будет предусматривать всестороннюю финансовую и материальную поддержку для развития экспорта туризма;
- повысить занятость и кадровый потенциал в индустрии внутреннего туризма;
- реализовать меры по цифровизации управления туризмом [7–8].

Большое значение имеют международные туристские обмены, способствующие налаживанию добрососедских связей, контактов между людьми, распространению информации о России из первых рук.

Необходимо уделять особое внимание повышению туристской привлекательности Российской Федерации за рубежом: распространять информационные и рекламные материалы, обеспечивать участие представителей нашей страны в международных туристских форумах, проводить презентации российских туристских программ и маршрутов.

Стратегия является главным задающим курсом для развития какой-либо сферы. Для эффективного развития туристской сферы крайне важно использовать инструмент стратегии, при этом стратегия должна быть регионального уровня, чтобы детально изучить и использовать все факторы локальной территории. Для обширной и разнообразной территории Российской Федерации необходимо уделять особенное внимание каждому региону, так как в каждом субъекте есть особенные черты социально-экономического уклада и свои уникальные ресурсы. На этой уникальности ресурсов можно развивать специфический региональный туризм, который, во-первых, будет способствовать развитию внутрироссийского туристского рынка, а во-вторых, привлекать внешний поток туристов, которые будут посещать Россию неоднократно, чтобы посетить и воспользоваться большим количеством турпродуктов.

Рассмотрим ряд проблем, с которыми сталкивается туристическая сфера и пути решения, которые, при их внедрении, будут способствовать развитию российского выездного туризма.

Проблема 1. Официальные открытые данные Ростуризма (Федерального агентства по туризму) по выездному туризму достаточно ограничены: агентство в аспекте выездного туризма публикует только общую статистику по странам и по кварталам отчетного года, тогда как туроператоры обязаны еще с 2014 года предоставлять подробную информацию по утвержденной методологии [9].

Как указывается в документе, «методология разработана в целях формирования соответствующей МРСТ-2008 официальной статистической информации о числе туристских поездок иностранных граждан в РФ (въездные поездки) и граждан России в зарубежные страны (выездной туризм).

Пути решения. Заимствование опыта прочих государств по формированию статистической отчетности, достаточной для анализа рынка позволит туроператорам и потребителям лучше понимать рынок туристических услуг, а также перенять направления развития потенциала въездного туризма.

Проблема 2. Как указывается представителями Ростуризма, поддержка выездного туризма и туроператоров, которые занимаются этой деятельностью, не входит в задачи Ростуризма.

¹ Распоряжение Правительства РФ от 20.09.2019 № 2129-р (ред. от 07.02.2022) «Об утверждении Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года» // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_333756/ – пункт 1.

Проблема 3. Сезонность отдыха обеспечивает крайне неравномерное распределение спроса на туры, что обусловлено высокой доступностью именно пляжного отдыха [10].

Пути решения. Предлагается путем маркетинговых мероприятий способствовать росту спроса на российском рынке на туры, связанные со спортивным туризмом, событийным, обзором достопримечательностей и пр. Решение данной проблемы также тесно связано с решением следующей задачи.

4. Неравномерное распределение туристов по городам обеспечивает для российских туристов повышение цен в отдельных регионах, видах отдыха, местных предпринимателей и пр. [11]

Таким образом, из вышесказанного можно сделать вывод, что развитие туристической индустрии в России требует комплексного подхода, который учитывает как местные особенности, так и глобальные тренды. Анализ показывает, что для развития исследуемой сферы важными являются инфраструктурное обеспечение, улучшение качества услуг, активное использование информационных технологий для продвижения туристических объектов, а также разработка и реализация эффективных государственных и региональных программ поддержки туризма.

Россия обладает значительным потенциалом для развития внутреннего туризма благодаря своему культурному и природному наследию. Однако для реализации этого потенциала необходимо сосредоточить усилия на создании инклюзивной и доступной туристической среды, которая привлекала бы туристов различных категорий и интересов.

Стратегическое планирование и управление, направленное на повышение конкурентоспособности российского туризма на мировом рынке, должно включать в себя меры по устойчивому развитию, что предотвратит негативное воздействие на природу и культуру регионов. Для достижения улучшений в туристической отрасли России, необходимо активное взаимодействие всех заинтересованных сторон, включая государственные и муниципальные органы власти и частный сектор.

Список источников

1. Александрова А. Ю. Структура туристского рынка. М.: Пресс-Соло, 2002. 384 с.
2. Богданова М. Н., Звездина Н. Г. Тенденции развития туристической сферы в Российской Федерации / Сборник статей Международного научно-исследовательского конкурса. Петрозаводск, 2021. С. 22–26.
3. Зайцев Ю. К., Исмагилова О. Д. Россия на международном рынке туристических услуг // Экономическое развитие России. 2020. Том 27. № 1. С. 38–46.
4. Зогрябян С. В. Пандемия и возможности для развития внутреннего туризма // Экономика и бизнес: теория и практика. Т. 6 (64). 2020. С. 104–108.
5. Золотовский В. А., Золотовская Н. Я. Правовое регулирование туристской деятельности. М.: Юрайт, 2019. 248 с.
6. Парсаданян Т. С. Перспективы развития туристической сферы РА (после COVID 19) // Сборник статей XII Международной научно-практической конференции. В 2-х частях. Часть 2. Пенза, 2021 С. 19–22.
7. Сафаева С. Р. Основные аспекты совершенствования сферы туризма в период мировой пандемии // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 79(3). С. 85–91.
8. Хайретдинова Р. Ф., Сыртланова Н. Р. Государственная политика в сфере туризма // Научное образование. 2022. № 1 (14). С. 83–86.
9. Майданевич Ю. П. Региональное управление развитием отрасли туризма // Приоритетные направления и проблемы развития внутреннего и международного туризма. Материалы VI Международной научно-практической конференции. Симферополь, 2021. С. 256–258.
10. Кваша Е. С., Никольская, Е. Ю. Тенденции развития индустрии гостеприимства и туризма // Современные тенденции, проблемы и пути развития физической культуры, спорта, туризма и гостеприимства. Сборник материалов XV Всероссийской юбилейной научно-практической конференции с международным участием, посвященной 55-летию образования МГУСиТ. Москва, 2021. С. 140–147.

References

1. Aleksandrova A. Y. *Structure of the tourist market*. Moscow: Press-Solo; 2002. 384 p. (In Russ.)
2. Bogdanova M. N., Zvezdina N. G. Trends in the development of the tourism sector in the Russian Federation. In: *Collection of articles of the International Research Competition*. Petrozavodsk; 2021:22–26. (In Russ.)

3. Zaitsev Y. K., Ismagilova O. D. Russia in the international market of tourist services. *Economic Development of Russia*. 2020;27(1):38–46. (In Russ.)
4. Zogryabyan S. V. Pandemic and opportunities for the development of domestic tourism. *Journal of Economy and Business*. 2020;6(64):104–108. (In Russ.)
5. Zolotovskiy V. A., Zolotovskaya N. Y. *Legal regulation of tourist activities*. Moscow; 2019. 248 p. (In Russ.)
6. Parsadanyan T. S. Prospects for the development of the tourism sector of RA (after COVID 19). In: Collection of articles XII International scientific and practical conference. In 2 parts. Part 2. Penza; 2021:19–22. (In Russ.)
7. Safaeva S. R. The main aspects of the improvement of the sphere of tourism in the period of the world pandemic. *Trends in the development of science and education*. 2021;79(3):85–91. (In Russ.)
8. Hayretdinova R. F., Syrtlanova N. R. State policy in the field of tourism. *Scientific education*. 2022;1(14):83–86. (In Russ.)
9. Maidanovich Y. P. Regional management of tourism industry development. In: *Priority directions and problems of development of domestic and international tourism. Materials VI International scientific-practical conference*. Simferopol; 2021:256–258. (In Russ.)
10. Kvasha E. S., Nikolskaya, E. Y. Trends in the development of the hospitality and tourism industry. *Modern trends, problems and ways of development of physical culture, sports, tourism and hospitality. Collection of materials of the XV All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, dedicated to the 55th anniversary of the formation of the Moscow State University of Sports and Tourism*. Moscow; 2021:140–147. (In Russ.)

Информация об авторах

Л. А. Лобова – старший преподаватель кафедры философии и методологии науки ЮРИУ РАНХиГС.

Е. Н. Тованчова – кандидат политических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления РГУПС.

Information about the authors

L. A. Lobova – Senior Lecturer of Department of Philosophy and Methodology of Science, South Russian Institute of Management – branch of RANEPA.

E. N. Tovanchova – Cand. Sci. (Polit.), Associate Professor of the Department of State and Municipal Management, Rostov State University of Railway Engineering.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts.

Статья поступила в редакцию 08.05.2024; одобрена после рецензирования 26.05.2024; принята к публикации 27.05.2024.

The article was submitted 08.05.2024; approved after reviewing 26.05.2024; accepted for publication 27.05.2024.

Научная статья

УДК 323+316

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-215-219>

EDN DTCZTN

Государственная поддержка как фактор, предотвращающий распад института семьи

Денис Сергеевич Марушан

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия,
marushan-ds@ranepa.ru

Аннотация. В данной статье предпринята попытка осознать, как может быть предотвращено с помощью социальной поддержки органов государственной власти негативное влияние на институт семьи в контексте изменения различных общественных тенденций и изменения политической культуры россиян. Исследуется взаимосвязь таких понятий, как «государство» и «семья» в контексте фактора поддержки. Актуальность статьи обусловлена такими факторами: во-первых, 2024 год объявлен в РФ Годом семьи с целью показать важность института семьи для государства, во-вторых, неизбежностью преодоления различий в трактовках социальной особенности изменения института семейных ценностей в отечественной научной мысли.

Ключевые слова: семья, институт семьи, социальная поддержка, государственная поддержка, взаимодействие семьи и государства, распад семьи, программы поддержки

Для цитирования: Марушан Д. С. Государственная поддержка как фактор, предотвращающий распад института семьи // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 2. С. 215–219. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-215-219>. EDN DTCZTN

Politology and Ethnopolitics

Original article

State support as a factor preventing the breakdown of the family institution

Denis S. Marushan

South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, d.s.marushan@gmail.com

Abstract. This article attempts to understand how the social support of State authorities can prevent the negative impact on the institution of the family in terms of changes in various social trends and changes in the political culture of Russians. It explores the relationship between the State and the family in the context of the support factor. The relevance of the article is due to such factors: firstly, 2024 was declared the Year of the Family in the Russian Federation in order to show the importance of the institution of the family for the state, secondly, the inevitability of overcoming differences in the interpretations of social features of changing the institution of family values in domestic scientific thought.

Keywords: family, family institution, social support, state support, interaction between family and state, family breakdown, support programs

For citation: Marushan D. S. State support as a factor preventing the breakdown of family institution. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2024;(2):215–219. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-215-219>. EDN DTCZTN

Понятия «семья», «общество» и «государство» многие годы и даже столетия существуют неотрывно друг от друга. Изменения в структуре государства и общества непременно ведут к тем или иным изменениям внутри семьи. Многие исследователи данного вопроса неоднократно отмечали тесную связь семьи, как особого социального института, с обществом и процессами, которые происходят в обществе, в том числе на уровне государства. Так, например, А. И. Антонов и В. М. Медков в учебном пособии под названием «Социология семьи» выделяли следующее: «Социология семьи сосредоточивает свое внимание на настоящем, на функционировании семьи как подсистемы общества и обращается к прошлому, чтобы точнее определить тенденции изменения семьи и вероятность их действия в будущем» [1].

В данной работе мы предпримем попытку осознать, как именно может быть предотвращено негативное влияние на институт семьи в контексте изменения различных общественных тенденций и изменения политической культуры россиян. В том числе мы рассмотрим, каким именно образом государство осуществляет поддержку семьи как социального института и какие меры предпринимает для предотвращения распада семьи, ведь данная тенденция, к сожалению, наблюдается последние годы очень активно.

Семья, общество и государство, как мы уже сказали выше, понятия, существующие неразрывно. Изменения внутри одного из них неизбежно ведут к изменениям внутри другого и третьего. А поскольку все три понятия можно представить как живой организм, то изменения в условиях существования таких организмов явно неминуемы. Говоря об изменениях внутри института семьи как таковых, доктор философских наук С. Н. Гавров и доктор педагогических наук Б. М. Бим-Бад в научном труде «Модернизация института семьи: социологический, экономический и антрополого-педагогический анализ» отмечали, что эпоха модерна, как никакая другая, привнесла изменения в структуру семьи как социального института. Такие изменения не изменяются, а даже наоборот, ускоряются.

Исследователи считают, что это было предсказуемо, поскольку процесс модернизации трансформировал окружающий мир и продолжает влиять на повседневную жизнь и межличностные отношения, включая такие фундаментальные аспекты, как брак и структуру семьи в целом (наше понимание семьи не ограничивается исключительно институтом брака) [2].

Таким образом, изменения внутри семьи и внутри государства, а также их взаимное влияние друг на друга отрицать бессмысленно. Мы попытаемся разобраться, каким образом может повлиять государство и семья друг на друга, и как именно государство может предотвратить негативные изменения внутри семьи. Однако при изучении данного явления не может не возникнуть вопрос: Связаны ли отрицательные тенденции, направленные на распад семьи, каким-либо образом с вмешательством (или, наоборот, невмешательством?) государства и других социальных институтов? Рассуждать над этим вопросом можно долго. В данной работе мы предпримем попытку осветить вопрос влияния государства на предотвращение числа распада семей, а также на предотвращение деградации семейных ценностей как таковых.

В период распада Советского Союза семейный институт испытал значительные трансформации под влиянием общественных и экономических потрясений. Распространение новых идеологических установок и внедрение рыночных отношений оказали влияние на традиционные семейные роли и структуры, ведя к увеличению числа разводов и изменениям в моделях воспитания. Эти изменения подчеркивают адаптацию семьи к новым социально-экономическим условиям, где приоритеты и ценности индивидуальной свободы начали преобладать над коллективистскими нормами советского периода.

Кроме того, значительное ухудшение экономического положения привело к усилению миграционных тенденций среди населения, что дополнительно воздействовало на разрыв традиционных семейных связей и формирование новых форм семейного быта. Эта эпоха также способствовала возрастанию женской самостоятельности, поскольку женщины все чаще выходили на рынок труда, стремясь компенсировать снижение семейного дохода и изменить стандарты взаимоотношений внутри семьи.

Опыт показывает, что первичные основы системы воспитания заложены в семье, которая выступает как первичный социальный институт для каждого из членов семьи.

Многие ученые отмечали, что родители традиционно являются наиболее эффективными наставниками для своих детей, делая семью первичной образовательной платформой для превращения детей в осознанных членов общества. Это действительно так, ибо семья является первичным агентом социализации. Эту ключевую роль семьи в образовательном процессе подчеркивает устойчивое выражение:

«Какова семья, таково и общество». Общество вместе с государством играет решающую роль в определении и контроле норм воспитания внутри семьи.

С изменениями социального уклада в период перестройки и последующих лет произошли существенные корректировки в общественной структуре. Отказ от управленческого вмешательства в процессы ассимиляции личности к основополагающим ценностям привел к нужде в новой организации обеспечения безопасности, благополучия граждан и стабильности государства, что требовало от государства сохранения ответственности за выполнение социальных обязательств.

Следовательно, в современной России роль семьи в процессе формирования личности становится всё более значимой. Однако текущее социально-экономическое и культурное положение семьи оставляет её в неоднозначном состоянии. С одной стороны, семейный институт сохраняет свои воспитательные функции, но, с другой стороны, его связь с государством ослабевает, так как не были четко определены стратегические направления развития личности. СМИ, образовательные и культурные учреждения, а также информационно-виртуальное пространство становятся ключевыми аренами культурного воспитания, которое происходит в условиях рыночной экономики и отсутствия жёсткого регулирования [3]. В этих условиях родители могут испытывать неуверенность в том, что их воспитательные установки и ценности будут эффективно усвоены подрастающим поколением, учитывая влияние различных общественных институтов и социальных сетей, которые могут оказывать значительное воздействие на формирование характера и взглядов детей.

Разного рода трудности, с которыми сталкивается семья (в том числе, социально-политические, экономические, психологические и т.д.), не могут не усугубить отношения внутри семьи. Однако же государство, которое одним из первых должно быть заинтересовано в благополучном существовании семьи как таковой, может оказать поддержку семье, чтобы предотвратить разного рода конфликты и в дальнейшем распад семьи. Именно государство, как орган, стоящий выше, должен оказать ту самую поддержку, так как, в противном случае, распад института семьи неминуем. В противном случае (при отсутствии поддержки со стороны государства) в обществе будет происходить тенденция упадка семейных и духовных ценностей внутри семьи, увеличение случаев психологического и физического насилия одних членов семьи по отношению к другим, снижение потребности (в самом плохом случае – исчезновение потребности) заводить детей, а также увеличение числа разводов. Таким образом, мы неминуемо столкнемся с деформацией института семьи, и будет ли обратим этот процесс – вопрос, на который дать однозначный ответ нельзя. А если и будет обратим, то, наверняка, это займет немалое время и потребует глобальных усилий. Поэтому, чтобы предотвратить деформацию института семьи в современных реалиях, необходимо разобраться, что именно негативным образом влияет на развитие института семьи, а также рассмотреть перечень социальных программ, направленных на улучшение качества жизни семей.

В Ростовской области реализуется комплекс региональных государственных инициатив, целенаправленно поддерживающих семьи. В данной работе мы рассмотрим основные из них, чтобы сделать вывод об их положительном влиянии на институт семьи. Также мы обсудим, какие дополнительные меры можно ввести в регионе для улучшения как морального, так и финансового положения семей.

Анализируя перечень выплат для семей с детьми, установленных в Ростовской области¹, мы можем заключить, что в регионе, действительно, реализуется большое количество программ, направленных на улучшение материального положения семей с детьми. Также стоит отметить, что молодые семьи могут претендовать на получение выплат от государства на улучшение жилищных условий и на приобретение жилья. Однако помимо материальной поддержки многим семьям требуется моральная и психологическая поддержка (в том числе, от государства). Следует отметить, что отдельную поддержку от государства получают и многодетные семьи, и малоимущие семьи. Но опять же на уровне Федеральных Законов прописана поддержка только с финансовой точки зрения. На наш взгляд, необходимо усилить контроль за осуществлением поддержки моральной и психологической, так как на основании этих факторов складывается благоприятный климат в семье, что, в свою очередь, влияет на сохранение моральных норм, препятствует упадку семейных и духовных ценностей внутри семьи, снижает случаи психологического и физического насилия внутри семьи, повышает потребность заводить детей, а также снижает число разводов. Ведь семья распадается не только из-за финансовых

¹ Перечень видов поддержки семей с детьми в Ростовской области. <https://www.donland.ru/activity/2092/>

факторов. Предполагается, что для предотвращения распада семьи как таковой, государству необходимо взаимодействовать с семьей на всех уровнях, начиная от работы социального педагога в дошкольных и школьных учебных учреждениях, заканчивая работой психолога со взрослыми членами семьи.

Таким образом, безусловно, культурная матрица общества интегрируется из материальных и идеологических компонентов. Эта интеграция катализирует конфигурацию человеческого существования в данной социальной структуре, тем самым определяя историческую уникальность такого значимого социально-политического явления как семья. Многие исследователи отмечали это в своих трудах.

Пьянов А. И. в работе под названием «Семья и государство: социально-правовой аспект» отмечает: «Многогранность влияния социального института семьи на жизнь общества указывает и на необходимость обеспечивать защиту семьи в разных аспектах, на различных уровнях. Разумеется, разграничения здесь носят чисто условный характер, поскольку абсолютные грани между протекающими в обществе явлениями и процессами провести вряд ли возможно» [4].

О распаде семьи, о причинах такого и роли государства в распаде семьи (или же, наоборот, в предотвращении распада семьи) говорили многие ученые. Анализировали причины и делали выводы. Обратимся к Антонову А.И. и его работе «Микросоциология семьи». Уместно будет процитировать следующее: «Микросоциология семьи имеет дело не с одной семьей, а с отдельной семьей, изучаемой на миллионах примеров в контексте старта-финиша и в связи с семейными событиями, имеющими свойство повторяться в массе случаев. Одни семьи существуют десятилетия, другие — месяцы, неделю, день. Понятие жизненного цикла семьи предполагает циклический разворот семейных событий во множестве семей, а не в отдельной семье, где наблюдается хронологическая последовательность тех или иных действий» [5]. Исходя из этих строк мы понимаем, что есть тенденция к распаду семьи, которая прослеживается массово, а не на каком-то одном примере. Именно поэтому важно говорить о том, что нельзя допускать факта распада семьи, так как в дальнейшем это приведет к целой тенденции на как таковой распад. Легче предпринять действия по предотвращению таковой тенденции, чем работать с разрушенной семьей по факту.

Внимательно ознакомившись с имеющимся на данном этапе перечнем программ социальной поддержки для молодых семей (как бездетных, так с и детьми), изучив литературу, посвященную данной теме, мы можем говорить о следующем.

Важной проблемой является создание оптимальной модели семьи в России с учетом её долгосрочного благоприятного существования, а также с учетом тех требований, которые предъявляются к российскому обществу. Первоначально, данная модель должна получить юридическое оформление через законодательные акты, и вторично, она должна служить фундаментом для прогрессивного развития нормативно-правовой базы, которая управляет семейными взаимоотношениями.

Дополнительно важно учитывать, что такое законодательное утверждение и последующее использование модели в правовой сфере должны сопровождаться анализом и адаптацией под культурные особенности рассматриваемого региона. Это позволит создать гибкий и эффективный правовой механизм, способный адекватно реагировать на изменения в общественных отношениях и на новые вызовы времени, обеспечивая защиту прав и интересов всех членов семьи.

Вышеописанные положения дают возможность сформулировать следующее:

Государство должно создавать всевозможные условия, призванные защищать и укреплять институт семьи. Для полноценного функционирования семьи и предотвращения распада института семьи государству необходимо в полной мере позаботиться о принятии комплексных мер и программ, направленных на поддержку семьи. Финансовые программы, функционирующие на территории Ростовской области, призванные поддержать молодые, малоимущие или многодетные семьи, безусловно, важны и даже необходимы. Однако не стоит забывать, что только лишь применение комплексных мер обеспечит поддержку института семьи на нужном уровне. Только в комплексе (финансовая, жилищная, моральная, психологическая поддержка) данные программы способны осуществить свое истинное назначение. С нашей точки зрения, государство, как никто иное должно быть заинтересовано в поддержке института семьи и предотвращении распада семей, поэтому, ряд комплексных мер, разработанных определенными специалистами в каждой сфере просто необходим.

Список источников

1. Антонов А. И., Медков В. М. Социология семьи. М.: Изд-во МГУ: Изд-во Международного университета бизнеса и управления ("Братья Карич"), 1996. 304 с.
2. Бим-Бад Б. М., Гавров С. Н. Модернизация института семьи: социологический, экономический и антрополого-педагогический анализ: Монография / предисл. Л. С. Перепелкин. Федеральная целевая программа "Культура России". М.: Интеллектуальная книга – Новый хронограф, 2010. 352 с.
3. Мустаева Ф. А. Самоопределение семьи в условиях трансформации российского общества. [Электронный ресурс]. - http://dibase.ru/article/19032012_mustaevafa/6
4. Пьянов А. И. Семья и государство: социально-правовой аспект // Философия права. 2009. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semya-i-gosudarstvo-sotsialno-pravovoy-aspekt> (дата обращения: 03.10.2023).
5. Антонов А. И. Микросоциология семьи (методология исследования структур и процессов): Учебн. пособие для вузов. М.: Издательский Дом «Nota Bene», 1998. 360 с.

References

1. Antonov A. I., Medkov V. M. *Sociology of the Family*. Moscow: Moscow State University Publishing House; International University of Business and Management Publishing House ("Karich Brothers"); 1996. 304 p. (In Russ.)
2. Bim-Bad B. M., Gavrov S. N. *Modernization of the Family Institution: Sociological, Economic and Anthropological-Pedagogical Analysis*: Monograph / foreword by L.S. Perepelkin. Federal Target Program "Culture of Russia". Moscow; 2010. 352 p. (In Russ.)
3. Mustaeva F.A. *Self-definition of the family in the context of the transformation of Russian society*. [Electronic resource]. Available from: http://dibase.ru/article/19032012_mustaevafa/6. (In Russ.)
4. Pryanov A. I. Family and State: Socio-Legal Aspect. *Philosophy of Law*. 2009;(6). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/semya-i-gosudarstvo-sotsialno-pravovoy-aspekt> [Accessed 3 October 2023]. (In Russ.)
5. Antonov A. I. *Microsociology of the Family (Methodology for Researching Structures and Processes)*: Textbook for Universities. Moscow: Nota Bene Publishing House; 1998. 360 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Д. С. Марушан – аспирант кафедры политологии и этнополитики, старший преподаватель кафедры философии и методологии науки ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the author

D. S. Marushan – Postgraduate Student, Department of Political Science and Ethnopolitics, Senior Lecturer at the Department of Philosophy and Methodology of Science, South Russian Institute of Management – branch of RANEPА.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 15.04.2024; одобрена после рецензирования 15.05.2024; принята к публикации 16.05.2024.

The article was submitted 15.04.2024; approved after reviewing 15.05.2024; accepted for publication 16.05.2024.

Научная статья

УДК 327+323

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-220-226>

EDN GICFJM

Трансформация цивилизационных детерминант в эпоху глобальных кризисов и их воздействие на российский элитогенез

Григорий Дмитриевич Ревягин¹, Наталья Григорьевна Ревягина²

^{1,2}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

¹igrisha07021997@yandex.ru

²revyagina-ng@ranepa.ru

Аннотация. Исследование посвящено изучению влияния трансформации цивилизационных детерминант на процессы формирования политико-административной элиты современной России. Через призму геополитического анализа, авторы констатируют, что актуальная фаза глобализации терпит глубокий системный и структурный кризисы, вызывающие изменения в факторах, формирующих контуры современных цивилизаций. Эти факторы есть детерминанты цивилизационного развития, трансформация которых наблюдается в нескольких основных сферах. Авторы считают, что цивилизационный подход к анализу глобальных процессов лучше отражает реальную картину формирования многополярного мира и цивилизаций, нежели чем идеалистический, а также помогает фиксировать и понимать метаморфозы в генерации и поведении политических элит. Так, консервативный поворот России в сторону позиционирования в качестве локальной цивилизации приводит к заметным изменениям в процессе элитогенеза, становящимся национально-ориентированным, централизованным и идеологизированным. Следовательно, авторы приходят к выводу, что цивилизационные факторы в ближайшем будущем будут определять облик элитных групп российского государства-цивилизации.

Ключевые слова: геополитика, глобальный кризис, цивилизационные детерминанты, политические элиты России, элитогенез, консервативная модернизация, российское государство-цивилизация

Для цитирования: Ревягин Г. Д., Ревягина Н. Г. Трансформация цивилизационных детерминант в эпоху глобальных кризисов и их воздействие на российский элитогенез // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 2. С. 220–226. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-220-226>. EDN GICFJM

Politology and Ethnopolitics

Original article

The transformation of civilizational determinants in the era of global crises and their impact on Russian elitogenesis

Grigory D. Revyagin¹, Natalia G. Revyagina²

^{1,2}South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

¹igrisha07021997@yandex.ru

²revyagina-ng@ranepa.ru

Abstract. The research is devoted to the study of the influence of the transformation of civilizational determinants on the processes of formation of the political and administrative elite of modern Russia. Through the prism of geopolitical analysis, the authors state that the current phase of globalization is undergoing deep systemic and structural crises, causing changes in the factors shaping the contours of modern civilizations. These factors are the determinants of civilizational development, the transformation of which is observed

in several main areas. The authors believe that the civilizational approach to the analysis of global processes better reflects the real picture of the formation of a multipolar world and civilizations than the idealistic one, and also helps to fix and understand the metamorphoses in the generation and behavior of political elites. Thus, Russia's conservative turn towards positioning itself as a local civilization leads to noticeable changes in the process of elitogenesis, becoming nationally oriented, centralized and ideologized. Consequently, the authors conclude that civilizational factors in the near future will determine the appearance of the elite groups of the Russian state-civilization.

Keywords: geopolitics, global crisis, civilizational determinants, political elites of Russia, elitogenesis, conservative modernization, the Russian state-civilization

For citation: Revyagin G. D., Revyagina N. G. The transformation of civilizational determinants in the era of global crises and their impact on Russian elitogenesis. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(2):220–226. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-220-226>. EDN GICFJM

Сегодня сложно отрицать, что глобализация сформировала крайне нестабильную мировую конъюнктуру, характеризуемую множественными структурными и системными кризисами. Глобальные трансформации современности, становящиеся все более масштабными и комплексными по своему характеру, оказывают существенное воздействие на ключевые аспекты функционирования государств и динамику политических процессов. Это воздействие распространяется на метауровни мировоззрения, национального самосознания и самоопределения, как в относительно процветающих обществах, так и в социумах, не являющихся благополучателями в условиях глобалистской парадигмы, обостряя при этом противоречия уже не просто между государствами, а между формирующимися цивилизационными кластерами.

Так, в невозможности нахождения глобального консенсуса в вопросах преодоления перманентного кризиса современности, в углубленном понимании историко-культурных процессов, а также под воздействием угнетающих гегемонистских практик со стороны западных держав, заново выкристаллизовываются факторы, определяющие специфику, самобытность и идентичность народов, близких по культуре, ценностям и политическим ориентациям, или же обладающих абсолютной исторической уникальностью. Эти факторы выступают в роли движущих сил самодостаточного и суверенного развития, формирующих контуры современных цивилизаций. Они же есть цивилизационные детерминанты (географическое положение, религиозные и идеологические установки, социокультурные цивилизационные коды, разнообразные экономические структуры, самобытные формы политической организации, достижения в научно-техническом прогрессе и т.д.), которые определяют уникальность каждого контрастно выделяющегося сегодня цивилизационного кластера или отдельной цивилизации, влияя на их внутреннее устройство, международные и межцивилизационные взаимодействия, стратегии дальнейшего развития. Эти детерминанты не только сохраняют свою вновь обретенную актуальность, но и продолжают эволюционировать под воздействием как эндогенных, так и экзогенных изменений.

Геополитические трансформации, свидетелями которых мы являемся, безусловно, возрождают цивилизационные подходы к пониманию и трактовке глобальных политических процессов, а также внутривнутриполитических аспектов государственного строительства, способов формирования правящих элит и изменений институционального дизайна государств, претендующих на цивилизационное фундирование своих политических лицензий на осуществление суверенного курса. В глобальном разрезе это выражается в формате создания гибких коалиционных проектов, как старых, по типу Лиги арабских государств, являющихся попыткой сгенерировать объединяющую по религиозному и географическому признаку платформу (обретающую сегодня совершенно иное, экзистенциальное для исламской цивилизации значение), так и новых, по типу AUKUS, выступающих утилитарными проектами по созданию оборонных альянсов в рамках расширенного кластера западной цивилизации. В локальном разрезе мы наблюдаем использование цивилизационного позиционирования отдельных стран в качестве исторически сложившихся, уникальных «государств-цивилизаций» [1], например, Китая, или России, использующей в последние годы нарратив цивилизационности в качестве базовой установки в процессе консервативной модернизации политической системы с сопутствующими изменениями в механизмах элитообразования [2].

Курс на контрастное выделение цивилизационных детерминант связан, в первую очередь, с попыткой выработать альтернативные модели развития в глобальной политике, поглощенной сегодня

метаидеологической неолиберальной нормой, которая не может предложить устойчивые и справедливые сценарии будущего для обществ, не вписывающихся в западные аксиологические и политико-экономические модели [3]. Развитие метаморфозного процесса в детерминантах, определяющих цивилизационные курсы, наблюдается сегодня в четырех основных направлениях: в экономическом, политическом, социокультурном и технологическом.

Экономические трансформации цивилизационных детерминант фиксируются в практиках пересмотра принципов экономической политики современных государств, формирования стратегий устойчивого развития в рамках кросс-региональных взаимоотношений. Растущее значение приобретает поиск альтернативных путей развития экономики, например, через цифровизацию, экологизацию, неоиндустриализацию. Происходит переосмысление модели свободной торговли и географического размещения глобальных производственных цепочек. Страны стремятся к большей экономической самодостаточности и диверсификации поставщиков. При этом усиливается роль государства в экономике, растет значение протекционизма и государственной поддержки стратегических отраслей. Также наблюдается тенденция к деглобализации финансовых рынков и ограничению свободного движения капитала с целью снижения рисков и повышения устойчивости национальных экономик от внешнего влияния финансовых и торговых институтов, а также транснациональных корпораций.

Политические преобразования являются не менее масштабными. Во-первых, усиливается роль национальных государств, которые стремятся защитить свои интересы и суверенитет в условиях нестабильности мировой системы. Во-вторых, наблюдается тенденция к регионализации и формированию новых региональных объединений, которые выступают в качестве альтернативы глобальным институтам (например, БРИКС, ШОС). В-третьих, происходит переосмысление роли международных организаций, таких как ООН, ВТО и МВФ, оказывающихся неспособными эффективно реагировать на вызовы современности. В-четвертых, кризис глобализации способствует росту популизма и национализма, что ведет к усилению конфликтов и противоречий между странами и цивилизациями. В-пятых, происходит трансформация идеологических основ мирового порядка, что выражается в «девальвировании» либеральной демократии и усилении альтернативных моделей развития с сильным лидером и государством (гибридные режимы с элементами государственного капитализма).

Социокультурная динамика демонстрирует активизацию метаморфоз в мировоззренческих и идентичностных установках. Наблюдается сдвиг в сторону переоценки универсальных ценностей. Столкновение аксиологических матриц приводит к конфликту между глобализмом и локализмом, в контексте которого люди вынуждены искать баланс между принадлежностью к мировому сообществу и сохранением уникальности национальных традиций. В свою очередь, глобалистское «замыливание» исторической памяти провоцирует постоянные размышления над коллективной и личной виной за содеянное в прошлом и происходящее в настоящем (например, в США, Германии или в Израиле). Конечно, это не может не влиять на представление о социальной ответственности, волонтерстве, активизме и гражданской позиции. Параллельно этому, взамен западному культурному нарративу «исключительности» и «нормальности» лишь одной модели развития и политической картины мира (постисторическая парадигма Ф. Фукуямы [4]), идет поиск общих точек соприкосновения, что способствует формированию более интегративного и инклюзивного взгляда на мировую социокультурную мозаику, чем ранее казалось.

В технологической сфере глобальный кризис ускоряет процессы генерации инноваций, постепенно уменьшает важность международной системы разделения труда, провоцируя динамичные изменения в промышленности, национальных системах образования, здравоохранения и многих других сферах жизнедеятельности, что приводит к постепенному обретению технологического и производственного суверенитета. Параллельно с технологизацией наблюдается стремление к упрощению жизни, минимализму и «цифровому детоксу». Это явление говорит о попытках найти баланс между высокотехнологичным будущим и истинностью человеческой природы, стремлению к гармонии и устойчивому образу жизни.

Можно предположить, что трансформация цивилизационных детерминант ведет к постепенному ослаблению идеалистических глобалистских установок. Универсалистское представление о единой общечеловеческой цивилизации оказывается слишком упрощенным. В свою очередь, цивилизационный подход учитывает культурное многообразие и специфику разных цивилизаций. Вера в единый путь развития всего человечества по западной либерально-демократической модели, очевидно, не выдерживает критики [5]. Цивилизации демонстрируют свои особые пути развития. Поэтому универсальные идеалы свободы, демократии и рынка по-разному понимаются и не всегда приживаются

в незападных обществах. Так, столкновения на почве религиозных, этнических, ценностных различий между цивилизациями (например, между Западом и исламским миром) свидетельствуют о том, что цивилизационная и национальная идентичности противостоят универсализации и вестернизации. Попытки же экспортировать западные институты и ценности в страны других цивилизаций часто терпели неудачу, приводя к хаосу и отторжению (например, в Афганистане или Ираке).

Таким образом, мир выглядит скорее ареной взаимодействия устойчивых цивилизаций-субъектов со своими интересами и ценностями, чем движением к единой идеальной модели развития. Следовательно, можно предположить, что реализм цивилизационного подхода лучше отражает эту сложную многополярную картину нынешнего мироустройства.

Современная же Россия вступает в эпоху многополярности через череду, достаточно, сложных испытаний и исторических вызовов. Позиционирование РФ в качестве государства-цивилизации, чей курс должен стать альтернативным, например, западному курсу, обусловлено разочарованием, как элит, так и общественности в предлагаемых Западом условиях развития страны в качестве периферийной державы эпохи позднего капитализма. Великое историческое прошлое, самобытность, социокультурные основания, природные богатства и география российского государства, иными словами – его цивилизационные детерминанты, не позволяют совершать подобные политические уступки и превращаться в ресурсную базу для внешних сил.

Существующее противостояние с коллективным Западом, начавшееся задолго до событий 2022 г., дало определенный «векторный» толчок полноформатному изменению политических позиций России на мировой арене, что заметно сегодня, например, в ориентации РФ на центральное положение в евразийской интеграции в рамках ЕАЭС, ШОС, ОДКБ [6]. Идея России как уникальной евразийской цивилизации, объединяющей Европу и Азию, Запад и Восток, служит идеологической основой региональных интеграционных процессов. Позиционируя себя как самостоятельную цивилизацию, Россия подчеркивает свой статус великой державы, одного из полюсов многополярного мира, и обосновывает право на проведение независимой политики на международной арене.

Заметная в последние годы акцентуация политического руководства страны¹ на сохранении традиционных ценностей, базовых условий развития семьи, поддержки религиозных институтов и модели сильной государственности, а также патриотического воспитания подрастающих поколений свидетельствует об активизации процесса строительства локального государства-цивилизации с уникальным положением, связующим исторические практики восточного коллективизма и западного индивидуализма, стабильности и порядка и социального авангардизма и прогрессизма [7]. Политические изменения отражаются и в нормативно-правовой оптимизации российского законодательства: например, во внесенных конституционных поправках; в Указе Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»²; в новой Концепции внешней политики Российской Федерации от 31.03.2023³. Стоит отметить, что такие устремления не противоречат многоконфессиональной и многонациональной структуре российского социума, а, наоборот – позволяют найти объединяющую идею/платформу для всего социокультурного многообразия. Эта идея/платформа служит важной составляющей российской идентичности в условиях геополитических противостояний и растущего евразийского вектора российской политики.

Как отмечалось ранее, изменение цивилизационных детерминант и их укрепление в условиях кризиса глобализации оказывает значительное влияние не только на геополитику, но и на внутривнутриполитические процессы, в особенности, на элитогенез и элитное позиционирование. Духовное измерение своей сопричастности к богатой истории является одним из ключевых аспектов российской локальной цивилизации, подразумевающее построение нравственно правильного, справедливого, современного, но консервативного общества и государства. Такое понимание цивилизационной идентичности России постепенно становится мировоззренческой основой для формирования современной российской элиты – как политической, так и культурной, научной, предпринимательской.

¹ «Путин назвал Россию страной-цивилизацией, сохранившей самобытность и общность народов» - [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/politika/6960727> (дата обращения 07.04.2024).

² Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» - [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/> (дата обращения 07.04.2024).

³ «Концепция внешней политики Российской Федерации» - [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/?lang=ru> (дата обращения 07.04.2024).

Мы предполагаем, что опора на традиционные ценности, понимание высокой духовной миссии России позволит сформировать национально-ориентированный класс руководителей, радеющих не за свои частные интересы, а за общее благо, за сохранение и развитие уникального культурно-цивилизационного кода страны [8].

В связи с этим, российская модель элитогенеза уже сейчас, достаточно, чувствительно реагирует на глобальные триггеры и под воздействием усиления цивилизационных факторов видоизменяется.

Во-первых, наблюдается повышение значимости приверженности цивилизационному своеобразие. От представителей элиты теперь требуется не просто профессионализм и меритократические и технократические качества, но и приверженность официальным политическим дискурсам, ценностям российской государственности и цивилизационной идентичности. Вполне вероятно, что несогласные с принятым курсом получают меньше шансов войти в состав новой элиты в силу непопулярности своих взглядов.

Во-вторых, ожидается новая волна противостояния так называемых «почвенников» и «западников». Во властных кругах постепенно усиливаются позиции консервативно и национально-ориентированных представителей правящего класса, выступающих за особый путь развития российского государства без оглядки на зарубежные практики и институты, имплементация которых ранее не смогла обеспечить России равнозначное Западу положение в мировой политике. Скорее всего, в ближайшей временной перспективе, представители либерально-западной части элиты потеряют свое бывшее влияние, однако политическая необходимость в них будет оставаться, так как либеральная критика может стать важным механизмом корректировок цивилизационного строительства, учитывающего все многообразие взглядов и позиций среди гражданского общества России.

В-третьих, одной из ведущих тенденций элитогенеза является интенсивное вхождение в элиту представителей силовых структур. В условиях конфронтации с Западом роль армии, спецслужб, руководителей ВПК объективно возрастает в силу того, что именно они обеспечивают, в данный момент, достижение ведущих интересов государства по укреплению системы национальной безопасности и обеспечению политического суверенитета. Можно предположить, что отличившиеся в службе сотрудники силовых структур смогут рассчитывать на политическое представление и выдвижение на важные хозяйственные посты. Подтверждением этому служат слова Президента РФ В.В. Путина, прозвучавшие в конце Послания Федеральному Собранию РФ (2024 г.) о том, что «подлинная, настоящая элита – это все, кто служит России. Труженики и воины, надежные, проверенные, делом доказавшие свою преданность России, достойные люди»¹.

В-четвертых, фиксируется деятельность по созданию особых систем образования и государственного управления, которые смогут обеспечить эффективную подготовку будущих управленцев, уделить повышенное внимание патриотическому воспитанию новой элиты через разработку специализированных образовательных проектов и программ, создание кадровых резервов, проведение курсов общественно-политических инициатив [9]. Опора на собственные цивилизационные традиции станет важной частью этой подготовки. В этом контексте особо важную роль обретает РАНХиГС как ключевой центр взращивания нового поколения политико-административной элиты для федерального центра и регионов.

В-пятых, наблюдается тренд на омоложение части элиты. Для реализации новых государственно-цивилизационных стратегий требуются свежие идеи и креативные подходы, которые могут привнести относительно молодые технократы. Постепенная ротация и омоложение управленческих кадров уже идет в ряде сфер (например, среди губернаторского корпуса).

Наконец, в-шестых, в кризисных условиях роль бизнес-элиты постепенно уменьшается. Увеличение возможностей государства в сфере экономического регулирования приведет к снижению автономии так называемых олигархов и спровоцирует более жесткий контроль над их деятельностью, ориентируя российский бизнес работать в русле общенациональных интересов для синхронного с государством укрепления хозяйственной системы и наполнения внутреннего рынка. Таким образом, самостоятельная роль бизнес-элиты во власти может снизиться, а возможности теневого лоббизма, скорее всего, будут лимитированы.

Указанные тенденции постепенно меняют систему рекрутирования элит, критерии их отбора и внутриэлитные взаимоотношения. Конечно же, это не единственные изменения в структуре

¹ «Путин заявил, что элита - те, кто служат России, а не те, кто набили карманы в 1990-х» - [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/20117999> (дата обращения 07.04.2024)

и механизмах российского элитогенеза, но, по нашему мнению, наиболее контрастные. В целом, будущие контуры элитообразования будут направлены на создание относительно автономного от глобальных тенденций правящего класса, лояльного идее, прежде всего, российской государственности и цивилизации, способного эффективно управлять страной в условиях противостояния с Западом и с опорой на собственные силы [10]. Элитогенез станет более централизованным и идеологизированным процессом.

В заключение еще раз подчеркнем, что глобальные кризисы и тектонические сдвиги в мировой системе оказывают существенное влияние на процесс формирования российских элит. В условиях нарастающей конфронтации с Западом, экономических потрясений и поиска новой идентичности происходит трансформация цивилизационных детерминант, определяющих облик и характер элитных групп. Усиление этатизма, державности, консервативных ценностей и запросов на социальную справедливость и безопасность становится ключевым трендом элитогенеза. Технократические качества отходят на второй план, уступая место идейной убежденности, политической лояльности и патриотизму. Государство стремится к более жесткому контролю над элитами, подчиняя их общенациональным задачам. Дальнейшая траектория развития российского элитогенеза будет во многом определяться динамикой кризисных процессов в мире и способностью России ответить на возникающие вызовы. Но, в любом случае, элиты останутся важнейшим субъектом развития страны, и от их качества, ценностей и эффективности будет зависеть место России в формирующемся миропорядке как государства-цивилизации.

Список источников

1. Журавлева Л. А., Зарубина Е. В., Ручкин А. В., Симачкова Н. Н., Чупина И. П. Государство-цивилизация: понятие, сущность, структура // Образование и право. 2023. № 9. С. 80–88.
2. Старостин А. М., Понеделков А. В., Голобородько А. Ю., Тованчова Е. Н. Перспективные направления трансформации политического управления современной России в условиях глобальной конкуренции: монография. Ростов н/Д.: ООО «Мини Тайп», 2021. – 234 с.
3. Абдулов Р. А., Джабборов Д. Б., Комолов О. О., Маслов Г. А., Степанова Т. Д. Деглобализация: кризис неолиберализма и движение к новому миропорядку. Научная лаборатория современной политэкономии. М., 2021. 270 с.
4. Фукуяма Ф., Бродель Ф. Триумф глобализма. Конец истории или начало? М.: Родина, 2020. 240 с.
5. Крастев И., Холмс С. Свет, обманувший надежды: Почему запад проигрывает борьбу за демократию. М.: Альпина Диджитал, 2020. 380 с.
6. Исаков И. Ж. О некоторых аспектах эволюции политических элит в странах Евразии // Евразийская интеграция: экономика, право, политика, 2023. № 1 (43). С. 98–109.
7. Мальченков С. А. Цивилизационный дискурс в высказываниях В.В. Путина // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19. № 2. С. 53–71.
8. Понеделков А. В., Старостин А. М. Элитогенез и элитное позиционирование в контексте формирования новых властных порядков. Очерки политической элитологии. Ростов н/Д.: Издательство ЮРИУ РАНХиГС, 2023. 208 с.
9. Понеделков А. В., Карабущенко П. Л. История отечественной элитологической мысли. М.: ИНФРА-М, 2024, 676 с.
10. Стеценко В. В. Российский цивилизационный код в контексте осмысления технологических «опор» управления ландшафтом социокультурной политики // Коммуникология. 2023. № 1. С. 56–108.

References

1. Zhuravleva L. A., Zarubina E. V., Ruchkin A. V., Simachkova N. N., Chupina I. P. State-civilization: concept, essence, structure. *Education and Law*, 2023;(9):80–88. (In Russ.)
2. Starostin A. M., Ponedelkov A. V., Goloborodko A. Yu., Tovanchova E. N. *Promising directions for the transformation of political governance in modern Russia in the context of global competition: monograph*. Rostov-on-Don: Mini Type LLC; 2021. 234 p. (In Russ.)
3. Abdulov R. A., Jabborov D. B., Komolov O. O., Maslov G. A., Stepanova T. D. *Deglobalization: the crisis of neoliberalism and the movement towards a new world order. Scientific Laboratory of Modern Political Economy*. Moscow; 2021. 270 p. (In Russ.).

Politology and Ethnopolitics

Revyagin G. D., Revyagina N. G. *The transformation of civilizational determinants in the era of global crises and their impact ...*

4. Fukuyama F., Braudel F. *The triumph of globalism. The end of history or the beginning?* Moscow: Rodina; 2020. 240 p. (In Russ.)
5. Krastev I., Holmes S. *The light that deceived hopes: Why the West is losing the struggle for democracy*, Moscow: Alpina Digital; 2020. 380 p. (In Russ.)
6. Isakov I.Zh. On some aspects of the evolution of political elites in the countries of Eurasia. *Eurasian integration: Economics, Law, Politics*. 2023;1(43):98–109. (In Russ.)
7. Malchenkov S. A. Civilizational discourse in the statements of V. V. Putin. *Discourse-Pi*. 2022;19(2): 53–71. (In Russ.)
8. Ponedelkov A. V., Starostin A. M. *Elite genesis and elite positioning in the context of the formation of new power orders. Essays on political elitology*. Rostov-on-Don: Publishing House of URIU RANEPА; 2023. 208 p. (In Russ.) (In Russ.)
9. Ponedelkov A. V., Karabushchenko P. L. *The history of Russian elitist thought*. Moscow: INFRA-M; 2024. 676 p. (In Russ.)
10. Stetsenko V. V. The Russian civilizational code in the context of understanding the technological "pillars" of managing the landscape of socio-cultural policy. *Communicologiya*. 2023;(1):56–108. (In Russ.)

Информация об авторах

Г. Д. Ревягин – аспирант кафедры политологии и этнополитики ЮРИУ РАНХиГС.

Н. Г. Ревягина – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и этнополитики ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the authors

G. D. Revyagin – Postgraduate Student of the Department of Political Science and Ethnopolitics, South Russian Institute of Management – branch of RANEPА.

N. G. Revyagina – Cand. Sci. (Polit.), Associate Professor of the Department of Political Science and Ethnopolitics, South Russian Institute of Management – branch of RANEPА.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts.

Статья поступила в редакцию 10.04.2024; одобрена после рецензирования 24.05.2024; принята к публикации 27.05.2024.

The article was submitted 10.04.2024; approved after reviewing 24.05.2024; accepted for publication 27.05.2024.

Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 2. С. 227–233
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2024;(2):227–233

Проблемы социологии

Научная статья

УДК 316

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-227-233>

EDN GTBVKI

Развитие патриотического общества посредством создания позитивного имиджа молодежных общественных организаций

Наталья Халиловна Гафиатулина

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия,
gafiatulina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7548-1350>

Аннотация: Статья посвящена осмыслению важности роли молодежных общественных организаций в патриотическом воспитании современной молодежи и развитии патриотического общества в целом. В результате социологического анализа научной литературы автор приходит к выводу о том, что позитивный имидж и основная миссия молодежных общественных организаций реализуется в следующих 12 приоритетных направлениях: 1) формировании духовных и культурных основ развития патриотического общества; 2) формировании у молодежи установок на сотрудничество, коллективизм, благотворительность; 3) содействии реализации молодежных инициатив посредством включения молодежи в проектную деятельность; 4) развитию созидательной активности молодежи и ее включению в «патриотически ориентированную социообразовательную среду»; 5) использовании возможностей сети Интернет; 6) социальной поддержки отдельных уязвимых категорий молодежи; 7) развитии военно-патриотического воспитания; 8) физическом развитии молодежи и развитии молодежного туризма; 9) укреплении взаимного доверия между молодыми гражданами на основе обеспечения безопасности, противодействия экстремизму и ксенофобии; 10) создании системы поддержки талантливой молодежи; 11) введении специальных патриотически ориентированных предметов в образовательных учреждениях; 12) формировании имиджа и распространении символики патриотического общества.

Ключевые слова: патриотическое общество, патриотизм, молодежь, молодежные общественные организации, имидж, символы, патриотическое воспитание, патриотические установки, образование

Для цитирования: Гафиатулина Н. Х. Развитие патриотического общества посредством создания позитивного имиджа молодежных общественных организаций // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 2. С. 227–233. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-227-233>. EDN GTBVKI

Sociology Problems

Original article

Development of patriotic society through creation of a positive image of youth non-governmental organizations

Natalya Kh. Gafiatulina

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia,
gafiatulina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7548-1350>

Abstract. The article is devoted to understanding the importance of the role of youth public organizations in the patriotic education of modern youth and the development of a patriotic society as a whole. As a result of a sociological analysis of scientific literature, the author comes to the conclusion that the positive image and main mission of youth public organizations is implemented in the following 12 priority areas: 1) forming

the spiritual and cultural foundations for the development of a patriotic society; 2) formation of attitudes towards cooperation, collectivism, and charity among young people; 3) promoting the implementation of youth initiatives through the inclusion of youth in project activities; 4) development of creative activity of young people and their inclusion in a “patriotically oriented socio-educational environment”; 5) using the Internet; 6) social support for certain vulnerable categories of youth; 7) development of military-patriotic education; 8) physical development of youth and development of youth tourism; 9) strengthening mutual trust between young citizens based on ensuring security, countering extremism and xenophobia; 10) creating a support system for talented youth; 11) introduction of special patricentered subjects in educational institutions; 12) formation of the image and dissemination of symbols of the patriotic society.

Keywords: patriotic society, patriotism, youth, youth public organizations, image, symbols, patriotic education, patriotic attitudes, education

For citation: Gafiatulina N. Kh. Development of patriotic society through creation of a positive image of youth non-governmental organizations. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(2):227–233. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-227-233>. EDN GTBBKI

Современная социальная реальность с учетом обострения проблем внешнеполитического характера изобилует различного рода рисками и вызовами, связанными с попытками разрушения традиционных российских ценностей и распространения деструктивной идеологии, фальсификации исторического прошлого и умаления роли России в мировой истории, что чревато дегуманизацией личности и ее духовной люмпенизацией; чрезмерным социальным прагматизмом и утилитаризмом; разбалансированностью общественных норм и ценностей, когда эти нормы и ценности вступают между собой в противоречие, либо вовсе девальвируются; а также патриотическим индифферентизмом и патриотическим нигилизмом вплоть до лжепатриотических установок и антипатриотизма. Нельзя не согласиться с идеями Т.В. Мишиной и А.И. Догадовой, которые в своей работе подчеркивают, что в настоящее время мы наблюдаем миграционный поток тех граждан, которые не являются патриотически настроенными, им не близок такой набор понятий, как безопасность страны, защита государственных границ, для таких граждан не присуще вспоминать героев Великой Отечественной войны» [1, с. 270].

Перечисленные нами вызовы и риски можно нивелировать за счет системы патриотического воспитания [2, с. 3].

В рамках нацпроекта «Образование» реализуется федеральный целевой проект «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации», где подчеркнуто, насколько важно воспитывать патриотические чувства в гражданах страны. Отметим, что о патриотическом воспитании говорится также в Указе Президента РФ от 21.07.2020 года №474 «О национальных целях развития РФ на период до 2030 года», а 31.07.2020 года был принят Федеральный закон №304-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» по вопросам воспитания обучающихся».

Из представленных выше официальных документов понятно, что ключевым субъектом вовлечения в патриотическое воспитание является молодежь как определенная социальная группа, включенная в социальную структуру общества, причем ее включенность обуславливается различными видами деятельности: учебно-образовательной, профессионально-трудовой, социально-политической, социально-правовой, социокультурной.

Таким образом, молодежь – наиболее активная и прогрессивная часть общества, участвующая во многих сферах, таких как: образование, культура, политика, правовая культура, спорт, сфера труда и социальная сфера.

Активизация современной молодежи проявляется в ее неподдельном интересе в отношении множества вопросов, касающихся улучшения качества образования, трудоустройства, улучшения качества и образа жизни, социально-экономического положения. Так, наиболее ярким примером, задействованных в реализацию молодежных программ молодых людей, считается всероссийская организация «Российской союз молодежи» (РСМ), включающий в себя, по представленным в диссертации Л. В. Савиной данным, более 138 тыс. членов по всей стране, причем эта цифра будет неуклонно расти [3]. Заметим, что РСМ стал правопреемником распавшегося в 1991 г. ВЛКСМ. И в настоящее время РСМ – ключевая молодежная организация в РФ.

Далее необходимо рассмотреть вопрос, имеющий отношение к социально-правовому статусу молодежи и, в частности, к молодежным общественным организациям (далее – МОО). Тем более, как было сказано выше, сегодня само государство активно идет по пути массового применения понятия «молодежь» в рамках реализации различных государственных программ, в числе которых Национальный проект «Молодежь России», «Молодая семья», «Поддержка молодых ученых» и др.

На данном этапе МОО могут разделяться на две крупные группы: молодежные общественные неполитические и молодежные общественные политические организации. Нас интересует первая группа (РСМ), не имеющая отношения к политическим партиям, социально-правовое положение данной неполитической группы, ее нормативное закрепление.

Необходимо отметить, что несмотря на то, что в рамках текста Конституции РФ нет статей, которые регламентируют статус МОО, мы видим на практике, что произошла конституционализация данных структур, что отмечается в ряде норм, отраженных в Конституции: ФЗ от 19.05.1995 №82-ФЗ (ред. от 20.07.2012) «Об общественных объединениях». Исходя из семантического наполнения представленных норм, представляется возможным сделать вывод о законной возможности создания МОО. Также в России действует ФЗ «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений», который указывает на то, что государственные органы способствуют созданию и обеспечению условий деятельности молодежных объединений.

В рамках деятельности РСМ и реализации Стратегии управления по делам молодежи (далее – УДМ) позитивный имидж и основная миссия МОО заключается в таких направлениях, как:

1) формирование духовно-ценностных основ развития патриотического общества (именно духовной и культурной составляющих не хватает большинству представителей современной молодежи). С целью формирования молодежного патриотического сообщества проводятся поэтические, вокальные конкурсы, театрализованные мероприятия, реконструкции исторических событий [1];

2) формирование у молодежи установок на сотрудничество, партнерские отношения, коллективизм, благотворительность путем вовлечения молодежи в волонтерскую деятельность [4]. Так, во многих регионах проводятся волонтерские акции «Марш добрых дел», «Рука помощи» и др.;

3) содействие реализации молодежных инициатив через призму включения молодежи в проектную деятельность, посредством которой ставятся цели, выбираются методы реализации, а также формы зрелищной патриотической ситуации, патриотического события, разрабатывается сценарий и среди молодежи выбирается актерский состав [5];

4) развитие созидательной активности молодежи и вовлечение всех групп молодежи в «патриотически ориентированную социообразовательную среду», в рамках которой проводится поисково-исследовательская работа, «ценностно-ориентированные тематические викторины». В работе Е.Г. Лобанова и М.А. Бурцева отмечено, что одним из популярных мероприятий, в которые активно вовлекаются студенты, являются такие, как флешмоб «Помним...», организованный в рамках Дня памяти и скорби 22 июня. Участники акции-флешмоба при помощи свечей выкладывают слово «ПОМНИМ» возле мемориала Героев Советского Союза и героев социалистического труда [6, с. 121–122];

5) создание целостной системы молодежных информационных ресурсов, использование возможностей сети Интернет, позволяющих молодежи самим создавать и курировать ресурсы, отображающие историю России, историю малой Родины, наконец, историю своего образовательного учреждения [6].

Р. В. Парма отмечает, что социальные медиа-ресурсы могут стать эффективными каналами патриотического воспитания молодежи. «Патриотический контент признается важным способом формирования мировоззрения молодежи» [7, с. 47]. Продвигаемыми нарративами в патриотическом информационном потоке, согласно исследованиям Р.В. Парма, первостепенное место занимают героизм и отвага российских солдат, служение Отечеству, второстепенное место занимает развитие волонтерского движения, поддержка общественных инициатив, затем следует защита и укрепление суверенитета государства [7, с. 57];

6) социальная поддержка отдельных уязвимых категорий молодежи (молодая семья, молодежь, оказавшаяся в трудной жизненной ситуации, молодежь группы риска по здоровью и социально-экономическому положению). Положительная роль данного направления работы МОО «позволяет направить энергию и стремление молодежи в созидательное русло» [8, с. 4];

7) создание и развитие престижа вооруженных сил РФ, что позволяет формировать военно-патриотическое воспитание молодежи [9, с. 102]. Положительную роль в военно-патриотическом воспитании молодежи играет музейная деятельность молодежи в рамках образовательной площадки,

названной «Мультимедийный исторический парк «Россия – Моя история», способная вызвать у нее большие чувства сопричастности значимым событиям своего исторического прошлого, и, тем самым повышающая имидж МОО, а также способствующая развитию патриотического общества;

8) физическое развитие молодежи и развитие молодежного туризма, по мнению А. А. Федудина и др., помогает изменить мировоззрение молодого человека в поездке. Молодежный туризм позволяет расширить границы мировоззрения молодых людей, сформировать экосознание молодежи, заложить ценностные ориентации. Молодежный туризм несет в себе две важные функции: функцию общественно-полезной работы и функцию досуговой деятельности с полезным для здоровья плоггингом – бег на конкретно заданную дистанцию, где бегуны параллельно собирают мусор [10, с. 7-8];

9) формирование доверительных отношений между гражданами за счет противодействия экстремизму и ксенофобии, что позволяет наладить безопасность страны. В ходе реализации стратегии по формированию патриотического общества УДМ проводит научно-практические конференции, конкурсы научных работ «Противодействие экстремизму в молодежной среде», «Обеспечение духовной безопасности молодежи», организует работу студенческих отрядов содействия полиции. Серьезное внимание УДМ уделяет поддержке проектов МОО;

10) содействие в реализации инициатив талантливой молодежи, что позволяет в дальнейшем использовать данный ресурс для развития успешного гражданского общества. Самореализацию молодежи призвана обеспечить президентская платформа «Россия – страна возможностей». Свобода выбора того или иного вида деятельности, согласно мнению Е. В. Криницыной, О. В. Коляда и А. А. Павличенко, способствует становлению личности, развитию личностного роста молодого индивида в своей МОО [11]. Так, например, МОО «Россия – это мы» проводит различные мероприятия: «Ярмарка идей», позволяющая постигнуть культуру русского народа; фестиваль «Песни России» приобщают молодежь к российской культуре, акция «Город мастеров» помогает проявиться талантам;

11) патриотическое воспитание молодежи в средних, средне-специальных и высших учебных заведениях посредством проведения различных уроков (РОВО – разговоры о важном в школах; введение в вузах в 1 семестре на первых курсах обучения с 2023 г. учебной дисциплины «Основы российской государственности» (ОРГ)). Курс ОРГ позволяет ознакомить студентов с понятием государственности и способствует патриотическому воспитанию молодежи [2, с. 4];

12) формирование имиджа и распространение символики патриотического общества посредством социальной патриотической рекламы и наглядной патриотической агитации. С целью укрепления уважения молодежи к российским символам и выдающимся соотечественникам на постоянной основе проводится Всероссийский конкурс «на лучшее знание государственных символов РФ среди учащихся...»; Мобильные фотовыставки в федеральных округах на тему «В России – моя судьба» [9, с. 104].

Данные, представленные ВЦИОМ, указывают на то, что более 90% молодых граждан считают себя патриотами своей страны. Также стоит отметить, что 54% россиян указывают на то, что считают себя безусловными патриотами¹. Отметим, что исходя из имеющихся данных, представленных ВЦИОМ, уровень патриотизма россиян находится на высоком уровне. Также стоит отметить, что, если в начале 2010 годов среди ответов россиян превалировал ответ, связанный с патриотизмом как любви к своей стране, то в рамках второй половины 2010-х гг. мы наблюдаем рост оценок, которые свидетельствуют о том, что в сознании россиян патриотизм воспринимается как деятельность, направленная во благо и для процветания страны.

Также имеющиеся эмпирические данные показывают, что в связи с обострением русофобской риторики, а также выдвигаемыми санкциями в сторону России увеличивается процентное соотношение тех граждан, которые указывают на то, что быть патриотом – это защищать свою страну от имеющихся обвинений (44% в 2022 vs 32% в 2020).

Нельзя не отметить и ту часть молодых граждан, которая указывает, что патриот стремится изменить положения дел в стране, чтобы трансформировать жизнь к лучшему. Именно такие мнения молодых граждан указывают на то, что патриотизм – это не номинальная любовь к Родине, а действия, чтобы страна процветала.

События последних десяти лет способствовали тому, чтобы молодые россияне почувствовали себя патриотами: «чувство гордости у российских граждан вызывают присоединение Крыма

¹ Патриотизм сегодня: любить, заботиться и защищать // ВЦИОМ: сайт. URL: <https://wciom.ru/analyticalreviews/analiticheskii-obzor/patriotizm-segodnja-ljubit-zabotitsja-i-zashchishchat> (дата обращения: 13.06.2024).

и строительство Крымского моста (18%), защита Донбасса и признание ЛНР и ДНР (18%), достижения российских спортсменов вопреки выступлению под нейтральным флагом (8%), по 5% назвали гордость за внешнюю политику на фоне санкционного давления и экономический рост, импортозамещение».

Имеющиеся данные ФОМ, так же, как и ВЦИОМ, подтверждают, что 85% россиян считают себя патриотами. Если обратиться к тем, кто считает, что уровень патриотизма в стране вырос, то мы можем отметить, что 46% опрошенных думают, что в стране за последние годы стало больше патриотов, а вот 30% полагают, что изменений в уровне патриотизма не произошло¹.

Обращаясь к имеющимся данным ФОМ, мы видим, что 1/3 молодежи становятся патриотически настроенными благодаря патриотическому воспитанию (рис. 1).

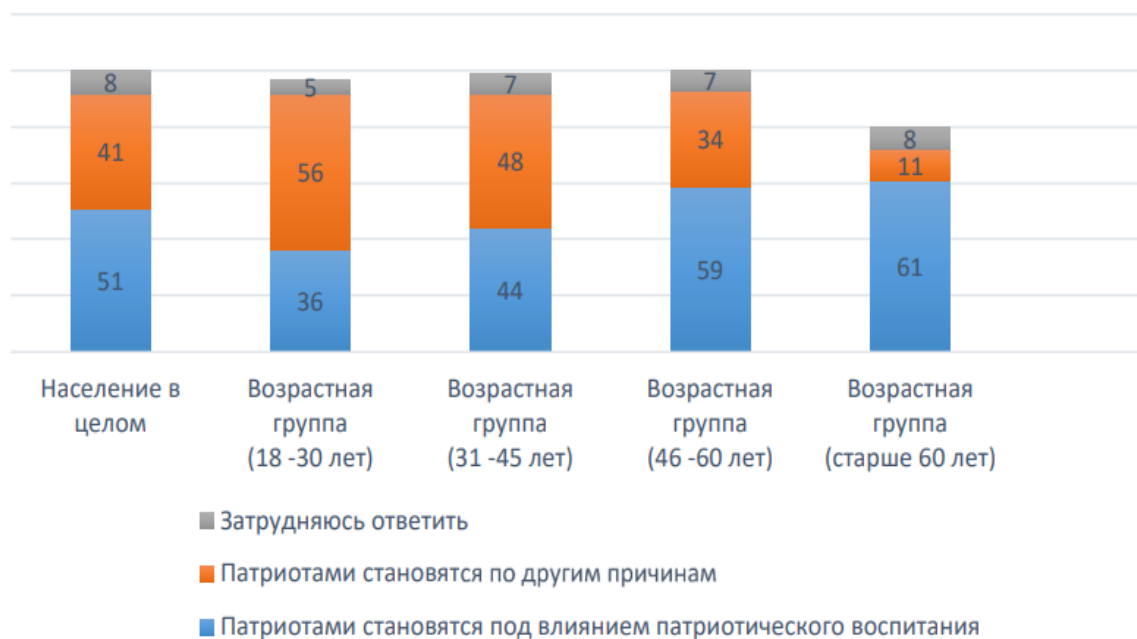

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос, связанный с причинами становления граждан патриотами

Fig. 1. Distribution of answers to the question related to the reasons for becoming citizens patriots

Патриотическое воспитание в настоящее время осуществляется посредством различных механизмов. Например, посредством развития молодежных общественных объединений. Как отметил в 2023 году председатель Комитета Госдумы по молодежной политике А. Метелев: «В России существует более 22 тысяч общественных объединений, которые работают с детьми и молодежью. Среди них «Юнармия», «ДОСААФ», «Я горжусь» и другие. При этом отдельного реестра организаций, которые занимаются военно-патриотическим воспитанием, нет. Вместе с тем необходимость в этом реестре существует»².

Сегодня общественная активность молодежи довольно высока, около 50% россиян замечают данную активность³. Эта активность проявляется на различных форумах, конференциях и других мероприятиях. Например, в начале июня 2024 года Всероссийского форума (слета) казачьей молодежи прошел обучающий семинар по укреплению традиционных семейных ценностей⁴. Отметим, что

¹ Патриотизм и патриоты. Кто (не) может считаться патриотом // ФОМ: сайт. URL: <https://fom.ru/TSennosti/14733> (дата обращения: 13.06.2024).

² Более 22 тысяч молодежных организаций работает в России. URL: <https://www.pnp.ru/social/bolee-22-ty-syach-molodezhnykh-organizaciy-rabotaet-v-rossii.html>

³ Общественная активность молодежи. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obshchestvennaja-aktivnost-molodezhi>

⁴ Молодые казаки из 18 регионов России встретились в Санкт-Петербурге. URL: <https://rospatriotcentr.ru/news/patriotika/molodye-kazaki-iz-18-regionov-rossii-vstretilis-v-sankt-peterburge/>

укрепление семьи и формирование семейных ценностей способствует национальной безопасности страны.

Социальная активность молодежи в рамках работы МОО дает возможность молодым людям реализовать свои способности, испробовать имеющиеся навыки и сформировать новые умения [12, с. 306].

Проанализированный в рамках статьи материал указывает на то, что развитию патриотического общества способствует вовлечение всех заинтересованных социальных субъектов в деятельность МОО, работа которых направлена на формирование и развитие патриотического общества в новой общественно-исторической реальности.

Регулярно УДМ осуществляет выпуск социальной рекламы по различным направлениям: профилактика, поддержка талантливой молодежи, формирование гражданской позиции и патриотических установок в молодежной среде.

В целом, в рамках создания позитивного имиджа МОО и применяемых ими методов работы по патриотическому воспитанию молодежи и развитию патриотического общества проводятся различные мероприятия и общероссийские акции: «Георгиевская ленточка», «Мы – граждане России», «Марш молодежных добрых дел», «Молодое дело», «Герои нашего времени» и др.

Резюмируя, необходимо подчеркнуть, что формирование и развитие патриотического общества посредством создания позитивного имиджа МОО – это один из инновационных проектов, который требует обдуманых и оптимальных решений. Благодаря формированию позитивно ориентированного общественного мнения, внешнего и внутреннего имиджа МОО, а также эффективного взаимодействия социальных институтов и властных структур будет формироваться и развиваться в дальнейшем истинное и стойкое патриотическое общество с твердыми патриотическими убеждениями и установками.

Список источников

1. Мишина Т.В., Догадова А.И. Основы организации патриотических представлений и праздников и их роль в воспитании подрастающего поколения // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2023. №5 (219). С. 270–273.
2. Аванесова О.А., Беклямишев В.О, Боровик М.В. и др. Основы патриотического воспитания граждан Российской Федерации. М., 2022. URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1718310745&tld=ru&lang=ru&name=metodicheskie_rekomendacii_osnovu_patr_vospitaniya.pdf&text=патриотическое%0воспитание%20молодежи%20РФ (дата доступа 13.06.2024)
3. Савина Л.В. Молодежные общественные объединения современной России: институционально-правовой анализ / автореф. дисс. канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2006. 122 с.
4. Касьянов В.В., Латышева А.Т. Волонтерская деятельность как ресурс повышения социального здоровья российской молодежи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 2. С. 61–66.
5. Кузьменко Е.В., Плотникова Г.Г. Праздничное событие как фактор воспитания гражданственности и патриотизма // Стратегия социально-экономического развития общества: управленческие, правовые, хозяйственные аспекты. Сборник научных статей 12-й Международной научно-практической конференции. Курск, 2022. С. 249–252.
6. Лобанова Е.Г., Бурцева М.А. Патриотически ориентированная социообразовательная среда как средство патриотического воспитания студентов профессиональной образовательной организации // Инновационное развитие профессионального образования. 2022. №1 (33). С. 115–124.
7. Парма Р.В. Продвижение патриотической повестки в социальных медиа среди российской студенческой молодежи // Высшее образование в России. 2024. Т. 33. № 1. С. 44–67.
8. Седова К.В. Основные направления государственной политики РФ в сфере патриотического воспитания // Огарёв-Online. 2023. № 8.
9. Бузова Ю.А., Анисимова Н.Н. Стратегические направления патриотического воспитания молодежи в России // Форум молодых ученых. 2020. №1 (41). С. 100–107.
10. Федулин А.А., Погребова Е.С., Афанасьев О.Е. Формы и направления организации и реализации общественно-полезных туристских программ для молодежи // Сервис в России и за рубежом. 2023. Т. 17. №3. С. 5–20.

11. Креницына Е.В., Коляда О.В., Павличенко А.А. Значение молодежного общественного объединения в воспитании гражданственности, патриотизма и нравственности // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2018. Т. 10. № 4. С. 15–20.

12. Голобоков А.С., Авадень Е.А. Роль молодежных общественных объединений в современной России // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. Т. 6. № 2 (19). С. 305–307.

References

1. Mishina T.V., Dogadova A.I. Fundamentals of organizing patriotic performances and holidays and their role in the education of the younger generation. *Scientific Notes of the University. P.F. Lesgafta*. 2023; 5(219):270-273. (In Russ.)

2. Avanesova O.A., Beklyamishev V.O., Borovik M.V. and others. *Fundamentals of patriotic education of citizens of the Russian Federation*. Moscow; 2022. Available from: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1718310745&tld=ru&lang=ru&name=metodicheskie_rekomendacii_osnovnyu_patr_vospitaniya.pdf&text=патриотическое%0воспитание%20молодежи%20РФ [Accessed 13 June 2024] (In Russ.)

3. Savina L.V. *Youth public associations of modern Russia: institutional and legal analysis*. Abstract. diss. Cand. legal Sci. Rostov-on-Don; 2006. 122 p. (In Russ.)

4. Kasyanov V.V., Latysheva A.T. Volunteer activity as a resource for increasing the social health of Russian youth. *Humanitarian, socio-economic and social sciences*. 2020;(2):61–66. (In Russ.)

5. Kuzmenko E.V., Plotnikova G.G. Festive event as a factor in the education of citizenship and patriotism. In: *Strategy for the socio-economic development of society: managerial, legal, economic aspects. Collection of scientific articles of the 12th International Scientific and Practical Conference*. Kursk; 2022:249–252. (In Russ.)

6. Lobanova E.G., Burtseva M.A. Patriotically oriented socio-educational environment as a means of patriotic education of students of a professional educational organization. *Innovative development of professional education*. 2022;1(33):115–124. (In Russ.)

7. Parma R.V. Promoting the patriotic agenda in social media among Russian students. *Higher education in Russia*. 2024;33(1):44–67. (In Russ.)

8. Sedova K.V. Main directions of state policy of the Russian Federation in the field of patriotic education. *Ogarev-Online*. 2023;(8). (In Russ.)

9. Buzova Yu.A., Anisimova N.N. Strategic directions of patriotic education of youth in Russia. *Forum of young scientists*. 2020;1(41):100–107. (In Russ.)

10. Fedulin A.A., Pogrebova E.S., Afanasyev O.E. Forms and directions of organization and implementation of socially beneficial tourist programs for youth. *Service in Russia and abroad*. 2023;17(3):5–20. (In Russ.)

11. Krinitsyna E.V., Kolyada O.V., Pavlichenko A.A. The importance of a youth public association in the education of citizenship, patriotism and morality. *Bulletin of the South Ural State University*. 2018;10(4):15–20. (In Russ.)

12. Golobokov A.S., Avaden E.A. The role of youth public associations in modern Russia. *Azimuth of scientific research: pedagogy and psychology*. 2017;6(2(19)):305–307. (In Russ.)

Информация об авторе

Н. Х. Гафиатулина – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры прикладной конфликтологии и медиации Института социологии и регионоведения, Южный федеральный университет.

Information about the author

N. Kh. Gafiatulina – Dr. Sci. (Sociology), Associate Professor of the Department of Applied Conflictology and Mediation, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 24.05.2024; одобрена после рецензирования 14.06.2024; принята к публикации 15.06.2024.

The article was submitted 24.05.2024; approved after reviewing 14.06.2024; accepted for publication 15.06.2024.

Научная статья

УДК 316+327

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-234-239>

EDN HEJFRX

Политика памяти как определяющий фактор процессов ремоделирования национальной идентичности в постсоветском пространстве (на примере Азербайджанской Республики)

Павел Всеволодович Заяц¹,
Ярослава Геннадиевна Зинченко²

^{1, 2}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

¹pavelzajats@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7335-9625>

²zinchenko-yg@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5765-8693>

Аннотация. В данной статье на примере коммеморативных практик сохранения исторической памяти о подвиге азербайджанского народа и его вкладе в Великую Победу, рассматриваются механизмы и инструменты, используемые национальными правительствами стран постсоветского пространства, посредством которых ремоделируется национальная идентичность. Авторы приходят к выводу о необходимости историко-социологического анализа ремоделинга национальных идентичностей при выстраивании государствами постсоветского пространства направлений развития международных отношений и союзов.

Ключевые слова: политика памяти, историческая память, социальная память, национальная идентичность, постсоветское пространство

Для цитирования: Заяц П. В., Зинченко Я. Г. Политика памяти как определяющий фактор процессов ремоделирования национальной идентичности в постсоветском пространстве (на примере Азербайджанской Республики) // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 2. С. 234–239. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-234-239>. EDN HEJFRX

Sociology Problems

Original article

Politics of memory as a determining factor in the processes of remodeling national identity in the post-Soviet space (using the example of the Republic of Azerbaijan)

Pavel V. Zayats¹, Yaroslava G. Zinchenko²

^{1, 2}South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

¹pavelzajats@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7335-9625>

²zinchenko-yg@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5765-8693>

Abstract. Using the example of commemorative practices of preserving the historical memory of the feat of the Azerbaijani people and its contribution to the Great Victory, this article examines the mechanisms and tools used by the national governments of the post-Soviet countries through which national identity is being remodeled. The authors come to the conclusion about the need for a historical and sociological analysis of the remodeling of national identities when building directions for the development of international relations and alliances by the states of the post-Soviet space.

Keywords: politics of memory, historical memory, social memory, memory studies, national identity

For citation: Zayats P. V., Zinchenko Y. G. The politics of memory as a determining factor in the processes of remodeling national identity in the post-Soviet space (using the example of the Republic of Azerbaijan). *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(2):234–239. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-234-239>. EDN HEJFRX

Политика памяти сопровождает жизнь любого социума и его государственности, она отражает задачи его развития наиболее чётким, лаконичным и объёмным образом. Это концептуальная система методов и практик политизации прошлого, применяющаяся в целях легитимации политического режима, формирования коллективной исторической памяти народов, утверждения национальной идентичности.

Молодые эмансипирующиеся социальные системы формируют национальный нарратив на основе выборки исторических событий, таким образом, обосновывая собственную субъектность в международных отношениях. Как отмечает пожизненный член Французской академии наук, автор концепции мест памяти и ведущий теоретик концепта политики памяти Пьер Нора, за последние десятилетия большинство государств, этно-социальных сообществ прошли путь глубокого переосмысления традиционных моделей восприятия прошлого, социальное пространство затопила нахлынувшая волна припоминания, прочно соединив верность прошлому – действительному или воображаемому – с чувственным желанием принадлежности, с общей судьбой, с коллективным сознанием и индивидуальным самосознанием, с исторической памятью, ценностным кодом и идентичностью¹.

В течение уже более чем тридцати лет, в противоречивых и динамичных условиях происходит становление нового политического региона – постсоветского пространства, объединяющего гетерогенные субъекты влияния, которые имели продолжительный опыт *со-бытия* и историческую общность. Постсоветский мир с естественным уходом «советского человека», приходом новых поколений, которые не помнят и не осознают значимость советской эпохи, постепенно уходит, поэтому сдерживать процесс дальнейшей гетерогенизации некогда единого постсоветского пространства затруднительно, а зачастую, невозможно [1, с. 436].

Ликвидация многоаспектных политических, хозяйственных, социокультурных связей вкуче с изменением мирового порядка в направлении полицентризма, усиления влияния глобального финансового капитала и неолиберальной повестки, попадание в зону интересов западных и иных центров силы, – вся эта совокупность внешнеполитических факторов воздействует как ощутимая угроза утраты ими своей самостоятельности и способности влиять на социальное и политическое развитие своих обществ [2, с. 19–20].

Необходимость сохранения автономности и субъектности, формирования гражданской нации, совершенствования государственного строительства приводят национальные правительства постсоветского пространства к поиску механизмов и инструментов ремоделирования национальной идентичности и использования коммеморативных практик политики памяти, значительная часть которых связана с историческими событиями советского периода.

Нарождающиеся этносоциальные и национальные исторические интерпретации начинают конфликтовать друг с другом, допуская аксиоматичность инвариантных оценок для исторических событий и явлений советского периода. То есть «перепрограммирование» советского периода в странах бывшего СССР обозначает новые границы памяти об этногенезе и формировании ценностного протогосударственного пространства².

Анализ политических интерпретаций совместного исторического прошлого, а также новых отношений с этим прошлым важен для понимания актуальных процессов внутреннего развития и международных отношений стран, входящих в СНГ для выстраивания линий взаимодействия с ними.

Базовые элементы такого предметного поля обозначены Пьером Нора. Критическая интерпретация государственных оценок исторического процесса и использование прошлых историографических концептов и логических схем; поиск с утратой принципа историзма фактов потерянного прошлого; резкий количественный скачок мемориальных мероприятий; политика поиска врага

¹ Pierre Nora. *Gedächtniskonjunktur*. *Transit* 22 (Winter 2001 / 2002). P. 18.

² Задорин И.В., Баринов С.В., Зайцев Д.Г., Комисаров А.А., Кубышкина Е.В., Мтиулишвили П.И., Петухов В.В., Шубина Л.В. Исследовательский проект «Восприятие молодежью новых независимых государств истории советского и постсоветского периодов» // <https://www.zircon.ru/upload/iblock/db3/090909.pdf>

на государственном уровне с целью доминирования в новом национальном пространстве; прирост числа музейных экспозиций; болезненная чувствительность к появлению в публичном пространстве рассекреченных архивных фондов¹. Российские исследователи (А. И. Миллер, К. А. Пахалюк) указывают на необходимость научной интерпретации, экспертного наполнения когнитивного поля путем систематизации публичных выступлений Главы государства и его соратников, логики структурирования памятных дат в государственном календаре, единых учебников гуманитарной направленности (прежде всего, по национальной истории), музейными экспозициями под государственным патронажем [3, с. 9].

Азербайджанская Республика была избрана авторами как наиболее яркий пример конструирования механизмов национальной идентичности правящей династией через коммеморативные практики сохранения исторической памяти о подвиге азербайджанского народа и его вкладе в Великую Победу.

Вот как описывает значение для победы над фашизмом Азербайджана ныне действующий Президент Ильхам Гейдарович Алиев в интервью главному редактору журнала «Национальная оборона» Игорю Коротченко, которое он дал в преддверии 75-летия Победы в Великой Отечественной войне: «Азербайджан внес большой вклад в нашу общую Победу. На войне участвовало более 600 тысяч представителей Азербайджана, 300 тысяч из них погибли, более 120 Героев Советского Союза – выходцы из Азербайджана, свыше 170 тысяч наших солдат и офицеров награждены различными орденами и медалями. Азербайджан поставлял 70 процентов нефти, 80 процентов топлива и 90 процентов смазочных масел для Красной Армии, без этого победа в войне была бы невозможна... На наших предприятиях днем и ночью производилась военная техника, в том числе знаменитые «Катюши»... Мало кто об этом знает, а ведь великий азербайджанский ученый Юсиф Мамедалиев изобрел зажигательную смесь, ставшую известной как «коктейль Молотова». Сформированная в Азербайджане 416-я Таганрогская Краснознаменная дивизия прошла славный боевой путь от Кавказа до Берлина» [4].

История – это интеллектуальная конструкция², которую используют как комплексный процесс трансформации социальных ценностей в поведенческие нормы и лучшие нормативные практики. Семья Алиевых занимается этим во все периоды пребывания у власти.

В пресс-релизе, посвященном празднованию в текущем году 9 мая в Азербайджане, размещенном на президентском сайте отмечается следующее: «Общенациональный лидер нашего народа Гейдар Алиев во все периоды своего правления оказывал особое внимание и заботу о ветеранах войны, называя их «золотым фондом нашего народа». Президент Ильхам Алиев также всегда сохраняет в центре внимания решение социальных проблем ветеранов войны, накануне 9 мая – Дня Победы им оказывается материальная помощь... Все это еще раз доказывает, что в Азербайджане всестороннее внимание и забота о ветеранах войны являются одним из главных приоритетов государственной политики»³.

7 апреля 1973 года вышло постановление ЦК КП Азербайджанской ССР и Совета Министров Азербайджанской ССР о сооружении скульптурно-архитектурного комплекса «Героям 416-й Азербайджанской и 130-таганрогским дивизиям». Скульптурную часть памятника выполняли специалисты из Баку, на митинге по случаю открытия присутствовала делегация из Азербайджана во главе с первым секретарём ЦК Компартии Азербайджана – Гейдаром Алиевым⁴.

30 августа 2020 года при участии Ильхама Алиева был открыт Народный военно-исторический музейный комплекс Великой Отечественной войны «Самбекские высоты». В приветственной речи он сказал: «Мы свято чтим память тех, кто сложил головы за нашу общую победу. В Азербайджане ветераны окружены вниманием, заботой, и мы всегда выступали и выступаем против героизации нацистов, за сохранение исторической правды о роли Советского Союза в победе над фашизмом. Уверен, открытие нового мемориала будет также свидетельствовать, что мы стремимся к тому, чтобы

¹ Pierre Nora. *Gedächtniskonjunktur*. Transit 22 (Winter 2001 / 2002). P. 18.

² L'éditeur et essayiste Pierre Nora, de l'Académie française, présente son dernier livre «Une étrange obstination», publié aux éditions Gallimard. 26 septembre 2022 // <https://www.radiofrance.fr/franceinter/podcasts/l-heure-bleue/l-heure-bleue-du-lundi-26-septembre-2022-8793463>

³ Ильхам Алиев и первая леди Мехрибан Алиева почтили память сынов Азербайджана, погибших за Победу над фашизмом // <https://president.az/ru/articles/view/65786>

⁴ История создания «Мемориала Славы» на Самбекских высотах // <https://xn--80acmuh2a.xn--p1ai/page/istoriya-sozdaniya?ysclid=lwcfaoevxk936473859>

следующие поколения не забывали подвиг наших отцов и дедов, чтобы они свято чтили нашу общую победу и знали правду о том, кто внес в эту победу весомый и решающий вклад»¹.

В 1974 году в Севастополе по инициативе первого секретаря ЦК Компартии Азербайджанской ССР Гейдара Алиева был открыт памятник воинам-азербайджанцам. Скульптуры, мраморные плиты и даже песок для него были доставлены в Крым из Баку².

Судьба праздника 9 мая также была связана с именем Гейдара Алиева. В 1992 году, используя объективную слабость столпов государственности, вызванную центробежными силами распада СССР (КГБ и армии) партия «Народный фронт Азербайджана» совершила государственный переворот. Одним из первых знаковых политических решений было распоряжение об отмене празднования Великой даты – праздника 9 Мая. Жившие в стране ветераны были морально унижены, их подвергли обструкции. В 1993 году Гейдар Алиев, возвратившись к высшей государственной власти в Азербайджане, восстановил историческую справедливость: ветеранам вернул и государственные гарантии поддержки и материального обеспечения; 9 мая был объявлен общенациональным праздником [4].

Государство всегда конструирует и реконструирует прошлое. Разделяемые большинством населения и элитой представления о прошлом народа, производство социальных представлений литераторами, историками, режиссерами и другими деятелями культуры всегда инициируются политиками, именно они задают контуры символического пространства для формирования национальной идентичности и обоснования преемственности власти.

Этот большой процесс начинается с выбора и институционализации знакового исторического события. Таким событием является Вторая мировая война, узнаваемая большинством азербайджанцев, в том числе молодежью. Об этой узнаваемости свидетельствуют эмпирические данные, полученные в результате массовых опросов на территории республик бывшего Советского Союза, целью которых было исследовать особенности восприятия молодежью истории советского периода. Респондентам было предложено оценить свою осведомленность об 11 событиях относящихся к принципиально разным этапам истории СССР – от Февральской революции 1917 г. до распада Советского Союза в 1991 г. В среднем по 14 странам – участницам исследования около 90% респондентов сообщили, что они, по меньшей мере, слышали о событиях Великой Отечественной войны (нападении Германии на СССР в июне 1941 г. и о капитуляции Германии перед СССР в мае 1945 г.) и о распаде Советского Союза в 1991 г. Причем даже минимальный среди всех стран уровень информированности о перечисленных событиях превышает 80%. Таким образом, «общими» вехами истории в исторической памяти граждан новых независимых стран являются лишь великая война и событие, положившее этой общей истории конец³.

Второй частью процесса производства социальных представлений является утверждение идеи героизации, подвига и победы народа. Вторая мировая война своим итогом имела формирование Ялтинско-Потсдамской мировой системы, которая утвердила идею о Победе. Победа же – всегда положительный социальный опыт, который при должном культурном обеспечении и сохранении памяти о нем, способствует новым достижениям единой нации. В 2019 году Президент Азербайджана издает Распоряжение о проведении в стране 110-летия Ази Асланова. В тексте этого документа очевидна связь времен и стремление к новым победам. «В ряду отважных сыновей нашего народа имя генерала Ази Асланова, ставшего символом героизма, произносится с глубоким уважением. В тяжелых боях за спасение мира от фашизма Ази Асланов продемонстрировал талант умелого полководца и открыл новые яркие страницы в военной летописи. Продемонстрированная им несравненная доблесть и исключительная храбрость возглавляемого им танкового полка являются настоящим примером героизма для всего личного состава Азербайджанской армии, в любой момент готовой освободить наши земли от оккупации»⁴. С 2020 года в соответствии со статьей 105 о праздничных днях Трудового кодекса

¹ Самбекские высоты: в память об общей победе // <https://www.baku-media.ru/publications/kultura/obshchestvo/sambekskie-vysoty-v-pamyat-ob-obshchey-pobede/>

² Памяти азербайджанцев-защитников Крыма // <https://az.sputniknews.ru/20240508/pamyati-azerbaydzhantsev-zaschitnikov-kryma-464484389.html?ysclid=lwcfm2kje9715796126>

³ Задорин И.В., Баринов С.В., Зайцев Д.Г., Комисаров А.А., Кубышкина Е.В., Мтиулишвили П.И., Петухов В.В., Шубина Л.В. Исследовательский проект «Восприятие молодежью новых независимых государств истории советского и постсоветского периодов» // <https://www.zircon.ru/upload/iblock/db3/090909.pdf>

⁴ Распоряжение Президента Азербайджанской Республики о проведении 110-летия Ази Асланова // <https://president.az/ru/articles/view/35519>

Азербайджанской Республики 9 мая отмечается как День победы над фашизмом, а 8 ноября отмечается как День Победы.

И завершает процесс производства социальных представлений обоснование идеи преемственности власти семьи Алиевых через сохраненную память о подвиге азербайджанского народа в двадцатом веке – к победе нации в двадцать первом и активизации дискурса об историческом значении эпохи правления Гейдара Алиева. 2023 год стал Годом Гейдара Алиева в Азербайджане¹, столетний юбилей выдающегося исторического лидера был отмечен целым рядом мероприятий на высоком уровне и в Российской Федерации. Вот как предстает логика обретения суверенной государственности в соответствующем Распоряжении Президента Азербайджана: «Решительные шаги, предпринятые великим лидером для восстановления исторической памяти путем направления творческой энергии народа на достижение единой цели, послужили в тот период возрождению национального духа, обеспечили самосознание и возвращение к своим корням, стали краеугольным камнем на пути, ведущем к строительству независимого государства.»

Характеризуя масштаб личности общенационального лидера азербайджанского народа, Президент России Владимир Путин назвал Гейдара Алиева «выдающимся государственным деятелем, истинным патриотом и верным сыном своей Родины». Как отметил Владимир Путин, «одним из ключевых условий успешного развития Азербайджана Гейдар Алиев считал выстраивание дружественных, добрососедских связей с Россией, укрепление взаимовыгодного сотрудничества и конструктивного партнерства между нашими странами. Отрадно, что этот курс достойно продолжает нынешний президент Азербайджанской Республики – Ильхам Алиев» [5].

Отмечает российский президент и важный вклад в развитие отношений добрососедства Первого вице-президента Азербайджанской Республики Мехрибан Алиевой, которой в 2019 году был вручен орден Дружбы. «Конечно, это государственная награда, это орден Дружбы. Это такая, с одной стороны, вроде бы формальная вещь, но, с другой стороны, я хочу обратить Ваше внимание на то, что это сознательное решение. Не просто потому, что Вы к нам приехали и Вы являетесь одним из высших должностных лиц в Азербайджане, нет, это связано с Вашей работой, с Вашей деятельностью, с поддержанием межгосударственных связей на том высоком уровне, на котором они сегодня находятся, и мы это очень высоко ценим»². В рамках этой встречи супруга Президента Азербайджана отметила: «Наше поколение имеет общие корни, общую историю. Растёт молодое поколение, и нужно, чтобы те связи, особенно связи между людьми, между молодым поколением, в гуманитарной сфере, которые сегодня существуют, – чтобы мы их сохранили и ещё больше укрепили».

А 22 февраля 2022 года наши страны подписали Декларацию о союзническом взаимодействии между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой, из 40 пункта можно заключить, что стороны намерены всемерно способствовать сохранению духовной и культурной близости народов двух стран, обеспечивать защиту, сохранение и развитие исторического, культурного и религиозного наследия³. Таким образом, политика памяти стала не только фактором внутривосточного развития, но и основанием выстраивания конструктивных международных отношений между нашими государствами и народами.

Итак, у политических элит постсоветского пространства есть два выбора в построении национальной идентичности: строить ее как искусственный проект, полностью сконструированный и управляемый извне, либо как проект естественного и поступательного развития этноса, лишь направляемый бенефитом. Азербайджанская политическая элита сделала второй выбор, выбор в котором нет конфликта, нет раскола и нет разновекторности будущего пути развития социума и государства. О верности этого решения свидетельствуют и эмпирические данные группы ЦИРКОН и «Евразийского монитора»: в Азербайджане общенациональная идентичность составляет на сегодняшний день более 80% [6, с. 191].

¹ Распоряжение Президента Азербайджанской Республики Об объявлении 2023 года в Азербайджанской Республике «Годом Гейдара Алиева» // <https://president.az/ru/articles/view/57413>

² Встреча с Первым вице-президентом Азербайджана Мехрибан Алиевой // <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/62103>

³ Декларация о союзническом взаимодействии между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой // <http://www.kremlin.ru/supplement/5777>

Список источников

1. Российское общество и государство в условиях глобальной многополярности. Социально-политическое положение России в 2022 году : [монография] / Н. В. Березина, И. Я. Богданов, Н. М. Великая [и др.] ; отв. ред. В. К. Левашов ; ФНИСЦ РАН. – М. : ФНИСЦ РАН, 2023. – 549 с.
2. Постсоветское пространство : между Европой и Азией : [монография] / Б. П. Гуселетов [и др.] ; отв. ред. Б. П. Гуселетов ; ФНИСЦ РАН. М. : ФНИСЦ РАН, 2022. 187 с.
3. Политика памяти в России – региональное измерение : монография / Под ред. А. И. Миллера, О. Ю. Малиновой, Д. В. Ефременко ; РАН. ИНИОН, Отд. полит. науки ; Центр по изучению культурной памяти и символической политики Европейского университета в Санкт Петербурге. – М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2023. – 471 с.
4. Коротченко И. Ю. Президент Азербайджана Ильхам Алиев: «9 мая – день нашей общей Великой Победы!» // Национальная оборона. 2020. № 5.
5. Коротченко И. Ю. 100 лет со дня рождения Гейдара Алиева // Национальная оборона. 2023. № 5.
6. Задорин И. В. Новые мировые расколы и войны за идентичность / Историческое сознание россиян: оценки прошлого, память, символы (опыт социологического измерения) / ФНИСЦ РАН, Институт социологии. Под ред. М. К. Горшкова. М.: Издательство «Весь Мир», 2022. 248 с.

References

1. *Russian society and the state in the context of global multipolarity. The socio-political situation of Russia in 2022.* N. V. Berezina, I. Ya. Bogdanov, N. M. Velikaya [et al.] ; ed. by V. K. Levashov. Moscow: FNISTC RAS; 2023. 549 p. (In Russ.)
2. *The post-Soviet space : between Europe and Asia* : [monograph]. B. P. Guseletov [et al.] ; ed. by B. P. Guseletov. Moscow: FNISTC RAS; 2022. 187 p. (In Russ.)
3. *The politics of memory in Russia – a regional dimension: a monograph.* A.I. Miller, O.Y. Malinova, D.V. Efremenko(eds). Moscow : Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; 2023. 471 p. (In Russ.)
4. Korotchenko I. Y. President of Azerbaijan Ilham Aliyev: «May 9 is the day of our common Great Victory!». *National Defense.* 2020;(5). (In Russ.)
5. Korotchenko I. Y. 100 years since the birth of Heydar Aliyev. *National Defense.* 2023;(5). (In Russ.)
6. Zadorin I. V. New world splits and wars for identity. In: *Historical consciousness of Russians: assessments of the past, memory, symbols (experience of sociological measurement).* M.K. Gorshkov (ed.). Moscow: Publishing house «The Whole World»; 2022. 248 p. (In Russ.)

Информация об авторах

П. В. Заяц – кандидат исторических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления ЮРИУ РАНХиГС.

Я. Г. Зинченко – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the authors

P. V. Zayats – Cand. Sci. (History), Professor of the Department of State and Municipal Management, South-Russia Institute of Management – branch of RANEPА.

Ya. G. Zinchenko – Cand. Sci. (Sociology), Assistant Professor of the Department of Sociology, South-Russia Institute of Management – branch of RANEPА.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.04.2024; одобрена после рецензирования 20.05.2024; принята к публикации 21.05.2024.

The article was submitted 24.04.2024; approved after reviewing 20.05.2024; accepted for publication 21.05.2024.

Научная статья

УДК 316

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-240-246>

EDN IWYKDT

Российская политика нациестроительства и историческая память городской молодёжи Арктической зоны РФ (по данным соцопросов в Поморье)

Андрей Олегович Подоплёкин

Федеральный исследовательский центр

комплексного изучения Арктики имени академика Н. П. Лавёрова

Уральского отделения Российской академии наук,

podoplekin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9939-6153>

Аннотация. В статье рассмотрены данные социологических опросов молодёжи Архангельской агломерации (Поморье, территория Арктической зоны РФ). Особый акцент сделан на обобщении показателей, характеризующих состояние исторической памяти и оценки в отношении исторического образования лиц 18–25 лет. Материалы представлены в контексте принципиальных положений российской политики нациестроительства начала 2020-х годов и в их связи с современными концептами патриотизма и гражданской идентичности. Данные также сопоставлены с общероссийскими опросами по аналогичной тематике в тот же период. В целом подтверждается тенденция укрепления общероссийской гражданской идентичности молодёжи, параллельная тренду на снижение «регионального» патриотизма. Однако в молодёжной среде отсутствует единство в понимании самой концепции гражданской нации и основ её формирования. Также подтверждено, что выявленная тенденция одной из основ имеет проблемное состояние базового исторического образования молодёжи, причём особенно острое – в части знания региональной истории. При этом молодёжь региона является, с одной стороны, носителем потенциально высокого интереса к истории страны и региона, а с другой стороны, реализует его на базовом уровне исторической памяти, т.е. на уровне семейной истории. Результаты исследования указывают, что молодёжь объективно востребует более активное использование таких инструментов стимулирования, поддержки и удовлетворения интереса к истории, как музейные проекты и кинематограф. Данные отрасли рассматриваются наряду с историческим образованием в школе как главные инструменты формирования эмоционально окрашенной исторической памяти как основы развитой гражданской идентичности и «деятельного патриотизма» у поколения, которое в ближайшее десятилетие составит основу политической, экономической, научной и культурной элиты РФ.

Ключевые слова: нациестроительство, российская гражданская идентичность, историческая память, городская молодёжь Арктической зоны России, социологические данные

Финансирование: Статья подготовлена за счёт средств целевой субсидии на выполнение государственного задания «Трансформация социокультурного пространства регионов Арктической зоны РФ в современных условиях» (номер гос. регистрации 122012100405-4).

Благодарности: докт. ист. наук, профессору Ю.П. Шабаеву (зав. сектором этнографии ИЯЛИ ФИЦ КомиНЦ УрО РАН) – за научно-методическое руководство социологическими проектами, в ходе которых получены представленные результаты; канд. экон. наук Л.А. Чижовой, канд. полит. наук А.М. Максимова и н.с. О.В. Лец (лаборатория проблем развития территорий ФИЦКИА УрО РАН) – за консультации и поддержку при подготовке статьи; Л.В. Шухтиной, О.В. Крыловой, Л.А. Алексеевой и О.Н. Макулину – за помощь в организации полевой части исследования.

Для цитирования: Подоплёкин А. О. Российская политика нациестроительства и историческая память городской молодёжи Арктической зоны РФ (по данным соцопросов в Поморье) // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 2. С. 240–246. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-240-246>. EDN IWYKDT

Russian nation-building policy and historical memory of urban youth in the Russian Arctic zone (on opinion polls in Pomorie)

Andrey O. Podoplekin

N.P. Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
podoplekin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9939-6153>

Abstract. The article examines data from sociological surveys of young residents in the Arkhangelsk agglomeration (Pomorje, territory of the Arctic zone of Russia). Particular emphasis is made on indicators characterizing the state of historical memory and assessments in relation to the historical education of persons aged 18–25. The materials are presented in the context of the fundamental provisions of the Russian nation-building policy of the early 2020s and in their connection with modern concepts of patriotism and civic identity. The data is also compared with nationwide surveys on similar topics during the same period. In general, the trend towards strengthening the all-Russian civic identity of young people is confirmed, parallel to the trend towards a decrease in «regional» patriotism. However, there is no unity among young people in understanding the very concept of a civil nation and the foundations of its formation. It is also confirmed that the identified trend is one of the foundations of the problematic state of basic historical education of young people, and especially acute in terms of knowledge of regional history. At the same time, the youth of the region are, on the one hand, the bearer of a potentially high interest in the history of the country and region, and on the other hand, they realize it at the basic level of historical memory, i.e. at the level of family history. The results of the study indicate that young people will objectively demand a more active use of such tools for stimulating, supporting and satisfying interest in history, such as museum projects and cinema. These industries, along with historical education at school, are considered as the main tools for the formation of emotionally charged historical memory as the basis for a developed civic identity and «active patriotism» among the generation that in the next decade will form the basis of the political, economic, scientific and cultural elite of the Russian Federation.

Keywords: nation-building, Russian civic identity, historical memory, urban youth of the Arctic zone of Russia, sociological data

Financial Support: The article was prepared at the expense of the funds of the special subsidy for the state task «Transformation of the socio-cultural space of the regions of the Arctic zone of the Russian Federation in modern conditions» (State Registration Number 122012100405-4).

Acknowledgments: Dr. Sci. (History) Yu. P. Shabaev (Head of the Ethnography Sector of Institute of Language, Literature and History of Komi Scientific Center of the Ural Department of the Russian Academy of Sciences) - for scientific and methodical management of sociological projects, during which the presented results were obtained; L.A. Chizhova, Cand. Sci. (Polit.) A.M. Maksimov and O.V. Lets (Laboratory of Problems of Development of Territories of Federal Center for Integrated Arctic Research of the Ural Department of the Russian Academy of Sciences) – for advice and support in preparation of the article; L.V. Shuhtina, O.V. Krylova, L.A. Alexeeva and O.N. Makulin – for assistance in field organization of research.

For citation: Podoplekin A. O. Russian nation-building policy and historical memory of urban youth in the Russian Arctic zone (on opinion polls in Pomorie). *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(2):240–246. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-240-246>. EDN IWYKDT

Введение

Внутриполитические и социальные процессы в РФ начала 2020-х гг. содержат особый акцент на вопросах нациестроительства, на совместных усилиях государства и общества по созданию общероссийской нации на новых принципах гражданского единства и солидарности. Объективное вызревание этого процесса внутри политической системы, равно как и запроса на него в самом российском социуме, отмечалось уже к началу 2010-х гг. [1].

Становление новой гражданской идентичности в России синхронно поколенческому переходу, в результате которого представители «пост-советского» поколения к 2030-м гг. составят основу политической, экономической и культурной элиты РФ. Оно также сопряжено с обретением новой

геополитической идентичности, видением России XXI века как самобытной евразийской, тихоокеанской и арктической цивилизации¹. Человеческий потенциал с развитой гражданской идентичностью становится фактором достижения целей национального развития, в том числе и в первую очередь, на стратегических периферийных макрорегионах – в Арктической зоне РФ (АЗРФ), Сибири и Тихоокеанской России (Дальнем Востоке).

Принципы нациестроительства в России следуют из существа изменений Конституции РФ от 2020 г. и закрепляются юридически последующими законодательными новеллами. С 2022 г. этот процесс стимулируется переживанием масштаба и напряжённости событий СВО, которая для молодёжи стала первым в её жизни масштабным политико-психологическим потрясением – происходит преодоление её «гражданского инфантилизма» [2, с. 144–147]. Идеино-политическая устойчивость, жизненные стратегии молодёжи, идентичность, эмоциональная связь с территорией проживания приобретают, наряду с культурой, значение ресурсов успешного нациестроительства, и далее – социально-экономического развития.

Частью такого ресурса становится **«деятельный» патриотизм**, который, в связи со смыслом политики российского нациестроительства, интерпретируется нами как *активная, свободная и сознательная деятельность граждан по реализации законных прав и исполнению законных обязанностей – как для повышения личного качества жизни и самореализации, так и в целях развития своего региона и страны в целом во всех сферах жизнедеятельности, мотивированная чувством единства с её историей, культурой, территорией и народом, а также осознанной ответственностью перед ними.*

Будучи основанным на понимании своей страны как жизненной среды («дома»), патриотизм такого свойства предусматривает участие в политике и общественной деятельности, выборах и самоуправлении, культурной жизни, учёбу, труд и творчество, легальное обогащение и налоговую дисциплину, обзаведение семьёй и имуществом на родине, воспитание детей, помощь окружающим, участие в преобразовании городской среды и внутреннем туризме, поддержку этнокультурного многообразия, грамотное поведение в случаях ЧП, содействие поддержанию законности и правопорядка и т.п.

Патриотизм как деятельность (действие) предполагает становление управленцев, специалистов и бизнесменов с развитой ответственностью за будущее территории рождения и проживания, страны в целом. Прочная гражданская и региональная идентичность, важнейшая деятельностная характеристика человеческого потенциала, требует устойчивой эмоциональной связи с пространством на основе исторической памяти.

Мероприятия по формированию такой связи («политика памяти») входят в число новых и ключевых направлений обеспечения новой парадигмы национального развития и международных отношений России, её новой геополитической идентичности РФ на рубеже 2010–2020-х гг., поэтому структуры власти, науки и гражданского общества демонстрируют растущее внимание к состоянию и укреплению исторической памяти молодёжи². Указанные аспекты, в т.ч. в их связи с гражданской и региональной идентичностью, активно изучаются в разрезе периферийных регионов России.

Материалы и результаты исследования

В числе указанных регионов – субъекты РФ, территории которых находятся в АЗРФ, в т.ч. прибрежные районы Архангельской области (Поморья), которая имеет особое экономическое, историко-политическое и этно-культурное положение в Российской Арктике. В нынешних границах АЗРФ это исторически первые районы, освоенные русскими и включённые в состав государства. Область занимает первое место в РФ по доле этнических русских (ок. 98%), в нём проживают св. 1/4 всех жителей АЗРФ. Архангельская агломерация (Архангельск, Северодвинск, Новодвинск) – крупнейшая не только в АЗРФ, в том числе по концентрации молодёжи 18–35 лет, но и во всей Арктике [2, с. 134–136].

Социологические исследования 2021–2023 гг. в Поморье предоставили актуальные данные об аспектах политического сознания, ценностей и социально-психологического самочувствия

¹ Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении концепции внешней политики Российской Федерации».

² Распоряжение Правительства РФ от 29.02.2016 № 326-р «Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года»; Распоряжение Правительства РФ от 29.11.2014 № 2403-р «Об утверждении основ государственной молодёжной политики Российской Федерации на период до 2025 года»; Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

молодёжи региона, определяющих новую гражданскую идентичности на текущем этапе нациестроительства [3; 4; 5, с. 94–99]. Данные весны 2023 г. (анкетирование, n=320; личные интервью) показали состояние и особенности исторической памяти 18–25-летней молодёжи Архангельской агломерации, её отношение к наследию, оценки уровня и качества образования и продукции массовой культуры в сфере истории, мероприятий по укреплению патриотизма, гражданской солидарности.

Среди результатов, полученных в Поморье, примечательны характеристики связи молодых респондентов с семейной историей, трактуемой как основание развитой исторической памяти в целом. Респонденты имеют и используют регулярные контакты с родственниками, для св. 83% это общение важно в той или иной мере. Св. 1/3 лично общаются со всеми бабушками и дедушками и знают их биографии, а совокупно 45,3% знают биографии всех прямых предков во втором поколении, хотя не все имеют опыт общения с ними. Отдельное внимание привлекла высокая доля (21,6%), утверждавших, что знают биографии прямых предков до четвёртого и более колена.

Более 1/3 молодых людей делали свои родословные и были намерены продолжать это, 27,2% их не составляли, а св. 39% не думали о такой работе, но допускали, что займутся ею в будущем. Пятая часть респондентов имела полноценный семейный архив, наиболее массовый вариант (60%) содержания такого архива это фотографии и отдельные документы. Такой архив утрачен, отсутствует и/или не запланирован к созданию у 18,2% респондентов.

В 2022 г. всего 46,1% респондентов 18–25 лет считали жителей области сообществом, объединённым общими интересами, а св. 1/3 не определились [6]. В 2023 г. св. 57% подтвердили ощущение единства с жителями региона лишь «в определённой мере», тогда как тех, кто его «совсем не ощущает» было 23,8% (против 16,6% давших однозначно положительный ответ). В 2022 г. доли молодых граждан, признавших себя патриотами региона, варьировались от прим. 35% до 45%, в зависимости от формулировок вопроса и ответов. Не связывали, с вероятностью или абсолютно, своё будущее с регионом 1/3 и 11% соответственно. Весной 2023 г. указали себя как патриоты России св. 43% (патриотами региона – 34%), не считали себя таковыми 3,8% (в отношении региона – на 3% больше), сомневающимися в своём общероссийском патриотизме – св. 8% (в отношении региона – св. 15%).

В 2022 г. св. 61% молодых жителей Поморья трактовали понятие «гражданин» как юридический статус, хотя всего ок. 32% понимали, что такая правовая связь, т.е. совокупность не только прав, но и обязанностей, и есть основа гражданской нации. Материалы 2023 г. подтвердили сохраняющееся широкое непонимание молодёжью самой идеи российской гражданской нации как сообщества, объединённого солидарностью и патриотизмом: «...идею поддерживаю, но не совсем её понимаю» – 26,9%, «сомневаюсь в том, что в России можно построить гражданскую нацию» – св. 7%), «...полностью поддерживаю эту идею» – почти 26%. В рейтинге значимости оснований сближения и единства граждан 18–25-летние респонденты отводят ведущие позиции факторам, связанным с культурой и историей – таким, как «общая история..., борьба предков за свободу и независимость...» (54,1%), «любовь к общей Родине, патриотизм» (53,1%), «общие идеалы и традиции» (45,3%), «многовековые культурные связи между народами...» (48,4%).

В данной части исследования в Архангельской агломерации в целом подтверждают тренды, выявляемые в других периферийных регионах, в т.ч. на территориях АЗРФ, а именно – устойчивый рост в молодёжной среде самоидентификации в качестве российских граждан, при одновременно среднем или часто снижающемся уровне региональной идентичности и патриотизма, зачастую сопряжённым с низким уровнем у молодых граждан интереса и знаний в отношении местной истории.

В 2023 г. в Поморье на вопрос «Интересуетесь ли вы историей своего города, ... места рождения?» положительно ответили св. 69%, причём основная самооценка уровня её знания – как «поверхностная» или «знаю в целом». Совокупно св. 76% согласны с тем, что история региона это инструмент укрепления единства граждан, но 55% оценили качество исторического образования в школе как среднее, 15,3% – как низкое, а как высокое – лишь ок. 28%, почти 10% не интересуются местной историей. Доминирующие самооценки остаточных знаний по истории – «средняя»/ «ниже среднего»/ «поверхностное». О качестве преподавания истории в школе отмечалось, что «...не хватало регионального компонента», респонденты указывали на низкую квалификацию и мотивацию учителей, неинтересные методики.

Лишь 1/4 молодых респондентов оценили школьные учебники истории положительно, 68,5% согласны с тем, что сведения в них «не складываются в общую картину» и не позволяют познать формирование многокультурного народа и культурной мозаики в местном сообществе, либо с тем, что

«... ни федеральные, ни местные учебники ... не дают ясной картины того, как формировалась российская или местная многокультурность, а из курса обществознания трудно понять, что представляет собой гражданская нация в РФ». В 2023 г. св. 45% признали, что главным основанием для соотнесения себя со своим народом является совокупность истории, культуры и языка, вторая – четвёртая позиции отошли по отдельности истории (св. 33%), языку и культуре (св. 25%), культуре и самосознанию (до 24%).

Описанный уровень исторических знаний является производным, помимо прочего, неудовлетворённого спроса на освоение исторического наследия в массовой культуре, например, через музейные проекты с использованием инновационных подходов и технологий, а также через кино- и видеопродукцию. В Архангельской агломерации в 2023 г., доля молодых граждан, которые посещают музеи, не превысила 29,5%, а доля тех, кто бывает в музеях редко, хотя признаёт их значимость превысила 60%. Свыше 57% отметили, что смотрят кино такого жанра время от времени, специально его не ищут, почти 28% признали, что историческая тема в кино им не интересна. Отсутствие интереса к историческому кино объяснялось тем, что «...они очень скучные», «...история не заинтересовала ... ещё во времена школы», «... жанр мне ... не интересен», «такой формат освоения истории ... не привлекает», «... не интересна история...».

К физическим проявлениям исторической памяти и эмоциональной связи с историей страны относятся, наряду с посещением могил родственников, произвольное (по собственному желанию) «отмечание» праздников. В 2023 г. установлено, что среди праздников, которые городская молодёжь Поморья считает «своими» и отмечает регулярно по своему желанию, главным является День Победы – св. 71%, а также религиозные (Рождество, Пасха, Курбан-Байрам и т.п.) – св. 49% и День защитника Отечества – 40%; а День России и День народного единства в том же рейтинге получили только 6-е и 7-е места, уступив Дню города (34,1%) и Дню весны и труда (27,5%).

В интервью отношение к Дню Победы раскрывается в формулировках «...мои предки принимали участие в войне, считаю важным сохранить память об их подвиге», «...трогательный и грустный праздник, благодаря которому проникаешься историей», «... день памяти павших во время ВОВ, в числе которых были и мои предки», «... память о победе в ВОВ, т.к. прадедушка погиб на войне», «...считаю важным помнить подвиги ... предков», «...очень важно помнить о великом подвиге».

Значимость и актуальность Великой Отечественной войны, в восприятии молодёжи Поморья, подтверждается также через самооценку знания дат российской истории. Свыше 93% подтвердили, что знают даты войны, из них 85,9% в целом верно указали годы. Для сравнения, годы возникновения государственности помнят 35,3%, из них указали правильно 5,9%; окончание Смуты – 39,4% и 32,2% соответственно, распад СССР – 85,3% и 72,2% соответственно, Отечественная война – 74,7 и 62,5% соответственно.

Обсуждение, выводы и рекомендации

Обследования 2021–2023 гг. подтверждают ряд российских наблюдений, связанных с такими аспектами нациестроительства, как историческая память и гражданская идентичность. Данные по Архангельской агломерации – одном из очагов концентрации молодёжи и воспроизводства человеческого потенциала АЗРФ – указывают на растущее доминирование её самоидентификации как граждан, что коррелирует с федеральной тенденцией (ВЦИОМ, 2022 г., 83% лиц 14–35 лет)¹, и соответствует концепту гражданской нации. Поэтому требует специального внимания снижение показателей региональной идентичности и патриотизма, которое в перспективе угрожает устойчивости человеческого потенциала стратегических периферий России, в т.ч. Арктической зоны РФ.

Выявлена схожесть с результатами ВЦИОМ и ФНИСЦ РАН 2018–2023 гг., согласно которым степень осведомлённости молодёжи о семейной истории коррелирует с состоянием знаний по истории региона и страны. Сохраняется актуальность общенациональных данных, по которым у 18–30-летних интерес к этой теме имелся не более чем у 30%, причём если в целом у граждан РФ он был пассивный у прим. 40%, то в среде 18–24-летних – у 60%.

Пример молодёжи Поморья в части знания истории региона и страны, уровня «регионального патриотизма» это очевидно результат общероссийской проблемы, неоднократно показанной Национальными исследованиями качества образования в 2010-е гг.: история своих регионов – это блок,

¹ Ценности молодёжи. ВЦИОМ, 14.12.2022. [Электронный ресурс] URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cennosti-molodezhi> (дата обращения 10.03.2024).

который школьники РФ знают хуже всего¹. Кризис базового исторического знания у молодёжи подтверждался также и ВЦИОМ в 2022–2023 гг.: в целом в категории «молодёжь» утверждали, что хорошо знают историю страны и своей семьи до 3/4, при этом, однако 18–24-летние чаще других заявляли, что «скорее не интересуется» историей своей страны².

Данное положение не отвечает смыслу Основного закона в редакции 2020 г. в части отношения к истории России, отсюда – запрос общества на изменения в преподавании данного предмета с учётом его значимости для новой гражданской идентичности. Ранее ответом на этот запрос стал опыт «единого» учебника по дисциплине, воплощающего «Россию-центричную» концепцию школьного исторического образования и отход от понимания европейской истории как «оси» всей мировой истории.

Очевидно также, что приведение исторического образования в соответствие задачам формирования «деятельного» патриотизма, как основы нацистроительства, требует подкрепления репрезентацией истории вне школьного курса. В частности, это определяет необходимость более эффективного раскрытия потенциала музейной отрасли, в рамках которой в настоящее время, согласно АЦ «НАФИ» 2023 г., музеи исторической тематики занимают лишь третью позицию в рейтинге предпочтений граждан России (38%), а краеведческими интересуются всего 28%³.

Указанное применимо и к сфере кино- и видеопроизводства, по ВЦИОМ (2019 г.) кинофильмы на исторические темы потенциально интересны 74% россиян в целом. Однако, в разрезе возрастных групп, например, в 2022 г. 40% молодых москвичей не смотрели историческое кино («скучное» или «недостаточно качественное»)⁴. Такие фильмы чаще смотрела молодёжь 22–25 лет, представители которой особенно ценят военные картины, а 18–21-летние предпочитали спортивно-историческую тематику [7]. Данные по Архангельской агломерации также указывают на разрыв между уровнем интереса к историческому кино и его фактической удовлетворённостью. Между тем в современном информационном потреблении ведущее значение в репрезентации истории отводится именно кинематографу, который показал себя как высокоэффективное средство конструирования позитивной национальной идентичности и мифологии, стимулирования интереса к прошлому и социализации молодёжи.

Список источников

1. Российская нация: Становление и этнокультурное многообразие/ Под ред. В.А. Тишкова. М.: Наука, 2011. ISBN 978-5-02-037653-3. 306 с.
2. Подоплёкин А.О. Городская молодёжь Европейского сектора АЗРФ: поведение в информационном пространстве, ценности и политические ориентации в 2021–2022 годах (на примере Поморья). Россия: общество, политика, история. 2023. № 2 (7). С. 132–153. DOI: [https://doi.org/10.56654/ROPI-2023-2\(7\)-132-153](https://doi.org/10.56654/ROPI-2023-2(7)-132-153).
3. Podoplekin A.O. Ethnicity and Regional Self-Identity of Young People in the Euro-Arctic Periphery of Russia (The Case of Arkhangel'sk Oblast). Region: Regional Studies of Russia, Eastern Europe, and Central Asia. 2022. Vol. 11. № 1. P. 69–94. DOI 10.1353/reg.2022.0004.
4. Шабаев Ю.П., Бирин В.Н., Подоплёкин А.О. и др. Влияние интернет-ресурсов на гражданскую позицию современной российской молодёжи. Отв. редактор М.А. Омаров. Москва: РГГУ, 2022. 365 с. DOI: 10.28995/978-5-7281-3195-3.
5. Социокультурное пространство арктического макрорегиона России в современных экономических условиях: монография. Л.А. Чижова, А.Г. Тутьгин, А.О. Подоплёкин и др.; отв. ред. Чижова Л.А. Архангельск: КИРА, 2023. ISBN 978-5-98450-830-8. 310 с.

¹ Результаты Национальных исследований качества образования (2014–2019 гг.). Федеральный институт оценки качества образования. Проект НИКО. Раздел «Отчёты». [Электронный ресурс]. URL: https://fio.ru/results_niko (дата обращения 31.03.2024).

² Путешествие по отечественной истории. ВЦИОМ, 27.03.2023 [Электронный ресурс] URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/puteshestvie-po-otechestvennoy-istorii?ysclid=lugwd7o0d5553010073> (дата обращения 31.03.2024).

³ Россияне старше 55 лет интересуются музеями в разы чаще, чем молодёжь. НАФИ Аналитический центр, 29.03.2023 [Электронный ресурс] URL: <https://nafi.ru/analytics/rossiyane-starshe-55-let-interesuyutsya-muzejami-v-razy-chashche-molodezh> (дата обращения 31.03.2024).

⁴ ВЦИОМ: наибольшей популярностью у россиян пользуются комедии и военные фильмы. ТАСС, 27.08.2019. [Электронный ресурс] URL: <https://tass.ru/obschestvo/6803038> (дата обращения 31.03.2024).

6. Подоплёкин А.О. Региональная и этническая самоидентификация представителей «переходного» и «постсоветского» поколений в европейской части Арктической зоны России (на примере Поморья) // Россия: общество, история, политика. 2022. № 4 (4). С. 178–197. DOI: [https://doi.org/10.56654/ROPI-2022-4\(4\)-178-197](https://doi.org/10.56654/ROPI-2022-4(4)-178-197).

7. Куликова О.А., Рябовичева А.С. Отношение молодёжи Москвы к теме патриотизма в отечественном кинематографе // Вестник университета. 2022. № 12. С. 180–187.

References

1. *Russian nation: Formation and ethnocultural diversity*. Under Ed. V.A. Tishkova. Moscow: Science; 2011. ISBN 978-5-02-037653-3. 306 p. (In Russ.)

2. Podoplekin A.O. Urban Youth of the European Sector of the APRF: behavior in the information space, values and political orientations in 2021-2022 (on the example of Pomerania). *Russia: Society, Politics, History*. 2023;2(7):132–153. Doi: [https://doi.org/10.56654/ROPI-2023-2\(7\)-132-153](https://doi.org/10.56654/ROPI-2023-2(7)-132-153).

3. Podoplekin A.O. Ethnicity and Regional Self-Identity of Young People in the Euro-Arctic Periphery of Russia (The Case of Arkhangel'sk Oblast). *Region: Regional Studies of Russia, Eastern Europe, and Central Asia*. 2022;11(1):69–94. DOI 10.1353/reg.2022.0004. (In Russ.)

4. Shabayev Y. P., Birin V. N., Prokoplyokin A.O. et al. *Influence of Internet resources on the civil position of modern Russian youth*. M.A. Omarov (ed.). Moscow: RSGU; 2022. 365 p. DOI: 10.28995/978-5-7281-3195-3. (In Russ.)

5. *Socio-cultural space of the Arctic macro-region of Russia in modern economic conditions: monograph*. L.A. Chizhova, A.G. Tutygin, A.O. Podopleokin et al. ; sr. Chizhova L.A. Arkhangel'sk: KIRA, 2023. ISBN 978-5-98450-830-8. 310 p. (In Russ.)

6. Podoplekin A.O. Regional and ethnic self-identification of representatives of «transitional» and «post-Soviet» generations in the European part of the Arctic zone of Russia (at the Pomeranian Time). *Russia: society, history, politics*. 2022;4(4):178-197. (In Russ.) DOI: [https://doi.org/10.56654/ROPI2022-4\(4\)-178-197](https://doi.org/10.56654/ROPI2022-4(4)-178-197).

7. Kulikova O. A., Ryabovicheva A.S. Attitude of the youth of Moscow to the theme of patriotism in the modern cinema. *Herald of the university*. 2022;(12):180–187. (In Russ.)

Информация об авторе

А. О. Подоплёкин – кандидат исторических наук, доцент, Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лавёрова Уральского отделения Российской академии наук.

Information about the author

A. O. Podoplekin – Cand. Sci. (History), Federal Research Center for Integrated Arctic Study named after academician N.P. Lavyorov of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 15.05.2024; одобрена после рецензирования 01.06. 2024; принята к публикации 02.06.2024.

The article was submitted 15.05.2024; approved after reviewing 01.06.2024; accepted for publication 02.06.2024.

Научная статья
УДК 316+32
<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-247-257>

EDN JHAGDC

Президентские выборы как показатель внутривнутриполитической стабильности в РФ: федеральные и региональные аспекты

Валентина Павловна Скороходова¹,
Яков Андреевич Асланов²

^{1,2}Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹vaskoro@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0190-5242>

²aslanov@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2945-1676>

Аннотация

Предмет. Президентские выборы как показатель внутривнутриполитической стабильности в Российской Федерации.

Цели. Выявление факторов политической стабильности в российском обществе способных оказывать влияние на электоральное поведение граждан, их отношение к различным политическим институтам и акторам, а также отражаться на результатах президентских выборов.

Результаты. Рассмотрены процессы, происходившие во время проведения выборов Президента Российской Федерации с начала 2000-х гг. На основе данных Центральной избирательной комиссии проанализированы итоги голосования по стране в целом и отдельным регионам. Отмечено, что способность преодолевать трудности в переломные для государства моменты предопределила уверенные победы В.В. Путина на выборах.

Методология. В статье использованы общенаучные методы анализа, синтеза, индукции, дедукции, метод сравнительного анализа, системный и структурно-функциональный подходы, статистический метод.

Область применения. Результаты исследования могут применены в практической деятельности публичных политиков, органов государственного и муниципального управления, при разработке общих и специальных курсов по политологии, конфликтологии, национальной и региональной безопасности, политической регионалистике.

Выводы. Устойчивость функционирования выстроенной политической системы и высокий процент голосов избирателей на президентских выборах очевидно заключаются в эффективной деятельности по обеспечению благосостояния граждан, традициях отечественной политической культуры.

Ключевые слова: президентские выборы, электоральное поведение, избиратели, политическая культура, стабильность

Для цитирования: Скороходова В. П., Асланов Я. А. Президентские выборы как показатель внутривнутриполитической стабильности в РФ: федеральные и региональные аспекты // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 2. С. 247–257. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-247-257>. EDN JHAGDC

Presidential elections as an indicator of domestic political stability in Russia: federal and regional aspects

Valentina P. Skorokhodova¹, Yakov A. Aslanov²

^{1,2}Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia,

¹vaskoro@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0190-5242>

²aslanov@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2945-1676>

Abstract

Subject. Presidential elections as an indicator of internal political stability in the Russian Federation.

Purpose. Identification of factors of political stability in the Russian society capable to influence the electoral behavior of citizens, their attitude to various political institutions and actors, as well as affect the results of presidential elections.

Results. The processes that took place during the election of the President of the Russian Federation since the beginning of the 2000s were considered. Based on the data of the Central Electoral Commission, the results of voting for the country as a whole and for individual regions were analyzed. It was noted that the ability to overcome difficulties at crucial moments for the state predetermined certain victories of V.V. Putin in elections.

Methodology. The article uses general scientific methods of analysis, synthesis, induction, deduction, method of comparative analysis, system and structural-functional approaches, statistical method.

Scope. The results of the study can be applied in the practical activities of public politicians, state and municipal government bodies, in the development of general and special courses in political science, conflict science, national and regional security, political regionalism.

Findings. The stability of the functioning of the structured political system and the high percentage of voters in the presidential elections clearly lie in effective action to ensure the well-being of citizens, the traditions of the national political culture.

Keywords: presidential elections, electoral behavior, voters, political culture, stability

For citation: Skorokhodova V. P., Aslanov Ya. A. Presidential elections as an indicator of domestic political stability in Russia: federal and regional aspects. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(2):247–257. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-247-257>. EDN JHAGDC

Введение

Выборы выступают важнейшим компонентом и средством легитимации власти на современном этапе. Избранный Россией демократический путь развития предполагает участие населения в выборах различного уровня. При этом, повышенный интерес со стороны избирателей к выборам, в частности федерального уровня, способен постепенно снижаться с завершением избирательной кампании. Основные мотивы такого отношения могут заключаться в разочаровании избирательных ожиданий, ведь граждане выбирают не просто конкретных кандидатов, а курс экономического и политического развития государства, отдельно взятого региона на ближайшие десятилетия.

В доперестроечный период выборы представляли собой политический институциональный ритуал, выполняющий функцию по демонстрации стабильности и воспроизводимости политических структур, единства советского народа как внутри страны, так и за ее пределами. У населения сформировалось ощущение неизменности существовавшей советской системы, и казалось, что ее обвал не возможен. Время же распорядилось по-своему. На фоне периодически возникающих социально-экономических кризисов с начала 90-х гг. [1] имело место снижение жизненного уровня российского населения, его имущественное расслоение, что не могло не спровоцировать рост социально-политической напряженности. Коренные изменения сложившихся практик в политической, экономической, социальной сферах были весьма болезненно восприняты российским обществом. Ослабление государственных институтов и неэффективность принимаемых решений лишь усугубляло ситуацию, сказывалось на доверии к власти. При этом, несмотря на все внутригосударственные потрясения, всегда имелись определенные общественные слои способные к электоральной консолидации и активному

участию на выборах, посредством которых они выражали лояльность власти, на которую возлагались надежды по преодолению возникающих кризисных ситуаций.

В настоящее время в условиях специальной военной операции, террористической опасности, беспрецедентных санкций и попыток дипломатического давления со стороны недружественных стран у российских граждан продолжает существовать запрос на социальную справедливость, сплоченность общества, а также честные выборы, способные обеспечить должный уровень внутривластной стабильности страны.

Исследование процессов, происходящих вокруг президентских выборов, начиная с начала 2000-х гг., весьма **актуально**, так как с избранием главы государства формируется не только определенная политическая реальность, но и определяется вектор общественно-политического, а также социально-экономического развития страны исходя из целого ряда вызовов и угроз, которые происходят сегодня и с большой долей вероятности способны возникнуть в будущем. **Цель настоящей статьи** заключается в выявлении факторов политической стабильности в российском обществе способных оказывать влияние на электоральное поведение граждан, их отношение к различным политическим институтам и акторам, а также отражаться на результатах президентских выборов.

Гипотезой исследования является предположение того, что высокий уровень поддержки кандидатуры В.В. Путина и его убедительные победы на президентских выборах преимущественно кроются как в эффективной деятельности, направленной на рост благосостояния граждан, так и в особенностях российской политической культуры.

Несомненно, многие общественные явления можно осмыслить только на основе понимания сути взаимодействия двух крупнейших систем – экономической и политической. К элементам последней относятся избирательные системы, партии, лидерство, политические режимы и т. д., так или иначе связанные с ядром политической сферы – политической властью. Политическая сфера также включает в себя совокупность отношений между индивидами и социальными группами, стремления которых направлены на реализацию собственных интересов. Речь идет об их деятельности, ориентированной на оказание влияния на социально-политические решения, принимаемые органами государственной власти, местного самоуправления и других политических субъектов.

Понятие «политическая стабильность» в отечественном политическом дискурсе.

Предназначение политической сферы состоит в реализации двух основных видов функций: развитии экономики, прямо или косвенно испытывающей воздействие политических процессов и процедур по стабилизации жизнедеятельности общества. При этом, в современной политической теории отсутствует однозначное определение понятия «политическая стабильность», в силу того, что используются разные подходы по этому вопросу среди ученых. Порой критерии политической стабильности отождествляют с критериями стабильности социальной или экономической, а то и общественной системы в целом. Зачастую политическая стабильность в научных исследованиях представляется как вид, ключевой показатель социальной стабильности [2] и коррелирует с ней во взаимосвязи с реализацией определенных государственных программ развития, реализуемых с помощью различных правительственных решений при отсутствии возражений со стороны общества и серьезного дисбаланса в социальной сфере.

Так, М. Г. Анохин в общих чертах раскрыл сущность политической стабильности как устойчивого состояния политической системы, что позволяет ей плодотворно развиваться и функционировать в условиях внутренних и внешних воздействий, не изменяя при этом свою структуру [3]. По мнению С. В. Ивановой, восприятие стабильности, в том числе политической, в сознании населения в определенной степени сказывается и на их электоральном поведении [4]. К факторам, влияющим на внутреннюю политическую стабильность, относятся уровень политической культуры избирателей, развитие политической и партийных систем и др., что в совокупности оказывает непосредственное воздействие на политический климат общества. Инструментами для ее измерения служат различные индексы и рейтинги, в частности, критерии политических рисков, показатели эффективности политического управления, характеристики политических режимов, уровни политической нестабильности и т. п. [5] Следует подчеркнуть, что субъективное восприятие участниками избирательного процесса политической системы как стабильной играет не меньшую роль в формировании самой стабильности. Такая установка выражается в определенном электоральном поведении граждан в период выборной кампании, по результатам которой можно рассуждать о степени надежности, ослаблении или укреплении политической стабильности. В этой связи, Э. А. Зелетдинова полагает, что «к основным показателям стабильной политической системы можно отнести как положительную оценку политического

режима, которая помогает обществу принимать действия властных структур в целом, так и положительную оценку обществом конкретных решений, принимаемых государственными органами, конкретных политических действий, личностных качеств политических лидеров» [6, с. 11].

Особенности российской политической культуры. В этом случае целесообразным видится обратить взор на систему внутригосударственных отношений характерных для патернализма (от лат. «pater» - «отец»), которому в научных исследованиях как довольно сложному общественно-политическому явлению отводится заметная роль. В России издавна деятельность и конкретные решения властных институтов от федерального до локального уровней, в значительной мере, в отличие от внутренних механизмов саморегуляции общества, определяли основные тенденции развития его подсистем. В петровскую эпоху на начало XVIII в. было осуществлено реформирование многих сфер жизни общества. В период правления Петра I законодательная деятельность осуществлялась преимущественно с помощью различных бюрократических учреждений, а также произошло усиление административных инстанций и государственных учреждений, которые весьма активно вмешивались в частную жизнь [7]. Его фраза «наш народ яко дети» и новая титулатура монарха – «Император», «Отец Отечества», принятые вследствие заключения Ништадтского мира в 1721 г., подчеркивали патерналистский характер государственной власти [8]. Ориентация на государство исторически выступала важнейшей характеристикой российской политической культуры. Черты патернализма спустя не одно столетие проявились и в административно-командной системе советского периода, в экономике и социальной политике, направленных на достижение «общего блага». В условиях зарождающейся демократии периода перестройки от нее ждали не предоставление возможностей для проявления народной активности, а скорее, непосредственного решения экономических и социальных проблем самой властью. Системный конфликт, обусловленный ослаблением института верховной власти и укреплением региональных политических режимов в ельцинский период, привел к управленческому хаосу. На этом фоне такая ситуация выступила предпосылкой дальнейшего запроса населения на сильного и властного руководителя, способного найти механизмы укрепления государства на основе политики централизации. На наш взгляд, объяснение и истоки такого рода ожиданий части общества, следует, преимущественно, искать в исторической плоскости.

Избирательная кампания 2000 г. Напомним, в самом конце декабря 1999 г. Б. Ельцин сделал серьезный шаг и добровольно подал в отставку, а первое досрочное избрание президентом РФ В. Путина состоялось в марте 2000 г. Это событие по праву считается одним из значимых событий во всей политической истории государства. Полагаем, что в рамках нашего исследования данный эпизод требует более детального рассмотрения в силу того, что именно тогда был заложен вектор дальнейшего развития страны. Начало его президентства сложно назвать простым, так как задачи по укреплению федеральной власти, изнуренной политическими и экономическими преобразованиями, требовали немалых усилий. Тогда коренные перемены коснулись сферы взаимоотношений федеральной и региональной власти, где сложился недопустимый перекося [9]. Влияние Центра было существенно расширено и постепенно распространилось как на бизнес, так и на средства массовой информации, а самостоятельность регионов в определенной степени ограничена. С приходом нового президента на политическом небосклоне произошло также образование партии «Единая Россия», использующей мощный административный ресурс, за счет которого получившей особое положение и обеспечивающей себе поддержку на местах, предварительно заручившись поддержкой глав регионов. К слову, данное общественное объединение всегда служило надежной опорой действующему главе государства, перед которым стояла миссия разобраться в сложных проблемах, требующих безотлагательного решения. В это время суверенитету страны и безопасности граждан России угрожало активное развитие сепаратистских тенденций на Северном Кавказе.

Как известно, при Б. Ельцине первая чеченская кампания 1994–1996 гг. сложилась крайне неудачно. Страна понесла значительные потери среди населения, военных, а также правоохранительных органов. В начале августа 1999 г. чеченский конфликт вновь возобновился с вторжением в республику Дагестан вооруженных боевиков (вторая чеченская война). В этой ситуации В. В. Путин, с середины августа 1999 г., назначенный Председателем Правительства РФ, проявил жесткую и решительную позицию, развернув масштабную контртеррористическую операцию по уничтожению очагов исламского терроризма и ваххабизма, получившую широкую поддержку и одобрение российского народа, уставшего от нерешительности власти по этой проблеме при Б. Н. Ельцине и в этой связи желавших самых решительных шагов. Такие действия на Северном Кавказе в отношении террористов

нашли положительный отклик в общественном мнении. В дальнейшем эти взгляды только утвердились по причине серии подрывов жилых домов в течение сентября 1999 г. в Москве, Волгодонске и Буйнакске. Население было потрясено этой чередой событий и осознало, что терроризм не имеет географических границ и трагедии, которые он несет способны коснуться каждой семьи.

Способность В. В. Путина жестко и эффективно противостоять начавшейся агрессии, умелое использование опыта предыдущей военной кампании явилось одним из ключевых факторов стремительного роста популярности его личности. Ему удалось завершить этот крупный вооруженный конфликт, сохранить федеративный строй. Грандиозный электоральный успех В. В. Путина был связан и с взятым им курсом на консолидацию общества, рост благосостояния населения, а также защиту единства и целостности. В его предвыборной программе, опубликованной в конце февраля 2000 г., были обозначены три основные приоритетные направления политики: борьба с бедностью, жесткий государственный контроль по обеспечению надежности прав собственности предпринимателей и их деятельности от незаконного вторжения как криминального, так и чиновного, построение внешней политики в соответствии с национальными интересами¹. В целом, такие грамотные действия в интересах страны и его граждан со стороны претендента на пост главы государства способствовали приобретению им серьезного политического веса, что не оставляло никаких сомнений в том, кто победит на ближайших президентских выборах. В целом по стране в первом же туре президентских выборов при явке избирателей 68,7 % [10]. В. В. Путин получил 52,9 % [11] голосов электората, одержав уверенную победу. На региональном уровне ему удалось привлечь региональных лидеров крупных национальных республик, в том числе Дагестана, Татарстана, Башкирии. Наиболее высокими показателями голосования отличились Ингушетия – 85,4 %, Дагестан – 76,62 %, Кабардино-Балкария – 74,7 %, Татарстан – 68,8 %, Башкирия – 60,3 % [12]. Очевидно, что итоги президентских выборов марта 2000 г. наглядно выступили своеобразным зеркалом общества, отразившим царящие в нем настроения и ожидания. Новоизбранный глава государства воспринимался населением как сильная личность, обладающая арсеналом возможностей по выводу страны из хаоса, возникшего на фоне катастрофического распада СССР и трудностей 1990-х гг. В перспективе для сохранения кредита доверия электората ему предстояло решать еще немало сложных задач с упором на стабилизацию внутренней обстановки. Далее попытаемся кратко рассмотреть особенности, проводимых президентских выборов в Российской Федерации после 2000 г., определявшие их ход.

Избирательная кампания 2004 г. В этом раз значимым моментом стало решение В. В. Путина баллотироваться в качестве самовыдвиженца, а не партийного кандидата от «Единой России». Накануне выборов также была осуществлена инициатива по роспуску правительства М. М. Касьянова. Свою позицию в этом вопросе кандидат в президенты объяснил «утратой динамики в работе» и необходимостью в обновлении кадрового состава высших органов власти в целях более эффективной деятельности «в сфере экономики, социального развития»². Желание представить общественности нового главу правительства М. Е. Фрадкова и сохранение стабильности во время выборов, явились мотивами этого неожиданного для многих политического шага, закрепившего за ним статус государственного деятеля, способного принимать самостоятельные решения без оглядки на различные кланы и противоборствующие группы. В своей программной речи в феврале 2004 г., отметил проделанную работу за прошедшие четыре года. Основные положительные результаты в экономической сфере – это рост ВВП с 1999 г. – 29,9 %, падение в три раза уровня инфляции, наращивание темпов производства средних компаний, стабильность курса национальной валюты, практически полное решение проблемы выплат внешнего долга, усиление инвестиционной привлекательности страны³. Такая работа позволила улучшить ситуацию в социальной сфере, укрепить жизненный уровень граждан. В перспективе на будущий президентский срок предполагалось повышение качества жизни населения, усиление темпов роста российской экономики, разрешение социальных проблем. Источниками роста обозначались новые подходы к развитию страны, консолидация общества и власти, поиск

¹ «Открытое письмо» избирателям (2000) – URL:

<http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24144>. (дата обращения: 21.03.2024).

² Беседа с журналистами (2004) – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/224> (дата обращения: 10.04.2024).

³ Выступление Президента России В.В. Путина перед доверенными лицами, Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 12 февраля 2004 года (2004) – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/economic_diplomacy/1690105/ (дата обращения: 11.04.2024).

возможностей по решению крупных общенациональных задач. Стабилизацию в государстве предлагалось обеспечить с помощью реформы федеративных отношений и последовательной деятельности по укреплению политической системы на федеральном и региональном уровне. Данная взвешенная позиция, отвечающая запросам общества того периода, предопределила электоральный успех и не могла не сказаться на итогах президентских выборов с его участием, проходивших без повторного голосования. В региональном формате был отмечен ощутимый разброс результатов голосования в диапазоне от 54,82 % в Белгородской области до 98,18 % в Ингушской Республике [13]. В целом по Российской Федерации В.В. Путин получил поддержку 71,31 % электората, при явке в 64,3 % от общего числа зарегистрированных избирателей, что подтвердило высокий уровень доверия и интерес к нему со стороны избирателей¹.

Избирательная кампания 2008 г. На данных выборах мы не будем подробно останавливаться, так как в этот раз высший государственный пост заняла другая политическая фигура. Как известно, основная специфика этой кампании заключалась в избрании на пост Президента Российской Федерации Д. А. Медведева, получившего немного меньший процент голосов избирателей – 70,28%², чем его предшественник в 2004 г. В свою очередь В. В. Путин, не пошел на третий срок подряд, мотивировав это тем, что действующая Конституция не предусматривала такой возможности, а основной стабильности, на его взгляд, являлось в том числе строгое соблюдение законодательства. С 2008–2012 гг. он был утвержден на пост Председателя Правительства Российской Федерации и в этой роли продолжил деятельность, направленную на повышение конкурентоспособности отечественной экономики, развитие национального бизнеса, социальной сферы, а также продуктивно использовал накопленный опыт в других не менее важных для страны направлениях. Образование феномена российской «танDEMократии» как особой модели политического управления до сих пор вызывает неподдельный исследовательский интерес со стороны политологов, так как считается, что его создание благоприятным образом сказалось на сохранении общественно-политического порядка на пути перехода к демократическому обществу.

Избирательная кампания 2012 г. В период этих президентских выборов произошла так называемая политическая «рокировка». В. В. Путин снова баллотировался на пост Президента и позже будучи высшим должностным лицом Российской Федерации назначил экс-главу государства Д. А. Медведева Председателем Правительства.

Увеличение срока президентских полномочий перед выборами с четырех до шести лет стало важнейшим изменением порядка выборов, корректировка была зафиксирована в ст. 81 п. 1 Конституции Российской Федерации «Президент Российской Федерации избирается сроком на шесть лет гражданами Российской Федерации на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании»³. Такие поправки, не затрагивающие сущность действующих политических и правовых институтов, рассматривались как дополнительный ресурс для их стабильной работы. При этом, если избирательная кампания в 2000 г. проходила в сложной военно-политической обстановке, то в конце 2011 – начале 2012 гг. кандидату в Президенты пришлось столкнуться с ситуацией мобилизации протестного электората в регионах, связанного с сомнениями граждан в прозрачности и достоверности подсчетов голосов на ранее проведенных выборах в Госдуму. Данное обстоятельство побудило власть еще тогда взять «курс на основательную модернизацию избирательной системы» [14] в целях повышения доверия населения к избирательным процедурам.

Самой президентской кампании предшествовала масштабная реформа политической системы, начатая в декабре 2011 г. и инициированная Д. А. Медведевым. Основой послужили законопроекты по упрощению регистрации политических партий и возврат прямых выборов глав субъектов (губернаторов). Вкупе эти действия отвечали запросам общества на демократизацию, снизили градус напряженности в обществе и послужили формированию благоприятного фона для дальнейших агитационных мероприятий. В противовес деструктивным призывам оппозиции В. В. Путин смог предъявить обществу свою программу развития, продолжив курс, направленный на стабильный рост экономики,

¹ Протокол Центральной избирательной комиссии Российской Федерации о результатах выборов Президента Российской Федерации (2004) – URL: http://pr2004.cikrf.ru/protokol_cik_pr (дата обращения: 25.02.2024).

² О результатах выборов Президента Российской Федерации (2008) – URL: http://vestnik.cikrf.ru/vestnik/documents/decreed_of_cec/24582.html (дата обращения: 17.04.2024).

³ Конституция РФ / <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595>.

стабильность социальной сферы. При этом анализ его взглядов в ходе президентской кампании 2012 г. позволяет отметить недостаточную удовлетворенность состоянием партийной системы и гражданского общества. При этом основным актором, способным укрепить как политическую систему так гражданское общество является не граждане, а внешняя сила этих институтов – государство. Так, патерналистский дискурс наглядно демонстрирует фраза, что «мы будем укреплять многопартийную систему. Будем укреплять гражданское общество, делать все для того, чтобы обеспечить свободу средств массовой информации» [15].

По окончании избирательной кампании 2012 г. В. В. Путин получил 63,60 % голосов избирателей, явка составила – 65,3 %, наряду с этим на региональном уровне высокий уровень поддержки зафиксировали в Чечне – 99,7 %, Дагестане – 93 % и Ингушетии – 92 % [16]. В итоге в 2012 г. голосовали меньше, чем в 2004 г., что объяснимо сложной ситуацией, имевшей место после думских выборов. Вместе с тем, в политическом поле страны на тот момент трудно было отыскать конкурентов новоизбранному президенту, обладающих схожим набором качеств необходимых в управлении таким непростым государством с целью его дальнейшей модернизации и развития.

Избирательная кампания 2018 г. К моменту четвертого президентского срока В. В. Путина в мире произошло много кардинальных и необратимых изменений, связанных в том числе с преобразованием формата финансово-экономических взаимоотношений Российской Федерации и других стран. Речь идет о тенденции к возрастанию числа санкций как инструмента внешней политики. «Акт Магнитского», принятый еще в декабре 2012 г. сыграл ключевую роль в ухудшении российско-американских отношений, стал отправкой точкой в последующем усилении санкционного противостояния. Присоединение Крыма в марте 2014 г. спровоцировало еще больший виток американских и европейских санкций в направлении ряда юридических и физических лиц. Вместе с тем, политически мотивированным шагом продления сроков введенных ранее ограничений со стороны недружественных стран послужили и кибератаки, якобы имеющие место со стороны России. Очевидно, что возникшие изменения политической конъюнктуры и, как следствие, экономической сферы не могли не отразиться на уровне бедности населения. В 2017 г. число находящихся в такой ситуации в Российской Федерации составляло 12,9 %¹.

Ситуация нарастающей нестабильности в мире и возникновение новых очагов напряженности, а также акции гражданского протеста в конце 2011-начале 2012 гг. побудили власть сделать ряд шагов, в том числе по основательной модернизации избирательной системы с целью снижения напряженности в обществе и повышению доверия граждан к выборным процедурам. Так, вступили в силу федеральные законы от 01.06.2017 № 104-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»; от 05.12. 2017 № 374-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации». В отдельные законы также были внесены поправки, в их числе в Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». Изменения выборного законодательства отразились в таких нововведениях, как: расширение возможностей для общественного контроля, обеспечение видеонаблюдения в ТИК, увеличение количества КОИБов, использование QR-кодов на итоговых протоколах голосования и др.

Незадолго до выборов, в начале марта 2018 г., в своем обращении к Федеральному Собранию В. В. Путин, в этот раз участвующий в выборах как самовыдвиженец, обозначил текущее положение дел в стране, внешнюю и внутреннюю политику государства в перспективе. Ключевым фактором явилось продолжение курса на достижение необходимого уровня благосостояния и обеспечения качества жизни населения. Отмечено, что в 2012 г. удалось снизить уровень бедности до 10 %, то вследствие экономического кризиса в 2017 г. он вырос до 12,9 %. При этом согласно национальным целям развития планировалось его снижение до 6,5 % к 2030 г. Также была отмечена необходимость концентрации усилий по решению задач в экономике, социальной сфере инфраструктуре².

По итогам этой избирательной кампании большинство избирателей проявили довольно высокую активность на выборах. По данным Центральной избирательной комиссии В.В. Путиным было получено 76,69 % голосов. Явка по стране составила 67,54 %. Примечательным стал высокий процент

¹ Заседание Совета по стратегическому развитию и национальным проектам 18 июля 2022 года (2022) – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/6901> (дата обращения: 21.04.2024).

² Послание Президента Российской Федерации от 01.03.2018 г. 6/н (2018) – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/42902/page/1> (дата обращения: 19.04.2024).

голосов в республиках Северного Кавказа. В Чечне – 91,44 %, в Дагестане – 90,76 %, в Кабардино-Балкарии – 93,38 % [14] Такие результаты в определенной степени отразили умение главы государства противодействовать деструктивным факторам в современной России. Достигнутый уровень внутриполитической стабильности и устойчивости политической системы стало надежным вкладом в закреплении данного эффекта в будущем.

Избирательная кампания 2024 г. Перед участием в пятой предвыборной кампании В. В. Путин допустил возможность своего очередного избрания на должность главы государства и дал согласие «обнулить» президентские сроки после внесения соответствующих изменений в Основной закон страны.

В 2020 г. Госдума в третьем чтении приняла поправки в Конституцию, а Конституционный суд дал официальное заключение по их одобрению. Далее они вступили в силу после проведения общероссийского голосования и соответственно их утверждения. Внесение изменений в Конституцию поддержали 77,92 % граждан, при общей явке в 65 % [17].

Такое решение о снятии ограничений по срокам В.В. Путин объяснил необходимостью дальнейшей работы над внутренней устойчивостью политической, экономической, социальной сферы с целью динамичного развития страны на длительную перспективу. При этом, на данном этапе развития страны им была отмечена необходимость в построении сильной президентской вертикали и связанной с этим персонификацией власти, в противовес парламентской формы правления по западному образцу¹. Отметим, что перед этой избирательной кампанией российское государство столкнулось с затяжными кризисными явлениями в экономике в силу влияния пандемии коронавируса и в настоящее время беспрецедентного санкционного давления со стороны государств и международных организаций как ответных мер на военную спецоперацию по демилитаризации и денацификации Украины. В Послании Федеральному Собранию в конце февраля 2024 г. В. В. Путин сообщил о снижении числа граждан, находящихся за чертой бедности до 13,5 млн чел. По данным Росстата, в целом за 2023 г. это коснулось 9,8 % жителей страны². При этом, в 2000 г. за чертой бедности находились 42 млн чел. (29 %) ³. Уровень бедности в России до сих пор остается все еще на довольно высоком уровне. В то же время, с самого начала работы на посту президента России нынешнему главе государства удалось осуществить заметные подвижки в этом направлении, видные невооруженным взглядом.

По итогам выборов, прошедших в период с 15–17 марта 2024 г., В. В. Путин получил 87,28 % голосов избирателей, при явке по стране – 77,49 %. Такие результаты стали рекордными для российских президентских выборов. Так как результат даже превысил, считавшийся непревзойденным, процент явки в 74,7 % на первых всенародных выборах главы государства 12 июня 1991 г. [10] Несомненно, на протяжении всей своей политической карьеры нынешний руководитель страны получал значительный процент голосов избирателей, но особой поддержкой отличались отдельные территории страны в силу различных причин [14]. В качестве примера рассмотрим итоги голосования на президентских выборах 2000 г., 2004 г., 2012 г., 2018 г. в отдельных регионах Юга России, в субъектах Северо-Кавказского федерального округа, а также в Краснодарском крае и Ростовской области, которые столкнулись с тревожностью своих граждан в связи с обострением российско-украинских отношений вблизи своих границ и с последовавшим санкционным воздействием.

Из данных табл. 1, видно в целом меньшее число голосов на первых президентских выборах, в сравнении с итогами голосования последующих президентских избирательных кампаний. Во-первых, в 2000 г. для многих избирателей В. В. Путин все-таки был новой фигурой в российском политическом поле, во-вторых, имели место экономический кризис, чеченские события, процесс смены власти в конце 1990-х гг. Данные обстоятельства, определенно, могли вызвать настороженность части электората. При таких обстоятельствах, полученные результаты можно интерпретировать как уверенную победу. С момента своего прихода к власти реальные шаги по успешному урегулированию накопленных трудностей, отразились на заметно возросшем проценте голосов избирателей на всех президентских выборах с его участием.

¹ Президент выступил на заседании Государственной Думы (2020) – URL: <http://duma.gov.ru/news/47996/>. (дата обращения 25.03.2024).

² Росстат представляет данные о численности населения с денежными доходами ниже границы бедности в IV квартале 2023 г. (2024) – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/2321/> (дата обращения: 06.04.2024).

³ Послание Президента Российской Федерации от 01.03.2018 г. 6/н (2018) – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/42902/page/1> (дата обращения: 19.04.2024).

Таблица 1. Число голосов избирателей, поданных за В. В. Путина, по РФ в целом и отдельным регионам (в %)

Table 1. Number of votes cast for V.V. Putin in the Russian Federation as a whole and in individual regions (%)

Субъекты Российской Федерации	2000 г.	2004 г.	2012 г	2018 г
Республика Дагестан	76,62	94,61	92,84	90,76
Чеченская Республика	50,63	92,30	99,76	91,44
Республика Ингушетия	85,42	98,18	91,91	83,17
Республика Кабардино-Балкария	74,72	96,49	77,64	93,38
Республика Карачаево-Черкесия	56,27	82,28	91,36	87,64
Республика Северная Осетия-Алания	64,61	91,25	70,06	81,51
Ставропольский край	52,11	64,54	64,47	80,55
Краснодарский край	51,50	67,37	63,72	81,35
Ростовская область	52,59	72,49	62,66	78,97
По РФ в целом	52,94	71,31	63,30	76,69

Источник: данные Центральной избирательной комиссии РФ

Таким образом, избирательный процесс в целом и избирательная кампания как базовый инструмент политической борьбы по привлечению голосов электората, в частности, выступают важнейшими элементами демократического правового государства, способствуют легитимации политической власти, а значит и стабилизации общества. На определенном этапе избрание тех или иных политических лидеров невозможно без опоры на поддержку со стороны избирателей и в этом контексте выборы видятся наиболее надежной процедурой измерения степени доверия к ним.

Более двадцати лет назад в сложный период истории страны действующий глава Российской Федерации впервые был избран президентом. Вначале деятельности на данном посту удалось главное – избавиться от реальной угрозы территориального распада страны, а также стабилизировать экономическую ситуацию, сократить число граждан, находящихся за чертой бедности. Эти факторы предопределили в последующем достигнутые им электоральные успехи. На всех президентских выборах с его участием, начиная с 2000 г., он неизменно получал высокий процент голосов избирателей в целом по стране и регионам, что только подтверждает устойчивость выстроенной им политической системы, поддерживаемой российскими элитами и широкими слоями населения. Такая тенденция может быть объяснима традициями отечественной политической культуры, патерналистскими отношениями, укоренными в российском обществе, которое в непростые времена способно спланиваться вокруг государства и его общенационального лидера. Многие указывают на то, что мы имеем дело с уникальной фигурой, обладающей целым набором качеств по эффективному решению задач, стоящих перед страной, в том числе по ее дальнейшему развитию и сохранению внутренней политической стабильности.

Список источников

1. Климин И. И. Падение жизненного уровня населения в 1990-е годы // Россия в глобальном мире. 2014. № 4 (27). С. 198–208.
2. Гришин О. Е. Политическая стабильность: понятие, факторы, инновации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 6. Ч. 1. С. 51–54.
3. Анохин М. Г. Политическая система: переходные процессы. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 1996. 270 с.
4. Иванова С. В. Политическая стабильность как фактор электорального поведения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12. 2008. Вып. 3. С. 230–234.

5. Ярославцева А. О. Сравнительные рейтинги и индексы как инструменты измерения политической стабильности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2012. № 2. С. 103–114.
6. Зелетдинова Э. А. Оппозиция и стабильность политического процесса в России // Власть. 2013. № 11. С. 11–16.
7. Мамаев А. И., Сулейманов Ш. С., Понявина М. Б. Патернализм // Наука без границ. 2017. № 11 (16). С. 38–43.
8. Дементьева В.В. Ретроспекция в античность при наделении Петра I титулами отца отечества, императора и великого // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2023. Т. 165. Кн. 1-2. С. 109–118.
9. Марков Е. А. Технологии успеха: выборы президента РФ в 2004 г. // Теория и практика общественного развития. 2015. № 15. С. 76–78.
10. Алексеев Р. А., Абрамов А. В. Электоральный абсентеизм в России и способы его преодоления // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2016. № 4. С. 1–18.
11. Зуйков А. В. Администрация Президента России в 1996-2000 годах: расцвет на закате // Сравнительное Конституционное Обозрение. 2012. № 4 (89). С. 140–159.
12. Туровский Р. Ф. Региональные особенности президентских выборов 2000 г. // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2000. № 4. С. 38–54.
13. Шипов А. Л. Факторы популярности Президента В.В. Путина на выборах 2004 года (анализ региональных различий) // Известия Российского государственного педагогического университета им. Герцена. 2009. № 106. С. 230–240.
14. Скороходова В. П. Президентские выборы 2018 г. на Северном Кавказе: перспективы и потенциальные риски // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2019. № 5 (374). С. 835–850. <https://doi.org/10.24891/ni.15.5.835>
15. Булгак О. В. Стратегии избирательной кампании на примере президентских выборов 4 марта 2012 года // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2013. № 2(1). С. 261–265.
16. Кынев А. В. От марта до декабря: как и чем отличалось голосование за партии и их лидеров на выборах 2011/2012 // Politbook. 2012. № 1. С. 6–42.
17. Виноградова Е. В. Референдум или общероссийское голосование: к вопросу о форме одобрения поправок 2020 года в Конституцию Российской Федерации // Евразийская адвокатура. 2020. № 4 (47). С. 75–78.

References

1. Klimin I. I. The fall of the living standard of the population in the 1990s. *Russia in the global world*. 2014;4(27):198–208. (In Russ.)
2. Grishin O. E. Political stability: concept, factors, innovations. *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art. Questions of theory and practice*. 2015;6(1):51–54. (In Russ.)
3. Anokhin M. G. *Political system: transition processes*. Moscow: CRI ISPI RAS; 1996. 270 p. (In Russ.)
4. Ivanova S. V. Political stability as a factor of electoral behavior. *Vestnik of St. Petersburg University. Ser. 12*. 2008;(3):230–234. (In Russ.)
5. Yaroslavtseva A. O. Comparative ratings and indices as tools for measuring political stability. *Bulletin of the Russian Union of Friendship of Peoples. Series: Political Science*. 2012;(2):103–114. (In Russ.)
6. Zeletdinova E. A. Opposition and stability of the political process in Russia. *Vlast'*. 2013;(11):11–16. (In Russ.)
7. Mamayev A. I., Suleymanov S. S., Ponyavina M. B. Paternalism. *Science without borders*. 2017;11 (16): 38–43. (In Russ.)
8. Dementieva V. V. Retrospection in Antiquity when conferring the titles of Peter I father of the fatherland, Emperor and Great. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta Seriya Gumanitarnye Nauki*. 2023; 165(1–2):109–118. (In Russ.)
9. Markov E. A. Technologies of Success: Election of the President of the Russian Federation in 2004. *Theory and Practice of Material Development*. 2015;(15):76–78. (In Russ.)
10. Alekseev R. A., Abramov A. V. Electoral absenteeism in Russia and ways to overcome it. *Bulletin of the Moscow State Regional University (electronic magazine)*. 2016;(4):1–18. (In Russ.)

11. Zuikov A. V. Administration of the President of Russia in 1996-2000: blossoming at sunset. *Comparative Constitutional Review*. 2012;4(89):140–159. (In Russ.)
12. Turovsky R. F. Regional features of the presidential elections 2000. *Herald of the Moscow University. Ser. 12. Political sciences*. 2000;(4):38–54. (In Russ.)
13. Shipov A. L. Factors of popularity of President V.V. Putin in the 2004 elections (analysis of regional differences). *Izvestia of the Russian State Pedagogical University named after Gerzen*. 2009;(106):230–240. (In Russ.)
14. Skorokhodova V. P. Presidential elections 2018 in the North Caucasus: prospects and risks. *National interests: priorities and security*. 2019;5(374):835–850. (In Russ.) <https://doi.org/10.24891/ni.15.5.835>
15. Bulgak O. V. Election strategy on the example of the presidential election on 4 March 2012. *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after. N. I. Lobachevsky*. 2013;2(1):261–265. (In Russ.)
16. Kynev A. V. March to December: how and what was different voting for the parties and their leaders in the 2011/2012. *Politbook*. 2012;(1):6–42. (In Russ.)
17. Vinogradova E. V. Referendum or All-Russian voting: on the form of approval of the 2020 amendments to the Constitution of the Russian Federation. *Eurasian advocacy*. 2020;4(47):75–78. (In Russ.)

Информация об авторах

В. П. Скорородова – кандидат политических наук, доцент кафедры конфликтологии и национальной безопасности, Институт социологии и регионоведения Южного федерального университета.

Я. А. Асланов – кандидат социологических наук, доцент кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований, Институт социологии и регионоведения Южного федерального университета.

Information about the authors

V. P. Skorokhodova – Cand. Sci. (Polit.), Associated Professor of the Department of Conflictology and National Safety, Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University.

Ya. A. Aslanov – Cand. Sci. (Sociology), Associate Professor of the Department of Theoretical Sociology and Methodology of Regional Studies, Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.04.2024; одобрена после рецензирования 13.05.2024; принята к публикации 14.05.2024.

The article was submitted 14.04.2024; approved after reviewing 13.05.2024; accepted for publication 14.05.2024.

Научная статья

УДК 316.75

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-258-266>

EDN JKZYUH

Непрерывное экологическое образование как ключевой фактор формирования экологической культуры детей и молодежи: дефициты и решения

Анна Константиновна Хаустова

Государственный университет управления, Москва, Россия, ak-khaustova@yandex.ru

Аннотация. На каких уровнях реализуется, на основе чего «строится» сегодня содержание современного экологического образования в нашей стране? Как влияет непрерывность экообразования на достижения высокого уровня экологической культуры населения? И, наконец, есть ли на данный государственный запрос встречный отклик в обществе, в частности у детей и молодежи, ориентирующий ее к экообучению и практическому участию в решении комплекса экологических проблем и обеспечения экологической безопасности?

Предпринимая попытку проанализировать государственные меры совершенствования экологического образования, автор выявляет дефициты и барьеры, предопределяет возможности для эффективного развития экологического образования в контексте его непрерывности с учетом формирования общественно-государственного запроса на экокультурную и профориентационную составляющую детей и молодежи.

Ключевые слова: экологическое образование, общее образование, среднее профессиональное образование, высшее образование, дополнительное образование, непрерывное образование, экологическая культура, экологическое просвещение

Для цитирования: Хаустова А. К. Непрерывное экологическое образование как ключевой фактор формирования экологической культуры детей и молодежи: дефициты и решения // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 2. С. 258–266. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-258-266>. EDN JKZYUH

Sociology Problems

Original article

Continuing environmental education as a key factor in the formation of the ecological culture of children and youth: deficits and solutions

Anna K. Khaustova

The State University of Management, Moscow, Russia, ak-khaustova@yandex.ru

Abstract. At what levels is the content of modern environmental education in our country being implemented and based on what is it being "built" today? How does the continuity of eco-education affect the achievement of a high level of ecological culture of the population? And, finally, is there a counter-response to this state request in society, in particular among children and youth, orienting them to eco-education and practical participation in solving a complex of environmental problems and ensuring environmental safety?

Attempting to analyze state measures to improve environmental education, the author identifies deficits and barriers, determines opportunities for the effective development of environmental education in the context of its continuity, taking into account the formation of a public-state request for the eco-cultural and career-oriented component of children and youth.

Keywords: environmental education, general education, secondary vocational education, higher education, additional education, continuing education, environmental culture

For citation: Khaustova A. K. Continuous environmental education as a key factor in the formation of the ecological culture of children and youth: deficits and solutions. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(2):258–266. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-258-266>. EDN JKZYUH

За последние 3 года Президентом России утверждено несколько «зеленых» поручений, затрагивающих широкий круг вопросов охраны природы, включая вопросы развития экологического образования как важнейшего института воспитания и подготовки кадров. И это неслучайно – низкий уровень экообразования и экологической культуры населения – один из внутренних вызовов Стратегии экологической безопасности Российской Федерации¹.

Ухудшение экологической обстановки сегодня способствует росту негативных социальных последствий – снижению качества жизни и здоровья населения, разбалансированию экономических, экологических, общественных интересов социальных групп.

При этом главным детерминантом нестабильности экологической обстановки выступает сам человек, воспитанный и социализированный в эпоху нравственно-духовного вакуума на потребительских ценностных ориентирах, и его повседневная деятельность, осуществляемая в диссонансе с законами природы из-за отсутствия системных экологических знаний об устройстве природы и гармоничном взаимодействии с ней.

Этот вывод подтверждается результатами исследования, организованного ВЦИОМ в марте 2023 года, согласно которым главным сдерживающим фактором улучшения экологической ситуации в России респонденты считают низкий уровень экологической культуры и ответственности самих граждан (42%)².

В нашей стране официально закреплена **система всеобщего комплексного экологического образования**, цель которой – «формирование экокультуры и повышение квалификации специалистов в области охраны окружающей среды»³. В законодательном контексте **экологическая культура** выступает интегральным результатом⁴ непрерывного экологического образования – необходимым условием перехода России к социально-экономическому развитию, консолидации усилий общества в решении экологических проблем.

Научное осмысление понятия «экологическая культура» связано с трудами пионера экосоциологии в России – О. Н. Яницкого. Под экологической культурой ученый понимает характер взаимоотношений человека и среды его обитания, называя экологическую культуру составной частью этики и морали, этическими основаниями отношений общества и среды его обитания, в которой оно живет и которую он формирует [1]. Вопросы разнообразных контекстов формирования и развития экологической культуры в российском обществе: исторического, политического, социального, ценностного, институционального, предполагающие системный, комплексный подход, поднимались указанным ученым в середине нулевых годов, а после его ухода из жизни в 2020 г., новые реалии, общественный и государственный запрос к развитию экологической культуры не являлись предметом специального и систематического научного интереса исследователей в области общественных наук.

Тем не менее, можно выделить ряд работ, авторы которых, анализируя проблемы экологического кризиса и состояния экологической культуры, делают акценты на внедрение экологического просвещения во все ступени системы образования [2], изучают целевую аудиторию экологического просвещения [3], дают оценку экологической грамотности населения [4], исследуют реализуемую представителями формального и неформального образования педагогическую деятельность и способы их взаимодействия с другими общественными институтами [5]. При том, что экологическое

¹ Указ Президента Российской Федерации от 19.04.2017 г. № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года».

² Экологическая ситуация в России: мониторинг <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ehkologicheskaja-situacija-v-rossii-monitoring-20230309?ysclid=ls9zjkzd98113262375> (дата обращения: 5.02.2024).

³ Ст. 71 ФЗ «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 № 7-ФЗ.

⁴ Концепция экологического образования в системе общего образования (одобрена решением федерального учебно-методического объединения по общему образованию, протокол от 29 апреля 2022 г. № 2/22 ПАО <https://docs.edu.gov.ru/document/3da3f2dbd81de632a44729cf4fc40ea9/?ysclid=ls9zlb0djd930123328>).

образование в нашей стране имеет более чем вековую историю и мощную институциональную и организационную основу, оформленную в юннатское движение, по данной тематике работ представлено также немного. В них поднимаются вопросы учебно-методического сопровождения юннатского движения и его идейных основ [6], а также рассматриваются возможности его воссоздания и потенциала как проводника традиционной ценностной парадигмы в условиях новой социальной реальности [7].

Говоря об экологической культуре как продукте-результате непрерывного экообразования, нельзя обойти стороной такое понятие как **«экологическое просвещение»**, под которым понимается деятельность¹, граничащая по целевому ориентиру с экообразованием и призванная содействовать формированию у населения экологической культуры, выраженной в бережном отношении к природе, рациональном использовании природных ресурсов. В экологическом просвещении экокультурные цели достигаются через распространение экологических знаний об экологической безопасности, информации о состоянии окружающей среды и об использовании природных ресурсов.

Вопросам содержания экологического образования и просвещения, особенно в контексте его непрерывного и комплексного характера посвящено значительное количество исследований ученых, представляющих педагогическую науку (И. Т. Суравегина, А. Н. Захлебный, Е. Н. Дзятковская и др.). Нужно отметить, что усилия коллег получили в настоящее время институциональную и законодательную поддержку государства.

Сегодня в экосистему экологического образования входит общее образование, профессиональное и дополнительное. Высшая школа также вносит существенный вклад, готовя специалистов «зеленых профессий».

В 2022 г. Институтом стратегии развития образования РАО разработана Концепция экологического образования в системе общего образования², целевым ориентиром которой становится обеспечение преемственности и непрерывности экологического образования по уровням общего образования.

Дошкольное образование выступает базовой ступенью, на которой закладываются основы экологической культуры, ценностно-мировоззренческие установки. Именно на этом этапе наблюдается наивысший пик живого интереса ребенка к природе, формируются знания об особенностях ее многообразия в разрезе Родного края, о роли человека в природе и взаимосвязях внутри природных сообществ³.

После обновления в 2022–2023 гг. федеральные государственные образовательные стандарты начального, основного и среднего общего образования (далее – ФГОС) стали более практикоориентированными – теперь они сочетают в себе как получаемое знание, так и необходимость его использования в учебных ситуациях и реальном жизненном контексте. В этой связи сегодня разработаны соответствующие примерные образовательные программы по уровням образования, предусматривающие применение экологических знаний для решения практических задач.

На уровне **начального общего образования** в рамках изучения учебного предмета «Окружающий мир» формируется ответственное отношение к природе и стремление действовать в окружающей среде в соответствии с нормами экологического поведения. По мнению И. Т. Суравегиной, ответственное отношения школьников к природе включает в себя 4 этапа: мотивационный; проблемно-исторический; научно-теоретический; практический, которые определяют архитектуру учебного «каркаса» – выделение специальных тем и уроков, полевых экологических практикумов, экскурсий [8]. Главным показателем эффективности экологического образования и воспитания становится формирование социальной и индивидуальной экологической ответственности за события в природе и жизни общества.

Изучение основ экологической грамотности продолжается на уровне **основного общего образования**. Так, при освоении таких учебных предметов как «Биология», «Химия», «Физика», «География» «Обществознание», «Основы безопасности жизнедеятельности» формирование ответственного отношения школьников к природе приобретает междисциплинарный характер. При этом обеспечивается развитие умений устанавливать и объяснять взаимосвязи социальных объектов,

¹ Ст. 71 ФЗ «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 № 7-ФЗ.

² Там же.

³ Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования <https://fgos.ru/fgos/fgos-do/?ysclid=ls9zoxjt5b415434253> (дата обращения: 1.02.2024)

явлений, процессов в различных сферах жизни общества, в том числе осознание своей роли как гражданина и потребителя в условиях взаимосвязи природной, технологической и социальной сред, готовность к участию в практической деятельности экологической направленности.

Стоит отметить, что федеральные программы также содержат требования к реализации курсов внеурочной и проектно-исследовательской деятельности и направлены на развитие экологической грамотности. Для этого сегодня разработаны и одобрены Минпросвещения России примерные программы учебных курсов: «Естествознание. Азбука экологии» (для 1-4 классов), «Экологическая культура, грамотность, безопасность» (для 5-9 классов), «Генетика» (для 10-11 классов).

Таким образом, можно сделать вывод, что результаты экологического образования в сфере общего образования становятся базовой основой для его продолжения на уровне профессионального образования. В то же время остаются вопросы к практике фрагментарной представленности экологического компонента в отдельных школьных предметах¹, доминирования аудиторных программ над практикоориентированными, а также к низкому уровню подготовки педагогических кадров, что приводит к ослабеванию связи содержания с реальными проблемами и не позволяет за время обучения сформировать у обучающегося целостное представление о влиянии человека на природу. Не менее важно на данном уровне образования обеспечить правильную, с точки зрения содержания, профориентационную работу обучающихся, нацеленную на осознанный приход в профессию.

Дополнительное образование

Еще один уровень образования, который сегодня находится в фокусе внимания государства – **дополнительное образование детей**.

В нашей стране данная система представлена 6 направленностями, в числе которых одна из самых наукоемких направленностей – естественнонаучная.

Свыше 21 тыс. организаций-провайдеров (от детских садов до университетов) реализуют сегодня спектр дополнительных программ эко-профиля с охватом свыше 3,1 млн детей и молодежи в возрасте от 5 до 18 лет.

С 2019 года в рамках нацпроекта «Образование» в регионах России на базе действующих станций юных натуралистов, эколого-биологических центров, особо охраняемых природных территорий создаются Экостанции². К концу 2023 г. открыто 60 Экостанций регионального и муниципального уровней в 59 субъектах Российской Федерации с охватом детей более 25 тыс. чел. Стоит подчеркнуть, что сегодня сеть Экостанции, действующих в поле дополнительного образования, становится базой для системного развития юннатского движения, возрождение которого сегодня обеспечивается Движением «Первых» по поручению Владимира Владимировича Путина³.

Система дополнительного образования детей, выступая одним из уровней образования в России, рассматривается сегодня как перспективный институт социализации личности, его профессиональной ориентации, является тем местом, которое быстрее всего реагирует на вызовы современности и запросы общества, в частности, выступает «клеем», связывающим систему общего образования со следующими ступенями профессионального образования.

Среднее профессиональное образование

Формирование экологических компетенций в системе среднего профессионального образования (далее – СПО) раскрывается через изучение дисциплин естественнонаучного цикла. В учебный план более 23 примерных образовательных программ среднего профессионального образования с недавнего времени включены учебные дисциплины «Экологические основы природопользования», «Экология».

В последние 2 года Минпросвещения России ведет работу по включению во все ФГОС СПО общей компетенции – «Содействовать сохранению окружающей среды, ресурсосбережению, применять

¹ Экологическое просвещение в школах: как устроено и кто за него отвечает. РБК:

<https://trends.rbc.ru/trends/green/600983cf9a79470d90f05d26?from=copy> (дата обращения 29.01.2024)

² Письмо Минпросвещения России от 29 сентября 2023 г. N АБ-3935/06 «О методических рекомендациях по формированию механизмов обновления содержания, методов и технологий обучения в системе дополнительного образования детей» <https://legalacts.ru/doc/pismo-minprosveshchenija-rossii-ot-29092023-n-ab-393506-o-metodicheskikh/?ysclid=lsa0cuzsg4619665775> (дата обращения: 4.02.2024)

³ Перечень поручений по итогам встречи Президента с участниками молодежного экологического форума «Экосистема. Заповедный край». <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/69791> (дата обращения 27.01.2024)

знания об изменении климата, принципы бережливого производства, эффективно действовать в чрезвычайных ситуациях».

В 2022 году разработана примерная рабочая программа дисциплины «Основы бережливого производства»¹ как обязательная часть социально-гуманитарного цикла². Данная дисциплина вносит вклад в формирование ранее упомянутой общей компетенции.

Начиная с 2021 года в примерные образовательные программы СПО внедряются примерные рабочие программы воспитания (далее – программа воспитания)³. В перечне личностных результатов реализации программы воспитания экологический компонент отражен как «Заботящийся о защите окружающей среды, собственной и чужой безопасности, в том числе цифровой».

Среди критериев достижения результата можно выделить участие студентов в исследовательской и проектной работе по экологическим проблемам, тематических конкурсах, олимпиадах; реализации экопросветительских программ, поисковых, археологических, краеведческих отрядов и других молодежных экологических объединений [9].

Таким образом, экологическая компетентность будущего выпускника колледжа в идеальном выражении являет собой органичное единство экологически развитого сознания, ответственного поведения и опыта применения полученных экологических знаний на практике. Такой результат сегодня можно достичь, если взят курс на максимальную практическую ориентированность обучения, а это и кадровое обеспечение, и инфраструктурный кластер образовательной организации, и его связка с российскими компаниями, научными центрами, в том числе научно-исследовательскими вузами и организациями реального сектора экономики.

В этом смысле, большие перспективы для повышения качества экологического образования, по нашему мнению, открывает инициатива «Профессионалитет» (одна из 42 стратегических социально-экономических инициатив⁴ Правительства Российской Федерации, призванная повысить качество жизни населения, поддержать молодых талантов), а также экосистема возможностей (конкурсов, событий, стажировок), предлагаемых ключевыми акторами государственного и общественного сектора в эконаправлении – Росмолодежью, Движением «Первых», Движением «Экосистема»⁵.

Экологическое образование в высшей школе

В настоящее время 369 университетов на территории всех регионов России готовят специалистов по самым разным экологическим направлениям. Подготовка кадров производится по таким образовательным программам, как: Экология и рациональное природопользование, Геоэкология, Агроэкология, Охрана природы, Урбоэкология, Экология моря, Промышленная экология, утилизация отходов и экологический менеджмент в химической и нефтехимической промышленности, экология и обеспечение безопасности человека и окружающей среды, Эколого-географические основы рекреации и туризма, Международные экономико-экологические проблемы, Экологический менеджмент в Арктике, Технологии оценивания экологических рисков и другие.

Стоит отметить, что сегодня профессия «эколог» перестает быть отдельной профессией, поскольку входящий в нее пакет компетенций становится все более универсальным для работников практически всех отраслей экономики и социальной сферы.

В свете этого встает необходимость совершенствования программ подготовки и переподготовки кадров по востребованным и перспективным направлениям в области междисциплинарных климатических и экологических исследований.

¹ Примерная рабочая программа учебной дисциплины «Основы бережливого производства» <https://spolab.ru/storage/SOOSPO/GsBHrmq3mllw12CcywEJA9bmy3fqS99wwGQW3W4l.pdf?ysclid=lsa0hytyzj505921007>

² Методические рекомендации по включению основ бережливого производства в образовательные программы среднего профессионального образования <https://irposakha14.ru/wp-content/uploads/2023/07/Методические-рекомендации-по-включению-основ-бережливого-производства-1.pdf?ysclid=ls7zznty9f62829762>

³ Примерная рабочая программа воспитания для образовательных организаций, реализующих программы СПО. <https://институтвоспитания.пф/upload/medialibrary/9fa/sbz3m7zq6lgedoraiwg3pxomgkubk9c6.pdf>

⁴ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 6 октября 2021 года №2816-р «Об утверждении Перечня инициатив социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 года». <http://government.ru/docs/43451/>

⁵ Официальный сайт Всероссийского экологического движения «Экосистема» <https://движениеэкосистема.пф>

В настоящее время Минобрнауки России ведется актуализация образовательных стандартов. Так, во все ФГОС высшего образования уровней «Бакалавриат» и «Специалитет» включена компетенция, формирующая у студентов способность создавать и поддерживать в повседневной и профессиональной деятельности безопасные условия жизнедеятельности для сохранения природной среды, в том числе при угрозе и возникновении чрезвычайных ситуаций, военных конфликтов¹. По мнению Минобрнауки², «новые стандарты, позволят вузам разрабатывать гибкие учебные программы с учетом требований рынка труда».

Не менее важно в данном вопросе наполнять такие программы практикоориентированным природоохранным содержанием, стимулировать молодежь к участию в экоактивностях, а также поддерживать ее мотивацию и интерес к апробации полученных знаний в рамках прохождения практик и стажировок, в том числе раннего трудоустройства в образовательные организации среднего и дополнительного образования в статусе молодых педагогов³. Как показывает практика, не менее важно профессионально «заражать» заботой к природе на реальных примерах личностей – носителей экообразовательных и экопросветительских практик.

Экосистема мероприятий

в сфере экологического образования детей и молодежи

В целях создания единой мероприятийной экоповестки для детей и молодежи с 2019 года Минпросвещения России совместно с Минприроды России, Минобрнауки России, Минсельхозом России, Минэнерго России, Росмолодежью ежегодно формирует Всероссийский сводный календарный план мероприятий⁴. По итогам 2023 г., более 9,5 млн обучающихся из 89 регионов России стали участниками мероприятий Календарного плана. Сам календарь включил в себя 61 событие федерального и межрегионального уровней. Стоит заметить, что по задумке Минпросвещения России, данный план должен был выступить инструментом селекции по выявлению экологически-значимых практикоориентированных мероприятий⁵, в том числе объединить организаторов, чьи мероприятия по своим смыслам и форматам дублируют друг друга, и сформировать тем самым последовательную – от уровня к уровню цепочку образовательных активностей для свободного выбора подростков и молодежи.

Тем не менее исследование ВЦИОМ⁶, проведенное в июне 2023 года, показывает, что российская молодежь в экомероприятия и экопрактики она вовлекается менее охотно, чем старшее поколение (18-24 лет – 47%, 25-34 лет – 60 %, 35-44 лет – 61%, 45-59 – 53%).

Ниже приведены барьеры и возможности в деле построения целостной системы непрерывного экологического образования в России, выделенные автором, в том числе и в результате проведения собственных социологических исследований, результаты которых были опубликованы ранее [10].

¹ Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 26 ноября 2020 г. № 1456 «О внесении изменений в федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования» // <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400719549/?ysclid=lxocdl7t921616130>

² «Единая Россия» предложила сформировать новый стандарт экологического образования в высшей школе <https://er.ru/activity/news/edinaya-rossiya-sovmestno-s-minobrnauki-predlozhila-sformirovat-novyy-standart-ekologicheskogo-obrazovaniya-v-vyshej-shkole?ysclid=luawjrx0vj118707434>

³ Студенты педагогических направлений подготовки получили право преподавать в школах <https://edu.gov.ru/press/2578/studenty-pedagogicheskikh-napravleniy-podgotovki-poluchili-pravo-prepodavat-v-shkolah/?ysclid=lub23dhkzs38274406>

⁴ Всероссийский сводный календарный план мероприятий, направленных на развитие экологического образования детей и молодежи в образовательных организациях, всероссийских и межрегиональных общественных экологических организациях и объединениях на 2023 год. <https://docs.edu.gov.ru/document/6cd782d4a0186ef7e09626f90b4f2540/?ysclid=lsa03cilcq16043871> (дата обращения 27.01.2024)

⁵ Порядок формирования Всероссийского сводного календарного плана мероприятий, направленных на развитие экологического образования детей и молодежи. Сайт ФГБОУ ДО ФЦДО [Электронный ресурс: <https://fedcdo.ru>]

⁶ Экоактивизм: вовлеченность мотивация потенциал. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ehkoaktivizm-vovlechennost-motivaciya-potencial?ysclid=lsa1tunlmd437470269> (дата обращения: 1.02.2024)

Таблица 1 – Развитие непрерывного экологического образования в России

Table 1 – Development of Continuing Environmental Education in Russia

БАРЬЕРЫ	ВОЗМОЖНОСТИ
Общее и дополнительное образование	
Фрагментарная представленность экологического компонента в отдельных школьных предметах, доминирование «аудиторных» программ над практикоориентированными не позволяют сформировать у обучающегося целостного комплекса знания о взаимодействии природы и общества, девальвирует его интерес к выбору экопрофессии в будущем	Расширение форм практической работы, включая связь с программами дополнительного образования (практикумы, экспедиции, походы, полевые школы и т.д.), распространение методов «гражданской науки», развития научного и экологического волонтерства
Недостаточный охват школьников дополнительным экологическим образованием	Налаживание тесного и системного взаимодействия школ с организациями дополнительного образования в части реализации программ естественнонаучного цикла
«Слабое» обновление содержания реализуемых в настоящее время программ, которые одновременно учитывали бы индивидуальные возможности и интересы ребенка, запросы государства и реального сектора экономики	Расширение спектра программ, связанных с приоритетными направлениями (генетика, астрономия, экология, природопользование, лесное дело, сельское хозяйство), разрабатываемых с участием представителей науки, индустриальных партнеров, НКО
Отсутствие универсального пакета методик работы для обеспечения регулятивного плана работы эко-клубов и кружков юннатов на базе школ и организаций дополнительного образования	Разработка нормативно-инструктивной, программно-методической продукции совместно с научными центрами и передовыми индустриальными партнерами по приоритетным направлениям
Несоответствие темпа обновления материально-технической базы темпам развития науки и технологий в условиях больших вызовов	Привлечение финансирования (грантодателей, инвесторов, учредителей) для обновления материально-технической базы. Создание образцово-показательной (универсальной) модели «Экостанция» в Камчатском крае, ее масштабирование в другие регионы
Мероприятийный «перегруз», связанный с распылением ресурсов (организационных, финансовых) на проведение идентичных по содержанию и формам активностей	Использование инструмента мероприятийного «селективного финансирования» при формировании Всероссийского сводного плана экологических мероприятий на основе выработанных критериев отбора
Непопулярность зеленых профессий и отсутствие престижа молодого ученого в детско-молодежной среде	Повышение компетенций педагогических работников, экологическое просвещение родительского общества; организация встреч в формате «Открытый диалог» с носителями экопрактик, специалистами в области экологического образования
«Старение» кадров, отсутствие системного профессионального «трансфера» учащейся молодежи в систему дополнительного образования в статусе молодых специалистов	Разработка пилотной программы по вовлечению, сопровождению и продюсированию карьерной траектории студентов, обучающихся на предвыпускных и выпускных курсах для трудоустройства организации дополнительного образования и получения первого профессионального опыта; повышение экологических компетенций всех педагогических работников через знакомство с эффективными технологиями и средствами реализации целей экообразования

Продолжение табл. 1
Continuation of the table 1

Профессиональное образование	
Несовершенство содержания образовательных программ и отсутствие в них практикоориентированной составляющей	Раннее трудоустройство учащейся молодежи в школы и организации дополнительного образования, связь с рынком труда через развитие системы практик и стажировок с профильными промышленными партнерами
Несоответствие темпа обновления материально-технической базы темпам развития науки и технологий в условиях больших вызовов	Привлечение финансирования (грантодателей, инвесторов, учредителей) для обновления материально-технической базы. Включение образовательных организаций среднего и высшего образования в федеральный проект «Профессионалитет» и нацпроект «Наука и университеты» соответственно.
Низкий процент вовлеченности молодежи в экособытия в условиях их многообразия; высокий уровень экопотребительского нигилизма	Развитие просветительского и культурного контента (социальные рекламы, художественные фильмы) и его продвижение (в том числе через рекламный вброс) в социальных сетях

Анализируя работу по формированию непрерывного экологического образования в России, мы пришли к следующим выводам:

1. Запрос на экологическое образование со стороны подрастающего поколения и молодежи пока остается на низком уровне из-за низкого уровня экологической культуры. Причиной этому выступает отсутствие сформированной палитры экоценностей личности на природосбережение. Стоит отметить, что экологическое образование должно непременно опираться на ценностную компоненту, постоянное обращение к которой в конечном итоге приведет к формированию экологической культуры личности.

2. Экологическая культура интегрируется практически во все сферы жизнедеятельности. В связи с чем содержание современного экообразования должно быть интегрированным, приводить к формированию «трехмерного» мышления обучающихся, которое следует понимать как умение сбалансировать экологические, социальные, экономические интересы и рассмотреть любую ситуацию, предмет через призму естественнонаучного, социально-гуманитарного и технического знания.

3. Движение юннатов, выступая величайшим советским образовательным экспериментом, становится сегодня мощным инструментом для институционализации системы экологического образования в России, а сеть формирующаяся в России сеть Экостанций – его образовательно-инфраструктурной базой.

Таким образом, высокий уровень экологической культуры детей и молодежи, может быть достигнут при выполнении условия последовательно реализуемой политики по совершенствованию системы экологического образования и просвещения всех слоев населения с учетом трех базисных принципов – целостности, непрерывности, системности.

К сожалению, в России еще не сформирована непрерывная система экологического образования на всех уровнях образования (школа/организация дополнительного образования – колледж/университет). Создание такой системы необходимо включать в перечень приоритетных задач, требующих особого внимания.

Эффективному развитию непрерывного экологического образования в этом ключе способствовала бы разработка и утверждение федерального проекта по экологическому образованию и просвещению, наличие которого синхронизировало бы ресурсы, укрепило горизонтальные связи, межведомственную коммуникацию в интересах сбалансированного развития общества и природы, в интересах достойного будущего будущих поколений.

Список источников

1. Яницкий О.Н. Экологическая культура: очерки взаимодействия науки и практики / О.Н. Яницкий; Ин-т социологии РАН. – М.: Наука, 2007. – 271 с. С. 6.
2. Искендерова С.М. Экологическое просвещение и анализ педагогического опыта / С.М. Искендерова // Наука и школа. 2020. № 3. С. 100–114.
3. Тарасова О.Н. Подростковая аудитория экологического просвещения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 2. С. 193–207.

4. Шахмарданов З. А. Экологическое образование, просвещение и воспитание населения // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Психолого-педагогические науки. 2008. № 3. С. 79–85.

5. Левченко Н. В., Роговая А. В. Экологическое образование как условие формирования человеческого потенциала // Вопросы управления. 2023. Т. 17. № 2 С. 45-57.

6. Заяц П. В., Зинченко Я. Г., Хаустова А. К. Идеологическая основа и учебно-методическое сопровождение юннатского движения (1918–1991 гг.) // Гуманитарий Юга России. 2023. Том 12. № 4. С. 147-159.

7. Заяц П. В., Зинченко Я. Г., Хаустова А. К. Юннатское общественно-политическое движение как проводник традиционной ценностной парадигмы в условиях новой социальной реальности // Гуманитарий Юга России. 2023. Том 12. № 6. С. 85-94.

8. Винокурова Н. Ф., Ермаков Д. С. Вклад Ирины Трофимовны Суравегиной в методологию, теорию и методику непрерывного экологического образования // Непрерывное образование: XXI век. 2021. Вып. 2 (34).

9. Емец Е. А., Янахов Д. Ф. Молодежный обзор: анализ проблем экологического состояния России и предложения по улучшению ситуации. М.: Издательство «Перо», 2023. 76 с.

10. Зинченко Я. Г., Понамарёв А. Б., Хаустова А. К. Состояние развития практик экологического просвещения в России: по материалам качественных исследований // Caucasian Science Bridge. 2023. Т. 6. Вып. 4. С. 113–124.

References

1. Yanitsky O. N. *Ecological culture: essays on the interaction of science and practice*. Moscow: Nauka; 2007. 271 p. (In Russ.)

2. Iskenderova S.M. Environmental education and analysis of pedagogical experience. *Science and school*. 2020;(3):100–114. (In Russ.)

3. Tarasova O. N. Teenage audience of environmental education. *Monitoring public opinion: economic and social changes*. 2016;(2):193–207. (In Russ.)

4. Shakhmardanov Z. A. Ecological education, enlightenment and education of the population. *Izvestiya of Dagestan State Pedagogical University. Psychological and pedagogical sciences*. 2008;(3):79–85. (In Russ.)

5. Levchenko N. V., Rogovaya A.V. Environmental education as a condition for the formation of human potential. *Management issues*. 2023;17(2):45–57. (In Russ.)

6. Zayats P. V., Zinchenko Ya. G., Khaustova A. K. The ideological basis and educational and methodological support of the Yunnatsky movement (1918-1991). *Humanities of the South of Russia*. 2023;12(4):147–159. (In Russ.)

7. Zayats P. V., Zinchenko Ya. G., Khaustova A. K. The Yunnatsky socio-political movement as a conductor of the traditional value paradigm in the conditions of a new social reality. *Humanities of the South of Russia*. 2023; 12(6):85–94. (In Russ.)

8. Vinokurova N. F., Ermakov D. S. Irina Trofimovna Suravegina's contribution to the methodology, theory and methodology of continuous environmental education. *Continuous education: XXI century*. 2021;2(34). (In Russ.)

9. Yemets E. A., Yanakhov D. F. *Youth review: analysis of the problems of the ecological state of Russia and suggestions for improving the situation*. Moscow: Publishing house «Pero»; 2023. 76 p. (In Russ.)

10. Zinchenko J. G., Ponomarev A. B., Khaustova A. K. The state of development of environmental education practices in Russia: based on the materials of quality research. *Caucasian Science Bridge*. 2023;6(4):113–124. (In Russ.)

Информация об авторе

А. К. Хаустова – преподаватель кафедры государственного и муниципального управления ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», директор Точки кипения ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», член Координационного совета Всероссийского экологического движения «Экосистема».

Information about the author

A. K. Khaustova – Lecturer at the Department of Public and Municipal Administration of The State University of Management, Director of the Boiling Point of the State University of Management, member of the Coordinating Council of the All-Russian Ecological Movement «Ecosystem».

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 04.04.2024; одобрена после рецензирования 20.05.2024; принята к публикации 21.05.2024.

The article was submitted 04.04.2024; approved after reviewing 20.05.2024; accepted for publication 21.05.2024.

Научная статья

УДК 316

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-267-276>

EDN KCCYSX

Уральский федеральный округ: территории и политическая культура государственных гражданских и муниципальных служащих

Наталья Геннадьевна Хорошкевич

Уральский федеральный университет им. первого Президента РФ Б. Н. Ельцина, Екатеринбург,
Россия, natali.khoroshckewitch@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4139-5654>

Аннотация. В статье исследуется политическая культура государственных гражданских и муниципальных служащих конкретной территории РФ – Уральского федерального округа. Цель исследования – выявить территории УрФО с наиболее развитой политической культурой у государственных гражданских и муниципальных служащих. Автор придерживается известного утверждения о взаимосвязи факторов, влияющих на политическую культуру, – это экономический и образовательный. К этим факторам им добавлен – еще и научный, так как сегодня в информационном обществе наука во многом определяет развитие экономики. В ходе исследования наиболее успешными по совокупности всех факторов оказались Свердловская и Челябинская области. Исключение составляют ХМАО и ЯНАО, где выше всего уровень жизни, оплаты труда, отличное снабжение за счет развития добычи нефти и газа, но там отстают показатели по уровню развитию образования и науки.

Ключевые слова: политическая культура, государственные гражданские и муниципальные служащие, экономика, образование, наука

Для цитирования: Хорошкевич Н. Г. Уральский федеральный округ: территории и политическая культура государственных гражданских и муниципальных служащих // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 2. С. 267–276. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-267-276>. EDN KCCYSX

Sociology Problems

Original article

Ural federal district: territories and political culture of state civil and municipal employees

Natalia G. Khoroshkevich

Ural Federal University named after the first President of the Russian Federation B. N. Yeltsin, Ekaterinburg,
Russia, natali.khoroshckewitch@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4139-5654>

Abstract. The article studies the political culture of state civil and municipal employees of a specific territory of the Russian Federation – the Ural Federal District. The purpose of the study is to identify UrFO territories with the most developed political culture among state civil and municipal employees. The author maintains a well-known statement about the interrelation of factors influencing political culture – it is economic and educational. To these factors, they added – and also scientific, because today in the information society, science largely determines the development of the economy. In the course of the study, the Sverdlovsk and Chelyabinsk regions were the most successful in terms of all factors. The exceptions are the Khanty-Mansiysk Autonomous District and Yamal-Nenets Autonomous District, which have the highest standard of living, wages and excellent supplies due to the development of oil and gas production, but the level of education and science development lags behind.

Keywords: political culture, state civil and municipal employees, economy, education, science

For citation: Khoroshkevich N. G. Ural federal district: territories and political culture of state civil and municipal employees. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(2):267–276. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-267-276>. EDN KCCYSX

Введение

На новом современном этапе общественного развития, когда Россия и ряд других стран вступили в общество знаний, меняются требования к государству и его служащим. Происходят изменения в данной социально-профессиональной группе, которые затрагивают все ее основные характеристики, в том числе и сферу политических взаимодействий. Последняя также важна для представитель этой группы, несмотря на ряд законодательных ограничений для них в этой сфере, так как они принимают политические решения и их реализуют. В этой связи изучение политической культуры данной социальной общности актуально в позиций разных наук, в том числе – социологии, так как последняя рассматривает отношения в сфере политики с точки зрения взаимодействия акторов.

В статье рассматривается политическая культура государственных гражданских и муниципальных служащих Уральского федерального округа (УрФО) в зависимости от состояния той или иной его территории. В настоящее время социологии давно известно, что факторы политической, экономической, образовательный – взаимосвязаны [1]. Это основные факторы. Однако сегодня не стоит сбрасывать со счетов развитие такого фактора как наука. На ее значение в постиндустриальном обществе, а теперь информационном, указал еще Д. Белл в своей работе «Грядущее постиндустриальное общество: на пути к другому модерну». Тогда в Уральском федеральном округе самый высокий уровень политической культуры у государственных гражданских и муниципальных служащих территории, где имеют место самые высокие результаты по вышеназванным четырем критериям.

Для того, чтобы выявить такую территорию в УрФО, автором статьи были проанализированы статистические данные всех автономных округов и областей УрФО по показателям: экономика, наука, образование. Опрос населения и государственных гражданских и муниципальных служащих не проводился. В качестве критериев оценки политической культуры муниципальных и государственных гражданских служащих были взяты политическая деятельность, а точнее такие ее критерии как партийность (в какой партии), участие в выборах, ход предвыборных кампаний, действия глав территорий в период своего функционирования на посту по кадровым вопросам, связанных с политической ситуацией в данной территории. В качестве критерия оценки политической культуры населения был взят – это участие в выборах, и за какую партию проголосовали.

В ходе исследования для анализа материалов автор применил метод анализа документов: классический. В работе были использованы материалы из интернет источников. Это – статистические данные, анонсы политических новостей информационных агентств, газетные статьи (интернет-версии) данные Википедии о наиболее влиятельных представителей властных структур и бизнеса (в какой партии состоят), данные избирательных комиссий, которые размещены на их сайтах. Также были использованы материалы научных статей.

Обсуждения

Уральский федеральный округ расположен в глубине Евразийского континента на границе Европейского и Азиатского субконтинентов. Территория округа занимает площадь 1818,49 тыс. кв. км. Численность населения округа превышает 12,255 млн человек¹. Округ занимает по площади третье место в стране после Дальневосточного и Сибирского.

Уральский федеральный округ (УрФО) включает в себя 6 субъектов Российской Федерации – Курганскую, Свердловскую, Тюменскую и Челябинскую области, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа.

Уральский федеральный округ – это один из наиболее богатых регионов Российской Федерации по залежам и добыче полезных ископаемых. В большинстве его субъектов расположены даже по мировым меркам большие запасы минерального сырья. Преимущественно это нефтегазовые месторождения. Месторождения газа составляют 90% всех запасов газа в РФ. Месторождения нефти УФО составляют 60% ее запасов по стране². Преимущественно эти месторождения расположены

¹ Уральский федеральный округ. Сайт полномочного представителя Президента РФ в Уральском федеральном округе. - URL: <http://uralfo.gov.ru/district/> [дата обращения – 25.07.2023].

² Уральский федеральный округ: Итоги уходящего года и планы на 2022 год. - URL: <http://uralfo.gov.ru/media/files/file/s6E4qbYPPVqYNrnG51M9jdLORZbaERyyn.pdf> [дата обращения - 24.03.2024].

на территории автономных округов. Также в округе добывают марганец, железо), золото, медь, железные и цветные руды, торф, асбест, нерудные строительные материалы, драгоценные и полудрагоценные камни. Согласно данным рейтинга Федеральной службы государственной статистики, абсолютным лидером по добыче полезных ископаемых является¹.

В экономике УрФО развиты положение топливно-энергетический комплекс, черная и цветная металлургия, машиностроение, развита атомная промышленность, сельское хозяйство, транспорт. УрФО – первый среди округов в РФ по добыче нефти за счет расположенных в нем Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого округов [2].

По числу предприятий в УрФО лидирует Свердловская область (116235) [3, с. 516-517]. Предприятий, занимающихся обработкой полезных ископаемых, – 22674, внутри округа лидируют Свердловская (9980) и Челябинская области (7483) [3, с. 198]. Меньше всего предприятий и организаций в ЯМАО. Всего – 8252. Хотя в ХМАО насчитывалось в это же время 29424. Этот округ также входит в Тюменскую область [3, с. 517].

Самый низкий среднедушевой доход в Курганской области – 23747 руб. в месяц на одного человека [3, с. 198]. Наиболее высокий среднедушевой доход в УФО в ЯМАО. Он составляет 96814 руб. в месяц на одного человека, он на втором месте по РФ, в ХМАО – 57012 руб. и в Свердловской области – 40275 руб. Самый низкий доход в Курганской области – 23747 руб. [3, с. 198–200].

Средняя зарплата в УрФО выше, чем по РФ. Это – за счет автономных округов, где развита добыча полезных ископаемых (нефти и газа). В ЯМАО в 2021 году средняя заработная плата составила 116376 руб., в ХМАО – 85447 руб. В областях округа заработная плата была меньше, чем в среднем по РФ. Пенсии в этот период в УрФО были на 1000 рублей выше, чем в среднем по РФ. Численность пенсионеров в Курганской и Свердловской области выше, чем по РФ, в остальных областях и округах – ниже, чем по стране [3, с. 200].

Исследователи уже достаточно давно отмечают, что Свердловская и Челябинская области по ряду экономических показателей находятся достаточно близко в сравнении с другими территориями УрФО [4, с. 102–124]. Например, С. П. Земцовым и В. А. Бариновой оба уральских региона отнесены к «специализированным креативным регионам», которые авторы определяют как «регионы среднего потенциала с сохранением высокого научно-производственного потенциала» [цит. по: 4]. Сегодня такое положение дел сохраняется. Свердловская область по ряду экономических показателей находится впереди Челябинской. Хотя ряд показателей, связанных с уровнем жизни населения выше в Челябинской области. Например, число субсидий по оплате коммунальных услуг, социальная поддержка по оплате ЖКХ, численность безработных, численность незанятых граждан в поисках подходящей работы (по данным службы занятости, численность мигрантов [5, с. 43–55].

Больше всего организаций в сфере науки и образования приходится на Свердловскую область. По данным Статистического ежегодника «Регионы России» в 2022 году количество научных организаций составило 138, в Челябинской области – 65. Меньше всего вузов – в Курганской области – 12 [3, с. 919].

В Свердловской области – 20 вузов², Челябинской области – 11³ вузов, Тюменской области – 8⁴, Курганской – 3⁵. Больше всего студентов обучаются в Свердловской области – 119,5 тыс. человек [3, с. 343]. Меньше всего в ЯНАО – 0,2 тыс. чел. [Там же]. Всего в Урфо обучалось в 2023 г. – 282 тыс. чел. [Там же].

¹ Аникиенко Е. Урал стал российским лидером по добыче полезных ископаемых // Южно-уральская панорама: газета. URL: <https://up74.ru/articles/news/146087/> [дата обращения – 24.02.2024].

² Список высших учебных заведений Свердловской области. Википедия. - URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0%BE%D0%BA_%D0%B2%D1%8B%D1%81%D1%88%D0%B8%D1%85_%D1%83% [дата обращения – 05.03.2024].

³ Список высших учебных заведений Челябинской области. Википедия. - URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%92%D1%8B%D1%81%D1%88%D0%B8%D0%B5_%D1%83%D1%87%D0%B5%D0%B1%D0%BD%D1%8B%D0%B5_%D [дата обращения – 05.03.2024].

⁴ Список высших учебных заведений Тюменской области. Википедия. - URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0%BE%D0%BA_%D0%B2%D1%8B%D1%81%D1%88%D0%B8%D1%85_%D1%83% [дата обращения – 05.03.2024].

⁵ Список высших учебных заведений Курганской области. Википедия. - URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0%BE%D0%BA_%D0%B2%D1%8B%D1%81%D1%88%D0%B8%D1%85_%D1%83% [дата обращения – 05.03.2024].

Итак, регионы, входящие в УФО достаточно различны: по полезным ископаемым, уровню развития науки и техники, образования, доходам населения и т.д. Самая передовая территория по выделенным выше в статье показателям, влияющим на политическую культуру, – это Свердловская область. Это – экономический, научный, образовательный. В области присутствуют четко выше всего два показателя: наука и образование. По двум остальным – она находится после автономных округов. Но, там наука и образование имеют не высокие показатели, тогда самая успешная территория по этим трем критериям – это Свердловская область, на втором месте – Челябинская.

Как было отмечено выше, факторы экономического, образовательный научный и политический взаимосвязаны, взаимовлияют друг на друга. Если у трех из них уровень довольно высокий, то с большей вероятностью, уровень четвертого также окажется высоким, и наоборот, если три факторы достаточно низкие, то четвертый – тоже окажется низким. Учитывая вышеприведенные статистические данные, такой территорией можно предположить, что наиболее высокий уровень политической культуры в Свердловской области.

Теперь о вопросе исследования политической культуры в УрФО. В настоящее время отсутствуют социологические исследования, касающиеся политической культуры территорий УрФО, а также – политической культуры его представителей властных структур. Есть исследования по тому или иному ее аспекту для той или иной социальной группы.

Выборы в органы местного самоуправления, прошедшие в 2023 г., показали низкую политическую активность жителей Свердловской области. Это показывает низкая явка избирателей на выборы в Екатеринбургскую городскую думу VIII созыва (9 и 10 сентября 2023 г.). Явка составила чуть более 20%. Победила партия "Единая Россия". Как отмечает данный источник, за последние 19 лет самый высокий показатель явки был – 33,6¹. Екатеринбургцы неохотно принимают участие в выборах, несмотря на высокую протестную активность в период пандемии.

Население, его политические ценности, деятельность, политические традиции территории, не могут не влиять на местных чиновников. А согласно анализу территорий УрФО, самое политически развитое население должно быть в Свердловской области (так как здесь выше четыре названных критерия), тогда как следствие – самые политически передовые чиновники. О населении уже было сказано выше – наиболее активное и требовательное в политическом плане в сравнении с населением в других территориях УрФО.

Сегодня руководство Свердловской области проявляет свою политико-административную активность. В 2022 г. прошедшие выборы Губернатора Свердловской области показали низкую явку избирателей. Всего проголосовало около 25% избирателей². Эксперты объясняют низкую явку низкой конкуренцией³. Хотя в этом может быть есть и недостаток, когда выборы безальтернативны. Конкуренция всегда подстегивает, и кандидаты предлагают больше выгод избирателям.

С 2023 г. в Свердловской власти начинают действовать новые правила политической игры. Отныне мэры, пытающиеся выбить финансирование у «области», могут рассчитывать на деньги только в том случае, если подтвердили свою полезность для главы региона Евгения Куйвашева, а именно – какие результаты территория показала на выборах депутатов Госдумы в 2021-м и губернатора в 2022-м.⁴ Таким образом, руководство Свердловской области пытается укрепить свою власть, увеличить свое влияние в области. Политически оно активно.

Осенью 2023 г. в Екатеринбурге состоялись выборы в местную городскую Думу. В выборах принимали участие кандидаты от шести политических партий: «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР, «Яблоко», «Справедливая Россия – За правду», «Новые люди». Предвыборная компания проходила неоднозначно. Были зафиксированы факты об оказании давления на некоторых кандидатов от партий

¹ Александрович Д. В Екатеринбурге зафиксировали самую низкую явку на выборах в гордуму за последние 10 лет. Российский интернет-портал. 66.ru - URL: <https://66.ru/news/politic/267018/> [дата обращения – 27.02.2024].

² Свечков Д., Галимов О. Низкая явка и минимум нарушений: в Свердловской области завершились выборы. // Газета «Комсомольская правда». 2022. 11 сентября. <https://www.ural.kp.ru/daily/27443.5/4646177/> [дата обращения – 02.03.2024].

³ Сергеев И. Команда Куйвашева меняет правила игры для свердловской элиты // URA.RU: информационное агентство. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/275856227> [дата обращения – 02.03.2024].

⁴ Там же.

(«Яблоко» и КПРФ)¹. Несмотря на низкую явку избирателей, ЕР укрепила свои позиции. По итогам выборов, партия Единая Россия с 19 мест в Думе (итоги прошлых выборов) получила в этот раз 27 мест. Неожиданный успех был у ЛДПР – она на втором месте, но со значительным отрывом от «Единой России». КПРФ и «Справедливая Россия» заметно сдали свои позиции².

Однако на выборах Президента РФ весной 2024 года Свердловская область показала очень высокую явку избирателей – 71,5%. За действующего на момент выборов Президента РФ В. В. Путина проголосовало 82,09%.

Причины такой явки можно объяснить следующими причинами. Во-первых, руководство области отлично справилось с проблемой явки избирателей. Это – корпоративная мобилизация (сразу несколько предприятий отчитались о явке более чем 90%). Сыграли роль дистанционное электронное голосование, проведение викторины «Опорный край»³.

По мнению политолога А. Швайгерта, популярность В.В. Путина можно объяснить тем, что на фоне спецоперации РФ на Украине протестные настроения в регионе «частично утихли». Политические взгляды многих радикально настроенных граждан «сделали разворот на 180 градусов»⁴.

Согласно версии Бизнес-журнала «Урал» за 2022 год самыми влиятельными людьми Свердловской области признаны Губернатор Свердловской области Е. Куйвашев, мэр г. Екатеринбурга А. Орлов, начальник управления ФСБ России по Свердловской обл. И. Николаев, полномочный представитель президента РФ в УрФО В. Якушев, вице-губернатор Свердловской области О. Чемезов, бизнесмены: И. Алтушкин, А. Козицин, Д. Пумпянский, заместитель главы Екатеринбурга Р. Галямов⁵. Это десять наиболее влиятельных лиц свердловской области. На самых первых местах находятся чиновники – политико-управленческая элита области и города. Только затем уже – представители бизнеса. При этом эти бизнесмены проживают на территории Свердловской области.

Ключевые фигуры во властных структурах области связаны с партией «Единая Россия». Если проанализировать данные об остальных влиятельных людях области из данного списка (а их 100 человек), то представителей государственных структур окажется все-таки больше, чем представителей бизнеса. Владельцев и крупных менеджеров в частных компаниях примерно 40% от всего числа тех, кто входят в 100 топ влиятельных людей. Остальные 60% – это представители властных структур, силовых структур, государственных учреждений, НКО. Представителей государственного и муниципального управления немного тоже около 40%.

По данным этого же источника, Представители бизнеса реже состоят в политических партиях – примерно только половина из них. Это – 19% от всей исследуемой совокупности. Немного менее половины из них состоит в партии «Единая Россия». Остальные являются членами других политических партий.

Чиновники чаще становятся членами политических партий (примерно две трети из данной совокупности), и почти все они состоят в «партии власти» «Единая Россия». Гораздо реже кто-либо из них становится членом какой-то другой партии и выдвигается от нее в представительные органы власти. Но, это только чиновники, занимающие руководящие посты. В СМИ, интернете ничего не говорится о политической культуре, или хотя бы политической активности чиновников среднего звена и рядовых сотрудников. Для этого необходимо проводить отдельное социологическое исследование, где должен использоваться метод опроса.

Учитывая вышесказанное, в Свердловской области политические события лучше всего отражены в интернете (в сравнение с другими территориями Уральского федерального округа). Крупный,

¹ В интернете о политической жизни в Свердловской области можно найти информацию не только о достоинствах, но и недостатках местной политики, отмеченных в СМИ. Это говорит об определенной «прозрачности» протекания политических процессов, объективности их освещения в СМИ.

² Выборы в Екатеринбургскую городскую думу. Википедия. - URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%92%D1%8B%D0%B1%D0%BE%D1%80%D1%8B_%D0%B2_%D0%95%D0%BA%D0%B0%D1%82%D0%B5%D1%80%D [дата обращения – 02.03.2024].

³ Казакова Д., Аллаяров Д. Самый сложный регион Урала дал Путину рекордную поддержку Информационное агентство URA.RU 18 марта 2024. URL: <https://ura.news/articles/1036288563> [дата обращения – 30.03.2024].

⁴ Там же.

⁵ Топ 100 влиятельных людей Свердловской области // Бизнес-Журнал. Урал. 2022. - URL: <https://top100region.ru/ek> [дата обращения – 02.11.2023].

средний и малый бизнес также активно участвуют в политической жизни области через своих представителей. Это говорит о тесном взаимодействии бизнеса и властных структур. Все это свидетельствует о политической активности высокопоставленных чиновников. Политическая активность рядовых государственных и муниципальных служащих в интернете, в новостных сообщениях не отражена.

На втором месте в Уральском федеральном округе по уровню развития образования, науки, экономике (после автономных округов) находится Челябинская область. Тогда, учитывая гипотезу исследования, она же должна находиться по уровню политической культуры чиновников на втором месте.

За последние несколько лет в Челябинской области произошли политические изменения. Выбран новый глава области, и вместе с этим событием произошла смена в политической элите. С весны 2019 года регион возглавляет переведенный на эту должность из федерального министерства А. Текслер, а с ноября прошлого года мэром административного центра – Челябинска – стала представитель традиционной административной элиты региона Н. Котова. В Челябинской области произошла смена региональной элиты. Это, как известно, закономерный процесс, который происходит всегда при смене первого лица. Кроме того, часть самых влиятельных людей региона подошли к возрасту, когда уже естественно снижение деловой активности (либо под либо за 70 лет). Ушли в тень группы которые, активно влияли на политическую жизнь региона при бывшем губернаторе¹. А. Текслер, сегодняшний губернатор стал секретарем местного отделения «Единой России». Н. Котова держится в группе нового губернатора. На откуп местной мэрии отданы для решения вопросы МО².

В 2023 году в Челябинской области также прошли выборы в органы местного самоуправления. В выборах участвовали кандидаты от партий «Единая Россия», «Справедливая Россия» и самовыдвиженцы. Победила партия «Единая Россия» (97,8% избирателей)³. Явка избирателей составила 30%⁴.

Явка на выборах Президента РФ в Челябинской области составила 79,03%, уточняется в сообщении. «Промежуточные итоги голосования по состоянию на 18 марта 2024 года на 10.00 (08.00 мск). Обработано 100% протоколов, 4,9% – Владислав Даванков, 84,32% – Владимир Путин, 3,49% – Леонид Слуцкий, 5,4% – Николай Харитонов», – говорится в сообщении комиссии в Telegram-канале⁵. Челябинская область и до выборов Президента 2024 года показывала достаточную политическую активность и поддержку партии власти. Лояльность к партии власти показывали выборы прошлых лет. Группа местных представителей властных структур, принимающих политические решения местного уровня, и ранее работала в этом направлении.

Владельцы большинства крупных предприятий области проживают за ее пределами и не являются публичными политическими фигурами Челябинской области. В качестве местных политических игроков наибольшим влиянием обладают владельцы предприятий (меньшая часть крупных предприятий области), проживающих в Челябинске или Челябинской области. Это – «Группа РМК», А.М. Аристов, В. Рашников, К. Струков, С. Коростылев⁶.

Налицо сращивание политической и экономической власти. При этом такие контакты у местных чиновников есть не только с местными крупными бизнесменами, но и с представителями властных структур федерального значения. Большинство из перечисленных ключевых фигур местных

¹ Моргулес Д. Челябинские элиты: трансформация ландшафта // ЕАН: информационное агентство. 21.09.2020. - URL: https://eanews.ru/news/chelyabinskiye-elity-transformatsiya-landshafta_21-09-2020 [дата обращения - 25.07.2023].

² Там же.

³ Челябинская область: электоральная ситуация, динамика развития, трансформация элит. // Агентство политических и экономических коммуникаций. 03.08.2020. - URL: <https://regcomment.ru/reports/chelyabinskaya-oblast-elektoralnaya-situatsiya-dinamika-razvitiya-transformatsiya-elit/> [дата обращения - 25.07.2023].

⁴ Васин В. Выборы в Челябинской области завершились разгромом оппозиции // URA.RU: информационное агентство. - URL: https://ura.news/news/1052684104_03/03.2024 [дата обращения - 02.02.2024].

⁵ Путин победил на выборах в Челябинской области с 84,32 процента голосов Информационное агентство РИА-НОВОСТИ 18.03.2024 <https://ria.ru/20240318/putin-1933898910.html> [дата обращения 30.03.2024].

⁶ Моргулес Д. Челябинские элиты: трансформация ландшафта // ЕАН: информационное агентство. 21.09.2020. - URL: https://eanews.ru/news/chelyabinskiye-elity-transformatsiya-landshafta_21-09-2020 [дата обращения - 25.07.2023].

чиновников и местного бизнеса (более крупных предприятий) связаны с «партией власти» Единая Россия¹. Элементы политической культуры чиновников среднего звена и рядовых чиновников в интернете не отражены.

Политическая ситуация в Тюменской области отличается своей особенностью от других территорий УрФО. В ее состав входят два автономных округа ХМАО и ЯНАО. Это – самые это самые богатые территории УрФО за счет добычи нефти и газа. В политическом плане они имеют свои особенности. Первое – главы округов не избираются населением, а избираются депутатами. Губернатор Тюменской области избирается населением области и этих округов, а губернаторы ХМАО и ЯНАО избираются депутатами Думы округов по представлению Президента РФ. Согласно опроса, проведенного в 2020 г. населения последнее вызывает негативное отношение. Население предпочитает само выбирать губернаторов (Приводится по: [6]). Но, в целом там политическая обстановка менее политически напряженная и активная, чем в других территориях УрФО.

Второе – много временных трудовых мигрантов, работающих вахтовым методом, которые голосуют по месту своей прописки в других регионах, и на местную политическую жизнь не оказывают влияния. В автономных округах меньше граждан пенсионного возраста. Часть населения северных территорий (не только этих автономных округов) после выхода на пенсию планируют уехать в «несевверные» регионы. ЯНАО и Белоярский и Березовский районы входят в список районов крайнего севера². Все вышесказанное делает политическую обстановку в Тюменской области и автономных округах более стабильной и спокойной.

Что касается подготовки чиновников (образовательный фактор), то особенно сильно от оттока кадров страдают муниципалитеты: большинство молодых специалистов не желают возвращаться в трудные природно-климатические и социально-бытовые условия после получения высшего образования или после того, как нарабатывают минимальный стаж, достаточный, чтобы уйти с повышением на другой уровень управления. Так обстоит дело в ЯНАО [7, с. 30]. Если в этих территориях проблема в квалификации специалистов государственного и муниципального управления, то тогда вывод: чиновники «несевверных» территорий могут быть подготовлены лучше, и должны быть более политически «продвинуты». Но, это при условии сочетания факторов: экономического, образовательного, научного.

Специфика региональной экономики северных территорий, характеризующаяся высоким уровнем присутствия в регионе крупных нефтегазовых компаний (Газпром, ЛУКОЙЛ, Роснефть), также оказывает существенное влияние на проблему определения модели осуществления региональной власти.

В сентябре 2023 года в Тюменской области прошли выборы губернатора. В них приняли участие 40,5% населения. Победил А. Моор (партия «Единая Россия») с большим отрывом от своих конкурентов. Также в выборах участвовали кандидаты от партий КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия – За правду».

По итогам выборов депутатов и глав поселений на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры 10 сентября 2023 года. В выборах участвовали кандидаты от партий: «Единая Россия», «Справедливая Россия», ЛДПР, КПРФ, самовыдвиженцы. С большим отрывом от конкурентов победу одержала «Единая Россия». Как отмечает «Российская газета» [7] со ссылкой на данные опросов, выборы в ХМАО прошли открыто, честно. Явка избирателей была довольно высокой. В ЯНАО приняли участие в выборах около 67% избирателей³. Автономные округа показали очень высокий процент явки избирателей.

¹ Моргулес Д. Челябинские элиты: трансформация ландшафта // ЕАН: информационное агенство. 21.09.2020. - URL: https://eanews.ru/news/chelyabinskiye-elity-transformatsiya-landshafta_21-09-2020 [дата обращения - 25.07.2023].

² Постановление Правительства РФ от 16.11.2021 N 1946 "Об утверждении перечня районов Крайнего Севера и местностей, приравненных к районам Крайнего Севера, в целях предоставления государственных гарантий и компенсаций для лиц, работающих и проживающих в этих районах и местностях, признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации и признании не действующими на территории Российской Федерации некоторых актов Совета Министров СССР". - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_400590/ [дата обращения 01.03.2024].

³ Панова Е. Выборы в ЮГРЕ прошли честно, открыто и легитимно. // Российская газета. 11.09.2023. - URL: <https://rg.ru/2023/09/11/reg-urfo/vybory-v-iugre-proshli-chestno-otkryto-i-legitimno.html> [дата обращения 01.03.2024].

Президентские выборы в 2024 году стали рекордными по явке: она составила 84,3%. По предварительным подсчетам избирательных бюллетеней в Тюменской области на выборах президента лидирует Владимир Путин, он набрал 84,83% голосов¹.

Явка избирателей в ХМАО составила 84,51%. Согласно данным ЦИК, после обработки 99,01% протоколов на выборах президента России Владимир Путин набирает 87,33% голосов. Каждый из других кандидатов не набрал даже 10% голосов избирателей².

На Ямале также высокая явка избирателей на выборы. Она составила в 94,11% избирателей. И также с большим отрывом от других кандидатов лидирует В.В. Путин. За него проголосовали 97,17% населения от пришедших на выборы³.

В 2023 году в Курганской области прошли выборы депутатов дум Варгашинского, Катайского и Далматовского округов. Общая явка на выборы была 27,87% избирателей⁴. Это – невысокий показатель. В выборах приняли участие кандидаты от партий «Единая Россия», ЛДПР, КПРФ, «Новые люди», «Справедливая Россия – патриоты – за правду», «Российская партия пенсионеров – за социальную справедливость», «Всероссийская политическая партия Родина» Везде больше всего голосов получили представители партии «Единая Россия», на втором месте КПРФ (в пять раз меньше набрали голосов в сравнении с лидирующей партией⁵.

На выборах Президента РФ в 2024 году явка избирателей на территории Курганской области составила 77,23%. По предварительным данным ЦИК РФ в Курганской области за кандидатуру В.В. Путина проголосовало 85,63 процента⁶.

По данным разных интернет-источников, сейчас в Курганской области неопределенная ситуация с тем, кто станет следующим губернатором. Полномочия действующего губернатора заканчиваются осенью 2024 года. Но, до сих пор неясно, сколько будет кандидатов на выборы. Станет или нет выдвигать свою кандидатуру действующий губернатор. На этот счет есть разные версии.

По данным информационно-делового квартала⁷, были названы 12 курганских политиков. Шесть из них, т.е. 50% – члены партии «Единой России».

Учитывая вышесказанное, можно сделать следующие выводы. В Курганской области также идет борьба между представителями местных политических сил, где задействованы чиновники разных уровней. Многие из них связаны с партией «Единая Россия». Также присутствует взаимосвязь бизнеса и власти. В интернете отсутствует информация о каких-либо аспектах политической культуры чиновников среднего звена и рядовых.

Результаты

Как видно из приведенных ранее в статье данных, наиболее политически активны жители автономных округов. Они показали активное участие в местных выборах. Население остальных территорий УрФО показали низкую явку на избирательные участки. Это можно объяснить тем, что в автономных округах выше заработные платы и пенсии, и население более довольное своим положением. В областях

¹ В Тюменской области побит рекорд по явке на выборы Президента Группа компаний «РБК» от 18 марта 2024 дата обращения 30.03.2024 <https://t.rbc.ru/tyumen/18/03/2024/65f7d3929a794701c48e3170> [дата обращения 01.03.2024].

² Пичурина И.В. В ХМАО Владимир Путин набрал 86,71% голосов на президентских выборах. Издательский дом «Коммерсант-Урал» 18.03.2024 <https://www.kommersant.ru/doc/6578709> [дата обращения 04.04.2024].

³ Шмелев И. Избирком ЯНАО озвучил официальные итоги выборов в регионе URA.RU: информационное агентство. От 18.03.2024 <https://ura.news/news/1052745141> [дата обращения 04.04.2024].

⁴ Чепынина К., Соколова А. На курганских выборах победили депутаты двух партий и самовыдвиженец // URA.RU: информационное агентство. - URL: <https://ura.news/news/1052643611> [дата обращения 01.03.2024].

⁵ Сведения о политических партиях, выдвижение которыми кандидатов, списков кандидатов, не требуют сбора подписей избирателей на выборах депутатов Курганской области [сайт] Избирательная комиссия Курганской области. - URL: <http://www.kurgan.izbirkom.ru/politicheskie-partii/spisok-politicheskikh-partiy-vydvizhenie> [дата обращения 01.03.2024].

⁶ Выборы Президента РФ, 15-17 марта 2024 года Курганская областная Дума. Официальный сайт. http://www.kurganoblдума.ru/important/archive/vybory-prezidenta-rf-15-17-marta-2024-goda/?clear_cache=Y [дата обращения 04.04.2024].

⁷ Зауральские политики года. ТОП-12 // Область 45: информационно-деловой портал. - URL: <https://oblast45.ru/publication/36462> [дата обращения 01.03.2024].

УрФО доходы населения ниже, население менее довольное своим материальным положением, и отсутствием уверенности, что можно повлиять своим участием на выборах на местную политику.

В среде чиновников такой апатии не наблюдается. Были активные предвыборные кампании. Везде большинство голосов получила партия «Единая Россия», несмотря на наличие конкурентов. Более всего в интернете можно найти материалов по Свердловской области. Хотя высокопоставленные чиновники используют административный ресурс, чтобы обеспечить результаты выборов¹.

Отдельно нужно отметить выборы Президента РФ 2024 года. Согласно данным ЦИК, в целом по России была очень высокая явка избирателей на выборы. Она составила 77,49%. Если сравнить с территориями УрФО, то последний показал более высокий процент явки. По России 87,28% голосов пришедших на выборы избирателей получил В.В. Путин. Каждый из остальных кандидатов не набрал и 10% голосов пришедших на выборы избирателей². Эти цифры сопоставимы с процентом отданных голосов за В.В. Путина от числа пришедших на выборы в УрФО и в целом по стране. Однако, учитывая более высокий % явки на выборы, за действующего Президента на тот момент на Урале проголосовал больший процент пришедших на выборы избирателей, чем в целом по России.

Причины такой безоговорочной победы действующего на тот момент Президента РФ В.В. Путина – их несколько. Во-первых, это специальная военная операция на Украине. В этот период население сплотилось вокруг действующего главы государства. Во-вторых, это – качества самого В.В. Путина. Это – опытный и прозорливый политик. По этой причине граждане РФ в условиях военной операции так поддержали именно его. В-третьих, можно отметить работу чиновников регионального и муниципального уровней.

В УрФО, как уже было отмечено выше, многие из них являются членами «партии власти». Из всех территорий УрФО наибольшую активность здесь проявили чиновники Свердловской области.

Специфика политической культуры государственных гражданских и муниципальных служащих Уральского региона обусловлена природно-климатическими условиями и научно-техническим и экономическим факторами данной территории. Регион очень неоднороден по своим природно-климатическим условиям. Все территории можно поделить на три группы: интенсивно добывающие нефть и газ; развита тяжелая промышленность и наука; развиты различные отрасли народного хозяйства (Курганская область).

Заключение

На территориях УрФО современная политическая ситуация разная. В плане политических отношений здесь отличаются Свердловская и Челябинская области. Считается, что чем богаче территория, тем должно быть население более требовательно в политическом плане. Но должен добавляться фактор высокого уровня науки и образования, чего не скажешь об автономных округах (Ханты-Мансийский автономный округ и Ямало-Ненецкий автономный округ). Свердловская и Челябинская области не отличаются такой степенью добычи нефти или газа, но здесь всегда были развиты промышленность, наука и образование. В силу этих факторов территория не только развивалась экономически (уровень жизни), но и не стоит недооценивать влияние образования и науки на политическую ситуацию в области. Население территорий не может не влиять на политическую культуру представителей властных структур в данных территориях, но государственные гражданские и муниципальные служащие – это все-таки другой социальный слой среди всего населения данных территорий. Если учитывать взаимосвязь факторов экономических, научных, образовательных и политических, то политическая культура должна быть лучше всего развита у чиновников Свердловской и Челябинской областей.

¹ Аллаяров Д. 30-тысячная армия бюджетников Екатеринбурга подчинилась мэрии на выборах. Фото. // URA.RU: информационное агентство. 10.09.2023 - URL: <https://ura.news/news/1052683926> [дата обращения 01.03.2024].

² Президентские выборы в России (2024). Википедия. [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D1%80%D0%B5%D0%B7%D0%B8%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5_%D0%B2%D1%8B%D0%B1%D0%BE%D1%80%D1%8B_%D0%B2_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8_\(2024\)#%D0%A0%D0%B5%D0%B7%D1%83%D0%BB%D1%8C%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8B](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D1%80%D0%B5%D0%B7%D0%B8%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5_%D0%B2%D1%8B%D0%B1%D0%BE%D1%80%D1%8B_%D0%B2_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8_(2024)#%D0%A0%D0%B5%D0%B7%D1%83%D0%BB%D1%8C%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8B) [дата обращения 04.04. 2024].

Список источников

1. Бурдьё П. Социология политики: Пер. с фр./Сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993. 336 с. - URL: <http://bourdieu.name/content/politicheskie-pozicii-i-kulturnyj-kapital> [дата обращения – 25.02.2024].
2. Филимонова И. В., Немов В. Ю., Проворная И. В. Региональные особенности добычи и переработки нефти в России // Бурение и нефть. 2020. № 2. URL: <https://burneft.ru/archive/issues/2020-10/3> [дата обращения 05.03.2023].
3. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022: Стат. сб. / Росстат. М., 2022. 1122 с.
4. Бенц Д. С. Долгосрочные тренды межрегиональной дифференциации: Свердловская vs Челябинская область // Journal of New Economy. 2022. Т. 23. № 2. С. 102–124.
5. Социально-экономическое положение Уральского федерального округа в I первое полугодие 2023 года. М., 2023. 58 с. - URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/ural_fo_2k-2023.pdf [дата обращения 01.03.2024].
6. Колтунов А. Л., Коршунов М. Н. Лидерски-элитная конфигурация региональных политических процессов в структуре общественного сознания населения (на примере Ханты-Мансийского автономного округа – ЮГРЫ) // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика Т. 13. № 2. 2020. С. 85–98.
7. Созаева Д. А. Развитие кадрового потенциала работников госслужбы в арктических регионах на примере ЯНАО // Проблемы теории и практики управления. 2020. № 5. С. 27–44.

References

1. Burdieu P. *Political Sociology*: Transl. from French by N. A. Shmatko (ed.). Moscow: Socio-Logos; 1993. 336 p. (In Russ.)
2. Filimonova I. V., Nemov V. Y., Provornaya I. V. Regional features of oil extraction and processing in Russia. *Drilling and oil*. 2020;(2). (In Russ.)
3. *Regions of Russia. Social-economic indicators*. 2022. Rosstat. Moscow; 2022. 1122 p. (In Russ.)
4. Benz D. S. Long-term trends in interregional differentiation: Sverdlovsk vs Chelya-binskaya region. *Journal of New Economy*. 2022;23(2):102–124. (In Russ.)
5. *Socio-economic situation of the Ural Federal District in the first half of 2023*. Moscow; 2023. 58 p. (In Russ.)
6. Koltunov A. L., Korshunov M. N. Leadership-elite configuration of regional political processes in the structure of public consciousness of the population (on the example of Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – UGRA). *Izvestia higher educational institutions. Sociology. Economy. Politics* 2020;13(2):85-98. (In Russ.)
7. Sozaeva D. A. Development of human resources of civil servants in the Arctic regions on the example of YANO. *Problems of management theory and practice*. 2020;(5):27–44. (In Russ.)

Информация об авторе

Н. Г. Хорошкевич – кандидат социологических наук, доцент кафедры теории, методологии и правового обеспечения государственного и муниципального управления, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

Information about the author

N. G. Khoroshkevich – Cand. Sci. (Sociology), Associate Professor of the Department of Theory, Methodology and Legal Support of State and Municipal Management, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 08.04.2024; одобрена после рецензирования 08.05.2024; принята к публикации 12.05.2024.

The article was submitted 08.04.2024; approved after reviewing 08.05.2024; accepted for publication 12.05.2024

Формирование контуров феномена политической элиты в контексте методологической триангуляции

Владимир Александрович Дорошенко

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. Политическая элита в современной элитологии исследуется через призму разнонаправленных концепций, каждая из которых дает свои маркеры для межевания границ элитарности. Автором рассмотрена проблематика формирования контуров феномена политической элиты в эволюционном развитии подходов, изучены процессы жизненного цикла, свойственные элитным группам. Сделан вывод о наличии универсальных свойств равно как и обосновывающих их концепций, проведено исследование более специфических локальных особенностей, раскрыт корпус релевантных методик. Предложив триаду кластерных свойств в контексте методологической триангуляции, автор освещает процесс агрегирования более валидного интегрального набора характеристик политических элит.

Ключевые слова: элитология, политическая элита, цивилизационный подход, рекрутинг элиты, легитимизация элиты

Для цитирования: Дорошенко В. А. Формирование контуров феномена политической элиты в контексте методологической триангуляции // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 1. С. 277–283. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-277-283>. EDN KRQKPX

Young scientists

Original article

The formation of contours of the phenomenon of the political elite in the context of methodological triangulation

Vladimir A. Doroshenko

South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

Abstract. The political elite in modern elitology is studied through the prism of multidirectional concepts, each of which provides its own markers for delineating the boundaries of elitism. The author considers the problems of shaping the contours of the phenomenon of the political elite in the evolutionary development of approaches, examines the life cycle processes peculiar to elite groups. It is concluded that there are universal properties as well as concepts justifying them, a study of more specific local features has been conducted, and a corpus of relevant techniques has been disclosed. Having proposed a triad of cluster properties in the context of methodological triangulation, the author highlights the process of aggregation of a more valid integral set of characteristics of political elites.

Keywords: elitology, political elite, civilizational approach, elite recruitment, elite legitimization

For citation: Doroshenko V. A. The formation of contours of the phenomenon of the political elite in the context of methodological triangulation. *State and Municipal Management. Scholar Notes. 2024;(2):277–283. (In Russ.)*. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-277-283>. EDN KRQKPX

Современная элитология при определении границ исследования такой категории, как «политическая элита» руководствуется различными подходами. Плюрализм концепций обусловлен сложностью экспликации понимания данного феномена в научные конструкты, местом и ролью политэлит при разнообразии исторических этапов общественного развития, зависимостью от политического устройства и экономических формаций того или иного изучаемого общества, различием в функциональных возможностях и ограничениях неполитического характера [1]. Смещение фокуса исследовательского внимания к политэлитам, как к объекту исследования, с одной стороны, обогащает знанцевую компоненту и позволяет осмыслить данный объект более полно, с другой же, иногда дает противоречивые результаты к обобщающим характеристикам, особенно при изучении политэлит без учета специфики их существования. Потому, анализ основных классификационных характеристик, предлагаемых разными научными школами, приводит к выводу о необходимости постоянной рефлексии, переосмысления границ детерминанты «политическая элита» в современном контексте. Проблематика элитности является важным элементом осмысления проблемы субъектов общественных исторических и политических процессов. Это представляется существенным как для политической практики, так и для научной элитологии в современной международной системе координат.

Что понимается под контекстом в данном случае: состояние и свойства общественного развития. То есть изучение феномена политической элиты может быть рассмотрено как общеабстрактный объект социальной структуры с весомой политической ролью, однако теряющий за счет унификации подхода некоторые особые черты, свойства, ресурсы, а возможно, и сферы влияния и инструменты такого влияния. С другой стороны, изучая политическую элиту через призму специфики места и времени, следует учитывать особенности общественной структуры. К примеру обратимся к концептуальному подходу Элвина Тоффлера, выделявшего три глобальные волны общественного развития с характерными чертами производства и взаимодействия, аграрную, индустриальную и постиндустриальную (информационную) [2].

Политическая элита аграрной волны не всегда сингулярна, однако в большинстве случаев военизирована, переходит к наследственной власти, кастомизирована, закрыта, а доступ к самовоспроизводству элиты сторонних лиц крайне затруднен. Политическая элита следующего за ним индустриального периода трансформируется, повсеместно появляются новые группы ненаследственного порядка, проявляются возможности «социальных лифтов», расширяется сфера принятия политических решений на фоне глобализующихся процессов взаимодействия. Экспертное сообщество согласно, что большинство стран эволюционировали в формат третьей волны, в которой доминирует информационная составляющая. Автор, что важно в контексте поставленной в данной работе задачи, выдвигает идею о тренде на трансформацию интеллектуальных групп, к которым мы относим и политические элиты, на базе технических средств и диджитал-процессов. Общество с информационными характеристиками быстрее трансформирует как политический инструментарий традиционных процессов взаимодействия, так и сам качественный состав своих элитарных групп.

В «Закате Европы» О. Шпенглера границы элитарных групп принимают графический характер пирамиды, на острие которой находятся лидеры, концентрирующие максимум «элитных свойств» (доступ к информации, власти, принятию решений). Далее при расширении пирамиды увеличивается численность членов группы и пропорционально сужается объем их «элитных свойств» [3].

Ценностный подход в элитологии (Н.Бердяев, Х. Ортега-и-Гассет) обоснует существование таких групп в обществе, где представлены наиболее «ценные», значимые для различных сфер актуальной общественной жизни акторы с эмоциональной, интеллектуальной, аксиологической более высокой планкой. Диаметрально противоположные подходы элитарного плюрализма (С. Келлер, Д. Рисмен, О. Штаммер) и моноэлитизма (Ральф Милибанд, Чарльз Райт Миллс), тем не менее касаются дискуссии о месте элит – от сферы деятельности (плюралистическая разнородность элит разных областей) до концентрации властных возможностей (однородность моноэлиты, объединенной свойством доступа к власти). Дихотомии «элитизм-эгалитаризм», «элита-масса» в элитологических исследованиях являются дискуссионными в части степени влияния каждой из указанных категорий на политические процессы. Тем не менее все подходы элитогенеза сходятся в идее экспоненциальной характеристики взаимосвязи государственной власти и политической элиты. Примем эту идею за точку отсчета для формирования уточняющей системы координат, описывающей политические элиты как объект исследования.

Тенденции формирования политических элит, их «жизненный цикл», напрямую воздействуют на всю систему общественного публичного администрирования, создавая те самые классические векторные направления от общего стратегирования до оперативного реагирования на обратную связь граждан, которые обуславливают все наше общественно-политическое пространство.

Упомянутый выше «жизненный цикл», или, скорее, жизненные процессы политэлиты включают в себя как минимум такие элементы, как рекрутинг (1), адаптацию (2), соперничество (3) и легитимизацию (4). На наш взгляд, вычленение данных элементов относится к унифицированному, общеабстрактному аспекту изучения политэлиты.

Рекрутинг (1) политической элиты подразумевает существующие в данной общности возможности для обновления состава группы, тот набор способов от исторических прав по рождению до избирательных возможностей и созданных социальных и инновационных «лифтов», присущий данной группе. Инструментарий и его разнообразие уже касается персонализированного подхода к изучению сущности политэлит, причем попытки изменения последних относятся к идее осмысления социальных трансформаций и триггерных механизмов их течения. Так, Багдасарян В. Э. определяет в качестве реальных современных фильтрационных институтов допуска и включения лиц в состав политэлиты клановость, которую иные авторы определяли как «гильдийность», общины (автор выделил религиозные) и элитарные образовательные учреждения [4]. Рассматривая отечественную специфику, стоит упомянуть про территориальный и профессиональный состав такого рода «гильдий», этнические особенности общин, а также про существенный спектр теневых механизмов, снижающий очевидность рекрутинговых каналов и механизмов. Представляется, что селекционные процессы рекрутинга антрепренерских форматов включает в себя более медийные открытые современные проекты. Аргументировать можно примером: открытый конкурс «Лидеры России», проводимый для руководителей нового поколения, который, согласно его описанию, взятому на официальном сайте конкурса, «дает возможность войти в состав привилегированного сообщества лучших управленцев страны»¹.

Адаптация (2), иначе говоря интеграция обновляемой политической элиты, предполагает восприятие членами элитарной группы и транслирование ими определенных норм, формирование ценностного каркаса, выражающего ключевые мировоззренческие ценности данного общества, а также условия нахождения на «элитарной позиции» в данной политической системе. По сути на данном этапе происходит одновременная восприятие и наработка техник взаимодействия с членами общества, как объекта управления и среды «вращения» элиты, и взаимодействия с другими членами элитарной группы. Новый член группы становится конгруэнтен и тем самым максимально встроен. Авторы модели пентабазиса [5] предложили пятичастную мировоззренческую систему взаимодействия и взаимовлияния ключевых общественных элементов разного порядка (масштаба) на основе аксиологических констант российского общества. Представляется, что фаза адаптации политической элиты концептуально включает в себя основы и инструментарий деятельностного подхода канвы пентабазиса.

Соперничество (3), иначе говоря конкуренция участников группы, интерпретируется как активные действия каждого члена группы по определению своего места, функционала, степени доступа к ограниченному объему информации и ее воспроизводству, ресурсной базы возможностей, влияния на происходящие процессы в обществе. Политологические исследования конкурентных процессов зачастую связывают с динамикой развития партийной системы и электоральных предпочтений населения. В контексте данной работы речь не идет лишь об электоральной конкуренции, характеристики высокой конкурентоспособности в целом требуются каждому члену элитарной группы. Между тем, стоит согласиться с авторами, которые, опираясь на классические подходы процедурной версии демократии, разработанной Й. Шумпетером, приходят к выводу о коррелирующих условиях эффективности политического управления и процессов соперничества политэлит [6]. Положительная динамика возможна при росте политической грамотности всех акторов, наличии политически проактивных установок электората, осознанной ответственности и «политической этичности» политэлиты.

Стоит упомянуть также, что на волне информационного общества возрастает важность качества и чистоты информации, так как ее тиражируемость, скорость производства и воссоздания носит экспоненциальный характер. Элитарность в политических возможностях такой информационной и технологической среды еще более значима и как персональная ценность для участника элитной группы, так и для общества. Расширение информационного инструментария и цифровой сферы

¹ Официальный сайт конкурса «Лидеры России». Электронный ресурс: <https://лидерыроссии.рф>

общественного взаимодействия обогащает и политический инструментарий элитных групп, насыщая «элитные свойства» новыми смыслами.

Легитимизация (4) – процесс фокусировки на признании обществом данной политической элиты, поддержку статуса и деятельности членов данной группы как политической элиты. Легитимизация корреспондирует с категорией «доверие населения». Обратимся к трудам М. Вебера, трактовавшего легитимизацию как добровольное согласие подчиненных на свой статус, признание права принимать и внедрять политические решения [7]. Типология легитимизации власти М. Вебера (согласие, базирующееся на вере в законность правового порядка, вере в традиционный распорядок, вере в харизматичность лидера) на наш взгляд справедлива и применительно к политическим элитам. Несомненно, результаты процесса легитимизации способны усилить или ослабить позиции политической элиты, повлиять на ее стабильность как элитарной группы в конкретном моменте общественно-политического развития.

Само приведенное категорирование данных процессов исходя из жизненного цикла приводится в данном случае только для обобщения их в модель жизненных вех существования политэлиты. Представляется важным, что указанные этапы применительно к политическим элитам не реализуются жестко последовательно, этапно перетекая один из другого. Специфичность рассмотренных процессов выражается в нелинейности, одновременности и перманентности влияния на состав и возможности самой элиты и на общество в целом. Сказанное отражает в том числе и нетривиальность данного объекта изучения в качестве сложноструктурированной и организованной системы.

Характеристики и границы изучаемого объекта «политическая элита», с учетом вышеприведенного плюрализма подходов и процессов «жизненного цикла» данной группы, возможно изучить более детально через призму цивилизационного подхода, маркерами которого признаны аксиологические ценностные системы и культура [8].

Сложность осмысления феномена политической элиты и необходимость формирования уточняющей системы координат, описывающей политические элиты как объект исследования, приводят к предложению методологической триангуляции при рассмотрении данного исследовательского вопроса.

Актуализация политологических вопросов идентичности и герменевтика политико-цивилизационного подхода во взаимодействии локальных цивилизаций приводит к идее о детерминировании политической элиты через ранжирование на «надцивилизационные», цивилизационные и синтетические особенности данного объекта изучения. Такой триангуляционный прием позволит интегрировать полученные данные об исследуемом объекте, объединив их в динамичный комплекс в триаде характеристик-маркеров, а также провести кросс-валидацию результирующих выводов для подтверждения или опровержения их достоверности, чистоты, стройности, согласованности.

Под «надцивилизационными» концепциями в данной работе понимаются системообразующие научные позиции авторов, вычлняющих общие черты, универсальные и присущие любой отдельно взятой политической элитарной группе. Подобный универсализм при итерационных процессах интеллектуального когнитивного анализа и синтеза позволяет обобщить и теоретизировать объект изучения как научную политическую категорию. В данном контексте стоит отметить весомый вклад в приращение научного знания Ростовской элитологической школы (А.В. Понеделков, В.Г. Игнатов, А.М. Старостин и др.). Концептуально решение очерчивания типизированных контуров политических элит дает возможность проводить последующий детальный анализ и моделирование модифицирующих процессов политической элиты, власти и «номенклатуры» в хронометрической динамике отечественной истории, выявлять общие закономерности развития элит. Отсюда формируются базовые трафареты описательных классификаций от простых (правящая и оппозиционная элита; открытая и закрытая элита), легко структурируемых (по административно-территориальному признаку), к более сложным, основанным на сочетании закономерностей и признаков (репутационные, десизиональные, иные свойства).

Цивилизационный подход концептуально обоснован Н. Я. Данилевским, который в качестве базиса для критериального разграничения цивилизаций использовал культурно-исторический тип жителей. К ядру определения границ цивилизации относят также территориальную общность, и в признании этого факта особенно велики заслуги классических евразийцев, а также Л. Н. Гумилёва. Мысль о глубине цивилизационной идентичности высказывал А. А. Зиновьев. Согласно его позиции, цивилизациям присущи свои особенности, приобретенные исторически, и важно учитывать специфику любых таких особенностей при реформировании общественной жизни или анализе социальных

практик [9]. На данной посылке аргументирован тезис о цивилизационных границах политэлит. Иными словами политическая элита, формируемая в условиях какой-то определенной цивилизации, должна иметь особые черты, качественно присущие представителям именно этой цивилизации. Цивилизационную специфику политической элиты наделяют такими маркерами, как месторазвитие, аксиологический и религиозный базис, экзогенные взаимодействия, институциональный ландшафт жизнеустройства [10]. О цивилизационной матрице и цивилизационно-элитологическом подходе говорят и новые исследователи, что подтверждает и общую универсальность подхода и его неизменную актуальность [11].

Обращаясь к российской цивилизационной специфике, среди приоритетных ценностей отечественной государственности в общем, и политической элиты в частности, стоит отметить самовосприятие индивида как «хозяина своей земли», определение гражданской идентичности как чувства общности с народом и страной, уважение к традициям и истории, а также восприятие России как страны глобальных проектов. Данные категории, выделенные исследовательским коллективом, могут в частности служить аргументом оценки зрелости элитной группы и цивилизационными индикаторами идентификации политэлиты [12].

Если надцивилизационный кластер описывает универсальные черты элитарности, цивилизационный кластер представляет качественные характеристики разнородного состава элитарных групп, то синтетический кластер позволит идентифицировать элиту по границам, сочетающим в себя следующие особенности.

Способы достижения цели, которые используют элитарные группы, устойчивые возможности элит в разнообразии функционально-прикладных действий объединяют направление инструментальных концепций элитологии. В предлагаемом синтетическом кластере предлагается считать это одной из точек фокусировки исследования.

Признаком современного общества называют ускоряющиеся процессы трансформации системы взаимодействия различных групп, политические элиты занимают в них особую роль, являясь и амбассадорами преобразований и объектом, изменяющимся под их влиянием. Так, функциональные свойства в вертикальном и профильном разрезе позволят проиллюстрировать специфику политических элит с учетом их места и роли в трансформации.

Способы адаптации элиты в экосистемном подходе, когда в оценке политических процессов и общественного взаимодействия признается спектр коммуникаций и влияния в рамках экосистемы, куда включены и вовлечены элиты, очевидный электорат, неочевидные селекторные группы, классические и киберпространственные метапроцессы [13].

Для обеспечения прозрачности применения данной детерминанты стоит отметить, что единого понимания экосистем в научном сообществе не сложилось. Так, Мирошниченко И.В., Рябченко Н.А., оценивающие экосистемное состояние общества, отмечают подготовленную почву сетевого окружения к инновационным практикам построения диалога власти (в контексте данной работы это вбирает в себя детерминанту политическая элита) и общества, таким образом признавая экосистемой разнородные цифровые возможности доступа ко взаимодействию [14]. Тогда как Попов А.К., Удалов И.Д. к экосистемам относит новые формы построения бизнес-моделей, напрямую противопоставляя интересы экосистемного бизнеса политическим элитам [15].

Однако, представляется, что присущая сейчас тенденция развития государства как экосистемы (платформы), в реальном и цифровом пространстве, и принятая за точку отсчета выше идея экспоненциальной характеристики взаимосвязи государственной власти и политической элиты позволяет оценивать меняющуюся архитектуру унифицированных свойств элитарности. Если концепция государственного администрирования рассматривается через экосистемную совокупность связанных элементов, то где в данной системе место политической элиты? Важно то, что в экосистемном платформенном подходе идет переоценка ценностей (информационных, инструментальных, бюрократических и т.п.). Так, например, взяв тезис о элитном доступе к информации можно оценить по шкале «эксклюзивность- общедоступность» глубинные свойства данного доступа в нескольких временных отрезках, так как экосистемный подход дает и технологические иные возможности доступа в информации, стирая границы и барьеры. Так само значение элитарности информационного доступа сохраняется, но коренным образом пересматриваются качественные оценочные свойства взятой для примера характеристики, теряется ее ценность для создания элитарности и создается новое поле для изучения. Или, например, такой признак политэлиты, как монополизированный доступ к ограниченными ресурсам.

Обратимся к экономической среде: созданные в прошлом десятилетии децентрализованные финансы породили серьезную криптоиндустрию, серьезно перестроив само понимание доступа к финансовым ресурсам и управляющим ими процессам [16]. Такие свойства современного взаимодействия постепенно меняют систему координат «уникальности» и «ресурсной элитарности в ограниченности» в политическом ракурсе. Оценивать трансформационные процессы подобного характера позволят маркеры экосистемного подхода. Таким образом, для целей данной работы экосистемные особенности политэлит принимаем одним из условий оценки в синтетическом кластере.

Триангуляционные настройки в трех представленных кластерах могут с большей степенью валидности данных более полно описать политическую элиту по целому ряду концептуально отличающихся характеристик, устраняя противоречия различных локализованных элитологических концепций. Процесс агрегирования более валидного интегрального набора характеристик политических элит должен проводиться в этом случае последовательно, начиная с надцивилизационных свойств, дающих первое приближение и фокусировку, к цивилизационным, насыщающим качественными особенностями и аксиологическими границами элитных групп, а после к синтетическим, дающим приращение к описанию феномена политических элит через функции, среду и экосистемные свойства.

Список источников

1. Рябкова С.А. Дискуссионные проблемы теории политических элит // Общество: политика, экономика, право. 2019. №3 (68).
2. Тоффлер Э. Третья волна. М.: ООО "Фирма "Издательство АСТ", 2004
3. Шпенглер О. Закат Европы. Новосибирск: Наука, 1993. 584 с.
4. Багдасарян В. Э. О реальных механизмах рекрутинга политических элит // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2010. № 3.
5. Харичев А. Д., Шутов А. Ю., Полосин А. В., Соколова Е. Н. Восприятие базовых ценностей, факторов и структур социально-исторического развития России (по материалам исследований и апробации) // Журнал политических изданий. Научно-издательский центр «Инфра-М», 2022. Т. 6. № 3. С. 9–19.
6. Шилов В. Н. Демократическая политическая конкуренция и ее предпосылки: Йозеф Шумпетер и современность // *Via in tempore*. История. Политология. 2012. №1 (120).
7. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии [Текст] : в 4 т. / Макс Вебер ; [пер. с нем.] ; сост., общ. ред. и предисл. Л. Г. Ионина ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. Перевод изд.: Weber Max. *Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriss der verstehenden Soziologie*. 5. revidierte Aufl. Besorgt von Johannes Winkelmann. Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1972. 1000 экз. ISBN 978-5-7598-0333-1 (в пер.). Т. IV. Господство. 542, [2] с. ISBN 978-5-7598-1516-7 (т. IV, с. 404).
8. Мчедлова М.М., Букин О.А. Российская цивилизация: цивилизационный подход в политической теории // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 2. С. 445–454.
9. Зиновьев А. А. На пути к сверхобществу // Социология власти. 2009. №2.
10. Багдасарян В.А. Цивилизационный контекст российских правовых трансформаций // Московский юридический журнал. 2019. № 4.
11. Панков А.В. Цивилизационно-элитологический подход: актуальная смена исследовательской оптики // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024 № 1 С. 209–216.
12. Шатилов А. Б., Волхонская З. И., Осинина Д. Д. Приоритетные ценности «генетического кода» российской государственности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 1. С. 97–112.
13. Попова Е. А., Мартемьянова З. С. Особенности цифрового взаимодействия в экосистеме политического пространства // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 191-196. DOI 10.22394/2079-1690-2023-1-1-191-196. EDN WSYWDY.
14. Мирошниченко И. В., Рябченко Н. А. Экосистема сетевого публичного управления: оценка готовности сетевого окружения к инновационным практикам (на примере субъектов РФ) // Южно-российский журнал социальных наук. 2017. №4.
15. Попов А. К., Удалов И. Д. Социально-экономические последствия развития экосистем // Креативная экономика. 2022. Том 16. № 10. С. 3727-3750. – doi: 10.18334/ce.16.10.116390.
16. Медякова Е. М., Кислицкая Н. А. Управление финансами в условиях цифровой трансформации // Научная статья года 2023 : сб. статей VIII Международного научно-исследовательского конкурса, Пенза, 15 мая 2023 г. Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2023. С. 31-34. EDN MKTDFD.

References

1. Ryabkova S.A. Discussion problems of the theory of political elites. *Society: politics, economy, law*. 2019;3(68). (In Russ.)
2. Toffler E. *Third wave*. Moscow: LLC "Company "Publishing ACT"; 2004. (In Russ.)
3. Spengler O. *Sunset of Europe*. Novosibirsk: Science; 1993. 584 p. (In Russ.)
4. Bagdasaryan V. E. On the real mechanisms of recruiting political elites. *Outlines of global transformations: politics, economy, law*. 2010;(3). (In Russ.)
5. Kharichev A. D., Shutov A. Y., Stripin A. V., Sokolova E. N. Perception of basic values, faculty and structures of social and historical development of Russia (based on research and approval). *Journal of political publications*. Scientific and Publishing Center «Infra-M», 2022;6(3):9–19. (In Russ.)
6. Shilov V. N. Democratic political competition and its background: Joseph Shumpeter and modernity. *Via in tempore. History. Political science*. 2012;1(120). (In Russ.)
7. *Business and Society: Profiles of Understanding Sociology* [Text] at 4 t. / Max Weber ; [per. with it.] ; c. General, ed. and preface. L. G. Ionina ; National. Research. June «Higher School of Economics». Moscow. Izd. House of the Higher School of Economics, 2019. Translated by: Weber Max. *Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriss der verstehenden Soziologie*. 5. revidierte Aufl. Besorgt von Johannes Winckelmann. Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1972. 1000 copies. ISBN 978-5-7598-0333-1 (per p.). T. IV. Dominance. 542, [2] p. ISBN 978-5-7598-1516-7 (t. IV, pp. 404). (In Russ.)
8. Mchedlova M. M., Bukin O. A. Russian civilization: civilization approach in political theory. *Messenger of the Russian University of Friendship of Peoples. Series: Political Science*. 2023;25(2):445–454. (In Russ.)
9. Zinoviev A. A. On the way to the supersociety. *Sociology of power*. 2009;(2). (In Russ.)
10. Bagdasaryan V.A. Civilizational context of Russian legal transformations. *Moscow Law Journal*. 2019;(4). (In Russ.)
11. Pankov A. V. The civilizational-elitist approach: the actual change of research optics. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(1):209–216. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-209-216>. EDN EWCFAN
12. Shatilov A. B., Volkhonskaya Z. I., Osinina D. Priority values of «genetic co-da» of Russian statehood. *Bulletin of the Russian University of Friendship of Peoples. Series: Political Science*. 2023;25(1):97–112. (In Russ.)
13. Popova E. A., Martemianova Z. S. Features of digital interaction in the ecosystem of the lithic space. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2023;(1):191–196. (In Russ.). DOI 10.22394/2079-1690-2023-1-1-191-196. EDN WSYWDY.
14. Miroshnichenko I. V., Ryabchenko N. A. Ecosystem of Network Public Management: assessment of the network environment readiness to innovative practices (on the example of subjects of the Russian Federation). *South Russian Journal of Social Sciences*. 2017;(4). (In Russ.)
15. Popov A. K., Udalov I. D. Socio-economic consequences of ecosystem development. *Creative economy*. 2022;16(10):3727–3750. - doi: 10.18334/ce.16.10.116390. (In Russ.)
16. Medyakova Y. M., Kislitskaya N. A. Financial management in digital transformation. In: *Scientific article of the year 2023 : Sat. Articles VIII of the International Research Congress*, Penza, 15 May 2023. Penza: Science and Education (PE Gulyaev G.Y.), 2023:31–34. EDN MKTDFD.

Информация об авторе

В. А. Дорошенко – соискатель, ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the authors

V.A. Doroshenko – the applicant, South-Russia Institute of Management – branch of RANEPА.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 02.05.2024; одобрена после рецензирования 27.05.2024; принята к публикации 28.05.2024.

The article was submitted 02.05.2024; approved after reviewing 27.05.2024; accepted for publication 28.05.2024.

Постиндустриальная парадигма промышленной политики в современной России: перспективы и противоречия реиндустриализации

Павел Львович Жирнов

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. В статье анализируются противоречия и перспективы процесса реиндустриализации как выражения промышленной политики в современном российском государстве. Проводится сопоставление сложившихся в западной традиции концептуальных подходов к толкованию сущности постиндустриального развития экономики. Понятия «постиндустриализм» и «реиндустриализм» характеризуются как близкие по смыслу и истокам, но вместе с тем и содержащие принципиальные отличия. Связанные с глобалистской неолиберальной ориентированностью теории постиндустриального общества, подвергающей сомнению ценность и содержание суверенного национального пути развития экономики и политики. Автор статьи предлагает ряд императивов реиндустриализации, следование которым обеспечит преемственность и эффективность импортозамещения, а также восстановления промышленного потенциала с учетом внедрения новейших научно-технологических отечественных разработок. Ключевым моментом промышленной политики государства, исходящей из понимания роли знания в производстве и социальной сфере, является обеспечение институциональных условий реиндустриализации, ее правовое укрепление и выработка системы снижения рисков для частного бизнеса как способ стимуляции инвестиций в инновации.

Ключевые слова: постиндустриальное общество, реиндустриализация, модернизация, технологии, коммуникация, промышленность, импортозамещение, национальная экономика, инновации

Для цитирования: Жирнов П. Л. Постиндустриальная парадигма промышленной политики в современной России: перспективы и противоречия реиндустриализации // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 2. С. 284–290. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-284-290>. EDN LBACZV

Politology and Ethnopolitics

Original article

Post-industrial paradigm of industrial policy in modern Russia: prospects and contradictions of re-industrialization

Pavel L. Zhirnov

South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

Abstract. The article analyzes the contradictions and prospects of the process of re-industrialization as an expression of industrial policy in the modern Russian state. The article compares the conceptual approaches to the interpretation of the essence of post-industrial economic development that have been developed in the Western tradition. The concepts of “post-industrialism” and “re-industrialism” are characterized as close in meaning and origins, but at the same time containing fundamental differences. They are related to the globalist neoliberal orientation of the theory of post-industrial society, which questions the value and content of the sovereign national way of economic and political development. The author of the article proposes

a number of imperatives of re-industrialization, following which will ensure the continuity and efficiency of import substitution, as well as the restoration of industrial potential, taking into account the introduction of the latest scientific and technological domestic developments. The key point of the state industrial policy, based on the understanding of the role of knowledge in production and social sphere, is to provide institutional conditions for reindustrialization, its legal strengthening and development of a system of risk mitigation for private business as a way to stimulate investment in innovation.

Keywords: post-industrial society, reindustrialization, modernization, technology, communication, industry, import substitution, national economy, innovation

For citation: Zhirnov P. L. Post-industrial paradigm of industrial policy in modern Russia: prospects and contradictions of re-industrialization. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(2):284–290. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-284-290>. EDN LBACZV

Введение

Современная российская экономика, равно как и общество, государство в целом, переживает сложный период перехода на фундамент полностью автономного развития. В его основе совершенствование модели управления и использование новейших достижений научно-технологической, инженерной мысли с целью улучшения качества жизни населения и укрепления национального суверенитета. Очевидный характер неизбежности данного процесса в условиях беспрецедентного внешнего санкционного давления, однако, не отменяет необходимость разрешения существующих проблем и противоречий, с которыми сталкивается государство в ходе реализации новой парадигмы своей экономической и, конкретно, промышленной политики.

Главное противоречие (и как предмет научного познания и как область практических решений правительства и бизнес-сообщества) можно сформулировать в виде дихотомии – *постиндустриализация или реиндустриализация?* Существует ли в современном международном и внутриэкономическом контексте различие данных моделей или они едины на концептуальном, методологическом уровне и проблема заключается в определении оптимального механизма реализации указанной политической установки?

Целью предлагаемой статьи является как раз изучение данного вопроса – может ли рассматриваться постиндустриальная парадигма в качестве основы политики модернизации российской экономики в новейших жестких политических условиях. Возможно ли в принципе сегодня полагание содержания постиндустриального развития, признанное во всем мире в соответствии с новейшими стандартами производства и управления, в качестве основы процессов импортозамещения, восстановления ряда отечественных отраслей машиностроения, национальных разработок в области искусственного интеллекта и цифровых технологий и их последующего внедрения в реальный сектор. «В настоящее время тезис о необходимости реиндустриализации является бесспорным, однако предметом обсуждения остаются инструменты ее проведения» [1, с. 323].

Сама по себе промышленность всегда и во все времена, в том числе в странах Европы, США и России, выступала наиболее прогрессивным «генератором» инновационных производственных и экономических решений. Промышленный сектор является не только крупнейшим производителем продукции с высокой добавленной стоимостью (что само по себе очень важно для национальной экономики любой страны), но и ее же потребителем, каналом развития сферы услуг, транспорта, логистики, создания рабочих мест и, следовательно, фактором укрепления социальной политики государства. Для ответа на поставленные вопросы будем исходить из сложившегося в отечественной науке спектра концептуальных подходов к определению сущности постиндустриальной экономики и реиндустриализации [2].

Теоретическое обоснование

Концепт «постиндустриализм» и «постиндустриальное общество» отражает ведущие тенденции в развитии мировой гуманитарной науки, политической и социологической теории, наконец, экономики. Его истоки и смысл носят общефилософский характер и вписываются во фронтальные социально-исторические и цивилизационные исследования развития общества, его стадий, локальных особенностей и возможные сценарии будущего. Состояние глобального политического и экономического взаимодействия сегодня оценивается именно в этих ключевых координатах.

Первоначальные смыслы постиндустриальной парадигмы были предложены такими известными авторами, как Д. Белл, Э. Тоффлер, которые отмечали огромную роль в обществе «будущего» научно-технической «элиты», сменяющей элиту традиционную [3, с. 105]. Постиндустриализм предполагает переход к обществу, в котором доминирует экономика сервиса («постэкономика»), а промышленное производство становится непосредственным воплощением научного и технологического новаторства [4]. В основе экономики постиндустриальной стадии развития лежит интеллектуальный *человеческий капитал* [5]. Важнейшим ресурсом такой экономики является *информация* и способы получения информации. «Новая» элита формируется в такой научной «сетевой» коммуникативной среде не по национальному или финансовому признаку, не по способу влияния на власть и принятие решений, а по формам организации и степени *эксклюзивности* обладания ресурсом знания, информации [6].

Ряд современных отечественных ученых под реиндустриализацией понимают «модернизацию отечественной промышленности на основе проведения активной системной промышленной политики, предполагающей: – обновление производственного аппарата промышленности; – восстановление ее структурной (отраслевой) целостности; – решение кадровых проблем промышленности; – выравнивание пространственных характеристик промышленного потенциала страны» [7, с. 7]. Другой автор О. Ю. Мамедов делает акцент на участии госфинансирования в процессах реиндустриализацииб «Экономическая суть реиндустриализации – это стимулирование экономического роста за счет государственного бюджета, в целях модернизации устаревших и появления новых отраслей промышленности» [8, с. 8].

На наш взгляд, наиболее оптимальное определение «реиндустриализации» приводят современные российские ученые С. Д. Бодрунов и С. Ю. Глазьев: «Под реиндустриализацией понимается процесс, включающий не только восстановление роли промышленности в экономике и максимально возможное восполнение потерь от деиндустриализации, но и модернизацию индустриальной системы в целом, ориентированную на “длинные” деньги, и переход на стадию нового индустриального развития» [9, с. 290].

Исходя из обозначенного интегрального понимания реиндустриализации как процесса обновления производственной базы с целью повышения ее конкурентоспособности, можно предположить, что на концептуальном уровне, отражающем мейнстрим социально-политической мысли последнего времени, постиндустриальная парадигма не противоречит задачам реиндустриализации. И наоборот. Более того, именно реиндустриализация является наиболее эффективным способом внедрения инновационных программ развития, освоения научных разработок в области машиностроения, обрабатывающей промышленности, добывающих отраслей экономики, транспорта, развития строительного сегмента и аграрного производства современного типа [10].

Решение проблемы цифровизации экономики, качественного повышения доли высокотехнологичной продукции как раз и возможно за счет реиндустриализации. Данный процесс не отменяет фундаментальные смыслы постиндустриального этапа эволюции общества. Скорее, выступает его проводником, оптимизирующим трансформацию уже существующих отлаженных цепочек в региональном и общефедеральном структурировании экономики [11]. Реиндустриализацию можно рассматривать как своеобразный «перезапуск» реального сектора экономики, который во многом позволит снизить остроту противоречий транспортных издержек, локализации рабочей силы, связанной с развитием средних и малых городов (в том числе в регионах Сибири и Дальнего Востока страны), концентрации тех сфер производства, которые существенно повышают конкурентные преимущества российской экономики в мире.

Те общие для реиндустриализации и постиндустриализации черты, которые составляют основу современной прогрессивной стратегии российского государства, как раз снижают риски, на которые справедливо указывали некоторые отечественные исследователи: «За тренд постиндустриализма выдается новая геэкономическая модель мирового разделения труда, которая воспроизводит систему глобального доминирования в форме современного неокOLONиализма» [12, с. 28]. В этом смысле реиндустриализация не тождественна той глобалистски ориентированной цивилизационной программе «третьей волны» (о которой и писал Тоффлер), в соответствии с которой увеличение роли цифровых технологий в жизнедеятельности населения неизбежно будет приводить к повышению прозрачности государственных границ, политических структур и объединений.

В каком-то смысле реиндустриализация является суверенным национальным ответом на постиндустриализацию как внешние «условия» «входа» страны в мировое производственное, торговое и культурно-обменное пространство. Способность создать внутри государства необходимые институциональные условия (правовые, социальные, и даже ценностные, на уровне восприятия со стороны населения) является ключевым этапом рациональной промышленной политики современной России. Неолиберальная идеология ЕС и США, а также их сторонников, как показывает практика последних лет, лишь на поверхности выступает проводником ценности прав человека, личностной свободы и всеобщей открытости, мультикультурности и доступности для каждого всего жизненного пространства планеты. В действительности же она оказывается латентным методом установления собственного мирового доминирования в руках определенной части транснационального капитала, сконцентрированного в банковской сфере [13]. Можно сформулировать специфический парадокс, обнажающий суть современной глобальной цивилизационной повестки с учетом реалий восстановления политического, культурного и экономического суверенитета РФ и ряда других стран большого Юга и Востока. А именно: тренд глобализации на основе постиндустриальной стадии развития технологий и экономики, локализованной в трансатлантическом регионе, сегодня обернулся нарастанием *деглобализационных* процессов, при этом реиндустриализация выступает методом оптимизации перевода национальных экономических систем и промышленной политики на инновационные рельсы, сохраняющие и укрепляющие независимость государства от контроля и влияния со стороны прозападных центров технологического развития [14].

Следует выработать способы адаптации ряда отраслей отечественной промышленности к требованиям инновационного уровня развития. Данная задача, возможно, самая сложная. Ее решение в настоящее время лишь намечено и окончательное решение – дело не ранее, чем среднесрочной перспективы. Поскольку предыдущие десятилетия посткризисного транзитивного развития экономики во многом были связаны с освоением зарубежных высокотехнологичных продуктов и производственных форм. При этом отечественный интеллектуальный капитал не получал должной конвертации. Сегодня ситуация и в мире, и в стране кардинально изменилась. Глубинный смысл реиндустриализации как раз в том и состоит, что отечественной промышленности необходимо дать «новую жизнь». Никакие цифровые технологии *как таковые* не могут обеспечить тотальное преимущество национальной экономики и самого государства в мире, в котором фундаментальные противоречия цивилизационного масштаба – это рассогласование социального, культурного и политического доминирования одних регионов и стран над другими. Более половины человечества сегодня остро нуждается в реновации собственного жизненного пространства, в улучшении транспортной эффективности и доступности районов, экономически, климатически и социально наиболее пригодных для проживания. Решить эти и другие проблемы без широкого промышленного перевооружения вряд ли возможно.

В отношении отечественной экономики следует особо подчеркнуть, что процесс реиндустриализации способен вывести ее из состояния импортозависимости и фактической деиндустриализации (особенно в «тяжелых» отраслях, в станкостроении, авиастроении, машиностроении, производстве оборудования для пищевой и легкой промышленности), в которой она оказалась объективно погруженной после крушения еще советской политико-экономической системы и соответствующей модели управления. Авторы коллективного исследования процесса импортозамещения в текущей политико-экономической ситуации в стране, приводят следующие цифры по доли импортного оборудования в различных отраслях экономики на момент начала СВО: «Импортозамещение после февраля 2022 года: (Доля импорта) % - Электронная промышленность 80–90 %, Легкая промышленность 70–90 %, Медицинская промышленность 70–80 %, Тяжелое машиностроение 60–80 %, Машиностроение для пищевой промышленности 60–80 %, Фармацевтическая отрасль 50 %» [15]. Но проблема импортозамещения – это далеко не только проблема изменения цифр в статистических отчетах и бюрократических протоколах. Главное заключается в том, что необходимо оптимизировать баланс государственного сектора экономики и частного. Он должен быть гармоничным и эффективным. Не должен быть растрочен ценный исторический опыт минувшего времени, а также солидные наработки в этой области наших геополитических стратегических партнеров (страны-члены БРИКС и других площадок международного сотрудничества).

Предложения

Реиндустриализация носит векторный стратегический характер и очевидно должна опираться на ряд приоритетов, императивный характер которых и должен составлять основу современной отечественной промышленной политики: 1) сосредоточение инвестиционной активности в «локомотивных» отраслях экономики (к числу которых можно, по-видимому, отнести отечественный ВПК), что позволит отчасти решить проблему утечки капитала; 2) систематическое повышение «обучаемости» и адаптивности участников производственного процесса к новым стандартам и разработкам на основе достижений научно-технологической инновационной мысли; 3) клиентоориентированность отечественного производителя и ориентированность самого производства именно на отечественного потребителя (для экономики современного постиндустриального типа чрезвычайно важно поддерживать достаточно высокий и стабильный уровень внутреннего потребления); 4) новационные принципы экономического районирования производства (переосмысление содержания «экономической географии» с учетом реалий сегодняшнего дня, неравномерного развития территорий, диссонанса процессов депопуляции и репопуляции разных регионов и т. д.); 5) долгосрочный характер планирования, который может быть обеспечен и практически реализован только при условии наличия соответствующего политического решения, готовности общества и власти усиленно работать в заданном направлении.

Итоги

Все эти императивы могут быть реализованы еще при одном более глубинном фундаментальном условии – преодолении «отчужденной формы» элитарного сознания в обществе и во власти, что позволит не просто декларировать, но и предметно выражать, укреплять ценность национального независимого развития [16; 17, с. 122]. «Одним из основных условий, определяющих эффективность реиндустриализации, является ее реализация в гармонии с институциональным аспектом. Поистине глубокая, устойчивая и успешная реиндустриализация с долгосрочными полезными результатами возможна лишь тогда, когда изменятся базовые институты нашего общества» [9, с. 297]. Для снижения рисков реиндустриализации, укрепления ее правовых основ государство и должно выступать активным заинтересованным гарантом, который будет укреплять социальное доверие бизнеса к инновациям и промышленной политике государства. Только в единстве частно-государственного партнерства заключен залог успеха промышленной политики, исходящей из стратегии инноватизации экономики и ее реиндустриализации. Реиндустриализация является на сегодняшний день безальтернативным вариантом обновления отечественной промышленности и политической стратегии государства, связанной с формированием платформы устойчивого развития в среднесрочной перспективе.

Список источников

1. Туфетулов А. М., Серебряков В. Г. Реиндустриализация российской экономики как условие ее устойчивого развития // *Экономические науки*. 2022. №12 (217). С. 320-323. DOI: 10.14451/1.217.320.
2. Большаков А. В. Генезис и структура деловых сетей в контексте теории постиндустриальной экономики // *Экономический анализ: теория и практика*. 2012. № 10 (265). С. 35-40.
3. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Академия, 1999. 788 с.
4. Тоффлер Э. Третья волна. М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999. 784 с.
5. Гейтс Б. Дорога в будущее // Пер с англ. М: Диалог-Наука, 1997. 315 с.
6. Григорян Д. К., Делов Н. С., Ганжа М. В. Национализация интернета как инструмент власти по контролю за цифровым пространством // *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление*. 2022. № 2 (141). С.140-145.
7. Реиндустриализация экономики России в условиях новых угроз: Сборник статей // Под ред. С. Д. Валентея. Вып. 2. М.: ФГБОУ ВПО «РЭУ им. Г. В. Плеханова», 2015. 72 с.
8. Мамедов О. Ю. Нам нужна не реиндустриализация, нам нужна – реэкономизация! // *Terza economica*. 2016. Том 14. № 4. С. 6-13. DOI: 10.18522/2073-6606-2016-14-4-6-13.

9. Бодрунов С.Д., Глазьев С.Ю. Закономерности формирования основ ноономики как грядущего общественного устройства: знать и действовать. СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте; М.: Центркаталог, 2023. 340 с.
10. Андрианова Е. В., Давыденко В. А., Худякова М. В. Реиндустриализация: генезис проблематики и теоретические подходы к ее изучению в начале XXI века // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2018. Том 4. № 4. С. 24-61. DOI: 10.21684/2411-7897-2018-4-4-24-61.
11. Бодрунов С. Д. Формирование стратегии реиндустриализации России. Изд. 2-ое, перераб. и доп. В двух частях. Часть первая. СПб.: ИНИР, 2015. 551 с.
12. Якунин В. И. Постиндустриализм: опыт критического анализа // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2012. 2 (20). С. 18-30.
13. Лэйн Д. Вызов ноономики либеральному глобальному капитализму // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте. 2023. Т. 2, № 3. С. 68-77. DOI: 10.37930/2782-618X-2023-2-3-68-77.
14. Мальцев А. А., Мерсиер-Суисса К., Мордвинова А. Э. К трактовке понятия «реиндустриализация» в условиях глобализации // Экономика региона. 2017. Т. 13, вып. 4. С. 1044-1054. doi 10.17059/2017-4-6.
15. Демидова А. М., Кондратьев А. В., Лазарев Б. А. Современные особенности реализации стратегии импортозамещения в Российской Федерации // Вестник евразийской науки. 2023. Т. 15. № 1. URL: <https://esj.today/PDF/96FAVN123.pdf> (дата обращения 01.02.2024).
16. Ханджян А. А., Григорян Д. К. Патриотический дискурс и перспективы формирования нового элитарного сознания в современной России // Вопросы политологии. 2023. Выпуск 1(89). Том 13. С. 105-116.
17. Ханджян А. А., Григорян Д. К. Элитарное сознание и эволюция системы самоуправления в России: региональный аспект // Актуальные проблемы развития местного самоуправления в контексте современных вызовов: Материалы научно-практической конференции. Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2023. С. 122-124.

References

1. Tufetulov A. M., Serebryakov V. G. Reindustrialization of the Russian economy as a condition for its sustainable development. *Economic Sciences*. 2022. 12 (217): 320-323. DOI: 10.14451/1.217.320. (In Russ.)
2. Bolshakov A. V. Genesis and structure of business networks in the context of the theory of post-industrial economy. *Economic Analysis: Theory and Practice*. 2012. 10 (265): 35-40. (In Russ.)
3. Bell D. *The Coming Postindustrial Society. Experience of Social Forecasting*. Moscow: Academy, 1999. 788 p. (In Russ.)
4. Toffler E. *The Third Wave*. M.: LLC Firm "Publishing house ACT", 1999. 784 p. (In Russ.)
5. Gates B. *The Road to the Future*. Translated from English, M.: Dialog-Nauka, 1997. 315 p. (In Russ.)
6. Grigoryan D. K. K., Delov N. S., Ganja M. V. Nationalization of the Internet as an instrument of power to control the digital space. *Science and Education: Economy and Economics; Entrepreneurship; Law and Management*. 2022. 2 (141):140-145. (In Russ.)
7. Reindustrialization of the Russian economy under new threats: Collection of articles. Vol. 2. Moscow: FGBOU VPO "Plekhanov Russian Economic University", 2015. 72 p. (In Russ.)
8. Mamedov O. Y. We do not need reindustrialization, we need re-economization! *Terra economicus*. 2016. Vol. 14, (4): 6-13. DOI: 10.18522/2073-6606-2016-14-4-6-13. (In Russ.)
9. Bodrunov S.D., Glazyev S.Yu. Regularities of the Noonomy Foundations Formation as Future Social Order: To Know and Operate. St. Petersburg: S.Y. Witte INID; Moscow: Centercatalog, 2023. 340 p. (In Russ.)
10. Andrianova E. V., Davydenko V. A., Khudyakova M. V. Reindustrialization: the genesis of problems and theoretical approaches to its study in the early XXI century. *Bulletin of Tyumen State University. Socio-economic and legal studies*. 2018. Vol. 4. (4): 24-61. DOI: 10.21684/2411-7897-2018-4-4-24-61. (In Russ.)
11. Bodrunov S. D. Formation of the strategy of reindustrialization of Russia. Izd. 2nd, revision and supplement. In two parts. Part one. SPb.: INIR, 2015. 551 p. (In Russ.)
12. Yakunin V. I. Postindustrialism: the experience of critical analysis. *Economic and social changes: facts, trends, forecast*. 2012. 2 (20): 18-30. (In Russ.)

Young scientists

Zhirnov P. L. *Post-industrial paradigm of industrial policy in modern Russia: prospects and contradictions of re-industrialization*

13. Lane D. The Challenge of Noonomics to Liberal Global Capitalism. *Noonomics and NooSociety. Almanac of the Proceedings of the S.Y. Witte INIR*. 2023. 2 (3): 68-77. DOI: 10.37930/2782-618X-2023-2-3-68-77. (In Russ.)

14. Maltsev A. A., Mercier-Suisse K., Mordvinova A. E. To the interpretation of the concept of "re-industrialization" in the context of globalization. *Regional Economics*. 2017. 13 (4): 1044-1054. DOI: 10.17059/2017-4-6. (In Russ.)

15. Demidova A.M., Kondratiev A.V., Lazarev B.A. Modern features of the implementation of the import substitution strategy in the Russian Federation. *The Eurasian Scientific Journal*. 2023; 15(s1): 96FAVN123. Available at: <https://esj.today/PDF/96FAVN123.pdf>. (In Russ., abstract in Eng.) (accessed on 01.02.2024). (In Russ.)

16. Khanjyan A. A., Grigoryan D. K. Patriotic discourse and prospects for the formation of a new elite consciousness in modern Russia. *Voprosy politologii*. 2023. 1(89-13): 105-116. (In Russ.)

17. Khanjyan A. A., Grigoryan D. K. Elitist consciousness and the evolution of self-government system in Russia: regional aspect. *Actual problems of local self-government development in the context of modern challenges: Proceedings of the scientific and practical conference*. Rostov n/D.: Izd-voor YURIU RANEPА, 2023. P. 122-124. (In Russ.)

Информация об авторе

П. Л. Жирнов – аспирант кафедры политологии и этнополитики, ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the authors

P. L. Zhirnov – Postgraduate Student of the Department of Political Science and Ethnopolitics, South-Russia Institute of Management – branch of RANEPА.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 02.04.2024; одобрена после рецензирования 27.04.2024; принята к публикации 28.04.2024.

The article was submitted 02.04.2024; approved after reviewing 27.04.2024; accepted for publication 28.04.2024.

Российские некоммерческие организации как акторы государственной молодежной политики: формы участия и результаты

Юрий Викторович Кудинов

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, kudinu5288@gmail.com

Аннотация. В данной статье предлагается анализ современного ландшафта российских некоммерческих организаций, которые являются активными участниками мероприятий общественной и государственной молодежной политики. Выделены основные категории некоммерческих организаций – социальной и политической направленности. Охарактеризованы существующие практики участия политически ориентированных некоммерческих организаций в реализации мероприятий государственной молодежной политики. Делаются выводы о состоятельности и результативности деятельности некоммерческих организаций в отношении реализации ключевых направлений государственной молодежной политики в Российской Федерации. Рассматриваются перспективные формы участия в связи с новеллами, закрепляющимися в настоящее время в российском законодательстве.

Ключевые слова: государственная молодежная политика, общественная молодежная политика, некоммерческие организации, социальная политика, социально ориентированные некоммерческие организации

Для цитирования: Кудинов Ю. В. Российские некоммерческие организации как акторы государственной молодежной политики: формы участия и результаты // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 2. С. 291–296. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-291-296>. EDN LCANNR

Young scientists

Original article

Russian non-profit organizations as actors of state youth policy: forms of participation and results

Yuriy V. Kudinov

South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, kudinu5288@gmail.com

Abstract. This article offers an analysis of the modern landscape of Russian non-profit organizations that are active participants in public and state youth policy events. The main categories of non-profit organizations of social and political orientation are highlighted. The existing practices of participation of politically oriented non-profit organizations in the implementation of state youth policy measures are characterized. Conclusions are drawn about the viability and effectiveness of the activities of non-profit organizations in relation to the implementation of key areas of state youth policy in the Russian Federation. Promising forms of participation are considered in connection with the novelties currently being fixed in Russian legislation.

Keywords: state youth policy, public youth policy, non-profit organizations, social policy, socially oriented non-profit organizations

For citation: Kudinov Yu. V. Russian non-profit organizations as actors of state youth policy: forms of participation and results. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2024;(2):291–296. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-291-296>. EDN LCANNR

Одним из показателей позитивного развития институтов гражданского общества выступает активность деятельности некоммерческих организаций (НКО). Последние являются уже не только «буферной зоной» между государством и экономикой, но и субъектами государственной политики. Данная трансформация наблюдается в последние десятилетия – с момента принятия федерального закона «Об основах социального обслуживания граждан Российской Федерации», что привнесло конкурентную борьбу в социальный сектор. Более того, государство делегирует НКО часть социальных функций поставщиков общественных благ и услуг, модифицируя НКО в актора социальной политики [1, с. 141].

В деятельности некоммерческих организаций преимущественное участие принимает молодежь, поскольку аккумулирует в себе социальные трансформации и, переходя из статуса объекта в субъект НКО, стремится транслировать в мир свои предложения по решению социально значимых проблем. НКО выступает не только как инструмент социализации и социальный лифт, но и как возможность подготовки к общественно-политической деятельности – в зависимости от типа организации.

НКО отличаются большим многообразием своей функциональной направленности, при определении предмета деятельности исходя из проблемного поля различных существующих социальных сфер – от экозащитного направления, – до решения общественно значимых и острых в восприятии социумом задач. Большинство российских НКО в своей деятельности преследуют социально-политические цели. Социально ориентированные НКО (СО НКО) занимаются поддержкой малоимущих граждан и тех, кто оказался в трудной жизненной ситуации, в том числе участников СВО и членов их семей, профилактикой девиантных форм поведения граждан, благотворительностью, пропагандой здорового образа жизни, культивированием патриотизма, оказанием юридических услуг на бесплатной или льготной основе [2].

Президент РФ Путин В.В. в посланиях Федеральному Собранию РФ неоднократно отмечал роль неправительственных объединений в политическом процессе – его невозможно представить без учета мнений и позиций третьего сектора¹. По данным результатов мониторингового опроса по теме волонтерской деятельности от компании ВЦИОМ², в настоящее время отмечается общественный интерес и рост организаций социальной направленности – по состоянию на май 2024 года их количество составляет 52 283³. Связано это, прежде всего, с популяризацией практик помощи и поддержки участников СВО и их семей.

НКО осуществляют и политическую деятельность, к формам которой законодательно отнесены: «участие в митингах и шествиях; в деятельности, направленной на достижения результата на выборах или референдуме; наблюдение за проведением выборного процесса, участие в работе избирательных комиссий и работе партий»⁴. А. П. Шадрикова к формам влияния относит «письменные обращения в органы власти, привлечение СМИ, попытки проведения общественной экспертизы, лоббирование через органы власти, использование криминальных структур» [3, с. 530]. К данной типологии можно отнести формы участия в диджитал-пространстве: создание и продвижение онлайн-петиций, создание сообществ политической направленности, комментарийная активность в целях пропаганды определенных взглядов и др. Известны практики делегирования со стороны государства функций обеспечения социальными благами и гражданского контроля – данная форма участия позволяет НКО наравне с органами власти влиять на процесс принятия политических решений и осуществлять контроль за их исполнением [4, с. 172].

Применительно к реализации молодежной политики законодательно предлагается определить новые формы деятельности НКО: «реализация проектов и программ по основным направлениям, содействие в реализации молодежных инициатив, создание условий для развития трудовой и проектной активности молодежи путем совмещения учебы и трудовой деятельности, в том числе в рамках деятельности студенческих отрядов»⁵. Следовательно, возможно выделить следующие формы участия НКО в реализации молодежной политики: реализация проектов, в том числе организация и проведение мероприятий, реализация молодежных инициатив, привлечение молодежи к участию в волонтерской деятельности и трудоустройство молодежи.

¹ Справочник официальных сайтов органов власти Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://priroda.inc.ru/blog/spravki.html> (дата обращения: 26.05.2024).

² Волонтеры России: мониторинг // ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/volontery-rossii-monitoring> (дата обращения: 26.05.2024).

³ Реестр СОНКО // Министерство экономического развития Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/departments/d04/sonko/reestr_sonko/ (дата обращения: 26.05.2024).

⁴ Дума уточнила понятие политической деятельности НКО // Интерфакс [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/russia/509327> (дата обращения: 26.05.2024).

⁵ В Думе предложили определить новые формы деятельности НКО в сфере молодежной политики // ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/20178921> (дата обращения: 26.05.2024).

Молодежная политика в социогуманитарном знании понимается в двух значениях: как направление деятельности субъектов политики, имеющее свое воздействие на социализацию и развитие молодежи, а через это на будущее состояние общества, как отношение общества к молодежи как социальной группе и наоборот¹.

В зависимости от субъекта воздействия молодежная политика подразделяется на два вида: общественную молодежную политику и государственную молодежную политику. П.А. Меркулов определяет общественную молодежную политику как «систему идей и взглядов, касающихся молодежи, ее роли в обществе, а также практических действий различных социальных институтов, направленных на претворение этих идей и взглядов в жизнь» [5, с. 4]. Автор концепции И.М. Ильинский предполагал ОМП с приоритетом управления как дополнение ГМП. К субъектам как ОМП, так и ГМП относятся: политические партии, общественные организации (включая НКО), хозяйственные корпорации. Некоторые НКО, преимущественно политической направленности, настолько плотно взаимодействуют с органами государственной власти, что их деятельность невозможно рассмотреть в отдельности, однако те НКО, у которых не выстроены отношения с органами власти, не менее эффективно реализуют ОМП на местном уровне, по успешности наравне с ГМП.

НКО отводится одна из ключевых ролей в реализации государственной молодежной политики, вторая по значимости после органов власти. По мнению российских исследователей [6], именно НКО задают тренды и векторы движения молодежной политики, отвечая запросам общества, а также осуществляют функцию интеграции молодежи в общественно-политический процесс.

Аполитичность и плюрализм политических взглядов – перманентные характеристики молодежи в отношении политического участия. НКО позволяют включить молодежь в политическую повестку посредством вовлечения в проекты, реализованные с помощью государства. Иными словами, НКО являются транслятором идей государственных программ развития молодежи.

Недостатки деятельности НКО как субъекта молодежной политики сводятся к двум свойствам: малочисленные некоммерческие организации во главу угла своей деятельности ставят формирование политической культуры молодежи; культивирование политических ценностей происходит внутри некоммерческой организации и не транслируется на всю молодежную группу, что связано, как правило, с учреждением НКО «старшими товарищами», а не как следствие инициативы молодежи в объединении на основании общих интересов [5, с. 5].

Далее мы предпримем попытку анализа практик участия в реализации государственной молодежной политики современных российских некоммерческих организаций, а также рассмотрим результаты их деятельности.

Некоммерческие организации политической направленности составляют довольно узкую прослойку – они являются «молодежными крыльями» политических партий [7].

Крупнейшей НКО политического характера является «Молодая Гвардия Единой России» (МГЕР) – численность ее членов насчитывает более 170 тысяч². В 2005 году состоялся первый съезд организации. МГЕР как использует проектные инструменты влияния на государственную молодежную политику, так и принимает непосредственное участие в выборах кампаниях.

Политическая социализация молодежи, а также трансляция идей партии «Единая Россия» реализуются наиболее успешно в рамках федерального образовательного проекта «Школа парламентаризма». Он подразумевает организацию встреч с общественно-политическими лидерами, обучение политическим технологиям, подготовку и продвижение законодательных инициатив, основная цель обучения – подготовка специалистов для прохождения стажировки в органах государственной власти. В 2021 г. состоялся второй сезон «школы – фабрики будущих политиков», на участие в нем зарегистрировались 4 тысячи человек из 30 регионов страны, в том числе из Донецкой и Луганской народных республик. Отбор и собеседование успешно прошли 1500 человек, став слушателями проекта. По завершению школы 10 участников отправились на стажировку к депутатам Государственной Думы, более 100 – к депутатам других уровней [8]. Таким образом, НКО трансформируется в институт социального лифта для молодежи. Кроме этого, в 2020 году МГЕР запустила проект «МГЕР-обновление» – с целью обновления кадрового состава партии. В нем приняли участие 684 человека, 6 из них стали финалистами. В том же году МГЕР провела акцию, направленную на ознакомление

¹ Социология молодежи. Энциклопедический словарь. М.: АCADEMIA, 2008.

² Пространство подготовки новой власти // Молодая Гвардия [Электронный ресурс]. URL: <https://mger.ru/npravleniya/kuznitsa-politicheskikh-kadrov/> (дата обращения: 26.05.2024).

молодых людей с поправками в Конституцию РФ, раздавая всем экземпляр поправок и ленточки с российским триколором. Среди ранних кадровых проектов МГЕР – Школа муниципального депутата (2015 г.), Федеральный молодежный избирательный штаб (2016 г.) [9].

В 2021 году МГЕР оказала помощь в формировании «Народной программы», проведя более 100 акций, на которых более 5 тысяч представителей молодежи внесли более 100 предложений.

На выборах различных уровней в 2021 году приняли участие 850 членов МГЕР, 149 из них победили на выборах: в Государственную Думу прошли 15 членов Молодой Гвардии, 117 выиграли выборы в органы местного самоуправления, 9 – в административных центрах, 9 человек прошли в законбрания¹. Как утверждает команда МГЕР, на сегодняшний день трудятся «сотни действующих депутатов региональных парламентов и тысячи муниципальных»². На период выборов МГЕР запускает антифейковый штаб, который собирает нарушения на выборах и после процедуры фактчекинга публикует опровержения: к примеру, на выборах 2021 года ими было собрано 5125 нарушений, из них подтвердились лишь 94. Такие практики повышают уровень легитимности российской власти в глазах общества и особенно эффективно влияют на повышение политической социализации молодежи.

В настоящее время деятельность МГЕР сосредоточена вокруг гуманитарной помощи для участников СВО, их семей и просветительских и образовательных проектов.

Еще одна НКО, которую можно с уверенностью отнести к акторам ГМП, – «Ленинский коммунистический союз молодежи» (ЛКСМ) при партии КПРФ (до 2011 года – «Союз коммунистической молодежи» (СКМ)). В 1999 году состоялся первый учредительный съезд обновленной комсомольской организации. В Уставе ЛКСМ обозначено разделение идей с партией КПРФ и стремление к их достижению – так же, как и в Уставе МГЕР. Однако в отличие от МГЕР, у ЛКСМ есть своя программа, каналом распространения коммунистических идей указывается СМИ³.

Среди направлений деятельности в отношении молодежи ЛКСМ выделяет следующие:

1. Осуществление защиты прав и свобод молодежи;
2. Организация митингов, демонстраций и др. с целью выражения точки зрения по общественной и молодежной повестке;
3. Разработка, внедрение и реализация молодежных программ как самостоятельно, так и с привлечением органов государственной власти и общественных организаций, организация политической учебы;
4. Участие в избирательных кампаниях КПРФ.

Вступить в ЛКСМ могут молодые люди в возрасте от 14 до 35 лет, в Уставе МГЕР верхней границы нет. После 35 лет членство ЛКСМ прекращается, продление возможно только с согласия первичной организации.

ЛКСМ в направлениях своей деятельности преимущественно сосредоточено на сохранении исторической памяти и советского прошлого – с этой целью с 2014 года реализуется патриотический проект «Знамя нашей Победы». Активисты «молодежного крыла» посещают учебные заведения, рассказывают о достижениях региона и страны в период советской власти, изготавливают копию Знамени Победы. Другие политические проекты у ЛКСМ отсутствуют, политическое просвещение институционализировано в структуре самой партии КПРФ – Центр политической учебы при ЦК КПРФ, в котором проходят обучение все активисты ЛКСМ в предвыборный период.

Члены молодежного КПРФ представлены в качестве депутатов в Государственной Думе, являются помощниками депутатов, депутатами Молодежного парламента при Государственной Думе, депутатами на других уровнях⁴.

Молодежная организация ЛДПР относится к структуре партии ЛДПР, не имеет собственного юридического оформления и организационно-правовой структуры НКО. Однако следует упомянуть проект, направленный на молодежное участие в политическом процессе.

¹ О Молодой Гвардии [Электронный ресурс]. URL: <https://mger.ru/gvardiya/?ysclid=l6esmta41g393580332> (дата обращения: 26.05.2024).

² Пространство подготовки новой власти // Молодая Гвардия [Электронный ресурс]. URL: <https://mger.ru/npravleniya/kuznitsa-politicheskikh-kadrov/> (дата обращения: 26.05.2024).

³ Геннадий Зюганов на «Территории смыслов»: «Пропагандировать программу КПРФ и укреплять авторитет партии» [Электронный ресурс]. URL: <https://komsomolrf.ru/novosti/gennadij-zyuganovna-territorii-smyslov-prorogandirovat-programmu-kprf-i-ukreplyat-avtoritet-partii.html> (дата обращения: 26.05.2024).

⁴ Руководство // Ленинский комсомол [Электронный ресурс]. URL: <https://komsomolrf.ru/struktura> (дата обращения: 26.05.2024).

МО ЛДПР институционально представлен в виде Молодежного центра ЛДПР в Москве¹. Он предоставляет возможность политической социализации – получение политического образования, участие в дебатах и форумах политической направленности, участие в организации и работе Круглых столов в стенах Государственной Думы. Среди политических проектов Центр реализует «Молодежный избирательный штаб ЛДПР» – мастер-классы, дебаты, стратегические сессии, работа с депутатами в процессе избирательной кампании в Московскую городскую Думу, участие в разработке социальных проектов, мерч и благодарственные письма в качестве призов за участие, лучшим участникам по итогам «штаба» предоставляется возможность стать помощником депутата Государственной Думы. Уже более 100 молодых людей приняли участие в проекте.

В 2020 году состоялся учредительный съезд «Молодежи Справедливой России». Организация также декларирует ценности социализма и придерживается политической программы партии «Справедливая Россия». В ее состав входят представители «Справедливой силы», выпускники кадрового резерва, молодые депутаты и члены партии возрастом до 36 лет, а также беспартийные лица, разделяющие политический курс партии.

Молодежное крыло реализует проект «Политшкола молодежи Справедливой России», направленный на ресурсное обеспечение избирательной кампании на Выборах-2024 по аналогии с проектом МО ЛДПР. Политшкола подразумевает решение и других задач – выявление актива партии и создание для него социальных лифтов, повышение политической и правовой грамотности преследователей МСР и партии². Программа проекта включает в себя проведение занятий по избирательному праву, политическому пиару и технологиям, получению навыков публичных выступлений, ведению социальных сетей, а также встречи с депутатами и экспертами в области политической науки и технологий.

При содействии Молодежи Справедливой России состоялось учреждение Палаты молодых депутатов партии в процессе работы Форума молодых депутатов, который завершился с множеством предложений от молодежи законодательных инициатив, в развитии деятельности молодежи, поддержке инициатив и развитии институтов гражданского общества. Подразумевается, что Палата депутатов будет внедрять успешные практики на региональном уровне³.

Молодая партия «Новые люди» пока что не имеет молодежного отделения.

Некоммерческие организации, направленные на реализацию мероприятий в сфере молодежной политики, являются как ее особым инструментом, так и социальным лифтом. Начиная с процесса политической социализации, идеологизации сознания, транслирования и внедрения идеологических ценностей [10], некоммерческие организации способствуют участию молодежи в политическом процессе, включая электоральный, продвигая свои интересы на разных уровнях власти. Существуют и косвенные способы влияния на молодежный политический процесс – привлечение СМИ, лоббирование интересов, составление обращений в органы государственной власти, создание онлайн-петиций, использование спам-ботов для продвижения своих идей и др.

Следует отметить субъектность некоммерческих организаций в формировании повестки развития молодежи как общественно-политической силы, так, к примеру, организациями задан тренд на обновление кадров в государственных органах – на это направлены кадровые проекты большинства молодежных отделений (МГЕР, МСР, МО ЛДПР). Можно сделать вывод об эффективности работы НКО в данном направлении, исходя из количества членов организаций в органах власти различных уровней.

Список источников

1. Государственная молодежная политика в России: социально-психологические основания и технологии реализации / Авт.: Зиненко В.Е., Карпова В.В., Орлова Н.В., Плешаков В.А., Попова С.Ю., Прокохина М.И., Пронина А.А., Пронина Е.В., Селезнева А.В., Чуев С.В., Шилина И.Б. / Под общей редакцией С.Ю. Поповой. – М.: Аквилон, 2019. – 448 с.

2. Пилипенко А. Д. К вопросу о месте и роли социально ориентированных НКО в политической системе современной России // Вестник Московского государственного областного университета. 2021. № 1. С. 133-145.

¹ Молодёжь ЛДПР в Москве // ВКонтакте [Электронный ресурс]. URL:

https://vk.com/molvremya_msk?w=club137736578 (дата обращения: 26.05.2024).

² ПОЛИТШКОЛА Молодёжи СПРАВЕДЛИВОЙ РОССИИ [Электронный ресурс]. URL: <https://spravedlivo.ru/politschool> (дата обращения: 26.05.2024).

³ В Москве состоялось учреждение Палаты молодых депутатов партии "СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ – ПАТРИОТЫ – ЗА ПРАВДУ", в котором принял участие Рустам Шоров [Электронный ресурс]. URL: <https://bashkiria.spravedlivo.ru/24662110> (дата обращения: 26.05.2024).

3. Шадрикова А. П. Некоммерческие организации: роль и влияние в процессе принятия политических решений // Модернизация экономики и глобализация: В 3 кн. Кн. 1. М. : Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2009. С. 527-534.

4. Вагапова Ф. Г., Вагапов Р. Н., Устинкин С. В. Некоммерческая организация (НКО) в социально-политических процессах современной России: теоретический аспект // Власть. № 1. 2020. С. 170-177.

5. Меркулов П. А. Молодежная политика в России: государственные и общественные управленческие практики: Научная монография. – Орел: Издательство Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС, 2017. – 160 с.

6. Черкесс К. А. Роль молодежных НКО в формировании и развитии социальных лифтов в современной России // Общество: социология, психология, педагогика. № 11. 2020. С. 45-50.

7. Отроков О.Ю. Специфика деятельности некоммерческих организаций России в направлении политической социализации молодежи // Власть. 2021. № 2. С. 212-217.

8. Бочкаев А. Р. Деятельность молодежных политических организаций // Власть. № 2. 2023. С. 49-55.

9. Ширяева С. В. Парламентские партии и молодежные политические организации: проблемы и перспективы развития / С. В. Ширяева, А. В. Орлова // Многопартийность в России в XX в.: становление, динамика, трансформации : Материалы международной научной конференции, Москва, 01–02 ноября 2018 года / Под общей редакцией А.Б. Ананченко. – Москва: Московский педагогический государственный университет, 2019. С. 214–221.

10. Деточенко Л.С., Пупыкин Р.А. Национальные модели молодежной политики: зарубежный опыт: монография. – Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2016. – 174 с.

References

1. *State youth policy in Russia: socio-psychological foundations and implementation technologies*. Author: Zinenko V.E., Karpova V.V., Orlova N.V., Pleshakov V.A., Popova S.Yu., Prokikhina M.I., Pronina A.A., Pronina E.V., Selezneva A.V., Chuev S.V., Shilina I.B. Under the general editorship of S.Yu. Popova. Moscow: Aquilon; 2019. 448 p. (In Russ.)

2. Pilipenko A. D. On the question of the place and role of socially oriented NGOs in the political system of modern Russia. *Bulletin of the Moscow State Regional University*. 2021;(1):133–145. (In Russ.)

3. Shadrikova A.P. Non-profit organizations: role and influence in the process of making political decisions. In: *Modernization of the economy and globalization: In 3 books. Book 1*. Moscow: Publishing House of the State University-Higher School of Economics, 2009:527–534. (In Russ.)

4. Vagapova F. G., Vagapov R. N., Ustinkin S. V. Non-profit organization (NPO) in the socio-political processes of modern Russia: theoretical aspect. *Vlast'*. 2020;(1):170–177. (In Russ.)

5. Merkulov P. A. *Youth policy in Russia: state and public management practices*: Scientific monograph. Orel: Publishing house of the Central Russian Institute of Management – branch of RANEPА; 2017. 160 p. (In Russ.)

6. Cherkess K. A. The role of youth NGOs in the formation and development of social elevators in modern Russia. *Society: sociology, psychology, pedagogy*. 2020;(11):45–50. (In Russ.)

7. Otrokov O.Yu. Specifics of the activities of non-profit organizations in Russia in the direction of political socialization of youth. *Vlast'*. 2021;(2):212–217. (In Russ.)

8. Bochkaev A. R. Activities of youth political organizations. *Vlast'*. 2023;(2):49–55. (In Russ.)

9. Shiryayeva S. V., Orlova A. V. Parliamentary parties and youth political organizations: problems and prospects for development. In: *Multi-party system in Russia in the 20th century: formation, dynamics, transformations: Materials of the international scientific conference*, Moscow, November 01–02, 2018. Under the general editorship of A.B. Ananchenko. Moscow: Moscow Pedagogical State University; 2019:214–221. (In Russ.)

10. Detochenko L. S., Pupykin R. A. *National models of youth policy: foreign experience*: monograph. Rostov-on-Don: Southern Federal University Publishing House; 2016. 174 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Ю. В. Кудинов – аспирант кафедры социологии ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the author

Y. V. Kudinov – Postgraduate Student of the Department of Sociology, South-Russia Institute of Management – branch of RANEPА.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 13.05.2024; одобрена после рецензирования 29.05.2024; принята к публикации 30.05.2024.

The article was submitted 13.05.2024; approved after reviewing 29.05.2024; accepted for publication 30.05.2024.

Научная статья
УДК 327

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-297-301>

EDN LIMZKL

Цифровая гегемония США: особенности, цели и последствия

Лю Сюаньцзя¹,
Сунь Гуаня²

^{1,2}Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Аннотация. В статье анализируются особенности, цели и последствия цифровой гегемонии США. В статье утверждается, что эта гегемония позволила Соединенным Штатам сохранить глобальное лидерство в области инноваций и использовать свое доминирующее положение в киберпространстве для одностороннего влияния на другие страны. В результате цифровой гегемонии США правила глобального управления данными стали фрагментироваться, а такие вопросы, как кибербезопасность, трансграничные потоки данных и цифровой суверенитет, привлекли широкое внимание международного сообщества. «Игра» между США и Китаем вокруг вопросов цифрового управления обострилась и отражается в геополитическом и экономическом измерениях, влияя на формирование глобального цифрового управления. В статье утверждается, что необходимо содействовать созданию более демократичного и инклюзивного глобального цифрового порядка, смягчить последствия одностороннего нормотворчества США и других стран, а также способствовать сбалансированному развитию глобальной цифровой экономики.

Ключевые слова: цифровая гегемония, цифровое управление, США, цифровая экономика, цифровой суверенитет

Для цитирования: Лю Сюаньцзя, Сунь Гуаня. Цифровая гегемония США: особенности, цели и последствия // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 2. С. 297–301. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-297-301>. EDN LIMZKL

Young scientists

Original article

The US digital hegemony: characteristics, objectives and implications

Liu Xuanjia¹,
Sun Guangya²

^{1,2}Moscow State University named after M. V. Lomonosov, Moscow, Russia

Abstract. The article analyses the characteristics, goals and consequences of the US digital hegemony. The article argues that this hegemony has allowed the United States to maintain global leadership in innovation and to use its dominant position in cyberspace to unilaterally influence other countries. As a result of US digital hegemony, the rules of global data governance have become fragmented and issues such as cybersecurity, cross-border data flows and digital sovereignty have attracted widespread international attention. The "game" between the US and China around digital governance issues has escalated and is reflected in geopolitical and economic dimensions, influencing the shaping of global digital governance. The article argues that it is necessary to promote a more democratic and inclusive global digital order, mitigate the effects of unilateral rulemaking by the US and other countries, and promote the balanced development of the global digital economy.

Keywords: digital hegemony, digital governance, USA, digital economy, digital sovereignty

For citation: Liu Xuanjia, Sun Guangya. The US digital hegemony: characteristics, objectives and implications. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(2):297–301. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-297-301>. EDN LIMZKL

С непрерывным развитием цифровых технологий глобальная экономика становится все более оцифрованной, а такие проблемы, как управление данными, кибернетическая информационная безопасность и неравномерное распределение цифровых ресурсов, возникают один за другим. Цифровое управление постепенно становится актуальным предметом обсуждения на международной политической арене. Цифровая гегемония, как главная угроза глобальному цифровому управлению, объективно увеличила цифровой разрыв и привела к дисбалансу в глобальной сетевой мощи, препятствуя формированию глобальной системы цифрового управления.

Цифровая гегемония означает способность небольшого числа стран или компаний монополизировать, контролировать и использовать большие объемы данных с помощью цифровых технологий, чтобы доминировать в цифровой экономике и сделать невозможной конкуренцию со стороны других стран или компаний [1].

После окончания холодной войны, после реализации программы "Национальная информационная инфраструктура: программа действий", принятой правительством Клинтона в 1993 году, и введения других мер по поддержке цифровой индустрии, американские крупные технологические транснациональные гиганты в лице Google, Amazon, Microsoft и так далее быстро захватили глобальный цифровой рынок благодаря своим первенствам и технологическим преимуществам. В этом процессе Соединенные Штаты заняли лидирующую позицию в установлении "цифровой гегемонии" американского типа посредством цифровой трансформации и накопления крупномасштабных факторов производства данных, благодаря своему преимуществу первенства и монополии.

Особенности цифровой гегемонии Соединенных Штатов можно свести к следующему: продвижение политики данных, основанной на своих ценностях, поддержание глобального лидерства в области технологических инноваций, а также использование асимметричных преимуществ в киберпространстве для оказания влияния на другие страны в унилатеральном порядке.

Во-первых, в отношении проблемы передачи данных, США выступают за свободное движение данных через границы и модель "многих заинтересованных сторон", подчеркивая запрет на использование положений о локализации данных, утверждая, что члены не должны налагать произвольные или дискриминационные ограничения на передачу данных, чтобы обеспечить, что соответствующие компании не нуждаются в создании или покупке цифровой инфраструктуры на месте [2]. В марте 2018 г. Конгресс США принял Закон о разъяснении законного использования данных за рубежом (CLOUD Act). Этот закон заменяет традиционный «стандарт места хранения данных» на «стандарт контролера данных», предоставляя американскому правительству право получать данные, контролируемые американскими компаниями, через юридические средства [3], с целью достижения американского регулирования глобальных потоков данных.

Во-вторых, в области технологических инноваций, отчет "Мировые показатели интеллектуальной собственности" (WIPI) за 2022 год показывает, что США лидируют в мире по количеству заявок на патенты, количеству действующих патентов, заявкам на промышленные образцы и т.д., и поднялись на второе место в рейтинге "Глобальный индекс инноваций"¹. Эти достижения укрепили их доминирующее положение в глобальном производстве высокотехнологичной продукции и установлении отраслевых стандартов. В то же время, США и их технологические гиганты, используя монопольные преимущества в области цифровых технологий и информации, ограничивают способность других стран к цифровым инновациям.

Наконец, США активно используют свое преимущество в киберпространстве, нарушая суверенитет других стран в сети и влияя на безопасность данных. К примеру, с момента начала СВО в конце февраля 2022 г. Сайт телеканала Russia Today (RT) подвергался DDoS-атакам в течение 6 часов, причем

¹ Мировые показатели деятельности в области интеллектуальной собственности (2022г). // World Intellectual Property Organization. 2022 г. URL: <https://www.wipo.int/publications/ru/details.jsp?id=4632> (дата обращения: 02.05.2024)

1/4 атак исходила из США. 29 марта МИД России заявило, что западные страны во главе с США совершают до 100 000 злонамеренных атак на российские сети в день¹.

Основная цель США в активном поддержании своего цифровой гегемонии заключается в стремлении контролировать глобальные правила цифрового управления. Из-за отсутствия единых глобальных стандартов цифрового управления, США, опираясь на свое международное влияние, лидируют в формировании международных механизмов сотрудничества и координации в области глобального управления трансграничными данными, ориентированными на либерализм, и контролируют глобальное дискурсивное право в области цифровых экономических и торговых правил. В ряде многосторонних и двусторонних торговых соглашений, таких как ВТО, Транстихоокеанское партнерство (ТПП), Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство (ТТИП), Соглашение о торговле услугами (ТИСА), США впервые включили правила цифровой торговли в качестве отдельного пункта под главой об электронной коммерции, пытаясь доминировать в глобальных правилах цифровой торговли.

Еще одной целью цифровой гегемонии США является обеспечение контроля над глобальными данными, что позволит перенести их лидирующее положение в реальном мире в область цифровой экономики. Глобальный объем данных увеличился с 42ZB в 2019 году до 81.3ZB в 2022 году, среднегодовой темп роста составил 24.6%, а по данным международной организации Statista, к 2035 году этот показатель может достигнуть 2142ZB². В эпоху цифровой экономики данные, как основной производственный ресурс, создают экономическую ценность вместе с быстрым ростом объема данных. В «Системе правил о конфиденциальности при трансграничной передаче данных» (CBPR) и «Трансатлантическом партнерстве по торговле и инвестициям», которые контролируют США, указывается, что следует стремиться к свободному движению данных и эффективной защите конфиденциальности. В сочетании с крупными транснациональными интернет-компаниями, которыми они владеют, США используют возможности открытых данных для получения и использования данных других стран для ведения коммерческой деятельности.

На фоне стратегического соперничества между Китаем и США, целью использования цифровой гегемонии США является также ограничение развития цифровой экономики Китая. В области технологий американское правительство приняло такие законы, как Закон об изменении контроля над экспортом и Закон о модернизации оценки рисков иностранных инвестиций, создает высокие барьеры для технологического экспорта и инвестиций на законодательном уровне, ограничивая и прерывая экспорт новых и ключевых технологий в Китай. В 2020 году также была запущена программа «Чистая сеть», которая пытается исключить китайские компании из области коммуникационных сетей.

В настоящее время одним из главных последствий цифровой гегемонии США является тенденция к усилению дифференциации глобального управления данными. Поскольку США принимают двойные стандарты в отношении проблемы трансграничной передачи данных, с одной стороны, они ограничивают выход данных из страны на основе приватности, с другой стороны, они подчеркивают свободное движение транснациональных данных, ориентируясь на либерализм. При этом многие правительства, стремясь обеспечить информационную безопасность, разрабатывают правила трансграничной передачи данных, исходя из собственных национальных интересов, такие как локализация данных и ограничения на трансграничную передачу данных.

На уровне транснациональной технологической передачи США склонны применять ограничительную политику, особенно в отношении Китая. В настоящее время Китай сокращает отставание от США в таких передовых технологиях, как искусственный интеллект, облачные вычисления, квантовые технологии, микроэлектроника, что представляет собой вызов для лидирующего положения США в области технологий³. США предпринимают действия по обходу глобальной производственной цепи

¹ На сайты RT с вечера 24 февраля ведутся DDoS-атаки. // Russia today на русском. 2022 г. URL: <https://russian.rt.com/russia/news/967429-rt-ddos-ataka-situaciya> (дата обращения: 03.05.2024)

² Taylor P. Share of unique data and replicated data in the global datasphere in 2020 and 2024. // Statista. com, 2022. URL: <https://www.statista.com/statistics/1185888/worldwide-global-datasphere-unique-replicated-data/> (дата обращения: 04.05.2024)

³ Анастасия Толстухина. Технологическая политика США в условиях соперничества с Китаем // Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». Ноябрь 2023 г. URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/46760/> (дата обращения: 06.05.2024)

Китай, усиливают санкционное давление и укрепляют отношения с самыми близкими союзниками и партнерами (в основном с Евросоюзом, Японией, Южной Кореей и Тайванем в Китае)¹.

Стоит отметить, что американская цифровая гегемония еще больше обострит конфликт между Китаем и США в цифровой сфере. В 2017 году Китай предложил инициативу "Цифрового шелкового пути", которая, предлагая альтернативное решение для глобальной цифровой инфраструктуры, рассматривается США как попытка захватить контроль над информационной сетью от США путем закрытия сетевой информации в мире [4]. Считается, что если китайская модель управления данными будет продвигаться (особенно в регионе Азиатско-Тихоокеанского региона), это не только повредит коммерческие интересы США и их партнеров, но и затруднит сохранение инновационного преимущества США². В связи с этим в 2019 году США запустили программу "Blue Dot Network", указав на необходимость содействовать внедрению и продвижению одобренных США цифровых стандартов в Индо-Тихоокеанском регионе и использовать Индо-Тихоокеанскую экономическую платформу (IPEF) в качестве платформы для обсуждения цифровых вопросов, восполнить пробелы в глобальной цифровой стратегии США в регионе и расширить влияние США на цифровую политику стран Индо-Тихоокеанского региона.

В общем, цифровая гегемония США еще больше усилит конкурентную динамику в области передовых технологий в мире и привлечет внимание других крупных стран мира к таким вопросам, как кибербезопасность, поток данных и цифровой суверенитет. В глобальном масштабе, чтобы обеспечить собственное развитие в цифровой сфере, другие страны также предлагают решения проблемы цифровой гегемонии. Например, Россия и Китай могут углубить взаимодействие в области преодоления цифрового разрыва на основе цифровой повестки дня БРИКС, что способствует сотрудничеству на уровне координации внешней политики, включая сотрудничество в области цифрового суверенитета и международной информационной безопасности³.

Для того чтобы создать порядок управления цифровыми технологиями, отвечающий интересам большинства стран мира, международное сообщество должно координировать свои действия. Через международные организации и механизмы многостороннего сотрудничества следует применять более демократичную и инклюзивную стратегию в отношении глобальной системы цифрового управления, чтобы уменьшить одностороннее влияние США и других стран на глобальные цифровые правила, сократить цифровой разрыв и способствовать сбалансированному развитию глобальной цифровой экономики.

Список источников

1. Ильин И. В., Лю Вэньгэ, Юдина Т. Н., Чжан Чи. Особенности развития цифровой экономики России и Китая: российско-китайское сотрудничество в контексте глобальной цифровой экономики // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 27. Глобалистика и геополитика. 2023. № 4. С. 5–22.
2. Gao H. Digital or trade? The contrasting approaches of China and US to digital trade // Journal Of International Economic Law. 2018. Vol. 21. № 2. P. 297–321.
3. Чжунмэй Ван. Глобальная система управления трансграничными потоками данных: разногласия и компромиссы // Международные экономические и торговые исследования. 2021. № 4. С. 98–112. (на китайском языке)
4. Madhavan A. The 'Digital Silk Road' as part of China's Belt and Road initiative: An analysis of the EU GDPR in light of its effectiveness in personal data protection. Monography. University Of Oslo, Faculty Of Law. Master Thesis, 2021.

¹ На Тайване производится более 90 процентов самых передовых микросхем в мире. См.: Chip Makers Turn Cut-throat in Fight for Share of Federal Money // The New York Times. 23.02.2023. URL: <https://www.nytimes.com/2023/02/23/business/economy/chip-makers-fight-federal-money.html> (дата обращения: 06.05.2024)

² Goodman M. P. and Risberg P. Governing data in the Asia-Pacific // CSIS, 2021. URL: <https://www.csis.org/analysis/governing-data-asia-pacific> (дата обращения: 08.05.2024)

³ Александр Игнатов, Елена Зиновьева. «Цифровой суверенитет» в повестке объединения БРИКС // РСМД. 24 января 2024. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/tsifrovoy-suverenitet-v-povestke-obedineniya-briks/> (дата обращения: 08.05.2024).

References

1. Ilyin I. V., Liu Wenge, Yudina T. N., Zhang Chi. Features of the development of the digital economy of Russia and China: Russian-Chinese cooperation in the context of the global digital economy. *Journal Bulletin of Moscow University. Series 27: "Global Studies and Geopolitics"*. 2023;(4):5–22. (In Russ.)
2. Gao H. Digital or trade? The contrasting approaches of China and US to digital trade. *Journal of International Economic Law*. 2018;21(2):297–321. (In Russ.)
3. Zhongmei Wang, "Global system for managing cross-border data flows: disagreements and compromises". *International Economic and Trade Studies*. 2021;(4):98–112. (in Chinese)
4. Madhavan A. The 'Digital Silk Road' as part of China's Belt and Road initiative: an analysis of the EU GDPR in light of its effectiveness in personal data protection. Monography. University of Oslo, Faculty of Law, Master Thesis, 2021.

Информация об авторах

Лю Сюаньцзя – магистрант 1-го курса факультета глобальных процессов, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Сунь Гуаня – студент 2 курса бакалавриата факультета мировой политики, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Information about the authors

Liu Xuanjia – 1st year Master's student at the Faculty of Global Processes, Moscow State University named after M.V. Lomonosov.

Sun Guangya – 2nd year Bachelor of the Faculty of World Politics, Moscow State University named after M.V. Lomonosov.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 29.04.2024; одобрена после рецензирования 15.05.2024; принята к публикации 16.05.2024.

The article was submitted 29.04.2024; approved after reviewing 15.05.2024; accepted for publication 16.05.2024.

Научная статья

УДК 316.42

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-302-306>

EDN LJEIAS

Прогнозирование социального поведения в кризисных условиях российского социума: возможности методического конструирования

Александр Владимирович Максимович

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, 85093@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется проблема прогнозирования социального поведения в кризисных условиях российского социума. Прежде чем перейти к рассмотрению этого вопроса, автор анализирует понятие социального прогнозирования, выделяет его основные функции и стадии, отмечает, что прогнозирование связано с предвидением направления развития определенного социального явления в будущем, которое реализуется посредством переноса на него представлений о том, как происходит развитие этого явления в настоящем. Автор отмечает, что в условиях кризисного состояния функционирования российского общества, ценность информации, получаемой посредством методик социального прогнозирования, проявляется в той роли, которую эта информация играет в определении целей государственной антикризисной политики, системе управления социально-экономическими процессами в целом. После этого автор переходит к рассмотрению основных методов прогнозирования социального поведения, указывает, что практика социального прогнозирования свидетельствует о целесообразности применения комбинированных методов, что особенно актуально применительно к прогнозированию социального поведения. Делается вывод о необходимости использования различных методов прогнозирования, что может позволить определить динамику социального поведения в кризисных условиях с наибольшей степенью вероятности.

Ключевые слова: прогнозирование, социальное прогнозирование, социум, социальный риск, социальная неопределенность, общество риска, социальное поведение

Для цитирования: Максимович А. В. Прогнозирование социального поведения в кризисных условиях российского социума: возможности методического конструирования // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 2. С. 302–306. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-302-306>. EDN LJEIAS

Young scientists

Original article

Forecasting social behavior in the crisis conditions of Russian society: the possibilities of methodological design

Alexander V. Maksimovich

South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, 85093@mail.ru

Abstract. The article examines the problem of forecasting social behavior in the crisis conditions of Russian society. Before proceeding to the consideration of this issue, the author analyzes the concept of social forecasting, highlights its main functions and stages, and notes that forecasting is associated with anticipating the direction of development of a certain social phenomenon in the future, which is realized by transferring to it ideas about how this phenomenon develops in the present. The author notes that in the conditions of the crisis state of functioning of Russian society, the value of information obtained through social forecasting techniques is manifested in the role that this information plays in determining the goals of state anti-crisis policy, the management system of socio-economic processes as a whole. After that, the author proceeds to consider the main methods of forecasting social behavior, indicates that the practice of social forecasting indicates the expediency of using combined methods, which is especially relevant in relation to forecasting social behavior. It is concluded that it is necessary to use various forecasting methods, which can make it possible to determine the dynamics of social behavior in crisis conditions with the highest degree of probability.

Keywords: forecasting, social forecasting, society, social risk, social uncertainty, risk society, social behavior
For citation: Maksimovich A. V. Forecasting social behavior in the crisis conditions of Russian society: the possibilities of methodological design. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(1):302–306. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-302-306>. EDN LJEIAS

Введение

В условиях кризисного состояния современного российского социума высокую значимость приобретает прогнозирование социального поведения: широкие масштабы происходящих в России социальных, экономических и политических процессов ставят перед прогнозированием принципиально новые задачи, от степени реализации которых зависит успешное развитие общества в целом. Как справедливо отмечает И. А. Казначеева, актуальность научного изучения прогнозирования социального поведения обусловлена тем обстоятельством, что трансформационные процессы в российском обществе, затрагивающие различные сферы общественной жизнедеятельности, в комплексе с расширением воздействия на социум научно-технического прогресса и информатизации, вызывают такие последствия, которые требуют именно комплексного социального прогнозирования [1]. В кризисных условиях развития современной России прогностическая деятельность призвана выступать в качестве действенного механизма, способствующего выходу страны из кризисного состояния и достижения целей стабильного, поступательного развития.

Понятие социального прогнозирования

В соответствии с Федеральным законом от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» прогнозирование представляет собой деятельность участников стратегического планирования по разработке научно обоснованных представлений о рисках социально-экономического развития, об угрозах национальной безопасности Российской Федерации, о направлениях, результатах и показателях социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований¹.

Необходимо отметить, что в современной социологической литературе имеется достаточно большое количество научных исследований, посвященных различным аспектам социального прогнозирования, его роли в качественном развитии общества в целом, а также отдельных социальных групп и слоев, а также методам построения социальных прогнозов. Так, в уже ставшей классической коллективной монографии, вышедшей под руководством выдающегося отечественного социолога В.А. Ядова и посвященной прогнозированию социального поведения личности, отмечается, что рассматриваемое социальное прогнозирование социального поведения личности заключается, в первую очередь, в «анализе типических проявлений активности», которые в данной работе сводятся к образу жизни больших социальных общностей, включающих социальные группы, классы, народы; что же касается прогнозируемого объекта, то в качестве его выступает так называемый социальный тип личности [2]. Прогнозирование в целом представляет собой форму предвидения, которая находит выражение в целеполагании, а также программировании и управлении планируемым процессом, произведенными на основе установленных параметров его возникновения и функционирования, а также базовых векторов развития. Прогнозирование, по сути, связано с предвидением направления развития определенного социального явления в будущем, которое реализуется посредством переноса на него представлений о том, как происходит развитие этого явления в настоящем [3].

С точки зрения известного российского социолога Ж. Т. Тощенко, социальное прогнозирование представляет собой «логическую конкретизацию социального предвидения»: если предвидение предусматривает реализацию определенной цели общего характера, то прогнозирование связано с достижением этой цели посредством использования разных вариантов действий, применение которых находится в зависимости от конкретных социальных условий и факторов. Как справедливо отмечает Ж. Т. Тощенко, прогнозирование не позволяет решить всех проблем, которые могут возникнуть в будущем; его задача включает содействие научному обоснованию процессов разработки социальных планов и программ общественного развития [4]. Речь здесь идет о выборе конкретных путей и оптимальных средств, позволяющих реализовать ту или иную программу. В связи с этим применительно к социальному прогнозированию целесообразно говорить о некоем вероятностном утверждении в отношении будущего, которое характеризуется относительно высокой степенью достоверности. Принято считать, что прогнозирование не предполагает решения каких-либо будущих проблем,

¹ Федеральный закон от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» //Российская газета. 02.07.2024.

но оно направлено на формулирование научного обоснования такого решения и определение средств, могущих быть использованными с целью его практической реализации. Непосредственно сам прогноз представляет собой определенное вероятностное утверждение в отношении будущего, который в идеале должен характеризоваться наличием высокой степени достоверности [5].

В рамках социального прогнозирования выделяется три основополагающие функции и такое же количество стадий. На первой стадии, исследовательской, выявляются основные тенденции, устанавливаются факторы, которые обуславливают возможные перемены. Вторая стадия включает обоснование решений управленческого характера, предусматривающее определение альтернативных вариантов развития, а также их динамики в процессе принятия решений. И, наконец, на третьей, контрольной, стадии, оценивается ход и последствия реализации принятых управленческих решений, с учетом возможных изменений внешнего характера. Данные стадии и функции одинаковы для любой сферы деятельности, являются актуальными и для прогнозирования социального поведения в кризисных условиях. Социальное прогнозирование здесь направлено на научное определение актуальных потребностей, конкретных путей и средств, которые являются оптимальными для решения актуальных социально-экономических проблем развития российского общества [6].

В условиях кризисного состояния функционирования российского общества, ценность информации, получаемой посредством методик социального прогнозирования, проявляется в той роли, которую эта информация играет в определении целей государственной антикризисной политики, системе управления социально-экономическими процессами в целом. Социальное прогнозирование призвано снизить степень неопределенности в реализации базовых целевых программ, государственных планов, которые являются необходимыми для эффективного противодействия кризису, минимизации его негативных последствий. Мы солидарны с позицией И. А. Казначеевой, которая убедительно доказывает, что оптимальная система социального прогнозирования не может быть учреждена посредством издания одного или нескольких нормативных документов [1]. Реализация результатов прогностической деятельности должна иметь комплексный характер.

Характеристика основных методов прогнозирования социального поведения

В огромном массиве методов научного прогнозирования выделяются две основные категории, которые включают фактографические и экспертные методы [7]. Основные отличия фактографических методик от экспертных состоят в том, что первые базируются на фактически имеющейся информации о конкретном объекте прогнозирования и его прошлом развитии, а вторые, соответственно, на информации, которая формируется на основе оценок специалистов-экспертов. Представляется, что использование экспертных методик является необходимым в рамках прогнозирования социального поведения в кризисных условиях российского социума, поскольку на это поведение влияют различные факторы объективного и субъективного характера, которые могут не учитываться статистическими и другими объективными данными (так, крайне сложным является прогнозирование, которое касается динамики духовных процессов, изменения системы ценностей и установок общества в целом или отдельных социальных групп и слоев, однако данные феномены обладают высокой степенью значимости для определения основных векторов социального развития, формулирования прогнозов относительно социального поведения, определяющегося сознанием).

В основе экспертных методик прогнозирования находится информация, которая получена от экспертов: данный метод используется в науке в тех случаях, когда необходимо учитывать значительное количество различных факторов, определяющих развитие ситуации [8].

На наш взгляд, в рамках прогнозирования социального поведения в условиях кризиса применение экспертных методов является необходимым, поскольку эксперт как носитель специальных знаний или практического опыта способен предоставить важные сведения, касающиеся объекта прогнозирования (в данном случае, социального поведения), его базовых особенностей и направлений, а также сформулировать рекомендации, касающиеся оптимальных вариантов решений управленческого характера в отношении рассматриваемого объекта. При этом необходимо учитывать то обстоятельство, что одной из главных особенностей экспертных методик является высокая степень субъективности, которая составляет главное отличие данного метода от фактографических прогностических методик.

Практика социального прогнозирования свидетельствует о целесообразности применения комбинированных методов, что особенно актуально применительно к прогнозированию социального поведения (так, целесообразно, чтобы различные группы экспертов делали один и тот прогноз, что призвано обеспечить максимальную объективность в рамках проведения процедуры прогнозирования). Разумеется, одних экспертных оценок недостаточно для того, чтобы сформировать более или

менее четкий прогноз относительно социального поведения в кризисных условиях российского социума: здесь необходим комплексный подход, предполагающий использование фактографических методов наряду с экспертными методиками.

Так, морфологический синтез предусматривает отсутствие каких-либо предварительных оценок, при этом необходимо обеспечить получение информации систематического характера по всем основным аспектам анализируемой проблемы. Важную роль в процессе социального прогнозирования призваны играть так называемые прогнозные сценарии, посредством которых определяется определенная логическая последовательность, призванная продемонстрировать поэтапное развитие объекта исследования, его состояние в будущем [9]. Метод сценариев включает описание будущего, в рамках которого излагается предполагаемая последовательность развития событий; здесь, как правило, предусматривается определение рейтинга сценариев, выстраиваемых по степени вероятности их наступления. В случае с прогнозированием поведения в условиях социально-экономического кризиса оптимальным будет составление нескольких вариантов сценариев, характеризующихся существенными отличиями друг от друга. Сценарии подобного рода могут иметь многовариантный характер, освещая три возможные линии поведения: оптимистическую, предусматривающую благоприятный характер развития системы, пессимистическую, предполагающую наименее благоприятный вариант такого развития, а также рабочую, включающую развитие данной системы в контексте противодействия негативным факторам, которые могут появиться с большой долей вероятности. Следует отметить, что оптимальный прогнозный сценарий включает в качестве неотъемлемого компонента разработку резервной стратегии, которая необходима в случае наступления непредвиденной ситуации.

В современном социальном прогнозировании также широкое применение имеет метод моделирования, также рассматриваемый как метод оптимизации решений, который предполагает поиск альтернативных вариантов развития [10].

Метод прогнозного моделирования базируется на так называемом принципе аналогии, т.е. изучении определенного объекта посредством анализа другого объекта, который подобен первому и характеризуется более высокой доступностью. Моделирование в целом предусматривает конструирование модели, которое производится на основе предварительного изучения определенного объекта или процесса, выявления его существенных черт или признаков. Модель, по сути, замещает объект-оригинал: она способна замещать его таким образом, что исследование поведения модели в новых условиях будет давать новую информацию об объекте-оригинале (в отношении модели выдвигается требование, в соответствии с которым она должна характеризоваться некоторым сходством с оригиналом, не будучи при этом его полным аналогом). По сути, моделирование представляет собой процесс получения информации об объекте-оригинале посредством осуществления экспериментальных процедур с его моделью в определенных внешне заданных условиях. Необходимо учитывать то обстоятельство, что метод моделирования имеет и определенные недостатки, которые связаны с такими характеристиками моделей как недостаточная точность и эластичность, которые особенно проявляются в рамках прогнозирования на долгосрочную перспективу.

Заключение

На основе вышеизложенного материала можно сделать вывод, в соответствии с которым социальное прогнозирование выступает в качестве значимого средства, направленного на научное предвидение и предотвращение различных рисков и угроз, возникающих в кризисных ситуациях развития социума. На практике могут возникать ситуации, характеризующиеся высоким уровнем неопределенности; при такой ситуации социальное прогнозирование сопряжено с объективными трудностями, которые могут сказаться на результатах прогнозной деятельности. Речь здесь, в первую очередь, идет о разнообразных кризисных ситуациях, характеризующихся различиями в масштабах распространения и характере протекания. Кризисы, как известно, могут быть политическими и экономическими, а самые глубокие и радикальные последствия имеют тотальные кризисы, которые способны охватывать практически все сферы общественной жизнедеятельности. Реализация социального прогнозирования в кризисных условиях российского социума предусматривает применение различных методов прогнозирования. Очевидно, что применения только одной методики в процессе прогнозирования социального поведения в кризисных условиях будет недостаточно, поскольку в ситуации кризиса, охватывающего всю систему функционирующих социальных институтов, любой случайный фактор может стать определяющим для дальнейшей динамики кризиса, выхода из него или же углубления кризисной ситуации. Данное обстоятельство обуславливает необходимость использования различных методов прогнозирования, что может позволить определить динамику социального поведения в кризисных условиях с наибольшей степенью вероятности.

Список источников

1. Казначеева И. А. Социальное прогнозирование в условиях трансформации российского общества: комплексный социологический анализ: автореферат дис. докт. социологических наук. Ставрополь, 2005.
2. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция. 2-е расширенное изд. М.: ЦСПиМ, 2013. 376 с.
3. Гольц Г. А. Идеологические, содержательные и информационные основы прогнозирования социально-экономических процессов // Социологические исследования. 2005. № 5. С. 54–66.
4. Тощенко Ж. Т. Прогнозирование, проектирование и планирование в социальном управлении // Социология власти. 2005. № 5. С. 23–45.
5. Вильданов Х. С., Деркач В. В. Методологические особенности социального прогнозирования // Вестник УНГТУ. Наука, образование, экономика. Серия «Экономика». 2017. № 1 (19). С. 132–137.
6. Валикина Ю. Р., Устинова О. В., Гаркуша А. И. Теоретико-методологические основы социального прогнозирования // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-2. [Электронный ресурс]. URL: <https://science.education.ru/ru/article/view?id=20210> (дата обращения 01.02.2024).
7. Гинис Л.А. Обзор методов научного прогнозирования // Известия ЮФУ. Технические науки. 2009. № 3 (92). С. 231-236.
8. Горошко Е.Ю. Методы экспертного прогнозирования // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Д. Экономические и юридические науки. 2016. № 6. С. 250–253.
9. Бакулина М., Скворцова Я. Прогнозирование методом сценариев // Экономика и социум. 2012. № 5. С. 51–55.
10. Пономарева А. И., Суворова А. И. Моделирование как метод научного познания: содержание и типология // Экономика и бизнес: теория и практика. 2020. № 12-2 (70). С. 233–237.

References

1. Kaznacheeva I. A. *Social forecasting in the context of the transformation of Russian society: a comprehensive sociological analysis*: abstract of the dissertation of the Doctor of Sociological Sciences. Stavropol; 2005. (In Russ.)
2. *Self-regulation and forecasting of social behavior of an individual: A dispositional concept*. 2nd expanded edition. Moscow: TSSPIM; 2013. 376 p. (In Russ.)
3. Golts G.A. Ideological, substantive and informational foundations of forecasting socio-economic processes. *Sociological research*. 2005;(5):54–66. (In Russ.)
4. Toshchenko J. T. Forecasting, design and planning in social management. *Sociology of power*. 2005; (5):23–45. (In Russ.)
5. Vildanov H. S., Derkach V. V. Methodological features of social forecasting. *Bulletin of UNGTU. Science, education, economics. The series "Economics"*. 2017;1(19):132–137. (In Russ.)
6. Valikina Yu.R., Ustinova O.V., Garkusha A.I. Theoretical and methodological foundations of social forecasting. *Modern problems of science and education*. 2015;(1-2). Available from: <https://science.education.ru/ru/article/view?id=20210> [Accessed 01 February 2024].
7. Ginis L.A. Review of scientific forecasting methods. *News of the Southern Federal University. Technical sciences*. 2009;3(92):231–236. (In Russ.)
8. Goroshko E.Yu. Methods of expert forecasting. *Bulletin of the Polotsk State University. Series D. Economic and Legal Sciences*. 2016;(6):250–253. (In Russ.)
9. Bakulina M., Skvortsova Ya. Forecasting by the scenario method. *Economics and society*. 2012;(5):51–55. (In Russ.)
10. Ponomareva A. I., Suvorova A. I. Modeling as a method of scientific cognition: content and typology. *Economics and Business: theory and practice*. 2020;12-2(70):233–237. (In Russ.)

Информация об авторе

А. В. Максимович – аспирант кафедры социологии ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the author

A.V. Maksimovich – Postgraduate Student of the Department of Sociology, South-Russia Institute of Management – branch of RANEPA.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 26.03.2024; одобрена после рецензирования 16.04.2024; принята к публикации 17.04.2024.

The article was submitted 26.03.2024; approved after reviewing 16.04.2024; accepted for publication 17.04.2024.

Трансформация партийной системы Грузии в начале XXI века

Павел Павлович Мангасаров

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ростов-на-Дону, Россия,
pasha.mangasarov@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-0185-8555>

Аннотация. В данной статье содержится обзор трансформаций партийной системы Грузии в начале XXI века, со времен «Революции роз» до наших дней. Рассмотрены главные события «Революции роз» и итоги парламентских выборов в Грузии в период с 2003 года по 2020 год. Автор также уделяет внимание наиболее крупным конфликтам правящей партии с оппозицией, включая «Революцию роз» и массовые акции протеста против политики правящей партии, которые были организованы оппозиционными партиями. Выявлен политический конфликт между правящей партией и действующим президентом Грузии, который может оказать воздействие на партийную систему Грузии.

Ключевые слова: трансформация, правящая партия, «Революция роз», Грузия, парламент, оппозиционные партии, партийная система, парламентские выборы

Для цитирования: Мангасаров П. П. Трансформация партийной системы Грузии в начале XXI века // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 2. С. 307–312. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-307-312>. EDN LKUSVB

Young scientists

Original article

The transformation of party system of Georgia at the beginning of XXI century

Pavel P. Mangasarov

South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia,
pasha.mangasarov@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-0185-8555>

Abstract. This article consists the detailed overview of the transformations of party system of Georgia at the beginning of the current century, since the time of «Rose Revolution» to present days. It considers the main events of «Rose Revolution» and the results of parliamentary elections in Georgia, between 2003 and 2020. Author also pays attention to the biggest conflicts between the governing party and the opposition, including «Rose Revolution» and the massive protest actions against the policy of the governing party, which have been organized by the oppositional parties. It reveals the political conflict between the governing party and the current president of Georgia, which may affect the party system of Georgia.

Keywords: transformation, governing party, «Rose Revolution», Georgia, parliament, oppositional parties, party system, parliamentary elections

For citation: Mangasarov P. P. The transformation of party system of Georgia at the beginning of XXI century. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2024;(2):307–312. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-307-312>. EDN LKUSVB

К одной из главных политических проблем современного мира можно отнести «цветные революции». Несмотря на яркое название, «цветная революция» – это вовсе не революция, а государственный переворот, то есть противоправная операция по смене истеблишмента в государстве, которая, как правило, сопровождается трансформацией партийной системы этого государства. Как показывает практика, «цветные революции» не только усугубляют все политические проблемы и противоречия в отдельных странах, но и постепенно разрушают политическую стабильность во всем мире. Следовательно, «цветные революции» представляют определенную угрозу национальной безопасности России. Таким образом, на сегодняшний день феномен «цветных революций» является одной из наиболее актуальных проблем политической науки.

В первой четверти XXI века в некоторых странах ближнего зарубежья произошли «цветные революции». К таким «революциям» можно отнести «Революцию роз» 2003-2004 гг. в Грузии, «Оранжевую революцию» 2004-2005 гг. на Украине, «Революцию тюльпанов» 2005 года в Киргизии, «Сиреневую революцию» 2009 года в Молдавии, «Дынную революцию» 2010 года в Киргизии, «Евромайдан» 2013-2014 гг. на Украине, а также «Революцию хризантем» 2015-2016 гг. в Молдавии и «Бархатную революцию» 2018 года в Армении. В роли главного организатора «цветной революции», как правило, выступает оппозиционная партия или оппозиционный блок. В «цветной революции» также могут участвовать молодежные организации. Например, политическое движение «Кмара» [1, с. 113-119], которое в 2000-е гг., по сути, являлось молодежным крылом оппозиционных сил в Грузии, приняло активное участие в подготовке и осуществлении «Революции роз» в Грузии. Все вышеперечисленные кризисы и другие политические события в ближнем зарубежье, безусловно, заслуживают внимания отечественных политологов. Но отдельного внимания сегодня заслуживает Грузия, поскольку в 2024 году в Грузии должны состояться очередные президентские и парламентские выборы.

Первой «цветной революцией» в ближнем зарубежье стала «Революция роз». Эта «революция» началась практически сразу после обнародования итогов парламентских выборов, проведенных «02» ноября 2003 года в Грузии. Роза стала символом этой «революции» вовсе не случайно. В Грузии этот цветок ассоциируются с художником Нико Пиросмани, который был безответно влюблен во французскую актрису Маргарит де Севр. По легенде, грузинский художник подарил европейской актрисе несколько арб, груженных розами. Таким образом, розу можно рассматривать в качестве одного из символов еврооптимизма в Грузии. Как уже ранее отмечалось, в ноябре 2003 года в Грузии были проведены очередные выборы в парламент. Первоначальные результаты показывали уверенную [2, с. 676] победу правящего блока «За новую Грузию», в состав которого входила партия «Союз граждан Грузии» президента Эдуарда Шеварднадзе. Но, согласно данным экзитполов, обнародованных телеканалом «Рустави-2», на этих выборах побеждал оппозиционный блок «Национальное движение», во главе которого стоял популист Михаил Саакашвили. Однако, после подсчета половины бюллетеней ЦИК Грузии объявил, что победу одерживает политический блок «За новую Грузию»¹ президента Грузии Эдуарда Шеварднадзе.

Практически сразу после обнародования предварительных результатов голосования в Грузии начались массовые акции протеста, организованные лидерами оппозиции. Манifestанты хотели отставки президента Эдуарда Шеварднадзе, а также требовали незамедлительно пересмотреть результаты выборов, которые, с их точки зрения, были сфальсифицированы. «09» ноября 2003 года безуспешно завершились переговоры грузинского президента Шеварднадзе с тремя лидерами оппозиционеров, то есть с Нино Бурджанадзе, Зурабом Жванией и Михаилом Саакашвили. А «20» ноября 2003 года Центризбирком Грузии огласил окончательные результаты выборов: правящий блок «За новую Грузию» получил 21,3%² голосов грузинского электората, а еврооптимистический блок Михаила Саакашвили – 18,3% голосов избирателей. «22» ноября 2003 года в Тбилиси на улицы вышло около 50 000 сторонников популиста Михаила Саакашвили. Демонстранты, лидером которых был Саакашвили, ворвались [3, с. 66] на первую сессию законно избранного парламента прямо во время выступления главы государства – Эдуарда Шеварднадзе. Сподвижники М. Саакашвили избивали лидера грузинской партии «Возрождение» Джемала Гогитидзе, и, ломая мебель, попытались прорваться к действовавшему в то время президенту Грузии. Агрессивно настроенные оппозиционеры с розами в руках вынудили Эдуарда Шеварднадзе прервать свое выступление, покинуть трибуну и спастись

¹ «Революция роз» в Грузии в ноябре 2003 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20131123/978914952.html> (дата обращения: 02.01.2024).

² Там же.

бегством. Президенту Грузии удалось уйти из зала заседания парламента и укрыться в своей резиденции, а спикер Нино Бурджанадзе, которая в то время поддерживала демагога М. Саакашвили, провозгласила себя и. о. грузинского президента.

В ночь с «22» ноября 2003 года на «23» ноября 2003 года наиболее активные сподвижники популиста М. Саакашвили захватили правительственные здания в столице Грузии. Вскоре после очередных переговоров с воинственно настроенными оппозиционерами слабый лидер Э. Шеварднадзе навсегда покинул высшую должность в Грузии. А «25» ноября 2003 года Верховный суд Грузии аннулировал официальные итоги выборов, состоявшихся «02» ноября 2003 года. В тот же день грузинские парламентарии приняли решение о проведении внеочередных выборов главы государства. На президентских выборах, проведенных «04» января 2004 года, одержал победу эксцентрик М. Саакашвили. Он получил 96,27%¹ голосов грузинских избирателей. В феврале 2003 года его соратник – Зураб Жвания – занял пост главы кабинета министров Грузии. В марте 2004 года в Грузии были проведены досрочные выборы в однопалатный парламент, на которых европоцентристская партия Михаила Саакашвили получила поддержку 66,24% [4, с. 71] проголосовавших граждан Грузии. В результате «Революции роз» правящая партия «Союз граждан Грузии» и блок «За новую Грузию» утратили значительное количество мест в парламенте и вскоре были расформированы, а блок «Национальное движение» реорганизовался в партию «Национальное движение – демократия», которая одержала победу на досрочных (внеочередных) выборах, получив абсолютное большинство мест в монокамеральном парламенте Грузии. Впоследствии, партия Михаила Саакашвили была переименована в «Единое национальное движение». Таким образом, «Революция роз» 2003-2004 гг. фактически завершилась противозаконной сменой политической элиты (истеблишмента) и трансформацией партийной системы Грузии.

В 2008 г. в Грузии были проведены очередные парламентские выборы, на которых евроцентристская партия «Единое национальное движение» получила более половины голосов избирателей Грузии. Но в октябре 2012 г. в Грузии были проведены очередные выборы в парламент, на которых партия демагога М. Саакашвили заняла второе место, набрав 40,34% голосов электората. Первое место заняла еврооптимистическая партия «Грузинская мечта – демократическая Грузия», которая получила 54,97% [5, с. 68] голосов избирателей. Впервые в истории постсоветской Грузии оппозиция пришла к власти, одержав победу на выборах, а не путем государственного переворота. Партия «Грузинская мечта» была основана грузинским миллиардером Бидзиной Иванишвили в 2012 г. и в том же году она стала правящей партией в Грузии, поскольку получила наибольшее количество мест в грузинском парламенте.

Интересен тот факт, что в разные годы в списке журнала «Forbes» состояние Б. Иванишвили оценивалось от 5,5 до 8,4 млрд долл. США [6, с. 110], что приблизительно равно четверти или трети ВВП Грузии. Стоит также отметить тот факт, что с осени 2012 г. по настоящее время должность премьер-министра Грузии занимают исключительно члены европоцентристской партии «Грузинская мечта». Таким образом, парламентские выборы 2012 г. завершились новой трансформацией партийной системы Грузии: партия М. Саакашвили утратила существенное число мест в парламенте Грузии и снова стала оппозиционной партией, а недавно учрежденная партия «Грузинская мечта» Б. Иванишвили получила абсолютное большинство мест в монокамеральном парламенте Грузии и, соответственно, стала правящей партией в Грузии.

В ноябре 2013 г., незадолго до окончания второго президентского срока популист М. Саакашвили покинул свою страну. В том же году новым президентом Грузии был избран Георгий Маргвелашвили – кандидат от правящей партии «Грузинская мечта». В июле 2014 г. Главная прокуратура Грузии предъявила экс-президенту Саакашвили обвинения в организации расправы над участниками мирного митинга, проведенного в ноябре 2007 г., а также обвинения в организации вторжения спецназа МВД Грузии в здание телеканала «Имеди». В августе 2014 г. Михаилу Саакашвили предъявили обвинения в организации в 2005 г. вооруженного нападения на депутата Валерия Гелашвили, а в ноябре того же года ему предъявили обвинения в организации убийства в 2006 году сотрудника «Объединенного банка Грузии» Сандро Гиргвлиани. В декабре 2015 г. грузинский президент Георгий Маргвелашвили подписал распоряжение о лишении эксцентрика Михаила Саакашвили грузинского гражданства. Другими словами, в 2014–2015 гг. оппозиционер Саакашвили, ранее занимавший

¹ История выборов президента Грузии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/blizhnee-zarubezhe/711116> (дата обращения: 02.01.2024).

должность президента Грузии, фактически стал главным представителем политической контрэлиты Грузии.

А в октябре 2016 г. партия «Грузинская мечта» получила 48,68% [7, с. 81] голосов избирателей, заняв первое место на очередных выборах в однопалатный парламент Грузии. Второе место на этих выборах заняла евроатлантская партия «Единое национальное движение», набравшая 27,11% голосов. В июле 2018 г. партия «Единое национальное движение» объединилась с целым рядом других оппозиционных партий в оппозиционный блок «Сила в единстве». А в октябре 2018 г. в Грузии были проведены очередные выборы главы государства.

Новым президентом Грузии была избрана Саломе Зурабишвили, кандидатуру которой поддержала [8, с. 111] правящая партия «Грузинская мечта». А в ноябре 2019 г. парламент Грузии не смог принять поправки к конституции Грузии, в соответствии с которыми парламентские выборы 2020 г. должны были пройти в Грузии строго по пропорциональной системе без процентного барьера, то есть с нулевым избирательным порогом. Поправки не были приняты, поскольку против них проголосовала существенная часть мажоритарных депутатов от правящей партии. После того, как грузинский парламент не смог принять поправки к основному закону, лидеры оппозиционных партий организовали массовые протесты [8, с. 113], в которых приняли участие члены и сторонники более 20 партий, в том числе партии «Единое национальное движение», партии «Европейская Грузия», партии «Новая Грузия» и партии «Лело для Грузии». Манифестанты опротестовывали провал принятия поправок к грузинской конституции, то есть выступали против решения значительной части мажоритарных парламентариев от партии «Грузинская мечта». Тем не менее, «31» октября 2020 года эта партия одержала победу на очередных выборах в парламент, набрав 48,22% голосов грузинских избирателей. Второе место занял оппозиционный блок «Сила в единстве», в состав которого вошла партия «Единое национальное движение». Этот блок получил 27,18% [9, с. 58] голосов грузинского электората. Таким образом, в 2020 году правящая партия «Грузинская мечта» в третий раз одержала победу на очередных выборах в грузинский парламент, несмотря на массовые протесты, организованные осенью 2019 г. оппозиционными партиями с целью реформировать избирательную систему Грузии для того, чтобы повысить свои шансы победить правящую в стране партию на парламентских выборах 2020 г., и, соответственно, вновь трансформировать партийную систему Грузии.

В октябре 2021 г. экс-президент Михаил Саакашвили вернулся в Грузию. В тот же день он был взят под стражу и доставлен в тюрьму города Рустави, где назвал себя политзаключенным и объявил голодовку. В мае 2022 г. его перевели из места заключения в частную тбилисскую клинику «Вивамед». В октябре 2022 г. ПАСЕ одобрила резолюцию, в которой назвала Саакашвили политзаключенным и потребовала его освободить. Это требование ПАСЕ не было выполнено правительством Грузии.

В том же году грузинские депутаты Созар Субари, Дмитрий Хундадзе, Микheil Кавелашвили и Гурам Мачарашвили покинули парламентскую фракцию «Грузинская мечта» и создали политическое движение «Сила народа», которое со дня своего основания стало критиковать Запад. В феврале 2023 г. «Сила народа» выдвинула инициативу ввести в обращение проект закона «О прозрачности иностранного влияния» [10, с. 9]. А «06» марта 2023 г. в Тбилиси начались массовые акции протеста у здания грузинского парламента. Манифестанты выступали против принятия вышеупомянутого закона об иностранных агентах, одобренного в первом чтении большинством депутатов парламента. В массовых акциях протеста, которые быстро переросли в столкновения с полицией, принимали участие сторонники оппозиционных партий, в том числе партии «Единое национальное движение», партии «Стратегия Агмашенебели», партии «Гирчи – больше свободы» и партии «За Грузию». Участники массовых протестов, быстро переросших в стычки с правоохранителями, получили поддержку президента Саломе Зурабишвили, которая также выступила против данного законопроекта. Митингующие требовали незамедлительно отозвать законопроект. Но члены партии «Грузинская мечта», занимающей большинство мест в парламенте Грузии, заявили, что поддержат законопроект, а в том случае, если президент С. Зурабишвили наложит на него вето [10, с. 11-13], они постараются это вето преодолеть. Однако, массовые акции протеста продолжались на протяжении нескольких дней, и «09» марта 2023 года законопроект был отозван из парламента Грузии. Тем не менее, члены оппозиционной партии «Гирчи» заявили, что они продолжают митинговать. «11» марта 2023 г. эта партия провела около здания монокамерального парламента Грузии пикет против воинской повинности в Грузии. А «14» марта 2023 г. сторонники евроскептической партии «Консервативное движение» сняли флаг Евросоюза с флагштока, расположенного у здания парламента Грузии, а затем сожгли его. Таким образом, в марте 2023 г. в Грузии произошел политический кризис, во время которого президент

Зурабишвили фактически выступила против правящей партии «Грузинская мечта», поддержавшей ее кандидатуру на президентских выборах 2018 г.

В сентябре 2023 г. правящая в Грузии партия «Грузинская мечта» приняла решение запустить процедуру импичмента президента Грузии Саломе Зурабишвили, а премьер-министр Грузии Ираклий Гарибашвили назвал решение своих однопартийцев абсолютно справедливым. В октябре 2023 г. большинство депутатов парламента Грузии проголосовало за импичмент. Тем не менее, грузинскому парламенту не хватило голосов для завершения процедуры импичмента президента Зурабишвили. Другими словами, осенью прошлого года правящая в Грузии партия официально выступила против грузинского президента Саломе Зурабишвили. Примечательно, что во второй половине 2024 г. в Грузии должны состояться очередные президентские выборы и парламентские выборы. Не исключено, что исход конфликта грузинского президента С. Зурабишвили с правящей партией «Грузинская мечта» может оказать определенное влияние на ход дальнейших трансформаций партийной системы Грузии.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать несколько выводов. Во-первых, партийная система Грузии неоднократно трансформировалась в первой четверти XXI века. В результате «Революции роз» 2003–2004 гг. правящий блок «За новую Грузию» утратил все места в однопалатном парламенте Грузии и вскоре был расформирован, а оппозиционный блок «Национальное движение» М. Саакашвили реорганизовался в партию «Национальное движение – демократия», одержавшую победу на внеочередных парламентских выборах, получив абсолютное большинство мест в монокамеральном парламенте Грузии. Во-вторых, партийная система Грузии вновь трансформировалась в октябре 2012 г., когда партия «Единое национальное движение» потерпела поражение на очередных парламентских выборах, утратила существенное число мест в парламенте и снова стала оппозиционной партией, а недавно учрежденная партия «Грузинская мечта – демократическая Грузия» получила абсолютное большинство мест в парламенте Грузии и, соответственно, стала правящей партией в Грузии. Впервые в истории постсоветской Грузии оппозиция пришла к власти, одержав победу на всенародных выборах, а не путем государственного переворота. В-третьих, в 2020 г. партия «Грузинская мечта» в третий раз одержала победу на очередных выборах в парламент, несмотря на массовые акции протеста, организованные осенью 2019 года оппозиционерами с целью реформировать избирательную систему Грузии для того, чтобы увеличить свои шансы победить правящую партию на парламентских выборах 2020 г., и, соответственно, снова трансформировать партийную систему Грузии. В-четвертых, в марте 2023 г. в Грузии произошел политический кризис, в ходе которого президент Грузии С. Зурабишвили фактически выступила против правящей партии «Грузинская мечта», поддержавшей ее кандидатуру на президентских выборах 2018 г. А осенью прошлого года правящая в Грузии партия официально выступила против грузинского президента Зурабишвили. В 2024 г. в Грузии должны состояться очередные президентские и парламентские выборы. Не исключено, что исход конфликта президента Грузии С. Зурабишвили с правящей партией «Грузинская мечта» может оказать определенное воздействие на ход дальнейших трансформаций партийной системы Грузии.

Список источников

1. Наумов А.О., Дубинкина К.А. Роль молодежной организации «Кмара» в подготовке и осуществлении «Революции роз» в Грузии // Дискурс-Пи. 2023. № 1. С. 107–123.
2. Мехия Н. Личность М.Н. Саакашвили и его роль в организации «Революции роз» // Постсоветские исследования. 2018. № 7. С. 674–678.
3. Наумов А.О., Наумова А.Ю. Роль акторов «мягкой силы» в «Революции роз» в Грузии // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2023. № 1. С. 58–76.
4. Гахокидзе Э. Грузия: политические партии до и после «Революции роз» // Центральная Азия и Кавказ. 2005. № 2. С. 66–74.
5. Чедия Б. Исторические выборы в Грузии: смена власти и формирование новой политической ситуации // Центральная Азия и Кавказ. 2012. № 4. С. 67–79.
6. Силаев Н. Ю., Ковалева Д. В. Эволюция государственного управления в странах постсоветского пространства. Грузия // Государственная служба. 2022. № 3. С. 93–118.
7. Муханов В. Д., Скаков А. Ю. Выборы в Грузии 2016 г. и перспективы российско-грузинских отношений // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2016. № 5. С. 77–94.
8. Айвазян А. С. Перспективы парламентских выборов в Грузии в 2020 г. // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2019. № 6. С. 111–115.

9. Бочарников И.В. Грузия после парламентских выборов 2020 года: основные тренды политического и социально-экономического развития // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2022. № 5-1. С. 55-62.

10. Саркисян В.Д. Изнанка скандальных законопроектов: выбор Грузии // Регион и мир. 2023. № 2. С. 9–19.

References

1. Naumov A.O., Dubinkina K.A. The Role of Youth Organization «Kmara» in the Preparation and the Implementation of «Rose Revolution» in Georgia. *Discourse-P*. 2023;(1):107–123. (In Russ.)

2. Meshia N. The Personality of M.N. Saakashvili and His Role in Organization of «Rose Revolution». *Post-Soviet Researches*. 2018;(7):674–678. (In Russ.)

3. Naumov A.O., Naumova A.Y. The Role of Actors of «Soft Power» in «Rose Revolution» in Georgia. *Moscow University Bulletin. Section 21. Management (State and Society)*. 2023;(1):58–76. (In Russ.)

4. Gahokidze E. Georgia: Political Parties before and after «Rose Revolution». *Central Asia and Caucasus*. 2005;(2):66–74. (In Russ.)

5. Chedia B. The Historical Election in Georgia: regime change and forming of new political situation. *Central Asia and Caucasus*. 2012;(4):67–79. (In Russ.)

6. Silaev N.Y., Kovaleva D.V. The Evolution of State Governance in Countries of Post-Soviet Space. *Georgia. Civil Service*. 2022;(3):93–118. (In Russ.)

7. Muhanov V.D., Skakiv A.Y. The 2016 Georgian Election and the Perspectives of Russia-Georgia Relations. *The Contours of the Global Transformation: Politics, Economy, Right*. 2016;(5):77–94. (In Russ.)

8. Aivasyan A. S. The Perspectives of the 2020 Parliamentary Election in Georgia. *Scientific-Analytical Bulletin of IE RAS*. 2019;(6):111–115. (In Russ.)

9. Bocharnikov I. V. Georgia after the 2020 Parliamentary Election: the main trends of political and social-economic development. *The Big Eurasia: Development, Security, Cooperation*. 2022;(5-1):55–62. (In Russ.)

10. Sarkisyan V. D. The Inner Side of Scandalous Bills: the Georgian Choice. *Region and World*. 2023;(2):9–19. (In Russ.)

Информация об авторе

П. П. Мангасаров – аспирант кафедры политологии и этнополитики ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the author

P. P. Mangasarov – Postgraduate Student at the Department of Political Science and Ethnopolitics, South Russian Institute of Management – branch of RANEPА.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 26.03.2024; одобрена после рецензирования 17.05.2024; принята к публикации 20.05.2024.

The article was submitted 26.03.2024; approved after reviewing 17.05.2024; accepted for publication 20.05.2024.

Научная статья

УДК 32

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-313-318>

EDN LNPQFK

Политическое инвестирование бизнеса как категория политической науки: теоретические версии в современном российском контексте

Дмитрий Александрович Фомин

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. В статье предлагается концептуальная модель политического инвестирования бизнеса, которая отражает политические и экономические реалии современного Российского государства. В условиях беспрецедентного внешнего давления на национальную экономику политическое инвестирование со стороны представителей деловых кругов на федеральном и региональном уровне выступает одним из эффективных инструментов, способствующих укреплению внутреннего диалога общества и власти в лице публичных институтов. Также политическое инвестирование обеспечивает повышение стабильности и инвестиционной привлекательности экономики в целом, снижает рискованность и коррупционную составляющую. Автор статьи предлагает в качестве исходной теоретико-методологической платформы содержательного раскрытия политического инвестирования как категории политологического анализа классическое понятие корпорации, которое исторически связано с концепцией гражданского общества. Центральная идея, которую выражает политическое инвестирование, – это опосредствование частных и государственных интересов.

Ключевые слова: политическое инвестирование бизнеса, экономическая модель, инвестиции, корпоративизм, либерализм, институционализм, национальная экономика

Для цитирования: Фомин Д. А. Политическое инвестирование бизнеса как категория политической науки: теоретические версии в современном российском контексте // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 2. С. 313–318. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-313-318>. EDN LNPQFK

Young scientists

Original article

Political business investment as a category of political science: theoretical versions in the modern Russian context

Dmitry A. Fomin

South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

Abstract. The article proposes a conceptual model of political investment of business, which reflects the political and economic realities of the modern Russian state. In the conditions of unprecedented external pressure on the national economy, political investment by representatives of business circles at the federal and regional levels is one of the effective tools that contribute to the strengthening of internal dialog between society and government represented by public institutions. Also, political investment provides an increase in stability and investment attractiveness of the economy as a whole, reduces the riskiness and corruption component. The author of the article proposes as an initial theoretical and methodological platform for the meaningful disclosure of political investment as a category of political science analysis the classical concept of corporation, which is historically linked to the concept of civil society. The central idea that political investment expresses is the mediation of private and public interests.

Keywords: political business investment, economic model, investment, corporatism, liberalism, institutionalism, national economy

For citation: Fomin D. A. Political business investment as a category of political science: theoretical versions in the modern Russian context. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(2):313–318. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-313-318>. EDN LNPQFK

Введение

Для профильного сообщества политологов в современной России одна из ключевых исследовательских задач – концептуальное осмысление складывающейся модели взаимоотношений власти, институтов гражданского общества, бизнес-кругов, творческой и интеллектуальной элиты. На протяжении многовековой российской истории эти отношения развивались по сложной «кривой» траектории, далеко не всегда отражая объективную историческую логику социально-экономических, правовых или культурных процессов (факторами чаще всего выступали идеологическая направленность политических решений или правовое отчуждение социального слоя промышленников и финансистов от институтов гражданского общества).

Особенность эволюции российского способа организации экономической жизни заключалась прежде всего именно в содержании коммуникации государства и бизнеса. Классическая западноевропейская либеральная модель гражданского общества, сложившаяся еще в первой половине XIX в., опиралась, как известно, на принципы корпоративизма. Их суть, в переводе на современный язык, состоит в том, что отраслевые сообщества промышленников (в городе) или аграриев (в сельской местности) выступают формой институциональной организации (общности), которая внутри государства обеспечивает гармонизацию и устойчивый баланс частных «эгоистических» интересов и «всеобщих» интересов гражданского общества и в именно в таком качестве выступает основой сохранения нравственного измерения жизни людей, их свободы и их прав. Дух корпоративизма уравнивает охранительные, надзорные и карательные функции государства [1, с. 274–278]. Впоследствии, в ходе развития уже неолиберальной модели общества и государства, многие положения классической теории были утрачены или оказались неактуальны. Научно-технический прогресс поставил под сомнение значение границ национальных экономик, что, в конечном счете, привело к нарастанию глобальных противоречий. По нашему мнению, важнейшее концептуальное положение именно классического либерализма, которое не утратило своей ценности и сегодня, может быть использовано с целью определения оптимального пути выстраивания взаимодействия власти и бизнеса (в том числе в нашей стране). Опосредствование частной свободы и индивидуальных прав с общегосударственными интересами и смыслами должно получать институциональную форму предметного закрепления (реализации). В этом случае можно избежать издержек командно-административной плановой системы и, с другой стороны, хаотичности рыночной открытой модели.

В настоящее время перед российским обществом стоит очевидная проблема – необходимо сформировать консолидированную программу устойчивого развития страны в новейших непростых условиях внешнего давления. Ее главным компонентом и должно быть четкое понимание роли бизнес-сообщества в политической жизни. Переосмысление данной роли, наполнение ее качественно обновленным содержанием должно очевидно стать одним из ведущих драйверов экономического роста и устойчивого развития государства в целом. Связано это в первую очередь с тем, что обеспечение конкурентоспособности страны на международной экономической арене, как глобальной, так и региональной (евразийской), возможно только за счет повышения наукоемкости производства, государственной поддержки отечественных отраслей тяжелой и легкой промышленности, банковского сектора и, конечно же, аграрного комплекса.

Все большую роль начинают играть те отрасли и сектора национальной экономики, которые непосредственно связаны с так называемой «четвертой технологической революцией», в которой производство добавленной стоимости всецело определяется не ресурсной базой, а именно человеческим капиталом, социальным доверием и способами коммуникации между государством и обществом. «Интерес государства, общества и бизнеса к тем или иным секторам и, как следствие, приток средств, трудовых ресурсов и активизация предпринимательства все в большей степени определяются своего рода “модой”, отражающей господствующие представления о перспективности тех или иных секторов и сфер деятельности» [2, с. 17]. Государственная поддержка предпринимательства и промышленного

сектора не должна носить односторонний характер. *Политическое инвестирование* бизнеса как политологический концепт как раз и призвано раскрывать специфику и смысл *взаимовыгодного двустороннего* взаимодействия власти, гражданского общества, институционализированных практик публичного участия деловых кругов в принятии решений.

Теоретическое обсуждение

Считаем необходимым предложить рабочее определение политического инвестирования бизнеса, от которого будем отталкиваться в дальнейшем изучении реальной практики отношений между бизнесом и государством (публичными институциями) и ее концептуальными образами, формируемыми политологическим или экономическим сообществом. *Политическое инвестирование бизнеса следует рассматривать как вид деловой коммуникации власти и хозяйствующих субъектов (промышленных, финансовых кругов, представителей сферы торговли и услуг, аграриев, транспорта и пр.), опирающийся на принципы корпоративной идентификации бизнес-сообщества.*

Цель предлагаемой статьи заключается в том, чтоб сформировать теоретический контур определения политического инвестирования как категории современной политической науки. В качестве такой категории политическое инвестирование интегрально объединяет в себе теорию и практику социальной ответственности бизнеса, а также иные, свойственные именно национальной российской модели экономики, характеристики, связанные с влиянием территориального (географического) фактора, транспортно-логистической обеспеченности и структурированности и т. д.

На наш взгляд, для отечественной модели социально-политического и экономического развития оптимальной является именно корпоративная модель, спроецированная на современные отечественные реалии. В данном случае исходим из имеющегося опыта теоретического толкования отношения между государством и бизнесом. «В современной политической системе действуют две принципиально отличные друг от друга модели взаимодействия бизнеса и государства: плюралистическая и неокорпоративистская. В действительности ни одна из них не действует в чистом виде. Существующие в мире конкретные примеры чаще всего представляют собой некие смещения и переплетения обеих моделей» [3, с. 178]. О сущности неокорпоративизма писал, как известно, Филипп Шмиттер. По мнению ученого, перспективы неокорпоративизма связаны с эволюцией постиндустриальной экономики, процессом миниатюризации свободного труда и дальнейшим углублением урбанизации как универсальной модели организации жизненного пространства в условиях НТР и динамичного развития сетевой цифровой коммуникации [4].

Можно ли утверждать, что реалии отношений между властью и бизнесом в современной России могут быть описаны в терминах неокорпоративизма? Видимо, вряд ли (или с большими оговорками). Главная причина заключается в том, что дифференциация бизнеса на отдельные группы среднего уровня не отражает в полной мере решение задач аккумуляции и мобилизации ресурсов, необходимых для ускорения роста ВВП и иных макроэкономических показателей, обеспечивающих конкурентные преимущества национальной экономики [5]. Классическая модель корпоративизма, связанная органически с концепцией гражданского общества, представляется более ценной с точки зрения конструктивного потенциала своей главной идеи – опосредствования частных и государственных интересов.

Та модель диалога власти и бизнеса, которая сформировалась в постсоветское время на волне критики командно-административной экономики и моноцентристской идеологии в 1990-е г., и которая во многом обосновывалась с опорой на прозападные неолиберальные принципы, сегодня себя исчерпала и не отвечает фундаментальным задачам, стоящим перед обществом и государством. Сохранение и укрепление политического, социокультурного и экономического суверенитета входит в противоречие с действующими на глобальном «рынке» и в глобальном коммуникативном пространстве стандартами «открытого общества». Данные стандарты выражают собой не что иное, как вполне определенные интересы транснациональных финансовых элит. Их тиражирование и экспансия во многом опираются на прогрессивную динамику сетевой формы коммуникации, охватывающей сегодня все более масштабные лакуны коллективного опыта. Столь же очевидным является и невозможность простого повторения или воспроизведения прежней советской политико-экономической парадигмы. *Политическое инвестирование бизнеса на сегодняшний день выступает оптимальным методом организации взаимовыгодного частно-государственного партнерства, сотрудничества органов государственной власти и представителей реального сектора экономики.*

Проблема, требующая своего осмысления и решения, заключается в том, что на сегодняшний день сложилось узкое и весьма ангажированное понимание самого феномена политического инвестирования в качестве простого финансирования определенной политической силы в обществе/регионе. Такое понимание является объективным препятствием для формирования не только научной парадигмы, лежащей в основе политической программы и стратегии руководства страны, но и качественно новой идентичности российского бизнеса, опирающейся на национальные, исторически выработанные и оправданные, ценности, смыслы и цели развития. Важнейшим условием обретения подлинной независимости современной России как глобального политического субъекта и экономического игрока, является кардинальное переосмысление социальной ответственности бизнеса и самой природы хозяйственной деятельности. Ценности личного успеха и обогащения, которые, понятно, не могут быть просто «отменены» директивно, однако, должны дополняться ценностью труда и определенным общественно значимым измерением инвестиционной деятельности и бизнес-проектирования. Такое измерение не исчерпывается полностью лишь одними финансовыми показателями деятельности. Его ключевым звеном является вклад промышленного и финансового капитала в укрепление политической стабильности и социальной целостности общества в целом, отдельного региона, отрасли и т. д.

Такое инвестирование является действительно долгосрочным, поскольку обеспечивает в конечном счете не просто устойчивость политико-правового «порядка», но и прогнозируемый инвестиционный климат в обществе. Без чего экономическое проектирование и вложение денег в национальную экономику оказывается сопряжено с рисками. Именно политическое инвестирование бизнеса является одним из ключевых элементов архитектуры общей экономической и политической устойчивости общества, обеспечивающим снижение рисков, делающих более надежными существующие правовые инструменты регуляции и более прозрачными механизмы бюджетного планирования. Конвертация политического инвестирования бизнеса носит многоуровневый характер.

В соответствии с неолиберальной идеологией, которая проповедовалась в России после 1991 г. вплоть до нашего времени (особенно активно в СМИ), экономическая свобода и экономический суверенитет являются основой политической независимости. Реалии текущей ситуации в мире свидетельствуют о том, что отношение между политической и экономической жизнью страны должно находиться в состоянии равновесия. Определенные иллюзии возможного геополитического будущего России, которые поддерживались с помощью различных агентов западного влияния, какое-то время господствовали в политическом самосознании элиты. С другой же стороны, представители крупного российского бизнеса также не видели оснований для придания ценностного характера долгосрочным инвестициям именно внутри страны, особенно, в отдаленных регионах с повышенными рисками производства. Как итог, масштабные экономические кризисы 1998, 2008-2010 гг., и затем санкционное давление, начиная с 2014 г. и резко возросшее в 2022 г., вскрыли значительные структурные диспропорции российской экономики, ее уязвимость перед лицом внешней политической агрессии или же мировой экономической рецессии (спад потребления энергоресурсов, экспорт которых долгое время составлял основной источник бюджетного наполнения и т. д.). Не следует забывать и о том, что в среде самого российского крупного бизнеса в определенный период времени либеральных «реформ» 1990-х гг. активно педалировалась идея постепенного поглощения институтов государства бизнес-структурами.

Поэтому сегодня остро стоит задача кардинального переосмысления отношений между деловым сообществом и властью. Очевидно, что никакие международные структуры объективно не могут гарантировать российскому бизнесу, его отдельным представителям, сохранение капиталов. Незыблемость частной собственности как краеугольный камень социально-экономической и правовой архитектуры европейского и американского сообщества, отныне носит лишь локальный избирательный характер (в лучшем случае зонтично декларируемый) и не является универсальным практически действующим принципом выстраивания отношений с российским бизнесом.

Ярким примером узкого толкования политического инвестирования выступает оценка явления, которую приводят С. Ю. Барсукова и Е. В. Денисова-Шмидт: под политическим инвестированием понимается «участие бизнеса в финансировании избирательных кампаний» [6, с. 110]. При этом подобное участие может быть двояким: «Пассивное политическое инвестирование бизнеса сводится к удовлетворению финансовых требований власти в области политических проектов (финансирование деятельности партий и избирательных кампаний). ... Активное политическое инвестирование носит добровольный, инициативный характер и направлено на то, чтобы делегировать своих

представителей во власть – в ходе выборов получить мандат депутата, пост мэра или губернатора. ... В рамках пассивного политического инвестирования бизнес приобретает *расположение власти*... Тогда как с помощью активных политических инвестиций – бизнес получает *место во власти*» [6, с. 111].

Данная точка зрения на природу политического инвестирования в современном актуальном политическом внутрироссийском и международном контексте, по нашему мнению, уже не отражает все нюансы, формы и векторы взаимодействия государства и общества, государства и хозяйствующих субъектов. Акцент на «теневом» характере финансовых отношений власти и бизнеса, который делают указанные и другие авторы [7, с. 121], в большей степени отражает состояние политики и экономики страны в постсоветский период пиковой кризисной трансформации, девальвации прежних структур и функций публичных институтов и неустойчивой политической стратегии новых. Ни в коем случае не следует путать политическое инвестирование бизнеса и негативные явления в жизни общества, такие как коррупция. Распространение коррупции как раз свидетельствует о деструктивном тренде в развитии отношений между бизнесом и властью, приводит к появлению таких феноменов, как элитарная преступность и IT-преступность [8–10]. Коррупция является способом заместить пустующие каналы коммуникации между государством и обществом (бизнесом). Временно и локально реализуя частные интересы той или иной группы влияния, в перспективе коррупция действует разрушающе. И тем более является препятствием для формирования устойчивой платформы прогрессивного развития государства и экономики. Значительно снижает инвестиционную привлекательность отечественной экономики на региональном уровне.

Выводы

Итак, политическое инвестирование бизнеса является новой редакцией корпоративной платформы взаимодействия государства и экономических частных структур и субъектов. Как актуальная категория политической теории политическое инвестирование бизнеса объединяет в себе следующие содержательные аспекты:

- опирающаяся на принципы классического корпоративизма деловая коммуникация государства и представители экономического сообщества;
- разновидность долгосрочного инвестирования, снижающая риски и увеличивающая инвестиционную привлекательность национальной экономики;
- способствует снижению уровня коррупции и правового нигилизма в обществе, повышает индекс социального доверия и прозрачности механизмов принятия как политических решений, так и бизнес-проектов;
- выстраивание особого социального партнерства бизнеса и власти, смыслом и целью которого является общее благосостояние страны как условие личного успеха предпринимателей и эффективности государственной экономической политики.

Список источников

1. Гегель Г. В. Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. 524 с.
2. Взаимодействие бизнеса и власти в современной России. Промышленная политика / В.П. Евтушенков, Д.А. Пумпянский (руководители авт. колл.), М.Н. Глухова, М.Г. Кузык, А.Н. Лоцманов, С.Ю. Макаревич, Ю.Л. Максименко, М.В. Попов, В.Г. Рудашевский, Ю.В. Симачев, А.А. Федюнина, Р.Э. Чавдаров, Л.Г. Яковлева. М.: РСПП, 2021 г. 183 с.
3. Костин А. Э. К вопросу о применимости теории корпоративизма Ф. Шмиттера в современном российском политическом пространстве // Управленческое консультирование. 2018. № 2. С. 145–151. DOI 10.22394/1726-1139-2018-2-145-151.
4. Шмиттер Ф. Неокорпоративизм. [электронный ресурс]. - URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Shmitter_1997_2.pdf (дата обращения 02.02.2024).
5. Попенко А. В., Слинко А. А. Современные модели взаимодействия бизнеса и власти в России // Регион: системы, экономика, управление. 2018. № 1 (40). С. 177-182.
6. Барсукова С. Ю., Денисова-Шмидт Е. В. «Политические инвестиции» бизнеса в России, или почему бизнес финансирует избирательные кампании // Полис. Политические исследования. 2020. № 3. С. 110-125. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.03.08>.

7. Барсукова С. Ю., Звягинцев В. И. Механизм политического инвестирования, или Как и зачем российский бизнес участвует в выборах и оплачивает партийную жизнь // *Полис. Политические исследования*. 2006. № 2. С. 110–121 <https://doi.org/10.17976/jpps/2006.02.09>.

8. Григорян Д. К., Яцкина И. А. IT-преступность как обратная сторона цифровизации общества // *Научное обеспечение раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. Материалы Всероссийской научно-практической конференции*. Иркутск, 2023. С. 30–35.

9. Григорян Д. К. Элитарная преступность как объект изучения уголовно-правовых наук: к вопросу о постановке научной проблемы // *Философия права: науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону*. 2023. № 1 (104). С. 60–65.

10. Григорян Д. К., Сантросян А. Г. Бизнес-элита как субъект социальной ответственности // *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление*. 2023. № 11 (162). С. 129–132.

References

1. Hegel G. V. F. *Philosophy of Law*. Moscow: Mysl, 1990. 524 p. (In Russ.)
2. *Interaction between business and government in modern Russia. Industrial Policy*. Moscow: RSPF; 2021. 183 p. (In Russ.)
3. Kostin A. E. To the question of the applicability of F. Schmitter's theory of corporatism in the modern Russian political space. *Management Consulting*. 2018;(2):145–151. DOI 10.22394/1726-1139-2018-2-145-151. (In Russ.)
4. Schmitter F. *Neocorporativism*. [electronic resource]. Available from: URL: http://www.civ-isbook.ru/files/File/Shmitter_1997_2.pdf [date of circulation 02.02.2024]. (In Russ.)
5. Popenko A. V., Slinko A. A. Modern models of interaction between business and government in Russia. *Region: systems, economics, management*. 2018. 1 (40): 177-182. (In Russ.)
6. Barsukova S. Y., Denisova-Schmidt E. V. "Political investments" of business in Russia, or why business finances election campaigns. *Polis. Political Studies*. 2020. (3): 110-125. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.03.08>. (In Russ.)
7. Barsukova S. Yu., Zvyagintsev V. I. Mechanism of political investment, or How and why Russian business participates in elections and pays for party life. *Polis. Political Studies*. 2006;(2):110-121 <https://doi.org/10.17976/jpps/2006.02.09>. (In Russ.)
8. Grigoryan D. K., Yatskina I. A. IT-crime as the reverse side of digitalization of society. *Scientific support of detection, investigation and prevention of crimes. Materials of the All-Russian scientific-practical conference*. Irkutsk, 2023: 30-35. (In Russ.)
9. Grigoryan D. K. Elite criminality as an object of study of criminal-legal sciences: to the question of the statement of the scientific problem. *Philosophy of Law: scientific-theoretical journal*. 2023;1(104):60–65. (In Russ.)
10. Grigoryan D. K., Santrosyan A. G. Business elite as a subject of social responsibility. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management*. 2023;11(162):129–132 (In Russ.)

Информация об авторе

Д. А. Фомин – аспирант кафедры политологии и этнополитики ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the author

D. A. Fomin – Postgraduate Student at the Department of Political Science and Ethnopolitics, South Russian Institute of Management – branch of RANEPA.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 11.04.2024; одобрена после рецензирования 28.05.2024; принята к публикации 29.05.2024.

The article was submitted 11.04.2024; approved after reviewing 28.05.2024; accepted for publication 29.05.2024.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Научная статья должна соответствовать профилю журнала, быть ориентированной на актуальные проблемы управления, экономики, политологии, социологии.

При подготовке статьи необходимо руководствоваться ГОСТ Р 7.07-21 «Статьи в журналах и сборниках. Издательское оформление».

Объем научной статьи должен быть от 10 до 20 тыс. знаков. Шрифт Times New Roman, 14 кегль, межстрочный пробел – 1,5 интервала, поля по 2 см по периметру страницы, абзацный отступ – 1 см. Таблиц должно быть не более 3-х. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком на русском и английском языках. Все графы в таблицах должны также иметь заголовки.

Иллюстративные материалы (рисунки, графики, схемы) должны быть четко читаемыми, черно-белыми, сгруппированными в единый объект, также не более 3-х, их название должно быть представлено на русском и английском языках.

Структура представляемого материала:

1) Научная статья должна быть классифицирована – иметь УДК, указываемый в левом верхнем углу материала.

2) На русском и английском языках:

- заголовок статьи;

- имя, отчество фамилия автора полностью. На следующей строке – организация (вуз), город, страна, код ORCID, электронная почта автора. Ученая степень, звание и другие сведения указываются после списка литературы под заголовком «Информация об авторе/Information about the author»;

- аннотация (до 250 слов);

- ключевые слова или словосочетания, несущие в тексте основную смысловую нагрузку (9-15).

Ключевые слова должны браться из текста научной статьи и выражать ее содержание.

3) Список литературы на русском языке следует оформлять в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008. «Библиографическая ссылка». В список не включаются: нормативные акты, статистические сборники, официальные документы, архивные материалы, интернет-публикации. Ссылки на такие материалы следует давать в тексте подстрочными примечаниями (сносками).

Список литературы должен включать от 10 до 20 научных источников (статьи, монографии), причем публикации самого автора(ов) статьи могут составить не более 20 % списка.

Ссылки на литературу оформляются по тексту в квадратных скобках (например, [3, с. 15-16]), а список литературы, составленный в порядке встречаемости ссылок, помещается за текстом.

В публикациях в списке литературы для каждого источника должно быть указано общее число страниц (например: *Гончаров В.И.* Институционализация системы местного самоуправления в Российской Федерации. Конституционно-правовое исследование. М.: Проспект, 2016. 268 с.) либо (для статей из журналов и сборников) диапазон страниц, на которых находится статья (например: *Змяк С.С., Игнатова Т.В., Хашева И.А.* Реализация активных мер государственной политики занятости на рынке труда Ростовской области // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2016. № 4. С. 30–40).

После списка литературы на русском языке приводится References (список литературы на английском языке, представленный согласно стилю оформления Vancouver).

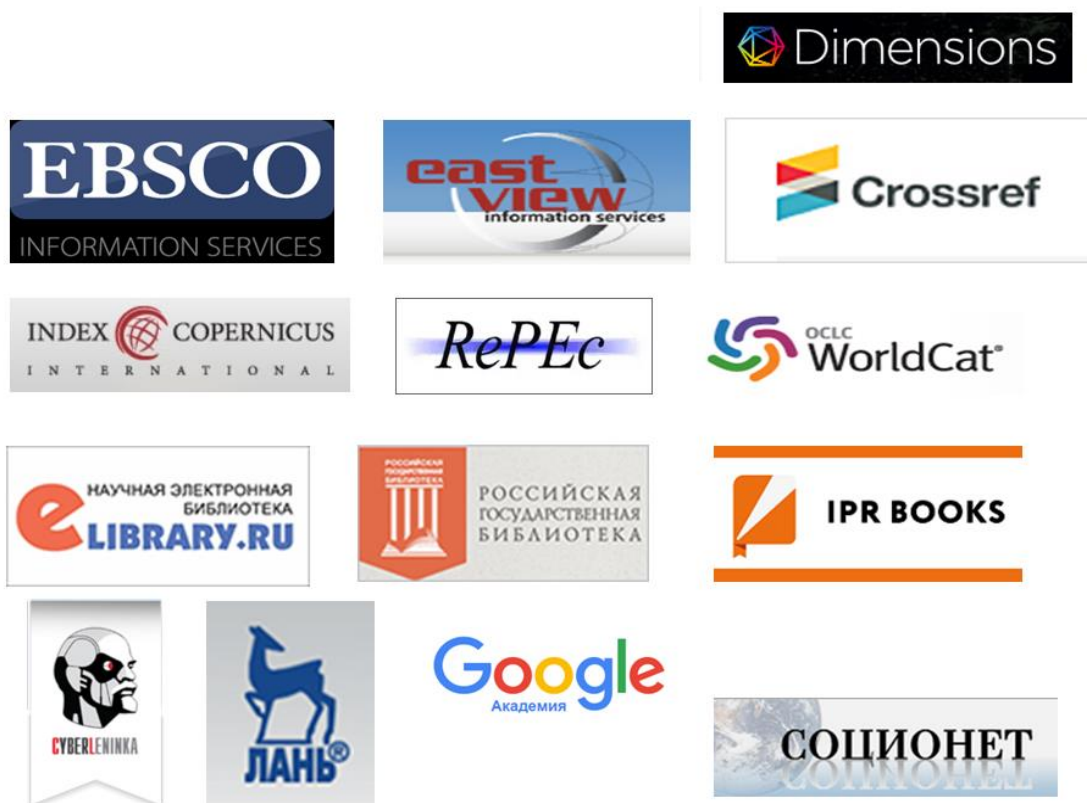
4) На последней странице автором указывается: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений ограниченного распространения. Научная статья проверена в системе «Антиплагиат». Научная статья должна иметь не менее 80 % оригинальности текста.

Научные статьи предоставляются по адресу: 344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54, ЮРИУ РАНХиГС. Редакция журнала «Государственное и муниципальное управление. Ученые записки». Тел. 8(863) 203-63-89; e-mail: jurnal@uriu.ranepa.ru; <http://upravlenie.uriu.ranepa.ru/>

ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ.
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

НАУЧНЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 2. 2024

Выход в свет 28.06.2024. Гарнитура Cambria. Формат 60x84 1/8.
Офсетная печать. Бумага офсетная. Объем 20 п.л. Тираж 100 экз. Заказ 3153-24

Адрес издателя:

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
119571, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Тропарево-Никулино,
пр-кт Вернадского, д. 82, стр. 1.

Адрес редакции:

Южно-Российский институт управления – филиал
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54.

Свободная цена

Отпечатано в типографии ООО «Амирит»
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88. Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33
E-mail: zakaz@amirit.ru. Сайт: amirit.ru